

Визит
1895

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

5
АВГУСТЪ.

МОСКВА.

Типо-лит. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,

Нямецкая ул., собств. домъ.

1895.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ХЛѢБЪ. (Романъ). <i>Окончаніе</i> .—Д. Н. Мамина-Сибиряна.	1
II. МАРЧЕЛЛА. Романъ мистръс Уордъ. Переводъ съ англійскаго А. С. М. <i>Продолженіе</i>	50
III. ГУБЕРНАТОРСКАЯ РЕВИЗІЯ. (Повѣсть).—Вл. И. Немировича-Данченко.	100
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Н. Д. Бальмонта.	148
V. КАМО ГРЯДЕШИ? (QUO VADIS). Романъ изъ времяъ Нерона. Гейрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе</i>	151
VI. ЦЕЗАРЬ ЛОМБРОЗО, КАКЪ УЧЕНЫЙ И МЫСЛИТЕЛЬ. <i>Продолженіе</i> .—И. Д—ова	1
VII. НОВЫЙ РАСКОЛЪ ВЪ НАШЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. — Л. Е. Оболенскаго.	29
VIII. ИСПОВѢДЪ ЗАГАДОЧНОЙ НАТУРЫ.—И. И. Иванова.	49
IX. БРЕСТЯНСКІЯ ПЕРЕСЕЛЕНІЯ ВЪ СИБИРЬ.—А. А. Ч.	80
X. НОРВЕГІЯ И ЕЯ ОБИТАТЕЛИ. (<i>Hugues le Roux: «Notes sur la Norvège»</i>).—М. А. Ш.	97
XI. ГАМЛЕТЪ. Георга Брандеса. Переводъ съ датскаго В. М. С.	112
XII. ВОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВО ВЪ РОССИИ. — И. Н. Миклашевскаго.	138
XIII. ОТВѢТЬ Г. МЕНЬШИКОВУ.—О. Т. В.	157

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ВЫШЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

„Повѣсти и Разказы“

Элизы Ожешковой

(Съренъкая идиллія.—Сильный Самсонъ.—Хамъ.—Подвижница).

Переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 80 коп.

СЕМЬЯ ПОЛАНЕЦКИХЪ.

Романъ Генрика Сенкевича. Переводъ В. М. Лаврова.

Цѣна 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

Маленькій приходъ.

Романъ Альфонса Додэ. Переводъ М. Н. Ремезова.

Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп.

Складъ въ книжномъ магазинѣ В. М. Лаврова, при редакціи журнала „Русская Мысль“ (Москва, уголъ Большой Никитской ул. и Леонтьевского пер., д. № 2—24).

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчики „Русской Мысли“ пользуются уступкою 10%.

Поступило въ продажу новое изданіе редакціи
журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“:

„ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ“.

В. А. ГОЛЬЦЕВА.

Цѣна 1 рубль; пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЯ

въ книжномъ магазинѣ „Русской Мысли“

В. М. Лаврова

(Москва, уг. Б. Никитской ул. и Леонтьевского пер., домъ 2—24).

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
НОВОЕ ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ОСТРОВЪ САХАЛИНЪ.

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ).

А. П. ЧЕХОВА.

Цѣна 2 рубля.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ журнала «Русская Мысль»
В. М. Лаврова (Москва, уголъ Б. Никитской ул. и Леонтьевского
пер., д. № 2—24).

ПО СОГЛАШЕНІЮ РЕДАКЦИИ

„Энциклопедическаго словаря“ Брокгауза и Ефрона

И РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“,

въ книжномъ магазинѣ журнала «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимается подписка на означенный словарь въ разсрочку, причемъ вносится 10 руб. задатка и затѣмъ уплачивается по 3 рубля въ мѣсяць. По полученіи задатка выдаются вышедшіе полутомы.

Словарь издается подъ редакціей К. К. Арсеньева и проф. Ѳ. О. Петрушевскаго, при участіи редакторовъ отдѣловъ: проф. А. Н. Бекетова, С. А. Венгерова, проф. А. И. Воейкова, проф. Н. И. Карѣва, проф. Д. И. Менделѣва, проф. В. Т. Собичевскаго, В. С. Соловьева и проф. П. Ѳ. Соловьева.

175944

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

КНИГА VIII

МОСКВА.

—
1895.

P 504 605 10

✓

YARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
MAY 26 1934

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ХЛѢБЪ. (Романъ). <i>Окончаніе</i> .—Д. Н. Мамина-Сибиряна. . .	1
II. МАРЧЕЛЛА. Романъ мистрисъ Уордъ. Переводъ съ англійскаго А. С. М. <i>Продолженіе</i>	50
III. ГУБЕРНАТОРСКАЯ РЕВИЗІЯ. (Повѣсть).—Вл. И. Немировича-Данченко.	100
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Н. Д. Бальмонта.	148
V. КАМО ГРЯДЕШИ? (QUO VADIS). Романъ изъ времени Нерона. Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе</i>	151
VI. ЦЕЗАРЬ ЛОМБРОЗО, КАКЪ УЧЕНЫЙ И МЫСЛИТЕЛЬ. <i>Продолженіе</i> .—И. Д—ова	1
VII. НОВЫЙ РАСКОЛЪ ВЪ НАШЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. — Л. Е. Оболенскаго.	29
VIII. ИСПОВѢДЪ ЗАГАДОЧНОЙ НАТУРЫ.—И. И. Иванова. . . .	49
IX. КРЕСТЬЯНСКІЯ ПЕРЕСЕЛЕНІЯ ВЪ СИБИРЬ.—А. А. Ч.	80
X. НОРВЕГІЯ И ЕЯ ОБИТАТЕЛИ. (<i>Hugues le Roux: «Notes sur la Norvège»</i>).—М. А. Ш.	97
XI. ГАМЛЕТЪ. Георга Брандеса. Переводъ съ датскаго В. М. С.	112
I. ВОДНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВО ВЪ РОССІИ. — И. Н. Миклашевскаго.	138
II. ОТВѢТЪ Г. МЕНЬШИКОВУ.—О. Т. В.	157

Х Л Ъ Б Ъ).

(Романъ).

ЭПИЛОГЪ.

I.

Скитскіе старцы ѣхали уже второй день. Сани были устроены для ѣзды въ лѣсу, некованья, безъ отводовъ, узкія и на высокихъ копыльяхъ. Когда выѣхали на настоящую твердую дорогу, по которой заводскіе углепоставщики возили изъ буреней на заводы уголь, эти лѣсныя сани начали катиться какъ по маслу и нѣсколько разъ перевертывались. Сколфуженная лошадь останавливалась и точно съ укоромъ смотрѣла на валявшихся по дорогѣ сѣдоковъ.

— Эхъ, Аноимъ, не умѣешь ты править!

— А ты самъ попробуй, Михай Зотычъ, родимый мой.

— И попробую... Ты, значить, садись въ самый задъ, а я на облучокъ. Ну, вотъ такъ...

— Стой!... Вывалишь!... Держи правѣ!...

Сани раскатывались и крушеніе повторялось. Скитскіе старцы даже повздорили изъ-за этого обстоятельства и напрасно мѣнялись мѣстами, показывая свое искусство.

Дѣло дошло чуть не до драки, когда въ одномъ ложкѣ при спускѣ съ горы сани перевернулись на всемъ раскатѣ вверхъ пологьями, такъ что сидѣвшій назади Михай Зотычъ рѣдкой улетѣлъ прямо въ снѣгъ, а правившій лошадей Аноимъ протащился, запутавшись въ возжахъ, саженъ пять на собственномъ чревѣ.

— Вѣдь, я тебѣ говорилъ: держи право! — кричалъ озлившійся Михай Зотычъ, съ трудомъ вылѣзая изъ снѣга.

— Ну, говорилъ?... Я и держу, а сани влѣво и отнесло...

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

— Держу, держу! — передразнилъ его Михай Зотычъ. — Худая ты баба, вотъ что... Тебѣ кануны по упокойнигамъ говорить, а не на коняхъ ѣздить.

— И ты хорошъ, заводскій варнакъ! — вскипѣлъ Анеимъ. — Сколько разовъ-то вывалилъ самъ? Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала... Самъ ты баба!...

— Нѣтъ, ты... Я говорю: держи право! А ты...

Скитники стояли посреди дороги, размахивая руками, старались перекричать другъ друга и совсѣмъ не замѣтили, какъ съ горки спустились пустые угольные коробья, изъ которыхъ выглядывали черныя отъ угольной пыли лица углевозовъ.

— Запали его въ ухо, дѣдко! — крикнула одна черная рожа.

— Ну, вали, другой дѣдко!... Экъ, орутъ, точно черти надъ нашей!

Первымъ опомнился Анеимъ и даже испугался, когда, наконецъ, замѣтилъ черныя рожи углевозовъ, — настоящій чортовъ поѣздъ. Онъ сердито отплюнулся, а потомъ перекрестился.

— Охъ, навожденіе, Михай Зотычъ! — виновато бормоталъ онъ. — Прости, родимый, на скоромъ словѣ...

— Богъ тебя простить... А только ты, все-таки, вправо долженъ былъ держать... да.

Старики усѣлись и поѣхали. Михай Зотычъ продолжалъ ворчать, а старецъ Анеимъ только встряхивалъ головой и вздыхалъ. Когда поѣздъ углевозовъ скрылся изъ виду, онъ остановилъ лошадей, слѣзъ съ облучка, подошелъ къ Михайю Зотычу, наклонился къ его уху и шепотомъ заговорилъ:

— И что я тебѣ скажу, родимый мой...

— Ну, што? — тоже шепотомъ спрашивалъ Михай Зотычъ, озираясь по сторонамъ.

— А ты не замѣтилъ ничего, родимый мой? Мы-то тутъ споримся, да перекоряемся, да худыя слова выговариваемъ, а онъ насъ толкаетъ да толкаетъ... Я-то это давно примѣчаю, а какъ онъ швырнулъ тебя въ снѣгъ... А тутъ и самъ объявился въ пресскверномъ образѣ... Ты думаешь, это углевозы ѣхали? Это онъ ѣхалъ съ своимъ сонмомъ, да еще посмѣялся надъ нами... Любо ему, какъ скитники вздорять.

Для Михея Зотыча все сдѣлалось ясно. Онъ тоже вылѣзъ изъ саней и бухнулъ въ ноги Анеиму.

— Прости, отче, на скоромъ словѣ...

— Богъ тебя простить, Михай Зотычъ...

Оглядѣвшись, Анѳимъ подмигнулъ и проговорилъ опять шепотомъ:

— Пусть *онъ* теперь поликуетъ, всескверный лъстець... То-то давеча я замѣчаю, что держу вправо, а сани относить влѣво. А это *онъ* своей мерзкой лапой уцѣпить и тащить...

— А я слышалъ, какъ онъ богтемъ царапалъ, — шепотомъ же сообщалъ Михей Зотычъ, — въ томъ родѣ, какъ песь въ двери скребется...

— Вотъ, вотъ... Посмѣялся *онъ* надъ нами, потому *его* время настало. Охъ, горе душамъ нашимъ!... Покуда лѣсомъ ѣхали, по снѣгу, такъ *онъ* не смѣлъ коснуться, а какъ выѣхали на дорогу, и началъ приставать... *Онъ* теперь вездѣ по дорогамъ шляется, — самое любезное для него дѣло.

Дальше скитники ѣхали молча и только переглядывались и шептали молитвы, когда на раскатахъ разносило некованья сапп. Они еще вывадились разъ пять, по ничего не говорили, а только опасно озирались по сторонамъ. Въ одномъ мѣстѣ Анѳимъ больно зашибъ руку и только улыбнулся. Охъ, не любить антихристь, когда обличаютъ его лестныя кознованія!... Вонъ какъ ударилъ, и прямо по рукѣ, которая творить крестное знаменіе. На, чувствуй, старецъ Анѳимъ!

Въ Букарскій заводъ скитники пріѣхали только вечеромъ, когда начало стемнѣться. Время было рассчитано раньше. Они остановились у нѣкотораго доброхота Василя, у котораго изба стояла на самомъ краю завода. Старецъ Анѳимъ внимательно осмотрѣлъ дымившуюся паромъ лошадь и только покачалъ головой. Вѣдь, кажется, скотина, тварь безсловесная, а и ту не пожалѣлъ *онъ*, — вотъ какъ упарилъ, точно съ возомъ, милая, шла.

— Знаменія влѣвь творятся, — шепотомъ сообщилъ Анѳимъ своему спутнику, когда вошелъ въ избу. — Я лошадь-то рогожкой прикрываю, а она, милая, вся трясется со страху... Тоже чувствуетъ, хоша объяснить и не можетъ по своей безсловесности. Охъ, искушеніе, Михей Зотычъ!...

— А ты не малодушествуй... Не то еще увидимъ. Власть пер-вго звѣря царить, имя же ему шестьсотъ и шестьдесятъ и шесть... Изъ одною лошадью *онъ* теперь трясеть, а всѣми потряхиваетъ, какъ внигами. Стенанія и вопль много въ боголюбивыхъ народахъ, и о и земля затворилась за наши грѣхи.

Доброхотъ Василя помѣстилъ гостей въ заднюю избу, чтобы и кто не видѣлъ скитниковъ. Неровень часъ, и чужой человекъ и чернется, да и бабешки тоже разнести могутъ.

— Ну, что, Васильюшко, какъ дѣла? — спрашивалъ Анеимъ.

— И не говори, отецъ честной... Глаза бы не глядѣли. Скотинку теперь распродаютъ... Не то что скотинѣ, а самимъ жевать нечего. Пудигъ ржаной мучки за цѣлковый перешелъ еще объ Рождествѣ, а общаются въ два вогнать.

— Ну, вамъ-то съ полугория: фабрика провормить.

— Работы сокращаютъ вездѣ по заводамъ... Вездѣ худо. Ужь какъ только народъ дотянетъ до осени... Бѣдуютъ вездѣ, а башвырь мретъ цѣлыми деревнями. Страсти рассказываютъ.

— Слышали мы про бѣду... Не первый годъ она копилась. Главное, народъ ослабѣлъ.

Микей Зотычъ только слушалъ и молчалъ, моргая своими красными вѣками. За двадцать лѣтъ онъ мало измѣнился, только сдѣлался ниже. И все такой же бодрый, хотя ужъ ему было подъ девяносто. Онъ, попрежнему, сосалъ ржаныя корочки и запивалъ водой. Старецъ Анеимъ оставался все такимъ же чернымъ жугомъ. Время для скитниковъ точно не существовало.

Разговоры съ доброхотомъ Василюмъ шли далеко за полночь, особенно когда зашла рѣчь о дешевомъ сибирскомъ хлѣбѣ.

— Вся надежда у насъ теперь на него, на сибирскій хлѣбушко, — повторялъ убѣжденно Василий. — Только бы весны дожидаться, когда рѣки пройдутъ... Тамъ, сказываютъ, пудигъ-то мучки стодить всего-на-все 17 копѣечекъ. Вотъ какое дѣло, честные отцы!

Скитники на брезгѣ уже ѣхали дальше. Свои лѣсные сани они оставили у доброхота Василя, а у него въ замѣнъ взяли обыкновенныя пошевни, съ отводами и подгованными полозьями. Теперь ужъ на раскатахъ экипажъ не валился на бокъ, и старики переглядывались. Надо полагать, онъ отсталъ. Побился-побился и бросилъ. Впрочемъ, теперь другіе интересы и картины захватывали ихъ. По дорогѣ то и дѣло попадали пѣшеходы, истомленные, худые, оборванные, съ отупѣвшимъ отъ истомы взглядомъ. Это брели изъ голодавшихъ деревень въ Бугарскій заводъ.

— Охъ, сердяги! — вздыхалъ Анеимъ. — Бугарскимъ-то самимъ ѣсть нечего...

Голодные, очевидно, плохо разсуждали и плелись на заводы въ надеждѣ найти какой-нибудь заработокъ. Большинство — мужики, за которыми по деревнямъ оставались голодавшія семьи. По пословицѣ, голодъ въ мѣрѣ гналъ.

Самое сильное впечатлѣніе произвели первыя встрѣчи, и скитники роздали всѣ свои скитскіе подорожники. Дальше и помогать было нечѣмъ... Скитскіе старцы не представляли себѣ по чужимъ

рассказамъ бѣдствія въ такихъ размѣрахъ. Изъ деревень брела настоящая рабочая сила. Сердце поворачивалось смотрѣть на этихъ мужиковъ, которые не ѣли по два, по три дня. Молчаливыя мѣки написаны были на лицахъ, свѣтились лихорадочнымъ свѣтомъ въ глазахъ и каждое движеніе точно было связано этою голодною мѣкой. Въ одномъ мѣстѣ прямо на снѣгу лежалъ пластомъ молодой мужикъ, выбившійся изъ силъ. Скитники ѣхали и не могли ничѣмъ помочь.

Въ другомъ мѣстѣ скитники встрѣтили еще болѣе ужасную картину. На дорогѣ сидѣли двое башкиръ и прямо выли отъ голодныхъ коликъ. Страшно было смотрѣть на ихъ искаженные лица, на дикіе глаза. Одинъ погнался за проѣзжавшими мимо пошевнями на четверенькахъ, какъ дикій звѣрь, — не было силъ подняться на ноги. Старецъ Аноимъ струсилъ и погналъ лошадь. Михай Зотычъ закрылъ глаза и молился вслухъ.

— Что же это такое? — спрашивалъ Аноимъ. — Последнія времена настали, Михай Зотычъ...

— И давно настали... Хлѣбушко извели на винице, а онъ стрыгнулъ желѣзомъ, ситцами, самоварами да блондами.

— А какъ ты полагаешь насчетъ орды? Вѣдь, тоже живая душа...

— Голодъ-то всѣхъ сравнялъ... Онъ всѣхъ донимаетъ и всѣ равны предъ его лицомъ.

Самую ужасную картину представляла башкирская деревня, — первая станція по заводскому тракту. Башкирія прилежала къ горамъ, а русскія поселенія уже шли дальше. Башкиры голодали и вымирали каждую зиму, такъ сказать, нормальнымъ образомъ, а теперь получалось нѣчто ужасное. Половина башкирскихъ избъ пуста, — хозяйева или вымерли, или разбрелись, куда глаза глядятъ. Нужно было покормить лошадь на постояломъ и скитники отправились посмотреть. Они въ первой же жилой избѣ натолкнулись на ужасающую картину: на нарахъ сидѣла старуха и выла, схватившись за животъ; въ углу лежала башкирка помоложе, спрятавъ голову въ какое-то тряпье, — несчастная не хотѣла слышать вой, стонувъ и плача ползавшихъ по избѣ голодныхъ ребятишекъ.

Михей Зотычъ побѣжалъ на постоянный дворъ, купилъ ковригу хлѣба и притащилъ ее въ башкирскую избу. Нужно было видѣть, какъ всѣ кинулись на эту ковригу, вырывая куски другъ у друга. Люди обезумѣли отъ голода и бросались другъ на друга, какъ дикіе звѣри. Михай Зотычъ стоялъ, смотрѣлъ и плакалъ... Слабъ чело-вѣкъ, немощень, а велика его гордыня.

Возвращаясь на постоялый, скитники встрѣтили сельскаго старосту и пристали къ нему съ разспросами, чего смотреть начальство.

— Какъ не смотрѣть, смотреть начальство, — спокойно отвѣтил башкирь. — Бульно хорошо смотреть.

— А гдѣ у васъ общественный магазинъ?

— Мало-мало посмотри...

Староста привелъ стариковъ къ общественному магазину, растворилъ двери, и скитники отступили въ ужасъ: въ амбарѣ, вмѣсто хлѣба, сложены были зачоченѣвшіе трупы замерзшихъ башкирь.

— Это урядникъ на дорогѣ собиралъ, — объяснилъ невозмутимо башкирь. — Урядникъ все смотреть.

Вернувшись на постоялый дворъ, старецъ Анѳимъ заявилъ:

— Ну, Михей Зотычъ, поѣдемъ-ка мы назадъ въ свиты... Помирать, такъ помирать честно, у себя дома.

— Какъ знаешь честной отецъ. А я поѣду дальше... Миѣ нельзя.

Анѳимъ только вздохнулъ и отринулъ накатившій малодушный стихъ

II.

Самыя ужасныя картины голода были именно въ «ордѣ». И безъ того башкиры вымираютъ во время зимнихъ голодовокъ, а тутъ вымирали вдвойнѣ. Помощи уже ни откуда не могло быть. Обыкновенно орда по зимамъ кормилась около русскихъ деревень, а теперь и тамъ ничего не было. Михей Зотычъ захватилъ съ собой всѣ свои капиталы и потихоньку творилъ тайную милостыню. Съ нимъ было до пятидесяти тысячъ, которыя онъ везъ на раздачу своимъ старовѣрамъ, но кругомъ стояла такая отчаянная нужда, что не было уже своихъ и чужихъ, а просто умиравшіе съ голоду. Денегъ старикъ не любилъ давать, а закупалъ, гдѣ только могъ, хлѣбъ и помогалъ натурой. Да и что значили въ такое время кагія-нибудь пятьдесятъ тысячъ — баля въ морѣ. Море народной бѣды выступало изъ береговъ.

Скитники по краю Башкиріи, прилегавшему къ горамъ, проѣхали въ земли козачьяго оренбургскаго войска, гдѣ своихъ было достаточно. Михею Зотычу давно хотѣлось пробраться въ этотъ завѣтный край, о которомъ ходила красная молва. Главное, земли было вдоволь, по тридцати десятинъ на душу, и какой земли — черноземъ, какъ овчина. Особенно на-слуху были вѣрныя степныя

травы, росшія на солончакахъ. Всякая скотина отгуливалась здѣсь, какъ на коврѣ. Но первыя же станицы поразили скитниковъ своимъ убожествомъ, напоминавшимъ убогую башкирскую городьбу. Козачья лѣнь такъ и лѣзла въ глаза.

— Охъ, лѣнныя козаченьки! — повторялъ Михай Зотычъ, опытнымъ хозяйскимъ глазомъ оглядывая всякую мелочь. — Пожалуй, не далеко отстали отъ башкыръ-то.

— Есть лѣнца, — соглашался Анеимъ. — Неужелно живутъ. Нога за ногу задѣваетъ.

Въ одномъ мѣстѣ Михай Зотычъ возмутился до глубины души.

— Погляди-ка, Анеимъ, на козачью работу!

Анеимъ смотрѣлъ кругомъ на снѣжную поляну и ничего не понималъ.

— Не видишь? — злился Михай Зотычъ, останавливая лошадь. Онъ вылѣзъ изъ саней, пошелъ въ сторону и принесъ нѣсколько сухихъ дудокъ, торчавшихъ изъ-подъ снѣга.

— Это какъ называется?

— У насъ дудкой медвѣжьей зовутъ.

— А што это обозначаетъ? Ахъ, Анеимъ, Анеимъ! Ничего-то ты не понимаешь, честной отецъ! Гдѣ такая дудка будетъ расти? На некошенномъ мѣстѣ... Значить, трава прошлогодняя осталась — вотъ тебѣ и дудка. Кругомъ скотина отъ безкормицыдохнетъ, а козачки некошенную траву оставляютъ... Охъ, бить ихъ некому!

Всѣ станицы ходили одна на другую и вездѣ были одни и тѣ же порядки. Не хватало рукъ, чтобъ управиться съ землей, и некому ее было сдавать, — арендная плата была отъ 20-ти до 50-ти копѣекъ за десятину. Прямо смѣшная цѣна... Далекое ли податься до башкыръ, и тѣ вонъ сдаютъ поблизости отъ заводовъ по 3 рубля десятина. Козачки-то, пожалуй, похуже башкыръ оказали себя.

Станичники тоже голодали, а, главнымъ образомъ, нечѣмъ было кормить скотину, которую и продавали за безцѣногъ.

— Охъ, вы бы лѣнь-то вашу куда-нибудь продали! — корилъ Михай Зотычъ. — Живете только однимъ годомъ, отъ урожда до урожда. Хотъ бы солому-то оставляли скотинѣ... Вѣдь, годъ на годъ не приходится, миленькіе.

Огорчили станичники Михея Зотыча. Очень ужъ лѣнныя и прямо отъ себя голодаютъ. Къ вину тоже очень припадошны, — башкыры хотъ лѣнныя, да вина не пьютъ.

— Ну, тутъ и смотрѣть нечего, — рѣшилъ Михай Зотычъ. — Хлѣбъ-то тоже къ рукамъ. Владеютъ городомъ, а помираютъ голоднѣ.

Причина козачьей голодовки была налицо: беспросыпная козачья лѣнь, кабаки и какая-то дѣтская беззаботность о завтрашнемъ днѣ. Если крестьянинъ голодаетъ отъ своихъ четырехъ десятинъ надѣла, такъ его и Богъ простить, а голодать да морить моромъ скотину отъ тридцати—прямо грѣшно. Конечно, жаль малыхъ ребятъ да скотину, а ничѣмъ не поможешь,—подъ лежачь камень и вода не течеть.

Изъ станицъ Михай Зотычъ повернулъ прямо на Блючевую, гдѣ уже не былъ года три. Хорошаго и тутъ мало было. Народъ совсѣмъ выбился изъ всякой силы. Около десяти лѣтъ уже выпадали недороды, но покрывались то степнымъ хлѣбомъ, то сибирскимъ. Своихъ запасовъ уже давно не было и хозяйственное равновѣсіе нарушилось въ корни. И тутъ пшеничники плохо пахали, не хотѣли удобрять землю и везли на рынокъ послѣднее. Всякій разчитывалъ перекрыться урожаемъ, а земля точно затворилась.

— Ручки любить земелька-то матушка!—вздыхалъ Михай Зотычъ.—Черная земелька родить бѣленькій-то хлѣбець и черныхъ ручекъ требуетъ... А пшеничники позазнались малымъ дѣломъ. И черному бы хлѣбцу рады, да и его не родилъ Господь... Охъ, миленькіе, отъ себя страждете!... Лакомство-то свое, видно, подороже всего, а вотъ Господь и нашель.

Эти строгія теоретическія разсужденія разлетались прахомъ при ближайшемъ знакомствѣ съ дѣломъ. Конечно, и пшеничники виноваты, а съ другой стороны выдвигалась масса такихъ причинъ, которыя уже не зависѣли отъ пшеничниковъ. Первое дѣло, своя собственная темнота одолѣвала, тотъ душевный гладъ, о которомъ говоритъ Писаніе. Пришли волки въ овечьей шкурѣ и воспользовались мглой... По закону разорили цѣлый край. И какъ все просто: комаръ носу не подточить.

Въ Суслонѣ пріѣхали ночью. Только въ одномъ поповскомъ домѣ свѣтился огонекъ. Гдѣ-то ревѣла голодная скотина. Во многихъ мѣстахъ солома съ крышъ была уже снята и ушла на кормъ. Вотъ до чего дошло! Вѣяло отъ всего зловѣщею голодною тишиной. На встрѣчу вышла голодная собака, равнодушно посмотрѣла на пріѣзжихъ, понюхала воздухъ и съ голодною зѣвотой отправилась въ свою конуру.

— И песь передъ хлѣбомъ смиряется,—подумалъ Михай Зотычъ, припоминая старинную поговорку.

Емельянь уѣхалъ съ женой въ Заполюѣ, а на мельницѣ оставался одинъ Симонъ. Въ первую минуту старикъ не узналъ сына,—такъ онъ измѣнился за этотъ короткій срокъ.

— Ну, здравствуй, сынокъ.

— Здравствуй, тятенька.

— Вотъ прѣхалъ посмотрѣть, какъ вы тутъ поживаете.

— А ничего... Вездѣ одно и то же.

— Видѣлъ, милый, что ничего... Хоть шаромъ покати... да.

Чисто живете, однимъ словомъ. Давно мельница-то стоитъ?

— А съ осени... Нечего молотъ. Вотъ ждемъ сибирскаго хлѣба.

— Ждите, миленькіе... Только какъ бы онъ мимо рта не проѣхалъ. Очень ужъ вы любите дешево-то.

Отца Симонъ принялъ довольно сухо. Пржняго страха точно и не бывало. Михай Зотычъ только жевалъ губами и не спрашивалъ, гдѣ невѣстка. Наталья Осиповна видѣла въ окно, какъ подъѣхалъ старикъ, и нарочно не выходила. Не велико кушанье, — подождать. Михай Зотычъ сейчасъ же сообразилъ, что Симонъ находится въ полномъ рабствѣ у старой жены, и захотѣлъ ее проучить.

— Ну, спасибо, сынокъ, за хлѣбъ-соль, — заявилъ онъ, поднимаясь.

— Папаша, куда вы? — спросилъ Симонъ. — Наташа сейчасъ выйдетъ.

— Какая Наташа?

— Жена Наташа.

— Ну, и пусть выходитъ, когда проспится. Прежде-то снохи свекоровъ за ворота выскакивали встрѣчать, а нынче свекоры должны ихъ ждать, какъ барынь... Нѣтъ, это ужъ не модель, Симонъ Михеичъ. Я вотъ тебѣ загадку загну: сноху привели и трубу на крышу поставили. Прощай, миленькій!

Старикъ Анеимъ, распрягавшій лошадь, нисколько не удивился, когда пришелъ Михай Зотычъ и велѣлъ снова запрягать. Онъ привыкъ къ выходкамъ идрвнаго старика. Что же, ѣхать, такъ ѣхать.

— Вотъ какъ нынче въ гости къ дѣткамъ прѣзжаютъ! — объяснялъ Михай Зотычъ, выѣзжая съ мельницы. — Пожалуйте почаще мимо-то.

Наталья Осиповна выглядывала на гостей изъ-за косяка и говорила:

— Съ Богомъ... Губа толще — брюхо тоньше.

Симонъ чувствовалъ себя постоянно виноватымъ передъ женой, а теперь еще больше. Но Наташа не взѣлась на него, а только щибавила:

— Будетъ ломаться-то старымъ чертямъ... Въ чужой вѣкъ жевуть. Нѣтъ, видно, не пржня времена.

Сбитники переночевали у какого-то знакомаго Михею Зотычу

мужичка. Голодь чувствовался и въ Суслонѣ, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ въ окрестныхъ деревняхъ. За то суслонцевъ одолаивали сосѣди. Каждое утро подъ окнами проходили вереницы голодающихъ. Михей Зотычъ сидѣлъ все утро у окна, подавалъ купленный хлѣбъ и считалъ голодныхъ.

— Охъ, Боговы работнички, не хорошо!—шамкалъ онъ.— Привелъ Господь съ ручкой идти подъ чужими окнами... Вотъ до чего лакомство - то доводитъ! Видно, который и богатъ мужикъ, да безъ хлѣба—не крестьянинъ. Такъ-то, миленькіе!... Охъ, нужда-то выучить, какъ калачи ѣдятъ!

Старець Анеимъ молчалъ всю дорогу, не желая поддаваться бѣсовскому смущенію, а тутъ накинудся на Михея Зотыча.

— Што это ты дребезжишь, какъ худой горшокъ? Чужую бѣду руками разведи... А того не подумаешь, что кого осудилъ, тотъ грѣхъ на тебѣ и взыщется. Умень больно!

— А ежели правда?

— Правда-то ко время... Тоже вонъ хлѣбъ не растетъ по снѣгу. Такъ и твоя правда... Видно, мужикъ-то умень, да міръ дуракъ. Не величайся чужою бѣдой... Божье тутъ дѣло.

Михей Зотычъ смущенно умолялъ. Терпѣливъ былъ Анеимъ, а какъ прорветъ—удержу нѣтъ.

— Ну, прости на скоромъ словѣ, честной отецъ, — покорно проговорилъ Михей Зотычъ.

— Миѣ-то чего тебя прощать, скрипуна, а вотъ ты ложкой кормишь, да стеблемъ глаза колешь.

— Охъ, согрѣшилъ, честной отецъ!

Смиренія у Михея Зотыча, однако, хватило не надолго. Онъ узналъ, что въ домѣ попа Макара устраивается «голодная столовая», и отправился туда. Ему все нужно было видѣть. Попъ Макаръ сильно постарѣлъ и былъ весь сѣдой. Онъ два года назадъ похоронилъ свою попадью Луковну и точно весь засохъ съ горя. Въ первую минуту онъ даже не узналъ стараго благопріятеля.

— Вы насчетъ земства?—спрашивалъ старикъ Михея Зотыча.—Ахъ, да что же это я!... Во-первыхъ, здравствуй, Михей Зотычъ, а, во-вторыхъ, будь гостемъ.

— Спасибо, спасибо, батя... Вотъ зашелъ провѣдать тебя. Какъ вы тутъ поживаете?

— А плохо, Михей Зотычъ. Какъ попадьа померла, такъ и пошло все вверхъ дномъ. Теперь вонъ голодь... При попадьѣ-то с голодь и не слыхивали, а какъ она померла...

— Сказываютъ, казна будетъ кормить?

— Наѣхали земскіе... Какъ же!... У меня сняли на дворѣ избу подъ столовую. Земская барышня пріѣхала, а потомъ Ермилычъ орудуетъ... Онъ, вѣдь, нынче тоже по земству.

«Земскою барышней» обазалась Устинька, которая пріѣхала съ какими-то молодыми людьми устраивать въ Суслонѣ столовую для голодающихъ. Мельникъ Ермилычъ въ качествѣ земскаго гласнаго помогаль. Онъ уже цѣлое трехлѣтіе «служилъ» въ земствѣ и лѣзъ изъ кожи, чтобы чѣмъ-нибудь выдвинуться. Конечно, онъ поступалъ, во всемъ руководствуясь совѣтами Замараева.

Появленіе скитскаго старца въ голодной столовой произвело извѣстную сенсацію. Молодые люди приняли Михея Зотыча за голодающаго, пока его не узнала Устинька.

— Михей Зотычъ, какъ вы-то сюда попали?—удивлялась она, здороваясь со старикомъ.

— А мимо ѣхалъ, красавица. Ёхалъ, да и заѣхалъ. Эти молодцы-то поповичи будутъ?

— Нѣтъ, студенты. Сами пріѣхали. Вотъ двое фельдшерами будутъ, а другіе такъ, помогать.

— Такъ, такъ... Дай Богъ. А я думалъ, поповичи, потому бойки больно.

Какъ разъ въ этотъ моментъ подвернулся Ермилычъ, одѣтый уже по-городски—въ «спинжагъ», въ крахмальную сорочку и штаны на выпускъ.

— А, Михею Зотычу, сорокъ одно съ кисточкой!—бойко поздоровался онъ.

— Здравствуй, здравствуй, миленькій.

— Завернулъ поглядѣть, какъ мы будемъ народъ кормить? Все, братъ, земство орудуетъ... Отъ казны способіе выхлопотали, отъ партикулярныхъ лицъ имѣемъ тоже. Какъ же!... Теперь вотъ здѣсь будемъ кормить, а тамъ деньгами.

— Такъ, такъ... Отъ денегъ-то народъ и въ раззоръ пошелъ, а вы ему еще денегъ суете. Отъ вашихъ денегъ и голодь.

— Какъ же это такъ, Михей Зотычъ?—смутился Ермилычъ.

— А вотъ такъ... Ты подумай-ка своимъ-то умомъ. Жили раньше безъ денегъ и не голодали, а какъ узнали мужички, какія такія деньги бываютъ,—ну, и вышелъ голодь. Ну, теперь-то по нѣтъ?

Ермилычъ только чесалъ въ затылкѣ, а Михей Зотычъ хлопнулъ его по плечу и вышелъ.

III.

Вернувшись домой, Михай Зотыч опять долженъ былъ баяться въ «скоромъ словѣ», а честной отецъ Анеимъ опять начали его.

— Это онъ тебя подтыкаетъ на скорыя-то слова, Михай Зотычъ... Мирское у тебя на умѣ. А ты думай про себя, что хуже ты всѣхъ,—вотъ ему и нечего будетъ съ тобой дѣлать. А какъ ты погордился, онъ и проскочить.

— Не могу я умирить себя. Давѣ это меня Ермилычъ ушибъ... Все у нихъ деньги на умѣ.

— Расширился, сказываютъ, Ермилычъ-то... Въ ростъ деньги даетъ мужикамъ, а самъ все за безцѣнокъ скупаешь. Ему несутъ со всѣхъ сторонъ, а онъ беретъ... Тоже ремесло незавидное. Да еще хвалится: я, грить, всѣхъ васъ кормлю.

— Не къ добру распыхался.

Изъ Суслона скитники поѣхали внизъ по Ключевой. Михай Зотычъ хотѣлъ посмотрѣть, что дѣлается въ богатыхъ селахъ. Вездѣ было то же уныніе, какъ и въ Суслонѣ. Народъ потерялъ голову. Изъ-подъ Заполя вверхъ по Ключевой быстро шелъ голодный тифъ. По дорогѣ попадались безцѣльно бродившіе по уѣзду мужики,—все равно, работы нигдѣ не было, а дома сидѣть не у чего. Болѣе малодушные уходили изъ дому, куда глаза глядятъ, чтобы только не видѣть голодавшія семьи.

За Суслонемъ разсажались по Ключевой такія села, какъ Ронжа, Заево, Багланиха. Нѣкоторыя избы уже пустовали,—семьи разбрелись, какъ послѣ пожара. Михай Зотычъ купилъ муки у попа Макара и раздавалъ фунтами и просто пригоршнями. Бабы такъ и рвали съ причитаньемъ и плачемъ.

Когда старцы уже подъѣзжали къ Жулановскому плёсу, ихъ нагналъ Ермилычъ, катившій на парѣ своихъ собственныхъ лошадей. Дорожная кошевка и вся упряжка были сдѣланы на купеческую руку, а самъ Ермилычъ сидѣлъ въ енотовой шубѣ и бобровой шапкѣ. Онъ что-то крикнулъ старикамъ и махнулъ рукой, обгоняя ихъ.

— Ко мнѣ заѣзжайте, старички! — донеслось уже издали.

— Ловко катается,—замѣтилъ Анеимъ.—Въ Суслонѣ сказывали, что онъ ѣздитъ на своихъ, а съ земства получаетъ прогоны. Чиновникъ тоже. Теперь съ попомъ Макаромъ дружить... Тотъ тоже хорошъ: хлѣба большія тысячи лежатъ, а онъ цѣну выжидаешь. Злобятся мужички на попа-то... И куда, подумаешь, поить: одинъ, какъ перстъ.

— Вотъ и ты осудилъ,—поймалъ его Михай Зотычъ.—Хоша онъ и не нашъ попь, а, все-таки, на немъ санъ... Взыскъ-то съ тебя вдвое.

— И то согрѣшилъ, Михай Зотычъ... Согрѣшилъ, родимый. Народъ-то болтаетъ,—ну, и я за другими.

— А ты поддержи языкъ-то за зубами. Заѣдемъ, што ли, къ Ермилычу на мельницу? Надо на него поглядѣть дома-то.

— И то завернемъ. Бояхъ хоть покормимъ.

Мельница Ермилыча была уже въ виду, когда на встрѣчу скитникамъ попалъ скакавшій безъ шапки мужикъ.

— Охъ, не ладно, родимые!—крикнулъ онъ на скаку.—Въ Суслонь... въ волосъ... Охъ, не ладно!

Подъѣзжая уже къ самой мельницѣ, скитники замѣтили медленно расходившуюся толпу. У крыльца дома стояла взмыленная пара, а самъ Ермилычъ лежалъ на снѣгу, раскинувъ руки. Снѣгъ былъ утоптанъ и покрытъ кровяными пятнами.

— Охъ, не ладно!—повторилъ Анеимъ слова скакавшаго мужика.

Остановивъ сани, скитники подошли къ убитому, который еще хрипѣлъ. Вся голова у него была залита кровью, а одинъ глазъ выскочилъ изъ орбиты. Картина была ужасная. На крыльцѣ дома показался кучеръ и началъ дѣлать скитникамъ какіе-то таинственные знаки. Начинаясь расходиться толпа опять повернула къ мѣсту убійства.

— Уѣзжайте по добру по здорову!—уже крикнулъ кучеръ.—Разстервенился народъ.

— Ну, насъ-то это не касается,—спокойно отвѣтилъ Михай Зотычъ.—Кто сдѣлалъ, тотъ и отвѣтъ дастъ.

Толпа все надвигалась. Послышался чей-то одинокій голосъ:

— Ребята, да, вѣдь, это старичонко съ Прорыва!

— Онъ!... Братцы, это Колобовъ!... Онъ первую крупчатку поставилъ и всѣхъ насъ разорилъ. Его работа.

— Онъ наколдовалъ, старичонко, голодъ-то!... Ишь какъ ловко присунулся!

Толпа загалдѣла вся разомъ и двинулась къ мельникову дому. Заніе подталкивали переднихъ. Анеимъ забрался въ сани и умолялъ Михея Зотыча уѣзжать.

— Не боюсь я дурачковъ,—спокойно отвѣтилъ упрямый старикъ.

Толпа продолжала наступать и когда передніе окружили Михея Зотыча, Анеимъ не вытерпѣлъ и понукнулъ лошадь. Кто-то хо-

тѣль загородить ему дорогу, кто-то хватался за поводья, но лошадь была ученая и грудью пробила живую стѣну. Мельгнули только искаженные злобой лица, сжатые кулаки. Кто-то сдернулъ съ Анейма шапку. Полетѣла въ догонку толстая палка. Все это случилось такъ быстро, что Анеимъ опомнился только за околицей.

Оглянувшись, Анфимъ такъ и обомлѣлъ. По дорогѣ бѣжалъ Михай Зотычъ, а за нимъ съ ревомъ и гикомъ гналась толпа мужиковъ. Анеимъ видѣлъ, какъ Михай Зотычъ сбросилъ на ходу шубу и прибавилъ шагу, но старость сказывалась и онъ началъ уставать. Вотъ уже совсѣмъ близко разъяренная, обезумѣвшая толпа. Анеимъ даже раскрылъ глаза, когда изъ толпы вылетѣла пара лошадей Ермилыча и какой-то мужикъ, стоя въ кошевой на ногахъ и размахивая возжами, налетѣлъ на Михея Зотыча.

— Господи, прости раба твоего Михея!—взмолился Анеимъ, погоняя лошадь.

Еъ своему ужасу онъ слышалъ, что пара уже гонится за нимъ. Лошадь устала и плохо прибавляла ходу. Гдѣ же одной уйти отъ пары? Анеимъ уже слышалъ приближавшійся топотъ и, оглянувшись, увидѣлъ двухъ мужиковъ въ кошевкѣ. Они были уже совсѣмъ близко и что-то кричали ему. Анеимъ началъ хлестать лошадь возжами.

— Эй, не гони! Лошадь изведешь!—кричалъ кто-то сзади.

А топотъ былъ все ближе. Вотъ уже совсѣмъ насѣдаютъ. Даже слышно, какъ тяжело храпитъ закормленный коренникъ.

— Стой!

Анеимъ продолжалъ отчаянно хлестать лошадь возжами, когда кошевка поровнялась съ нимъ.

— Стой, отчаянный! Лошадь изведешь!

Анеимъ только сейчасъ узналъ голосъ Михея Зотыча. Да, это былъ онъ, цѣль и невредимъ. Другой мужикъ лежалъ ничкомъ въ кошевкѣ и жалобно стоналъ.

— Вотъ такъ погостили!—добродушно смѣялся Михай Зотычъ, останавливая взмыленныхъ лошадей.—Нечего сказать, ловко!

Лежавшій въ кошевкѣ кучеръ продолжалъ стонать.

— Охъ, убили!... Смертынька моя!

— Ну-ка, поважи, какой тебѣ гостинець достался?—спокойно говорилъ Михай Зотычъ.

— А плечо у меня... какъ саданеть Гришва Уметовъ оглоблей

Михей Зотычъ осмотрѣлъ ушибъ, затекавшій багровымъ пузыремъ, ощупалъ, цѣла ли кость, и рѣшилъ:

— Ничего, заживеть... Твое счастье, что по шубѣ пришлось, а то остался бы безъ руки.

Молодой парень - кучеръ сѣлъ въ кошевку и зарыдалъ истерически.

— Разстервенились, варнаки!... Дядя-то Егоръ съ полѣномъ за мной гнался... Это, кричить, змѣй, а не племянникъ!... А тутъ подвернулся Гришка Уметовъ... Ка-акъ саданеть...

Парень долго не могъ успокоиться и время отъ времени начиналъ причитать какъ-то по-бабьи. Собственно своимъ спасеньемъ Михей Зотычъ обязанъ былъ ему. Когда били Ермилыча, кучеръ убѣжалъ и спрятался, а когда толпа погналась за Михеемъ Зотычемъ, онъ окончательно струсилъ: убьютъ старика и за него примутся. Въ отчаяніи онъ погналъ на лошадяхъ за толпой, какъ-то пробился и, догнавъ бѣжавшаго Михея Зотыча, на всемъ скаку подхватилъ его въ свою кошевку.

— Кабы не твоя догадка, такъ лежать бы мнѣ рядышкомъ съ Ермилычемъ, — спокойно соображалъ Михей Зотычъ. — Спасибо, выручилъ.

Расщедрившись, старикъ добылъ два мѣдныхъ пятака и сунулъ ихъ за пазуху рыдавшему спасителю.

— На, пригодятся, миленькій.

Когда кучеръ немного успокоился, скитники узнали, какъ было все дѣло съ Ермилычемъ.

— Злобились раньше на него наши мужички, — рассказывалъ кучеръ, охая и ощупывая ушибленное мѣсто. — Давно злобились потому какъ онъ всю округу забралъ въ лапы, не тѣмъ будь помянуть покойникъ... Всѣ у него были въ долгу, какъ рыба въ сѣти. За его-то денешки, окромя проценту, еще отрабатывать приходилось. Дастъ подъ закладъ два рубля, вычтетъ впередъ проценту сорокъ восемь копѣекъ, да еще отработывай ему въ страду. А тутъ въ голодь-то онъ и совсѣмъ лютовать началъ... Что хошь бери, а только не дай съ голоду помереть. На-последяхъ онъ и удумалъ штуку... Суслонскому-то попу Макару зазорно самому хлѣбъ въ четыре дорога продавать, — ну, онъ черезъ Ермилыча, а Ермилычу опять свой процентъ съ поповскаго хлѣба идетъ. Мужички-то тошнѣе того озлобились... Ну, какъ мы приѣхали сегодня изъ Суслонато мужички и окружили... «Опять, грядъ, за поповскимъ хлѣбомъ ѣз илѣ, кровопивецъ?» Оно бы ничего, ежели бы Ермилычъ не выпилиши былъ... Учалъ онъ мужичковъ ругать, а потомъ выхватилъ левольвертъ и учалъ левольвертомъ грозить... Тутъ ужъ дядя Егоръ какъ саданеть его стягомъ... Потомъ всѣ бросились и

давай рвать, как волки. Дыхануть одинова не успѣлъ... А дядя Егоръ разстервенился и на меня. «Одной свиньи, кричить, мясо!»... Ну, я и убѣгъ въ сѣни. А тутъ вы, какъ на грѣхъ, подѣхали... Я-то обозначалъ вамъ, штобъ уѣхали, а вы толчетесь около Ермилыча... Охъ, смертынька моя!... Зря человѣка порѣшили... Потомъ опомнятся, какъ начальство найдетъ. Не свой братъ... Охъ, ущемило у меня въ плечѣ, Михай Зотычъ!

Опасность налетѣла такъ быстро и такъ быстро пронеслась, что скитники опомнились и пришли въ себя только вечеромъ, когда пріѣхали въ свою раскольничью деревню и остановились у своихъ. Анеимъ всю дорогу оглядывался, ожидая погони, но на ихъ счастье въ деревнѣ не нашлось ни одной сытой лошади, чтобы догонять скитняговъ. Михай Зотычъ угнетенно молчалъ и заговорилъ только, когда улеглись спать.

— Анеимъ... ты спишь?

— Нѣтъ.

— А, вѣдь, давѣ-то былъ у смерти конецъ.

— Совсѣмъ конецъ приходилъ, Михай Зотычъ.

Болобовъ только тутъ припомнилъ, какъ предательски поступилъ съ нимъ честной отецъ — бросилъ на растерзаніе, а самъ угналъ.

— Анеимъ, разѣ это порядокъ, чтобъ угонять?

— А ежели ты уперся, какъ пень?

— Трусу ты спраздновалъ, честной отецъ... Ахъ, не хорошо! Бабы не догадливый кучеръ... Охъ, горе душамъ нашимъ!

— Борзость свою хотѣлъ показать, Михай Зотычъ.

Припомнивъ всѣ обстоятельства, Михай Зотычъ только теперь испугался. Старикъ сѣлъ и началъ креститься, чувствуя, какъ его всего трясеть. Безъ покаянія бы померъ, какъ Ермилычъ... Видно, за родительскія молитвы Господь помиловалъ. И то сказать, отъ своей смерти не посторонишься.

— Анеимъ, а ворота заперты?

— Заперты.

— Точно какъ будто на улицѣ шумъ?

— Блазнить тебѣ, Михай Зотычъ. Перекрестись, да спи.

Михай Зотычъ не могъ заснуть всю ночь. Ему все слышался шумъ на улицѣ, топотъ ногъ, угрожающіе крики и онъ опять трясся, какъ въ лихорадкѣ. Разъ десять онъ подкрадывался къ огню, припадалъ ухомъ и вслушивался. Все было тихо, онъ крестился и опять напрасно старался заснуть. Еще въ первый разъ въ жизни

смерть была такъ близко, совсѣмъ на носу, и онъ трепеталъ, не смотря на свои девяносто лѣтъ.

— Анеимъ, ты спишь?

Анеимъ притворился спящимъ и ничего не отвѣчалъ.

Потомъ Михею Зотычу сдѣлалось страшно уже не за себя, а за другихъ, за потемнѣвшій разумъ, за страшное звѣрство, которое дремлетъ въ каждомъ человѣкѣ. Убитому лучше—разъ потерпѣть, а убивцы будутъ всю жизнь казнить и муку мученическую принимать. Хуже всякаго звѣря человѣкъ, когда Господь лишить разума.

— Господи, помини ненавидящія пась!... Анеимъ, ты спишь? Господи, умири раба твоего Анеима!

IV.

Въ домѣ Стабровскаго царило какое - то гнетуще - грустное настроеніе, хотя по логикѣ вещей и должно было бы быть наоборотъ. На святкахъ вышла замужъ Дидя, и съ этимъ моментомъ кончились отцовскія заботы Стабровскаго. Женихъ явился изъ Польши, откуда его направили безконечныя польскія тѣти. Онъ даже приходился какимъ-то отдаленнымъ родственникомъ Стабровскому и пріѣхалъ какъ свой человѣкъ. Молодой, красивый инженеръ ѣхалъ въ далекую Сибирь съ широкими планами обновить мертвую страну разными предпріятіями. Тѣти предупредили Стабровскаго, что панъ Базиміръ Ярецкій можетъ составить отличную партію для Диди. Старикъ громко расхохотался надъ этимъ предположеніемъ. Конечно, Дидя женщина и въ свое время должна пройти свой женскій кругъ, но помириться на какомъ-то Ярецкомъ... Дидя хотя и не совершенство, но она еще такъ мало видѣла людей и легко можетъ сдѣлать ошибку въ своемъ выборѣ. Вообще, эта комбинація не входила въ планы Стабровскаго. Онъ мечталъ завершить образованіе Диди поѣздкой за границу, чтобы показать дочери настоящую жизнь и настоящихъ людей. Въ сущности, Дидя, все-таки, провинціалка и ничего не знаетъ, а тамъ раскроются новые горизонты и наберется для сравненія новый матеріалъ. Но эта предполагаемая поѣздка все не устраивалась. Съ одной стороны, свои дѣла не пускали, а съ другой—какъ-то неловко было оставить больную жену. Тащить ее за границу тоже не приходилось, потому что домашнихъ удобствъ и привычекъ ничто не могло ей замѣнить, никакая заграница, она была въ такомъ возрастѣ, когда тяжелы всякія перемѣны. Такъ дѣло и тянулось изъ года въ годъ, тѣмъ болѣе, что и Дидя еще была слишкомъ молода.

Къ молодому пану Казимиру Стабровскій отнесся довольно холодно, какъ относится къ дальнимъ родственникамъ, а Дидя съ перваго раза взяла надъ нимъ верхъ и безъ стѣсненія вышучивала каждый его шагъ. Стабровскій успокоился, потому что изъ такой комбинаціи, конечно, ничего не могло выйти. Самъ по себѣ панъ Казимиръ былъ не глупъ, держалъ себя съ тактомъ, хотя въ немъ и не было того блестящаго ума, который выдвигаетъ людей изъ толпы. Стабровскому казалось, что въ молодомъ панѣ тѣ же черты вырожденія, какія онъ со страхомъ замѣчалъ въ Дидѣ. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ старикъ уже не довѣрялъ самому себѣ, — въ извѣстномъ возрастѣ начинаетъ казаться, что прежде было все лучше, а особенно лучше были прежніе люди. Это дань возрасту, результатъ собственнаго истощенія.

По всей вѣроятности, панъ Казимиръ уѣхалъ бы въ Сибирь съ своими широкими планами, еслибъ его не выручила маленькая случайность. Еще послѣ пожара, когда было уничтожено почти все Заполье, Стабровскій началъ испытывать какое-то смутное недомоганье. Какая-то тяжесть въ головѣ, бродячая боль въ конечностяхъ, ревматизмъ въ лѣвой рукѣ. Все это передъ Рождествомъ разрѣшилось первымъ ударомъ паралича, даже не ударомъ, а ударцемъ, какъ вѣжливо выразился докторъ Кадманъ.

— Это первое предостереженіе, докторъ, — спокойно замѣтилъ Стабровскій, когда пришелъ въ себя. — Зачѣмъ себя обманывать?... Я понимаю, что съ такимъ ударцемъ можно протянуть еще лѣтъ десять-пятнадцать, но, все-таки, скверно. Пѣсенка спѣта.

Стабровскаго пріятно поразило то вниманіе, съ какимъ ухаживала за нимъ Дидя. Она ходила за нимъ, какъ настоящая сидѣлка. Стабровскій не ожидалъ такой нѣжности отъ холодной по натурѣ дочери и былъ растроганъ до глубины души. И потомъ, Дидя дѣлала все такъ спокойно, увѣренно, какъ совсѣмъ взрослая, опытная женщина.

Организмъ у Стабровскаго былъ замѣчательно крѣпкій, и онъ быстро оправился. Всякое выздоровленіе, хотя и относительное, обновляетъ человѣка и Стабровскій чувствовалъ себя необыкновенно хорошо. Именно этимъ моментомъ и воспользовалась Дидя. Она какъ-то вечеромъ читала ему, а потомъ положила книгу на колѣни и проговорила своимъ спокойнымъ тономъ, иногда возмущавшимъ его:

— Папа, ты не любишь Казимира, я это знаю.

— Не то, чтобы совсѣмъ не люблю, Дидя, а такъ, вообще... Есть люди особенные, выдающіеся, сильные, которые дѣлаютъ свое

время, даютъ имя цѣлой эпохѣ, и есть люди средніе, почти безформенные.

— Вотъ именно къ такимъ среднимъ людямъ и принадлежить Казиміръ, папа. Я это понимаю. Вѣдь, эта безличная масса необходима, папа, потому что безъ нея не было бы и выдающихся людей, въ которыхъ, говоря правду, я какъ-то плохо вѣрю. Какъ мнѣ кажется, время таинственныхъ принцевъ и еще болѣе таинственныхъ принцессъ прошло.

— Дидя, а иллюзіи? Вѣдь, въ жизни иллюзія — все... Отними ее — и ничего не останется. Жизнь въ томъ и заключается, что постепенно падаетъ эта способность къ иллюзіи, падаетъ свѣтлая молодая вѣра въ принцевъ и принцессъ, понижается вообще самый *appetitus vitae*... Это — печальное состояніе насъ, стариковъ, и мнѣ прямо больно слышать это отъ тебя. Ты начинаешь съ того, чѣмъ обыкновенно кончаютъ.

Дѣвушка посмотрѣла на отца почти съ улыбкой сожалѣнія, отъ которой у него зацемило на душѣ. У него въ головѣ мелькнула первая тѣнь подозрѣнія. Начало не обѣщало ничего хорошаго. Прежде всего, его обезоруживало насмѣшливое спокойствіе дочери.

— Ты что-то хочешь сказать мнѣ, Дидя?

— Да.

— Предъидущее служило подготовленіемъ?

— Да.

Наступила неловкая пауза, и Стабровскій со страхомъ посмотрѣлъ на дочь. Вотъ когда началось то, чего онъ такъ боялся! До сихъ поръ она принадлежала ему, а теперь...

— Дидя, ты влюблена? — тихо спросилъ онъ, чувствуя, какъ весь начинаетъ холодѣть.

— Нѣтъ.

Она засмѣялась. Онъ облегченно вздохнулъ. Она наклонилась къ нему, поцѣловала и проговорила:

— Папа, я не способна къ этому чувству... да. Я знаю, что это бываетъ и что всѣ дѣвушки мечтаютъ объ этомъ, но, къ сожалѣнію, я рѣшительно не способна къ такому чувству. Назови это уродствомъ, но, вѣдь, бываютъ люди глухіе, хромые, слѣпые, вообще, калѣки. Значить, по аналогіи, должны быть и нравственные калѣки, у которыхъ недостаетъ самыхъ законныхъ чувствъ. Какъ видишь, я совсѣмъ не желаю обманывать себя. Вѣдь, я тоже *средній* человекъ, папа... У меня умъ перевѣшиваетъ все, и я впередъ отравляю всякое чувство.

— А ты не ошибаешься?

— Опять спасительная логика среднего человѣка, папа... Вмѣсто иллюзіи, здѣсь является довольно грустный житейскій расчетъ.

— Дидя, ты меня пугаешь...

— Поговоримъ, папа, серьезно... Я смотрю на бракъ, какъ на дѣло довольно скучное, а для мужчины и совсѣмъ тошное. Вѣдь, бракъ для мужчины—это лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ, и твои принцы постоянно бунтуютъ, отравляютъ жизнь и себѣ, и женѣ. Для чего мнѣ мужъ герой? Мнѣ нуженъ тотъ нормальный средній человѣкъ, который терпѣливо понесетъ свое семейное иго. У себя дома, вѣдь, нѣтъ ни героевъ, ни геніевъ, ни особенныхъ людей, и въ этомъ по-моему секретъ того крошечнаго, углового эгоизма, который мы называемъ семейнымъ счастьемъ.

Разсудительность Диди тяжело подѣйствовала на Стабровскаго, — вѣдь, это своего рода холодный и безпринципный развратъ. Съ другой стороны, она совершенно застрахована отъ обыкновенныхъ женскихъ слабостей, хотя такія сдержанныя натуры иногда и кончаютъ очень плохо.

Долго раздумывалъ Стабровскій и такъ, и этакъ, а, главное, о томъ, что не сегодня-завтра онъ можетъ умереть и Дидя останется совершенно на произволъ судьбы. Конечно, панъ Казиміръ заставляетъ желать многого, чтобы сдѣлаться приличнымъ совершенствомъ, но, все равно, другого выбора нѣтъ. Старикъ плохо помнилъ, какъ далъ свое согласіе на этотъ бракъ, а черезъ недѣлю послѣ свадьбы уже проклиналъ себя. Гдѣ у него были глаза? Вѣдь, панъ Казиміръ, прежде всего, глухъ, да еще самонадѣянно глухъ, а потомъ онъ получилъ въ замѣнъ ума порядочную дозу самой нехорошей мелкой хитрости и, наконецъ, онъ золъ, какъ маленькое безсильное животное. Стабровскій возненавидѣлъ зятя и просто не могъ выносить его присутствія. Въ довершеніе всего, Дидя, умненькая, разсудительная и холодная, какъ маленькая змѣйка, ничего этого не видѣла и, кажется, была счастлива, что связала свою жизнь съ этимъ вырождающимся ничтожествомъ.

Разъ у Стабровскаго съ зятемъ разыгралась довольно крупная сцена. Старика больше всего поразило то, что присутствовавшая при этомъ Дидя упорно молчала, она была согласна съ мужемъ и только изъ вѣжливости не противорѣчила отцу. Ясно, что произошла перемѣна подданства. Результатомъ этой сцены былъ второй, уже настоящій ударъ, уложившій Стабровскаго на три мѣсяца въ постель. У него отнялась вся правая половина, скосило лицо и долго не дѣйствовалъ языкъ. Именно въ такомъ безпомощномъ состояніи его и застала голодная зима. И было достаточно трехъ мѣ-

сяцевъ, чтобы все, что готовилось цѣлою жизнью, разомъ нарушилось. Произошло нѣчто вродѣ отложенія подданныхъ. Прежде всего, распалось соглашеніе винокуровъ, и Стабровскій пересталъ получать отступное; потомъ въ банкѣ, видимо, на Стабровскаго поставили крестъ и не считали нужнымъ даже отвѣчать на его письма; наконецъ, отдѣльныя лица, обязанныя ему всѣмъ, проявили самую черную неблагодарность. Особенно типичнымъ примѣромъ такихъ отношеній былъ тотъ, когда Галактіонъ отказался не только платить взятая у Стабровскаго пятьдесятъ тысячъ, но даже отказался пріѣхать для личныхъ объясненій.

— Зачѣмъ я поѣду къ нему?—удивлялся Галактіонъ съ прямолинейностью настоящаго мошенника.—Пусть г. Стабровскій лучше посчитаетъ, сколько я ему доставилъ барышей, когда трепался по кабакамъ...

И другіе были не лучше: Штоффъ, Мышниковъ, свои собственные служащіе и лучше всѣхъ, конечно, былъ зять, ждавшій его смерти, какъ воскресенія. О, какъ всѣхъ теперь понималъ Стабровскій и какъ понималъ то, что вся его жизнь была одною сплошною ошибкой!

Сознаніе вернулось, но говорить правильно Стабровскій не могъ. Онъ подыскивалъ или забывалъ слова и говорилъ совсѣмъ не то, что желалъ. Это доводило его до слезъ. Все понимать и не имѣть возможности все объяснить — что можетъ быть хуже? Болѣзнь развила въ немъ страшную подозрительность,—онъ теперь не вѣрилъ даже родной дочери. Изъ всѣхъ окружающихъ онъ отдавалъ предпочтеніе деревянной миссъ Дудль, которая была всегда одинакова, да еще Устинькѣ, которая приходила навѣщать его почти каждый день. Дѣвушка приносила съ собою неистощимый запасъ печальныхъ новостей.

— Если бы вы только могли видѣть, Болеславъ Брониславичъ!—говорила Устинька со слезами на глазахъ. — Голодающія дѣти, голодающія матери, старики, отцы семействъ... Развивается голодный тифъ.

— Да?—равнодушно удивлялся Стабровскій.—И я тоже голоденъ... А что значить: ѣсть?... Меня доктора заставляютъ ѣсть.

Въ другой разъ Стабровскій сказалъ Устинькѣ:

— Они голодны? Какое счастье!... Еслибъ я могъ быть голоднымъ!

Онъ даже приподнялся на подушкѣ и со слезами на глазахъ объяснилъ свою мысль:

— Я постоянно голоденъ, но не могу ѣсть... И это даже не

голодь въ собственномъ смыслѣ, а это... это... это... Ахъ, я все готовъ былъ бы отдать за то, чтобы быть такимъ голоднымъ, какъ ваши голодные!... Я имъ завидую.

Это былъ какой-то сумасшедшій бредъ, и Стабровскій только по сдержанно-грустному выраженію лица Устиньки догадывался, что онъ говоритъ что-то невозможное, старался поправиться и окончательно запутывался въ собственныхъ словахъ.

Устинька въ отчаяніи уходила въ комнату миссъ Дудль, чтобы отвести душу. Она только теперь въ полную мѣру оцѣнила эту простую, но твердую женщину, которая въ каждый данный моментъ знала, какъ она должна поступить. Миссъ Дудль совсѣмъ сжилась съ семьей Стабровскихъ и рассчитывала, что, въ случаѣ смерти старика, перейдетъ къ Дидѣ, у которой могли быть свои дѣти. Но получилось другое: деревянную англичанку безъ всякой причины возненавидѣлъ панъ Казиміръ, а Дидя по своей привычкѣ и не думала ее защищать.

— Они выгонять меня изъ дому, какъ старую водовозную влячу, — спокойно предусматривала событія миссъ Дудль. — И я не довела бы себя до этого, если бы мнѣ не было жаль мистера Стабровскаго... Безъ меня о немъ всё забудутъ. Мистеръ Казиміръ ждетъ только его смерти, чтобы получить всё деньги... Дидя будетъ еще много плакать и тогда вспомнить обо мнѣ.

— Миссъ Дудль, если вы почему-нибудь вздумаете — переѣзжайте прямо ко мнѣ, — предлагала нѣсколько разъ Устинька. — Право, мы проживемъ вмѣстѣ недурно.

Миссъ Дудль каждый разъ удивлялась и даже цѣловала Устиньку. Эти поцѣлуи походили на прикладываніе мраморной плиты. И, все-таки, миссъ Дудль была чудная дѣвушка и Устинька училась, наблюдая эту выдержанную англійскую миссъ.

У.

Послѣ пожара прошло пять лѣтъ и Заполье выстроилось заново. Отъ стараго города осталось очень немного. Показались пустыри, на которыхъ некому было стронуться. Въ общемъ городъ получилъ новенькій видъ и, пожалуй, былъ красивѣе стараго. Этотъ пожаръ докончилъ разореніе того средняго купечества, которое составляло силу стараго города. Повидимому, была и торговля, и промышленность, но все это являлось какимъ-то призракомъ. Теперь вся жизнь строилась на кредитѣ: дома строили въ кредитъ, промысла въ кредитъ, торговля въ кредитъ. Свободныхъ капиталовъ

не было, какъ раньше. Пожаръ разорилъ даже такихъ капиталистовъ, какъ Евграфъ Огибенинъ и старикъ Луковниковъ. Это были послѣдыши запольскаго разоренія. На ихъ мѣстѣ возникали новыя состоянія буквально изъ ничего, какъ на растительномъ перегноѣ растутъ грибы: во главѣ стояли банковскіе воротилы — Мышниковъ, Штоффъ и Галактіонъ, а изъ-за ихъ широкихъ спинъ выдвигались совсѣмъ уже темные люди, какъ бывший писарь Замараевъ, сладкій братецъ Прасковьи Ивановны Голяшкинъ.

Разореніе ушло далеко въ степь. Биргизъ Шахма держался только банкомъ, Сашка Гороховъ разорился и спился, виногуръ Прохоровъ хотя и держался, но тоже былъ въ худыхъ душахъ. У банка была какая-то задача систематически разорять все.

Вскорѣ послѣ пожара старикъ Луковниковъ привелъ въ порядокъ свои дѣла и пришелъ къ печальному открытію, что онъ разоренъ безповоротно. Всѣ капиталы съѣла мельница, дававшая въ послѣдніе годы дефицитъ около тридцати тысячъ рублей, да еще къ этому слѣдовало прибавить мертвый капиталъ, затраченный на нее и не дававшей процента, платежи по банковскимъ ссудамъ и т. д. Доходные годы не могли покрыть этихъ дефицитовъ, а только на время отдаляли неминуемую бѣду. Все дѣло заключалось только въ томъ, чтобы выиграть время и дожидаться, когда какой-нибудь одинъ годъ дастъ сотни тысячъ дивиденда. Но для этого нужны были новыя средства, а кредитъ уже кончался. Луковникова удивляло больше всего то, что всѣ другіе знали его дѣла, пожалуй, лучше, чѣмъ онъ самъ. Это выяснилось особенно точно, когда ему пришлось закладывать мельницу въ запольскомъ банкѣ.

— Мы собственно такими операціями не занимаемся, — заявилъ Штоффъ, къ которому обратился Луковниковъ. — Вамъ всего лучше обратиться куда-нибудь въ другой банкъ.

— Время дорого, Карлъ Карлычъ.

Тяжело было Луковникову обращаться именно въ запольскій банкъ, гдѣ воротилъ всѣми дѣлами Мышниковъ, но дѣлать нечего — нужда загнала. Банковское правленіе долго тянуло это дѣло, собирало какія-то справки и, наконецъ, состоялось рѣшеніе выдать подъ мельницу ссуду въ тридцать тысячъ рублей.

— Господа, да, вѣдь, она мнѣ стоитъ больше трехсотъ тысячъ! — взмолился Луковниковъ. — Вѣдь, вы всѣ хорошо это знаете.

— Отчего вы не обратились въ другой банкъ, Тарасъ Семеновичъ? — объяснилъ Драке, по своему обыкновенію, вопросомъ. — Развѣ мы кому-нибудь даемъ больше? Вообще, вы, значить, недовольны?...

Пришлось помириться на этой суммѣ, чтобы заткнуть кое-какія кредитныя дыры. Кредиторы точно сговорились и наступали на Луковникова все тѣснѣе.

Закладъ мельницы оттянулъ окончательное разореніе на очень небольшое время. Явился первый протестованный вексель, когда-то выданный еще покойному Нагибину, а это вызвало закрытіе банковскаго кредита и объявленіе несостоятельности. Назначенъ былъ конкурсъ и все имущество поступило уже въ его вѣдѣніе. Тяжелѣе всего Луковникову было то, что ему не пришлось дослужить послѣдняго трехлѣтія городскимъ головой и выйти даже изъ состава гласныхъ. Все рушилось какъ-то разомъ. Старикъ въ какихъ-нибудь полгода совершенно посѣдѣлъ, какъ-то опустился и принялъ тотъ недоумѣвающий видъ, какъ и всѣ другіе «конкурсные». У него теперь явились какіе-то необычайные планы, дѣтскіе расчеты и еще болѣе дѣтскія надежды. Главное, что его мучило, это—Устинька, которая изъ богатой невѣсты превратилась въ нищую. Эта послѣдняя мысль ѣла старика день и ночь.

— Перестань, пожалуйста, папа,—уговаривала его Устинька. — Не стоить даже и говорить о такихъ пустякахъ... Будетъ день—будетъ и хлѣбъ.

— Ахъ, Устинька, Устинька, ничего ты не понимаешь!

— Нѣтъ, папа, отлично понимаю. Ну, скажи, пожалуйста, для чего намъ много денегъ: вѣдь, ты два обѣда не съѣшь, а я не надѣну два платья?... Потомъ, много ли богатыхъ людей на свѣтѣ, да и вопросъ, счастливѣе ли они отъ своего богатства?

Когда домъ и все имущество были описаны, Устинька наняла небольшую квартирку въ три комнаты и переехала въ нее съ отцомъ и старою нянькой Матреной. Дѣвушка была совершенно счастлива, что можетъ на свои средства содержать отца,—она зарабатывала уже около пятидесяти рублей въ мѣсяцъ, потому что, вромѣ переводовъ въ *Запольскомъ Курьерѣ*, занимала еще мѣсто секретаря этой газеты. Въ Луковниковымъ же переселился въ качествѣ квартиранта и Ечкинъ, выпущенный изъ острога «по недостатку уликъ». Устинька сама предложила ему квартиру, оплачивая ему за то добро, которое онъ сдѣлалъ ей, когда опредѣлилъ къ Стабровскимъ. Тюремное, почти годовое заключеніе подѣйствовало на Ечкина самымъ разрушающимъ образомъ. Изъ цвѣтущаго и жизнерадостнаго мужчины онъ сразу превратился въ подержаннаго джентльмена, точно весь вылинялъ. Главное, что его погубило, это—невозможность выѣхать изъ Заполя. И все изъ-за дурацкаго дѣла объ отравленіи Нагибина. Кредиторы заперли его въ За-

польѣ, какъ охотники обладываютъ въ берлогѣ дикаго звѣря, обзавъ подпиской о невыѣздѣ. А что могъ сдѣлать Ечкинъ въ этомъ разоренномъ городѣ?

У Ечкина, попрежнему, роились тысячи плановъ, онъ ждалъ какихъ-то спасительныхъ сроковъ, писалъ безъ конца кому-то и куда-то безконечныя дѣловыя письма и не думалъ сдаваться.

— У тебя, какъ у лисы, тысячи думушекъ, — добродушно шутилъ надъ нимъ Луговниковъ. — Оба, братъ, мы съ тобой, какъ въ сказкѣ лиса, попали банковской бабѣ на воротникъ... У банка-то одна думушка!

Устинька очень рада была Ечкину, который развлекалъ отца и не давалъ ему задумываться. Они какъ-то особенно близко сошлись между собой и по вечерамъ дѣлились своими планами.

— Миѣ всего двѣ недѣли подождать, — по секрету сообщалъ Ечкинъ, подмигивая, — а тамъ...

— И миѣ тоже, Борисъ Яковличъ... Всего двѣ недѣли тоже!

И они ждали свои двѣ недѣли, какъ дѣти. Устинька должна была выслушивать этотъ бредъ и соглашаться.

Нагибинское дѣло остановилось въ неопредѣленномъ положеніи. За недостаткомъ уликъ былъ выпущенъ и Полуяновъ. Выпущенный раньше Ліодоръ нѣсколько разъ являлся къ слѣдователю съ новыми показаніями и его опять сажали въ острогъ, пока не оказывалось, что все это ложь. Все вниманіе слѣдователя сосредоточивалось теперь именно на Ліодорѣ, который казался ему то психически-ненормальнымъ человѣкомъ, то отчаяннымъ разбойникомъ, смѣявшимся надъ нимъ въ глаза. Въ послѣдній разъ Ліодора къ слѣдователю отправилъ самъ Харитонъ Артемьичъ.

— Явите божескую милость, ваше высокоблагородіе, г. слѣдователь второго участка, — заявлялъ старикъ. — Самъ привелъ къ вамъ разбойника... Онъ стравилъ Нагибина. Ужъ повѣрьте родному-то отцу.

— Дѣйствительно, я, — равнодушно соглашался Ліодоръ.

Онъ даже рассказалъ цѣлую исторію этого отравленія, пока слѣдователь не догадался отправить его на испытаніе въ больницу душевно-больныхъ. Отецъ тоже былъ ненормаленъ и радовался, какъ ребенокъ, что еще разъ избавился отъ сына.

— Туда ему и дорога, разбойнику! — повторялъ онъ, крестясь. — Онъ и меня стравить.

Вообще, въ Запольѣ появился цѣлый рядъ тронувшихся людей, какъ Малыгинъ съ сыномъ, бывший исправникъ Полуяновъ и Луковниковъ съ Ечкинымъ. У каждаго былъ свой пунктикъ.

Разоренію Луковникова предшествовала романтическая исторія Устиньки съ Галактіономъ. Это было что-то нелѣпое, почти невозможное, еслибъ оно не было на самомъ дѣлѣ. Устинька относилась къ Галактіону съ гадливымъ презрѣніемъ и въ глаза высказывала, за что его принимаетъ. Но Галактіона это не остановило. Его такъ и тянуло въ домъ къ Луковникову. Онъ являлся подѣ всевозможными предлогами, чтобы хоть издали увидѣть своего красиваго молодого врага. Галактіона охватила самая тяжелая страсть, страсть пожилого человѣка, терявшаго голову. Тутъ уже не было ни молодыхъ расчетовъ, ни сдержанности, ни самолюбія. Одно желаніе охватывало всего человѣка: видѣть ее. Галактіонъ еще до пожара заявилъ Харитинѣ, что любитъ Устиньку и женится на ней во что бы то ни стало. Харитина къ этому откровенному признанію отнеслась совершенно равнодушно. Она слишкомъ устала жить... Что же, пусть женится, если нравится.

Сама Устинька страшно перепугалась, когда открыла истинную причину частыхъ визитовъ Галактіона. Онъ показался ей просто сумасшедшимъ человѣкомъ, и она всячески старалась избѣгать его. Каждый звонокъ заставлялъ ее вздрагивать. Въ свою редакцію она бѣжала такъ скоро, точно кто за ней гнался. И, все-таки, она часто встрѣчала Галактіона. Онъ, какъ мальчишка, по цѣлымъ часамъ поджидалъ ее на улицѣ, бродилъ по вечерамъ, какъ тѣнь, подѣ окнами редакціи *Запольскаго Курьера*, гдѣ она занималась, и былъ счастливъ, когда могъ раскланяться съ ней хоть издали. Устинька боялась какой-нибудь грубой выходки, открытаго нападенія, но все дѣло ограничивалось молчаливымъ преслѣдованіемъ. Последнее ее успокоивало и она даже набралась столько храбрости, что разъ остановилась на улицѣ, дождалась провожавшаго ее издали Галактіона и очень рѣзко заявила ему:

— Вы меня компрометируете, Галактіонъ Михеичъ... У васъ свои взрослые дочери и, кажется, ужъ вамъ-то должно быть стыдно. Я васъ презираю.

Галактіонъ только смотрѣлъ на нее и молчалъ. Онъ весь былъ въ этомъ взглядѣ и его молчаніе было краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Устинька повернулась и почти бѣгомъ бросилась домой. Она не стала пить чай, хотя отецъ и Ечкинъ каждый вечеръ ждали ея возвращенія, какъ было и сегодня, а прошла прямо въ свою комнату, заперлась на крючокъ и бросилась на кровать. Ее душили бессильныя слезы. Галактіонъ казался ей какимъ-то проклятымъ человѣкомъ, который тѣнью бродилъ по городскимъ улицамъ. Вѣдь, онъ довелъ до мертваго запоя нелюбимую жену, онъ разыгралъ ро-

манъ съ Прасковѣй Ивановной, онъ теперь мучилъ несчастную Харитину... И всё эти женщины за что-то любили этого проклятаго челоуѣба, ждали его ласковаго взгляда, улыбались ему счастливыми улыбками и потомъ проклинали.

Ночное раздумье привело Устиньку къ рѣшенію. Она должна была, какъ это ни тяжело, объясниться съ Галактіономъ. Вообще, получила самая глупая и нелѣпая исторія.

Объясненіе произошло въ квартирѣ Харченки, куда Галактіонъ пришелъ навѣстить дѣтей.

— Что вамъ отъ меня нужно?—рѣзко спросила дѣвушка.

— Ничего,—виновато отвѣтилъ Галактіонъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы понимаете, что ваше преслѣдованіе меня по пятамъ—мерзость... За меня даже заступиться некому и вы пользуетесь моею беззащитностью. Ко всемъ хорошимъ качествамъ, о которыхъ я вамъ уже говорила, вы присоединяете новое.

— А если мнѣ тошно, Устинья Тарасовна? Можетъ быть, впо-ру руки на себя наложить.

— Скажите, пожалуйста, вы, должно быть, повторяете это всемъ женщинамъ, имѣвшимъ неосторожность увлечься вами? Я не изъ такихъ.

Галактіонъ, вообще, имѣлъ такой несчастный видъ, что приготовившаяся его разнести дѣвушка немного растерялась. Некого было даже бранить.

— Меня удивляетъ ваша безсовѣстность,—говорила она, напрасно стараясь разсердиться.—Да, полная безсовѣстность.

— Если бы вы меня не ненавидѣли, Устинья Тарасовна, я давно сдѣлалъ бы вамъ предложеніе.

— Не смѣйте этого говорить, несчастный!... Вы годитесь мнѣ въ отцы!

— Устинья Тарасовна, когда съ вами случится *это*, тогда вы меня вспомните. Есть такіе роковые люди.

Послѣ этого откровеннаго объясненія, происходившаго вскорѣ послѣ пожара, Галактіонъ на время оставилъ дѣвушку въ покоѣ. Но затѣмъ онъ неожиданно явился прямо въ домъ къ Луковникову, когда Устинька была одна.

— Я сейчасъ уйду, Устинья Тарасовна... Пожалуйста, не бойтесь меня. Я пришелъ предложить помощь Тарасу Семенычу.

— Я скажу папѣ, чтобъ онъ просто не принималъ васъ.

— Но, вѣдь, онъ разорится?

— Это васъ не касается.

Галактіонъ молча поклонился и вышелъ. Это была послѣдняя

встрѣча. И только когда онъ вышелъ, Устинька поняла, за что такъ любили его женщины. Въ немъ была эта покрывающая широкая мужская ласка, та скрытая сила, которая неудержимо влекла къ себѣ, — такимъ людямъ женщины умѣютъ прощать все, потому что только около нихъ чувствуютъ себя женщинами. Именно такою женщиной и почувствовала себя Устинька.

VI.

Первые приступы голода начались еще съ осени, когда былъ съѣденъ первый хлѣбъ. Урожай былъ настолько скуденъ, что въ большинствѣ случаевъ не собрали сѣмянъ. Тяжелая крестьянская бѣда обложила все. Остановилась, прежде всего, всякая торговля. Бупцы сидѣли въ пустыхъ лавкахъ. Промыслы тоже встали. Нигдѣ никакой работы, а впереди цѣлая голодная зима. Продовольственныхъ капиталовъ совсѣмъ не оказалось, считавшіеся на бумагѣ хлѣбные магазины стояли пустыми. Положеніе, вообще, было вполнѣ безвыходное. Уже съ осени, по первымъ заморозкамъ Заполье очутилось въ какомъ-то маломъ осадномъ положеніи. Въ городъ со всѣхъ сторонъ брели толпы голодающихъ, — это былъ авангардъ страшной голодной арміи. Городское управленіе рѣшительно не знало, что дѣлать. Въ городѣ тоже начинался свой собственный голодъ, а тутъ толпы нищихъ изъ уѣзда. Никакихъ специальныхъ суммъ на удовлетвореніе страшно разгоравшейся бѣды не было, на частную благотворительность совсѣмъ нельзя было рассчитывать, а оставалось одно земство, которое должно было заботиться о своемъ уѣздѣ. «Ступайте въ земскую управу», — предлагали голоднымъ. Послѣ Луковникова городскимъ головой былъ избранъ Мышниковъ, изображавшій собой «маленькаго губернатора», какъ вышучивалъ *Запольскій Курьеръ*. Новый городской голова принималъ всевозможныя мѣры, чтобъ оградить свои владѣнія отъ вторженія голодающихъ, и ничего не могъ подѣлать.

Запольское земство еще послѣ уборки хлѣба раннею осенью представило губернскому земскому собранію подробный докладъ о положеніи дѣла. Докладъ писалъ Харченко, толково и обстоятельно. Требовалась настоятельная правительственная помощь. Эбстренное земское собраніе рѣшило хлопотать о миліонной ссудѣ, но это ходатайство было опротестовано губернаторомъ, приславшимъ своего чиновника особыхъ порученій для разслѣдованія дѣла на мѣстѣ. Чиновникъ пріѣхалъ въ Заполье и узналъ отъ Мышникова, что голодъ придуманъ *Запольскимъ Курьеромъ*, а въ дѣйствительности

есть только недородъ. Въ этомъ смыслѣ губернаторомъ и было рѣшено и ссуда была понижена на семьдесятъ процентовъ, а *Запольскому Курьеру* сдѣлано соотвѣтствующее внушеніе. Мышниковъ острилъ, называя эту газету «голодной». Наступившая зима показала, что дѣло обстоитъ совсѣмъ не смѣшно и что необходимы энергическія мѣры. Такъ какъ нужно было что-нибудь говорить, всѣ толковали о дешевомъ сибирскомъ хлѣбѣ. Только бы дожидаться весны, когда вскроются рѣки. Довѣренные крупныхъ уральскихъ хлѣбопродавцевъ еще съ осени уѣхали въ Сибирь и закупили тамъ громадныя партіи. Много толковали о тюменскихъ и екатеринбургскихъ купцахъ, сосредоточивавшихъ всѣ свои силы на сибирскомъ хлѣбѣ. Въ Запольѣ оставался одинъ крупный мучникъ, старикъ Луковниковъ, да и тотъ какъ разъ разорился. Его вальцовая мельница, стоившая до четырехсотъ тысячъ, ушла съ торговъ всего за тридцать. Ее купила компанія Замараева, Голяшгина и Ермилыча. Это были дѣльцы уже новой формаци, смѣнившіе старое степенное купечество. Они спекулировали на чужомъ разореніи и быстро шли въ гору.

— Не все банку денежки-то огребать, — говорилъ Замараевъ. — Надо и прочимъ народамъ что-нибудь оставить на зубокъ.

Со смертью Ермилыча компанія осталась изъ двухъ, и Замараевъ высчиталъ, что наживетъ на этомъ тысячъ двадцать. Конечно, жалъ Ермилыча, хорошій былъ человекъ, а опять и деньги тридцать тысячъ не лишніи. Собственно хлѣбомъ Замараевъ началъ заниматься «изъ-за руки», благодаря Ермилычу, устроивавшему въ Запольѣ разныя хлѣбныя «комиссіи». Особенныхъ барышей отъ этихъ порученій не было, но и себѣ не въ убытокъ. Когда начались недороды, Замараевъ воспользовался случаемъ и нѣсколько разъ надулъ Ермилыча, утаивъ львиную долю прибыли. Впрочемъ, и самъ Ермилычъ нѣсколько разъ обувалъ Замараева на обѣ ноги и только глупо хихикалъ, когда тотъ начиналъ ругаться. Эти маленькія недоразумѣнія не мѣшали большой дружбѣ и Замараевъ искренно жалѣлъ безвременно погибшаго друга.

— Отъ своей доброты погибъ, — говорилъ Замараевъ со вздохомъ. — Конечно, жалѣлъ бѣдноту, — ну, и одолжалъ, а доброта вотъ какъ отрыгнулась.

Свое дѣло Замараеву окончательно надоѣло. Съ грошами приходится возиться и при этомъ какъ будто низко. Вонъ банкъ обдирать на чистоту и всѣ благородные, потому что много берутъ, а онъ, Замараевъ, точно какой искаріотъ. Всѣ даже пальцами указываютъ.

— Тоже вотъ отъ доброты началось, — вздыхалъ онъ. — Не

бойсь, мужички въ банкъ не идутъ, а у меня точно къ явленной иконѣ народъ преть.

Дѣйствительно, замараевская касса осаждалась каждое утро цѣлою толпой крестьянъ. Закладывался настоящій деревенскій мужикъ, тащившій въ городъ самовары, конскую сбрую, полушубки, бабьи сарафаны и вообще свое мужицкое «барахло», какъ называлъ Замараевъ этотъ отдѣлъ закладовъ. Нужно отдать справедливость, онъ принималъ эти вещи изъ участія къ захватившей деревню бѣдности, а настоящаго коммерческаго разсчета съ барахломъ не могло быть. Бывшій волостной писарь отлично понималъ ту отчаянную деревенскую нужду, которая закладывалась у него послѣдними потрохами. Купеческія и господскія денежки легкія, какъ и пожитки, а тутъ выбрасывалось мужицкое добро, точно поднималась тяжелая почвенная вода. Особенно негодовала жена Замараева, потому что отъ этого мужицкаго добра «очень ужъ тяжелый духъ по всему дому идетъ».

— Ничего ты не понимаешь, Анна, — усовѣщивалъ ее Замараевъ. — Конечно, я имъ благодѣтель и себѣ въ убытокъ балансъ дѣлаю: за тридцать-то шесть процентовъ въ годъ мнѣ и самому никто не дастъ двугривеннаго. А только, вѣдь, и на мнѣ крестъ есть... Понимаешь?

Выпущенный изъ тюрьмы Полуяновъ теперь занимался у Замараева въ кассѣ. Съ нимъ опять что-то дѣлалось — скучный такой, строгій и ни съ кѣмъ ни слова. Единственнымъ удовольствіемъ для Полуянова было хожденіе по церквамъ. Онъ и съ собой приносилъ какую-то церковную книгу въ старинномъ кожаномъ переплетѣ, которую и читалъ потихоньку отъ свободности. О судахъ и законахъ больше не было и помину, несмотря на отчаянное пристаиванье Харитона Артемьяча, приходившаго въ кассу почти каждый день, чтобы поругаться съ зятемъ.

— Пора о душѣ тебѣ позаботиться, — совѣтовалъ Полуяновъ.

— Ну, это ужъ попы знаютъ... Ихнее дѣло. А ты, Илья Опрсычъ, какъ переметная сума: сперва продалъ меня Ечкину, а теперь продаешь Замараеву. За Ечкина въ острогъ насидѣлся, а за любезнаго зятя въ самую отдаленную каторгу уйдешь на вѣчное поселенье... Вѣрно тебѣ говорю.

Замараевъ не обращалъ вниманія на ругань богоданнаго тятеньки и только время отъ времени повторялъ:

— Тятенька любезный, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ и дадимъ отвѣтъ на страшномъ пришествіи, а вамъ, дѣйствительно, пора бы на счетъ души соображать. Другіе-то старички вонъ каждодневно,

напримѣръ, въ церковь, а вы, прямо сказать, только северно-словите.

Банковскіе воротилы были въ страшной тревогѣ, т.-е. Мышниковъ и Штоффъ. Они совѣщались ежедневно, но не могли придти ни къ какому результату. Дѣло въ томъ, что ихъ компаніонъ по пароходству Галактіонъ держалъ себя самымъ страннымъ образомъ и каждую минуту можно было ждать, что онъ подведетъ. Сначала Штоффъ его защищалъ, а потомъ, когда Галактіонъ отказался платить Стабровскому, онъ принужденъ былъ молчать и слушать. Даже Мышниковъ, разорившій столько людей и всегда готовый на новыя подвиги, — даже Мышниковъ трусилъ.

— Утопить онъ насъ, вотъ посмотри! — увѣрялъ онъ Штоффа. — Вѣдь, теперь какой моментъ — онъ сразу выльзетъ въ миллионъ, а тогда его ужъ не достанешь.

— Д-да... вообще... Однимъ словомъ, чортъ его знаетъ, что у него на умѣ. Главное, какъ-то прячется ото всѣхъ.

Недоразумѣніе выходило все изъ-за того же дешеваго сибирскаго хлѣба. Компаньоны рассчитывали сообща закупить партію, перевезти ее по вешней водѣ прямо въ Заполье и поставить свою цѣну. Теперь, благодаря пароходству, хлѣбный рынокъ окончательно былъ въ ихъ рукахъ. Положимъ, что наличныхъ средствъ для такой громадной операціи у нихъ не было, но, вѣдь, можно было покредитоваться въ своемъ банкѣ. Дѣло было вѣрнѣе смерти и обѣщало страшные барыши.

— Тюменскіе купцы вонъ уже зафрахтовали пароходы на всю навигацію, — сообщилъ Штоффъ. — Хлѣбъ закупили отъ 17 до 23 к. за пудъ, а продавать хотятъ по 2 рубля. Это ужъ безсовѣстно.

— Конечно, безсовѣстно... Мы будемъ продавать по полтора рубля.

— Другими словами, отъ каждаго пуда возьмемъ полтину убытка. Ну, да ужъ какъ быть, надо послужить міру.

Да, все было рассчитано впередъ и даже процентъ благодѣянія на народную нужду и вдругъ прошелъ слухъ, что Галактіонъ самостоятельно закупилъ гдѣ-то въ Семипалатинской области миллионную партію хлѣба, закупилъ въ свою голову и даже не подумалъ о компаньонахъ. Новость была ошеломляющая, которая валила съ ногъ всѣ расчеты. Штоффъ полетѣлъ въ Городище, чтобъ объясниться съ Галактіономъ.

— Это правда? — спрашивалъ онъ послѣ нѣкоторыхъ предисловій.

— Да, — коротко отвѣтилъ Галактіонъ.

— А какъ же мы-то?

— Вы получите, что причтется на вашу долю за фрахтъ.

— Ну, это, братъ, стара штука!... Дудки!...

— А контрактъ? Вѣдь, контрактъ-то самъ Мышниковъ писалъ: тамъ только и говорится о фрахтѣ, а о совмѣстныхъ закупкахъ товара ничего не сказано, да и капиталовъ такихъ нѣтъ.

— Капиталь мы достанемъ.

— Объ этомъ раньше надо было подумать, а теперь поздно. Я взялъ весь фрахтъ на себя.

— Галактіонъ, есть у тебя совѣсть? Т.-е. тѣфу... Какая тамъ совѣсть! Вѣдь, ты тогда пропалъ бы, если бы мы тебя не выручили, а теперь что дѣлаешь?

— Вы свой кусочекъ хлѣба съ масломъ и получите. Достаточно вы поломались надо мной, а забыли только одно: пароходы-то, все-таки, мои... да.

— Послушай, да тебя разстрѣлять мало!... На свои деньги веревку куплю, чтобы повѣсить тебя. Вотъ такъ кусочекъ хлѣба съ масломъ! Проклятый ты человекъ, вотъ что. Гдѣ деньги взять?

— Это ужъ мое дѣло. Вѣдь, я не спрашиваю, гдѣ вы деньги берете. Однимъ словомъ, намъ нечего разговаривать.

Вернувшись въ Заполье, Штоффъ резюмировалъ Мышникову свое мнѣніе:

— Это... это гениальный мерзавецъ! Все такъ предусмотрѣть... Нѣтъ, это, наконецъ, свинство!

Мышникова больше всего занималъ вопросъ о томъ, откуда Галактіонъ могъ достать денегъ. Вѣдь, на худой конецъ нужно двѣсти-триста тысячъ.

— Нѣтъ, ты считай!—кричалъ Штоффъ, начиная рвать рѣдѣвшіе волосы.—Положимъ, что ему обойдется по 25 коп. пудъ—милліонъ пудовъ, значить, 250 тысячъ. Хорошо. Фрахтъ—15 к. съ пуда, ну, накладныхъ расходовъ владѣ 10 коп.—итого 500 тысячъ. Такъ? Положимъ, что онъ дастъ за 250 тысячъ процентовъ изъ 25—итого 62½ тысячи. Всего, слѣдовательно, онъ затрачиваетъ сумму въ 560 тысячъ. Такъ? А выручить полтора милліона, если пустить хлѣбъ по нашей цѣнѣ, значить, голеньгій милліонъ въ карманѣ. Нѣтъ, это чортъ знаетъ что такое!

Дальше сдѣлалось извѣстнымъ, что Галактіонъ арендовалъ мельницу отца въ Прорывѣ, потомъ ведетъ переговоры относительно вальцовой мельницы Замараева и Голяшкина и что, наконецъ, предлагаетъ земству доставить хлѣбъ по 1 р. 70 к. Все Заполье теперь только и говорило о Галактіонѣ. Онъ сдѣлался геро-

емь дня, котораго ждали столько лѣтъ. Еще ничего подобнаго не видали въ Запольѣ и самый банкъ съ его операціями являлся какою-то дѣтскою игрушкой. Слава Галактіона выросла въ нѣсколько дней, какъ снѣговой комъ. Поднялись всѣ аппетиты и тайныя вождѣленія ухватить свою долю. Но дорогъ былъ моментъ: другихъ пароходовъ не было, и Галактіонъ желѣзною рукой захватилъ весь хлѣбный рынокъ.

Самое скверное было то, что Мышниковъ и Штоффъ очутились въ смѣшномъ положеніи, и всѣ на нихъ указывали пальцами. Вѣдь, они спасли Галактіона, когда онъ погибалъ съ своими пароходами, а теперь должны были смотрѣть и ожигаться.

Мышниковъ теперь даже старался не показываться на публикѣ и съ горя проводилъ все время у Прасковьи Ивановны. Онъ за послѣдніе годы сильно растолстѣлъ и тянулъ вмѣстѣ съ ней мадеру. За бутылкой вина онъ каждый день обсуждалъ вопросъ, откуда Галактіонъ могъ взять деньги. Всѣ богатые люди на перечетъ. Стабровскій выученъ и не дастъ, а больше не у кого. Не припряталъ ли старикъ Луковниковъ? Да нѣтъ, не такой человѣкъ.

— Рѣшительно негдѣ взять таковой суммы!—повторялъ Мышниковъ, изнывая отъ желанія раскрыть тайну Галактіона.— Вѣдь, ужь, кажется, мы-то знаемъ, у кого и сколько денегъ... да.

— Умный человѣкъ—вотъ главная причина,—извила Прасковья Ивановна.—Я всегда это говорила.

— Да ты же и меня тогда подвела дать денегъ Галактіону на его проклятые пароходы.

— А зачѣмъ дурацкій контрактъ написалъ?

Въ довершеніе всего, въ *Запольскомъ Курьерѣ* появилась анонимная статья «о трехъ благодѣтеляхъ». Въ ней подробно разсказывалась исторія пароходной компаніи, а роль Мышникова и Штоффа выставялась въ самомъ комическомъ видѣ. Это была месть Харченка.

УП.

Начиная съ осени Устинька была завалена работой, особенно когда начали открываться столовые для голодающихъ и новые лечебные пункты. Немного было мѣстной интеллигенціи, но она горячо откликнулась на народное бѣдствіе, особенно молодежь. Рабочія руки были страшно дороги, да и было ихъ немного. Первые опыты съ кормленіемъ голодающихъ производились въ Запольѣ и скоро выработался опредѣленный типъ такихъ столовыхъ, а по нимъ уже отъѣзжались столовые въ уѣздѣ. Нужда была такъ велика, а сред-

ства такъ ничтожны, да и тѣ съ величайшимъ трудомъ добывались главнымъ образомъ изъ Россіи. Въ Запольѣ благотворителемъ оказался только Стабровский, на средства котораго было открыто до двадцати столовыхъ, а остальные богачи очень туго поддавались на просьбы о помощи. Устинька теперь часто бывала у Стабровскаго, который давалъ ей средства, не говоря, откуда они.

Чѣмъ больше шло время къ веснѣ, тѣмъ сильнѣе росла нужда, точно пожаръ. Разъ, когда Устинька вернулась домой изъ одной поѣздки по уѣзду, ее ждала записка Стабровскаго, кое-какъ нацарапанная карандашомъ: «Дорогой другъ, заверните сегодня вечеромъ ко мнѣ. Можетъ быть, это вамъ будетъ неприятно, но васъ непременно желаетъ видѣть Харитина. Ей что-то нужно сказать вамъ, и она нашла самымъ удобнымъ, чтобъ объясненіе происходило въ моемъ присутствіи. Я совѣтую вамъ повидаться съ ней».

«Что ей нужно отъ меня? — подумала дѣвушка, испытывая неприятное чувство, — она никогда не любила Харитину. — Какая-нибудь глупость».

Она сама не пошла бы на это объясненіе, если бы не настойчивый совѣтъ Стабровскаго. Старикъ не будетъ даромъ совѣтовать.

Неприятное чувство усиливалось по мѣрѣ того, какъ Устинька подходила къ дому Стабровскаго. Что ей за дѣло до Харитины и какое могло быть между ними объясненіе? У дѣвушки явилась даже малодушная мысль вернуться домой и написать Стабровскому отгазъ, но она преодолѣла себя и рѣшительно позвонила.

Харитина сидѣла въ кабинетѣ Стабровскаго, одѣтая вся въ черное, точно носила по комъ-то трауръ. Исхудавшее блѣдное лицо все еще носило слѣды недавней красоты, хотя Устинька въ первый моментъ рѣшительно не узнала прежней Харитины, цвѣтущей, какой-то задорно красивой и вѣчно веселой. Дамы раскланялись издали. Самъ Стабровскій былъ сильно взволнованъ.

— Вы хорошо сдѣлали, что пришли, — обрадовался онъ, крѣпко пожимая руку Устиньки. — Да, хорошо. Ахъ, что они дѣлаютъ, что дѣлаютъ! Вѣдь, это же ужасно, это безчеловѣчно!

Устинька чувствовала на себѣ упорный и тяжелый взглядъ Харитины и плохо понимала, что говорилъ Стабровскій.

— Представьте себѣ, Устинька, — продолжалъ старикъ. — Вѣдь, Галактіонъ получилъ вездѣ подряды на доставку дешеваго сибирскаго хлѣба. Другими словами, онъ получить самъ около четырехсотъ процентовъ на затраченный капиталъ. И еще благодѣтелемъ будетъ считать себя. О, если бы не моя болѣзнь, — сейчасъ же полетѣлъ бы въ Сибирь и привезъ бы хлѣбъ на плотахъ!

Харитина молчала, опутивъ глаза.

— А другіе еще хотятъ больше получить, — какъ-то стоналъ Стабровскій, тяжело ворочаясь въ своемъ креслѣ. — Это называется снимать рубашку съ нищаго... да!

Когда Стабровскій немного успокоился, Устинька проговорила, обращаясь къ гостѣмъ:

— Болеславъ Брониславичъ писалъ мнѣ, что вы желаете меня видѣть.

Харитина вздрогнула и отвѣтила не сразу. Голосъ у нея былъ такой слабый, съ какою-то странною хрипотой.

— Да. Видите ли, я... т.-е. я хочу сказать...

Она умоляюще посмотрѣла кругомъ своими широко раскрытыми сѣрыми глазами, точно искала какой-то невидимой помощи.

— Я знаю, что вы меня не любите... да, — выговорила она, наконецъ, дѣлая надъ собою усиліе, — и не пошли бы, еслибъ я сама васъ пригласила. А мнѣ такъ нужно васъ видѣть.

Стабровскій, нахмурившись, разсматривалъ свои ногти.

— Вы слышали, что сейчасъ говорили про Галактіона Михеича, а онъ совсѣмъ не такой, т.-е. не злой.

— Мнѣ это рѣшительно все равно, какой онъ, — отозвалась Устинька съ удивившею ее самоѣ рѣзкостью.

— Можетъ быть, я ошибаюсь, — еще мягче заговорила Харитина, глядя прямо въ глаза Устинькѣ. — Но я совсѣмъ ушла оттуда, изъ Городища... т.-е. онъ меня прогналъ... да.

— Пожалуйста, увольте меня отъ этихъ подробностей. Я рѣшительно не понимаю, къ чему вы все это говорите.

— Дѣло въ томъ... да... въ томъ, что Галактіонъ Михеичъ... однимъ словомъ, мнѣ его жаль. Пропадеть онъ окончательно. Всѣ его теперь бранятъ, другіе завидуютъ, а онъ не такой. Вотъ хоть и это дѣло, о которомъ сейчасъ говорилъ Болеславъ Брониславичъ. Право, я только не умѣю всего сказать, какъ слѣдуетъ.

Наступила неловкая пауза. Стабровскій закрылъ глаза, стараясь не смотрѣть на сумасшедшую гостью. Ему казалось, что она ненормальна.

— Я жду, — проговорила Устинька.

Харитина посмотрѣла на нее и проговорила сдавленнымъ голосомъ:

— Отчего вы не хотите идти за него замужъ? Онъ былъ бы другой, повѣрьте мнѣ... Вѣдь, онъ сходитъ съ ума вотъ уже три года.

— Немного странный вопросъ, Харитина Харитоновна, — съ

улыбкой отвѣтила Устинька. — И, право, мнѣ трудно отвѣчать на него. Мы, кажется, не понимаемъ другъ друга. Просто, не желаю. Онъ мнѣ не нравится.

— Онъ? Галактіонъ Михеичъ? — въ какомъ-то ужасѣ прошептала Харитина.

— Да, Галактіонъ Михеичъ. Даже больше, чѣмъ не нравится. Говоря откровенно, я его презираю... Онъ по натурѣ нехорошій человѣкъ.

— Не правда! — рѣзко проговорила Харитина и даже вся выпрямилась.

— Потомъ, мнѣ странно, что спрашиваете меня именно вы.

— Да, вѣдь, я ушла совсѣмъ и никогда больше не увижу его.

— И я тоже постараюсь никогда съ нимъ не встрѣчаться.

Устинькѣ показалось, что Харитина чуть-чуть улыбнулась и посмотрѣла на нее злыми глазами. Она не вѣрила ей.

— Думаю, что мы достаточно все выяснили и поэтому кончимте, пожалуйста, — заговорила Устинька, наблюдая Стабровскаго. — Кажется, довольно сказано.

Харитина поднялась, протянула руку Стабровскому и, простившись съ Устинькой поклономъ, вышла изъ кабинета. Благодаря удобъ, она казалась выше, чѣмъ была раньше.

— Это приходило само несчастіе, — проговорилъ Стабровскій, глядя на дверь. — А знаете, Устинька, она была дивно хороша вотъ сейчасъ, здѣсь, хороша своимъ женскимъ героизмомъ.

— Я такихъ женщинъ не понимаю. Кажется, такой безцѣльный героизмъ относится къ области эстетики, а въ дѣйствительной жизни онъ просто неудобень.

— Не говорите. Кстати, я вызвалъ васъ на это свиданіе вотъ почему: все равно, она разыскала бы васъ и Богъ знаетъ, чѣмъ все могло кончиться. Я просто боялся за васъ. Такія женщины, какъ Харитина, въ такомъ приподнятомъ настроеніи способны на все.

— Что же она могла сдѣлать со мной?

— Мало ли что: облить кислотой, выстрѣлить изъ револьвера. Она ревнуетъ васъ къ этому Галактіону. Замѣйте, что она продолжаетъ его любить безъ ума и дошла до того, что наслаждается собственнымъ униженіемъ. Кстати, она опять сходится съ своимъ мужемъ.

— Съ Полуяновымъ? Это тоже изъ области дивнаго героизма?

— Пожалуй, если хотите. Она хочетъ хоть этимъ путемъ подгрѣть въ Галактіонѣ ревнивое чувство. На всякій случай, мой

совѣтъ: вы поберегайтесь этой особы. Чѣмъ она ласковѣе и скромнѣе, тѣмъ могутъ быть опаснѣе вспышки.

Стабровскій въ послѣднее время часто мѣнялъ съ Устинькой тонъ. Онъ то говорилъ ей *ты*, какъ прежде, когда она была ребенкомъ, то переходилъ на дѣловое *вы*. Когда Устинька уходила, Стабровскій пошутилъ:

— Устинька, смотрите, въ самомъ дѣлѣ не влюбитесь въ Галактіона. Въ немъ, дѣйствительно, есть что-то такое, что правится женщинамъ, а сейчасъ онъ уже окончательно на геройскомъ положеніи. Для меня лично, впрочемъ, онъ теперь совсѣмъ опредѣлившійся негодяй.

Отъ Стабровскаго Устинька вышла въ какомъ-то туманѣ. Ее сразу оставила вся выдержка. Она шла и краснѣла, припоминая то, что говорилъ Стабровскій. О, только онъ одинъ понималъ ее и съ какою вѣжливостью старался не дать этого замѣтить! Но она уже давно научилась читать между строкъ и понимала больше, чѣмъ онъ думалъ. Въ сущности, сегодняшнее свиданіе съ Харитиной было ея экзаменомъ. Стабровскій, наконецъ, убѣдился въ томъ, чего боялся и за что жалѣеть сейчасъ ее. Да, только онъ одинъ будетъ знать ея дѣвичью тайну.

Вернувшись домой, Устинька заперлась въ свою комнату, бросилась на постель и долго плакала. Умъ говорилъ одно, а сердце другое. Получался ошеломлявшій ее разладъ. Плакала слабая женщина, платившая дань своей слабости. Устинька не умѣла даже сказать, любить она Галактіона или ненавидитъ. Но она много думала о немъ, особенно въ послѣднее время, и жалѣла себя. Именно, только съ такимъ мужемъ она могла быть счастливой, еслибъ онъ не имѣлъ за собой тяжелаго прошлаго и этого ужаснаго настоящаго. Да, это была сила и сила не дюжинная. Для сравненія у Устиньки было сейчасъ достаточно матеріала. Хорошихъ людей много, но всѣ они такіе безсильные. Все только на языкъ, въ теоріи, въ области никогда не осуществимыхъ хорошихъ чувствъ. Можетъ быть, и хороши они только потому, что ничего не стоили своимъ владѣльцамъ. Устинька перебирала всѣ свои хлопоты по голодному дѣлу и не могла не придти къ заключенію, что все такъ мало и неумѣло сдѣлано, ничего не подготовлено, какъ-то вяло и пассивно. А если бы за это же дѣло взялся Галактіонъ... о, онъ одинъ сумѣлъ бы прокормить цѣлый уѣздъ, создать работу, найти приложеніе даромъ пропадавшимъ силамъ и вдохнуть мужскую энергію!

Именно это и понималъ Стабровскій, понималъ въ ней ту энергичную сибирскую женщину, которая не удовлетворится одними

словами, которая для дѣла пожертвуетъ всёю и будетъ своему мужу настоящимъ другомъ и помощникомъ. Тутъ была своя поэзія, поэзія силы, широкаго размаха энергіи и неудержимаго стремленія впередъ.

Стоило Устиньгѣ закрыть глаза, какъ она сейчасъ видѣла себя женой Галактіона. Да, именно, жена, то, изъ чего складывается нераздѣльный организмъ. О, какъ хорошо она умѣла бы любить эту упрямую голову, заполоненную такими смѣлыми планами! Сильная мужская воля направлялась бы любящею женскою рукой, и все дѣлалось бы, какъ прекрасно говорили старинные русскіе люди, *по душѣ*. Все по душѣ, по глубокимъ внутреннимъ тяготѣніямъ къ правдѣ, къ общенародной совѣсти. Именно, вѣдь, тѣмъ и хорошъ русскій человѣкъ, что въ немъ еще живетъ эта общая совѣсть и что онъ не потерялъ способности стыдиться. Вотъ съ побѣднымъ шумомъ грузно работаетъ пароходная машина, впереди движущаяся дорогой развертывается громадная рѣка, точно безконечная лента къ какому-то приводу, зеленѣетъ строгій хвойный лѣсъ по берегамъ, мелькаютъ рѣдкія селенія, затерявшіяся на широкомъ сибирскомъ привольѣ. Хорошо. Бодро. Свѣтло. Жизнь полна. Это — счастье.

И вдругъ ничего нѣтъ!... Нѣтъ, прежде всего, любимаго человѣка. И другого полюбить нѣтъ силъ. Все кончено. Радужный туманъ свѣтлаго утра сгустился въ темную грозовую тучу. А любимый человѣкъ несетъ съ собой позоръ и разореніе. О, онъ никогда не узнаетъ ничего и не долженъ знать, потому что не достоинъ этого! Есть святые чувства, до которыхъ не должна касаться чужая рука.

Харитина не уснокоилась и нѣсколько разъ приходила къ Луконниковымъ, пока не поймала Устиньгу.

— Что вамъ, наконецъ, нужно отъ меня? — разсердилась дѣвушка.

Но съ Харитиной трудно было говорить. Она рыдала, ломала руки и вообще сумасшествовала.

— Ради Бога, скажите: любите вы его? — приставала Харитина. — Ну, немножечко, чуть-чуть?... Развѣ можно его не любить?

— Я не желаю съ вами говорить.

— А я васъ ненавижу, всю ненавижу! Вы всё меня обманываете!

Потомъ Харитина опять начинала плавать, цѣловала руки Устиньги и еще больше неистовствовала. Дѣвушка, наконецъ, собралась съ силами и смотрѣла на нее, какъ на сумасшедшую.

Развѣзжая по уѣзду, Устинька познакомилась въ раскольничьихъ семьяхъ съ совершенно новымъ для нея типомъ женщины, — это были такъ называемыя чернички. Онѣ добровольно отказывались отъ замуштва и посвящали свою жизнь обученію дѣтей и разнымъ душеспасительнымъ подвигамъ. Причинъ для такого черничества въ тяжеломъ складѣ народной жизни было достаточно, а на первомъ планѣ, конечно, стояло неудовлетворенное личное чувство. Устинька сначала разсматривала этихъ черничекъ съ любопытствомъ, потомъ жалѣла ихъ и, наконецъ, пришла къ убѣжденію, что, вѣдь, и она, Устинька, тоже въ своемъ родѣ черничка, интеллигентная черничка.

Этимъ все разрѣшалось и все дѣлалось ясно. Устинька совершенно опредѣлилась, какъ опредѣлился, по словамъ Стабровскаго, Галактіонъ.

УШ.

Вахрушка съ ранняго утра принимался «за чистоту», т.-е. все обметалъ, теръ щеткой, наводилъ лоскъ суконкой, обдувалъ и даже въ британскихъ случаяхъ облизывалъ языкомъ. Это было цѣлое священнодѣйствіе. Но событія послѣдняго времени совершенно лишили его необходимаго душевнаго равновѣсія и онъ уже не испытывалъ прежняго наслажденія отъ наведенія чистоты. Дѣло въ томъ, что помѣстилъ его въ банкъ на службу Галактіонъ, на котораго онъ молился, а теперь у Галактіона вышли «контры» съ Штоффомъ и самимъ Мышниговымъ. Конечно, Вахрушка маленькій человекъ и ни въ чемъ не былъ виноватъ, а, все-таки, страшно. Вдругъ Павелъ Степанычъ скажетъ: «ну-ка, ты, такой-сякой, Галактіоновъ ставленикъ!» У Вахрушки впередъ уходила душа въ пятки и онъ трепеталъ за свой постъ, вѣроятно, больше, чѣмъ какой-нибудь министръ или президентъ. Въ самомъ дѣлѣ, извольте-ка: сдѣлался человекомъ вполне и вдругъ опять пожалуйте въ прежнее ничтожество. Мысленно Вахрушка перебиралъ всѣ подходящія мѣста и находилъ одно, что другого такого мѣста, какъ банковскій швейцаръ, даже и не бываетъ.

«Ну, что же, поцарствовалъ, надо и честь знать, — уныло ре опировалъ Вахрушка, чувствуя, какъ у него даже «чистота» не въ ходитъ и орудія наведенія этой чистоты сами собой изъ рукъ ва ятятся. — Спасибо голубчику Галактіону Михенчу, превознесъ онъ меня за родительскія молитвы, а впередъ ужъ, что Господь пош. ытъ».

Главнымъ образомъ, Вахрушку съѣдала затаенная алчба: онъ копилъ деньги и чѣмъ больше копилъ, тѣмъ жаднѣе дѣлался.

Именно въ одно изъ такихъ утръ, когда Вахрушка съ мрачнымъ видомъ сидѣлъ у себя въ швейцарской, къ нему появился Михай Зотычъ, одѣтый странникомъ, какимъ онъ его видѣлъ въ первый разъ, когда въ Суслонѣ засадилъ по приказанію Замараева въ темную.

— Ну, здравствуй, служба! Каково прыгаешь?

— Ухъ, какъ ты меня испугалъ, Михай Зотычъ!

— Видно, грѣховъ накопилъ, вотъ и пугаешься всего. Ну, что же, денежный грѣхъ на богатаго. Вотъ и я зашелъ тебя провѣдать, Вахрушка.

— Куда опять навлался-то, Михай Зотычъ?

— А дѣльце есть, милый. Иду на свадьбу: женится медвѣдь на коровѣ. Ну-ка, угадай?

— Охъ, не выкомуривай ты со своими загадками, Михай Зотычъ! Какъ это ты учнешь свои загадки загадывать, такъ меня даже въ потъ кинетъ.

— Не любишь, миленькій? Забрался какъ мышь подъ коню съ сѣномъ и шире тебя нѣтъ, а того не знаешь, что нѣтъ мощны—есть спина. Ну-ка, отгадай другую загадку: стоитъ голубятня, летять голуби со всѣхъ сторонъ, клюютъ зерно, а сами худѣютъ.

— Будетъ тебѣ, Михай Зотычъ. Не хочешь ли чайку?

— Чайку, да табачку, да зелена винца? Въ самый это мнѣ разъ. Уважилъ, однимъ словомъ. Охъ, всѣ мы выхлебали въ чаю Ваньку голаго!

Михай Зотычъ любилъ помудрить надъ простоватымъ Вахрушкой и, натѣшившись вдоволь, заговорилъ уже по-обыкновенному. Вахрушка зналъ, что онъ не спроста пришелъ, и впередъ боялся, какъ бы не сболтнуть чего лишняго. Очень ужъ хитеръ Михай Зотычъ, продастъ и выкупитъ на одномъ словѣ. Ему бы по настоящему въ банкъ сидѣть да съ купцами-банкрутами разговаривать.

— Ты, сказываютъ, нынче по скитамъ душу спасаешь?—политично завелъ Вахрушка разговоръ.

— Около того. Душу-то спасалъ, а тутъ вдругъ захотѣлъ сибирскаго дешеваго хлѣбца отвѣдать... да. Сынокъ Галактіонъ Михеичъ всѣхъ, сказываютъ, удоволилъ.

— Пригналъ первый караванъ изъ Сибири и по рублю семи гривенъ все продалъ. Большія тысячи наживаетъ.

— Умный онъ у меня, Галактіонъ-то. Сердце радуется.

— И точно умный, Михей Зотычъ.

Вахрушка приперъ двери, оглядѣлся и заговорилъ шепотомъ:

— Другіе-то рвутъ и мечутъ, Михей Зотычъ, потому какъ Галактіонъ Михеичъ свою линію впередъ всѣхъ вывелъ. Ужъ на что уменъ Мышниковъ, а и у того неустойга вышла супротивъ Михея Зотыча. Истинно сказать, министромъ быть. Деньги теперь прямо лопатой будетъ огребать, а другіе-то поглядывай на него да ожидайся. Можно прямо сказать, что на настоящую точку Галактіонъ Михеичъ вышли.

— Вотъ, вотъ. Всѣ завидуютъ... да.

Михей Зотычъ пожевалъ губами, поморгалъ и прибавилъ:

— Дурачки вы всѣ, Вахрушка.

— Это по какой такой причинѣ, Михей Зотычъ?

— А по такой. Все деньги, вездѣ деньги, всѣ такъ и прячутся за деньги, а того не понимаютъ, что богача-то съ его деньгами убогій своимъ хлѣбомъ кормить.

— Ничего я не понимаю въ ѣтакихъ дѣлахъ, Михей Зотычъ. Мы-то на двугривенные считаемъ.

— Вотъ и насчитали цѣлый голодъ.

Михей Зотычъ поворчалъ, поглумился, а потомъ началъ рассказывать про свою поѣздку изъ сбитовъ. Вахрушка въ тактъ разсказа только вздыхалъ и качалъ головой. Охъ, пришла бѣда всѣмъ грешнымъ, — такая бѣда, что и не выговоришь!

— Посмотрѣлъ я достаточно, — продолжалъ Михей Зотычъ. — Самого чуть не убили на мельницѣ у Ермилыча. «Ты, — кричать мужички, — разорилъ насъ!» Вотъ какое дѣло - то выходитъ. Озвѣрѣлъ народъ. Охъ, худо, Вахрушка!... А помочь нечѣмъ. Вотъ вы гордитесь деньгами, а пришла бѣда, васъ и нѣтъ. Такъ-то.

Потомъ Михей Зотычъ принялся ругать мужиковъ - пшеничниковъ, оренбургскихъ козаковъ и башкиръ, — всѣ пропились на самоварахъ и гибнуть отъ прикачнувшейся легкой копѣечки. А главное — работать по-настоящему разучились: помажутъ сохой — вотъ и вся пахота. Не удобряютъ земли, не блюдутъ скотинку и все такъ-то. Съ одной стороны легкія деньги, а съ другой — своя лѣнь подpiraеть. Какъ же тутъ голоду не быть?

— Ну, это ужъ ты врешь, Михей Зотычъ! — азартно вступился Вахрушка. — И даже понимать по-настоящему не можешь.

— Но-о?

— Я тебѣ говорю. Ты вотъ свой интересъ понимаешь въ лучшемъ видѣ, а мужика не знаешь.

— А вотъ и знаю!... Почему, скажи-ка, по ту сторону горъ,

гдѣ и земля хуже, и народъ бѣдный, и аренды большія, — тамъ народъ не голодуеть, а здѣсь все есть, всего Богъ надавалъ и мужикъ-пшеничникъ голодуеть?... У васъ тамъ Строгановы берутъ за десятину по 8 рубл. аренды, а въ козачьихъ земляхъ десятина стоитъ всего 20 копѣекъ.

Старики жестоко распорились. Въ Вахрушкѣ проснулся дремавшій пахарь, ненавидѣвшій въ лицѣ Михея Зотыча эксплуата-тора-гупца. Оба кричали, размахивали руками и говорили другъ другу дерзости.

— Ты вотъ уменъ, разсчиталъ всю крестьянскую бѣду на грошики, — оралъ Вахрушка. — Зубы у себя во рту сперва сосчитай... Можетъ, Господь милость свою посылаетъ: на, почувствуйся, сообразишь, а ты на щетахъ хочешь сосчитать эту самую бѣду. Тутъ все дѣло въ душѣ... Понялъ теперь? Отчего богатая земля перестала родить? Отчего или засуха, или ненастье? Ну-ка, привинь... Все отъ души идетъ. А ты поѣшь дорогого-то сибирскаго хлѣбца, поголодуй, поплачь, повытряси дурь - то, которая накопи-лась въ тебѣ, и сойдетъ все, какъ короста въ банѣ. И тотъ виноватъ у тебя, и этотъ виноватъ, а взять не съ кого. Всѣ виноваты, а все отъ души.

— И орда мретъ отъ души, по-твоему?

— И у орды своя душа, и свой отвѣтъ... А только настоящаго правильнаго крестьянина ты, все-таки, не понимаешь. Тебѣ этого не дано.

Сбитый съ позиціи Михея Зотычъ повернулъ на излюбленную скитскую тему о царствующемъ антихристѣ, который уловляетъ прельщенныя души любезныхъ своихъ слугъ гладомъ, но Вахрушка и тутъ нашелся.

— Это вамъ про антихриста-то старухи-скитницы на печкѣ наврала. Кто его видѣлъ?

— Я его видѣлъ... т.-е. не видѣлъ, а бѣжалъ онъ за мной, когда я ѣхалъ сюда изъ скитовъ. За сани хватался.

— Ну, плохой антихристъ, который будетъ по дорогамъ бѣгать! Къ настоящему-то сами всѣ придутъ и сами поклонятся. На, радуйся, всѣ мы твои, какъ рыба въ неводу... Гладь-то будетъ душевный, а не тѣлесный. Понялъ?

Увлечшись этимъ богословскимъ споромъ, Вахрушка, кажется, еще въ первый разъ за все время своей службы не видалъ, какъ пріѣхалъ Мышниковъ и прошелъ въ банкѣ. Онъ опомнился только, когда въ банку, сломя голову, прискакалъ на извозчикѣ Штоффъ и, не раздѣваясь, полетѣлъ паверхъ.

— Здѣсь Павелъ Степанычъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, Карлъ Барлычъ.

— Врешь ты, старое чучело! Негдѣ ему быть.

Черезъ минуту онъ уже выходилъ вмѣстѣ съ Мышниковымъ. Банковскіе дѣльцы были ужасно встревожены. Еще черезъ минуту весь банкъ уже зналъ, что Стабровскій скоропостижно умеръ отъ удара. Разсердился на миссъ Дудль, которая неловко подала ему какое-то лѣкарство, раскрылъ ротъ, чтобы сдѣлать ей выговоръ, и только захрипѣлъ.

— Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ! — повторялъ Вахрушка, отглядывая широкіе кресты. — Хоть и латынскаго закону былъ человекъ, а, все-таки, крещеная душа.

— Главное, что безъ покаянія свой конецъ принялъ, — задумчиво отвѣчалъ Михай Зотычъ. — Охъ, горе душамъ нашимъ!

— Не до тебя, Михай Зотычъ, — грубо остановилъ его Вахрушка. — Шель бы ты своею дорогой, куда наклася.

— И то пора, миленькій... Прости на скоромъ словѣ, ежели што.

— Ну, Богъ тебя простить, только уходи.

Михай Зотычъ вышелъ на улицу, остановился на тротуарѣ, посмотрѣлъ на новенькое зданіе банка, покачалъ головой и проговорилъ:

— Ничего, крѣпкая голубятня налажена... Много слѣдovъ входящихъ, а мало исходящихъ.

Штоффъ и Мышниковъ боялись не смерти Стабровскаго, которая не являлась неожиданностью, а его зятя, который могъ захватить папки съ банковскими дѣлами и бумагами. Большой Стабровскій не оставлялъ банковскихъ дѣлъ и занимался ими у себя на дому.

Въ домѣ Стабровскаго происходилъ ужасный переполохъ. Банковскихъ дѣльцовъ встрѣтила Устиньба, заплаканная, жалкая, растерявшаяся. Дѣвушка никакъ не могла помириться съ мыслью, что теперь лежалъ только холодѣвшій трупъ Стабровскаго, не имѣвшій возможности проявить себя ни однимъ движеніемъ. Еще утромъ человекъ былъ живъ, что-то рассчитывалъ, на что-то надѣялся, могъ ридоваться и негодовать, а теперь уже ничего было не нужно. Для Устиньки это была еще первая смерть близкаго человека, и она въ первый разъ переживала всѣ ощущенія, которыя вызываются та-
к ми событіями. Поднялось разомъ что-такое огромное, беспощадное, передъ которымъ всѣ были равны по своему ничтожеству. Въ сущности, вѣдь, никто не думаетъ о собственной смерти, вели-

кодушно предоставляя умирать другимъ. Въ смерти есть неумолимая правда.

Въ кабинетѣ были только трое: докторъ Кацманъ, напрасно старавшійся привести покойнаго въ чувство, и Дидя съ мужемъ. Устинька пошла за банковскими дѣльцами и съ ужасомъ услышала, какъ говорилъ Штоффъ Мышникову:

— Необходимо все опечатать... Папки съ банковскими бумагами у него всегда лежали въ лѣвомъ ящикѣ письменнаго стола, а часть въ несгораемомъ шкафу. Необходимо принять всѣ предосторожности.

Мышниковъ ничего не отвѣтилъ. Онъ боялся смерти и теперь находился подъ впечатлѣніемъ того, что она была вотъ здѣсь. Онъ даже чувствовалъ, какъ у него мурашки идутъ по спинѣ. Да, она пронеслась здѣсь, дохнувъ своимъ леденящимъ дыханіемъ.

— Я боюсь, — признался онъ Штоффу, останавливаясь у дверей кабинета. — Ступай ты одинъ.

Устинька слышала эту фразу и поняла: вѣдь, всѣ чувствовали себя какъ-то неловко, точно были всѣ виноваты въ чемъ-то.

Панъ Казиміръ отнесся къ банковскимъ дѣльцамъ съ высокомернымъ презрѣніемъ, сразу измѣнивъ прежній тонъ безличной покорности. Онъ уже чувствовалъ себя хозяиномъ. Дидя только повторяла настроеніе мужа, какъ живое зеркало. Между прочимъ, встрѣтивъ миссъ Дудль, она дерзко сказала ей при Устинькѣ:

— Это вы умилили отца... да. Можете считать съ этого дня себя вполне свободной.

Англичанка ничего не отвѣтила, а только чопорно поклонилась. Устиньку возмутила эта сцена до глубины души, но когда Дидя величественно вышла изъ комнаты, миссъ Дудль объяснила Устинькѣ съ счастливою улыбкой:

— Не нужно обращать вниманія на ея выходки... да. Она въ такомъ положеніи.

— Въ какомъ? — не понимала Устинька.

— Она беременна.

Смерть смѣнялась новою жизнью.

Въ передней на стулѣ сидѣлъ Ечкинъ и глухо рыдалъ, закрывъ лицо руками. Около него стояла горничная и тоже плакала, вытирая слезы концомъ передника.

IX.

Стоялъ уже конецъ весны. Выпадали совсѣмъ жаркіе дни, какіе бываютъ только лѣтомъ. По дорогѣ изъ Заполья къ Городищу

шли три путника, которыхъ издали можно было принять за бого-моловъ. Впереди шла въ короткомъ ситцевомъ платьѣ Харитина, повязанная, по-крестьянски, простымъ бумажнымъ платкомъ. За ней шагали Полуяновъ и Михай Зотычъ. Старикъ шелъ бодро, помахивая длинною черемуховою палкой, съ какою водять стада пастухи.

— Слава Богу, тепло стоять, — повторялъ Полуяновъ, про-сматривая по сторонамъ зеленѣвшіе посѣвы. — И травка, и хлѣ-бушко растутъ. Скотина, по крайней мѣрѣ, отдохнетъ.

— Много ли ей осталось, этой скотины? — спрашивалъ Михай Зотычъ. — Которую прикололи и сами съѣли, а другую пораспро-дали.

Странники внимательно осматривали каждое поле и оцѣнивали его. Рѣдко гдѣ попадалась хорошая пахота, и зерно посѣяно кое-какое и кое-какъ. Не хватало лошадей на настоящую пахоту, да и пахали голодные руки. Въ большинствѣ случаевъ, всходы были не-ровные, островами и плѣщинами, точно волосы на головѣ у чело-вѣка, только что перенесшаго жестокой тифъ. И трава росла такъ же, точно не могла собраться съ силами. Впрочемъ, ближе къ рѣкѣ Блючевой, гдѣ разлеглись заливные луга, травы были совсѣмъ хо-рошія. Любо было смотрѣть на эту зеленую силу; рѣка катилась точно въ зеленой шелковой рамѣ. Дорога была пыльная и Харити-на уже давно устала, но шла черезъ силу, чтобы не задерживать другихъ. Она даже сама не знала, куда они идутъ. Просто, Илья Фирсычъ велѣлъ идти и она повиновалась съ какою-то ожесточен-ною покорностью. Ей доставляло теперь какое-то мучительное на-слажденіе презирать самоѣ себя. Одно слово «мужъ» чего стѣдить... И она шла, какъ овца, которую тащили на бойню. Полуяновъ из-рѣдка презрительно смотрѣлъ на нее и сразу подтягивался, точно припоминая что-то. Онъ ненавидѣлъ даже тѣнь, которая колеблю-щимся и расплывающимся пятномъ двигалась по дорожной пыли за Харитиной.

— Скоро ужъ Гороховъ мысъ, — проговорилъ Михай Зотычъ, когда они сдѣлали полпути и Харитина чуть не падала отъ уста-лости. — Надо передохнуть малость.

— Важные господа всегда отдыхаютъ, — сурово отвѣтилъ По-луяновъ.

Гороховъ мысъ выдавался въ Блючевую зеленымъ языкомъ. Плятно было свернуть съ пыльной дороги и брести прямо по зеле-ной сочной травѣ, такъ и обдававшей застоявшимся тяжелымъ аро-момъ. Вышли на самый берегъ и сдѣлали привалъ. Напротивъ,

через рѣку, высились обсыпавшіеся красные отвѣсы крутого берега, подъ которымъ проходила старица, т. е. главное русло рѣки.

Харитина упала въ траву и лежала безъ движенія, наслаждаясь блаженнымъ покоемъ. Ей хотѣлось вѣчно такъ лежать, чтобы ничего не знать, не видѣть и не слышать. Тяжело было даже думать, — мысли точно сверлили мозгъ.

— Ужь лучше нашей Ключевой, кажется, на всемъ свѣтѣ другой рѣки не сыщешь, — восторгался Михай Зотычъ, просматривая плесо изъ-подъ руки. — Божья дорожка — сама везетъ...

Полуяновъ ничего не отвѣтилъ, продолжая хмуриться. Видимо, онъ былъ не въ духѣ и присутствіе Харитины его раздражало, хотя онъ самъ же потащилъ ее. Онъ точно сердился даже на рѣку, на которую смотрѣлъ изъ-подъ руки съ какимъ-то озлобленіемъ. Подъ солнечными лучами гладкое плесо точно горѣло въ огнѣ.

Харитина думала, что старики отдохнутъ, забусятъ и двинутся дальше, но они, повидимому, и не думали уходить. Очевидно, они сошлись здѣсь по уговору и чего-то ждали. Скоро она поняла все, когда Полуяновъ сказалъ всего одно слово, глядя внизъ по рѣкѣ:

— Идетъ...

Лежавшій на травѣ Михай Зотычъ встрепенулся. Харитина взглянула внизъ по рѣкѣ и увидѣла поднимавшійся гудрявый дымокъ, который таялъ въ воздухѣ длиннымъ султаномъ. Это былъ пароходъ... Значитъ, старики ждали Галактіона. Первымъ движеніемъ Харитины было убѣжать и куда-нибудь скрыться, но потомъ она передумала и осталась. Не все ли равно?

Пароходъ двигался вверхъ по рѣкѣ очень медленно, потому что тащилъ за собой на буксирѣ нѣсколько барожъ съ хлѣбомъ. Полуяновъ сидѣлъ неподвижно въ прежней позѣ, скрестивъ руки на согнутыхъ колѣняхъ, а Михай Зотычъ нетерпѣливо ходилъ по берегу, размахивалъ палкой и что-то разговаривалъ съ самимъ собой.

Пароходъ приближался. Можно уже было рассмотреть и черную трубу, выкидывавшую черную струю дыма, и разгребавшія воду красныя колеса, и три барки, тащившіяся на буксирѣ. Сибирскій хлѣбъ на громадныхъ баржахъ доходилъ только до Городища, а здѣсь его перегружали на небольшія барки. Михея Зотыча беспокоила мысль о томъ, ѣдетъ ли на пароходѣ самъ Галактіонъ, что было всего важнѣе. Онъ снялъ даже сапоги, засучилъ штаны и забрелъ по колѣна въ воду.

Пароходъ подходилъ уже совсѣмъ близко. Пароходная прислуга столпилась у борта и глазѣла на стоявшаго въ водѣ старика.

— Эй, стой! — крикнулъ Михай Зотычъ.

— Мы не бере-омъ пассажировъ! — отвѣтилъ въ рупоръ кто-то съ капитанской рубки.

— Лодку подавай!

У колеса показался самъ Галактіонъ, посмотрѣлъ въ бинокль, узналъ отца и застопорилъ машину. Колеса перестали буровить воду, изъ трубы вылетѣлъ клубъ бѣлаго пара, отъ парохода быстро отдѣлилась лодка съ матросами.

— Давно бы такъ-то, — замѣтилъ Михай Зотычъ, когда лодка тгнулась носомъ въ берегъ. — Илья Фирсычъ, садись...

Матросы узнали Харитину и не знали, что дѣлать, — брать ее или не брать.

— Забирай всѣхъ, — приказывалъ Михай Зотычъ. — Слава Богу, не чужіе люди.

Садясь въ лодку, Полуяновъ оглянулся на берегъ, гдѣ оставалась и зеленая трава, и вольная волюшка. Онъ тряхнулъ головой, перекрестился и больше ни на что не обращалъ вниманія.

— Вотъ мы, слава Богу, и домой приѣхали, — говорилъ Михай Зотычъ, карабкаясь по лѣсенкѣ на пароходъ. — Хорошій домогъ: сегодня здѣсь, завтра тамъ.

Галактіонъ протянулъ руку, чтобы помочь отцу подняться, но старикъ оттолкнулъ ее.

— Оставь... Ужъ я какъ-нибудь самъ взберусь.

Старикъ, наконецъ, взобрался и помогъ подняться Полуянову и Харитинѣ, а потомъ уже обратился къ Галактіону:

— Ну, теперь здравствуй, сынокъ... Принимай дорогихъ гостей.

Галактіонъ уже предчувствовалъ недоброе, но сдержалъ себя и спокойно проговорилъ:

— Пожалуйте, папаша, въ мою каюту. Тамъ будетъ прохладнѣе.

— Итъ, ужъ мы здѣсь, — протестовалъ Полуяновъ, выдвигаясь впередъ.

— Ну, говори, — подталкивалъ его Михай Зотычъ.

— Ужъ такъ и быть скажу.

— А я васъ не желаю здѣсь слушать, — заявилъ Галактіонъ.

Всѣ гурьбой пошли въ капитанскую каюту, помѣщавшуюся у шваго колеса. Матросы переглядывались. И Михай Зотычъ, и Полуяновъ, и Харитина были извѣстные люди. Каюта была крошечная, такъ что гости едва размѣстились.

— Судить тебя пришли, сынокъ, — заявилъ Михай Зотычъ. — И Илья Фирсычъ, ты попервоначалу.

Галактіонъ стоялъ у двери блѣдный, какъ полотно, и старался не смотрѣть на Харитину.

— И скажу...—громко началъ Полуяновъ, дѣлая жестъ рукой.— Когда я жилъ въ ссылке, вы, Галактіонъ Михеичъ, увели къ себѣ мою жену... Потомъ я вернулся изъ ссылки, а она продолжала жить. Потомъ вы ее прогнали... Куда ей дѣваться? Она и пришла ко мнѣ... Какъ вы полагаете, пріятно это мнѣ было все переносить? Бѣдный я человѣкъ, но мечь я затаилъ-съ... Сколько лѣтъ питался одною злобой и, можно сказать, жилъ ею одной. И бѣдный человѣкъ желаетъ мстить.

Полуяновъ тяжело перевелъ духъ. Галактіонъ продолжалъ молчать. У него даже губы побѣлѣли.

— Но, вѣдь, бѣдному человѣку трудно мстить,— продолжалъ Полуяновъ.— Это могутъ позволить себѣ только люди со средствами... И опять бѣдному человѣку трудно разбогатѣть. И я все думалъ, и даже просилъ Бога... Помните вы, Галактіонъ Михеичъ, старика Нагибина? Что же я говорю,—вмѣстѣ тогда на свадьбѣ у Симона были... да-съ. Такъ вотъ тогда мнѣ на этой свадьбѣ и пришла мысль-съ... да-съ... И я оную мысль воспиталъ и взмелѣялъ... вотъ какъ дѣтей воспитываютъ: все одно думаю, все одно думаю. Помните, что тогда старикъ отказалъ Натальѣ Осиповнѣ въ приданомъ?... Она тоже затаила злобу на родителя. Хорошо-съ... А старикъ живучій... Однимъ словомъ, мы и отравили его по взаимному соглашенію съ Натальей Осиповной, т.-е. отравилъ-то я, а деньги забрала она и мнѣ вручила за чистую работу нѣкоторую часть. И ловко я все устроилъ, такъ ловко, что, кажется, никакіе бы слѣдователи въ мірѣ не нашли концовъ. Самъ производилъ дознанія и знаю порядокъ, что и къ чему. Тутъ еще Ліодоръ много помогъ, потому что въ конецъ запуталъ слѣдователя. Впрочемъ, что же я вамъ рассказываю,—вѣдь, вы это и безъ меня отлично знаете.

— Ничего я не знаю!—рѣзко отвѣтилъ Галактіонъ.—А вы съ ума сошли!

— Нѣтъ, не сошелъ и имѣю документъ, что вы знали все и знали, какія деньги брали отъ Натальи Осиповны, чтобы сдѣлать закупку дешеваго сибирскаго хлѣба. Вѣдь, знали... У меня есть ваше письмо къ Натальѣ Осиповнѣ. И теперь, представьте себѣ, являюсь я, напримѣръ, къ прокурору и все, какъ на ладони. Вмѣстѣ и въ острогъ будемъ сидѣть, а Харитина будетъ по два калачика приносить,—одинъ мужу, другой любовнику.

— Ну, что, сынокъ, доволенъ?—спрашивалъ Михай Зотычъ.

Галактіонъ посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ съ улыбкой:

— Никогда этого не будетъ, папаша...

Старикъ вскочилъ, посмотрѣлъ на сына безумными глазами и, поднявъ руку съ раскольничьимъ крестомъ, хрипло крикнулъ:

— Если ты не боишься суда земного, такъ есть судъ Божій... Ты кровь христіанскую пьешь... Люди мрутъ голодомъ, а ты съ ихняго голода милліоны хочешь наживать... Для того я тебя зародилъ, вспоилъ и вскормилъ?... Будь же ты отъ меня навсегда проклятъ!

Харитина тихо вскрикнула и закрыла лицо руками. Галактіонъ вздрогнулъ именно отъ этого слабаго женскаго крика и сдѣлалъ движеніе выйти, а потомъ повернулся и сказалъ:

— Харитина Харитоновна, мнѣ нужно сказать вамъ два слова... Выйдите на минутку.

Когда Харитина подошла къ нему, онъ наклонился къ ея уху и прошепталъ:

— Бланияйся той... Устиньгѣ...

Когда Полуяновъ выходилъ изъ каюты, онъ видѣлъ, какъ Галактіонъ шелъ по палубѣ, а Харитина о чемъ-то умоляла его и вѣрно держала за руку. Потомъ Галактіонъ рванулся отъ нея и бросился въ воду. Отчаянный женскій крикъ покрылъ все.

Черезъ часъ на Гороховомъ мысу лежалъ холодный трупъ Галактіона.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

МАРЧЕЛЛА).

Романъ мистрисъ Уордъ.

IX.

— Не хотите ли вы сѣсть поближе къ огню? Мы гордимся своимъ осеннимъ ландшафтомъ, — сказала миссъ Рэборнъ Марчеллѣ, взявши ея верхнюю кофточку и откладывая въ сторону. — Леди Винтербурнъ запоздала, но она непременно будетъ: она никогда не нарушаетъ своихъ обѣщаній.

Марчелла придвинула стулъ къ огню и любовалась роскошнымъ паркомъ, прилегающимъ къ замку. Она была въ нервномъ возбужденіи и не особенно разговорчива, но миссъ Рэборнъ, перекинувшись съ ней лишь нѣсколькими фразами о погодѣ и о дорогѣ изъ Меллора, уже успѣла вывести свое заключеніе.

«О, она съ характеромъ несомнѣнно и черезъ-чуръ манерна для молодой дѣвицы, но чрезвычайно изящна!»

Сестра лорда Максвеля была прекрасная женщина, внимательно и заботливо относившаяся къ крестьянамъ его имѣнія; среди выродившейся торійской партіи она сохраняла цѣльность торійскихъ традицій. Братъ и внукъ были для нея олицетвореніемъ идеала, и она никогда, ни по какому поводу не могла съ ними поссориться. Впрочемъ, она присвоивала себѣ и нѣкоторыя права надъ ними. Такъ, она считала своимъ естественнымъ правомъ оберегать ихъ и руководить ими въ сношеніяхъ съ женщинами, гдѣ, какъ извѣстно, мужчины легко теряютъ голову. Поэтому она уже много лѣтъ, въ интересахъ Альда, зорко присматривалась ко всѣмъ окрестнымъ молодымъ дѣвицамъ.

Теперь, несмотря на, повидимому, спокойную и развязную болтовню съ Марчеллой, миссъ Рэборнъ, въ сущности, сгорала отъ лю-

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

бопытства и тревожныхъ догадокъ по отношенію къ этой миссъ Бойсъ. Хотя Рэборны вообще производили впечатлѣніе очень несообщительныхъ людей, и хотя братъ и Альдъ никогда не оказывали ей прямого довѣрія, тѣмъ не менѣе, она всегда была посвящена во всё ихъ дѣла. Такъ, мы уже знаемъ, что она не сдѣлала визита новымъ владѣльцамъ Меллора; въ данномъ случаѣ она прекрасно поняла, что таково желаніе ея брата, а потомъ вдругъ лордъ Максвелль началъ намекать, что было бы очень мило съ ея стороны заѣхать къ этимъ бѣднымъ дамамъ, которымъ, вѣроятно, очень тяжело жить въ постоянномъ общеніи съ господиномъ Ричардомъ Бойсомъ, и даже было бы недурно пригласить мать и дочь въ замокъ къ завтраку. Миссъ Рэборнъ не потребовала никакихъ объясненій и немедленно послала записку мистрисъ Бойсъ.

Хотя Альдъ считалъ преждевременнымъ сообщать миссъ Рэборнъ о своихъ чувствахъ, но она знала, что онъ очень много говорилъ о миссъ Бойсъ и ея матери съ лэди Винтербурнъ, единственною женщиной, съ которой онъ былъ откровененъ. Кромѣ того, она слышала, что Гардены отзывались о ней, какъ о замѣчательной, только, какъ казалось миссъ Рэборнъ, не особенно симпатичной дѣвушкѣ. И вотъ, послѣ всего этого, она видитъ эту дѣвушку въ гостиной замка, видитъ, что Альдъ съ утра въ нервномъ и озабоченномъ настроеніи, вспоминаетъ, что лордъ Максвелль, убѣжая, очень заботился вернуться въ-время къ завтраку, къ которому онъ просилъ пригласить только лэди Винтербурнъ и больше никого. Понятно, что миссъ Рэборнъ была насторожѣ.

Что касается Марчеллы, то хотя она сознавала, что за ней наблюдаютъ, и старалась держать себя съ достоинствомъ,—она не могла скрыть живого любопытства, съ которымъ она смотрѣла на обстановку большого аристократическаго дома, и старалась составить себѣ понятіе о томъ, какъ живутъ въ этомъ домѣ и, главнымъ образомъ, какъ живетъ Альдъ Рэборнъ. Она очень мало была знакома съ жизнью того сословія, къ которому принадлежала; богатые дома и знатные люди были ей совершенно неизвѣстны. Она всматривалась теперь въ этотъ новый міръ глазами студентки и художницы и старалась не быть ослѣпленной и подавленной; но, въ то же время, она чувствовала невольное тяготѣніе къ этому блеску и власти, которая съ нимъ связана. На ряду съ этимъ она сознавала свое полное равенство и, такъ сказать, родство съ этими людьми, и хотя она открыто презирала отличія происхожденія, но, въ сущности, не согласилась бы лишиться этого преимущества въ глазахъ свѣта.

Теперь она помнила совѣтъ матери — держать себя гордо, и отсюда, вѣроятно, произошла та натянутость, которую замѣтила миссъ Рэборнъ.

«Однако, гдѣ же мужчины?» Марчеллу уже начали сердить и утомлять безконечные вопросы о томъ, что ей нравится и не нравится, о ея талантахъ, друзьяхъ, о Меллорѣ и здѣшней природѣ вообще и т. д., которыми безъ передышки забрасывала ее миссъ Рэборнъ, какъ вдругъ, къ ея великому удовольствію, дверь отворилась и лакей доложилъ:

— Лэди Винтербурнъ!

Очень высокая и тонкая дама, вся въ черномъ, вошла въ комнату.

— Я опоздала, дорогая, — сказала она миссъ Рэборнъ, — но дорога отратительная, а съ лошадьми, которыхъ мнѣ только что подарилъ Эдуардъ, ужасная возня. Я сказала гучеру, чтобы въ слѣдующій разъ онъ закуталъ ихъ въ одѣяла и уложилъ въ постель, а я предпочту идти пѣшкомъ.

— Отъ васъ это станется, моя милая, — сказала миссъ Рэборнъ, цѣлуя ее, — мы васъ достаточно знаемъ! Миссъ Бойсъ, лэди Винтербурнъ.

Когда она сѣла около миссъ Рэборнъ, контрастъ между ними былъ поразительный. Миссъ Рэборнъ была небольшого роста, наклонна къ полнотѣ и любила ярко и пестро одѣваться. Головной уборъ ея былъ сдѣланъ изъ свѣтлаго шелкового платка и обшитъ золотою тесьмой; на шеѣ у ней висѣло множество побрякушекъ на золотыхъ цѣпочкахъ; на рукахъ были надѣты всевозможные браслеты, по большей части старомодные, подаренные на память какими-нибудь уѣхавшими друзьями или родственниками; платье было красное. Вся ея фигура дышала энергіей, подвижностью и добродушнымъ здоровымъ смысломъ.

Лэди Винтербурнъ, наоборотъ, была одѣта съ ногъ до головы въ черное, безъ всякихъ украшеній; лицо и голова производили впечатлѣніе строгаго, правильнаго рисунка изъ двухъ цвѣтовъ — чернаго и бѣлаго. Держалась она чрезвычайно прямо, глубокіе черные глаза, подъ бѣлыми пышными волосами, смотрѣли куда-то вдаль; вся фигура ея была исполнена какого-то трагическаго величія, казалось, вотъ она встанетъ и заговоритъ, какъ трагическая актриса. Но, въ то же время, у ней просвѣчивало выраженіе женской, даже дѣтской слабости и беспомощности; въ этой важной барынѣ и сильной личности было что-то неувѣренное, робкое и нерѣшительное.

— Вы недавно въ Меллоръ?—заговорила она густымъ, пѣвучимъ контральто.

— Около семи недѣль, а мой отецъ и мать живутъ здѣсь съ мая мѣсяца.

— Вамъ, конечно, правится это старое мѣсто?

— О, да, очень!—сказала Марчелла, смущаясь странною манерой лэди Винтербурнъ устремлять глаза на собесѣдника и сморѣть пристально, но ничего не видѣть.

— Я тамъ очень давно не была, Агнета,—обратилась лэди Винтербурнъ къ хозяйкѣ,—лѣтъ двадцать. Я даже не знаю, видѣла ли я вашу мать, миссъ Бойсъ,—я въ то время очень часто уѣзжала изъ дома. Впрочемъ, однажды я видѣла ее.

Она вдругъ остановилась, и яркая краска выступила на ея блѣдныхъ щекахъ. Взглянувши на Марчеллу, она подумала, какъ бы не сказать чего-нибудь неловкаго, и, дѣйствительно, тотчасъ вспомнила, что она видѣла мистрисъ Бойсъ въ судѣ, въ послѣдній день громкаго процесса, въ которомъ былъ замѣшанъ Ричардъ Бойсъ,—мистрисъ Бойсъ, закрытая густымъ вуалемъ, сидѣла около мужа, ожидая приговора. Начиная вспоминать этотъ случай, лэди Винтербурнъ остановилась, и нѣсколько минутъ прошло въ замѣшательствѣ.

— Къ сожалѣнію, мистрисъ Бойсъ, кажется, не особенно крѣпкаго здоровья,—сказала миссъ Рэборнъ, наклоняясь надъ своимъ вязаньемъ,—а то мы бы имѣли удовольствіе видѣть ее сегодня у насъ.

Снова наступила пауза. Лэди Винтербурнъ опять навела свои глаза на Марчеллу.

— Я надѣюсь, вы пріѣдете ко мнѣ,—сказала она, наконецъ,—и мистрисъ Бойсъ тоже?

Тембръ голоса у нея былъ очень мягкій и нѣжный, несмотря на низкій тонъ, и Марчелла, взглянувши на нее, поддалась очарованію.

— Съ удовольствіемъ,—сказала она, и лицо ея оживилось и загорѣлось чувствомъ.—Мама никуда не выѣзжаетъ, но я къ вамъ пріѣду, если вы меня пригласите.

— Такъ пріѣзжайте въ слѣдующій вторникъ,—живо сказала лэди Винтербурнъ,—пріѣзжайте къ чаю, а назадъ я васъ отвезу. Мистеръ Рэборнъ мнѣ много говорилъ о васъ. Онъ говоритъ, что вы много читаете.

Торжественный тонъ послѣднихъ словъ и пристальный серьезный взглядъ разсмѣшили Марчеллу. Когда улыбка озарила ея лицо, обѣ дамы нашли ее чрезвычайно красивой.

— Откуда онъ знаетъ? Я съ нимъ почти не говорила о книгахъ.

— Хорошо, вотъ онъ придетъ, я и спрошу его, — сказала лэди Винтербурнь, улыбаясь. — Но я помню несомнѣнно, что онъ это говорилъ.

Теперь, въ свою очередь, лицо Марчеллы покрылось яркимъ румянцемъ. Альдъ Рэборнь переходилъ комнату, поздоровался съ лэди Винтербурнь и черезъ минуту она почувствовала его руку въ своей.

— Не правда ли, Альдъ, вы мнѣ говорили, что миссъ Бойсъ много читаетъ? — сказала лэди Винтербурнь.

Лэди Винтербурнь знала Альда Рэборна съ дѣтства и была его дальнею родственницей, поэтому называла его просто по имени.

Альдъ улыбнулся.

— Мнѣ кажется, я сказалъ, что миссъ Бойсъ похожа на васъ и на меня въ этомъ отношеніи, — тоже имѣеть слабость къ чтенію. Однако, я очутился подъ перекрестнымъ допросомъ!

— Я вовсе не могу сказать, чтобъ я много читала, — сказала Марчелла, — правда, въ послѣднее время больше, но я никогда не дочитываю книги до конца; у меня не хватаетъ терпѣнія.

— А вамъ хотѣлось бы поскорѣе до всего дойти? — сказала миссъ Рэборнь.

— Конечно! Есть тысяча вещей, которыя хотѣлось бы сдѣлать, но не хватаетъ времени.

— Да, въ молодости всегда такъ чувствуешь, — сказала лэди Винтербурнь, вздыхая, — а вотъ, когда состаришься, поневолѣ приходится себя ограничивать. Когда мнѣ было двадцать лѣтъ, я не могла себѣ представить, что подъ старость я буду такою невѣждой и неудовлетворенной.

— Вы чувствуете такъ потому, что вы еще очень молоды душой, лэди Винтербурнь, — сказалъ Альдъ, улыбаясь. — Право, вы моложе многихъ изъ насъ! Я чувствую себя бодрымъ и юнымъ, совсѣмъ школьникомъ, какъ только увижусь съ вами.

— Я не знаю, почему это вамъ такъ кажется, Альдъ, — сказала лэди Винтербурнь, вздыхая. Затѣмъ она взглянула на сидящую около нея парочку, на оживленное сіяющее лицо Альда, обращенное къ темной фигурѣ дѣвушки, держащей себя скромно и съ достоинствомъ.

Лэди Винтербурнь вдругъ обратилась съ какимъ-то вопросомъ къ миссъ Рэборнь, и онѣ завели между собой разговоръ о безчисленной роднѣ.

— Не хотите ли вы пойти посмотрѣть наши гобелены? — ска-

залъ Альдъ Марчеллѣ, предложивши предварительно нѣсколько вопросовъ о погодѣ и о переѣздѣ изъ Меллора.—Я увѣренъ, что они вамъ понравятся, а, между тѣмъ, дѣдъ мой долженъ сейчасъ вернуться. Онъ рассчитывалъ быть дома раньше, но собраніе оказалось очень важнымъ и затянулось, такъ что онъ задержался.

Марчелла встала, и они вмѣстѣ направились къ противоположной сторонѣ комнаты, гдѣ висѣлъ во всю стѣну знаменитый коверъ времени итальянскаго возрожденія.

— Какая красота! — воскликнула Марчелла, восхищаясь. — Какое наслажденіе имѣть подобную вещь у себя!

Альдъ любовался ея восторгомъ.

— Я былъ увѣренъ, что вамъ понравится. Это моя любимая вещь съ дѣтства, съ тѣхъ поръ, какъ мать откопала его гдѣ-то на чердакѣ. По правдѣ сказать, я даже предпочитаю его любой картинѣ.

— Какіе чудные цвѣты! — сказала Марчелла, поглощенная рисункомъ. — Посмотрите: ирисъ, лиліи... Это мнѣ напоминаетъ, какъ въ дѣтствѣ я всегда мечтала имѣть побольше цвѣтовъ. Вы знаете, я училась въ пансіонѣ въ такой части Англіи, гдѣ мало цвѣтовъ. Мы обыкновенно гуляли вдвоемъ съ одною подругой, и я находила возлѣ дороги то тамъ, то здѣсь по цвѣточку, и какіе жалкіе, плохенькіе! Я негодовала на сухую, бесплодную почву и въ утѣшеніе себѣ придумывала такія страны, гдѣ росли прелестные цвѣты, — совершенно такіе, какъ здѣсь, — думаешь, вотъ стѣишь только протянуть руку и рвать, рвать ихъ безъ конца! Очень плохо жить въ пансіонѣ тому, у кого мало денегъ. Вы никогда ничего не имѣете вдоволь. То вамъ не хватаетъ цвѣтовъ, то мало пуддинга, то, нагонецъ, нѣтъ приличныхъ платьевъ.

Глаза у ней искрились, языкъ развязался. Ей не только пріятно было чувствовать себя около него, окруженною атмосферой поглощенія и почитанія, но она испытывала и высокое художественное наслажденіе.

— Подождите до мая, и подпишники на вашихъ поляхъ протянутъ къ вамъ свои головки, — сказалъ онъ, смѣясь. — А я сейчасъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и придумывалъ, что бы вамъ показать. Въ этомъ домѣ очень много цѣнныхъ вещей, и вы, конечно, вли заинтересуетесь, потому что вы артистка. Но, разумѣется, не утомляйте себя: смотрите, сколько вамъ захочется. Вы, кажется, всего четверти часа разговаривали съ моею теткой, не правда ли? — спросилъ онъ, совершенно другимъ тономъ.

Значить, все время, пока Марчелла знакоилась съ миссъ Рэ-

борнъ, онъ зналъ, что она тутъ, и нарочно не выходилъ, изъ личныхъ соображеній. Марчелла почувствовала, что кровь бросилась ей въ лицо.

— Миссъ Рэборнъ была очень любезна, — сказала она нерѣшительно, но черезъ минуту прибавила съ обычно своею прямо-той: — Да, она была любезна, но, все-таки, она мнѣ не нравится; я думаю, что и я ей не понравилась, — я не въ ея вкусѣ.

— Вы говорили ей о своихъ общественныхъ и политическихъ теоріяхъ?

— Нѣтъ, нѣтъ еще... Но я не увѣрена, какъ будетъ дальше, я иногда не могу сдержаться; мнѣ кажется, вы скоро расклетесь, что отрекомендовали меня.

— Неужели вы такая задорная? Но, вѣдь, тетка моя удивительно кроткое существо, — она мухи не обидитъ. Она заботится обо всѣхъ — и своихъ, и чужихъ. Единственно, кого она преслѣдуетъ, это маленькихъ дѣвочекъ изъ нашей дворни, которыя носятъ перья на шляпахъ.

— Какъ! — вскричала Марчелла съ негодованіемъ. — Почему же имъ не носить перьевъ на шляпахъ? Это ихъ украшеніе, то же, что для васъ гобелены!

— Да, но если у нихъ при этомъ нѣтъ башмаковъ? — спросилъ онъ мягко, слегка прищуривши глаза. — Безъ башмаковъ можно схватить простуду и умереть, что, конечно, хуже, чѣмъ ходить безъ перьевъ.

— Но почему же онѣ не могутъ имѣть и башмаки, и перья?... У васъ и гобелены, и картины, — она обернулась и обвела глазами комнату, — и этотъ роскошный домъ, и паркъ. О, я скорѣе думаю, что у миссъ Рэборнъ слишкомъ много перьевъ!

— Можетъ быть, вы и правы, — сказалъ онъ другимъ тономъ, причемъ глаза его затуманились, какъ будто это напомнило ему его постоянную внутреннюю борьбу. — Однако, вы меня поставили въ затруднительное положеніе. Я хотѣлъ вамъ показать наши перья. Я думалъ, что они вамъ понравятся, а вы меня пристыдили.

— Какой вздоръ! — воскликнула Марчелла. — Развѣ вы забыли, какъ я говорила вамъ, что я люблю дѣтей за то, что они ластятъ ко мнѣ?

Они оба засмѣялись; вдругъ Альдъ обернулся:

— А, вотъ и дѣдъ мой!

Затѣмъ онъ нѣсколько отошелъ и слѣдилъ за тѣмъ, какое впечатлѣніе произведетъ Марчелла на лорда Максвелла. Онъ замѣтилъ

что тотъ подходилъ довольно церемонно, затѣмъ вдругъ въ его голубыхъ глазахъ мелькнулъ огонекъ: очевидно, наружность Марчеллы, ея манеры, полныя достоинства, произвели на него благоприятное впечатлѣнiе.

— Вы позволите мнѣ замѣтить, что вы чрезвычайно похожи на вашего дѣда, — сказалъ лордъ Максвелль, когда они всѣ сидѣли за завтракомъ, Марчелла по лѣвую сторону отъ него, а леди Винтербурнъ по правую. — Онъ былъ однимъ изъ моихъ ближайшихъ друзей.

— Я очень мало о немъ знаю, — сказала Марчелла, — вромѣ того, что я почерпнула изъ старыхъ писемъ. Я его почти не помню.

Лордъ Максвелль не поддержалъ этой темы, но всячески старался вызвать Марчеллу на разговоръ. Онъ разсказалъ много интереснаго о Меллорѣ и его прошломъ, о предкахъ Марчеллы, игравшихъ роль въ исторiи, и, вообще, какъ показалось Альду, его дѣдъ старался тонко и деликатно дать Марчеллѣ понять, что она принята въ ихъ кругъ, какъ полноправный членъ, и такимъ образомъ успокоить наболѣвшiя чувствительныя струны, о которыхъ онъ, конечно, догадывался.

Марчелла держала себя, можетъ быть, черезъ-чуръ гордо, бойко и непринужденно отвѣчая на вопросы: смущенiя или застѣнчивости не было и слѣда. Альдъ слѣдилъ за дѣдомъ, наблюдалъ за тѣмъ, какъ его быстрый, критическiй взглядъ время отъ времени скользилъ по Марчеллѣ: Альду было хорошо извѣстно, что лордъ Максвелль каждую черту, тонъ голоса, жестъ примѣриваетъ къ тому идеальному образу, какимъ, по его мнѣнiю, должна быть жена Рэборна.

Въ настоящiй моментъ Альдъ перешелъ уже изъ перваго фазиса страсти — безсознательнаго, стихiйнаго чувства, во второй — перiодъ тревогъ и сомнѣнiй. Марчелла, сидѣвшая теперь у него въ домѣ, казалась ему не ближе, а дальше отъ него. Она была неприступна въ своемъ гордомъ величii. Куда дѣвалась та милая и наивная довѣрчивость, съ которою она отнеслась къ нему тогда, во время прогулки? Какъ бы вернуть это опять?

Между тѣмъ, разговоръ перешелъ къ мѣстной злобѣ дня — плохому урожаю, низкимъ цѣнамъ, послѣдовательному изъ года въ годъ разоренiю фермеровъ, застою на деревенскихъ рынкахъ.

— Совершенно не знаю, — сказалъ лордъ Максвелль, — какъ бы помочь народу нынѣшнюю зиму, избавить его отъ нищенства. Самое легкое средство, конечно, давать деньги. Наши отцы раздавали

каменный уголь и одѣла и считали свое дѣло сдѣланнымъ. Но мы не можемъ на этомъ успокоиться.

— Конечно, нѣтъ, — сказала леди Винтербурнь, вздыхая. — Это такую тяжестью лежитъ на душѣ. Прошлая зима была какимъ-то кошмаромъ. Какіе ужасы рассказывались, какія лица вамъ встрѣчались, а, между тѣмъ, мы всё жертвовали. И какъ разъ въ это время Эдуардъ купилъ мнѣ соболей мѣхъ. Я умоляла его этого не дѣлать, но онъ надо мной смѣялся.

— Хорошо, моя милая, — сказала миссъ Рэборнь, — но если никто не будетъ покупать соболей, въ другомъ мѣстѣ будутъ люди бѣдствовать, — въ Россіи или у Гудзонова залива. Нужно подумать и объ этомъ. О, не говори, пожалуйста, Альдъ! Я знаю, ты скажешь, что это вздоръ, а я это называю здравымъ смысломъ.

Альдъ лишь слегка улыбнулся: онъ давно предоставилъ своей теткѣ рассуждать какъ ей угодно по политической экономіи. Кромѣ того, въ настоящую минуту онъ былъ всецѣло занятъ Марчеллой.

— Совершенно вѣрно говорить лордъ Максвелль, — сказала леди Винтербурнь, — что прежде всё удовлетворялись такимъ образомъ дѣйствій. А, вѣдь, наши бабушки были очень добрыя женщины. Я не понимаю, почему это мы гораздо больше ихъ хлопочемъ о народъ и, тѣмъ не менѣе, испытываемъ угрызения совѣсти, которыхъ онѣ совсѣмъ не знали.

Она выпрямилась, на глаза ея легла тѣнь.

— Я увѣренъ, что миссъ Бойсъ насъ не одобряетъ. Я кое-что слышалъ о взглядахъ миссъ Бойсъ, — сказалъ лордъ Максвелль, снисходительно улыбаясь и желая вызвать ее на разговоръ.

Она сидѣла, слегка наклонивши голову, ея тонкіе пальцы нервно теребили хлѣбъ. На его вызовъ она отвѣтила нѣсколько испуганнымъ взглядомъ. Она отлично понимала, что передъ ней крупный магнатъ въ своемъ родовомъ имѣніи и умудренный опытомъ практическій дѣятель, снисходящій къ фантазіямъ молодой дѣвушки. Но она напустила на себя храбрости.

— Что вы обо мнѣ слышали? — спросила она.

— Вы знаете, что вы насъ всѣхъ пугаете, — сказалъ лордъ Максвелль вѣжливо, уклоняясь отъ ея вопроса. — Какъ разъ въ настоящее время намъ очень неудобно допустить пропагандистку противуположныхъ воззрѣній.

Миссъ Рэборнь насторожилась и бросила на миссъ Бойсъ бѣглый, непріязненный взглядъ, который замѣтила одна леди Винтербурнь.

— О, я, вѣдь, не радикалка! — сказала Марчелла слегка пре

зрительнымъ тономъ. — Люди нашего лагеря не составляютъ особой политической партіи. Мы беремъ то, что намъ подходитъ, отовсюду.

— И вы крѣпко держитесь вашихъ убѣжденій? — спросилъ лордъ Максвелль.

— Да. Во всякомъ случаѣ, мои чувства, моя совѣсть заставляютъ меня ихъ держаться.

— Но не разсудокъ? — спросилъ лордъ Максвелль, смѣясь. — Въ такомъ случаѣ вы очень мало отличаетесь отъ большинства изъ насъ.

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! — воскликнула Марчелла; слова лорда Максвелля задѣли ея самолюбіе. — Я исповѣдую свои принципы и по разсудку, и по совѣсти. Только злополучное пристрастіе къ комфорту и къ привилегированному положенію въ обществѣ, недостойная слабость, иногда заставляютъ меня колебаться и измѣнять мои убѣжденія. Изъ-за этого мои лондонскіе друзья считали меня измѣнницей.

— Неужели вы дѣйствительно думаете, что міръ можно заново перестроить? Неужели, по-вашему, то, что желательно, то и возможно?

— Я знаю только одно, — сказала она послѣ нѣкотораго молчанія, — что съ теперешними порядками невозможно примириться. Положеніе лондонскихъ бѣдняковъ ужасно; но здѣсь, въ деревнѣ, еще хуже. Неужели возможно, чтобъ это рабство и нищета, это изувѣченіе тѣла и духа продолжалось всегда?

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, милая барышня, — мягко заговорилъ лордъ Максвелль, — что если завтра мы раздѣлимъ поровну все имущество, сила естественнаго неравенства не разрушитъ на другой же день всю нашу работу и не вернетъ намъ нашихъ бѣдняковъ?

Это замѣчаніе, стиль котораго Бравены окрестили бы «газетнымъ жаргономъ», вызвало у Марчеллы легкую презрительную усмѣшку. Она начала отвѣчать лорду Максвеллю очень горячо и умно, обнаруживая большое знакомство съ техническими терминами и богатую память. Затѣмъ, поощряемая любезнымъ вниманіемъ лорда Максвелля и его замѣчаніями, она погрузилась въ исторію, говорила о рабочемъ законодательствѣ, о новомъ законѣ о бѣдныхъ, и все тѣмъ же выразительнымъ и живописнымъ языкомъ и, какъ казалось глубоко шокированной миссъ Рэборнъ, съ полнымъ пренебреженіемъ къ манерамъ и скромности, подобающимъ молодой дѣвѣ въ чужомъ домѣ.

Альдъ время отъ времени вступалъ въ разговоръ, стараясь осторожно отвлечь ее; но она была слишкомъ возбуждена, чтобы незамѣтно уклониться въ сторону: ей захотѣлось все высказать.

— Ну, хорошо, — сказалъ лордъ Максвель, наконецъ, погоробившись отъ нѣкоторыхъ ея фразъ, несмотря на всю свою сдержанность. — Я вижу, вы держитесь того же мнѣнія, какъ и тотъ авторъ, книгу котораго я просмотрѣлъ вчера: «англійскіе землевладѣльцы всегда отличались низкимъ и коварнымъ стремленіемъ пользоваться чужими несчастьями»... Да, мой милый Альдъ, мы съ тобой осуждены и безповоротно!

Максвель, который личнымъ своимъ вліяніемъ и дѣятельностью обезпечивалъ благосостояніе цѣлаго округа въ теченіе почти сорока лѣтъ, сверкающими глазами посмотрѣлъ на внука. Миссъ Рэборнъ сидѣла безмолвная. Леди Винтербурнъ смотрѣла на Марчеллу въ упоръ разсѣяннымъ взглядомъ; на ея блѣдныхъ щекахъ выступили красныя пятна.

Марчелла вдругъ какъ бы спохватилась, взглянула на Альда и заговорила упавшимъ и дрожащимъ голосомъ:

— Конечно, я вамъ кажусь очень смѣшной. Правда, я очень непослѣдовательна, я себя ненавижу за это. Очень часто мнѣ кто-нибудь говоритъ совершенно противоположное моимъ воззрѣніямъ, и я съ нимъ соглашаюсь. Въ Лондонѣ мнѣ говорили всегда, что я держусь мнѣній своего послѣдняго собесѣдника. Но, вѣдь, отъ этого не измѣняется мое *чувство*: оно остается неприкосновеннымъ.

И она обратилась къ лорду Максвелю, какъ бы призывая его въ свидѣтели:

— Когда я иду изъ нашего дома въ деревню и вижу жилища, въ которыхъ живетъ народъ; когда ѣду комфортабельно въ каретѣ и тутъ же подъ дождемъ идетъ женщина, въ лохмотьяхъ, грязная и усталая, едва волоча ноги послѣ трудового дня; когда человѣкъ сознаетъ, что подъ старость у него не будетъ никакихъ правъ, останется одно — рассчитывать на благотворительность, а мы, имущій классъ, еще ожидаемъ отъ него благодарности за это, и когда я представляю себѣ, что каждый изъ нихъ въ годъ сдѣлаетъ гораздо болѣе полезной работы, чѣмъ я во всю свою жизнь, — тогда я чувствую, что въ нашей системѣ есть какой-то крупный изъянъ, что все устроено какъ-то неправильно! — и ея голосъ зазвенѣлъ страстнымъ одушевленіемъ. — И если я не смогу хоть сколько-нибудь измѣнить эти порядки въ теченіе своей жизни, я буду считать свою жизнь бесплодно прожитой.

На всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ эти слова произвели ошелом-

ляющее дѣйствіе. Лордъ Максвелъ взглянулъ на миссъ Рэборнъ и прочелъ выраженіе испуга на ея лицѣ.

Да, вотъ такъ энергичная дѣвушка! Съумѣетъ ли Альдъ ужиться съ такою сильною личностью, съ такими страстными чувствами, съ этими горящими глазами?

Вдругъ леди Винтербурнъ заговорила своимъ низкимъ груднымъ голосомъ:

— Я никогда не могла бы такъ хорошо выразиться, какъ вы, миссъ Бойсъ, но я вполне согласна съ вами. Могу даже сказать, что всю свою жизнь я думала такъ же.

Марчелла, еще вся трепещущая отъ волненія, быстро повернулась къ ней съ благодарнымъ взглядомъ.

— И, въ то же время, — сказала леди Винтербурнъ, причѣмъ тонъ голоса ея изъ трагическаго перешелъ въ смущенный и перѣшительный, — какъ и вы говорите, есть одна непослѣдовательность. Прежде я была очень небогата, до тѣхъ поръ, пока Эдуардъ не получилъ титула лорда, и я вовсе не цѣню этого титула; но я бы не желала, чтобы мои дочери вышли замужъ за бѣдняковъ; и сама я не могу себя представить, какъ бы я стала жить безъ горничной и безъ экипажа. Эдуардъ пользуется этимъ и спрашиваетъ меня, что бы я выбрала: теперешніе порядки или постоянный равномерный доходъ для всѣхъ, даже для богачей, не больше 400 фунтовъ въ годъ.

— Совершенно достаточно, чтобы вести хозяйство въ одномъ изъ вашихъ маленькихъ станціонныхъ домиковъ, — сказалъ лордъ Максвелъ, смѣясь. — Я даже думаю, что вамъ хватило бы на горничную.

— Да, вамъ смѣшно, — горячо заговорила леди Винтербурнъ, — мужчины всегда такъ относятся. Но тутъ совершенно не до смѣха, когда вы чувствуете, что по совѣсти вы согласны съ своими противниками. Вамъ хотѣлось бы быть солидарной съ людьми вашего сословія, но вы не можете. Припомните, какъ было въ старое время. Моя бабушка, женщина необыкновенной доброты, однажды ѣхала по деревнѣ, и одинъ рабочій, немножко выпившій, прошелъ мимо и не поклонился. Она остановилась, послала своихъ людей и велѣла заковать его въ кандалы. Затѣмъ она, какъ ни въ чемъ не бывало, поѣхала домой обѣдать и вечеромъ читала молитвы, какъ всегда, считая, что она исполнила свой долгъ. Если бы мы еще имѣли право прибѣгать къ кандаламъ, мой милый другъ, — сказала она, положивши свою тонкую руку, сверкавшую брилліантами, на плечо лорда Максвеля, — мы бы съ вами не въ состояніи были имъ

пользоваться. Сохраняя свое мѣсто и положеніе, мы утратили сознание своего *права*. Въ прежнее время всякія затрудненія высшій классъ подавлялъ силою.

— И теперь будетъ такъ же, — сухо сказалъ лордъ Максвелль, — если начнется насиліе. Какъ только дѣло дойдетъ до серьезнаго нападенія на собственность, вы увидите, что будетъ съ этими реформаторскими теоріями. И, разумѣется, не мы, — не землевладѣльцы или капиталисты, — разрушимъ ихъ. Это сдѣлаютъ сотни и тысячи людей небольшого достатка, которымъ есть, что терять, и которые дрожатъ за свои крохотныя сбереженія; я думаю, что эти люди востанутъ противъ друзей миссъ Бойсъ и при случаѣ по-звѣрски расправятся съ ними.

— Можетъ быть, вы и правы, — сказала Марчелла, волнуясь. — Я не знаю, удастся ли намъ что-нибудь сдѣлать. Но, во всякомъ случаѣ, развѣ возможно удовлетворяться существующими порядками? Развѣ возможно желать, чтобъ они оставались неизмѣнными? На какіе ужасы вы наталкиваетесь въ Лондонѣ! А здѣсь — эти хижины, нищенская заработная плата, и этотъ нелѣпый культъ барской охоты, и, какъ естественное послѣдствіе его, браконьерство.

Миссъ Рэборнъ нетерпѣливо двинула стуломъ; но лордъ Максвелль спокойно продолжалъ чистить грушу, и миссъ Рэборнъ осталась на мѣстѣ. Почему онъ допускаетъ такіе разговоры? Это неслыханная вещь!

Лордъ Максвелль усмѣхнулся.

— Милая барышня, — заговорилъ онъ шутливо, — неужели вы серьезно считаете героями браконьеровъ? Вамъ придется разочароваться. Представь себѣ, Альдъ, Уэсталь рассказалъ мнѣ сегодня утромъ, что онъ со своими людьми изъ силъ выбивается, чтобы поймать одну ловкую шайку браконьеровъ, которая появляется, по его мнѣнію, изъ Оксфорда, на двухколескѣ, ночью или рано утромъ; удивительно хитрыя бестіи ускользаютъ изъ-подъ рукъ. Но теперь онъ думаетъ, что попалъ на слѣдъ одного соучастника: это одинъ крестьянинъ изъ Меллора, по имени Гордъ; мнѣ кажется, что онъ у насъ не работаетъ.

— Гордъ? — воскликнула Марчелла испуганно. — Нѣтъ, это невозможно!

Лордъ Максвелль удивленно посмотрѣлъ на нее.

— Развѣ вы знаете какого-нибудь Горда? Мнѣ кажется, что въ Меллорѣ очень много браконьеровъ.

— Если это такъ, то это происходитъ отъ того, что народъ бѣ-

день и голодентъ, — сказала Марчелла, стараясь говорить спокойно, но будучи не въ состояніи овладѣть собой. — Что же касается Горда, то я не могу этому повѣрить ни въ какомъ случаѣ. Но если бы даже это была правда, развѣ можно ихъ винить? Эти люди находятся въ такой крайности — съ прошлой зимы и до настоящаго времени они сидятъ безъ работы. Вы помните, — обратилась она вдругъ къ Альду, — я говорила вамъ о нихъ? Я какъ разъ сегодня хотѣла просить васъ, не можете ли вы имъ помочь?

Прежняя самоувѣренность покинула ее, она готова была плакать, и въ ея тонѣ чуялось безконечно-доброе женское сердце.

Онъ наклонился къ ней, и миссъ Рэборнъ, взглянувъ на него, въ ужасу своему догадывалась, почему у него необычно горятъ щеки и блестятъ глаза.

— Развѣ онъ до сихъ поръ безъ работы? — спросилъ Альдъ. — И васъ это огорчаетъ? Конечно, я ему дамъ работу: я хочу сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ сѣверной части парка, и я непременно возьму его, дайте только мнѣ его адресъ.

— И скажите ему, чтобъ онъ не попадался Уэсталу, — сказалъ лордъ Максвелъ мягко, — а за прошлое его преслѣдовать не будутъ.

— А если его семья дѣйствительно въ нуждѣ, — прибавила миссъ Рэборнъ холоднымъ тономъ, — то есть очень много людей, которые готовы имъ помочь. Нѣтъ никакой надобности воровать.

— А, благотворительность! — сказала Марчелла съ презрительною гримасой.

— По-вашему, это еще худшее преступленіе, чѣмъ браконьерство, — сказалъ лордъ Максвелъ, смѣясь. — Это все крупные и важные вопросы. Отложимъ ихъ: можетъ быть, чашка кофе укрѣпитъ наши нервы. Агнета, можно вставать изъ-за стола?

Х.

Лордъ Максвелъ затворилъ дверь за Альдомъ и Марчеллой, которые пошли осматривать картинную галерею, и вернулся въ гостиную къ дамамъ. Онъ нервно проводилъ рукой по волосамъ — этотъ жестъ выдавалъ его внутреннее волненіе.

— Мнѣ хотѣлось бы знать ваше мнѣніе объ этой молодой особѣ — сказалъ онъ, подсаживаясь къ нимъ.

— Она мнѣ нравится, — немедленно сказала лэди Винтербу нъ. — Правда, она еще очень незрѣла и эксцентрична, разсуждаетъ часто необдуманно, но все это съ годами пройдетъ. Повторяю, онъ мнѣ нравится, и мы съ ней будемъ друзьями.

Миссъ Рэборнъ всплеснула руками въ знакъ величайшаго недоумѣнія.

— Она необыкновенно дерзка, самодовольна и неблаговоспитанна! — горячо проговорила она. — Я увѣрена, что у нея нѣтъ никакихъ принциповъ, а объ ея религіозныхъ убѣжденіяхъ мнѣ страшно и подумать! Неужели это типъ современной дѣвушки?

— Послушай, милая, — перебилъ ее лордъ Максвель, — лэди Винтербурнъ нашъ старинный другъ; мы можемъ быть передъ ней откровенны, но мнѣ не хотѣлось бы, чтобы ты сказала что-нибудь, въ чемъ бы тебѣ пришлось раскаяться. Ты знаешь, Альдъ рѣшилъ жениться на этой дѣвушкѣ.

Лэди Винтербурнъ молчала, она уже и раньше догадывалась объ этомъ. Но миссъ Рэборнъ была въ большомъ волненіи: она то брала свое вязанье, то опять бросала его и, наконецъ, спросила задыхающимся голосомъ:

— Какъ это случилось? Гдѣ онъ съ ней познакомился?

— У Гарденовъ. Повидимому, она съ перваго раза произвела на него впечатлѣніе, и теперь онъ твердо стоитъ на своемъ рѣшеніи. Но она можетъ отказать ему; онъ говоритъ, что неувѣренъ въ ея согласіи.

— О! — воскликнула миссъ Рэборнъ и презрительно пожала плечами, желая выразить крайнюю степень недовѣрія. Затѣмъ спицы быстро и нервно запрыгали у нея въ рукахъ, и вдругъ она заговорила въ большомъ волненіи: — Что онъ нашелъ въ ней? Правда, она очень красива, но... — она не находила словъ. — Пусть бы Альдъ вспомнилъ свою мать! Какъ же можно — эту невоспитанную, самоувѣренную... Она даже тебя поучала, Генри, какъ будто у тебя нѣтъ другого дѣла, какъ только выслушивать болтовню подобной дѣвчонки. О, нѣтъ, нѣтъ, я не могу этого переварить, дайте срокъ! И потомъ ея отецъ — какой позоръ и стыдъ! Увѣряю тебя, Генри, она принесетъ съ собой несчастье.

Лордъ Максвель былъ смущенъ. Напрасно онъ не подготовилъ Агнету заранѣе.

— Авось этого не случится, Агнета. Будемъ надѣяться, — сказалъ онъ. — Но, во всякомъ случаѣ, ты должна помнить, что Альдъ не мальчикъ, и я не могу принуждать его. Я понимаю неудобство положенія и изложилъ ихъ Альду. Но барышня произвела на меня гораздо болѣе благоприятное впечатлѣніе, чѣмъ на тебя.

Миссъ Рэборнъ ничего не отвѣтила, но продолжала вязать дрожащими руками. Лэди Винтербурнъ было очень жаль своихъ старыхъ друзей.

— Подождите немного,—сказала она, слегка касаясь своею рукою руки миссъ Рэборнъ.—Безъ сомнѣнiя, она считала необходимымъ, прежде всего, выложить передъ нами свои взгляды. Въ ея положенiи это совершенно понятно. Но несомнѣнно, вы узнаете и другiя ея стороны. И неужели вы изъ-за этого разорвете съ Альдомъ?

— Мы должны помнить,—сказалъ лордъ Максвель,—что Альдъ нисколько не зависитъ отъ меня. У него есть свои собственные средства, и онъ можетъ завтра же уѣхать отъ насъ.

Онъ остановился и посмотрѣлъ на сестру; у ней выкатилась слеза, которую она поспѣшно вытерла.

— Надо еще разъ пообстоятельнѣе обсудить дѣло,—сказалъ лордъ Максвель.—Лэди Винтербурнъ, вы, пожалуйста, останьтесь.

— А они, можетъ быть, теперь какъ разъ окончательно рѣшатъ между собой!—воскликнула миссъ Рэборнъ въ ужасѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ еще,—сказалъ лордъ Максвель, улыбаясь.— Но, конечно, мы должны быть къ этому готовы.

Между тѣмъ, виновница всѣхъ этихъ тревогъ покойно сидѣла въ креслѣ въ картинной галлерей и время отъ времени взглядывала на знаменитые портреты Гольбейна. Она была молчалива, и Альдъ, видимо, тревожился этимъ.

— Не находите ли вы, что я была груба съ вашимъ дѣдомъ?—вдругъ спросила она.

— Грубы?—сказалъ онъ, встрепенувшись.—Совсѣмъ нѣтъ. Нисколько. Неужели вы думаете, что мы, землевладѣльцы, сдѣланы изъ такого хрупкаго матеріала, что не можемъ выдержать и легкаго нападенiя?

— Ваша тетка, несомнѣнно, находитъ меня грубой,—сказала Марчелла.—И это правда. Но эта роскошная обстановка просто раздражаетъ меня. Въ Меллорѣ у насъ все изветшало и развалилось. Крыша протекаетъ; у нашей большой залы нѣтъ ставней, и мы не въ состоянiи ихъ сдѣлать, также какъ мы не можемъ отдать вычистить картины. Я могу заботиться о нашемъ домѣ, какъ я забочусь о деревнѣ. Но здѣсь...

И, посмотрѣвши вокругъ, она выразительно пожала плечами.

— Ахъ, опять дѣло дошло до нашихъ «перьевъ»!—сказалъ онъ, смѣясь.—Но постойте. Вѣдь, вы сами говорите, что новый ступень не можетъ наступить немедленно; должна быть какая-нибудь переходная ступень, и, очевидно, пока государство еще не взяло въ свои руки старые замки со всѣмъ ихъ содержимымъ, тепереш-

ніе собственники обязаны беречь ихъ, чтобы государственная собственность не оказалась расхищенной.

Его слова и вся манера обхожденія съ ней незамѣтно покоряли ее. За нимъ чувствовалась сила зрѣлаго и широко-образованнаго человѣка, потѣшавшагося надъ ея крайними увлеченіями. Но его подтруниванія совсѣмъ не задѣвали ея чувствительнаго самолюбія, такъ какъ въ основѣ его отношенія къ ней лежала несомнѣнная симпатія, которая сглаживала и смягчала всѣ рѣзкости и разногласія. При другихъ онъ казался ей застѣнчивымъ, нерѣшительнымъ и связаннымъ, но теперь, когда они остались одни, онъ принялъ болѣе естественный и развязный тонъ.

— Предположимъ,—начала она, продолжая разговоръ,—что вы доживете до той поры, когда государство отберетъ у васъ вашу собственность, примиритесь вы съ этимъ или будете считать нарушеніемъ права и станете сопротивляться?

— Все будетъ зависѣть отъ того, какъ вы и ваши друзья поведете дѣло въ переходное время: вы меня можете убѣдить или же раздавить силою.

— О, нѣтъ!—воскликнула она.—Никакого насилія не будетъ. Только мы заставимъ васъ постепенно повышать заработную плату. Мы, конечно, не можемъ оттолкнуть отъ себя капиталистовъ, будь они землевладѣльцы или фабриканты. Мы только находимъ, что вы черезъ-чуръ много себѣ берете,—вы должны довольствоваться меньшимъ.

— Пожалуйста, только не затягивайте этого процесса,—сказалъ онъ, смѣясь,—иначе намъ придется очень плохо. Люди, которые должны будутъ жить въ своихъ имѣніяхъ при пониженной вами рентѣ и прибыли, должны будутъ пережить очень тяжелое время, пока государство не завладѣетъ окончательно ихъ имуществомъ.

— Да, это будетъ ваше первое испытаніе! А подумайте о рабочемъ, съ пятерыми маленькими дѣтьми, при заработкѣ въ 12 шиллинговъ въ недѣлю, подумайте о надрывающихся отъ работы лондонскихъ женщинахъ!

— Да, конечно, нужно подумать о нихъ,—сказалъ онъ серьезно.

Наступило молчаніе.

— Нѣтъ!—сказала Марчелла и поднялась съ кресла.—Не будемъ думать о нихъ. Мнѣ иногда кажется, что все это печалованіе о бѣдныхъ у меня и у другихъ—одна рисовка. Вернемся лучше къ картинамъ. Какъ вы думаете, Тиціанъ плохо платилъ своимъ

мощнигамъ и обогащался на ихъ счетъ? Очень возможно. И, тѣмъ не менѣе, эта Магдалина будетъ доставлять наслажденіе еще много вѣковъ.

Они обошли картинную галерею и поднялись наверхъ въ галерею фамилныхъ портретовъ. Здѣсь поражала роскошь костюмовъ, бархатъ, брилліанты. Вдругъ Марчелла пришло въ голову:

«Современемъ и я попаду въ ихъ число. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, если я захочу, я буду госпожей въ этомъ домѣ».

Сердце у ней забилось сильнѣе, въ глазахъ потемнѣло. Мечты и фантазіи вихремъ пронесли у нея въ головѣ. Она воображала себя женой будущаго пѣра, — какъ бы тамъ ни было, лорду Максвелю было за семьдесятъ лѣтъ, — украшенною фамилными брилліантами, распоряжающеюся въ этомъ большомъ домѣ и въ принадлежащихъ ему обширныхъ земляхъ. Какая власть! Какое положеніе! Какое невѣроятное превращеніе! Она — замарашка и демократка! Какъ много путей отърывается для ея общественной дѣятельности! Одно только досадно, что въ ея общественныя мечты постоянно будетъ влетаться это дурацкое, но непреодолимое пристрастіе къ шелковымъ платьямъ и драгоценнымъ камнямъ вмѣстѣ съ кокетливымъ представленіемъ о своей красотѣ и изяществѣ въ такой роскошной обстановкѣ. Она постарается побороть въ себѣ это, и если выйдетъ замужъ, то исключительно ради общественныхъ цѣлей. Ея друзья не будутъ имѣть права осуждать ее.

Затѣмъ она взглянула на своего собесѣдника. Этимъ человекомъ можно гордиться; современемъ, конечно, она и полюбитъ его.

«Онъ будетъ всегда моимъ другомъ, и я буду руководить имъ. Онъ очень уменъ и много знаетъ, но его положеніе его связываетъ, и я помогу ему стать выше положенія. Мы многихъ можемъ сдѣлать счастливыми!»

— Не хотите ли заглянуть въ эту комнату? — сказалъ онъ перѣшительнымъ голосомъ. — Это мой кабинетъ. У меня есть нѣкоторые портреты, которые мнѣ хотѣлось бы показать вамъ, если вы позволите.

Она слегка покраснѣла и пошла за нимъ; они остановились передъ портретомъ его матери. Онъ сталъ ей рассказывать о своихъ родителяхъ, просто и свободно, и она чувствовала, что этотъ человекъ не сталъ бы выкладывать свои задушевные воспоминанія передъ тѣмъ, къ кому не испытывалъ бы исключительнаго и глубокаго довѣрія. И она почувствовала приливъ симпатіи къ нему: какъ онъ добръ, какъ деликатенъ въ своихъ чувствахъ! Ему вполне можно вѣрить свою судьбу.

— А это кто?—сказала она, рванувшись къ его письменному столу и схвативши фотографическую карточку Голлена.

— Это мой самый близкій другъ. Я увѣренъ, вы слышали его имя: Эдуардъ Голленъ.

Она была поражена.

— Какъ! Голленъ? тотъ самый Эдуардъ Голленъ, который въ прошломъ мѣсяцѣ организовалъ стачку рабочихъ въ Ноттингамъ и который часто читаетъ публичныя лекціи?

— Тотъ самый. Мы старые друзья по университету. Я очень многимъ обязанъ ему, и онъ, несмотря на лихорадочную дѣятельность, не забываетъ старыхъ друзей. Мы съ нимъ переписываемся. Хотя мы съ нимъ расходимся по многимъ пунктамъ, но это не мѣшаетъ нашей дружбѣ.

— О чемъ вы находите писать? — спросила она удивленно. — Я думаю, что въ наше время никто не пишетъ писемъ, а только коротенькія дѣловыя записки.

— Онъ пишетъ мнѣ, главнымъ образомъ, объ общественныхъ вопросахъ. Вы знаете, вѣроятно, что онъ посвятилъ себя общественной дѣятельности, хлопочетъ о нѣкоторыхъ реформахъ и иногда спрашиваетъ у меня совѣтовъ и помощи.

Марчелла широко раскрыла глаза. Это была неожиданная новость для нея. Она стала вспоминать то, что слышала о Голленѣ, о его значеніи въ рабочемъ движеніи. Она припоминала, что ея лондонскіе друзья считали его сильнымъ, но опаснымъ человѣкомъ; онъ стоялъ за компромиссъ, признавалъ частную собственность, хотя и придавалъ большое значеніе коллективнымъ формамъ и корпоративнымъ организаціямъ.

Они поговорили о Голленѣ, затѣмъ Марчелла подошла къ полкамъ, стала разсматривать книги и напала какъ разъ на богатое собраніе политико-экономическихъ сочиненій. Это была новая неожиданность. Альдъ никогда не выказывалъ претензіи на специальное знакомство съ тѣми вопросами, которые она часто поднимала въ разговорѣ съ нимъ, а, между тѣмъ, у него она нашла цѣлую специальную библіотеку. Она вытащила нѣсколько книгъ, перелистала ихъ и была смущена массой отмѣтокъ и замѣчаній на поляхъ: она никогда такъ внимательно не штудировала книгъ. Это было я первое соприкосновеніе съ тщательною и добросовѣстною культурою.

— Почему вы никогда не говорили мнѣ, что вы специально занимаетесь этими вопросами?—сказала она обиженнымъ голосомъ. — Вамъ за завтракомъ, навѣрное, показалось, что я говорила много вздора?

— Почему? Мнѣ всегда очень приятно, что вы интересуетесь этими вопросами. Это такъ рѣдко можно встрѣтить въ женщинѣ.

Онъ досталъ одну книгу и сталъ показывать ей просто и дружески, какъ товарищу. Но ее что-то томило внутри, и она не могла вернуть прежняго самоувѣреннаго и рѣшительнаго тона. Она отвѣчала разсѣянно и поторопилась сказать, что ей пора домой.

— Я сейчасъ позову вашу дѣвушку, — сказалъ онъ. — Но вы позволите мнѣ проводить васъ до дому?

Она согласилась довольно церемонно, но внутренняя дрожь пробѣжала по ней. Вдругъ ей показалось, что онъ окончательно закрѣпляетъ положеніе.

Они сошли внизъ, и Марчелла стала прощаться. Миссъ Рэборнъ холодно и съ достоинствомъ подала ей руку. Лэди Винтербурнъ задержала ее руку въ своей и напомнила ей обѣщаніе пріѣхать къ нимъ въ слѣдующій вторникъ, а лордъ Максвелъ съ старомодною галантною провель Марчеллу подъ руку до дверей.

— Пожалуйста, пріѣзжайте опять, — сказалъ онъ, улыбаясь. — Хотя мы старые отсталые тори, но, право, мы не такъ дурны, какъ о насъ думаютъ.

И онъ внимательно посмотрѣлъ на нее. Она сконфужена и смущена! Неужели они уже порѣшили между собой? Или Альдъ думаетъ теперь дорѣдой окончательно переговорить съ ней?

Когда они вышли, лордъ Максвелъ продолжалъ думать о нихъ. Когда Альдъ женится, переѣдетъ ли онъ въ свое имѣніе на другомъ краю графства, или же они будутъ жить съ ними, стариками, здѣсь? Какъ, въ такомъ случаѣ, установятся отношенія съ сестрой? Самъ лордъ Максвелъ былъ склоненъ къ оптимизму и, во всякомъ случаѣ, по его мнѣнію, такая опредѣленная личность съ самостоятельнымъ образомъ мыслей гораздо лучше, чѣмъ ничтожество. Правда, она нѣсколько эксцентрична, фантазерка и, пожалуй, черезъ-чуръ тщеславна, но, безъ сомнѣнія, она измѣнится, когда будетъ женою Альда. У Альда очень сильный характеръ, да и семья своимъ вліяніемъ сгладитъ ея рѣзкости, и жена Альда станетъ украшеніемъ этого стараго гнѣзда.

Лордъ Максвелъ былъ такъ озабоченъ, что не въ состояніи былъ отвѣчать на массу писемъ, лежавшихъ на его столѣ. Онъ представилъ себѣ обоихъ молодыхъ людей въ этотъ чудный яркій день въ саду, среди буювыхъ деревьевъ. Какъ поздно Альдъ переживаетъ себѣ эти ощущенія! Дѣдъ его въ двадцать лѣтъ уже былъ опы-

Между тѣмъ, Альдъ и Марчелла шли по дорогѣ къ Меллору. Марчелла, вначалѣ задыхавшаяся отъ волненія, овладѣла собой и вела связанный разговоръ. Она спрашивала его мнѣнія о будущихъ выборахъ, о томъ, сколько митинговъ онъ намѣренъ держать въ недѣлю, на какіе города и мѣстечки онъ рассчитываетъ. Она слышала, что нѣкоторые города, которые онъ считаетъ своими, выберутъ радикала, какихъ бы общаній ни сулили имъ консерваторы. Неужели онъ унижится до такой степени, что приметъ поддержку консервативной лиги? Вѣдь, извѣстно, что она подкупаетъ своихъ избирателей виномъ, пивомъ и пряниками.

Такъ цѣлый залпъ вопросовъ, замѣчаній, возраженій посыпался на Альда.

— Теперь я скоро узнаю виды на выборы и другой партіи, — продолжала она. — Мистеръ Уартонъ завтра будетъ у насъ завтракать.

— Гарри Уартонъ? — спросилъ онъ съ изумленіемъ. — Вѣдь, мистеръ Бойсъотируетъ не за него; вашъ отецъ консерваторъ, посколькунѣ извѣстно?

Первымъ актомъ мистера Бойса по пріѣздѣ въ Меллоръ, пока еще онъ рассчитывалъ на реабилитацію въ мѣстномъ обществѣ, было пожертвованіе въ консервативную лигу, такъ что Альдъ не сомнѣвался въ его принадлежности къ консервативной партіи.

— Неужели во всемъ нужно соображаться съ политикой? — спросила она слегка презрительнымъ тономъ. — Неужели не полагается даже накормить радикала?

Онъ на минуту нахмурился, оскорбленный въ своей щепетильной, философски-воспитанной привычкѣ къ послѣдовательности.

— Вы напоминаете мнѣ, — сказалъ онъ, улыбаясь и краснѣя, — до какой степени выборы перепутываютъ наши политическія и нравственныя воззрѣнія. Въ такомъ случаѣ, Уартонъ старый другъ вашей семьи?

— Папа увидалъ его въ первый разъ лишь на прошлой недѣлѣ, — наивно отвѣтила она. — Теперь онъ хочетъ ему предложить пробыть у насъ нѣкоторое время, и хотя, конечно, онъ не будетъ вотиловать за него, но надѣется, что Уартонъ будетъ имѣть успѣхъ.

Рѣборнъ сдвинулъ брови.

— Да, онъ будетъ имѣть блестящій успѣхъ, — отрывистымъ голосомъ заговорилъ онъ. — Додгсонъ не надѣется пересилить его. Уартонъ увлекательный ораторъ, очень умный человекъ и не сунется на общанія избирателямъ. Вамъ, миссъ Бойсъ, онъ должнъ

показаться очень интереснымъ. Онъ въ своемъ имѣніи устроилъ ферму на артельныхъ началахъ. Въ прошломъ году онъ началъ издавать рабочій листокъ, — вы, навѣрное, читали его; мнѣ кажется, что вы ссылались на него. Онъ ратуетъ за все то, чего добиваетесь и вы, — расширение правъ самоуправленія, паціонализація земли, прогрессивный подоходный налогъ, уничтоженіе капиталистовъ и землевладѣльцевъ и тому подобное. Въ нашихъ деревняхъ онъ пріобрѣтаетъ все больше и больше сторонниковъ. Повидимому, онъ имѣетъ очень большое вліяніе на народъ.

— А вамъ онъ не нравится. Это звучитъ въ каждомъ вашемъ словѣ, — сказала Марчелла.

Онъ пытался подбирать умѣренныя выраженія, несмотря на то, что въ душѣ его кипѣли ненависть и ревнивыя подозрѣнія на счетъ Уартона.

— Я зналъ его съ дѣтства. Онъ родственникъ Ливенамъ и часто бывалъ тамъ въ прежнее время. Онъ очень блестящій и способный человѣкъ.

— Ваше «но» будетъ, должно быть, очень нелестное, — вставила она, — вы такъ долго не рѣшаетесь сказать его.

— Въ такомъ случаѣ, я потороплюсь сказать, что признаю его таланты, но не уважаю его, — горячо произнесъ онъ.

— Извѣстно, что такъ всегда отзываются о сильномъ соперникѣ. Это установившаяся формула.

Это замѣчаніе уязвило Альда, тѣмъ болѣе, что онъ вполне сознавалъ справедливость ея обвиненія въ предубѣжденіи. Онъ не могъ относиться безпристрастно къ этому человѣку, особенно теперь, когда онъ узналъ, что Марчелла предстоить познакомиться съ нимъ.

— Мнѣ очень жаль, что вы считаете меня такимъ лицемеромъ, — сказалъ онъ, смотря на нее страдальческимъ и возбужденнымъ взглядомъ.

Она не отвѣчала, и они шли нѣкоторое время молча. Подъ вліяніемъ чудной природы Альдъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ твердость приступить къ рѣшительному объясненію.

Инстинктивно она обернулась къ нему въ то время, когда онъ гс звился заговорить, и, встрѣтивши его взглядъ, она слегка поблѣднѣла.

— Догадываетесь ли вы, почему мнѣ такъ горько, когда вы не согласны со мной? — сказалъ онъ, хватая на-лету слова, какія по вертывались. — Почему каждое ваше слово имѣетъ для меня значеніе? Потому, что я лелѣю надежды, мечты, отъ которыхъ за-

висить счастье всей моей жизни. Если вы примете эти чувства, эту преданность, которую вы во мнѣ возбудили, и если вы сами можете довѣриться мнѣ, вы увидите, что я никогда не буду несправедливымъ или пристрастнымъ къ кому бы то ни было, или не буду сочувствовать тому, чему вы не симпатизируете... Скажите, могу я высказать все, что у меня на душѣ, или я черезъ - чуръ самонадѣянъ?

Щеки ея залились густымъ румянцемъ; она отвернулась. Опыняющее, восторженное чувство своей побѣды охватило ее, но только на одно мгновение: тотчасъ ей стало жаль его, что онъ такъ глубоко, самоотверженно привязался къ ней, а она не могла ему отвѣчать тѣмъ же.

— Вы совсѣмъ не знаете меня, — живо заговорила она. — Вамъ только кажется, что вы знаете. Вы не можете себя представить, какая я неровная. Я буду надоѣдать вамъ, мучить васъ, просто приведу въ отчаяніе.

Въ его спокойныхъ сѣрыхъ глазахъ вспыхнулъ огонекъ.

— Пойдемте и сядемъ на эти сухіе пни; здѣсь намъ никто не будетъ мѣшать. А мнѣ такъ много нужно сказать вамъ, — сказалъ онъ ласково, но въ тонѣ его голоса, хотя и мягкомъ, было что-то повелительное.

Она повиновалась, внутренно дрожа. Она не испытывала къ нему страстнаго чувства, но ее охватило волненіе передъ важнымъ и рѣшительнымъ моментомъ.

Онъ провелъ ее нѣсколько шаговъ, посадилъ на пень, а самъ бросился на траву возлѣ нея. Когда онъ смотрѣлъ на ея живописную фигуру среди осенней листвы, на ея наклоненную голову, на ея возбужденное и слегка испуганное лицо, счастье наполнило его. Онъ взялъ ея руку, она не сопротивилась, сжалъ въ своихъ рукахъ и, наклонившись, прикоснулся къ ея рукѣ сначала лбомъ, потомъ губами. Ея рука дрожала, но она не отнимала ее. Смѣсь волненія и самообладанія въ ней глубоко трогали его. При своей рыцарской скромности онъ ничего другого не требовалъ, ни о чемъ большемъ не мечталъ.

Полчаса спустя они сидѣли все на томъ же мѣстѣ. За это время они о многомъ переговорили и серьезно, и шутя.

Онъ рассказывалъ ей о томъ, какое впечатлѣніе она произвела на него въ первый разъ, какъ его удивили ея взгляды, чувства, стремленія, совершенно необычныя въ женщинахъ его круга. Само собою разумѣется, что онъ умолчалъ о томъ, какъ въ первое время ея разговоры потѣшали или раздражали его. Онъ вспоминалъ и

ворилъ только о своихъ чувствахъ симпатіи, наслажденія, восторга, о томъ, съ какою радостью онъ можетъ утолить теперь свою духовную жажду у свѣжаго источника ея чувства. Въ началѣ она привлекла его оригинальностью и смѣлостью рѣчи.

— Теперь же мнѣ дороже всего ты сама, — вдругъ сказалъ онъ въ страстномъ одушевленіи. — О, я не могу еще свыкнуться съ этою мыслью! Дай мнѣ руку и скажи еще разъ, что это дѣйствительно вѣрно, что мы съ тобой вмѣстѣ пойдемъ впередъ, что ты всегда будешь меня вдохновлять, помогать мнѣ.

И когда она протянула руку, она должна была ему позволить запечатлѣть первый поцѣлуй, который принадлежалъ теперь ему по праву. Хотя она при этомъ сконфузилась и отошла отъ него, онъ нашелъ это вполне натуральною дѣвическою стыдливостью.

Затѣмъ они продолжали разговоръ и мало - по - малу онъ раскрылъ ей свою душу. Теперь только впервые она заглянула въ его внутреннюю жизнь, которую онъ такъ искусно прикрывалъ спокойною и безстрастною внѣшностью. Онъ говорилъ о своей жизни въ Кембриджѣ, о своемъ другѣ Голленѣ, о горячемъ желаніи употребить всю свою силу и вліяніе, чтобы содѣйствовать водворенію новаго и лучшаго общественнаго устройства; подобно Голлену, онъ вѣрилъ въ возможность этого, только не такъ рѣшительно и безусловно, какъ тотъ. Теперь своею ближайшею задачей онъ считалъ введеніе какихъ - нибудь существенныхъ реформъ въ обширныхъ имѣніяхъ дѣда и плодотворную дѣятельность въ качествѣ члена парламента. Вѣроятно, ей часто казалось, что онъ безопасно и невнимательно относится къ вѣренному ему управленію имѣніями. Но это не такъ: его парализуетъ чисто-теоретическое безсиліе рѣшить, какой наиболѣе правильный путь.

Она тоже высказывалась искренно и свободно. Ей хотѣлось все снять съ своей совѣсти.

— Конечно, будутъ говорить, — заговорила она съ какою - то нервною торопливостью, — что я выхожу за васъ ради вашего положенія и состоянія. До нѣкоторой степени это правда... Подождите! Не прерывайте меня!... Конечно, я бы не вышла за васъ, еслибъ я васъ не любила. Но вы мнѣ доставляете широкую возможность дѣйствовать. И я откровенно говорю, что воспользуюсь этою возможностью. Подумайте хорошенько, прежде чѣмъ рѣшиться. Я никогда не могу быть покорною и послушною женою. По-моему, женщина должна свято охранять свою собственную индивидуальность, будь она замужемъ или нѣтъ. Подумали ли вы о томъ, что я буду счи-

тать себя вправѣ иногда дѣлать то, что вамъ непріятно, что можетъ шокировать вашимъ родственниковъ?

— Ты будешь совершенно свободна, — сказалъ онъ увѣреннымъ тономъ, — я все обдумалъ.

— А мой отецъ? Онъ болѣнъ и требуетъ заботъ и преданности. Я не соглашусь ни на какой бракъ, который бы потребовалъ отъ меня отречься отъ отца.

— Преданность и состраданіе я считаю самыми святыми чувствами въ мірѣ, — сказалъ онъ, нѣжно цѣлуя ея руку. — Будь спокойна, моя дорогая красавица!

Опять оба замолчали, она погрузилась въ свои мысли, онъ былъ полонъ захватывающаго, безконечнаго счастья. Солнце уже склонилось къ вечеру, подулъ свѣжій вѣтерокъ.

— Миѣ пора домой, — сказала она, вставая. — Моя горничная давно уже дома, и мама беспокоится. Кромѣ того, я должна сказать имъ.

— Я доведу тебя до воротъ, и ты спросишь отца, можно ли миѣ повидать его сегодня вечеромъ.

По мѣрѣ того, какъ они выходили изъ лѣса, деревья начали рѣдѣть, и вскорѣ показалась большая дорога. На нѣкоторомъ разстояніи она увидала молодого человѣка, который перешелъ на лѣсную дорогу и шелъ на встрѣчу къ нимъ. Онъ вертелъ тростью и напѣвалъ пѣсенку. Онъ шелъ безъ шапки и вѣтеръ разбросалъ его каштановые вудри. Марчелла подняла глаза и была поражена молодымъ, сіяющимъ видомъ его. Альдъ остановился отъ изумленія.

Незнакомецъ замѣтилъ ихъ и, узнавши Альда, улыбнулся и подошелъ къ нему, протягивая руку.

— Миѣ не судьба встрѣчаться съ вами, Рэборнъ. Последнія двѣ недѣли мы все ходимъ по слѣдамъ другъ друга и не сталкиваемся. Надѣюсь, что мы вполне мирно будемъ бесѣдовать?

— Миссъ Войсъ, кажется, вы не знакомы съ мистеромъ Уартономъ, — сказалъ Альдъ холодно, — позвольте вамъ представить.

Живые и пронизательные голубые глаза молодого человѣка при имени Марчеллы устремились на нее съ любопытствомъ. Затѣмъ онъ поклонился съ утрированной вѣжливостью и прошелъ съ ними нѣсколько шаговъ до дороги.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Прошло три мѣсяца.

Мистрисъ Бойсъ сидѣла у окна въ гостиной и шила, стараясь докончить работу при быстро сгущавшемся сумракѣ. Это было въ послѣднихъ числахъ декабря. Марчелла вернулась изъ деревни раньше обыкновеннаго, такъ какъ къ чаю должны были пріѣхать гости.

— Ну, что же, Марчелла, устроили вы съ лэди Винтербурнь ваши классы?—спросила мистрисъ Бойсъ.

— Да, намъ удалось собрать 10 или 11 молодыхъ женщинъ; ни одна изъ старухъ не согласилась къ намъ присоединиться, — сказала Марчелла. — Лэди Винтербурнь слышала объ одномъ хорошемъ мастерѣ, и я думаю, что съ будущей недѣли мы начнемъ. На три мѣсяца мы обезпечены деньгами.

Несмотря на усталость, глаза ея возбужденно блестя. Въ каждомъ ея движеніи, въ каждой чертѣ сквозила энергія мыслящаго и дѣятельнаго существа.

— Гдѣ же вы взяли денегъ?

— Мистеръ Рэборнь намъ далъ, — сказала Марчелла коротко. Мистрисъ Бойсъ слегка пожала плечами.

— Ну, а потомъ, куда вы дѣнете свои издѣлія?

— Лэди Винтербурнь знаетъ одну лавку въ Лондонѣ, которая соглашается брать у насъ товаръ, если будетъ хорошо выходить. Впрочемъ, мы и не рассчитываемъ покрывать всѣ расходы.

Марчелла довольно неохотно давала матери объясненія. Въстѣ съ лэди Винтербурнь онѣ задумали оживить и усовершенствовать мѣстное производство плетенія изъ соломы, съ каждымъ годомъ приходившее все въ болѣе упадокъ. Женщины, работавшія рутиннымъ способомъ и зарабатывавшія лишь нѣсколько пенсовъ въ недѣлю, должны обучиться болѣе тонкой и дорогой работѣ, напримеръ, плетенію мужскихъ и дамскихъ шляпъ, что, конечно, должно повысить ихъ заработокъ.

— Вы не рассчитываете покрывать свои расходы?—повторила мистрисъ Бойсъ. — Какъ? Никогда?

— Какъ же иначе? Мы будемъ платить отъ 12 до 14 шиллинговъ въ недѣлю каждой работницѣ. Мы должны купить матеріалъ, оплатить помѣщеніе, а, между тѣмъ, цѣны очень низкія, въ торговлѣ застой.

Мистрисъ Бойсъ разсмѣялась.

— Понимаю. На сколько же работников вы рассчитываете?

— О, какъ придется! Около двухсотъ въ трехъ деревняхъ. Ахъ, какъ это должно оживить, возродить всю ихъ жизнь!—воскликнула Марчелла: внутренний огонь, одушевлявшій ее, прорывался противъ ея воли.

— Знаетъ ли Альдъ, куда вы запутываете его деньги?

Марчелла покраснѣла.

— Само собою разумѣется. Это мой «выкупъ»—вотъ и все.

— А какъ онъ смотритъ на это дѣло?

— Конечно, онъ считаетъ насъ очень непрактичными,—сказала Марчелла нетерпѣливо.—Но при современномъ положеніи вещей всякая забота о людяхъ сопряжена съ большими затратами.

— Да, счастлива ты, что у него туго набитый кошелекъ,—сказала мистрисъ Бойсъ.—Но я полагаю, Марчелла, ты не захочешь, чтобъ онъ все истратилъ на соломенное плетенъе. Онъ вчера сказалъ мнѣ, что купилъ домъ на Hertford Street.

— Мы будемъ жить совершенно просто,—быстро проговорила Марчелла.

— Какъ? Безъ экипажа?

Марчелла колебалась.

— Правда, собственные лошади сберегаютъ время. И если приходится много ѣздить, то это выйдетъ не дороже извозчика.

— А ты собираешься много выѣзжать? Лэди Винтербурнъ говорила мнѣ, что она представить тебя ко двору въ маѣ.

— Это миссъ Реборнъ!—воскликнула Марчелла.—Она увѣряетъ, что это необходимо, иначе вся ихъ родня будетъ скандализована. Но ты можешь себѣ представить...

И лицо ея приняло недовольное выраженіе.

— Какъ это тебѣ пріятно! — договорила за нее мистрисъ Бойсъ.—По правдѣ сказать, я этого не понимаю. Обыкновенно молодыя женщины любятъ нарядные туалеты, любятъ занимать блестящее положеніе и играть видную роль. Вѣдь, ты тоже не склонна къ аскетизму, Марчелла?

Марчелла нахмурилась.

— Всякій по-своему приспособляется къ обстоятельствамъ,—гордо проговорила она.—Одни ихъ игнорируютъ, другіе имъ подчиняются.

— Я не хочу думать, что ты будешь игнорировать свои обстоятельства, моя милая! Это было бы очень неблагоприятно съ твоей стороны. Знаешь, сколько ты будешь получать, выйдя замужъ за

Рэборна? Двѣ тысячи фунтовъ въ годъ — въ твое исключительное распоряженіе.

— Это слишкомъ много, — сказала Марчелла, понизивъ голосъ.

— Онъ сказалъ, что желаетъ доставить тебѣ полную свободу жить своею собственною жизнью и осуществлять свои проекты, а для проектовъ это вовсе немного, моя милая. Я совѣтую тебѣ приберегать эти деньги для себя. Трать изъ нихъ на собственные нужды, но не на нужды другихъ людей.

Марчелла замѣтила у матери необычное волненіе при послѣднихъ словахъ.

— Бѣстати, — заговорила опять мистрисъ Бойсъ, — надѣюсь, что ты pomoжешь Рэборну вести подготовительныя хлопоты передъ выборами.

— Онъ знаетъ, — сказала она, — что я не согласна съ нимъ во многихъ пунктахъ. Онъ чрезвычайно занятъ биллемъ о крестьянахъ-собственникахъ, а я совершенно противъ крестьянской собственности. Это шагъ назадъ.

— Это досадно. Онъ мнѣ говорилъ, что проведеніе этого билля будетъ его главнымъ дѣломъ въ новомъ парламентѣ. Послушай, Марчелла, вѣдь, онъ лучше тебя знаетъ деревню и нужды крестьянъ?

— Дѣло вовсе не въ знаніи, мама, а въ принципѣ. Я сама не знаю, но тѣ, которымъ я слѣдую, знаютъ. Есть двѣ различныя точки зрѣнія на вещи, и я предупреждала Альда, какой точки зрѣнія я держусь, такъ что онъ шелъ на это.

— Неужели ты думаешь, что Альдъ могъ обсуждать вопросъ о женитьбѣ такъ же спокойно, какъ ты?

Марчеллу передернуло.

— Это, наконецъ, невыносимо, мама! Уже не въ первый разъ ты говоришь такъ, какъ будто я устраиваю какую-то недобросовѣстную аферу, заключаю выгодную сдѣлку. Это черезъ-чуръ гадво. Пусть другіе такъ думаютъ, но не ты.

Голосъ оборвался у нея, и на глазахъ выступили слезы.

— Ты не поняла меня, моя милая, — сказала мистрисъ Бойсъ болѣе мягкимъ голосомъ. — Я пемпожко удивляюсь на тебя, но никогда мнѣ и въ голову не приходили такія мысли. Я увѣрена, что ты любишь Альда.

— Да, конечно, мама! — истерическимъ голосомъ крикнула Марчелла.

Если ты идешь, — сказала мистрисъ Бойсъ минуту спустя, —

Она вскочила.

— Ахъ, это вы, мистеръ Уартонъ!

— Пожалуйста, не вставайте,—сказала она, дѣлая движеніе рукой, какъ бы желая остановить ее.—Во-первыхъ, я думала, что въ комнатѣ никого нѣтъ. Вашъ лакей занялся моими вещами, которыхъ у меня безчисленное количество, а я прошелъ одинъ дальше; затѣмъ я увидалъ васъ, огонь и эту комнату: какая чудная гармонія, словно музыка! Преступленіе нарушать ее.

Марчелла сконфузилась.

— Я не слыхала звонка,—сказала она холодно.—Сейчасъ придетъ мама.

— Я знаю, что вы не слыхали, какъ я вошелъ. Это-то и приятно. Это показываетъ, сколько есть на свѣтѣ очаровательныхъ вещей, которыхъ никто не видитъ. А какое прелестное это мѣстечко,—чудесный старинный домъ, особенно при этомъ слабомъ освѣщеніи! Въ прошлый разъ я видѣлъ его при яркомъ солнечномъ свѣтѣ.

— Да, но я предпочла бы имѣть побольше свѣта,—сказала Марчелла.

— Развѣ вамъ не кажется, что имѣть чего-нибудь слишкомъ мало лучше, чѣмъ слишкомъ много?

Онъ опустился на стулъ у чайнаго стола и смотрѣлъ веселымъ, вопросительнымъ взглядомъ на Марчеллу, когда она передавала ему чашку. Онъ нѣсколько смущалъ ее. Въ предъидущіе раза его ясные глаза смотрѣли не такъ свободно, а рѣзкія манеры были не такъ развязны. Волей-неволей она начала съ любопытствомъ приглядываться къ нему.

— Въ такомъ случаѣ, Меллоръ понравится вамъ: у насъ все чего-нибудь не хватаетъ... Передать вамъ что-нибудь?—спросила его Марчелла, такъ какъ онъ всталъ и глазами искалъ чего-то на столѣ.

— Мнѣ нужно сахару.

— Но я вамъ положила больше, чѣмъ обыкновенно,—сказала она, засмѣявшись.—Скажите, вы такъ же легко нарушаете и другіе свои принципы? А я только что собиралась сказать вамъ, что можно, если хотите, убавить огня въ каминѣ.

— Огня,—повторилъ онъ, пожимаясь отъ холода и подходя къ камину.—Знаете ли вы, какой ужасный вѣтеръ гуляетъ у васъ здѣсь на этихъ холмахъ? И подумать только, что въ эту самую погоду завтра вечеромъ мнѣ предстоитъ три митинга!

— Кто любитъ народъ, тотъ не обращаетъ вниманія на вѣтеръ.

Онъ улыбнулся, затѣмъ принялся за чай и лепешки, аппетитно смагуя каждый кусокъ.

— Конечно, если бы только народъ былъ поближе къ намъ. Одинъ кровожадный человѣкъ желалъ, чтобы у народа была одна голова, а я бы желалъ, чтобы у него было одно ухо. Къ несчастью, только при этомъ условіи можно доказать ему нелѣпость того, что ему теперь напѣваютъ съ разныхъ сторонъ. Скажите, мистеръ Рэборнъ изобразилъ вамъ меня въ неособенно привлекательномъ видѣ?

Онъ подался впередъ по направленію къ ней; его ясные глаза смотрѣли открыто и бойко.

Марчелла удивилась.

— Съ какой стати?—сказала она коротко.—Вѣдь, я не консерваторка.

— Вы не консерваторка?—сказалъ онъ радостно.— Не можетъ быть! Значить, вы читаете мои рѣчи?

И онъ указалъ на номеръ мѣстной газеты, лежавшій на столѣ.

— Иногда,—сказала Марчелла, смутившись.— У меня такъ мало времени.

Онъ улыбнулся.

— О, безъ сомнѣнія! Когда совершится торжественный обрядъ?

— Я вовсе не объ этомъ говорю,—сказала Марчелла съ досадой.— Леди Винтербурнъ и я—мы задумали устроить нѣсколько мастерскихъ въ деревнѣ. И вотъ по этому поводу мы хлопчемъ, пишемъ, обсуждаемъ съ утра до вечера.

— Ахъ, да, и объ этомъ слышалъ! Неужели вы серьезно думаете, что можно чего-нибудь достигнуть этими мелочами?

Выраженіе его лица и тонъ голоса измѣнились при этихъ словахъ: онъ смотрѣлъ на нее проницательнымъ, слегка презрительнымъ взглядомъ.

— Я понимаю, что вы хотите сказать,—сказала Марчелла медленно.— Вы добиваетесь крупныхъ перемѣнъ и отвергаете все то, что можетъ примирить народъ съ высшимъ классомъ. Но, вѣдь, это нелѣпость. Вы очень и очень долго не дождетесь своего. А, вѣдь, пока нужно же народу какъ-нибудь жить, питаться и одѣваться.

— Вы бы гораздо лучше сдѣлали, еслибъ открыли отдѣленіе ариарной униі, —сказалъ онъ рѣшительно.— Что хорошаго покровителствовать какой-то вымирающей промышленности? Все это ребячество!

— Все, что вы говорите, для меня не новость,—сказала Марчелла нетерпѣливо.— Все это я слышала въ Лондонѣ; вѣдь, я была членомъ общества вентуристовъ.

Его серьезность моментально исчезла. Онъ быстро поставилъ чашку, подошелъ къ ней и съ радостною улыбкой протянулъ ей руку.

— Неужели? Вѣдь, и я тоже. Теперь мы можемъ пожать другъ другу руки, какъ товарищи. Но какъ это неожиданно! А что Рэборнъ, какъ онъ къ этому относится?

— Ничего! Пожалуйста, не думайте, онъ столько же заботится о бѣдныхъ, какъ и мы съ вами. Только онъ идетъ другою дорогой, но не мѣшаетъ мнѣ идти моею.

— О, это вполне на него похоже! Вы знаете, мы съ нимъ знакомы съ дѣтства, постоянно встрѣчались у Ливеновъ. Только онъ меня не любитъ. Это очень досадно; мнѣ хотѣлось бы, чтобъ онъ былъ обо мнѣ лучшаго мнѣнія.

И тотчасъ лицо его приняло грустное выраженіе. Онъ сложилъ руки на колѣняхъ и сидѣлъ, понуривши голову.

Марчелла съ любопытствомъ слѣдила за нимъ.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Вы не хотите мнѣ помочь. Вы мнѣ не сочувствуете. Это очень не любезно съ вашей стороны. Развѣ это не плачевная судьба—всегда любить и цѣнить тѣхъ, которые васъ ненавидятъ?

— Такъ и вы платите имъ тѣмъ же,—сказала она, смѣясь.

Онъ поднялъ брови.

— А это уже измѣна. Я призываю въ свидѣтели вашего предка,—и онъ указалъ на висѣвшій противъ него портретъ,—что я готовъ былъ восхищаться Рэборномъ, а вы меня отговариваете. А теперь,—и онъ энергично придвинулъ къ ней свой стулъ,—познакомимся другъ съ другомъ поближе, пока никого нѣтъ. Знаете ли вы, что я издаю *Голосъ Труда*?

Марчелла кивнула утвердительно головой.

— Вы читаете газету?

— Да, я ее получаю.

— А, вотъ въ чемъ дѣло!—воскликнулъ онъ.—Теперь я понимаю, почему мнѣ попалось здѣсь въ деревнѣ нѣсколько номеровъ. Вы давали ее читать крестьянину, по имени Гордъ?

— Да.

— Жена его васъ боготворить, вы были ихъ добрымъ ангеломъ. Вотъ видите, я знаю кое-что про васъ. Хорошо; теперь какъ вы находите мою газету? Не уважете ли вы мнѣ, какъ улучшить это изданіе? Я знаю, что нужно внести свѣжую струю, и я думаю, что я это устрою. О, мы потолкуемъ съ вами объ этомъ, обяза-

тельно! А теперь я похвастался, что знаю кое-что о васъ, но мнѣ хотѣлось бы и васъ спросить, знаете ли вы что-нибудь обо мнѣ?

Оба разсмѣялись. Марчелла хотѣла отвѣчать серьезно.

— Да, кажется, у васъ есть земля?

— Вѣрно! — подтвердилъ онъ. — Я — линкольнширскій помѣщикъ. У меня около пяти тысячъ акровъ, какъ разъ столько, чтобы не быть богачомъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣть возможность пускаться въ кое-какія затѣи. У меня, на примѣръ, устроена кооперативная ферма. Я вложилъ въ нее порядочную сумму денегъ и отказался отъ ренты на первое полугодіе. Какъ видите, не особенно выгодное предпріятіе. Но современемъ оно будетъ давать доходъ. А пока мнѣ страшно нужны деньги для моихъ плановъ. Хочу устроить такъ, чтобы газета давала барыши и чтобы я могъ бросить адвокатуру.

— Вы адвокатъ?

— Да, три года тому назадъ я сдѣлался адвокатомъ, въ угоду матери. Слышали вы что-нибудь о моей матери?

— Нѣтъ, ничего.

— Такъ спросите лорда Максвелля, — сказалъ онъ, смѣясь. — У нихъ было нѣсколько столкновеній; она сохранила о немъ хорошія воспоминанія, но онъ, кажется, наоборотъ. Да, мою мать многіе считали сумасшедшей, можетъ быть, это и правда, но я любилъ ее.

Онъ продолжалъ улыбаться, но при послѣднихъ словахъ что-то трогательное послышалось въ его голосѣ, и онъ заглядывалъ ей въ глаза съ простодушною жадной сочувствія.

— Развѣ это такая рѣдкость? — спросила она, сдерживая улыбку и вообще стараясь скрывать проявленія своихъ чувствъ, чтобы не быть перетолкованной.

— Да, такъ, какъ мы любили другъ друга, — это рѣдкость. Мой отецъ умеръ, когда мнѣ было десять лѣтъ. Мать не хотѣла отдавать меня въ школу и я былъ постоянно при ней, я раздѣлялъ всѣ ея интересы. Она была горячая, необузданная женщина, но она жила настоящею жизнью.

Онъ вздохнулъ. Марчеллѣ хотѣлось спросить его, жива ли его мать, но ее остановила боязнь вторить ему въ закидываніи вопроса и.

Наступило молчаніе.

— Скажите, пожалуйста, — сказала она вдругъ, — почему вы не дадите на мое соломенное плетеніе? Развѣ ваша кооперативная ферма не такой же палліативъ?

Моментально выраженіе его лица измѣнилось. Онъ опять поры-

висто двинулъ стуломъ и смотрѣлъ на нее живыми и смѣлыми глазами.

— Я не могу объяснить вамъ этого теперь. Потребовалось бы очень долго говорить. Но вотъ что: на будущей недѣлѣ здѣсь въ деревнѣ я созову митингъ для пропаганды идеи о націонализациі земли. Мы попытаемся организовать здѣсь отдѣленіе рабочаго союза. Вы придете?

Марчелла колебалась.

— Пожалуй, — сказала она.

Опять наступило молчаніе. Потомъ Марчелла подняла глаза и встрѣтила его взглядъ, устремленный на нее. Тотчасъ какъ бы искра взаимной симпатіи пробѣжала между ними. Марчелла видѣла передъ собой открытое, пріятное, дѣтски-простодушное лицо и необыкновенно ласковые, пытливые, въ душу заглядывающіе глаза.

— Барышня! — слышался голосъ изъ-за двери.

Марчелла поспѣшно встала. Въ дверяхъ стояла горничная мистрисъ Бойсъ. Марчелла быстро подбѣжала къ ней.

— Что случилось?

— Барыня приказали сказать, что онѣ не выйдутъ. Баринъ заболѣлъ, и барыня послали за докторомъ Бларкомъ. Но васъ просятъ остаться здѣсь и разливать чай.

— Что же съ папой?

— Приступъ болей. Безъ доктора ничего нельзя сказать определеннаго.

Въ эту минуту слышался звонокъ.

— А, это Альдъ! — сказала Марчелла съ облегченіемъ и выбѣжала изъ залы встрѣчать его.

II.

Какъ только Альдъ увидалъ Марчеллу, тотчасъ остановилъ своихъ спутниковъ въ передней, а самъ прошелъ дальше. Марчелла подбѣжала къ нему.

— Папа заболѣлъ! — сказала она скороговоркой. — Мама послала за докторомъ Бларкомъ. Она просила меня не входить наверхъ и пить безъ нея чай.

— Ахъ, какъ это непріятно! Нельзя ли чѣмъ-нибудь помо б? Можно воспользоваться моею лошадыю.

— Нѣтъ, все уже сдѣлано, за докторомъ отправились. Я не знаю, почему, но у меня было предчувствіе, что папа заболѣетъ.

Она была блѣдна и взволнована. Они шли дальше, забывш

другихъ гостей. Когда они проходили черезъ темный корридоръ, Альдъ нагнулся и быстро поцѣловаль у ней руку. Въ этомъ поцѣлѣ вылилось горячее, страстное чувство, — все, что накопилось у него въ душѣ за время разлуки.

— Дорогая моя, не безпокой себя. Можетъ быть; тебѣ непріятно видѣть чужихъ людей? Хочешь, я сейчасъ отправлю назадъ Голлена и Ливена?

— О, нѣтъ! Уартонъ здѣсь гдѣ-то сидитъ. А гдѣ Голленъ? Я совсѣмъ и забыла о немъ.

Альдъ пошелъ и позвалъ ихъ. Голленъ и Ливенъ, догадываясь, что произошло что-то необычное, стали разсматривать картины.

Голленъ подошелъ и пожалъ Марчеллѣ руку. Оба они съ особеннымъ интересомъ осматривали другъ друга. «Она держитъ въ своихъ рукахъ судьбу моего друга, достойна ли она этого?» — думаль Голленъ. А Марчеллѣ хотѣлось понравиться ему, но она боялась его критики, и потому держала себя сдержанно.

Но какъ только онъ заговорилъ своимъ пріятнымъ, мелодическимъ голосомъ, Марчеллѣ вдругъ показалось, какъ будто она съ нимъ давно знакома, и она сразу почувствовала себя съ нимъ свободно.

Узнавши о болѣзни мистера Бойса, Голленъ выразилъ сочувствіе, а Ливенъ, стоявшій сзади, сказалъ:

— Надѣюсь, что вы не будете съ нами церемониться, миссъ Бойсъ. Отошлите насъ немедленно назадъ.

— Нѣтъ, войдите, пожалуйста! — сказала она, улыбаясь и протягивая ему руку: этотъ юный атлетъ, пріѣхавшій только что изъ Оксфорда домой на рождественскіе праздники, былъ ея любимцемъ. — Я вамъ дамъ чаю, а вы должны развлекать меня разсказами о томъ, сколько дичи вы настрѣляли за эту недѣлю. Я думаю, ничего не оставили въ живыхъ?

Они всѣ пошли въ гостиную. Какъ только Марчелла схватилась за ручку двери, на лѣстницѣ опять показалась горничная. Марчелла подбѣжала къ ней.

— Папѣ лучше, — сказала она, вернувшись съ повеселѣвшимъ лицомъ. — Мама не сойдетъ внизъ, а васъ проситъ не безпокоиться и поселиться въ свое удовольствіе.

— Постараемся, — сказалъ Ливенъ, потирая руки, — съ помощью чая. Миссъ Бойсъ, скажите, пожалуйста, Альду и мистеру Голлену, чтобъ они не толковали о политикѣ, когда меня берутъ съ собой. Они меня совершенно измучили, и я прошу у васъ защиты.

Смѣясь и болтая, вся группа вошла въ гостиную.

— Господи, какъ этотъ лѣшій сюда попалъ?—сказалъ Ливень потихоньку Альду.

У камина, задомъ къ огню, стоялъ Уартопъ и смотрѣлъ на входящихъ со своею обычною смѣлою улыбкой.

— Мистеръ Голленъ, вы знакомы съ мистеромъ Уартопомъ?—спросила Марчелла.

— Да, мы встрѣчались нѣсколько разъ въ общественныхъ собраніяхъ, — сказалъ Голленъ, протягивая руку, которую Уартопъ потрясъ съ жаромъ. Альдъ съ обычнымъ своимъ безстрастнымъ видомъ протянулъ ему три пальца, — манера, которую онъ унаслѣдовалъ въ семьѣ и которая очень вредила его репутаціи. Что же касается Ливена, то онъ слегка кивнулъ головой радикальному кандидату и тотчасъ бросился на стулъ, въ дальнемъ углу комнаты.

— Съ Франкомъ мы сегодня встрѣчаемся уже не въ первый разъ, — сказалъ Уартопъ, улыбаясь.

— Да, я пытался уничтожить хоть часть того вреда, который онъ сдѣлалъ, — рѣзко проговорилъ юноша. — Представьте себѣ, миссъ Бойсъ, прохожу я сегодня мимо одной изъ нашихъ деревень и застаю его среди кучки крестьянъ: онъ набиваетъ имъ голову всякимъ вздоромъ по поводу законовъ объ охотѣ и о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ, — безъ сомнѣнія, онъ разумѣлъ моего отца.

Уартопъ попробовалъ было протестовать.

— Молчи! Конечно, ты разумѣлъ насъ! Когда онъ ушелъ, я вскочилъ на телѣгу и тоже сказалъ рѣчь. Я спросилъ крестьянъ, развѣ они почти всѣ не принимаютъ участія въ нашихъ большихъ охотахъ и не получаютъ столько же удовольствія, какъ и мы? Я знаю, что учитель и почтальонъ всегда просятъ позволить имъ нести патроны, и вся деревня поднимается на ноги. Я спрашивалъ ихъ потомъ, развѣ они не получаютъ броликовъ круглый годъ, развѣ у нихъ нѣтъ братьевъ и сыновей, которые служатъ при охотѣ и получаютъ хорошее жалованье? Неужели имъ лучше будетъ жить, если вся дичь будетъ перебита и если подобные господа, — онъ указалъ на Уартона, — возьмутся управлять ими? И представьте, я убѣдилъ ихъ. Они одобрительно покачивали головами и смѣялись. Знаете, старикъ Додгсонъ хочетъ просить меня говорить вмѣсто него въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. И я съумѣю провести своего кандидата, — это ужъ будьте покойны!

— А развѣ тебѣ въ Итонѣ не задали уроковъ на праздники?—спросилъ Уартопъ, смѣясь.

Юноша вспыхнулъ, но быстро оправился и задорно отвѣчалъ:

— Я еще въ прошломъ году кончилъ въ Итонѣ, что тебѣ очень хорошо извѣстно. Вотъ если бы на нынѣшніе праздники мнѣ задали прошлогоднее сочиненіе *О демагогахъ*, я бы славно прохватилъ вашего брата, ей-Богу, а то въ прошломъ году корпѣлъ, корпѣлъ, просидѣлъ всю ночь и едва написалъ полторы страницы.

Всѣ засмѣялись, Уартонъ первый. Затѣмъ всѣ задвигали стульями и подошли къ столу. Одинъ Уартонъ оставался въ сторонѣ въ позѣ наблюдателя. Голленъ тоже занимался наблюдениями: онъ съ любопытствомъ слѣдилъ за хозяйкой и ея женихомъ—своимъ другомъ. Онъ былъ въ меланхолическомъ настроеніи. Его связывала съ Альдомъ такая тѣсная дружба, что извѣстіе о помолвкѣ его друга произвело на него тяжелое, болѣзненное впечатлѣніе: что-то обрывалось, на прежнія отношенія накладывалась крышка.

Красота Марчеллы, о которой онъ много слышалъ, несомнѣнно поражала, но больше всего потому, что еще не вполне развернулась и обѣщала въ будущемъ полный расцвѣтъ. Вообще, подводя итогъ своимъ наблюдениямъ надъ Марчеллой, онъ очертилъ ее словами: незрѣлая, неустановившаяся. Но какъ увлеченъ Альдъ, какъ онъ слѣдитъ за каждымъ ея движеніемъ, ловить малѣйшее желаніе! Ему даже стало обидно за достоинство своего друга. Бромъ того, ему показалось, что и Марчелла тяготится этимъ поклоненіемъ и обожаніемъ; по крайней мѣрѣ, онъ не замѣтилъ въ ея обращеніи съ Альдомъ никакого оттѣнка нѣжности или вниманія, и тогда въ душу его закралось первое подозрѣніе, что тутъ что-то неладно.

— Вы можете говорить, что угодно,—вдругъ сказала Марчелла съ одушевленіемъ,—но вы никогда не убѣдите меня, что запретительные законы объ охотѣ не отягчаютъ еще больше жизни въ деревнѣ и не обостряютъ вражды между сословіями.

Это замѣчаніе вызвано было шумною болтовней Франка Ливена, который находился въ самомъ разгарѣ спортсменскихъ увлеченій и не могъ ни о чемъ говорить, кромѣ охоты; исключеніе составляло еще обсужденіе способовъ, какъ бы его ненавистному кузену преградить доступъ въ парламентъ.

Франкъ смолкъ. А Альдъ, стоя сзади Марчеллы, сказалъ, наклонившись къ ней:

— Право, не стоить объ этомъ много беспокоиться.

— Я не могу иначе,—живо проговорила Марчелла и покраснѣла, какъ какъ замѣтила, что глаза всѣхъ устремлены на нихъ.

— Послушайте, миссъ Бойсъ,—началъ опять Ливенъ,—пойдемте какъ-нибудь гулять со мною. Я сдумѣю васъ убѣдить такъ же, какъ я обработалъ тѣхъ молодцовъ въ деревнѣ. Право, я сду-

мѣю; только вы мнѣ не дайте случая. Это очень нехорошо съ вашей стороны.

— Ахъ,—сказала Марчелла, поднявши плечи,—что вы знаете объ этомъ! Это все равно, что азартнаго игрока, когда ему везеть, спрашивать, имѣетъ ли онъ право выигрывать. У меня гораздо больше средствъ составить объ этомъ правильное мнѣніе. Я могу судить безпристрастно и принять во вниманіе тысячу вещей, которыхъ вы никогда и не замѣтите. Я пріѣхала сюда со стороны, и первое, что меня поразило здѣсь, это то, что весь механизмъ законодательства и общественныхъ порядковъ какъ будто и существуетъ только для того, чтобъ оберегать вашихъ фазановъ. Полиція существуетъ для того, чтобы ловить браконьеровъ, судьи—чтобы судить ихъ. Если вы удовлетворяете свои спортсменскіе инстинкты, васъ всѣ находятъ прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, всѣ васъ хвалятъ. Но если сынъ сапожника вздумаетъ удовлетворять свои, тотчасъ всѣ его называютъ негодяемъ и воромъ, полиція и судъ немедленно принимаются за него.

— Но, вѣдь, я не краду у него цыплятъ!—воскликнулъ юноша. — Зачѣмъ же онъ крадетъ у меня фазановъ? Я за все плачѣю: за яйца, за насѣдокъ, за кормъ, нанимаю прислугу, чтобы ходить за цыплятами. Почему же ему нужно позволить брать мою собственность, а если я возьму его, то попаду въ тюрьму?

— Но общественное благо должно стоять выше частныхъ интересовъ,—возразила Марчелла.

Она закинула руку за спинку стула, и вся ея гибкая фигура выражала столько одушевленія и возбужденія, что Голленъ обратилъ на это вниманіе и нѣсколько удивился, такъ какъ разговоръ не давалъ повода къ такой разгоряченности.

— Если вы думаете, миссъ Бойсъ, что отмѣна законовъ объ охотѣ будетъ принята съ удовольствіемъ въ странѣ, вы жестоко ошибаетесь,—сказалъ Ливенъ.—Даже вы, мистеръ Голленъ, не думаете этого, не правда ли?

— Не знаю,—сказалъ Голленъ со своею спокойною улыбкой.— Я скорѣе думаю, что въ общемъ народъ будетъ доволенъ. Хотя нѣкоторые фермеры терпѣливо сносятъ эти законы, но большинство возмущается.

— Конечно,—горячо поддержала Марчелла.—Я недавно разговаривала съ однимъ изъ нашихъ фермеровъ. Онъ говоритъ, что еслибъ онъ не посылалъ съ ранняго утра сторожить свои поля, когда зерно начинается наливаться, то все было бы уничтожено фазанами Винтербурновъ. «Почему же вы не жалуетесь инспектору?» —

сказала я ему. — «О, барышня, — возразилъ онъ мнѣ, — вотъ я живу здѣсь тридцать два года и постоянно замѣчалъ, что Винтер-бурны всегда правы!»

Марчелла раскраснѣлась и саркастическимъ взглядомъ смотрѣла на Ливена; но Голленъ не могъ отдѣлаться отъ неприятнаго подозрѣнія, что этотъ сарказмъ назначается по другому адресу. Альдъ сидѣлъ, слегка наклонивши голову. Однажды во время разговора Голленъ замѣтилъ, какъ онъ поднялъ свои сѣрые глаза на Марчеллу, но она не замѣтила этого и вообще, повидимому, совсѣмъ не обращала на него вниманія. Между тѣмъ, взглядъ Альда выражалъ столько мѣки, замѣшательства и вмѣстѣ нѣжности и мольбы, что Голлену стало безконечно жаль его.

— Миссъ Бойсъ, а вотъ Альдъ, навѣрное, тоже несогласенъ съ вами, — сказалъ Ливенъ, надѣясь въ немъ найти поддержку.

— Не правда ли, Альдъ, ты, вѣдь, не думаешь, что будетъ лучше, если мы завтра же откажемся отъ охоты? Да, точно также, какъ я не думаю, что будетъ лучше, если мы завтра же откажемся отъ золотой посуды и фальшивыхъ волосъ, — сказалъ Альдъ спокойно. — Разорится много золотыхъ дѣлъ мастеровъ и парихмахеровъ.

— Вы дѣлаете удареніе на словѣ «завтра». Я съ вами согласна, — сказала Марчелла. — Нельзя во имя реформы отнимать заработокъ у ни въ чемъ неповинныхъ людей. Но вопросъ въ томъ, съ чего начать реформу. Я думаю, что законы объ охотѣ являются самымъ вопіющимъ злоупотребленіемъ, и на нихъ надо прежде всего направить ударъ.

— Я еще не вполне увѣренъ въ этомъ, — сказалъ Альдъ. — Мнѣ лично запретительные законы объ охотѣ не представляются привлекательною формою собственности, но они очень тѣсно связаны съ другими формами, такъ что мнѣ нужно еще выяснить, къ чему приведетъ это нападеніе. Но, во всякомъ случаѣ, за того фермера, о которомъ вы говорили, я бы заступился такъ же горячо, какъ и вы.

Голленъ подмѣтилъ нетерпѣливое подергиваніе рта у Марчеллы. Чай убрали, и Марчелла отошла отъ стола и сѣла на старинный диванъ у камина; Альдъ послѣдовалъ за нею. Голленъ увидѣлъ въ полумрагѣ, какъ Рэборнъ искалъ руки Марчеллы, сбитанной въ складкахъ ея платья, какъ она слегка сопротивлялась, потомъ уступила, и Голленъ порадовался и этой ничтожной побѣдѣ своего друга.

— Мы много разъ обсуждали эти вопросы съ Альдомъ, — ска-

заль Голленъ, обращаясь къ Марчеллѣ. — Вы не можете себѣ представить, какъ онъ внимательно относился къ моимъ мнѣніямъ, хотя я и не охотникъ, и не землевладѣлецъ. Для меня несомнѣнно одно, что ограничительные законы объ охотѣ создаютъ преступленія. Земледѣльческая жизнь представляется мнѣ гораздо проще промышленной, и мнѣ кажется, тамъ легче установить хорошія братскія отношенія. Между тѣмъ, эти законы раздражаютъ и ожесточаютъ народъ, такъ какъ дѣлаютъ охоту привилегіей одного класса. Говорятъ, что страсть къ охотѣ намъ врождена. Можетъ быть, это и есть переживание какого-нибудь примитивнаго инстинкта у насъ, сѣверянъ, но, въ такомъ случаѣ, почему же богатые не хотятъ допустить его и у бѣдныхъ? У меня есть нѣкоторые мечты и планы на этотъ счетъ. Я не разъ излагалъ ихъ Альду, но мнѣ не удалось склонить его.

— Это невозможно! — воскликнулъ Ливень, будучи не въ состояніи больше сдерживаться. — Знаете ли вы, миссъ Бойсъ, какіе это мечты и планы? Это чистое сумасшествіе, увѣряю васъ, — хотя это и дерзко съ мѣй стороны, но я не могу иначе. Онъ хочетъ, чтобъ Альдъ уступилъ большой кусокъ земли въ имѣніи лорда Максвелля рабочимъ для охоты! Какъ вамъ это нравится? Онъ даже говоритъ, что не видитъ, почему бы также не позволить имъ разводить фазановъ. Къ чести Альда я долженъ сказать, что онъ не идетъ такъ далеко, хотя онъ и не особенно строгій консерваторъ. Бромъ того, какъ это нелѣпо! Они утверждаютъ, что охота отупляетъ насъ и, въ то же время, желаютъ и рабочихъ подвергать той же опасности. Но мы не будемъ за это отвѣчать. У насъ есть свои пороки, мы свыклись съ ними; но не будемъ же мы ихъ прививать другимъ: это недостойно насъ.

Ливень, какъ затравленный дикій звѣрокъ, загусилъ удила. Марчелла отъ души хохотала, а Голленъ положилъ ему на плечо руку и нѣжно поглаживалъ его, какъ запарившуюся лошадь.

— Да, помню, я не могъ себѣ уяснить практическихъ подробностей плана Голлена, — сказалъ Альдъ, срывивши ротъ. — Такъ, мнѣ хотѣлось бы знать, кто будетъ платить за право охоты, какъ подѣлить дичь между многими охотниками и какимъ образомъ люди, зарабатывающіе отъ 12 до 14 шиллинговъ въ недѣлю, будутъ содержать сторожа? Затѣмъ я спросилъ мѣстнаго священника, какъ онъ думаетъ, къ чему это приведетъ. «Да, — сказалъ онъ, — на первый день они перебьютъ всю дичь, а на другой день перессорятся и передерутся между собой. Поголовная рѣзня — вотъ къ чему приведетъ это!» Это, конечно, мелочи, подробности.

Голлень слегка покачалъ головой.

— Я, все-таки, продолжаю утверждать, — сказалъ онъ, — что съ помощью нѣкоторой практической изобрѣтательности можно устроить это дѣло.

— А я могу подтвердить вашу мысль примѣромъ, — сказалъ Уартонъ, обращаясь къ Голлену. — Около трехъ лѣтъ тому назадъ подобная идея была осуществлена въ моемъ имѣніи и очень удалась.

— Слышите, слышите? — воскликнула Марчелла. — Я знаю, что многое можно сдѣлать, если только захотѣть. Я всегда это чувствовала.

Она слегка повернулась къ Альду, потомъ тотчасъ рванулась впередъ, внимательно прислушиваясь къ тому, что еще скажетъ Уартонъ. Ея глаза разгорѣлись, вся фигура выражала одушевление.

— Да у него тамъ нечего было стрѣлять! — воскликнулъ Франкъ Ливенъ.

— Напротивъ, — сказалъ Уартонъ, улыбаясь, — мое имѣніе лежитъ какъ разъ въ странѣ, извѣстной своими куропатками.

— Какъ должны быть благодарны тебѣ твои сосѣди! — воскликнулъ неутомимый юноша.

Но Уартонъ не обратилъ на это вниманія. Онъ изложилъ, на какихъ основаніяхъ онъ устроилъ поочередную охоту фермеровъ въ своемъ имѣніи.

— Но, — продолжалъ онъ, — законы объ охотѣ, какъ справедливо замѣтилъ мистеръ Рэборнъ, составляютъ только часть общей системы земельныхъ и вообще имущественныхъ правъ, — это я собираюсь подробнѣе изложить на митингѣ, на которомъ вы общались бытъ.

И онъ взглянулъ на Марчеллу своими улыбающимися глазами. Марчелла почувствовала, что при этихъ словахъ Альдъ, державшій ея руку въ своей, стиснулъ ее; затѣмъ тотчасъ всталъ и отошелъ.

— Неужели вы пойдете на его митингъ, миссъ Бойсъ? — спросилъ Ливенъ съ ужасомъ.

Марчелла нѣсколько мгновеній колебалась, досадуя на неумѣстную болтливость Уартона, затѣмъ покраснѣла и характернымъ жестомъ откинула назадъ голову.

— Почему же мнѣ не идти къ тѣмъ, къ которымъ я принадлежу по своимъ убѣжденіямъ?

Наступило неловкое молчаніе. Затѣмъ Голлень поднялся.

— Не позволите ли вы намъ посмотрѣть вашъ домъ? Мнѣ А дѣ много про него рассказывалъ.

Когда вслѣдъ затѣмъ они проходили по пустыннымъ комнатамъ, въ сопровожденіи неуклюжаго Вильяма съ лампой въ рукѣ, Марчелла и Альдъ оказались позади всѣхъ. Какъ только они остались вдвоемъ, она тотчасъ почувствовала, что между ними произошло какой-то разладъ. Онъ обращался съ ней попрежнему, но отъ тонкаго чутья Марчеллы не ускользнула нѣкоторая принужденность и натянутость въ его поведеніи. Внезапно приливъ раскаянія овладѣлъ ею. Она порывисто бросилась къ нему и положила руку къ нему на плечо.

— Я была не особенно любезна съ тобой, — забормотала она. — Право, это не намѣренно. Я не знаю, почему я всегда противорѣчу, спору, когда ты такъ добръ ко мнѣ, такъ необыкновенно добръ!

Альдъ быстро обернулся. Съ глубокимъ вздохомъ радостнаго облегченія онъ привлекъ ее къ себѣ горячо, страстно. Прежде обыкновенно, когда они оставались вдвоемъ, Марчелла была очень сдержанна и нерѣшительна, а онъ, со своими деликатными рыцарскими чувствами, не требовалъ ничего больше, но чрезвычайно цѣнилъ всякій новый шагъ къ сближенію съ ея стороны и, казалось, особенно любилъ ее за ея цѣломудренное чувство, довольствуясь короткими мгновеніями вспышекъ. Но сегодня онъ не отпуская ее и, къ удивленію, и она не находила въ себѣ протеста.

— Ну, пусти же меня! — сказала она, наконецъ, стараясь высвободиться изъ его объятій.

— Нѣтъ, — задыхаясь, проговорилъ онъ и крѣпко сжалъ ея руку. — Пойдемъ и сядемъ. Они могутъ побыть одни.

Онъ посадилъ ее на кресло, а самъ сталъ передъ ней на колѣни.

— Послушай, развѣ это хорошо, — заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ, — ты мнѣ не сказала, что общалась пойти на митингъ къ тому человѣку, и я услышалъ это въ первый разъ отъ другихъ, а, между тѣмъ, на мой митингъ ты постоянно отказываешься придти?

— Что же, ты намѣренъ запретить мнѣ идти? — быстро проговорила она.

На мгновеніе она почувствовала, что почти желаетъ, чтобъ онъ сказалъ «да», — это было бы для нея освобожденіемъ.

— Ни въ какомъ случаѣ, — сказалъ онъ рѣшительно. — Это противорѣчило бы нашему договору. Но, вѣдь, ты сама, навѣрное, догадываешься, чего мнѣ нужно. Вѣдь, ты не можешь думать, что я равнодушно отношусь къ митингамъ, гдѣ я говорю къ народу, который меня знаетъ съ дѣтства, — вѣдь, ты видишь, что я душу свою вкладываю въ общественную дѣятельность. Подумай только, какъ мнѣ тяжело не раздѣлять съ тобой такую важную сторону

моей духовной жизни. Я знаю, знаю, что ты скажешь, что ты предупреждала меня объ этомъ, что ты держишься иныхъ убѣжденій. Но понимаешь, тутъ есть и другія стороны, помимо солидарности воззрѣній, — многое такое, что можетъ быть полезно и поучительно для насъ обоихъ, если только мы не будемъ такъ разъединяться, такъ чуждаться другъ друга.

Онъ остановился, всматриваясь въ выраженіе ея лица, а на нее опять нахлынула волна раскаянія, она вспоминала объ его незлобii, великодушii и преданности.

— Когда ты говоришь въ слѣдующій разъ? — почти шепотомъ спросила она. Въ полумракѣ ея гибкая фигура, нѣжный голосъ и мягкій, добрый взглядъ дѣйствовали на него магически.

— Въ слѣдующую пятницу. Голлень и тетка Агнета придутъ.

— Голлень не будетъ говорить за тебя? — спросила она.

— Ну, этого нельзя сказать! Онъ оказалъ мнѣ незамѣнимую поддержку при проведеніи моего билля. Если я не назову себя консерваторомъ, онъ завтра же будетъ вотировать за меня. Знаешь что, мнѣ кажется они идутъ назадъ?

— Постой минутку! — сказала она, притянувши его къ себѣ, потомъ опять отступивши отъ него, какъ бы опасаясь вновь возбудить въ немъ приливъ страсти. — Мнѣ нужно сказать тебѣ: не давай мнѣ такъ много денегъ; правда, это черезъ-чуръ много. Представь себѣ, что я буду ихъ тратить на такія вещи, которыхъ ты не одобряешь?

— Нѣтъ, ты этого не будешь дѣлать, — весело сказалъ онъ.

Она пыталась продолжать разговоръ, но онъ не хотѣлъ и слышать.

— Я вообще стою за свободу рѣчи, — сказалъ онъ шутливо, — но иногда бываетъ необходимо лишить слова, и я лишаю тебя.

При этомъ онъ нѣжно поцѣловалъ ее.

Черезъ нѣсколько секундъ показались и остальные. Альдъ и Марчелла присоединились къ нимъ и всѣ направились въ гостиную.

— Раборнъ, вы завтра принимаетесь за хлопоты? — спросилъ Уантонъ.

— Вѣроятно, — отвѣтилъ Альдъ сухо.

Марчелла, которую неприятно задѣлъ этотъ тонъ, обернулась и увидала такое выраженіе лица у Альда, которое ей до сихъ поръ было совершенно незнакомо. Она предположила, что это есть высьомѣріе, свойственное прирожденному аристократу по отношенію къ выскочкѣ.

Моментально вспыхнулъ весь задоръ ея пылкой природы, и она почувствовала неудержимое стремленіе оказать Уартону вниманіе и расположеніе.

III.

— Какъ я люблю этотъ упадокъ и разрушеніе! — сказалъ Уартонъ, входя въ старинную, заброшенную библіотеку. — Такъ и хочется снять весь свой парадъ и приняться за простое ремесло — штукатура, плотника, маляра. Какіе мы, въ сущности, непригодные къ жизни люди! Несмотря на самое горячее желаніе, мы бы съ вами не могли исправить здѣсь ни пола, ни потолка.

— Я пыталась что-нибудь устроить, — сказала Марчелла съ грустью, — достала доску и гвоздей и хотѣла забить вотъ эту щель, но гнилое дерево только обламывалось еще дальше; папа разсердился и сказалъ, что, вмѣсто того, чтобы поправлять, я только порчу. Потомъ я протерла и подклеила нѣкоторыя изъ этихъ книгъ, но...

— Но не такъ хорошо, хотите вы сказать, какъ это сдѣлалъ бы какой-нибудь мальчишка-подмастерье у переплетчика, — сказалъ Уартонъ. — Ужасно подумать, до какой степени мы, высшіе классы, пустой и праздный народъ!

— Почему вы постоянно напираете на это? — живо спросила Марчелла. Она провела его по всему дому и въ это время разъ двадцать задавала себѣ вопросъ, нравится онъ ей или нѣтъ.

— Потому что я сегодня передъ завтракомъ просмотрѣлъ отчетъ министерства торговли, именно главы о бирмингамской промышленности. Боже, какую массу знанія, искусства и изобрѣтательности обнаруживаютъ эти люди, которыхъ мы называемъ «низшимъ классомъ»!

— Позвольте, неужели образованіе и умственная работа ничего не стоятъ? — сказала Марчелла съ отѣвкомъ ироніи.

— Я очень благодаренъ міру, что онъ такъ думаетъ, — сказалъ Уартонъ, — что онъ цѣнитъ мою умственную работу. Благо намъ вѣзмъ, что этотъ предрасудокъ вѣрно держится въ людяхъ.

— Хорошо, искусный ремесленникъ самъ о себѣ позаботится. Но что бы сталъ дѣлать темный деревенскій людъ безъ нашей культурной помощи, безъ нашего попеченія о немъ?

— О, благотворительность! — воскликнулъ Уартонъ. — Предъидущее поколѣніе съ Карлейлемъ во главѣ хотѣло рѣшить всѣ общественные вопросы съ помощью благотворительности. Но наши

требованія идутъ гораздо дальше. Современное общество желаетъ отдѣлаться отъ нашихъ требованій, выполняя то, чего добивался Барлейль.

— Неужели вы не придаете никакого значенія благотворительности? Развѣ вы не находите, что она подмазываетъ колеса?

— *Вы* такъ думаете, потому что вы—женщина, а женщины созданы для благотворительности и для аристократической жизни.

— Вы воображаете, что такъ хорошо знаете женщинъ?—сказала она горячо.—Я всегда замѣчала, что люди съ такими претензіями чаще всего ошибаются.

— Нѣтъ, напримѣръ, я знаю васъ лично настолько, чтобъ утверждать, что вы...

Онъ замаялся.

— Ну, договаривайте, договаривайте!

— Хорошо. Что вы умѣете примирять непримиримое. Это — незамѣнимая черта, она васъ далеко поведетъ.

— Благодарю васъ,—сказала Марчелла.—Значить, вы считаете меня двуличной?

— Ничего подобнаго, — заговорилъ онъ болѣе мягкимъ тономъ.—Но перейдемте въ теплую комнату, миссъ Бойсъ. Я вижу, что вы дрожите.

Они перешли въ небольшую гостиную, въ которой топили каминъ, и сѣли у огня.

— Я скажу, что я разумѣль,—началь Уартонъ,—только, пожалуйста, не обижайтесь. Вы—демократка и скоро будете лэди Максвелъ. Такія сочетанія можно встрѣтить только у женщинъ. Онѣ могутъ мириться съ этимъ, потому что у нихъ много фантазій и мало логики.

Она вспыхнула.

— А вы,—сказала она, задыхаясь,—радикаль и помѣщикъ. Какая же тутъ разница?

Онъ засмѣялся.

— Да, но я не обладаю этимъ талантомъ,—я не могу сразу осѣдлатъ двухъ лошадей, какъ вы, и, притомъ, совершенно добросовѣстно. Вотъ въ чемъ разница. Послѣдствіе же этого то, что слово, къ которому я принадлежу, отъ меня отрекается,—всѣ ненавидятъ меня, а вы сумѣете примирить въ себѣ эти противоположности: половину времени вы будете дѣйствовать какъ лэди Максвелъ, а остальную половину—какъ демократка и членъ общества вентуристовъ. И это сообщите вамъ силу. Мы, мужчины, неспособны на это.

— Вы хотите сказать, — спросила она рѣзко, — что вы отказались от роскоши и от всѣхъ преимуществъ своего сословія?

— Это совсѣмъ другое дѣло. Это моя частная, индивидуальная обстановка. Лишь общественныя воззрѣнія и поведеніе человѣка принимаются во вниманіе. И въ этомъ отношеніи я не сохранилъ никакихъ старыхъ связей и друзей, — всѣ отвернулись отъ меня, какъ вы могли замѣтить это вчера. И такъ, мое сословіе отказалось отъ меня, а это обезсиливаетъ меня.

— Значить, вы сожалѣете объ этомъ?

— Ни въ какомъ случаѣ! Каждый изъ насъ выбираетъ себѣ въ жизни такую дорогу, которая болѣе всего его удовлетворяетъ и доставляетъ ему наибольшую степень наслажденія. Мать учила меня воспринимать жизнь драматически, а такъ какъ теперь въ Англіи нигдѣ не разыгрывается драмы, то я и забавляюсь великою траги-комедіей рабочаго движенія. Это меня возбуждаетъ, напрягаетъ, интересуется! Ради Бога, сидите смирно, миссъ Бойсъ!

Къ своему великому удивленію, она увидала, что онъ вскопчилъ и наклонился къ ней; она взглянула внизъ и увидала, что уголокъ ея легкаго чернаго платья загорѣлся, и онъ тушилъ его руками. Испугавшись, что огонь пойдетъ дальше, она рванулась, чтобы встать, но онъ энергичнымъ движеніемъ руки пригнулъ ее опять къ стулу.

— Не двигайтесь; сейчасъ все будетъ кончено. Не бойтесь, вы не сгорите.

И черезъ минуту она увидала большую прожженную дыру въ платьѣ, а онъ стоялъ около, улыбаясь и носовымъ платкомъ облизывалъ пальцы на лѣвой рукѣ.

— Вы обожгли себѣ руки, мистеръ Уартонъ?

— Немножко.

— Я сейчасъ побѣгу и принесу вамъ чего-нибудь, — что вамъ нужно?

— Немножко прованскаго масла, если найдется, и тряпочку, но, пожалуйста, не тревожьтесь.

Черезъ минуту Марчелла уже вбѣжала съ различными медикаментами въ рукахъ. Щеки у нея горѣли и глаза блестяли.

— Хотите, я вамъ перевяжу?

— Пожалуйста, — сказалъ Уартонъ ласково.

Она старалась перевязывать, но пальцы плохо слушались ее, — близкое соприкосновеніе съ нимъ нѣсколько возбуждало ее.

— Готово! — сказала она, улыбаясь. — Скажите, вамъ не очень больно?

— О, нѣтъ, пустяки! Все это залечится гораздо скорѣе, чѣмъ ваше платье.

— Ахъ, да! мое платье—въ жалкомъ видѣ. Я пойду и переодѣнусь.

Она пошла, но тотчасъ же обернулась и сказала съ особымъ, своеобразнымъ смѣхомъ:

— А, вѣдь, вы мнѣ спасли жизнь!

— Хорошо, что я оказался здѣсь, а то вы бы потеряли присутствіе духа, — даже съ *вами* могло бы это случиться, — и тогда опасность была бы серьезна.

Она протянула ему руку.

— Я глубоко благодарна вамъ, повѣрьте.

Съ комическою галантностью онъ низко поклонился.

— Могу ли я рассчитывать на вознагражденіе?

— Конечно. Что вы хотите?

— Возьмите меня съ собой въ деревню. Я знаю, что вы собираетесь идти. Въ два часа я долженъ ѣхать въ Видрингтонъ, но до этого вы еще успѣете показать мнѣ вашихъ бѣдныхъ.

Марчелла согласилась, поднялась наверхъ, чтобы переодѣться, и нѣсколько разъ порывалась просить мистрисъ Бойсъ пойти съ ними. Она была взволнована и не могла отдѣлаться отъ смутнаго чувства, что она допустила слишкомъ много и вела себя оскорбительно по отношенію къ Альду. Но какъ и въ чемъ, она не могла отдать себѣ яснаго отчета. Но ко всему этому какъ-то противъ воли примѣшивалось желаніе, чтобы Уартонъ не уѣзжалъ на цѣлый день.

Но не успѣли они пройти и половины пути до деревни, какъ всѣ смущавшія ея чувства исчезли. Незамѣтно для самой себя, она такъ была занята своимъ спутникомъ, что совершенно потеряла способность контролировать свои душевныя движенія. Однако, она замѣтила, что онъ сталъ съ ней развязнѣе и смѣлѣе, какъ будто опираясь на то, что между ними произошло. Онъ на тысячу ладовъ оскорблялъ ея гордость, достоинство, ея вкусы, такъ что ей приходилось все время держаться въ оборонительномъ положеніи. О т разспрашивалъ ее о деревнѣ, о занятіяхъ жителей, объ ихъ доходахъ и далъ ей понять, что она, въ сущности, ничего не знаетъ, не понимаетъ тѣхъ социальныхъ вопросовъ, о которыхъ беретъ ея на себя говорить, и совсѣмъ не проникла въ жизнь тѣхъ людей, съ которыми постоянно соприкасается.

Особенно безпощадно нападалъ онъ на ея благотворительную

дѣятельность. На Марчеллу болѣзненно дѣйствовала его разрушительная критика, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, страннымъ образомъ между ними все возростала взаимная интимность. И въ обществѣ Альда Марчелла временами чувствовала себя умственно ниже его, но за то какъ потомъ онъ возмѣщалъ это чувство поэтическою идеализаціей ея личности, возведеніемъ самыхъ простыхъ добрыхъ стремленій ея на степень высокихъ и благородныхъ порывовъ! Подъ напоромъ саркастическихъ вопросовъ Уартона, Марчелла чувствовала, что она готова дойти до бѣшенства и отчаянія, готова разразиться рыданіями, какъ ребенокъ. За то, когда они дошли до деревни и встрѣчавшіеся крестьяне сердечно привѣтствовали ее, — съ какимъ лихорадочнымъ наслажденіемъ она старалась показать свою силу и вліяніе этому человѣку, — доктринеру и педанту, неспособному чувствовать поэзію старинныхъ патриархальныхъ деревенскихъ отношеній!

Они зашли въ хижину мистрисъ Джелисонъ. Марчелла старалась уговорить ее вступить въ устроенные ею и мистрисъ Винтербурнъ профессиональные классы для обученія новымъ способамъ плетенія, но встрѣтила въ мистрисъ Джелисонъ рѣшительный отпоръ: она не хотѣла мѣнять приемы мастерства, которые практиковала всю жизнь, не хотѣла также сбывать свои издѣлія никому другому, кромѣ своего постоянного скупщика.

Затѣмъ они вошли въ хижину Горда. Хижина была полна ѣдкаго дыма: въ каминѣ только тогда была тяга, когда была отворена дверь. Но мистрисъ Гордъ предпочитала дымъ холодному вѣтру, тѣмъ болѣе, что маленькій сынъ ея былъ болѣнъ. Когда Уартонъ вошелъ въ эту маленькую, низенькую каморку и огинулъ ее наблюдательнымъ взглядомъ, кровь бросилась въ лицо Марчеллѣ, такъ какъ обѣ эти лачуги, мистрисъ Джелисонъ и Горда, принадлежали ея отцу и были обложены высокою арендною платой.

Пока Марчелла разговаривала съ мистрисъ Гордъ, Уартонъ взялъ на руки больного ребенка и забавлялъ его, выдѣлывая разныя фигурки изъ бумаги.

Затѣмъ они пошли дальше и, приблизившись къ жилищу Паттона, Марчелла сказала:

— Сюда мнѣ удобнѣе идти одной... Теперь, увидавши мою филантропическую дѣятельность и хижины, принадлежащія моему отцу, вы, мнѣ кажется, должны считать меня лицемѣркой.

— Вы такъ думаете? Знаете ли вы, какія чувства вы во мнѣ возбудили? Неужели вы думаете, что я сказалъ бы вамъ то, что вы отъ меня слышали, еслибъ я не считалъ васъ избранною нагу-

рой? Вамъ предназначена великая будущность. Когда встрѣчаешь на своемъ пути орудіе судьбы, то такъ и хочется употребить всѣ усилія, чтобы, по своему разумѣнію, изострить и направить его.

Радостно взволнованная и сконфуженная, Марчелла подала ему руку. Быстрымъ шагомъ отправился онъ по направленію къ станціи; легкая улыбка не сходила съ его лица.

«Вотъ наивная дѣвушка!» — сказалъ онъ про себя.

А. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГУБЕРНАТОРСКАЯ РЕВИЗИЯ.

(Повѣсть).

I.

Земскій начальникъ Сергѣй Викторовичъ Думчинъ, вмѣсто того, чтобы просмотрѣть рѣшенія волостныхъ судовъ, лежалъ на тахтѣ и читалъ *Каина* Байрона. Между окномъ и притворенною ставней бился и жужжалъ шмель. Въ полосѣ солнечныхъ лучей, тянувшихся въ комнату, волновался табачный дымъ. Было жарко. Подъ окнами чирикали воробьи и гдѣ-то около сада меланхолично и однотонно выбивалъ свои три звука удожь.

Вчитываясь въ монологи Люцифера, Сергѣй Викторовичъ испытывалъ пріятное мозговое ощущеніе, вѣроятно, похожее на опьяненіе гашишемъ.

Люциферъ, носясь съ Каиномъ въ «синевѣ пустыни безпредѣльной», рассказывалъ ему:

«Земля нова не болѣе, чѣмъ жизнь;
А жизнь была, когда еще мы оба,
Ни ты, ни я, и даже ни одна
Изъ видимыхъ вещей не появлялись.
Предметы есть, которыхъ нѣтъ конца.
Однако же, они не безначальны,
Хотя такими признаютъ себя,
Не вѣдая того, что прежде были
Малютками, каковой вотъ ты теперь.
Разрушились громаднѣйшія вещи,
Чтобъ въ жизни путь открыть другимъ вещамъ,
Столь маленькимъ, что мы не можемъ даже
Вообразить, представить ихъ себѣ»...

Вмѣстѣ съ Каиномъ Сергѣй Викторовичъ былъ охваченъ пылкостью и вдумывался въ каждую мысль. Досадовалъ только, что стихи такъ мало выразительны.

«Столь маленькимъ, что мы не можемъ даже», — повторилъ онъ, — неужели это стихъ, а не рубленая проза? Или это: «разрушились громаднѣйшія вещи». Еще «разрушились» и «громаднѣйшія» куда ни шло, но «вещи».

Онъ отложилъ книгу и старался подобрать опредѣленіе значительнѣе и возвышеннѣе.

Взглядъ его былъ устремленъ на старинную французскую гравюру подъ стекломъ, висѣвшую надъ шкафомъ съ книгами. Но Сергѣй Викторовичъ не видѣлъ ни дамъ въ широкихъ платьяхъ съ фижами, ни кавалера въ чулкахъ и туфляхъ, сообщавшаго, должно быть, придворную сплетню. Фантазія Думчина, нѣжась, витала тамъ, гдѣ «свѣтлыя, блестящія массы» катились, «какъ листья въ влагѣ рѣкъ, текущихъ черезъ рай».

Не найдя сильнаго и поэтическаго слова для замѣны «вещей», онъ снова взялъ книгу. Въ это время на дворѣ залаяли собаки и послышался мягкій стукъ колесъ по песку.

— Крѣстный ѣдетъ! — раздался на дворѣ голосъ Вити, семилѣтнаго сына Думчина. — Лиза! Крѣстный ѣдетъ!

Сергѣю Викторовичу показалось, что онъ и Каинъ сразу упали на землю.

Черезъ минуту экипажъ подъѣзжалъ къ крыльцу, дѣтскіе голоса смѣшались съ лаемъ собакъ и съ крикомъ кухарки, отгонявшей ихъ.

— Здравствуйте, здравствуйте! — Можно было догадаться, что крѣстный Вити вылѣзаетъ изъ тарантаса.

Сергѣй Викторовичъ поднялся съ тахты и сконфуженно началъ прятать книгу въ шкафъ.

— Къ вамъ Петръ Сысоичъ, — пробасилъ письмоводитель, появляясь въ дверяхъ.

— Слышу.

— Я уйду обѣдать.

— Уходите.

Сергѣй Викторовичъ стоялъ за открытою дверцей шкафа и не выглянулъ оттуда.

Переднюю отъ кабинета отдѣляла еще небольшая прихожая, гдѣ и занимался письмоводитель. Спрятавъ книгу, Сергѣй Викторовичъ открылъ окно и увидѣлъ, какъ Петръ Сысоевичъ поднимался на крыльцо, Витя и Лиза вцѣпились въ него и о чемъ-то болтали, а горничная Наташа вытаскивала изъ экипажа чемоданчикъ и кулечъ. Сергѣй Викторовичъ взялъ коробку съ табакомъ, скрутилъ папиросу, вложилъ ее въ широкій камышевый мундштукъ и,

закуривая, опять посмотрѣлъ въ окно. Старый, запыленный тарантасъ, запряженный въ пару бляченовъ, двинулся по направленію къ конюшнѣ. Оттуда на встрѣчу уже шелъ кучеръ Думчина.

— Привезъ, привезъ, — слышалось изъ передней, — и вамъ гостинца привезъ, и мамѣ. А папа дома? Не уѣхалъ нигуда? А я думалъ, что ужъ и не застану его.

Сергѣй Викторовичъ счелъ необходимымъ выйти, встрѣтить старика. Петръ Сысоевичъ Карасенковъ, инспекторъ народныхъ училищъ, былъ родной дядя жены Думчина по отцу и крестный Вити.

— Здравствуй, голубчикъ! — крикнулъ онъ Сергѣю Викторовичу, стаскивая съ себя драповое, порывѣвшее отъ времени пальто. — Я къ тебѣ, голубчикъ, съ огромною новостью!... Да ты ужъ, чай, знаешь, а?

— Ничего не знаю.

Сергѣй Викторовичъ стоялъ въ дверяхъ и ждалъ, когда тотъ освободится отъ пальто.

— Ну, какъ не знаешь? Неужели же не знаешь? Ну, вотъ! Я такъ и думалъ, что... я такъ и думалъ, что... что я первый...

Пальто онъ уже снялъ, но никакъ не могъ повѣсить на вѣшалку, нѣсколько разъ поднимался на цыпочки и срывался.

— Дай я повѣшу, — и Сергѣй Викторовичъ двинулся къ нему на помощь.

— Да не безпокойся, родной... Ну, повѣсь.

— Папа, дѣдушка Петя опять привезъ намъ гостинца. Что-жъ намъ съ нимъ дѣлать, право? Мы не просили, — говорила Лиза, стараясь казаться благонравною дѣвочкой и не спуская глазъ съ кулъба.

— Я такъ, голубчикъ, и думалъ, что первый привезу тебѣ новость.

— Какая новость? — равнодушно спросилъ Сергѣй Викторовичъ.

— Важная, голубчикъ, чрезвычайно важная! Ну, здравствуй!

Петръ Сысоевичъ и здороваясь, и прощаясь цѣловался такъ крѣпко, какъ будто выражалъ глубокое сочувствіе по поводу внезапно постигшаго несчастія. Продѣлывалъ онъ это долго и серьезно. Сергѣй Викторовичъ зналъ его слабость и терпѣливо подставлялъ то одну, то другую щеку. Еслибъ отвѣтить такимъ же полюблему, то тотъ немедленно прослезился бы.

На этотъ разъ Петръ Сысоевичъ мялъ Думчина въ объятіяхъ какъ-то ужъ особенно торжественно.

— Здравствуй, родной,—сказалъ онъ еще разъ, покончивши съ обрядомъ цѣлованія и оглядываясь, не забылъ ли по разсѣянности еще кого-нибудь обнять.

— Такъ неужто же вичего не знаешь?

— Не знаю, о чемъ ты говоришь.

— Такъ пойдешь, пойдешь.

Они двинулись къ прихожей.

— Папа крестный! А кулекъ... что съ нимъ дѣлать?—спросилъ Витя.

— Ахъ, да, кулекъ? А отдай его Наташѣ. Пусть она распоретъ... я, голубчикъ, самъ зашивалъ его... и вытащить все. Коробки-то для васъ, а балыкъ мамѣ пусть отдастъ. Чудесный балыкъ получилъ изъ Ростова,—обратился онъ къ Сергѣю Викторовичу,—ужь извини, не утерпѣлъ, привезъ... Да скажи, — опять отошелъ онъ къ Витѣ, уже взвалившему кулекъ на плечи,—чтобъ къ обѣду кусочекъ отрѣзали.

Въ прихожей онъ столкнулся съ письмоводителемъ и, поздоровавшись съ нимъ за руку, остановился, точно собираясь что-то сказать. У того было всегда такое лицо, какъ будто всякій собирется его ни за что, ни про что обидѣть, и онъ безсиленъ бороться съ явною несправедливостью.

— Какъ изволите поживать, многоуважаемый Петръ Сысоевичъ?—спросилъ онъ, жалобно поднимая брови.

— Благодарю, голубчикъ Масловскій. Вотъ собираюсь встрѣчать...

Сергѣю Викторовичу становилось не по себѣ. То возился старикъ съ пальто, то цѣловался, то отдавалъ распоряженія насчетъ бульба, теперь съ этимъ начнетъ болтать.

— Пойдемъ же,—сказалъ онъ нетерпѣливо и взялъ Петра Сысоевича подъ руку.

Они пошли въ кабинетъ, а Масловскій посмотрѣлъ имъ вслѣдъ и склонилъ голову на бокъ,—дескать, меня, маленькаго человѣка, легко обидѣть, но я всѣмъ прощаю.

Карасенковъ, войдя въ кабинетъ, сразу опустился на тахту, раскинувъ обѣ руки и выдвинувъ впередъ кругленькое брюшко. Ему было уже за пятьдесятъ. Маленькіе и умные глаза напоминали слоновьи; круглое лицо, съ бритымъ подбородкомъ и сѣроватыми цѣтнинистыми усами съ рыжинкой, теперь было грязно отъ пыли и гета. Волосъ на головѣ было такъ много и съ такою незначительною сѣдиной, что по нимъ никакъ нельзя было дать 50 лѣтъ. И

когда ему говорили: «Какъ это вы, Петръ Сысоевичъ, сохранили волосы?» — онъ съ увлеченіемъ отвѣчалъ:

— Очень просто, родной: рѣдко мылъ голову и почти никогда не причесывался. Да-а, — съ убѣжденіемъ, какъ бы не допуская противорѣчій, говорилъ онъ, — единственное средство сохранить волосы — не беспокоить ихъ. Повѣрьте мнѣ. Посмотрите на мужиковъ, — у всѣхъ копна копной.

Усѣвшись на тахту, онъ съ облегченіемъ вздохнулъ:

— Фу!... Такъ неужто ты, голубчикъ, не слыхалъ, что на дняхъ здѣсь будетъ губернаторъ?

— Губернаторъ? Зачѣмъ?

Сергѣю Викторовичу показалось, что глазки дядюшки скользнули въ сторону.

— Для ревизіи, голубчикъ, для ревизіи. Какъ это, право, странно, что тебѣ не дали знать! Да ты давно ли получилъ почту? Вчера?

— Да, можетъ быть, это опять утка, какъ и въ прошломъ году, — отвѣтилъ Сергѣй Викторовичъ, оставляя его вопросъ безъ вниманія.

— Нѣтъ, голубчикъ, какая ужь тутъ утка.

— Въ прошломъ году то же говорили...

— Я не говорилъ, я тебѣ не говорилъ. Я зря не люблю. Да вотъ тебѣ, на что лучше. Прочти.

Онъ полѣзъ въ боковой карманъ сюртука. На немъ былъ черныи засаленный сюртукъ, застегнутый только на одну верхнюю пуговицу, и сѣвшія парусиновыя брюки, за которыми виднѣлись рыжія голенища.

— Да я и безъ того... это ужь навѣрное, — бормоталъ онъ, вытаскивая какую-то записную книжку, гдѣ помѣщалось письмо. — На-ка, голубчикъ, прочти.

Сергѣй Викторовичъ развернулъ большой листъ почтовой бумаги съ знакомымъ бланкомъ канцеляріи губернатора.

— Читай громко, громко, голубчикъ.

Чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ сообщалъ Петру Сысоевичу, что «его превосходительство господинъ начальникъ губерніи» во время ревизіи желаетъ побывать и въ школахъ и что въ виду этого не сочтеть ли г. инспекторъ народныхъ училищъ удобнымъ пребывать въ уѣздѣ при проѣздѣ его превосходительства?

Пока Сергѣй Викторовичъ читалъ, Петръ Сысоевичъ повторялъ за нимъ:

— Ага, видишь? Побывать... Ага! Пребывать... Вѣришь те- перь? Желаетъ побывать и просить пребывать... Все-таки, это очень деликатно съ его стороны, какъ ты находишь?

Когда Сергѣй Викторовичъ возвращалъ письмо, ему опять по- казалось, что глазки Петра Сысоевича нырнули безъ всякой надоб- ности въ его жилетъ и уставились на черной шелковой тесьмѣ отъ часовъ.

«Бойтся за меня», — мельгнула у Думчина мысль.

— Да, конечно. Странно, что меня не извѣщаютъ, — ска- залъ онъ.

— Удивительно странно. Просто непонятно. Всѣ знаютъ, всѣ оповѣщены.

Сергѣй Викторовичъ подошелъ къ огню. Масловскій тихо, по- нуривъ голову, шелъ черезъ дворъ.

— Платонъ Николаичъ! — крикнулъ Думчинъ.

Тотъ остановился.

— Сегодня бумагъ никакихъ не приносили?

— Какихъ же бумагъ? Господи! Вы же знаете...

— Ну, хорошо, хорошо!

Сергѣй Викторовичъ отошелъ отъ огня.

— Развѣ я скрываю бумаги? — договорилъ Масловскій уже про себя и пошелъ дальше.

— Я, голубчикъ, какъ только получилъ это письмо, сейчасъ же пошелъ къ исправнику. Надо же мнѣ было узнать маршрутъ его превосходительства. Вѣдь, это хорошо написать тамъ въ городѣ: пребывайте, молъ. А гдѣ же пребывать? Я готовъ, а куда же мнѣ ѣхать? Вотъ я и пошелъ къ исправнику. А тотъ еще третьяго дня угатилъ въ уѣздъ. Я искать его помощника. Надо же мнѣ, пони- маешь, толпу добиться. Уѣздъ-то изъ конца въ конецъ полтораста верстъ. Я не боюсь. Что же мнѣ? У меня все слава Богу. Вѣдь, вотъ только что окончилъ экзамены, такъ я знаю. У меня, голуб- чикъ, учителя такіе молодцы — прямо на подборъ. Ты просто не по- вѣришь, что за народъ. Съ такою это они любовью, съ такимъ со- знаніемъ...

Петръ Сысоевичъ любилъ своихъ учителей, какъ родныхъ. Сергѣй Викторовичъ зналъ, что если его не перебить, то онъ бу- детъ расхваливать ихъ до самаго обѣда.

— Ну, и что-жь тебѣ сказалъ помощникъ исправника?

— А? Да, помощникъ исправника? Да ничего не сказалъ. Пу- тель что-то, такъ я и не понялъ. Онъ у насъ, голубчикъ, ненор- мальный какой-то. Я давно говорю, что ненормальный. И знаешь? —

Петръ Сысоевичъ понизилъ голосъ. — Это съ тѣхъ поръ, какъ у него жена умерла отъ дифтерита. Поди-жь ты! Полиція, а какая чувствительность! — У Петра Сысоевича заблестѣли слезы на глазахъ. — А, въ сущности, Господь наказалъ. Въ городѣ гнѣздо заразы, а они хоть бы палець о палець ударили, вотъ они и...

— Значить, вы не знаете маршрута? — опять перебилъ его Сергѣй Викторовичъ.

— Ну, вотъ еще! Развѣ я поѣхалъ бы къ тебѣ, не разузнавши доподлинно? У этого я узналъ только, что Гвоздевъ, исправникъ то-есть, поѣхалъ въ Осташково и Алексѣеву. Вотъ съ этимъ ничтожнымъ запасомъ свѣдѣній двинулся я къ предсѣдателю управы, къ Максиму Гавриловичу... Блается тебѣ и жена его вамъ блается... Максимъ Гавриловичъ сидитъ мрачный. По правдѣ сказать, голубчикъ, важничаетъ онъ ужасно. Хочетъ, понимаешь, передо мной показать, что мнѣ, молъ, губернаторъ! Я, молъ, самъ съ усамъ.—Петръ Сысоевичъ захихикалъ, все его туловище заколыхалось, но, точно вспомнивъ, что моментъ слишкомъ серьезенъ, онъ сразу пересталъ смѣяться. — Сидитъ у огня и пьетъ содовую изъ сифона. Представь, говорить, совсѣмъ ужъ уложился ѣхать въ Крымъ, какъ вдругъ—не угодно ли?—извольте разѣзжать *съ нимъ* по всему уѣзду. Думаю, говорить, все-таки, въ Крымъ, пусть кто-нибудь изъ членовъ встрѣчаетъ *его*. Тутъ жена вышла. Тоже этакъ подпускаетъ важности. У меня, говорить, нервы, надо погунаться въ морѣ, совсѣмъ, говорить, не въ-время эта ревизія. Пресмѣшная она, голубчикъ. Корчитъ изъ себя аристократку и думаетъ, что весь аристократизмъ заключается въ нервахъ. Но я, знаешь, началъ уговаривать. Не хорошо, говорю. Теперь, говорю, не то, что прежде. Это, говорю, ужъ прошло, что земство пренебрегало администраціей... Прикажи-ка, голубчикъ, дать мнѣ кваску.

Сергѣй Викторовичъ не ждалъ такого перехода и не сразу понялъ.

— А то не безпокойся, я самъ...

— Ахъ, да! Это ты мнѣ говоришь?

Наташа накрывала столъ въ столовой. Сергѣй Викторовичъ отдалъ распоряженія и возвратился.

— Ну-съ?

— Ну, я его уговорилъ. Да онъ и самъ... такъ только ломается... ужасно важничаетъ. Я даже замѣтилъ потомъ, что и карету его уже выкатили и мыли. Вотъ отъ него-то, голубчикъ, я и узнаю маршрутъ. Ну, а ты теперь слушай да мотай на усъ.

Сергѣй Викторовичъ, сидя у письменнаго стола, снова придвинулъ къ себѣ табакъ и закурилъ папиросу.

Онъ не отдавалъ себѣ отчета, волнуется или нѣтъ, но чувствовалъ, что къ нему подступаетъ ощущеніе, которое заставило его особенно страдать. Это бывало постоянно передъ тѣмъ, какъ ему приходилось проявлять энергію въ дѣлахъ по службѣ. Онъ прекрасно зналъ, что долженъ дѣлать и чего требуютъ отъ него не только служебное положеніе, но и всѣ окружающіе, начиная отъ властей и кончая женой съ дѣтьми, зналъ, какъ поступилъ бы на его мѣстѣ всякій порядочный дѣлецъ. Но, въ то же время, онъ твердо былъ увѣренъ и въ томъ, что ничего этого не сдѣлаетъ. Онъ былъ безконечно равнодушенъ и къ дѣлу, и ко всѣмъ отношеніямъ и связямъ, и, кромѣ того, какъ разъ, когда ему надо было напрягать извѣстные усилія, въ него словно забирался бѣсъ упрямства, котораго онъ не могъ побороть.

Горничная внесла на подносѣ стаканъ квасу.

— А! Вотъ спасибо! Холодненькій?

Петръ Сысоевичъ, кряхтя, приподнялся.

— Прямо со льда. Барыня велѣли сказать, что сейчасъ придутъ. Онѣ въ городѣ были.

Выпивъ, Петръ Сысоевичъ крякнулъ.

— Ахъ, вотъ хорошо! Спасибо, родная!

Горничная ушла; онъ досталъ платокъ и отеръ лицо.

— Ну, такъ слушай, голубчикъ. Сойдетъ онъ на станціи Осташково восьмого числа.

Сергѣй Викторовичъ невольно посмотрѣлъ на стѣнной календарь.

— Пятое сегодня, пятое, — подсказалъ Петръ Сысоевичъ. — Со станціи, вѣроятно, проѣдетъ къ самому Осташкову, къ Георгію Николаевичу. Хоть и молодецъ онъ, а, все-таки, предводитель. Тамъ, вѣроятно, кофе. Потомъ въ деревню. Тамъ у меня, ты знаешь, школа. Но тамъ замѣчательная учительница. Просто, голубчикъ, замѣчательная. И очень начитанная. Вотъ только не знаю, не пріѣхала ли къ ней мать. Собиралась къ ней мамаша изъ Москвы. Такъ, понимаешь, могли онѣ въ классѣ кровать поставить или столовую себѣ устроить.

— Изъ Осташкова, конечно, въ Алексѣевку? — спросилъ Дучинъ.

— Конечно, конечно, въ Алексѣевку! Что-жь, тутъ рукой подать, полторы версты. Здѣсь, значить, твоя волость, потомъ станъ,

больница, земская почта, а, главное, конечно, ты же понимаешь, родной мой, волость...

Думчинъ посмотрѣлъ на него. Петръ Сысоевичъ старался выдержать взглядъ, но глаза у него безпомощно заморгали и успокоились только тогда, когда шмыгнули въ сторону.

«Конечно, беспокоится за меня,—опять подумалъ Сергѣй Викторовичъ,—и даже про школу свою забылъ въ Алексѣевкѣ. Значить, слышавъ».

— А изъ Алексѣевки,—продолжалъ Карасенковъ съ какимъ-то насиліемъ надъ голосомъ,—прямымъ трактомъ... мм... въ Перерву.

И онъ сдѣлалъ видъ, что ему ужасно надоѣдаетъ звенѣвшій надъ ухомъ комаръ.

— Всего 14 верстъ. Тамъ, значить, опять волость у тебя, а у меня школа. Но и въ Алексѣевкѣ, и въ Перервѣ у меня учителя... ну, прямо тебѣ скажу—хоть преподавай въ гимназіи,—заговорилъ онъ бодро, точно утѣшая Сергѣя Викторовича своими образцовыми школами.—Да что гимназіи! Въ гимназіяхъ легче.

— А изъ Перервы?

— А изъ Перервы, братъ, adieu! — Петръ Сысоевичъ даже вскочилъ съ тахты. — До свиданія, ваше превосходительство! Въ сосѣдній уѣздъ. Понимаешь, родной мой? Значить, у тебя только двѣ волости, а у меня три школы. И маршрута никогда не мѣняешь,—у него правило. Онъ этихъ неожиданностей терпѣть не можетъ. Вообще я тебѣ скажу...

Дверь изъ гостиной, смежной съ кабинетомъ комнаты, распахнулась и въ кабинетъ быстро вошла Лидія Артемьевна. Это была очень полная, румяная брюнетка, лѣтъ подъ 30. Ея мать была армянка, отецъ хохоль. Въ его фамиліи «въ» присоединили только при дѣдѣ Лидіи Артемьевнѣ, въ семинаріи, а до того они были просто Карасенко. Во виѣшности Лидіи Артемьевны сохранилась южанка: большіе, круглые, черные глаза, прямой носъ, густыя брови, волосы черные, какъ эбенное дерево. По всему лицу разливался матовый румянецъ, который теперь былъ еще сильнѣе отъ того, что Лидія Артемьевна прошла по жарѣ отъ огорода къ дому. Несмотря на 30 лѣтъ, на вискахъ и на щекахъ изъ-подъ румянца темнѣлъ пушокъ мелкихъ волосъ, что многіе сравнивали съ персигомъ. Она знала это и считала одною изъ своихъ прелестей. Другую прелесть она видѣла въ полнотѣ и не разъ ловила, какъ мужчины, видѣвшіе ее въ первый разъ, переглядывались между собой, съ улыбкой подмигивая на ея бюстъ. Она даже сообщила объ этомъ

какъ-то мужу, но онъ закатилъ ей сцену и обозвалъ многими вульгарными прозвищами. Она и тутъ была довольна, такъ какъ объяснила это ревностью со стороны мужа.

Дома Лидія Артемьевна ходила безъ корсета, чего Сергѣй Викторовичъ совершенно не выносилъ, но не говорилъ ей, а она и не догадывалась.

— Дядична, здравствуй! — сказала она сильнымъ mezzo-soprano.

— Здравствуй, моя милая! Здравствуй, голубушка!

Петръ Сысоевичъ сразу растаялъ и приступилъ къ торжественному обряду цѣлованія.

Сергѣй Викторовичъ взглянулъ на цѣлующихся и почему-то вдругъ вспомнилъ прелестный образъ Ады, жены Каина, и слова его:

«Что казалось мило

Мнѣ издали, то дѣлалось милѣй,

Когда къ тому я больше приближался.

Сестра моя милѣй казалась — Ада».

Онъ подавилъ глубокой вздохъ и сталъ смотрѣть въ окно, крѣпко затягиваясь табакомъ.

— Важнѣйшія новости, Лидуся! Бѣ намъ губернаторъ ѣдетъ! — началъ Петръ Сысоевичъ, снова опускаясь на тахту.

— Губернаторъ? Да не можетъ быть? Зачѣмъ? Буда ѣдетъ? Когда?

Лицо у нея просіяло отъ любопытства и удовольствія, что очень смутило Петра Сысоевича. Онъ думалъ, что она, прежде всего, испугается за мужа. А Лидія Артемьевна сняла со стула валявшуюся на немъ фуражку мужа, положила ее на письменный столъ, а сама сѣла, разставивъ ноги и упершись ладонями въ колѣни.

— Какъ зачѣмъ? Какая ты наивная! Бдетъ ревизовать нашъ уѣздъ.

— Что-жь ты мнѣ ничего не говорилъ? — обратилась она къ мужу.

— Я самъ только что узналъ, — отвѣтилъ тотъ, стряхивая пепелъ на полъ.

Въ другое время Лидія Артемьевна разсердилась бы, но теперь была слишкомъ охвачена любопытствомъ, такъ что только быстро встала и подала мужу пепельницу, стоявшую на столикѣ около тахты.

— Когда-жь онъ пріѣзжаетъ? Гдѣ остановится? Навѣрное, у (сташковъ) — закидывала она дядю вопросами, пока переносила пепельницу. Потомъ она снова усѣлась въ прежнюю позу.

Петръ Сысоевичъ повторилъ ей маршрутъ губернатора.

— А будетъ ли онъ почевать въ нашемъ уѣздѣ—не знаю.

— Значить, и тебя будетъ ревизовать?—опять обратилась она къ мужу.

— То-есть какъ это меня?

— Ну, тамъ твои волости... почему я знаю.

— Очевидно.

— Батюшки! Надо пересмотрѣть твое платье! Мундиръ - то я третьяго дня вычистила. Ужасный ты салигошка. Весь мундиръ былъ въ сальныхъ пятнахъ. Да бѣлье надо отобрать почище.

— Что-жь, я раздѣваться буду для губернатора?

— Все равно. Мало ли что можетъ случиться? Выкупаться онъ захочетъ.

— Если губернаторъ захочетъ купаться, такъ и мы всѣ должны поплѣзть въ воду?

— Я думаю, а то какъ же?—и она вопросительно посмотрѣла на Петра Сысоевича.

Тотъ недоумѣвающе поднялъ брови, какъ бы соображая, слѣдуетъ ему купаться съ губернаторомъ или можно обойтись и безъ этого.

— Вздоръ какой!—произнесъ Сергѣй Викторовичъ.

— Да, разумѣется, въ этомъ нѣтъ необходимости, — сказалъ Петръ Сысоевичъ. Однако, подумалъ, что не мѣшаетъ на всякій случай заштопать кое-что изъ бѣлья, которое онъ захватилъ вмѣстѣ съ вицъ-мундиромъ. Оно у него все не совсѣмъ цѣло.

— Ну, да, вѣдь, лучше въ парадныхъ случаяхъ надѣвать хорошее бѣлье, а не худое. Да это, наконецъ, не твое дѣло. Ну, рассказывай же, дядя, рассказывай. Какъ это онъ будетъ ревизовать? Онъ одинъ прїѣдетъ или съ женой? Впрочемъ, что это я за глупости спрашиваю? Поѣдетъ его жена на ревизию!

Лидія Артемьевна расхохоталась.

Петръ Сысоевичъ тоже погатился.

— Однако, кто-нибудь съ нимъ будетъ?

— Конечно. Чиновники.

— Навѣрное, съ нимъ будетъ Авдѣевъ, тотъ красивый, высокій, широкоплечій, съ бородкой. Помнишь, Сережа? Мы видѣли его въ театрѣ.

Ея глаза вообще имѣли способность быстро мѣнять выраженіе, — жесткое, почти злое, на довѣрчивое и доброе, надменное на игривое. Сейчасъ, при воспоминаніи объ Авдѣевѣ, она посмотрѣла такъ, какъ будто мужъ тогда въ театрѣ приревновалъ ее къ чинов-

нику губернатора, — съ холоднымъ заигрываніемъ. Она вообще считала мужа очень ревнивымъ, хотя на самомъ дѣлѣ этого вовсе не было. И если ему не нравилась какая-нибудь высказанная ею пошлость, то она объясняла его негодование именно ревностью.

Онъ зналъ, что, при имени Авдѣева, котораго она находила «удивительнымъ мужчиной», она посмотреть на него заигрывающимъ взглядомъ, и нарочно смотрѣлъ въ окно.

— Авдѣевъ, Авдѣевъ, — повторилъ Петръ Сысоевичъ. — Навѣрное, онъ. Онъ же мнѣ и написалъ.

— Онъ тебѣ написалъ? Ну-ка, покажи, покажи!

Подчеркнутымъ любопытствомъ она думала отомстить мужу за то, что онъ не обратилъ вниманія на ея игривый взглядъ.

— Ахъ, какой у него красивый почеркъ! — разсматривала она письмо. — Прелесть! Вотъ ужъ именно мужской, крупный, ровный. Должно быть, съ характеромъ человѣкъ. И какъ мило пишетъ!

Петръ Сысоевичъ повторялъ за нею: «Да, красивый, красивый»... «мужской совершенно»... «О, еще съ какимъ характеромъ!»

— Пишетъ мило и безграмотно, — отделинулся Сергѣй Викторовичъ.

— Отчего же безграмотно? Я не вижу никакой ошибки, — протянула Лидія Артемьевна, снова бросая на мужа тотъ же взглядъ.

А Петръ Сысоевичъ и за Думчинымъ повторилъ: «Безграмотно, да... побывать, пребывать — это, все-таки, того... не по-пушкински!» — вдругъ съострилъ онъ и первый расхохотался.

— Развѣ что не по-пушкински, — замѣтила Лидія Артемьевна, возвращая письмо. — Такъ, вѣдь, не всѣ же у насъ столько времени даромъ тратятъ на литературу, какъ мой Сергѣй Викторовичъ. Чего ты покраснѣлъ? — вдругъ спросила она мужа.

— Ахъ, оставь, пожалуйста! — рѣзко сказалъ Сергѣй Викторовичъ, бросилъ муштукъ на столъ и зашагалъ по кабинету.

Но онъ, дѣйствительно, покраснѣлъ, сконфузился, какъ мальчикъ, уличенный въ шалости. Литература была для него, кажется, единственнымъ предметомъ, которому онъ отдавался совершенно искренно. Лидія Артемьевна же относилась къ ней до послѣдней степени равнодушно, бралась за книгу только когда уже рѣшительнаго нечего было дѣлать, и никогда ни одной не дочитала. На этой почвѣ между мужемъ и женой часто происходили столкновенія, въ особенности въ первое время женитьбы. Сначала Сергѣю Викторовичу казалось, что онъ одержалъ надъ женой побѣду. При разговорѣ о литературѣ она уже молчала, какъ бы отдавая ей извѣстную дань уваженія. Иногда въ обществѣ даже поддерживала разго-

ворь о новомъ романѣ. Но потомъ, какъ-то незамѣтно, все пошло назадъ. Лидія Артемьевна злилась на Сергѣя Викторовича, если его нельзя было оторвать отъ книги или если онъ былъ разсѣянъ, и она понимала, что всѣ мысли его еще тамъ, въ только что прочитанномъ. Она выходила изъ себя, говорила ему рѣзкости. Его равнодушіе ко всему, что наполняло ея жизнь, она объясняла чтеніемъ, его бездѣятельность, апатію, отсутствіе честолюбія, наконецъ, холодное отношеніе къ ней самой, какъ къ женщинѣ, — все это она сваливала на вліяніе книгъ. Часто между ними происходили крупныя сцены, но потомъ онѣ прекратились, такъ какъ Сергѣй Викторовичъ отмалчивался. Если она внезапно входила въ кабинетъ въ то время, когда мужу, по всѣмъ предположеніямъ, надлежало заниматься служебными дѣлами, и заставляла его на тахтѣ съ книгой, то она, ничего не говоря, уходила, хлопнувъ дверью такъ, что дребезжали стекла на подсвѣчникахъ.

Въ минуты болѣе спокойныя Лидія Артемьевна рѣшалась серьезно поговорить съ мужемъ. Сдержанно и чрезвычайно логично доказывала она ему, что можно увлекаться и книгами, но нельзя же человѣку служащему и занятому имѣніемъ въ 600 десятинъ, отцу двухъ дѣтей, забыть все ради забавы, — разумной, полезной, но все же забавы. Вѣдь, еслибъ онъ былъ писатель или, по крайней мѣрѣ, собирався стать имъ, но не можетъ же онъ считать себя писателемъ, напечатавши одну статью философскаго характера! Да она и никогда не видитъ его съ перомъ. Пусть отдастъ литературѣ досугъ, пусть займется сначала дѣломъ, а потомъ ужъ принимается за книги, — она уже не требуетъ вниманія къ себѣ.

Послѣ такихъ объясненій Сергѣй Викторовичъ чувствовалъ себя придавленнымъ и нѣкоторое время боролся съ собой. Но, въ концѣ-концовъ, дошелъ до того, что читалъ тайкомъ отъ жены, обманывалъ ее; садился за столъ, бралъ дѣла, а подъ нихъ подглядывалъ интересную книгу, или ждалъ счастливаго времени, когда жена уѣзжала куда-нибудь.

Съ тѣхъ поръ при одномъ имени писателя или литературнаго произведенія онъ краснѣлъ, чувствуя себя лжецомъ и воромъ.

II.

Когда подали соусъ изъ молодого картофеля, запеченнаго въ сметанѣ, Лидія Артемьевна, положивъ дѣтямъ, встала изъ-за стола и вышла въ буфетъ, чтобы приготовить салатъ къ цыплятамъ. До обѣда она не успѣла сдѣлать этого, — очень ужъ забрала ее интересная уѣздная новость.

Въ буфетѣ на столѣ все было уже готово для салата. Стояла чашка, лежали листья сорванного самой Лидіей Артемьевой и вымытаго кухаркой желтаго съ крапинками салата «форель», тутъ же сметана, сваренныя яйца, судогъ съ укусомъ, масломъ, горчицей и солью, мелко накрошенный зеленый лукъ... Искусство хозяйки заключалось въ пропорціи. Деревянныя ложка и вилка были скрѣплены между собой на подобіе ножицъ.

Занятая дѣломъ, Лидія Артемьевна упорно думала объ одномъ: отчего Сергѣй Викторовичъ кажется ей сегодня такимъ страннымъ? Его разсѣянность, задумчивость и какую-то кривую, фальшивую усмѣшку — терпѣть она не могла ее — она уже научилась понимать. Но сегодня въ его настроеніи что-то новое. Никогда не пьетъ больше одной рюмки водки, а сейчасъ выпилъ съ дядей четыре. И четвертую самъ предложилъ. Взвинченъ какъ-то, нервничаетъ и, опять-таки, нѣтъ-нѣтъ, да и задумается.

— Баринъ сегодня почты не получалъ? — спрашиваетъ она стоящую около нея Наташу.

— Нѣтъ. Даже Платона Николаевича спрашивали, какъ вашъ дяденька пріѣхали.

Кромѣ ожиданія губернатора, ничего новаго не случилось. Какимъ образомъ пріѣздъ губернатора можетъ возбуждать такое настроеніе? Ревность къ Авдѣву, въ самомъ дѣлѣ? Было бы черезчуръ глупо и не похоже на Сергѣя Викторовича. Авдѣва Лидія Артемьевна видѣла всего разъ, когда онъ поздоровался съ мужемъ, проходя по партеру театра. Можно было пошутить, но къ серьезной ревности повода не было. Нѣтъ, Авдѣвъ здѣсь не причемъ. Такъ что же? Самая ревизія?

Лидія Артемьевна перестала мѣшать салатъ и, прищурившись, посмотрѣла вверхъ, гдѣ жалобно стонала муха, попавшая въ паутину.

— Сколько разъ говорила, чтобы каждый день снимали паутину! — дѣлаетъ она замѣчаніе, думая совсѣмъ о другомъ.

Самая ревизія...

И вдругъ ее оцѣла мысль. Браска залила ей лицо. Какъ у полночровой, сейчасъ же застучало въ вискахъ.

Растрата! Можетъ быть, онъ растратилъ какія-нибудь общественныя деньги?

Она бросила салатъ и двинулась къ столовой, чтобы сразу, неожиданно, спросить, справедливо ли ея предположеніе? Дяди она не стѣсняется. Онъ все равно, что родной отецъ. Но въ темномъ коридорчикѣ она останавливается, чтобы сообразить хорошенько.

— Уже и готово? — слышитъ она вопросъ Наташи.

Какія глупости!

— Нѣтъ еще, погоди.

Лидія Артемьевна возвращается и снова принимается мѣшать салатъ.

Можетъ ли такая чепуха придти въ голову? Когда онъ могъ растратить? Всѣ его расходы ей извѣстны. Развѣ когда ѣздитъ въ сѣздъ? И, все-таки, она знаетъ, сколько онъ тамъ расходуетъ. Вино онъ не любитъ. Женщины?

Лидія Артемьевна даже улыбнулась.

Какія женщины? Откуда? Да и что-что, а ужъ измѣну она давно бы почувствовала. Нѣтъ, онъ ей вѣренъ,—за это она поручится головой. Въ карты онъ не играетъ. Да, наконецъ, если бы что и случилось, зачѣмъ ему было бы воровать, когда онъ можетъ утаить изъ арендныхъ денегъ за землю, изъ полученныхъ за проданный хлѣбъ, тайкомъ отъ нея взять въ банкѣ дополнительную ссуду? А она еще недавно провѣряла съ мужемъ денежные дѣла.

Нѣтъ, тутъ и не въ растратѣ дѣло.

Лидія Артемьевна возвращается въ столовую. Походка у нея быстрая. По пути къ своему мѣсту она поправила завернувшійся воротникъ на парусиновой блузѣ сына и сдѣлала замѣчаніе дочери, чтобы та не болтала ногами. Петръ Сысоевичъ рассказываетъ, какъ архіерей, во время своего проѣзда, дѣлалъ въ школахъ экзамены по Закону Божію и придирался къ ученикамъ земскихъ школъ. Будто бы онъ спрашивалъ сначала, какая школа—земская или церковно-приходская и въ зависимости отъ отвѣта старался доказать, что въ земскихъ дѣло преподаванія стоитъ хуже, чѣмъ въ церковно-приходскихъ.

Петръ Сысоевичъ волновался, какъ всегда, когда разговоръ касался его излюбленнаго дѣтища. Это дѣлало его очень симпатичнымъ. Сергѣй Викторовичъ смотрѣлъ на него съ обычнымъ грустнымъ взглядомъ. Онъ уже курилъ. Лидія Артемьевна нашла, что онъ сталъ спокойнѣе. Глядя на него, она продолжала думать все о томъ же. Вдругъ она спросила такъ же неожиданно для мужа, какъ и для себя самой:

— Сережа, а у тебя въ волостяхъ все исправно? Ты не боишься губернской ревизіи?

Сергѣй Викторовичъ чуть вздрогнулъ, густо-густо покраснѣлъ и бросилъ страдальческій взглядъ на дѣтей. Онъ совсѣмъ не нашелся, что отвѣтить, нарочно уронилъ салфетку и какъ бы съ напряженіемъ поднималъ ее. Лидія Артемьевна долго смотрѣла на

него, потомъ перевела свой взглядъ на Петра Сысоевича. Тотъ, оборвавъ свой рассказъ на полусловѣ, до того растерялся, что началъ ѣсть въ большомъ количествѣ соль, набирая ее изъ солонки на кончикъ ножа. Глаза его забѣгали и не могли найти мѣста. Дѣти, не понимая томительнаго молчанія, но чуя какую-то бѣду, застыли, глядя на мать, а у Вити начали навертываться слезы на глазахъ.

Лидія Артемьевна похолодѣла.

— Какой странный и, главное, очень ужъ неожиданный вопросъ! — сказала, наконецъ, медленно Сергѣй Викторовичъ.

Лидія Артемьевна закусила губу, отломилла кусочекъ хлѣба и завертѣла шарикъ. Но тотчасъ же отбросила его, сѣла глубже на стулъ, прислонилась къ спинкѣ и съ злою улыбкой уставилась на мужа.

Наташа, стуча башмаками, подавала Петру Сысоевичу цыплятъ. Отъ конфуза онъ взялъ маленькое крылышко, а когда горничная повернула къ нему салатникъ, то, желая поправиться, онъ наложилъ себѣ полтарелки салата.

«Вѣдь, вотъ надо бы мнѣ теперь говорить что-нибудь, нельзя въ такихъ случаяхъ молчать, — думалъ онъ, — а что я скажу? Ахъ, Господи Боже мой! Что-жъ мнѣ сказать?»

Сергѣй Викторовичъ отказался отъ жаренаго и налилъ себѣ большой стаганъ краснаго вина. Блюдо было поставлено около Лидіи Артемьевны. Она положила по куску дѣтямъ и снова откинулась къ спинкѣ стула, глядя уже въ окно.

— Мухи-то такъ и лѣзутъ въ наливку, — сказала, наконецъ, Петръ Сысоевичъ, накрывая рюмку паливки кускомъ чернаго хлѣба. — «Нѣтъ, ужъ лучше я буду молчать», — тутъ же подумалъ онъ, не найдя ни въ комъ поддержки.

— Ну, и что же? — какъ-то рѣшительно спросилъ Сергѣй Викторовичъ. — Чѣмъ же окончились экзамены архіерея?

Петръ Сысоевичъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе и снова приступилъ къ разсказу.

А Лидія Артемьевна все старалась догадаться, что непріятнаго можетъ случиться съ ревизіей волостей? Надо допытать мужа. Если, въ самомъ дѣлѣ, растрата, то это еще легко поправить. Но какииъ образомъ? Нѣтъ, не растрата. Просто, у него, вѣроятно, страшный безпорядокъ. Но ужъ несомнѣнно что-то скверное есть. Она узнаетъ она всѣхъ выпросить, къ самому Сергѣю Викторовичу пристасть какъ съ ножомъ къ горлу. Не вѣшайся-ка она теперь въ его бѣду, такъ онъ и себя, и всю семью погубить.

Лидія Артемьевна уже не спрашивала, гдѣ будетъ обѣдать губернаторъ, кто и какъ выѣдетъ ему на встрѣчу, не дѣлала предположеній, какъ будетъ вести себя съ губернаторомъ Марья Алексеевна, жена предводителя. Ревизія, казавшаяся ей до обѣда интереснѣйшимъ развлеченіемъ, начинала уже пугать, вызывать разныя безпокойныя мысли.

Петръ Сысоевичъ усталъ и отъ волненій, и отъ дороги, и мечталъ поскорѣе «на боковую».

Наташа подала Сергѣю Викторовичу почту.

— Кто принесъ? — спросилъ онъ.

— Писарь.

Сергѣй Викторовичъ отбросилъ газеты, проглядѣлъ только адреса трехъ пакетовъ и остановился на четвертомъ.

— Скажи писарю, чтобъ онъ не уходилъ, — распорядилась на всякій случай Лидія Артемьевна.

— Дождается, — отвѣтила Наташа.

Всѣ сидѣли тихо, смотря, какъ Сергѣй Викторовичъ распечатываетъ пакетъ и читаетъ бумагу.

— Вотъ! — произнесъ онъ передъ этимъ.

— Ну, вотъ, вотъ! — обрадовался Петръ Сысоевичъ.

Наташа гремѣла посудой и получила отъ барыни замѣчаніе.

— Вставайте, — тихо сказала Лидія Артемьевна дѣтямъ.

Тѣ тихонько поднялись, осторожно поцѣловали у матери руку и пошли къ отцу. Онъ, не отводя глазъ отъ бумаги, подставилъ имъ щеку. Дѣти шепнули что-то по пути Наташѣ и какъ только вышли изъ столовой, такъ тотчасъ же дали свободу голосамъ.

Лидія Артемьевна придвинула къ столу стулъ и въ ожиданіи смотрѣла на мужа. Петръ Сысоевичъ взглянулъ на нее слипавшимися отъ усталости глазками и тоже подсмѣлъ.

— Ну-ка, ну-ка! — произнесъ онъ.

Сергѣй Викторовичъ прочелъ громко:

«Господину земскому начальнику такого-то уѣзда, такой-то губерніи, Сергѣю Викторовичу Думчину. По порученію его превосходительства господина начальника губерніи («начальника губерніи», — повторилъ Петръ Сысоевичъ), имѣю честь извѣстить васъ («вотъ видишь?»), что между седьмымъ и десятымъ числами сего іюня его превосходительство, проѣздомъ по губерніи, будетъ ревизовать подвѣдомственные вамъ волости Алексѣевскую и Иерервинскую. Примите и проч. Чиновникъ по особымъ порученіямъ при и т. д. Авдѣевъ».

— Я же говорилъ, — радовался Петръ Сысоевичъ, — говорилъ, что онъ всёхъ извѣщаетъ. Не можетъ быть, чтобы только тебя...

— А отъ какого числа? — спросила Лидія Артемьевна.

— Да, отъ какого числа? — подхватилъ Карасенковъ.

— 31 мая, — отвѣтилъ Сергѣй Викторовичъ и, взглянувъ на конвертъ, прибавилъ: — почтовый штемпель 1 іюня.

— Хороши у тебя порядки, что четыре дня не доставляютъ самой важной бумаги! — сказала Лидія Артемьевна, складывая салфетку.

— Да, четыре дня, все-таки... — повторилъ меланхолично Петръ Сысоевичъ.

— Позови ко мнѣ писаря, — сказалъ Сергѣй Викторовичъ Наташѣ и, забравъ газеты и бумаги, ушелъ.

Петръ Сысоевичъ началъ цѣловать племянницу, благодаря за объѣдъ.

— Пойдемъ, дядя, яведу тебя въ твою комнату, — сказала она, освободившись отъ объятій.

— Да, да, пойдемъ, я таки усталъ, — признался онъ конфузливо.

Въ домѣ было двѣ комнатки для гостей. Одна изъ нихъ — спеціальная для Петра Сысоевича.

III.

Думчину только мѣсяцъ назадъ, въ маѣ, минуло 37 лѣтъ. Мужики называли его, — за глаза, разумѣется, — лядащимъ, а жена — это уже прямо въ лицо — кисляемъ. Самъ онъ не имѣлъ о себѣ яснаго представленія. То ему казалось, что онъ умнѣе и даровитѣе всёхъ окружающихъ, чаще же относился къ себѣ съ презрѣніемъ, какъ къ существу, совершенно непригодному для жизни. Въ послѣднемъ случаѣ онъ очень страдалъ, полагая, что если бы былъ муравьемъ, то давно уже былъ бы убитъ и съѣденъ самими же муравьями.

На видъ онъ былъ не моложе и не старше своего возраста, несмотря на сильно серебрившіеся волосы и лицо — желтое, землистаго цвѣта, какъ у больныхъ печенью, но съ чертами очень красивыми. Большіе, темные глаза, прямой, широкой носъ, открытые, довольно полные губы, все лицо — пріятнаго овала, уши маленькія, пористыя, волосы мягкіе, — жена, въ минуты нѣжности, называла ихъ шелковыми. Выраженіе глазъ неизмѣнно одно: вдумчивое и вѣжливое. Фигура не крупная и съ наклонностью къ полнотѣ.

Онъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по юридическому факультету. Своего состоянія имѣлъ всего десятинь двѣсти. Восемь лѣтъ назадъ женился на дочери землевладѣльца изъ дворянъ, что еще до сихъ поръ зовутъ себя помѣщиками, и взявъ за нею имѣніе въ 400 десятинь, — конечно, заложенныхъ.

Жена же уговорила его и пойти въ земскіе начальники.

Тогда очень много разсуждали о значеніи новаго института и всѣ по-разному. Лидіи Артемьевнѣ собственно правилось то, что земскій начальникъ, все-таки, «начальникъ». Мужъ чувствовалъ, что ее гложатъ честолюбивые замыслы, и мысленно иронизировалъ, называя ее леди Макбетъ. Но убѣждать его взялся тогда и предводитель Георгій Николаевичъ Осташковъ, и—главное—Петръ Сысоевичъ. Первый уговаривалъ потому, что дворянъ въ уѣздѣ было очень мало, а, въ сущности, ему было все равно. Что же касается Петра Сысоевича, то достаточно было взглянуть на его благодушное брюшко, чтобы ни минуты не сомнѣваться въ самыхъ добрыхъ и чистыхъ намѣреніяхъ инспектора народныхъ училищъ. Притомъ же, если онъ и не слылъ за человѣка шестидесятихъ годовъ, то избѣгалъ такой репутаціи только изъ осторожности, какъ избѣгалъ всякой опредѣленной репутаціи. Вообще же онъ былъ за относительную свободу, относительную человѣчность и—если бесѣдовалъ съ людьми строгими—относительно противъ розги.

Онъ говорилъ мужу племянницы разныя хорошія вещи, что умный и добрый человѣкъ долженъ примѣняться къ условіямъ жизни, что, пользуясь властью земскаго начальника, умный и добрый человѣкъ можетъ дѣлать много прекраснаго, приучать мужика къ порядку и чувству законности и насаждать по деревнямъ миръ и благополучіе.

Бесѣды эти шли за обѣдомъ. Лидія Артемьевна и тогда уже была превосходною хозяйкой, а когда Петръ Сысоевичъ хорошо и вкусно ѣсть, то думаетъ, что и весь міръ только о томъ и мечтаетъ, чтобы хорошо и вкусно ѣсть.

Лидія Артемьевна, съ своей стороны, ставила еще и то на видъ, что имѣнія приносятъ мало дохода, управляющимъ Сергѣй Викторовичъ оказался плохимъ, а земскому начальнику полагається, кромѣ присущаго сану почета, еще и жалованье, а у нихъ двое дѣтей, скоро придется начинать ихъ «воспитаніе».

Послѣдній аргументъ былъ, кажется, самымъ сильнымъ. Ничто не доставляло Думчину большихъ угрызений совѣсти, какъ то, что у него есть дѣти. Никогда онъ не забывалъ, что они родились исключительно по его винѣ, родились на свѣтъ въ то время, когда

человѣчество еще такъ далеко отъ счастья, когда вся жизнь человѣческая—только сплошная цѣпь угнетающихъ душу вопросовъ. Онъ боялся даже думать о дѣтяхъ и ихъ воспитаніи. Если, въ силу вещей, онъ вложилъ въ нихъ частицу самого себя, то, по его мнѣнію, ничего путнаго они не могли ждать отъ будущаго.

Онъ послушался жены и дяди, хотя и зналъ, что поступаетъ глупо.

Съ тѣхъ поръ прошло три года. Никто не подводилъ итоговъ дѣятельности Сергѣя Викторовича, тѣмъ не менѣе, по всему уѣзду говорили, что онъ самый безпорядочный земскій начальникъ.

Въ волостяхъ скоро начали, попрежнему, хозяйничать писаря. Двое изъ нихъ страдали періодическимъ запоемъ, одинъ былъ умный пройдоха, а одинъ, хотя и порядочный малый, да чахоточный и раздражительный.

Изъ четырехъ старшинъ только на одного—въ Перервинской волости—можно было положиться, но и тотъ жилъ отъ Перервы въ 15 верстахъ и, стало быть, не имѣлъ возможности относиться къ дѣлу добросовѣстно. Въ одной волости старшиною былъ булакъ, въ другой—мужикъ честный, но апатичный и до крайности робкій, а въ четвертой—именно въ Алексѣевской—старшина полгода назадъ былъ удаленъ Думчинымъ отъ должности за растрату, новый же оказался такъ феноменально глупъ, что съ нимъ ни о чемъ нельзя было столковаться. Надѣвши цѣпь, онъ всѣми силами старался только о томъ, чтобъ говорить какъ можно меньше. Когда къ нему обращались съ вопросомъ, онъ вытягивалъ грудь, втягивалъ въ носъ усы, необыкновенно напомилавшіе два торчащихъ пера, соединенныхъ острыми концами, и упорно молчалъ, представляя догадываться объ его сужденіи по движенію бѣлковъ вытаращенныхъ глазъ.

— Ты что же все молчишь?—спрашивали его, когда онъ былъ безъ цѣпи и на сто шаговъ отъ волости,—раньше онъ ни за что бы не отвѣтилъ.

Но и тутъ онъ былъ не краснорѣчивъ:

— Потому старшина должонъ... по мановенію... Значить, все почитно... Чего еще?

Очевидно, онъ считалъ себя призваннымъ въ качествѣ оракула. За необыкновенную молчаливость и важность его и выбрали.

Старосты у Думчина не имѣли на своихъ односельчанъ никакого вліянія. Въ той же Алексѣевкѣ мостъ черезъ оврагъ, наполняющійся весной бурливымъ потокомъ, былъ начатъ два года на-

задъ и до сихъ поръ не оконченъ потому, что алексѣевцы не исполняли принятаго на себя обязательства доставлять матеріаль.

Съ общественными запашками тоже дѣло шло вяло.

Изъ мужиковъ, при встрѣчѣ съ господами, снимали шапки только старики. Молодежь же съ любопытствомъ оглядывала проѣзжавшій мимо экипажъ, но руки равнодушно держала за спиной.

Если къ Думчину поступали жалобы отъ землевладѣльцевъ, что рабочіе, въ виду хорошаго урожая, нарушали условія, бросали работу и уходили въ другія мѣста, гдѣ имъ давали больше, то онъ, вмѣсто того, чтобы по просьбѣ челобитчика «приказать» или «устыдить», входилъ въ разсмотрѣніе дѣла «по существу» и въ результатѣ всегда рекомендовалъ хозяевамъ увеличить наемную плату. Въ послѣднее же время онъ и этого не дѣлалъ, а просто оставлялъ жалобы безъ всякаго разсмотрѣнія. Онъ убѣдился, что рабочіе во всѣхъ случаяхъ неправы формально и правы во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, а на свои совѣты онъ только получалъ отъ господъ землевладѣльцевъ дерзкія письма, иногда даже съ угрозой донести о «дѣйствіяхъ господина земскаго начальника господину начальнику губерніи».

Наконецъ, по уѣзду рассказывали, что Думчинъ держитъ себя съ мужиками такъ, какъ будто онъ передъ ними въ чемъ провинился. Одинъ уѣздный остроумецъ парисовалъ его въ мундирѣ, но безъ панталонъ, съ веригами на босыхъ ногахъ и въ дурацкомъ колпакѣ.

Говорили, что передъ наглецами онъ опускаетъ глаза, словно чего стыдится, а если вдругъ вскипитъ и накричитъ на людей, то послѣ ходитъ съ угнетенно-виноватымъ видомъ.

Когда обнаружилось, что алексѣевскій старшина проворовался, то Думчинъ удалить-то его удалилъ отъ должности, однако, суду не предалъ, а недостающіе сто рублей пополнилъ, тайкомъ отъ жены, изъ собственнаго кармана.

Мужики рѣшили, что онъ былъ въ сообщничествѣ со старшиной.

Теперь, въ виду предстоящей ревизіи, Сергѣй Викторовичъ зналъ, что надо отдавать извѣстныя распоряженія, осмотрѣть всѣ книги по волостямъ, придать имъ хоть внѣшній порядокъ, но задумывался надъ этимъ съ такою тоскливою гримасой, какъ будто него были болотья въ боку и лихорадочный пароксизмъ.

Писарь, доставившій почту, былъ изъ села, лежащаго внѣ маршрута губернатора, но онъ сообщилъ, что становой пріѣзжалъ вчера и къ нимъ, очень шумѣлъ, выбралъ 10 лучшихъ лошадей и увезъ

ихъ въ Алексѣевку. Кромѣ того, велѣлъ бросить всѣ работы, а чистить дороги и улицы, строить «триумфальныя арки». Отъ себя уже мужики, настроенные на торжественный пріемъ, рѣшили готовить и хлѣбъ-соль.

Думчинъ слушалъ все это съ тѣмъ же выраженіемъ тоски на лицѣ. Затѣмъ написалъ двѣ записки одинаковаго содержанія и поручилъ доставить старшинамъ Алексѣевской и Перервинской волостей. Онъ написалъ:

«Завтра рано утромъ буду. Пожалуйста, будь и ты и писарь на мѣстахъ».

Писарь ушелъ, а Сергѣй Викторовичъ сидѣлъ у стола, въ ожиданіи, что сейчасъ войдетъ жена и пойдетъ сцена, длинная, скучная семейная сцена, съ рѣзкостями и упреками, а, главное, совершенно бесполезная.

Жена не шла долго. Сергѣй Викторовичъ зналъ, что она сидитъ въ комнатѣ дяди и обо всемъ допрашиваетъ старика.

Въ комнатахъ было тихо, только въ столовой жалобно мяукала кошка, оставленная, по случаю поразившей всѣхъ новости, безъ обѣда.

Наконецъ, послышались, какъ всегда, быстрые шаги Лидіи Артемьевны. Войдя въ кабинетъ, она плотно притворила за собой дверь.

Лидія Артемьевна все еще не могла отдѣлаться отъ неожиданности,—до сихъ поръ ей казалось, что по службѣ у мужа какъ-то даже невозможны «упущенія», какъ выразился только что Петръ Сысоевичъ. Жизнь мужа шла, въ ея представленіи, сама собой, а служба—сама собой. Въ жизни онъ былъ вялъ, скученъ, хмуръ и задумчивъ, а на службѣ наблюдалъ, что дѣлаютъ Масловскій, старшины, старосты и писаря. Въ жизни его несносный характеръ былъ тѣмъ непріятнѣе, чѣмъ больше она хотѣла любить его. Но могло ли ей придти въ голову, что и на службѣ его упрямство и философія принесутъ вредъ? Конечно, еслибъ она подозрѣвала что-нибудь подобное, то давно бы вмѣшалась въ его служебныя занятія. Почему-жъ она знала? Она заботилась, чтобы платье у него всегда было чистое, чтобы въ дорогу ему были приготовлены пирожки, вренныя яйца, цыплята, подушки, бѣлье. Когда онъ возвращался въ сѣзда, куда ѣздилъ разъ въ мѣсяцъ, въ два, она разспрашивала о томъ, что ее интересовало: какъ тамъ относились къ нему служивцы, какъ держалъ себя съ нимъ предсѣдательствовавшій въ сѣздѣ предводитель—начальникомъ или добрымъ знакомымъ,—были ли велѣлъ кланяться ей, а кто нѣтъ. Если чутье подсказывало

ей, что такой-то былъ врагомъ Сергѣя Викторовича, то она искренно ненавидѣла этого такого-то и отъ души желала всего дурного и ему, и женѣ его, и дѣтямъ. Это ли не доказательство привязанности къ мужу?

Дядя наговорилъ ей самыхъ ужасныхъ вещей. Чуть ли даже не вся ревизія начальника губерніи затѣяна ради одного Думчина. И пахнетъ это позорною отставкой.

Лидія Артемьевна терпѣть не могла слезъ. Въ критическія минуты она любила быстро составлять планъ дѣйствій. Но въ этотъ разъ она была такъ поражена неожиданностью, что долго ничего не могла придумать. Однако, пока Петръ Сысоевичъ, изнемогая отъ усталости, рассказывалъ ей подробности надвигавшейся грозы, въ ея головѣ, все-таки, сложился планъ.

Прежде всего, заставить мужа энергично готовиться къ ревизіи, — слезами, упреками, чѣмъ бы то ни было, но заставить. Потомъ, — и это она считала главнымъ, — завтра же отправиться къ м-ше Осташковой и «навязаться» гостить у нея во все время пребыванія губернатора. Всякій начальникъ — человекъ. Видя передъ собой и за завтракомъ, и за обѣдомъ услужливую, но грустную жену подчиненнаго, губернаторъ проникнется сожалѣніемъ и къ самому подчиненному и, по крайней мѣрѣ, ослабитъ ударъ.

Какъ Петру Сысоевичу ни хотѣлось спать, онъ такъ былъ очарованъ планомъ племянницы, что долго цѣловалъ ее.

— Такъ, Лидуся, такъ. Если твой мужъ самъ не хочетъ спасти себя, то мы его спасемъ. Богъ милостивъ.

Засыпая спустя четверть часа, онъ прислушивался къ громкому разговору въ кабинетѣ.

Она говорила мужу «вы». Сергѣй Викторовичъ ненавидѣлъ этотъ переходъ отъ «ты» на «вы» въ минуты раздраженія жены.

На вопросъ, поставленный ребромъ, что онъ думаетъ предпринять, Сергѣй Викторовичъ отвѣчалъ: «ничего». Лидія Артемьевна разразилась гнѣвною тирадой. Онъ не смѣетъ забывать, что у него жена и дѣти. Не всякая согласится жить съ опозореннымъ мужемъ. Послѣ такого скандала ни ему, ни ей нельзя будетъ никуда «носъ показать». Наконецъ, интересно знать, почему онъ такъ категорически отвѣчаетъ: «ничего»?

— Потому что это глупо, потому что это чиновничьи уловки, ложь, и, притомъ, совершенно бесполезная, потому что...

Лидія Артемьевна спѣшила возразить:

— Ничего глупаго не вижу въ томъ, что дѣлаютъ всѣ. Вы вовсе не умнѣе всѣхъ; дядя не глупѣе васъ, у него, къ тому

же, школы въ образцовомъ порядкѣ, однако же, волнуется и готовится къ ревизіи. И какая же въ этомъ ложь? Вамъ нужно только потрудиться двое сутокъ, не спать ночей, чтобъ исправить упущенія,—пустила она словечко, слышанное отъ дяди.— Если энергично взяться за дѣло, то губернаторъ останется вполне доволенъ.

— Ты говоришь такъ потому, что ничего не понимаешь.

— Такъ не даромъ же онъ предупреждаетъ васъ заблаговременно! Онъ, какъ бы сказать, деликатно даетъ вамъ возможность поправиться.

— Никакой деликатности въ этомъ не вижу. Была ему охота деликатничать съ нами! Какъ человекъ умный, онъ просто понимаетъ, что въ два дня можно поправить мелочи, а къ мелочамъ все равно не стоитъ придирааться. Тамъ же, гдѣ все дѣло ведется скверно, и въ два мѣсяца ничего не подѣлаешь. Наконецъ, ему нельзя предупредить. Онъ не въ городъ ѣдетъ, гдѣ всякаго служащаго можно вызвать въ четверть часа.

— Значить, у васъ дѣла въ такомъ безнадежномъ видѣ, что ихъ все равно не поправить?— съ отчаяніемъ вскрикнула Лидія Артемьевна.

Сергѣй Викторовичъ помолчалъ, но жена видѣла по его лицу, что онъ не подтверждаетъ молчаніемъ, а какъ бы не находить формы для отвѣта.

— Извольте говорить мнѣ прямо. Не смѣйте сочинять. Должна же я знать, что меня ожидаетъ.

Онъ какъ-то провелъ ладонью, сжимая, по всему лицу, отчего волоса на бровяхъ и на бородѣ спутались, и сказалъ:

— Хорошо. Я постараюсь отвѣтить тебѣ точно. Только выслушай внимательно.

И онъ началъ говорить. Точно на него налетѣла минута крайней рѣшимости. Какъ будто онъ ставилъ въ это время вопросъ обо всемъ своемъ существованіи, дѣлалъ послѣднее напряженіе для того, чтобы окончательно рѣшить, есть ли у него хоть слабая надежда уцѣпиться за жизнь. И чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ сознательнѣе чувствовалъ, что отвѣтъ жены будетъ отвѣтомъ на вопросъ: быть или не быть? Пойметъ она его, отзовется сочувственно — все пойдетъ по-хорошему, она станетъ его другомъ, поможетъ расчистить копошившійся въ его душѣ мракъ, а не захочетъ понять — будетъ кончено.

— Что тебя ожидаетъ, я не могу сказать, не знаю,—говорилъ

онъ, нервно впиваясь ногтями въ ладони, — но главный вопросъ не въ томъ, благополучно ли сойдетъ ревизія.

— Какъ это?

— Постой, не перебивай меня. Не въ этомъ главный вопросъ. Вникни, пожалуйста, и пойми меня хорошенько. У твоего дяди дѣло простое и ясное. Надо учить ребятъ грамотѣ— вотъ и все. Стало быть, надо добиться такихъ условій, при которыхъ эти мальчики и дѣвочки могли бы лучше выучиться. У меня не то. У меня или нѣтъ никакого дѣла, или же оно такъ сложно, что его нельзя выполнить. Нельзя, невозможно. Все зависитъ отъ точки зрѣнія. Вонъ баронъ Брандтъ живетъ припѣваючи и, можетъ быть, у него все въ порядкѣ, потому что онъ въ своихъ занятіяхъ не видитъ никакого дѣла. Призванъ быть начальникомъ и начальствуетъ совершенно такъ же, какъ командовалъ эскадромъ въ своемъ полку. Дальше этого онъ ничего не видитъ. Я такъ не могу, не могу. Мнѣ поручили не эскадронъ для военной выправки и не ребятъ для обученія грамотѣ, мнѣ поручена опека надъ десятками тысячъ взрослыхъ людей, семейныхъ, женатыхъ, дѣдовъ и отцовъ, со всею ихъ жизнью. Вникни въ эти слова: «со всею ихъ жизнью». Только подумай, что это значитъ. Вся мужицкая жизнь моего участка съ площадью бруга радиусомъ въ 30 верстъ поручена мнѣ. Вся ихъ жизнь—это значитъ всѣ столкновения ихъ личностей, страстей, невѣжества съ благоразуміемъ, права собственности съ жалостью къ неимущимъ, труженниковъ съ туеядцами, которые, все-таки, требуютъ, чтобы ихъ кормили, людей честныхъ съ хитрыми и наглыми, мужей съ женами, отцовъ съ дѣтьми, сыновей съ матерями, братьевъ между собою, пойми хорошенько, всѣ вопросы семейные, общинные, сосѣдскіе, нравственные, матеріальные,—словомъ, все, что только создаетъ человѣческое существованіе, все это въ тѣхъ книгахъ, между строками и буквами, которыя вотъ г. начальникъ губерніи будетъ ревизовать. Думала ты объ этомъ когда-нибудь? Нѣтъ, конечно.

— Нѣтъ, и вообще странно это, — встала Лидія Артемьевна.

— Странно? Я тебѣ скажу больше. Я самъ объ этомъ прежде не думалъ. Да зачѣмъ далеко ходить? Ну, вотъ, возьмемъ любое.

Сергѣй Викторовичъ взялъ со стола первое попавшееся дѣло.

— Вотъ! Что тутъ такое? Нѣмцы жалуются, что мужики тако! то деревни протоптали проѣзжую дорогу черезъ ихъ засѣянное поле. Ну, вотъ!—и онъ положилъ бумаги на мѣсто. —Поручи это брону Брандту. Приѣхалъ бы къ мужикамъ и сказалъ бы, что если они не прекратятъ ѣздить черезъ поле нѣмцевъ, то онъ вызоветъ

черезъ исправника батальонъ солдатъ. Да еще выдасть на нихъ исполнительные листы за убытки. А поди-ка дознайся до настоящей сути, и окажется, что нѣмцы вспахали дорогу и заставили мужиковъ сосѣдней деревни дѣлать крюкъ въ 10 верстъ, чтобы объѣзжать ихъ поля. Они, все-таки, виноваты? Самоуправство? А что-жь имъ дѣлать? Ждать, пока я разберу ихъ жалобу, а съѣздъ утвердить? Тогда ужь и лѣто пройдетъ, а они все будутъ колесить 10 верстъ лишнихъ. Ну, хорошо. Какъ бы ни рѣшить это дѣло, но надо устранить подобныя столкновенія впредь. Какимъ образомъ? Обратиться въ управу, — давай, ради Бога, опредѣленные дороги. А управа отвѣтитъ: давай денегъ, за вашими волостями 20 тысячъ недоимокъ. Ну, и ступайте, собирайте деньги. Сидоровъ! Подай 18 рублей. — Нѣту. — Тащи корову. — Извольте. — А жена Сидорова уже схватилась за грабли, а сосѣди тоже уже тащатъ свои рогатины, а сидоровскія дѣти — пять-шесть малышей — ревя-ревутъ. Поди-ка, возьми у него корову. Вотъ тебѣ и заколдованный кругъ изъ-за одного, только одного дѣла. А доберись - ка еще поглубже и увидишь, что мужики этой деревни завидуютъ благосостоянію нѣмецкихъ колонистовъ, что если не дорогу, такъ они придумаютъ что-нибудь новое. Учи ихъ нравственности, «чувству законности», какъ выражался твой дядя. Долженъ, такъ плати. А тебѣ, Лидіи Артемьевнѣ Думчиной, заплатилъ твой родственникъ, занявшій въ крайнюю минуту 500 рублей? И тебѣ, все-таки, его жалко. Ты говоришь: пропащій онъ человѣкъ, несчастливецъ. Когда я окунулся во всѣ эти вопросы съ головой, я, — прямо тебѣ говорю, — запутался. Вникни, что я долженъ былъ испытывать, вникни. Я хотѣлъ быть только справедливымъ. Понимаешь? «Только». А это «только» оказалось самымъ невозможнымъ. Одинъ пустой вопросъ рождаетъ десять новыхъ, каждый изъ десяти еще по десятку; потомъ вдругъ покажется, что вотъ - вотъ нашелъ нить, ухватишься за нее, а она приводитъ опять къ самому первому вопросу. Новый заколдованный кругъ. Спрашиваешь самого себя, какъ бы ты поступилъ, и видишь, что всѣ эти люди нисколько не хуже тебя и что ты знаешь ничуть не больше ихъ. А вопросы растутъ, мысли тирятся...

Сергѣю Викторовичу вдругъ стало совѣстно. Ему показалось, то въ глазахъ жены блеснула насмѣшка. Онъ заговорилъ еще ервяче, почти криливо:

— Можетъ быть, это все нелѣпо. Надо жить, дѣйствовать, а не разсуждать. Но я такой, я съ собой ничего не могу подѣлать. И радакъ гораздо больше, чѣмъ ты думаешь. Я хочу, чтобы ты по-

няла именно это. Въ послѣдній разъ въ жизни говорю съ тобой такъ. Ни съ кѣмъ никогда такъ откровенно. Все одинъ... съ своими мученіями. — Онъ словно потерялъ нить и этимъ еще больше мучился и чувствовалъ, что чѣмъ больше нервна его рѣчь, тѣмъ менѣе убѣжденности въ тонѣ, тѣмъ больше отходитъ отъ него та, передъ которой онъ теперь такъ изливался, боролся съ собой. — Да, происходитъ какой-то отвратительный, чисто-физиологическій процессъ, — какъ бы найдя нить, быстро заговорилъ онъ, — пока мозги работаютъ, все тѣло устаетъ, энергія изсякаетъ, апатія забирается даже въ душу. Въ то же время, начинаешь презирать себя за бессиліе. А жизнь точно издѣвается надъ тобой. Когда говоришь съ мужиками, такъ кажется, что всѣ они въ душѣ смѣются: «Ахъ, молъ, ты взялся опекать насъ, учить насъ уму-разуму, — ну, посмотримъ, посмотримъ! Видно, ты еще не знаешь, что такое жизнь, такъ она тебѣ покажетъ себя!» И стыдно станеть. И точно кто-то шепчетъ: «врачу, исцѣлился самъ!» Да, говори, что хочешь, Лидочка, ругай меня, смѣйся, — онъ готовъ былъ расплаваться отъ наплыва жалости къ самому себѣ. — Я самъ презираю себя. Если захочешь язвить меня, я тебѣ буду подсказывать. Никто не съумѣетъ высмѣять меня лучше, чѣмъ я самъ. Какой же я начальникъ, когда я самъ себя въ грошъ не ставлю, спрашиваю себя: да и по какому праву ты начальствуешь? Чѣмъ ты его приобрѣлъ? Тѣмъ, что изучилъ по Пухтѣ римское право? Или тѣмъ, что дѣвушка, имѣвшая 400 десятинъ, сдѣлала глупость и вышла за тебя замужъ? Ахъ, Боже мой! Ну, да что тутъ еще! — вдругъ оборвалъ онъ. — Я тебѣ все сказалъ. Должна же ты понять.

Онъ отошелъ къ огню и, морщась отъ набѣжавшихъ на глаза слезъ, смотрѣлъ, какъ черезъ дворъ, понуря голову, двигался къ дому Масловскій. Въ продолженіе своей рѣчи Сергѣй Викторовичъ не переставалъ курить.

Лидія Артемьевна долго молчала. Не то, чтобъ она разбиралась во всемъ слышанномъ, ей казалось, что рѣшительно ничего новаго мужъ не сказалъ, и ей не хотѣлось бы теперь произнести что-нибудь обидное для него. Одно она понимала ясно, что ни малѣйшей симпатіи онъ въ ней не возбудилъ. Замѣтила и слезы его, но, благодаря этому, стала еще холоднѣе. Лидія Артемьевна увлекалась только тѣмъ, что физически сильно и красиво. Пусть человекъ будетъ полонъ пороковъ, но если онъ силенъ и бодръ, она всегда на его сторонѣ.

Сергѣй Викторовичъ зналъ это и, пока она молчала, онъ быстро соображалъ, что всѣ его выстрѣлы пропали даромъ. Жалость — чув-

ство совершенно не знакомое его женѣ. Онъ вдругъ почему-то вспомнилъ, что она велѣла продать старую клячу и не могла безъ улыбки восхищенія смотрѣть на сильнаго молодого жеребца, вспомнилъ, что по ея же приказу вырублены всѣ старыя ивы на берегу рѣки. Быстро мелькнуло воспоминаніе и о томъ, какъ она любила мужа, когда чувствовала въ немъ хорошаго, сильнаго мужчину, и съ какимъ «стальнымъ» взглядомъ слушала, когда онъ, бывало, разводилъ рацеи о томъ, что не слѣдуетъ строго судить людей или что во всякомъ есть что-нибудь человѣческое и это человѣческое дороже всего и т. д.

Всѣ эти мелочи пронеслись въ памяти Сергѣя Викторовича и онъ чуть ли не въ первый разъ совершенно ясно увидалъ, что между нимъ и женой цѣлая пропасть. Онъ уже досадовалъ, что такъ много говорилъ. Однако, замѣтилъ, что въ одномъ отношеніи результатъ объясненія былъ хорошъ: жена, по крайней мѣрѣ, не сердилась и не кричала.

Взглянувъ въ окно, Лидія Артемьевна увидѣла, какъ на крыльцо поднимается «согбенная фигура слюнтя», какъ она назвала разъ письмоводителя мужа.

«Надо, однако, еще и этого прибрать къ рукамъ», — подумала она, вставая.

Да и пора было оставить мужа въ покоѣ, и надо же было, наконецъ, сказать ему что-нибудь утѣшительное. Молчаніе длилось черезъ-чуръ уже долго.

Она приблизилась къ Сергѣю Викторовичу и положила ему руку на плечо. Въ это время онъ какъ разъ затянулся табакомъ. Ея движеніе разбудило въ немъ ожиданіе чего-то хорошаго. Точно сквозь сонъ мерещились надежда на сочувствіе, ласка, какая-то любовь, захотѣлось какого-то счастья.

— Вотъ курить тебѣ надо поменьше, — сказала Лидія Артемьевна, — да и ходить побольше. Ты совсѣмъ не дѣлаешь моціона. А теперь, лучше всего, прилягъ и хорошенько поспи. Выспишься, какъ слѣдуетъ, встанешь, выгунаешься, освѣжишься и тогда увидишь, какъ у тебя закипитъ дѣло. Главное, надо подтянуться. Только два дня! Губернаторъ проѣдетъ и все кончится.

Она хотѣла подбодрить его тономъ, а онъ чувствовалъ, какъ будто его опускаютъ силой въ тинистую воду.

Ну, ложись, а я пойду взгляну, гдѣ дѣти.

Когда она ушла, Сергѣй Викторовичъ тихо разсмѣялся.

Въ другую дверь вошелъ Масловскій.

— Что-жь это, правда, что ли, что губернаторъ ѣдетъ?— ска- залъ онъ, по обыкновенію, обижаясь на какіе-то призраки.

— Да, восьмага будетъ. Вы тамъ займитесь... Ну, что тамъ найдете нужнымъ. Да вотъ и эти бумаги возьмите.

Масловскій пожалъ плечами, какъ бы недоумѣвая, что губерна- торъ имѣетъ противъ него, Масловскаго, его жены и дѣтей?

Сергѣй Викторовичъ заперъ за нимъ дверь на влючъ, съ мину- ту постоялъ среди кабинета, потомъ досталъ изъ бібліотеки *Камна* и повалился на тахту, стараясь забыть все, кромѣ «синевы пусты- ни безпредѣльной».

IV.

Около семи часовъ вечера исправникъ Гвоздевъ медленно спу- скался съ горы въ шарабанъ по направленію къ усадьбѣ Георгія Николаевича Осташкова.

Большой двухъэтажный домъ предводителя дворянства блестѣлъ ослѣпительною бѣлизной на темномъ фонѣ громаднаго парка. Чи- стая, точно вымытая дождемъ, зеленая крыша, нѣсколько бал- коновъ и спущенныя маркизы надъ огнями верхняго этажа узорно раздвѣчивали домъ и дѣлали его издали похожимъ на красивую иг- рушку. Солнце заходило за горой прямо противъ и бросало красно- ватые блики на стекла оконъ и верхушки деревьевъ. За паркомъ блестѣлъ обширный прудъ.

Справа, въ полуверстѣ, почти у первыхъ избъ деревни, стояла каменная, нештукатуренная церковь, прихотливой архитектуры. Она была окружена каменною же оградой и молодыми еще деревь- ями. За церковью бѣлѣлъ небольшой чистенькій домъ священника. По лѣвую же сторону дома, точно маленькій городокъ, раскинулись хозяйственныя постройки, мельница, громадные стога.

Красноватый отблескъ солнца ложился и на куполы церкви, и на высокіе стога; вечеръ былъ тихій, по землѣ, точно рѣзвясь, перебѣгали какія-то тѣни, со стороны села неслись звуки возвра- щающагося стада, слышался колокольчикъ бугая, гдѣ-то надъ озе- ромъ прокричали гуси,—все кругомъ дышало такимъ отраднымъ покоемъ, что въ груди исправника еще сильнѣе заняло тревожное чувство.

Медленно подвигаясь, Гвоздевъ не переставалъ внимателъ о слѣдить, нѣтъ ли гдѣ ровчаковъ, тяжелыхъ выбоинъ. Ему хот- лось, чтобы путь, по которому поѣдетъ начальникъ губерніи, бы- лъ гладкій, какъ полпрованный. Въ общемъ дорога не особенно нѣ- вилась ему.

Село Осташково находилось въ семи верстахъ отъ желѣзно-дорожной станціи, и хотя въ двухъ верстахъ еще было большое село Алексѣвка, а въ Осташковѣ насчитывалось не болѣе 80 душъ, тѣмъ не менѣе, станція именовалась въ честь крупнѣйшаго землевладѣльца уѣзда, старика Осташкова. Онъ умеръ лѣтъ 10 назадъ. Изъ трехъ сыновей его старшій жилъ постоянно за границей, второй—зиму въ Петербургѣ, два мѣсяца слишкомъ въ Крыму и только мѣсяца полтора въ деревнѣ. Всѣми же имѣніями, по довѣренности братьевъ, управлялъ младшій братъ Георгій Николаевичъ. Здѣшнее имѣніе было родовое, не раздѣленное, а кромѣ него у каждаго брата было по имѣнію въ сосѣднихъ уѣздахъ. Всего осташковскихъ земель числилось больше 30 тысячъ десятинъ.

Гвоздеву вынулъ часы на толстой золотой цѣпочкѣ, висѣвшей вдоль борта кителя. Ему хотѣлось пріѣхать къ предводителю послѣ обѣда. Онъ зналъ, что Осташковы обѣдаютъ поздно, его могли заставить ждать въ кабинетѣ или, еще хуже, на балконѣ. Надо было обойти обиду его самолюбію. По его расчету, слѣдовало подѣлаться около половины восьмого. Въ его распоряженіи было еще съ полчаса. Онъ повернулъ лошадь и двинулся по направленію къ дому священника.

Гвоздеву надо было, чтобы начальникъ губерніи ѣхалъ веселый и всѣмъ довольный. Когда начальство въ хорошемъ настроеніи, оно снисходительнѣе къ грѣшкамъ подчиненныхъ. Поэтому исправникъ составилъ себѣ весь планъ проѣзда. Надо добиться встрѣчи какъ можно торжественнѣе. Гвоздеву не любилъ осташковского священника, чувствовалъ, что его не уломаешь, да тотъ и уламывать не позволялъ, а такъ было бы хорошо, если бы встрѣтить начальника губерніи въ облаченіи, колькольнымъ звономъ и молебномъ!

Проѣзжая мимо церкви, Гвоздеву опытнымъ взглядомъ узналъ, что здѣсь нѣтъ ни малѣйшихъ приготовленій. Онъ стиснулъ зубы; брань готова была сорваться съ языка. Мимо шелъ мужикъ.

— Эй, ты! Поди сюда!—крикнулъ онъ.

Мужикъ, старый, съ мѣшкомъ какой-то травы на спинѣ, оглянулся, недоумѣвая, кто его зоветъ.

— Поди сюда, чортъ!

Мужикъ послѣшно сбросилъ мѣшокъ и подошелъ, снявъ шапку.

— Ты здѣшній?

— Здѣшній.

— Бѣги сейчасъ къ старостѣ, отыщи его и скажи, чтобъ онъ сейчасъ же шелъ ко мнѣ. Вотъ здѣсь, у ограды, чтобы подождать меня, понимаешь?

- Понимаю.
- Ты меня знаешь?
- А какъ же!

— Ну, и скажи, что господинъ исправникъ велѣлъ сейчасъ же быть здѣсь, около церкви. Да мѣшокъ оставь. Потомъ подберешь.

Отецъ Митрофанъ сидѣлъ у окна и читалъ *Святъ*. Это былъ высокій, полный, лѣтъ 50, очень красивый священникъ, съ низкимъ, бархатнымъ баритономъ. Всѣ Осташковы его любили. Жена предводителя Марья Алексѣевна говорила про него, что онъ служить необыкновенно трогательно и невольно заставляетъ «общаться съ небомъ», а Георгій Николаевичъ не разъ шутилъ, что ему слѣдуетъ быть въ Москвѣ; тамъ въ него влюбились бы всѣ богатые купчихи.

Увидѣвъ исправника, отецъ Митрофанъ отложилъ газету.

- Аненька! — крикнулъ онъ.
- Что, папаша?

На зовъ вышла хорошенькая, худенькая дочь отца Митрофана, въ простомъ ситцевомъ платьѣ.

- Исправникъ ѣдетъ и, кажется, къ намъ. Раздуй самоваръ.
- Хорошо.

— Василию Петровичу! — крикнулъ онъ, выходя на крыльцо, когда Гвоздевъ остановилъ лошадь. — Максимъ! Максимъ! — позвалъ онъ нараспѣвъ.

Изъ-за дома выбѣжалъ здоровый бѣлобрысый парень лѣтъ 20, въ красной рубахѣ.

- Возьми-ка лошадь у господина исправника.

— Здравствуйте, батюшка, — сказалъ Гвоздевъ, пожимая ему руку.

- Милости просимъ. Чаю хотите?

— Нѣтъ, покорнѣйше благодарю. Спѣшу къ Георгію Николаевичу.

— Ну, какъ знаете. Аненька, не надо самовара! Садитесь же, гость будете.

Отецъ Митрофанъ говорилъ всегда громко и со всѣми весело. Глаза его, кажется, только во время службы были серьезны, а такъ они постоянно смѣялись. Густыя темныя брови при это въ какъ-то вздрагивали около переносицы, а отъ угловъ глазъ свисали вѣера изъ морщинокъ. Онъ недолюбливалъ Гвоздева и зналъ, что и тотъ не очень расположенъ къ нему, но и съ нимъ велъ себя обычно добродушно и весело.

Гостинная, куда онъ ввелъ исправника, была меблирована чистенько-базенно. На окнахъ цвѣты, по стѣнамъ виды монастырей. Надъ диваномъ даже картина, въ которой по холмамъ, покрытымъ лѣсомъ, не трудно было узнать Святыя горы.

Исправникъ бросилъ въ фуражку одну перчатку, другую, бѣлую замшевую, оставляя на лѣвой рукѣ.

— Ну, рассказывайте, когда, что, гдѣ? Вчера мы видѣли, какъ вы тутъ скакали по деревнѣ, а когда, что—и не вѣдаемъ.

— Послѣ завтра, батюшка,—началъ Гвоздевъ, усаживаясь и придвигая плотную, широкую спинку къ стѣнкѣ кресла.—Поѣздъ приходитъ ровно въ семь три четверти утра по нашему времени,—и онъ снова взглянулъ на часы, точно боясь не опоздать къ этому поѣзду.—Отъ станціи мы доведемъ его превосходительство въ двадцать минутъ, ручаюсь за каждую минуту. Если положить, что на выходъ изъ вагона и встрѣчу уйдетъ минутъ 10, ну, 15, то въ двадцать минутъ девятого его превосходительство будетъ здѣсь.

— Ну, ну! Милости просимъ, милости просимъ!

Гвоздевъ досталъ изъ шароваръ серебряный портсигаръ.

— Вы позволите, батюшка?

— Позволю и себѣ предложить.

— Ахъ, пожалуйста! Не зналъ, что вы курите.

— Только когда предлагаютъ. Анненька, дай спички!

Анненька вошла со спичками такъ быстро, что, очевидно, слышала весь разговоръ. Гвоздевъ всталъ поздороваться.

Онъ вообще очень былъ занятъ тѣмъ, чтобы быть элегантнымъ, платье на немъ было чистое, пуговицы блестящи, сапоги тоже, руки выхоленные, очень полныя, на пальцахъ нѣсколько перстней съ бирюзой. Лицо, полное, одутловатое, видимо, содержалось въ чистотѣ; борода оладистая, подстриженная съ боковъ, рыжеватая,—Гвоздевъ считалъ себя блондиномъ,—и большая лысина, которою онъ почему-то очень гордился.

Усѣвшись снова, онъ сказалъ:

— Какъ ужъ я писалъ вамъ, батюшка, его превосходительство, куда бы ни приѣхалъ, прямо отправляется въ церковь.

— Какъ же, какъ же, слышалъ. И раньше того слышалъ.

— Я къ вамъ съ просьбой по этому случаю, батюшка.

— А ну-те-ка?

— Позвольте немножко похозяйничать у васъ.

Онъ ждалъ, не отвѣтитъ ли отецъ Митрофанъ сразу: «сдѣлайте о олженіе», тогда можно будетъ говорить съ нимъ смѣлѣе. Но тотъ и началъ и ждалъ, улыбаясь.

— Въ какомъ смыслѣ?—сказалъ, не дождавшись, отецъ Митрофанъ.

— Хотѣлось бы, чтобы кругомъ церкви было посыпано песочкомъ, вообще привести въ надлежащій видъ.

— Что-жь, чудесно! Прикажите.

— Да-съ. Ну, а...—Гвоздевъ чуть замялся.—А вы какъ думаете встрѣчать его превосходительство?

У отца Митрофана брови надъ переносицей задрожали и глаза добродушно засмѣялись.

— Никакъ,—отвѣтилъ онъ.

Гвоздевъ двинулся на бреслѣ.

— Однако же, все-таки...

— А то что-жь?

— Видите ли, батюшка, когда въ прошедшемъ году его превосходительство проѣзжалъ по восточной части уѣзда, то въ церквяхъ повсюду, почти повсюду, батюшка, его встрѣчали колокольнымъ звономъ и служили молебенъ. И его это, какъ можно было догадаться, очень тронуло.

— Слыхалъ про это,—сказалъ отецъ Митрофанъ.

— Да-съ, такъ... Это, конечно, дѣло ваше, батюшка, но... не обидѣлся бы онъ.

— Не думаю, не думаю.

Гвоздева начинало злить и это спокойствіе, и эта добродушная улыбка.

— Такъ отчего же бы вамъ не сдѣлать, не оказать, такъ сказать, любезности?

— Василий Петровичъ! Какъ же я смѣю? У меня есть приказъ. Я могу встрѣчать молебномъ только особъ коронованныхъ. Чай, начальникъ губерніи знаетъ про это.

Гвоздевъ закурилъ лѣвый усъ и выпустилъ изъ носа струю дыма. Онъ въ сотый разъ подумалъ, нельзя ли какъ-нибудь провезти начальника губерніи прямо въ Алексѣевку, гдѣ священникъ казался ему поговорчивѣе этого.

— Однако, вы, все-таки, будете въ церкви?—спросилъ онъ, помолчавъ и окончательно рѣшивъ, что миновать Осташково нѣтъ возможности.

— Можетъ быть.—Отецъ Митрофанъ пожалъ плечами.

— Въ камилавкѣ и съ крестомъ?

Отецъ Митрофанъ ничего не отвѣтилъ, а только тихо засмѣялся въ носъ, не переставая смотрѣть исправнику въ лицо.

— Однако, церковь будетъ отперта, не придется посылать за

вами? Вы понимаете, батюшка, что я долженъ разсчитать каждыя четверть часа.

— Конечно, конечно.

— А если его превосходительство пожелаетъ, чтобъ вы отслушали молебень?

— Въ этомъ я никому не смѣю отказать.

Гвоздевъ досталъ раздушенный платокъ и отеръ потъ со лба. Потомъ краснымъ движеніемъ онъ взялъ за козырекъ фуражку, переложилъ перчатку въ лѣвую руку и всталъ.

— Такъ я распоряжусь.

— Насчетъ песочка? Пожалуйста. До свиданія.

Они пожали другъ другу руки и исправникъ даже пошелъ, какъ вдругъ отецъ Митрофанъ остановилъ его.

— Да! Чуть было не забылъ! Вотъ что. Учитель тутъ у меня живеть при малышахъ моихъ. Такъ передалъ онъ въ Алексѣевскѣ становому сколько-то тамъ... шесть рублей, кажется, за разрѣшеніе имѣть ружье. Малый поохотиться любитъ. Ну, вотъ больше полугода прошло, а получить разрѣшеніе изъ вашей канцеляріи онъ никакъ не можетъ.

— Неужели?— строго и дѣловито спросилъ Гвоздевъ.

— Да ужь повѣрьте мнѣ. Два раза ходилъ онъ къ становому. Тотъ увѣряетъ, что задержка у васъ.

— Я наведу справку.

— Пожалуйста, Василій Петровичъ. Кончатся Петровки, захочетъ малый поохотиться, а правъ нѣтъ.

— Непремѣнно наведу справку. Будьте покойны. Имѣю честь кланяться.

— Желаю быть здоровымъ.

Исправникъ уѣхалъ, а отецъ Митрофанъ, все также улыбаясь, снова взялъ газету.

Староста, завидѣвъ шарбанъ, быстро двинулся на встрѣчу, снимая по пути шапку. Гвоздевъ остановился.

— Слушай, староста! Завтра я буду здѣсь въ обѣдъ, когда солнце на самомъ верху, понимаешь?

— Слушаю, ваше-ско-благородіе.

— Чтобъ къ этому времени кругомъ церкви, въ оградѣ, вездѣ было посыпано пескомъ,— медленно, отчеканивая каждое слово, произносилъ Гвоздевъ.— Понимаешь?

— Слушаю, ваше-ско-благородіе.

— Кругомъ церкви, въ оградѣ, вездѣ,— повторилъ исправникъ.— Понялъ?

— Слушаю, ваше-ско-благородіе.

— Значить, сегодня же, сейчас отбери подводу пять и чтобъ до свѣта ѣхали за пескомъ. Далеко ли?

— Верстовъ пять будетъ, ваше-ско-благородіе.

— Такъ чуть свѣтъ, чтобъ ѣхали. Да смотри у меня, чтобъ къ 12 часамъ все было готово. Арба строится?

— Будетъ готова, ваше-ско-благородіе. Очень трудно съ народомъ, ваше-ско-благородіе.

— Это твое дѣло. Ты за все отвѣчаешь. Нечего въ затылкѣ чесать!—вдругъ прибрикнулъ онъ.—На то ты и староста, чтобъ управлять народомъ! Если завтра въ обѣдъ что-нибудь только будетъ не исполнено, я съ тобой раздѣляюсь!

Старостѣ, какъ нарочно, именно въ эту минуту казалось, что никогда еще у него не чесался такъ затылокъ. Однако, онъ стоялъ, вытянувъ руки.

Въ это время мимо церкви лихо пролетѣли два велосипеда, одинъ за другимъ. Молодые люди, въ туфляхъ, чулкахъ, курткахъ и маленькихъ шапочкахъ, низко пригнулись къ колесу. Они пронеслись по направленію къ дому предводителя. Лошадь шарахнулась въ сторону, такъ что исправникъ не успѣлъ подобрать возжей. Староста подскочилъ и схватилъ ее подъ уздцы.

— Кто это такіе?—спросилъ Гвоздевъ.

— Не могу знать, ваше-ско-благородіе. Гостятъ у Георгія Николаевича.

— Вѣрно, товарищи молодого, Константина Иваныча,—больше про себя проговорилъ Гвоздевъ.

Староста не понялъ, но сказалъ:

— Такъ точно, ваше-ско-благородіе.

Гвоздевъ въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на часы, повторилъ всѣ приказанія и повернулъ къ дому предводителя.

А староста крупно зашагалъ въ деревню, сильно размахивая руками и о чемъ-то громко разсуждая.

У.

Гвоздевъ не разъ хвалился, что у него есть «даръ психологіи».

— J'ai le don de la psychologie,—говорилъ онъ мѣстнымъ братьямъ, ослабѣвавшимъ подъ вліяніемъ французскаго діалекта.

Дарованіе это собственно заключалось въ томъ, что онъ не вѣрилъ ни въ какія хорошія побужденія и опошлявалъ всѣ человѣческія отношенія. Въ чиновникѣ онъ всегда предполагалъ, прежде

всего, тайнаго взяточника, а если этого очевидно не было, то пьяницу, въ женщинѣ—скрытое желаніе измѣнить мужу, въ барышнѣ—единственную мечту выйти замужъ, въ молодомъ человѣкѣ—любовь къ горничнымъ и т. д. Это все онъ называлъ «внутреннимъ міромъ» человѣка въ отличіе отъ внѣшней порядочности и «джентльменства».

На томъ же основаніи онъ считалъ «фальшивыми» всё произведенія классической литературы, говоря, что «древніе» авторы, какъ Шекспиръ и Шиллеръ, еще не знали людей, лишены были дара психологій и принимали все внѣшнее и «напускное» за «суть».

И Гвоздевъ счумѣлъ внушить уваженіе къ своему таланту. Если въ городѣ появлялось новое лицо и жители терялись въ догадкахъ опредѣлить его личность, то многіе говорили:

— А вотъ подождемъ, что скажетъ нашъ исправникъ. Онъ ахъ какой мастеръ разбирать людей!

Но высшимъ проявленіемъ его таланта считались характеристики людей, стоящихъ выше его сферы. Изъ понятной предосторожности онъ рѣдко рисковалъ обращать свой проникновенный взоръ на людей «высшаго круга», однако, иногда рѣшался. Такъ, по уѣзду съ успѣхомъ циркулировали его «мѣткія замѣчанія» объ Осташковскихъ.

Георгію Николаевичу онъ далъ кличку «Подбашмакевичъ», говоря, что онъ находится подъ башмакомъ у жены. Марью Алексѣевну назвалъ «Чародѣйкой» и вралъ, что видѣлъ въ ея будуарѣ пузырьки съ жидкостью, которою она, 38-ми лѣтняя женщина, очаровываетъ своего 35-ти лѣтняго мужа. Въ мужской компаніи онъ въ циничныхъ анекдотахъ рассказывалъ объ отношеніяхъ между Георгіемъ Николаевичемъ и Марьей Алексѣевной. Говорилъ, что Георгій Николаевичъ терпѣть не можетъ сыновей жены отъ перваго брака — студента Костю и пажу Борю, но, разумѣется, «не показываетъ этого».

Когда ему возражали, что Марья Алексѣевна, во всякомъ случаѣ, женщина очаровательная и мужъ по сию пору влюбленъ въ нее, то Гвоздевъ говорилъ:

— Да-съ, это, такъ сказать, міръ внѣшній, а попробуйте про- а ализовать ихъ внутренній міръ. Я, батюшка, можно сказать, и училъ людей.

И ему вѣрили, потому что всегда съ большею охотой вѣрять д рному, чѣмъ хорошему.

Это не мѣшало Осташковымъ пользоваться уваженіемъ, а уѣзд-

пымъ властямъ относиться къ предводителю даже съ нѣкоторымъ заискиваніемъ. Въ этомъ случаѣ импонировало и ихъ богатство, и еще больше — замкнутость ихъ жизни. Они не давали большихъ обѣдовъ, кромѣ дня престольнаго праздника, а въ именины всегда выѣзжали изъ деревни въ губернской городъ или въ Крымъ.

Георгію Николаевичу, дѣйствительно, было всего 35 лѣтъ. Его любимымъ занятіемъ была политическая экономя и другія социальныя науки. Не менѣе четырехъ часовъ въ день проводилъ онъ за книгами и записками въ своемъ обширномъ кабинетѣ съ двумя венеціанскими окнами, выходившими въ паркъ, съ огромною библіотекой, начавшей собираться еще съ конца прошлаго вѣка. Предводительство онъ принялъ на себя три года назадъ и смотрѣлъ на свою службу, какъ на отдыхъ отъ занятій. Уѣзжая въ земскія собранія, или въ сѣздъ, или въ воинскія присутствія, онъ и тамъ мечталъ скорѣе возвратиться домой и запереться въ кабинетѣ. Вліяніемъ въ уѣздѣ интересовался мало, находя, что оно невозможно безъ большой затраты времени, и, притомъ, мало полезной.

— Всѣ люди на виду, — говорилъ онъ губернатору, завтракая у него, какъ знакомый, — и, право, мало разнятся другъ отъ друга. Одинъ немного лучше, другой немного хуже, а, въ сущности, ни тотъ, ни другой не повернуть колеса жизни въ обратную сторону.

Губернаторъ цѣнилъ давнее знакомство со всѣми Осташковыми еще по Петербургу, любилъ и Георгія Николаевича, но находилъ его самымъ ограниченнымъ и малодаровитымъ изъ всѣхъ братьевъ.

Несмотря на усидчивую работу, Георгій Николаевичъ ни разу не выступалъ публично въ качествѣ ученаго или публициста, если не считать двухъ проектовъ, въ видѣ докладовъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ о земледѣльческихъ отхожихъ промыслахъ. Судьбою этихъ докладовъ онъ очень интересовался и по поводу ихъ велъ оживленную переписку.

Кромѣ того, онъ до такой степени дорожилъ своимъ любимымъ дѣломъ, что избѣгалъ говорить о немъ съ не-специалистами. Каждое лѣто къ нему пріѣзжалъ товарищъ по лицу, молодой профессоръ, погостить недѣли на двѣ. Съ нимъ Георгій Николаевичъ спорилъ по цѣлымъ днямъ. Вообще же, если кто — нибудь въ земствѣ или въ губернскомъ сѣздѣ обращался къ нему съ вопросомъ по поводу его «ученыхъ трудовъ», то онъ отвѣчалъ уклончиво и спѣшилъ переменить разговоръ. Это называли «гордостью».

Женился Осташковъ, когда ему не было и тридцати, въ Петербургѣ, на женщинѣ старше него, вдовѣ крупнаго чиновника, Марьѣ Алексѣевнѣ Буратовой.

Она полюбила Осташкова второю и послѣднею, а, стало быть, и особенно тревожною любовью. Ея оба сына отъ перваго брака воспитывались въ Петербургѣ: старшій—въ университетѣ, младшій—въ Пажескомъ корпусѣ. То, что сыновья были при матери всего два-три мѣсяца лѣтомъ, да на праздникахъ зимой, очень облегчало ея отношенія къ Георгію Николаевичу. Она берегла его чувства и больше всего боялась, чтобы присутствіе сыновей не отравляло ихъ, напоминая объ ея первомъ мужѣ и о томъ, что она на два, на три года старше второго.

Все ея поведеніе съ Георгіемъ Николаевичемъ было отмѣчено робкою осторожностью и умнымъ расчетомъ. Смѣлая и рѣшительная съ сыновьями, въ хозяйствѣ, въ управленіи домомъ и со всѣми своими личными связями, она прислушивалась къ мнѣніямъ и вкуса мужа и жертвовала всѣмъ для его покоя. Это дѣлало его въ семейной жизни балованнымъ, но это-то именно ей и нравилось. Хозяйка въ гостиной и въ столовой, она хотѣла быть рабой во внутреннихъ комнатахъ. Даже въ ласкахъ съ мужемъ она была осторожна, опасаясь, что излишнее проявленіе темперамента можетъ произвести отталгивающее впечатлѣніе.

Вѣроятно, поэтому Георгію Николаевичу, любившій иногда проносить афоризмы, говорилъ:

— Поцѣлуй умной женщины дороже поцѣлuya всякой красавицы.

Несмотря на семилѣтнюю связь и разницу въ возрастѣ, онъ сохранилъ къ женѣ увлеченіе во всей первоначальной свѣжести. Онъ до сихъ поръ любовался ея статною фигурой съ широкими плечами и узкою таліей, ловкими, рѣшительными движеніями, красивымъ, низкимъ голосомъ. Марья Алексѣевна была только, что называется, недурна собой, но съ удивительно-моложавою фигурой и совсѣмъ молодыми линіями. За этимъ она слѣдила особенно строго и ближайшая ея горничная была отличною массажисткой, о чемъ Георгію Николаевичу даже не имѣлъ понятія.

Гвоздеву пришлось ждать не болѣе двухъ минутъ, пока лакей докладывалъ о немъ. Онъ нерѣшительно вышелъ изъ гостиной на обширную террасу, окруженную цвѣтами въ кадкахъ. Здѣсь на столикахъ изъ японскаго бамыша стояли не убранныя чашки кофе.

Отъ террасы въ глубь парка шла большая липовая аллея. Отъ да неслись шумные голоса. Гвоздевъ увидѣлъ группу молодежи, среди которой узналъ студента и пажа. Тутъ же были два молодыхъ ч ловѣка, проѣхавшіе мимо него на велосипедахъ. Одинъ изъ нихъ о обенно горячился. Гвоздевъ напрягъ слухъ, но ничего не понялъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни онъ, ни я не побили 38 минутъ.

— Я могъ побить, вы сами сказали...

— Нѣтъ, не правда. Вы налегли только на финишѣ.

— А я вамъ говорилъ, — басилъ какой-то офицеръ, въ котормъ Гвоздевъ, приглядѣвшись, узналъ воспитателя Бориса, — я говорилъ, что гидъ надо назначать больше.

— Да какой же результатъ заѣзда? — допрашивалъ нѣсколько разъ очень высокій голосъ пажа.

— Вы сочтите еще, что имѣли 35 сажень впередъ.

Голоса раздавались въ перебивку или всѣ вмѣстѣ.

— Здравствуйте, Василий Петровичъ, — услыхалъ Гвоздевъ сзади себя голосъ хозяйки.

Онъ быстро повернулся.

Марья Алексѣевна была въ легкомъ платьѣ изъ сгѣре de Chine, съ открытою шеей, красоту которой она знала. Вошла она на террасу легкою походкой.

Гвоздевъ осторожно пожалъ ея руку.

— Мужъ сейчасъ выйдетъ. Его отозвалъ зачѣмъ-то управляющій. Не хотите ли чашку кофе?

— Если позволите.

Когда она, вернувшись въ гостиную и увидѣвъ тамъ горничную, отдавала приказаніе, Гвоздевъ смотрѣлъ на ея красивую талію, перехваченную лентой, и на молодой торсъ, и мысленно повторялъ: «Чародѣйка, чародѣйка!»

— Садитесь, пожалуйста, — сказала она, вернувшись, сѣла сама и сложила на столѣ полуоткрытыя бѣлыя руки съ тонкими пальцами, вытянувъ ихъ впередъ. — Мужъ вчера получилъ отъ Дмитрія Павловича телеграмму (она произносила «тэлэграмму»). Онъ извѣщаетъ, что будетъ, какъ вы и говорили, восьмого утромъ.

Гвоздевъ чуть поклонился.

— Да, и онъ пишетъ: буду ли у васъ ночевать — не знаю, это зависитъ отъ того, куда меня повезутъ. Значить, онъ отдастъ себя въ распоряженіе... ваше и... — она соображала, въ чье распоряженіе можетъ отдать себя губернаторъ и какъ бы ей не спутать имена, — и Максима Гавриловича, — вспомнила она предсѣдателя управы.

— Да-съ, это, такъ сказать, обыкновенная тактика его превосходительства.

— Вы, кажется, говорили, что изъ Перервы онъ поѣдетъ... — не могла вспомнить названія села, — въ другой уѣздъ.

— Да-съ, такъ предполагалось, но обстоятельства нѣсколько

измѣнились. И вотъ по этому поводу я и осмѣлился беспокоить васъ въ такой неурочный часъ.

— Гдѣ? На террасѣ?— послышался голосъ Георгія Николаевича.

Гвоздевъ всталъ. Вышелъ господинъ небольшого роста съ толстымъ животомъ, маленькими ногами на высокихъ каблукахъ, съ темными волосами, заброшенными наверхъ, нѣсколько торчащими и открывавшими уже лысину, темною безпорядочною бородкой и красивыми чертами лица.

Георгій Николаевичъ держался всегда чуть откинувшись назадъ, а когда садился, то постоянно забрасывалъ ногу на ногу. На немъ была пара изъ свѣтлой полосатой англійской фланели, что дѣлало его на видъ еще полнѣе. На губахъ у него всегда ютилась чуть насмѣшливая складка.

— Здравствуйте, Василий Петровичъ,— сказалъ онъ громкимъ груднымъ теноромъ.

— Мое почтеніе, Георгій Николаевичъ. А мы вотъ только что начали бесѣду, такъ сказать, хозяйственную. Это больше касается меня и Марьи Алексѣевны, чѣмъ васъ.

— Но, надѣюсь, я не помѣшаю?— сказалъ Осташковъ, обходя сзади стула жены и, едва замѣтно для гостя, пожавъ ее, по пути, за плечо. Марья Алексѣевна откинулась и подняла на мужа взглядъ скрытаго удовольствія и благодарности.

— О, конечно!

— Ну-съ, продолжайте, на чемъ остановились.

Гвоздевъ началъ рассказывать, обращаясь по очереди то къ Осташкову, то къ его женѣ, что планъ поѣздки господина начальника губерніи нѣсколько мѣняется.

— Несмотря на величайшую радость, которую доставляетъ его превосходительство своимъ посѣщеніемъ,— говорилъ онъ серьезно,— намъ, людямъ маленькимъ, все-таки, простительно желаніе,— онъ старался помягче и деликатнѣе спросить слова улыбкой,— желаніе поскорѣе передать его превосходительство въ другой уѣздъ.

Марья Алексѣевна расхохоталась. Осташковъ никогда не смѣялся и только улыбнулся. Гвоздевъ продолжалъ опять почтительно-серьезно:

— Но, по моему крайнему разумѣнію, прежде всего, все-таки, удобства и, такъ сказать, комфортъ его превосходительства. Это для меня выше моихъ собственныхъ тревогъ,— сказалъ онъ уже съ такимъ подчеркиваньемъ, какъ будто рѣчь шла о спасеніи отечества отъ нашествія двенадцати языковъ.

Затѣмъ, стараясь говорить какъ можно цвѣтистѣе и вездѣ

вставляя свое «такъ сказать», онъ сообщилъ, что если губернаторъ уѣдетъ въ сосѣдній уѣздъ въ день своего приѣзда, то удобнаго ночлега ему нельзя будетъ предложить ранѣе четырехъ часовъ утра. Въ виду этого онъ создалъ новую комбинацію, по которой, если хозяйка этого «Монплезира», — брякнулъ онъ, — не будетъ имѣть ничего противъ, его превосходительство вернется изъ Перервы въ Осташково, а утромъ выѣдетъ въ другой уѣздъ.

— Правда, по этому пути на сѣверъ есть волость, о которой земскій начальникъ господинъ Думчинъ не былъ предупрежденъ, но за то этотъ путь будетъ короче, чѣмъ если бы везти его превосходительство опять на Перерву. Такимъ образомъ, хотя его превосходительству и придется изъ Перервы сдѣлать обратно сюда лишнихъ 14 верстъ, за то ему будетъ предложенъ вечеръ въ прекраснѣйшемъ обществѣ и затѣмъ великолѣпный ночлегъ и утромъ онъ двинется въ дальнѣйшій путь, освѣженный тихимъ сномъ.

Онъ говорилъ такимъ тономъ, какъ будто оказывалъ новымъ планомъ истинное благодѣяніе губернатору и только изъ скромности не хотѣлъ, чтобъ это знали другіе. На самомъ дѣлѣ, онъ скрылъ настоящія побужденія такой перемѣны маршрута.

Осмотрѣвъ наканунѣ путь отъ Перервы до границы уѣзда, онъ нашелъ тамъ переправу черезъ рѣку въ такомъ скверномъ состояніи, что везти туда губернатора значило бы вызвать рядъ замѣчаній, да еще возбудить длиннѣйшую переписку и хлопоты. Объ этой злосчастной переправѣ онъ задумывался, когда было получено первое извѣстіе о ревизіи. Уѣзжая, онъ рѣшилъ, что осмотритъ ее на мѣстѣ, и, если ничего нельзя сдѣлать, то выдумаетъ предлогъ и повезетъ губернатора другимъ путемъ.

А тутъ еще подвернулись и другія соображенія. Въ селѣ, находящемся по новому пути, становымъ служить братъ его жены, давно ожидающій какого-нибудь отличія. И такъ какъ у всѣхъ становыхъ есть какіе-нибудь художественные таланты, то оказался таковой и у шурина Гвоздева. Онъ отличный скульпторъ и хотѣлъ къ проѣзду губернатора вылѣпить его бюстъ по фотографіи и или преподнести, или декорировать около триумфальной арки.

Кстати, за одно ужъ, хотѣлось Гвоздеву и подставить ножку Думчину. Онъ зналъ, что въ этой волости было особенно много безпорядочнаго. Село это называлось «Сорочьимъ Гнѣздомъ» и Гвоздевъ острилъ про Думчина, что въ «Сорочьимъ Гнѣздѣ» засѣлъ дятель.

— Распоряжайтесь, какъ вамъ нужно, — сказала Марья Алексѣевна. — Миѣ надо только знать, сколько человѣкъ будетъ ночевать у насъ.

Гвоздевъ сказалъ ей, что лично съ губернаторомъ будетъ два чиновника.

— Ну-съ, Максимъ Гавриловичъ, — пересчитывалъ Гвоздевъ.

— Ну, да, онъ ужъ всегда у меня останавливается, — вставилъ Осташковъ.

— Петръ Сысоевичъ Карасенковъ.

— Я его не знаю, — нерѣшительно сказала Марья Алексѣвна, посмотрѣвъ на мужа.

— Очень милый старикъ, — твердо проговорилъ Осташковъ, кивнувъ ей головой, и, обернувшись къ Гвоздеву, прибавилъ: — если ему будетъ неудобно гдѣ-нибудь въ Алексѣевкѣ, будьте любезны, передайте ему наше приглашеніе.

— Онъ, вѣроятно, пріѣдетъ сегодня или завтра утромъ.

— Ну, значить, я его самъ увижу и скажу.

— Да, онъ, конечно, сочтетъ долгомъ заѣхать къ вамъ. Это-жь еще? Вотъ и всё.

— Дмитрій Павловичъ, два чиновника, Максимъ Гавриловичъ и... какъ вы сказали? — повторила Марья Алексѣвна.

— Господинъ Карасенковъ, инспекторъ народныхъ училищъ.

— Ахъ, да, знаю, — вдругъ вспомнила она, узнавъ его официальное положеніе, — конфузливый, славный такой!

— Вотъ, вотъ, превосходный господинъ! Да! Еще господинъ Думчинъ, земскій начальникъ, — протянулъ исправникъ.

Марья Алексѣвна опять посмотрѣла на мужа, какъ бы ожидая его мнѣнія. Онъ въ это время отиралъ пенснѣ платкомъ и, щурясь, смотрѣлъ въ аллею, гдѣ все еще шумѣли по поводу велосипедной гонки. Только пажъ уже раскачивался, сидя на гамакѣ.

При имени Думчина Осташковъ чуть дернулъ уголокъ рта.

— Врядъ ли, — началъ онъ и пріостановился. — Впрочемъ, какъ ему угодно. Онъ часто бываетъ въ Алексѣевскомъ, но...

— Онъ къ намъ почти не заглядываетъ, — тихо добавила Марья Алексѣвна, отведя уже взглядъ отъ мужа и складывая пальцы такъ, чтобы ногти однихъ, — длинные, красиво отточенные, — заходили за ногти другихъ.

Осташковъ, поводя бровями и морщась, надѣвалъ пенснѣ.

— Во всякомъ случаѣ, онъ можетъ почевать у насъ.

Гвоздевъ внимательно переводилъ взглядъ съ жены на мужа и об атно, стараясь разгадать ихъ отношеніе къ Думчину.

— Тяжелый человекъ Сергѣй Викторовичъ, — вставилъ онъ осорожно, рѣшивъ, что попадаетъ въ тонъ.

Но Марья Алексѣвна не любила пересудовъ и нашла лучшимъ

сразу сократить гостя. Она поднялась, подошла къ краю террасы и крикнула въ аллею:

— Господа спортсмены!

Шумъ въ аллеѣ сразу стихъ. Кто-то произнесъ: «Madame!»

— Что-жь вы не идете обѣдать? Минуть черезъ 10 вамъ ужь ничего не дадутъ.

Вся компанія двинулась къ террасѣ.

VI.

Насколько зимой въ усадьбѣ Осташковыхъ было тихо, настолько же лѣтомъ шумно. Старшій сынъ, юристъ, Константинъ Ивановичъ, привозилъ съ собой одного или двухъ товарищей. Ему 19-й годъ, а на видъ онъ казался старше. Онъ очень быстро усвоилъ приемы петербургской веселящейся молодежи. Одѣвался у лучшихъ портныхъ—для формы у военнаго, для фрака и лѣтняго платья—у статскаго. Былъ очень плотнымъ, упитаннымъ юношей, старался говорить хлестко, одинаково компетентнымъ тономъ какъ о лучшихъ конюшняхъ спортсменовъ и опереточныхъ пѣвицахъ и ихъ сложеніи, такъ и о государственныхъ вопросахъ. Часто критиковалъ министровъ и правительство съ такимъ же легкимъ сердцемъ, съ какимъ усаживался за завтракъ, быстрымъ взглядомъ оцѣнивая искусство повара. Любилъ имѣть около себя такого товарища, на которомъ ему легко было бы изощрять остроуміе, подсмѣиваться надъ его невинностью или неопытностью, вышучивать его незнаніе свѣтскихъ обычаевъ. Онъ зналъ, что ему по совершеннolѣтніи достанется недурное состояніе отъ отца и еще лучшее отъ матерп. По настоянію Георгія Николаевича, Марья Алексѣевна все, что имѣла отъ покойнаго мужа, записала на имя сыновей.

Несмотря на 19-ти лѣтній возрастъ, на Константинъ Ивановичъ былъ уже опредѣленный отпечатокъ нахала и пошляка.

Георгій Николаевичъ очень недолюбливалъ его и почти никогда не разговаривалъ съ нимъ. Костя также не любилъ своего вочима, но держалъ себя съ нимъ съ покорною почтительностью. Мать страдала и была строга съ сыномъ. Къ ней Костя относился такъ, какъ бы она была для него свѣтскою дамою, хозяйкой большого дома, гдѣ ему пріятно бывать. Разговаривая съ ней по-французски, (онъ даже называлъ ее съ прекраснымъ акцентомъ «madame»). Когда Марья Алексѣевна вышла замужъ, онъ рѣшилъ, что между нимъ и матерью все порвано. Не желая старить ее своею сыновнею приязнностью, онъ относился къ ней почтительно и «корректно» и

очень гордился своимъ поведеніемъ съ матерью, считая его вер-
хомъ мудрости и свѣтской порядочности.

«Madame», однако, держала его въ рукахъ, заявивъ разъ на-
всегда, что отдасть ему капиталы только тогда, когда захочетъ.
Какъ единственная наслѣдница покойнаго Бурятова, она обставила
свое желаніе и всѣми законными условіями.

Въ этомъ году Константинъ Ивановичъ привезъ съ собой двухъ
молодыхъ людей. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ играть при немъ
роль шута, — какой-то захудалый воспитанникъ академіи худо-
жествъ, золотушный, съ палевымъ цвѣтомъ волосъ, уже лѣтъ 28,
рисовавшій во всѣхъ видахъ любовницъ Константина Бурятова и
перебравшій у него за портреты нѣсколько сотъ въ годъ.

— Я люблю его за имя, — говорилъ Бурятовъ. — Его зовутъ
Вадимъ, excusez du peu! Вадимъ Самаркандовъ! Каково? Проис-
хожденія онъ самаго родовитаго. Родился въ томъ Самаркандѣ, гдѣ
много полегло нашихъ... не солдатъ, а червонцевъ. На его родо-
словномъ гербѣ — пробка отъ бутылки. Это будущая знаменитость, —
рекомендовалъ Бурятовъ пріятеля, — вотъ уже тридцать три года
и три мѣсяца онъ пишетъ картину подъ названіемъ *Русалки въ
бокаль Pomerie-sec*. Не правда ли, это идея? Въ его художествен-
номъ воображеніи бокаль шампанскаго наполненъ играющими ру-
салками, эльфами и всякою веселою чертовщиной. У него есть и
своя философская теорія. По ней современному пьяницѣ мерещат-
ся не чортики, а хорошенькія, обнаженные женщины. Вѣдь, знае-
те, художники всегда мечтаютъ о томъ, что имъ недоступно.

Вадимъ Савельевичъ Самаркандовъ выслушивалъ шутки прія-
теля съ такимъ видомъ, какъ будто въ это время думалъ совсѣмъ
о другомъ, и только выпивши говорилъ Бурятову дерзости, разра-
жаясь громовыми монологами противъ современной молодежи. Тог-
да Бурятовъ веселился еще больше и еще сильнѣе поддразнивалъ
его, до тѣхъ поръ, пока дерзости не становились обидными. Тутъ
уже Бурятовъ строго сдвигалъ брови и говорилъ:

— Но-но-но! Будеть! А то я васъ и въ окно выброшу!
Самаркандовъ трусилъ.

— Да, вѣдь, я и себя ругаю, — говорилъ онъ, — не будь на
свѣтѣ такихъ мерзкихъ тунеядцевъ, какъ я, не было бы и васъ.

Другой молодой человѣкъ, въ сущности, пріѣхалъ по пригла-
шенію самой Марьи Алексѣевны. Съ Константиномъ Ивановичемъ
онъ не особенно ладилъ, но Марья Алексѣевна рассчитывала, что
онъ можетъ имѣть вліяніе на него. Это былъ сынъ ея хорошей зна-
комой, вдовы сенатора, года два какъ окончившій курсъ по восточ-

ному факультету и служащий при дипломатическомъ корпусѣ. Немного блѣдный, всегда задумчивый, онъ дѣлалъ пріятное впечатлѣніе. Для здоровья онъ занимался гимнастикой и послѣ нея всегда нѣсколько оживлялся. Но стоило ему отдохнуть, какъ онъ умогалъ, точно сразу старѣлъ на 10 лѣтъ. Любилъ читать французскіе романы и въ особенности стихи, причеиъ вмѣстѣ съ Альфредомъ Мюссе увлекался и символистами и всегда горячо бралъ ихъ подъ защиту, если въ его присутствіи кто-нибудь осмѣивалъ ихъ. Изъ театровъ любилъ Михайловскій, гдѣ бывалъ каждую субботу. Выслушивалъ собесѣдника внимательно и терпѣливо и если не соглашался съ нимъ, то тихо и деликатно дѣлалъ возраженія.

— Очень мнѣ нравится этотъ Сабуровъ, — сказалъ про него Осташковъ женѣ.

— Ахъ, премилый! Мнѣ такъ досадно, что Бостя не можетъ найти съ нимъ ничего общаго.

Но Бостя говорилъ съ Сабуровымъ часто, всегда очень громко, стараясь, чтобы слышали всѣ, и немного свысока. Его любимой темой было упрекать Сабурова за отсутствіе рѣшительности и смѣлости убѣжденій.

— Если вы хотите стать дипломатомъ, то должны помнить, что время компромиссовъ и полумѣръ прошло и, дасть Богъ, не вернется. Надо быть твердымъ и не-у-ко-си-тель-нымъ. Voilà le mot: неукоснительнымъ!

Въ такихъ случаяхъ Сабуровъ, заложивъ худыя и длинныя ноги такъ, что онѣ, казалось, могли нѣсколько разъ обернуться одна вокругъ другой, смотрѣлъ куда-то впередъ и почти никогда не возражалъ.

Совсѣмъ иныя чувства питалъ Осташковъ къ младшему сыну жены, Борису, пятнадцатилѣтнему папу. Между ними завязалась даже ласковая, дружеская связь.

Симпатичный, смуглый, востроносый, съ простодушнымъ, чистымъ взглядомъ круглыхъ черныхъ глазъ, Борисъ былъ юнъ и веселъ, какъ мальчикъ, не думалъ о будущемъ, обожалъ мать и боготворилъ Осташкова, называя его, однако, Георгіемъ Николаевичемъ. Изъ всѣхъ въ домѣ онъ одинъ имѣлъ привилегію влетать въ кабинетъ вотчима во всякое время, безъ доклада, чтобы попросить о чемъ-нибудь или сообщить о какомъ-нибудь пустякѣ, или просто отъ усталости повалиться на диванъ, сказавъ Осташкову:

— Вы можете заниматься, Георгій Николаевичъ, я вамъ не буду мѣшать.

И затѣмъ черезъ пять минутъ засыпалъ дѣтскимъ сномъ.

Шалости у него были совершенно ребяческія: подойти сзади Георгія Николаевича и зажмурить ему глаза и потомъ нѣжно чмокнуть въ лобъ, или вдругъ, среди бѣла дня, пустить у него подъ окнами ракету. Любилъ заниматься фейерверками, отчего Георгій Николаевичъ звалъ его не иначе, какъ пиротехникомъ.

Они играли въ шахматы, часто вдвоемъ гуляли, при этомъ Боря становился тихъ и внимательно слушалъ вотьчима.

Марья Алексѣевна радовалась, чувствуя, какъ онъ сближаетъ ее съ мужемъ.

«Компанію верхняго этажа», — какъ ихъ всѣхъ назвали, — заганчивалъ воспитатель Бори, молодой подполковникъ генеральнаго штаба, лѣтъ 32-хъ, Василевичъ. Борисъ жилъ въ Петербургъ у него. Марья Алексѣевна платила ему за это 1,500 рублей въ годъ. Лѣтомъ Василевичъ бралъ отпускъ и пріѣзжалъ въ Осташково, все утро занимаясь самъ. Марья Алексѣевна очень довѣряла ему, находя, что онъ и не балуетъ мальчика, и не стѣсняетъ его молодости, и постепенно готовить изъ него честнаго офицера.

Въ послѣдніе дни за обѣдами и ужинами только и разговора было, что о посѣщеніи губернатора. Это было въ своемъ родѣ выдающимся развлеченіемъ лѣта.

Столовая была высокая, въ шесть аршинъ, длинная комната съ пятью громадными окнами и двумя люстрами. Голоса въ ней раздавались звучно. Всѣ наперебой спѣшили предлагать разные проекты для увеселенія начальника губерніи, а, главное, каждому хотѣлось сказать что-нибудь остроумное, что заставило бы всѣхъ расхохотаться. Фантазія Бориса вертѣлась только около иллюминаціи и фейерверковъ. Онъ угрожалъ и бураками, и римскими свѣчами, и бенгальскими огнями.

— Пусть Вадимъ, excusez du peu, нарисуетъ вензель его превосходительства, — предложилъ Бонстантинъ. — Вадимъ! Тряхни стариной! Долой русалокъ въ бокалѣ Пѣмри, смастери вензелище, что-нибудь грандіозное!

Самаркандову пришло въ голову нарисовать особенную карту губерніи, чтобы рѣки обозначались въ видѣ змѣй, города въ видѣ разныхъ звѣрей, соотвѣтствующихъ характерамъ главныхъ предсавителей городскихъ властей, села и деревни — въ видѣ птицъ и г. д.

Эта мысль всѣмъ показалась остроумной и дала тему для цѣлаго обѣда. Припоминали разныхъ городскихъ головъ, предсавителей земскихъ управъ, исправниковъ, становыхъ и сравнивали ихъ съ звѣрями и птицами.

— А губернский, губернский городъ?—закричалъ на весь столъ Боря, увлекаясь фантазіей художника.

— Губернский?—протянулъ Самаркандовъ, обѣщая лицомъ и ужимкой какую-то острогу.—Губернский мы изобразимъ въ видѣ...

— Льва, конечно,—строго перебила Марья Алексѣевна, стараясь предупредить глупую и неумѣстную шутку.

Самаркандовъ нахмурился, а Борисъ захлопалъ въ ладоши.

— Льва, конечно, льва! Правда, Георгій Николаевичъ?

— Тише, Борисъ!—получилъ онъ замѣчаніе отъ воспитателя.

Сабуровъ былъ молчаливѣе другихъ, но разрисовка карты и ему, любителю символовъ, понравилась.

— Только надо, чтобы фантазія создала болѣе изящныя параллели,—сказалъ онъ.—Грубости никогда не хороши.

Предлагалась для развлечения губернатора и велосипедная гонка, и катанье по парку—кому въ шарабанѣ, кому въ кэбѣ, въ тьюльбюри, верхомъ... Придумывались рѣчи и тосты.

Георгій Николаевичъ прислушивался къ шуткамъ съ обычною усмѣшкой, а Марья Алексѣевна слушала разсѣянно, думая о размѣщеніи гостей, о большомъ обѣдѣ, на который придется пригласить всѣхъ, кто только съѣдется, и учителей, и священниковъ.

Вечеромъ Георгій Николаевичъ и Марья Алексѣевна ходили по аллеѣ, причеиъ онъ держалъ ее за талию, и обсуждали разные детали приѣма. Молодежь гдѣ-то рыскала, а въ залѣ, въ темнотѣ, Сабуровъ игралъ вальсы Шопена. Осташковы подходили, прислушивались, хвалили его и снова уходили въ глубь аллеи. Въ теченіе дня все время доносились извѣстія, что пріѣзжалъ въ деревню становой и распорядился дѣлать то-то, потомъ являлся исправникъ, потомъ исправникъ со становымъ ѣздили на станцію. По горѣ между Осташковымъ и Алексѣевой то и дѣло скакали городовые, десятскіе, сотскіе. Тамъ гатили ровчаки по дорогѣ, тамъ строили арки, причеиъ просили зелени изъ парка Осташковыхъ, тамъ красили крыши и т. д.

Отецъ Митрофанъ прислалъ спросить, не угодно ли будетъ Георгію Николаевичу воспользоваться хоромъ, прекрасно исполняшимъ, подъ руководствомъ учителя дѣтей священника, нѣсколько нелегкихъ духовныхъ концертовъ. Георгій Николаевичъ попросилъ прислать хоръ, чтобы прослушать его раньше.

— Онъ любитъ музыку и пѣніе,—говорилъ Георгій Николаевичъ женѣ о губернаторѣ.— Не сыграешь ли и ты ему что-нибудь?

— Что же?

— А хоть бы этотъ трудный, но удивительно красивый концертъ Чайковскаго.

Марья Алексѣевна подумала.

— Нѣтъ, это будетъ немножко длинно. Притомъ же, я давно не играла его, а повторить некогда. Если онъ захочетъ, мы лучше сыграемъ ему что-нибудь съ Сабуровымъ въ четыре руки.

Два дня до прїѣзда у Марьи Алексѣевны сплошь были наполнены хлопотами. Надо было осмотрѣть комнаты для гостей и распределить ихъ. Для губернатора было отведено три комнаты, одна для спальни, другая для уборной. Тутъ же небольшое помѣщеніе для его камердинера.

Затѣмъ Марья Алексѣевна занялась распределеніемъ службъ, переговоривъ со всѣмъ своимъ штатомъ прислуги, — кто долженъ былъ исполнять извѣстныя обязанности, кто наблюдать за ними.

Наконецъ, созвала молодежь и поручила однихъ гостей вниманію старшаго сына, другихъ — полковника, третьихъ — Сабурова. Даже Самарбандову дала дѣло. Каждому внушила, какъ вести себя, какъ занимать, угощать, слѣдить за тѣмъ, чтобы никому не было скучно или неудобно, предлагать купаться, гулять, играть въ карты.

Георгій Николаевичъ молча и издали любовался женой. Она такъ умѣла распорядиться, не производя никакого шума, никого не беспокоя, и въ тонѣ у нея было столько авторитетности. Распорядясь, она, въ то же время, нисколько не утрировала, не дѣлала изъ посѣщенія губернатора чего-то необычайнаго.

Вл. Немировичъ-Данченко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Д А Н Т Е.

Видѣніе.

Пророкъ съ душой восторженной поэта,
Чуждавшійся малѣйшей тѣни зла,
Одинъ, въ ночной тиши, вдали отъ свѣта,
Молился онъ,—и Тѣнь къ нему пришла,
Святая Тѣнь, которую увидѣтъ
Здѣсь на землѣ немногимъ суждено.
Тѣмъ избраннымъ съ ней говорить дано,
Что могутъ безкорыстно ненавидѣть—
И быть всегда съ Любовью заодно.

И долго Тѣнь безмолвіе хранила,
На Данте устремивъ пытливый взоръ.
И вотъ, вздохнувъ, она заговорила,
И вздохъ ея рѣчей звучалъ уныло,
Какъ вѣтра шумъ среди угрюмыхъ горъ.

«Зачѣмъ зовешь? Зачѣмъ меня тревожишь?
Тебѣ одно могу блаженство дать;
Ты молодъ, ты понять его не можешь:
Блаженство за другихъ душой страдать».

«Тотъ путь суровъ. Пустынею безлюдной
Среди песковъ онъ странника ведетъ.
Достигнетъ ли изгнанникъ цѣли чудной,
Иль, не дойдя, бессильно упадетъ?»

«Осмѣянный глухой толпой людскою,
Ты станешь ненавидящихъ любить,
Питаться будешь пламенной тоскою,
Ты будешь слезы собственныя пить.»

«И холодна, какъ ледъ, людская злоба!
Пытаясь тщетно цѣпи тьмы порвать,
Какъ ложа ласкъ, ты будешь жаждать гроба,
Ты будешь смерть, какъ друга, призывать».

И отвѣчалъ мечтатель благородный:
«Не страшень мнѣ бездушной злобы ледъ;
Любовью я согрѣю мракъ холодный.
Я въ путь хочу! Хочу идти вперед!»

И долго Тѣнь безмолвіе хранила,
Печальна и страдальчески-блѣдна,
И въ небесахъ, изъ темныхъ тучъ, уныло
Взошла кроваво-красная луна.

И говорила Тѣнь:
«Себя отринуть,
Себя забыть—избраннику легко.
Но тѣхъ, съ кѣмъ жизнь связалъ, навѣкъ повинуть,
Отъ нихъ уйти куда-то далеко!
«Навѣкъ со всѣмъ, что дорого, разстаться,
Оставить свой очагъ, жену, дѣтей,
И много дней, и много лѣтъ скитаться
Въ чужой странѣ, среди чужихъ людей!
«Какая скорбы! И ты ее узнаешь.
И пусть тебѣ отчизна дорога,
Пусть ты ее, любя, благословляешь,—
Она тебя отвергнетъ, какъ врага.
«Придетъ ли день,—ты будешь жаждать ночи;
Придетъ ли ночь,—ты будешь ждть утра;
И всюду зло, и нѣтъ нигдѣ добра;
И скрыть нельзя заплаканныя очи!
«И ты поймешь, какъ горекъ хлѣбъ чужой,
Какъ тяжелы чужихъ домовъ ступени,
Поднимешься—въ борьбѣ съ самимъ собой,
И внизъ пойдешь—своей стыдяся тѣни.
«О, ужась! О, мучительный позоръ!
Выпрашиваетъ милостыню геній!»

И Данте отвѣчалъ, потупя взоръ:
«Я принимаю бремя всѣхъ мученій,

Но только пусть мнѣ будетъ суждено—
Въ живыхъ умахъ грядущихъ поколѣній
Взростить Любви нетлѣнное зерно».

И Тѣнь, склонясь и горестно рыдая,
Его своимъ отмѣтила перстомъ,—
И Данте въ путь пошелъ, изнемогая
Подъ никому невидимымъ крестомъ.

К. Бальмонтъ.

КАМО ГРЯДЕШИ? *)

(QUO VADIS).

Романъ изъ времянь Нерона.

Генрика Сенкевича.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XXIII.

Виницій пришелъ въ себя отъ мучительной боли. Въ первую минуту онъ не могъ сообразить, гдѣ онъ и что съ нимъ дѣлается; въ головѣ у него былъ шумъ, глаза подернуты какимъ-то туманомъ. Но сознание мало-по-малу возвращалось къ нему и свозъ туманъ онъ увидалъ трехъ человѣкъ, склонившихся надъ нимъ. Двоихъ онъ узналъ, — одинъ былъ Урсъ, другой тотъ старикъ, котораго онъ свалилъ на землю, когда уносилъ Лигію. Третій, совершенно незнакомый ему, держалъ его руку, и, ощупывая ее отъ локтя до блючицы, собственно и причинялъ ему такую страшную боль, что Виницій, думая, что это составляетъ родъ какой-то пытки, проговорилъ свозъ стиснутые зубы:

— Убейте меня!

Но они, казалось, не обратили вниманія на его слова, точно не слышали ихъ или считали за обычный стонъ страданія. Урсъ, со своимъ озабоченнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, грознымъ лицомъ варвара, держалъ въ рукахъ пугъ бѣлыхъ тесемокъ, а старикъ говорилъ чловѣку, который нажималъ плечо Виниція:

— Главкъ, ты увѣренъ, что эта рана на головѣ не смертельна?

— Да, достойный Бриспъ, — отвѣтилъ Главкъ. — Когда я былъ вольникомъ и служилъ во флотѣ, а потомъ жилъ въ Неаполѣ, то

*) Русская Мысль, кн. VII.

много излечилъ ранъ и на деньги, которыя приносило мнѣ это занятіе, выкупилъ себя и своихъ. Рана на головѣ легкая. Когда этотъ человѣкъ (онъ кивнулъ въ сторону Урса) отнялъ дѣвushку у молодого человѣка и оттолкнулъ его къ стѣнѣ, то онъ, при паденіи, очевидно, защитился рукой. Руку онъ вывихнулъ и сломалъ, но за то сохранилъ голову и жизнь.

— Не одинъ братъ уже пользовался твоею помощью, — отвѣтилъ Криспъ, — ты считаешься опытнымъ врачомъ. Поэтому я и послалъ за тобою Урса.

— Который по дорогѣ признался мнѣ, что еще вчера былъ готовъ убить меня.

— Прежде, чѣмъ тебѣ, онъ открылъ свое намѣреніе мнѣ, но я знаю твою любовь ко Христу и объяснилъ Урсу, что измѣнникъ не ты, а тотъ незнакомецъ, который хотѣлъ склонить его къ убійству.

— То былъ злой духъ, а я принялъ его за ангела, — со вздохомъ сказалъ Урсъ.

— Когда-нибудь ты расскажешь мнѣ это, — сказалъ Главкъ, — теперь мы должны думать о раненомъ.

Онъ началъ вправлять плечо Виницію, который, несмотря на то, что Криспъ опрыскивалъ ему водою лицо, ежеминутно лишался чувствъ. Впрочемъ, это обстоятельство было благопріятно для него: благодаря ему, онъ не чувствовалъ, какъ вправляли ему ногу, какъ забинтовывали сломанную руку, которую Главкъ сначала заключилъ въ двѣ вогнутыхъ дощечки, а потомъ быстро и сильно обвязалъ тесемками, чтобъ она оставалась неподвижной.

Послѣ операціи Виницій снова очнулся и увидалъ надъ собою Лигію:

Она стояла около его ложа и держала маленькое мѣдное ведро, въ которое Главкъ отъ времени до времени погружалъ губку и смачивалъ ею голову Виниція.

Виницій смотрѣлъ и глазамъ не вѣрилъ. Ему казалось, что это сонъ или горячка поставили передъ нимъ дорогое видѣніе, и только спустя нѣсколько минутъ нашелъ въ себѣ силы прошептать:

— Лигія...

При звукѣ его голоса ведро задрожало въ ея рукахъ, и она обратила на него глаза, полные грусти.

— Миръ съ тобой, — тихо отвѣтила она.

И она стояла съ протянутою рукой, съ лицомъ, полнымъ состраданія и жалости.

Виницій смотрѣлъ на нее такъ, какъ будто хотѣлъ насытить

ею свои глаза, чтобъ ея образъ остался передъ нимъ даже и тогда, когда онъ сомкнетъ рѣсныи. Онъ смотрѣлъ на ея поблѣднѣвшее и похудѣвшее лицо, на жгуты темныхъ волосъ, на убогій нарядъ работницы, смотрѣлъ такъ упорно, что подъ вліяніемъ его взгляда ея блѣднѣющій лобъ началъ покрываться румянцемъ. И Виницій подумалъ сначала, что онъ ее любилъ всегда, а, во-вторыхъ, что ея худоба и убожество—его дѣло, что это онъ изгналъ ее изъ дома, гдѣ ее любили, гдѣ ее окружали достатокъ и удобства, ввергнулъ ее въ эту нищенскую лачугу и одѣлъ въ этотъ плащъ изъ темнаго сукна.

А онъ хотѣлъ было нарядить ее въ драгоцѣннѣйшую парчу и всѣ сокровища міра, и его охватило изумленіе, тревога, состраданіе и жалость, — такая, что онъ упалъ бы къ ея ногамъ, если бы могъ.

— Лигія, — сказалъ онъ, — ты не позволила убить меня.

Она кротко отвѣтила:

— Да возвратить тебѣ Богъ здоровье.

Для Виниція, который сознавалъ то зло, которое причинилъ ей раньше, и то, которое недавно собирался причинить, въ словахъ Лигіи заключался настоящій бальзамъ. Въ эту минуту онъ забылъ, что ея устами можетъ говорить христіанское ученіе, и чувствовалъ только, что это говоритъ любимая женщина и что въ ея отвѣтъ слышится какая-то заботливость, какая-то нечеловѣческая доброта, которая потрясла его до глубины души. Какъ нѣсколько минутъ тому назадъ отъ боли, такъ теперь онъ ослабѣлъ отъ волненія. На него напала какая-то слабость, непреоборимая и сладкая. Онъ испытывалъ такое впечатлѣніе, какъ будто падалъ въ какую-то пропасть, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовалъ, что ему хорошо и что онъ счастливъ. Въ эту минуту слабости онъ думалъ, что надъ нимъ стоитъ божество.

Тѣмъ временемъ Главкъ кончилъ обмывать его голову и приложилъ къ ней цѣлительную мазь. Урсъ принялъ изъ рукъ Лигіи мѣдный сосудъ, а она, взявъ со стола заранѣе приготовленную чашу воды съ виномъ, приставила ее къ устамъ раненаго. Виницій жадно выпилъ ее и почувствовалъ огромное облегченіе. Послѣ пер вязки боль его почти совсѣмъ прекратилась. Раны и ушибы начинали заживать. Онъ совсѣмъ пришелъ въ себя.

— Дай мнѣ еще пить, — сказалъ онъ.

Лигія съ пустою чашей ушла въ сосѣдную комнату, а Криспъ, оиѣнявшисъ нѣсколькими словами съ Главкомъ, приблизился къ ложу и сказалъ:

— Виницій, Богъ не дозволилъ тебѣ совершить злое дѣло, но сохранилъ твою жизнь, чтобы ты опаматовался въ душѣ. Тотъ, передъ лицомъ Котораго человѣкъ есть прахъ, предалъ тебя, безоружнаго, въ наши руки, но Христосъ, въ Котораго мы вѣруемъ, повелѣлъ намъ миловать даже враговъ. Мы перевязали твои раны и, какъ сказала Лигія, будемъ молить, чтобы Богъ возвратилъ тебѣ здоровье, но дальше присматривать за тобою не можемъ. Оставайся въ мирѣ и подумай, прилично ли тебѣ и дальше преслѣдовать Лигію, которую ты лишилъ защитниковъ, у которой отнялъ родной домъ, и насъ, которые заплатили тебѣ добромъ за зло?

— Вы хотите покинуть меня? — спросилъ Виницій.

— Мы хотимъ покинуть этотъ домъ, — здѣсь мы можемъ подвергнуться преслѣдованію префекта города. Товарищъ твой убитъ, а ты, считающійся главнымъ между своими, лежишь раненый. Не по нашей винѣ произошло это, но на насъ могъ бы обрушиться гнѣвъ закона.

— Не бойтесь преслѣдованія, — сказалъ Виницій. — Я защищу васъ.

Криспъ не хотѣлъ ему сказать, что тутъ дѣло идетъ не только о префектѣ и полиціи, что они не довѣряютъ и ему и хотятъ обезпечить Лигію отъ его дальнѣйшихъ преслѣдованій.

— Господинъ, — сказалъ онъ, — вотъ таблички и стилъ¹⁾, — напиши своимъ слугамъ, чтобы они пришли за тобою сегодня вечеромъ съ носилками и отнесли тебя домой, гдѣ тебѣ будетъ удобнѣе, чѣмъ среди нашей нищеты. Мы здѣсь живемъ у бѣдной вдовы; она скоро придетъ съ своимъ сыномъ, мальчикъ отнесетъ твое письмо, а мы всѣ должны будемъ искать новаго убѣжища.

Виницій поблѣднѣлъ. Онъ понялъ, что его хотятъ разлучить съ Лигіей, и что если онъ снова потеряетъ ее, то, можетъ быть, не увидитъ ее никогда въ жизни. Правда, ему было ясно, что между нимъ и ею произошло нѣчто серьезное, въ силу чего онъ, если хочетъ обладать ею, долженъ искать новыхъ путей, о которыхъ ему еще не было времени подумать. Онъ также понималъ, что ни скажи онъ этимъ людямъ, — пообщай имъ, на примѣръ, возвратитъ Лигію Помпоніи Грецинѣ, — они имѣютъ право не повѣрить ему и не повѣрять. Вѣдь, это онъ могъ сдѣлать давно: вмѣсто того, чтобы преслѣдовать Лигію, отправиться къ Помпоніи и обѣщать ей, что онъ отказывается отъ поисковъ, — въ такомъ случаѣ Пом-

¹⁾ Римляне писали на павощенныхъ дощечкахъ — *tabella* — заостреннымъ грифеломъ — *stilus*, *grafium*.

попья сама отыскала бы и взяла дѣвушку назадъ, въ свой домъ. Нѣтъ, онъ чувствовалъ, что никакія обѣщанія въ такомъ родѣ не въ силахъ удержать ихъ и никакая торжественная клятва его припята не будетъ, тѣмъ болѣе, что онъ не христіанинъ. Могъ ли бы онъ глаться безсмертными богами, въ которыхъ и самъ не очень вѣрилъ и которыхъ христіане считали злыми духами?

Онъ страстно желалъ примириться и съ Лигією, и съ теперешними ея защитниками, но какимъ образомъ? Для этого нужно было время. Кромѣ того, ему необходимо было хоть нѣсколько дней видѣть ее. Какъ всякій обломокъ доски или весло кажется утопающему спасеніемъ, такъ и Виницію казалось, что въ теченіе этихъ дней онъ будетъ въ состояніи сказать ей что-то такое, что приблизитъ ее къ нему.

И, собравшись съ мыслями, онъ проговорилъ:

— Послушайте меня, христіане. Вчера я вмѣстѣ съ вами былъ въ Остраніи и слушалъ изложеніе вашего ученія; но еслибъ я и не зналъ его, ваши дѣйствія убѣдили бы меня, что вы—люди хорошіе и добрые. Скажите вдовѣ, которая живетъ въ этомъ домѣ, чтобъ она осталась въ немъ, вы оставайтесь также и мнѣ позвольте остаться. Пусть этотъ человѣкъ (онъ перевелъ взглядъ на Главна),— врачъ ли онъ, или просто умѣющій перевязывать раны,— скажетъ, можно ли меня переносить сегодня? Я болѣнъ, у меня сломана рука, въ теченіе нѣсколькихъ дней она должна оставаться неподвижной и поѣтому я заявляю вамъ, что не тронусь отсюда, развѣ вы только силою вынесете меня отсюда.

Онъ остановился; его разбитой груди не хватало воздуха. Криспъ сказалъ:

— Господинъ, никто не употребитъ насилія противъ тебя, только мы унесемъ отсюда свои головы.

Непривыкшій къ сопротивленію молодой человѣкъ сморщилъ брови и отвѣтилъ:

— Дай мнѣ вздохнуть.

Черезъ минуту онъ заговорилъ:

— О Кротоиъ, котораго задушилъ Урсъ, никто не спроситъ; онъ сегодня долженъ былъ уѣхать въ Беневентъ, куда его пригласилъ Ватиній. Всѣ будутъ думать, что онъ уѣхалъ. Когда мы съ Кротономъ вошли сюда, насъ никто не видалъ, кромѣ одного грека, который былъ съ нами въ Остраніи. Я скажу вамъ, гдѣ онъ живетъ, приведите его ко мнѣ и я прикажу ему молчать, потому что онъ состоитъ у меня на жалованьи. Домой я напишу, что также у халъ въ Беневентъ. Если грекъ далъ уже знать префекту, то я

заявлю ему, что Бротона убилъ я и что онъ сломалъ мнѣ руку. Сдѣлайте такъ, ради тѣней моего отца и матери, и вы останетесь здѣсь въ безопасности,—ни одинъ волосъ не спадетъ съ вашей головы. Приведите сюда поскорѣ грека; его зовутъ Хилонъ Хилонидъ.

— Да, вѣдь, съ тобою останется Главкъ, господинъ, и вдова; они оба будутъ ухаживать за тобою.

Виницій еще больше нахмурился.

— Обрати вниманіе, старый человѣкъ, на то, что я скажу тебѣ. Я обязанъ тебѣ благодарностью, ты кажешься мнѣ добрымъ и заслуживающимъ уваженія, но не говоришь мнѣ того, что таится на глубинѣ твоей души. Ты боишься, чтобъ я не вызвалъ своихъ невольниковъ и не приказалъ бы имъ похитить Лигію? Не такъ ли?

— Да, — съ отѣнкомъ суровости отвѣтилъ Бриспъ.

— Прими во вниманіе, что съ Хилономъ я буду разговаривать при васъ, при васъ напишу домой, что я уѣхалъ и что другихъ посланцевъ, кромѣ васъ, у меня потомъ не будетъ... Взвѣсь это самъ и больше не раздражай меня.

Онъ взволновался, лицо его исказилось гнѣвомъ и онъ продолжалъ въ раздраженіи:

— Неужели ты думаешь, что я буду скрывать, что хочу оставаться для того, чтобъ видѣть ее?... Это понялъ бы всякій дуракъ, хотя бы я и запирался. Но силою я теперь ее не буду уже брать болѣе... А тебѣ скажу еще кое-что. Если она не останется здѣсь, то своею здоровою рукой я сорву повязку съ больной головы, не буду принимать ни пищи, ни питья и да падетъ моя смерть на тебя и на твоихъ братьевъ. Зачѣмъ ты перевязывалъ мои раны, отчего не приказалъ убить меня?

Онъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва и слабости. Лигія, которая изъ другой комнаты слышала весь разговоръ и которая была увѣрена, что Виницій сдѣлаетъ все, что обѣщаетъ, испугалась его словъ. Раненый и безоружный, онъ возбуждалъ въ ней сожалѣніе, а не страхъ. Со времени своего бѣгства, живя среди людей, погруженныхъ въ непрестанное религіозное упоеніе, размышляющихъ только о самопожертвованіи, самоотверженіи и безграничномъ милосердіи, она сама прониклась этимъ вѣяніемъ до такой степени, что оно замѣнило ей домъ, семью, утраченное счастье и обратило ее въ одну изъ тѣхъ дѣвъ-христіанокъ, которыя въ послѣдствіи измѣнили старую душу міра. Виницій черезъ-чуръ сильно повліялъ на ея судьбу, черезъ-чуръ большую роль игралъ въ ея жизни, чтобъ она могла забыть о немъ. Она думала о немъ по цѣлымъ днямъ и не разъ

просила Бога о такой минутѣ, когда, слѣдуя своему ученію, она могла бы заплатить ему добромъ за зло, милосердіемъ за преслѣдованіе, сломить его, завоевать для Христа, спасти. А теперь ей казалось, что именно такая минута наступила и что молитвы ея услышаны.

И она приблизилась къ Криспу съ вдохновеннымъ лицомъ и начала говорить такъ, какъ будто ея устами говорилъ кто-то другой:

— Криспъ, пусть онъ останется съ нами, и мы останемся съ нимъ до тѣхъ поръ, пока Христосъ не исцѣлитъ его.

Старый пресвитеръ, привыкшій во всемъ искать божественное вдохновеніе, видя эту экзальтацію, подумалъ, что устами Лигіи, можетъ быть, говорить высшая сила, сробѣлъ и поникъ сѣдою головой.

— Да будетъ такъ, какъ говоришь ты, — сказалъ онъ.

На Виниція, который все время не спускалъ глазъ съ Лигіи, это повиновеніе Криспа произвело странное и захватывающее впечатлѣніе. Ему показалось, что Лигія среди христіанъ играетъ роль какой-то Сивиллы ¹⁾ или жрицы, которую окружаютъ почетъ и поклоненіе. И поневолѣ онъ самъ поддался тому же. Въ его любви теперь присоединилось какое-то опасеніе, при существованіи котораго самая любовь становилась чуть ли не дерзостью. Притомъ, онъ не могъ освоиться съ мыслью, что отношенія ихъ измѣнились, что теперь не она зависитъ отъ его воли, а онъ отъ воли ея; что онъ лежитъ больной, искалѣченный, пересталъ представлять собою наступательную силу и походить на какого-то безоружнаго ребенка, состоящаго подъ ея покровительствомъ. Для его натуры, гордой и самовольной, подобное отношеніе ко всякому другому казалось бы унижительнымъ, но къ Лигіи онъ чувствовалъ признательность, какъ къ своей госпожѣ. Чувства эти были незнакомы ему и день тому назадъ не могли бы уместиться въ его головѣ; они и теперь поразили бы его, еслибъ онъ могъ отдать себѣ ясный отчетъ въ нихъ. Но теперь онъ не спрашивалъ, почему это такъ, какъ будто это было дѣломъ совершенно естественнымъ, и только сознавалъ себя счастливымъ, что остается здѣсь.

Онъ хотѣлъ благодарить ее съ признательностью и еще какъ-то чувствомъ, до такой степени незнакомымъ ему, что онъ не могъ назвать его по имени, потому что это была простая покорность. Испытанный имъ восторгъ до такой степени исчерпалъ его

¹⁾ Sibylla, — это имя носили вѣшія, боговдохновенныя женщины, которыхъ относили къ разнымъ временамъ и народамъ.

силы, что онъ не могъ говорить и благодарилъ Лигію только глазами, въ которыхъ свѣтилась радость, что онъ остается при ней и будетъ имѣть возможность смотрѣть на нее завтра, послѣ-завтра, можетъ быть, долго. Правда, къ радости этой примѣшивалось опасеніе утратить то, что онъ нашелъ, — опасеніе настолько сильное, что когда Лигія опять подала ему воды и когда у него вспыхнуло желаніе схватить ея руку, онъ побоялся сдѣлать это, — онъ, Виницій, который на пиршествѣ у цезаря насильно цѣловалъ ее въ губы, а послѣ ея бѣгства общалъ себя, что втащить ее за волосы въ кубукулъ или прикажетъ бичевать ее.

XXIV.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Виницій опасался, какъ бы какая-нибудь несвоевременная помощь извнѣ не смутила его радости. Хилонъ могъ сообщить объ его исчезновеніи префекту города, въ такомъ случаѣ вторженіе вигиловъ въ маленькій домикъ являлось очень правдоподобнымъ. Правда, въ головѣ Виниція мелькнула мысль, что тогда онъ могъ бы приказать схватить Лигію и запереть ее у себя въ домѣ, но онъ тотчасъ же почувствовалъ, что такъ поступить онъ не долженъ и не можетъ. Онъ былъ человѣкомъ самовольнымъ, самопадѣяннымъ и порядочно испорченнымъ, въ случаѣ надобности даже неумолимымъ, но онъ не былъ ни Тигеллиномъ, ни Нерономъ. Военная жизнь внушила ему извѣстное чувство справедливости и совѣсти настолько, что онъ понималъ, что такой поступокъ былъ бы чудовищно подлымъ. Онъ, можетъ быть, отважился бы на это въ припадкѣ злости здоровый, но теперь онъ былъ растроганъ и болѣнъ и ему нужно было только, чтобы никто не становился между нимъ и Лигіей.

Съ удивленіемъ замѣтилъ онъ, что съ минуты, когда Лигія перешла на его сторону, ни она сама, ни Криспъ не потребовали отъ него никакихъ обѣщаній, какъ будто были увѣрены, что, въ случаѣ бѣды, ихъ охранитъ какая-то сверхъестественная сила. Виницій, въ головѣ котораго, съ тѣхъ поръ, какъ онъ слышалъ въ Остраніи поученія и разсказъ апостола, возможное начало сливаться съ невозможнымъ, также не былъ далекъ отъ предположенія, что это могло быть на самомъ дѣлѣ. Но, придя въ себя, онъ напомнилъ присутствующимъ, что говорилъ имъ о грекѣ, и снова потривалъ, чтобы къ нему привели Хилона.

Криспъ согласился на это и рѣшено было послать Урса. Виницій, который въ послѣдніе дни часто, хотя и безъ всякой пользы,

посылалъ своихъ невольниковъ къ Хилону, подробно разсказалъ Лиги, гдѣ онъ живетъ, потомъ, начертавъ нѣсколько словъ на табличкѣ, обратился къ Ериспу:

— Я посылаю табличку потому, что это человѣкъ подозрительный и хитрый. Часто онъ приказывалъ моимъ людямъ отвѣчать, что его нѣтъ дома, въ особенности, когда у него не было для меня добрыхъ извѣстій и онъ опасался моего гнѣва.

— Мнѣ бы только найти, а то я ужь приведу его, хочеть ли онъ или не хочеть,—отвѣтилъ Урсъ, взявъ плащъ и поспѣшно вышелъ изъ дома.

Найти кого-нибудь въ Римѣ было не легко, хотя бы при самыхъ точныхъ указаніяхъ, но Урсу въ такихъ случаяхъ помогалъ инстинктъ лѣснаго человѣка, а также и хорошее знакомство съ городомъ, такъ что вскорѣ онъ очутился въ жилищѣ Хилона.

Грека онъ, однако, не узналъ. Передъ этимъ онъ видѣлъ его только одинъ разъ въ жизни, да и то ночью. Наконецъ, тотъ возвышенный и полный вѣры въ себя старецъ, который приказывалъ ему убить Главка, такъ былъ непохожъ на этого грека, скрюченнаго чуть ли не вдвое, что никто не могъ предположить ихъ тождества. Хилонъ сообразилъ, что Урсъ смотритъ на него, какъ на человѣка совершенно чужого, и оправился отъ перваго страха. Видъ таблички Виниція успокоилъ его еще больше. По крайней мѣрѣ, его не подозрѣвали, что онъ нарочно ввелъ молодого патриція въ засаду. Хилонъ подумалъ, притомъ, что христіане, очевидно, потому не убили Виниція, что не осмѣлились поднять руку на такую важную особу.

«Значить, въ случаѣ надобности, Виницій защититъ и меня,—сказалъ онъ самому себѣ,—не для того же онъ призываетъ меня, чтобъ убить».

И, набравшись храбрости, онъ спросилъ:

— Добрый человѣкъ, развѣ мой другъ, благородный Виницій, не прислалъ за мной носилокъ? Ноги у меня опухли и я не могу идти такъ далеко.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Урсъ,—мы пойдемъ пѣшкомъ.

— А если я откажусь?

— Не дѣлай этого, потому что ты долженъ идти.

— Я и пойду, но по собственному желанію. Иначе никто бы меня не принудилъ, потому что я человѣкъ свободный и другъ префекта города. Какъ мудрецъ, я обладаю различными средствами противъ насилія и умѣю обращать людей въ звѣрей и въ деревья. Но я пойду... пойду! Я только надѣну болѣе теплый плащъ и ва-

пюшонъ, чтобъ меня не узнали невольники той части города, иначе они будутъ останавливать меня на каждомъ шагу и цѣловать мои руки.

Онъ надѣлъ другой плащъ, на голову накинулъ широкой галльскій капюшонъ изъ опасенія, чтобы Урсъ не узналъ его, когда они выйдутъ на болѣе яркій свѣтъ.

— Куда ты ведешь меня?—спросилъ онъ Урса по дорогѣ.

— Въ Затибрскую часть.

— Я недавно въ Римѣ и никогда не былъ тамъ, но, вѣроятно, и тамъ живутъ люди, которые любятъ добродѣтель.

Но Урсъ, который былъ человѣкомъ наивнымъ и который слышалъ отъ Виниція, что грекъ былъ съ нимъ на кладбищѣ, а потомъ видѣлъ, какъ они вмѣстѣ съ Кротомъ входили въ домъ, гдѣ жила Лигія, остановился на минуту и сказалъ:

— Не лги, старый человѣкъ, сегодня ты былъ съ Виниціемъ въ Остраніи и потомъ у нашихъ воротъ.

— Ахъ, такъ это вашъ домъ находится за Тибромъ? Я недавно въ Римѣ и не знаю, какъ называются разныя части. Да, другъ мой! Я былъ у вашихъ воротъ и во имя добродѣтели заклиналъ Виниція не входить въ нихъ. Былъ я и въ Остраніи, но знаешь почему? Съ нѣкотораго времени я тружусь надъ обращеніемъ Виниція и хотѣлъ, чтобъ онъ услышалъ старѣйшаго изъ апостоловъ. Да пронигнетъ свѣтъ въ его душу... и въ твою! Ты, вѣдь, христіанинъ, — желаешь ли ты, чтобъ правда торжествовала надъ ложью?

— Да,—покорно отвѣтилъ Урсъ.

Къ греку вернулась вся его храбрость.

— Виницій—человѣкъ могущественный и другъ цезаря,—сказалъ онъ.—Онъ еще часто внимааетъ внушенію духа зла, но если хоть одинъ волосъ спадетъ съ его головы, цезарь отомститъ всѣмъ христіанамъ.

— Насъ оберегаетъ высшая сила.

— Правильно, правильно! Но что вы намѣреваетесь дѣлать съ Виниціемъ?—съ новымъ безпокойствомъ спросилъ Хилонъ.

— Не знаю. Христосъ повелѣлъ быть милосерднымъ.

— Превосходно сказано! Помни объ этомъ всегда, иначе будешь ты жариться въ аду, какъ вишка на сковородѣ.

Урсъ вздохнулъ, а Хилонъ подумалъ, что съ этимъ человѣкомъ, страшнымъ во время перваго порыва, онъ всегда можетъ сдѣлать, что захочетъ.

И, желая знать, что случилось при похищеніи Лигіи, онъ продолжалъ разспросы тономъ суроваго судьи:

— Что вы сдѣлали съ Бротоньомъ? Отвѣчай и не выдумывай.

Урсъ вздохнулъ во второй разъ:

— Тебѣ это скажетъ Виницій.

— Это значить, что ты пырнулъ его ножомъ или убилъ палкой?

— Я былъ безоруженъ.

Хилонъ не могъ не выразить своего удивленія нечеловѣческой силѣ варвара.

— О, чтобъ тебя Плутонъ!... То-есть я хотѣлъ сказать: да простить тебя Христось!

Нѣсколько времени прошло въ молчаніи, потомъ Хилонъ сказалъ:

— Я тебя не предамъ, не бойся вигиловъ.

— Я боюсь Христа, а не вигиловъ.

— Вѣрно. Нѣтъ грѣха большаго, чѣмъ убійство. Я буду молиться за тебя, но не знаю, поможетъ ли даже моя молитва, развѣ, если ты дашь клятву, что никогда въ жизни никого не тронешь палцемъ.

— Я и такъ не убиваю преднамѣренно, — отвѣтилъ Урсъ.

Но Хилонъ, который желалъ обезпечить себя на всякій случай, не переставалъ осуждать поступки Урса и склонять его къ произнесенію обѣта. Разспрашивалъ онъ и о Виниціи, но лигіецъ на его вопросы отвѣчалъ неохотно и повторялъ, что отъ самого Виниція грекъ услышитъ все, что долженъ слышать. Разговаривая такимъ образомъ, они прошли все длинное разстояніе, отдѣляющее домъ грека отъ Затибрской части города. Сердце Хилона вновь начало безпокойно биться. Отъ страха ему показалось, что Урсъ начинаетъ смотрѣть на него алчнымъ взглядомъ. «Небольшое мнѣ утѣшеніе, — говорилъ онъ самому себѣ, — что онъ убьетъ меня ненамѣренно, и я, во всякомъ случаѣ, предпочиталъ бы, чтобъ его разбилъ параличъ, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣхъ лигійцевъ... О, Зевсъ! сотвори это, если ты съумѣешь!» И онъ все тщательнѣе закутылся въ свой галльскій плащъ, повторяя, что боится холода. Наконецъ, когда они прошли уже сѣни и первый дворъ и очутились въ корридорѣ, ведущемъ въ садикъ, Хилонъ вдругъ остановился и сказалъ:

— Дай мнѣ вздохнуть, иначе я не буду въ состояніи говорить съ Виниціемъ и надѣлать его душеспасительными совѣтами.

Онъ остановился и хотя повторялъ себѣ, что никакая опасность не угрожаетъ ему, однако, при мысли вступить въ среду тѣхъ таинственныхъ людей, которыхъ видѣлъ въ Остраніи, онъ чувствовалъ,

что ноги его начинают трястись. Изъ дома до его ушей доходило какое-то пѣніе.

— Что это такое?—спросилъ онъ.

— Ты говоришь, что ты христіанинъ, а не знаешь, что у насъ есть обычай послѣ лица восхвалять нашего Избавителя, — отвѣтилъ Урсъ. — Мириамъ съ сыномъ, должно быть, возвратились, а, можетъ быть, съ ними пришелъ и апостолъ, потому что онъ каждый день навѣщаетъ вдову и Бриспа.

— Проводи меня прямо къ Виницію.

— Виницій въ той же комнатѣ, гдѣ и всѣ. Въ домѣ только одна большая комната, остальные только темные кубигулы, куда мы отправляемся спать. Войди; тамъ отдохнешь.

Они вошли. Въ комнатѣ было темно, вечеръ стоялъ пасмурный, зимній, а пламя нѣсколькихъ свѣтильниковъ не могло совсѣмъ разогнать мракъ. Виницій скорѣе почувствовалъ, чѣмъ узналъ въ закутанномъ человѣкѣ Хилона, а тотъ, увидавъ въ углу, на постели, Виниція, не обращая вниманія на другихъ, бросился прямо къ нему, какъ бы въ увѣренности, что тамъ ему будетъ безопасно.

— О, господинъ! Отчего ты не послушалъ моего совѣта?—воскликнулъ онъ, складывая руки.

— Молчи и слушай!—сказалъ Виницій.

Онъ строго посмотрѣлъ прямо въ глаза Хилона и заговорилъ медленно и разстановисто, словно хотѣлъ, чтобы каждое его слово принималось какъ приказъ и разъ навсегда осталось въ памяти Хилона:

— Бротоны бросился на меня, чтобы убить и ограбить меня, понимаешь? Тогда я убилъ его, а эти люди перевязали раны, которыя я получилъ въ борьбѣ съ нимъ.

Хилоны сразу понялъ, что если Виницій говоритъ такъ, то развѣ въ силу какого-нибудь договора съ христіанами, и въ такомъ случаѣ хочеть, чтобы ему вѣрили. Онъ узналъ это по его лицу и въ одно мгновеніе, не оказавши ни сомнѣнія, ни удивленія, поднялъ глаза кверху и отвѣтилъ:

— Это былъ истинный негодяй, господинъ! Вѣдь, я предостерегалъ тебя, чтобы ты не вѣрилъ ему. Всѣ мои поученія отскакивали отъ его головы, какъ горохъ отъ стѣны. Во всемъ Гадесѣ нѣтъ для него достойныхъ мукъ. Ибо кто не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ, тотъ долженъ быть негодяемъ, а кому же труднѣе сдѣлаться хорошимъ, чѣмъ не негодяю? Но чтобы нападать на своего благодѣтеля и господина столь великодушнаго... О, боги!...

Тутъ онъ вспомнилъ, что во время дороги называлъ себя христіаниномъ, и замолебъ.

Виницій сказалъ:

— Еслибъ не «сиба» ²⁾, которая была со мной, онъ бы убилъ меня.

— Я благословляю минуту, въ которую посовѣтовалъ тебѣ взять ножъ.

Виницій обратилъ на грека пытливый взоръ и спросилъ:

— Что ты дѣлалъ сегодня?

— Какъ? развѣ ты не сказалъ мнѣ, чтобъ я молился за твое здоровье?

— И больше ничего?

— Я собирался навѣстить тебя, когда пришелъ вотъ этотъ добрый человекъ и сказалъ, что ты вызываешь меня.

— Вотъ табличка. Ты пойдешь съ нею ко мнѣ въ домъ, отыщешь моего отпущенника и отдашь ему табличку. На ней написано, что я уѣхалъ въ Беневентъ. Отъ себя Демасу скажи, что я уѣхалъ сегодня утромъ, такъ какъ получилъ настоящее письмо отъ Петронія.

И онъ повторилъ съ удареніемъ:

— Уѣхалъ въ Беневентъ, понимаешь?

— Уѣхалъ, господни! Утромъ я простился съ тобою у Porta Сарена, а съ минуты твоего отъѣзда мною овладѣла такая тоска, что если твое великодушіе не утолитъ ее, я затоскую до смерти, какъ несчастная жена Зеа съ горя по Итилѣ ³⁾.

Виницій, хотя больной и привыкшій къ логкости грека, не могъ удержаться отъ улыбки. Притомъ, онъ былъ радъ, что Хилонъ налету понимаетъ его слова, и онъ сказалъ:

— Я припшшу, чтобъ отерли твои слезы. Дай мнѣ свѣтильникъ.

Хилонъ, совершенно успокоившійся, всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію камина и взялъ одинъ изъ свѣтильниковъ.

При этомъ движеніи капюшонъ свалился съ его головы и свѣтъ прямо упалъ на его лицо. Сидѣвшій на скамейкѣ Главкъ быстро подошелъ и остановился возлѣ грека.

— Ты не узнаешь меня, Цефасъ?— спросилъ онъ.

²⁾ Sika—кинжалъ, портякъ.

³⁾ Эдопа, жена евискаго царя Зеа, завидуя большому количеству дѣтей Ниобен, рѣшила убить ея старшаго сына, но по ошибкѣ убила своего сына Итла. Зевсъ обратилъ ея въ соловья, непрерывно оплакивающаго свою потерю.

Въ голосѣ его было что-то до такой степени страшное, что всѣ присутствующіе вздрогнули.

Хилонъ поднялъ свѣтильникъ, но почти въ ту же минуту уронилъ его на полъ и простоналъ:

— Не я!... не я!... Сжался!

Главкъ обратился въ сторону ужинающихъ и сказалъ:

— Вотъ человѣкъ, который продалъ и погубилъ меня и мою семью!

Его исторія была извѣстна и всѣмъ христіанамъ, и Виницію, который только потому не догадался, кто таковъ былъ Главкъ, что за постоянными обмороками и болью при перевязкѣ не слыхалъ его имени. Но для Урса эта короткая минута и эти слова Главка были чѣмъ-то вродѣ молніи, прорѣзавшей мракъ. Онъ узналъ Хилона, однимъ свачкомъ очутился возлѣ него, схватилъ его за плечи, и, перегнувъ назадъ, крикнулъ:

— Это онъ подговаривалъ меня убить Главка!

— Сжальтесь!—стоналъ Хилонъ,—я отдамъ вамъ... Господинъ!—закричалъ онъ, обращаясь къ Виницію,—спаси меня! Я довѣрился тебѣ, вступишь за меня... Твое письмо... я отнесу... Господинъ, господинъ!

Но Виницій, который хладнокровнѣе всѣхъ смотрѣлъ на происходящее, во-первыхъ, потому, что всѣ дѣла греха были болѣе или менѣе извѣстны ему, а, во-вторыхъ, потому, что сердце его не знало милосердія, сказалъ:

— Заройте его въ саду. Письмо отнесетъ кто-нибудь другой.

Хилону эти слова показались послѣднимъ приговоромъ. Кости его начали трещать въ страшныхъ рукахъ Урса, на глазахъ отъ боли наворачивались слезы.

— Ради вашего Бога!—взывалъ онъ,—я христіанинъ!... *Rach vobiscum!* Я христіанинъ, а если вы не вѣрите мнѣ, то окрестите меня еще одинъ разъ, два раза, еще десять разъ! Главкъ, это ошибка! Позвольте мнѣ говорить! Отдайте меня въ рабство! Не убивайте меня! Сжальтесь!...

Голосъ его, подавленный болью, слабѣлъ все больше и больше. Изъ-за стола поднялся апостоль Петръ; съ минуту онъ покачивалъ своею бѣлою головой, глаза его были закрыты, но потомъ онъ открылъ ихъ и сказалъ среди тишины:

— Вотъ что сказалъ намъ Избавитель: «Если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, выговори ему, и если покается—прости ему. И если семь разъ въ день согрѣшитъ противъ тебя и семь разъ въ день обратится и скажетъ: каюсь,—прости ему!»

Потомъ наступило еще болѣе глубокое молчаніе.

Главкѣ долго стоялъ съ лицомъ, закрытымъ руками, наконецъ, опустил ихъ и сказалъ:

— Цефасъ, да простить тебѣ Богъ обиду, нанесенную мнѣ, такъ, какъ я во имя Христа прощаю ее тебѣ.

А Урсъ, освободивъ плечи грека, добавилъ:

— Да будетъ Избавитель такъ же милостивъ ко мнѣ, какъ и я прощаю тебѣ.

Хилонъ упалъ на земь и, опершись на руки, поворачивалъ головою, какъ звѣрь, попавшій въ силки, оглядывается вокругъ и ждетъ, съ какой стороны придетъ смерть. Онъ еще не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ и не смѣлъ рассчитывать на прощеніе.

Но сознаніе мало-по-малу возвращалось къ нему, только его посинѣвшія губы еще дрожали отъ страха. Тогда апостолъ сказалъ:

— Иди съ миромъ!

Хилонъ всталъ, но еще не могъ говорить. Невольно онъ приблизился къ постели Виниція, какъ будто ожидая его покровительства. У него еще не было времени сообразить, что Виницій хотя и пользовался его услугами и былъ до нѣкоторой степени его сообщникомъ, собственно и осудилъ его, тогда какъ тѣ, кому онъ наносилъ зло, простили его. Мысль эта должна была послѣ придти ему въ голову. Теперь во взглядѣ его было только изумленіе и недовѣріе. Хотя онъ уже понялъ, что его простили, но, тѣмъ не менѣе, желалъ, какъ можно скорѣе убѣжать отъ этихъ непонятныхъ людей, доброта которыхъ ужасала его почти такъ же, какъ ужаснула бы жестокость. Ему казалось, что останься онъ здѣсь дольше, то снова произойдетъ что-нибудь необыкновенное и, остановившись возлѣ Виниція, онъ проговорилъ прерывающимся голосомъ:

— Давай письмо, господинъ.

Схвативъ табличку, которую подалъ ему Виницій, онъ отвѣсилъ одинъ поклонъ христіанамъ, другой больному и, сторонкой, подвигаясь вдоль стѣны, вышелъ въ двери.

Въ саду его охватила темнота и страхъ снова поднялъ дыбомъ волосы на его головѣ. Онъ былъ увѣренъ, что Урсъ выйдетъ вслѣдъ за нимъ и убьетъ его. Онъ побѣждалъ бы, но ноги не слушались его, а черезъ нѣсколько минутъ онъ и совсѣмъ потерялъ способность обладаніе, потому что Урсъ дѣйствительно предсталъ передъ нимъ.

Хилонъ упалъ лицомъ на земь и пробормоталъ:

— Урбанъ... во имя Христа...

Урсъ отвѣтилъ:

— Не бойся. Апостоль приказалъ мнѣ вывести тебя за ворота, чтобы ты не заблудился въ темпотѣ, а если тебѣ измѣняютъ силы, то проводить до дома.

Хилонъ поднялъ голову.

— Что говоришь ты? Что?... Ты не убьешь меня?

— Нѣтъ, я не убью тебя, а если я сдвинулъ тебя черезъ чуръ сильно и повредилъ тебѣ кости, то прости меня.

— Помоги мнѣ встать, — сказалъ грекъ. — Ты не убьешь меня? да? Проводи меня на улицу, а дальше я пойду одинъ.

Урсъ поднялъ его съ земли, какъ перышко, поставилъ на ноги и проводилъ черезъ темный проходъ на дворъ. Въ корридорѣ Хилонъ опять повторялъ про себя: «Все кончено!» — и только когда они очутились на улицѣ, немного успокоился и сказалъ:

— Дальше я пойду одинъ.

— Да будетъ съ тобою миръ!

— И съ тобою, и съ тобою!... Дай мнѣ вздохнуть!

Послѣ ухода Урса онъ, дѣйствительно, вздохнулъ всею грудью, провелъ рукою по груди, по бедрамъ, какъ бы желая убѣдиться, дѣйствительно ли онъ живъ, и быстро пошелъ впередъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ остановился и сказалъ:

«Однако, отчего они не убили меня?»

И, несмотря на свои бесѣды съ Эврициемъ о христіанскомъ ученіи, несмотря на разговоръ съ Урбаномъ у рѣки, несмотря на все, что онъ видѣлъ въ Остраніи, — Хилонъ не могъ найти отвѣта на этотъ вопросъ.

XXV.

Виницій также не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что произошло сегодня, и въ глубинѣ души былъ удивленъ не меньше Хилона. Вѣдь, и съ нимъ самимъ эти люди обошлись точно также и, вмѣсто того, чтобъ отомстить за нападеніе, заботливо перевязали его раны. Это Виницій отчасти приписывалъ ихъ ученію, въ значительно большей степени вліянію Лигіи, а немного и своему значенію. Но ихъ поступокъ съ Хилономъ положительно превосходилъ его пониманіе о человѣческой способности прощать. И ему также невольно навязывался вопросъ: почему они не убили грека? Вѣдь, они могли бы сдѣлать это безнаказанно. Урсъ закопалъ бы его въ саду или ночью вынесъ бы на Тибръ, который въ то время ночныхъ разбоевъ, производимыхъ самимъ цезаремъ, такъ часто выбрасывалъ на берегъ человѣческія тѣла, что никто даже и не донскавалъ.

ся, откуда они берутся. Притомъ, по мнѣнію Виниція, христіане не только могли, но должны были убить Хилона. Правда, милосердіе не было чуждо міру, въ которому принадлежалъ молодой патрицій. Аѳиняне воздвигли ему даже алтарь и долгое время сопротивлялись противъ введенія въ Аѳинахъ состязаній гладіаторовъ. Бывало, и въ Римѣ побѣжденные получали помилованіе, — напримѣръ, Каликратъ, царь бретонновъ, который былъ взятъ въ плѣнъ при Главдіи. Императоръ потомъ щедро одарилъ его и Каликратъ свободно жилъ въ Римѣ. Но месть за личныя обиды базалась какъ Виницію, такъ и всѣмъ остальнымъ справедливою и законною, а пренебреженіе этою местию было противно его душѣ. Положимъ, въ Остраніи онъ слышалъ, что нужно любить даже враговъ, но считалъ это какою-то теоріей, не имѣющею значенія въ жизни. И сейчасъ еще ему въ голову приходило, что Хилона, можетъ быть, не убили только потому, что теперь былъ праздникъ или луна находилась въ такой фазѣ, когда христіанамъ воспрещается убивать. Онъ слышалъ, что бываетъ такая пора, когда народамъ нельзя даже и войны начинать. Но почему, въ такомъ случаѣ, грека не отдали въ руки правосудія, почему апостолъ говорилъ, что если кто-нибудь семь разъ провинится, то ему нужно простить семь разъ, почему Главкъ сказалъ Хилону: «Да простить тебѣ Богъ, какъ я прощаю тебѣ»? А, вѣдь, Хилонъ оказалъ ему величайшую несправедливость, какую одинъ человекъ можетъ оказать другому. Сердце Виниція при одной мысли, какъ бы онъ поступилъ съ тѣмъ, кто, напримѣръ, убилъ бы Лигію, все взволновалось: не было такихъ мукъ, какими онъ не отмстилъ бы за нее! А Главкъ простилъ! И Урсъ простилъ также, — онъ, который дѣйствительно могъ бы убить кого угодно въ Римѣ, и, притомъ, совершенно безнаказанно, потому что затѣмъ ему нужно было только убить царя Неморенскаго лѣса и занять его мѣсто¹⁾. Развѣ тому, противъ кого не устоялъ Кротонъ, трудно было бы побѣдить отправляющаго должность жреца гладіатора, разъ до этой должности могъ достигнуть всякій, кто только убьетъ предыдущаго «царя»? На всѣ эти вопросы былъ только одинъ отвѣтъ: они не убиваютъ по какой-то добротѣ, настолько великой, что равной ей до сихъ поръ не было на свѣтѣ, по безграничной любви къ людямъ, которая повелѣваетъ забывать о себѣ, о своихъ обидахъ, о своемъ счастьѣ и несчастьѣ и жить для другихъ. Какое вознагражденіе должны были получить

1) Въ Неморенскомъ лѣсу, близъ гор. Аридин, въ 16 мн. отъ Рима, находился храмъ Діаны. Главнымъ жрецомъ (nepotalis rex) былъ сбжавшій рабъ, отправлявшій съ ю должность до тѣхъ поръ, пока его не убьетъ другой рабъ.

эти люди, Виницій слышалъ въ Остраніи, но это не умѣщалось въ его головѣ. За то онъ чувствовалъ, что такая земная жизнь, сопряженная съ обязательствомъ отречься отъ всякаго наслажденія въ пользу другихъ, должна быть скучною и убогою. И вотъ въ томъ, что онъ думалъ о христіанахъ, на ряду съ величайшимъ изумленіемъ было и сожалѣніе, и словно оттѣнокъ презрѣнія. Ему представилось, что христіане, это—овцы, которыхъ раньше или позже съѣдятъ волки, а его римская натура не была способна чувствовать почтеніе къ тѣмъ, которые позволяютъ себя ѣсть. Но въ особенности его разозлила одна вещь, — это именно то, что послѣ ухода Хилона кабая-то глубокая радость засіяла на лицахъ всѣхъ оставшихся. Апостоль приближился къ Главгу, положилъ руку къ нему на голову и сказалъ:

— Христось побѣдилъ въ тебѣ.

Главкъ подыалъ вверху глаза, такіе довѣрчивые, полные такой радости, какъ будто на него излилось какое-то неожиданное счастье. Виницій, который могъ бы понять радость осуществленной мести, смотрѣлъ на него широко раскрытыми глазами, такъ, какъ смотреть на сумасшедшаго. Однако, онъ видѣлъ, и видѣлъ не безъ внутренняго негодованія, какъ потомъ Лигія прижала свои царственные уста къ рукѣ этого человѣка, который по виду походилъ на невольника, и Виницію показалось, что порядокъ всего міра измѣняется. Потомъ пришелъ Урсъ и началъ рассказывать, какъ онъ вывелъ Хилона на улицу и просилъ прощенія за вредъ, который нанесъ его костямъ. Апостоль благословилъ его, а Криспъ заявилъ, что для него этотъ день — день великой побѣды. Услышавъ объ этой побѣдѣ, Виницій совершенно потерялъ нить мыслей.

Но когда Лигія снова подала ему освѣжающій напитокъ, онъ задержалъ ея руку и спросилъ:

— Такъ и ты простила мнѣ?

— Мы—христіане. Намъ нельзя хранить гнѣвъ въ сердцѣ.

— Лигія, —сказалъ тогда Виницій, —кѣмъ бы ни былъ твой Богъ, я принесу ему гекатомбу и только потому, что онъ твой Богъ.

А она отвѣтила:

— Ты принесешь Ему жертву въ своемъ сердцѣ, когда узнаешь Его.

— Только потому, что онъ твой, —слабымъ голосомъ повторилъ Виницій.

И онъ сомкнулъ вѣки, —имъ вновь овладѣла слабость.

Лигія ушла, по скорѣй вернулась, подошла близко къ Виницію и наклонилась надъ нимъ удостовѣриться, спитъ ли онъ. Виницій

почувствовалъ ея близость, и, открывъ глаза, улыбнулся, а она слегка положила руку на его рѣсницы, какъ будто желала усыпить его. Виниція охватило великое блаженство, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ почувствовалъ себя хуже. Такъ и должно было быть. Была уже поздняя ночь, а вмѣстѣ съ нею на Виниція напала горячка. Заснуть онъ не могъ и слѣдилъ за Лигіей взглядомъ, куда бы она ни двинулась. По временамъ онъ впадалъ въ какой-то полусонъ, въ которомъ онъ видѣлъ и слышалъ все, что дѣлалось вокругъ него, но въ которомъ дѣйствительность мѣшалась съ горячечными видѣніями. И ему казалось, что на какомъ-то старомъ, запущенномъ кладбищѣ возвышался храмъ въ формѣ башни, и что Лигія — жрица этого храма. Онъ не спускалъ съ нея глазъ, но видѣлъ ее на вершинѣ башни, съ лютнею въ рукахъ, всю озаренную свѣтомъ, подобную тѣмъ жрицамъ, которыя въ ночное время поютъ гимны въ честь луны и которыхъ онъ видѣлъ на Востоѣ. Самъ Виницій съ великимъ усиліемъ взбирался по винтовой лѣстницѣ, чтобъ похитить Лигію, за нимъ шелъ Хилонъ, который стучалъ зубами отъ страха и повторялъ: «Не дѣлай этого, господинъ, она жрица и Онъ отомститъ за нее». Виницій не зналъ, кто былъ Онъ, но, однако, понималъ, что совершаетъ святотатство, и также чувствовалъ непреодолимый страхъ. Но когда онъ дошелъ до балюстрады, окружающей вершину башни, вдругъ около Лигіи выросъ апостолъ съ серебряною бородой и сказалъ: «Не поднимай на нее руки, ибо она принадлежитъ мнѣ». И, сказавъ это, онъ пошелъ за нею по мѣсячному лучу, какъ бы по дорогѣ, къ небу, а Виницій протянулъ къ нему руки и началъ умолять, чтобъ они взяли его съ собою.

Онъ проснулся, опаматовался и началъ оглядываться вокругъ. Огонь на высокомъ очагѣ горѣлъ уже слабѣе, но давалъ еще много свѣта, христіане сидѣли и грѣлись, — на дворѣ и въ комнатахъ было довольно холодно. Виницій видѣлъ, какъ дыханіе въ видѣ пара выходило изъ ихъ рта. Въ серединѣ сидѣлъ апостолъ, у его волѣнъ, на низенькой скамейкѣ, Лигія, дальше Главкъ, Криспъ, Миріамъ, а по краямъ съ одной стороны Урсъ, съ другой Назарій, сынъ Миріамъ, молодой мальчикъ съ красивымъ лицомъ и длинными черными волосами, которые спадали ему на плечи.

Лигія слушала съ глазами, поднятыми къ апостолу, и всѣ головы были обращены къ нему, а онъ говорилъ что-то въ полголоса. Виницій началъ смотрѣть на него съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ, чуть-чуть не меньшимъ того, который испытывалъ въ горячечныхъ видѣніяхъ. Ему пришло въ голову, что въ горячкѣ ему чудится правда и что этотъ мастистый пришелецъ съ далекихъ

береговъ дѣйствительно отнимаетъ у него Лигію и ведетъ ее по какой-то незнакомой дорогѣ. Онъ былъ увѣренъ, что старецъ говоритъ о немъ, можетъ быть, совѣтуетъ, какъ разлучить съ нимъ Лигію. Виницію казалось вещь совершенно неправдоподобной, чтобы кто-нибудь могъ говорить о чемъ-нибудь другомъ, и, собравши всѣ свои силы, онъ началъ вслушиваться въ слова Петра. Но онъ ошибался совершенно. Апостолъ опять говорилъ о Христѣ.

«Они только Его именемъ и живутъ!» — подумалъ Виницій.

А старецъ рассказывалъ, какъ взяли Христа. Пришли солдаты и слуги священниковъ, чтобы взять Его. Когда Избавитель спросилъ, кого они ищутъ, они отвѣтили: «Исуса Назорея!» Исусъ говоритъ имъ: «Это Я!» Они пали на землю и не смѣли поднять на Него руки и только послѣ вторичнаго вопроса взяли Его.

Тутъ апостолъ замолкъ на минуту, потомъ протянулъ руку къ огню и сказалъ:

— Ночь была холодна, какъ теперь, но во мнѣ закипѣло сердце, я извлекъ мечъ, чтобы защищать Его, и отсѣкъ ухо раба первосвященника. И я защищалъ бы Его болѣе своей жизни, еслибъ Онъ не сказалъ мнѣ: «Вложи мечъ въ ножны. Неужели Мнѣ не пить чаши, которую далъ Мнѣ Отецъ?» Тогда войны взяли и связали Его.

Онъ приложилъ руки ко лбу и замолкъ, желая, передъ дальнѣйшимъ рассказомъ, справиться съ силою воспоминаній, но Урсъ не могъ выдержать, вскочилъ, поправилъ огонь такъ, что искры посыпались золотистымъ дождемъ, и воскликнулъ:

— Ну, будь что угодно, я бы...

Но онъ вдругъ оборвался, когда Лигія приложила палецъ къ губамъ. Было только видно, что онъ возмущается до глубины души, и хотя готовъ цѣловать ноги апостола, но не можетъ одобрить одного его поступка. Вотъ, если бы, скажемъ, при немъ, при Урсѣ, кто-нибудь поднялъ руку на Спасителя, и еслибъ онъ былъ съ Нимъ въ ту ночь, — ой, и полетѣли бы щепки отъ солдатъ и отъ слугъ первосвященника и отъ всей его челяди! У Урса даже глаза наполнились слезами при одной мысли о томъ, — и отъ горя, и отъ душевнаго разлада. Съ одной стороны, онъ не только самъ защищалъ бы Спасителя, но еще призвалъ бы на помощь лигійцевъ, молодцовъ къ молодцу, а съ другой — оказалъ бы Ему неповиновеніе и послалъ бы искупленію міра.

Поэтому-то Урсъ и не могъ удержать слезъ.

Петръ, отнявъ руку ото лба, повелъ свой рассказъ дальше, и Виниція снова охватилъ горячечный полусонъ. То, что онъ слышалъ теперь, смѣшалось съ тѣмъ, что апостолъ рассказывалъ

прошлою ночью въ Остраніи, какъ Христось появился на берегу Ти-веріадскаго озера. Виницій видѣлъ широко разлившуюся гладь, на ней рыбацью ладью, а въ ладѣ Петра и Лигію. Самъ Виницій изо всѣхъ силъ плылъ за ними, но боль въ сломанной рукѣ мѣшала ему достигнуть до нихъ. Потомъ буря начала бросать волны ему въ глаза и онъ началъ тонуть, умоляющимъ крикомъ призывая къ себѣ на спасеніе. Тогда Лигія упала на колѣни передъ апостоломъ, тотъ повернулъ лодку и протянулъ весло. Виницій схватился за него, при помощи апостола и Лигіи вскарабкался въ лодку и упалъ на ея дно.

Потомъ ему представилось, что, приподнявшись, онъ увидалъ множество людей, плывущихъ за лодкой. Волны своею пѣной покрывали ихъ головы; у другихъ изъ омута видѣлись только однѣ руки, но Петръ то и дѣло спасалъ утопающихъ и забиралъ ихъ въ лодку, которая словно по какому-то чуду все расширялась и расширялась. Вскорѣ ее наполняла цѣлая толпа, такая же, какая вчера собралась въ Остраніи, а потомъ и еще больше. Виницій удивлялся, какъ столько народу могло помѣщаться въ одной лодкѣ, и его взялъ страхъ, что она пойдетъ на дно, но Лигія начала успокаивать его и указала на какой-то свѣтъ, мелькавшій на далекомъ берегу, къ которому они плыли. Здѣсь бредъ Виниція снова смѣшался съ тѣмъ, что онъ слышалъ въ Остраніи изъ устъ апостола, какъ Христось появился надъ озеромъ. Теперь въ этомъ надбрежномъ огнѣ видѣлась какая-то фигура, къ которой Петръ направлялъ свой руль. И по мѣрѣ того, какъ они приближались къ ней, буря утихла, поверхность воды сглаживалась, а свѣтъ усиливался. Толпа начала пѣть сладкій гимнъ, воздухъ наполнился запахомъ нарда, вода заискрилась радугой, какъ будто со дна озера просвѣчивали алмазы и розы, и, наконецъ, лодка мягко ударила грудью о песокъ. Тогда Лигія взяла его за руку и сказала: «Пойдемъ, я поведу тебя!» И она повела его къ свѣту.

Виницій снова очнулся, но видѣнія его исчезали медленно и онъ не сразу могъ окунуться въ дѣйствительность. Нѣсколько минутъ ему казалось, что онъ все еще стоитъ надъ озеромъ, что его окружаетъ толпа, среди которой онъ, самъ не зная, для чего, началъ искать Петронію и удивлялся, что не находитъ его. Яркій огонь печки, — возлѣ нея уже никого не было, — совершенно отрезывалъ его. Оливковыя дрова дѣлively горѣли подъ розовымъ пепломъ, за тѣмъ полѣнья пиніи, вѣроятно, недавно подброшенные на уголья,

заялись веселымъ огонькомъ и при блескѣ его Виницій увидалъ Лигію. Она сидѣла недалеко отъ его постели.

Видъ Лигіи взволновалъ его до глубины души. Онъ помнилъ, что прошлую ночь она провела въ Остраніи, цѣлый день ухаживала за нимъ, а теперь, когда всѣ удалились на покой, она одна бодрствовала у его ложа. Легко было догадаться, что она утомлена, — она сидѣла неподвижно, съ закрытыми глазами. Виницій не зналъ, спитъ ли она, или погрузилась въ свои думы. Онъ смотрѣлъ на ея профиль, на опущенныя рѣсницы, на руки, сложенныя на колѣняхъ, и въ его языческой головѣ съ трудомъ начало возрождаться понятіе, что на ряду съ нагою, самоувѣренною и гордою своими формами красотой римской и греческой на свѣтѣ существуетъ какая-то другая, новая, удивительно чистая, и что въ этой-то красотѣ и живетъ душа.

Онъ не могъ рѣшиться на то, чтобы назвать ее христіанской, но, думая о Лигіи, не могъ ее отдѣлать отъ ея ученія. Онъ понималъ даже, что если всѣ другіе отправились спать, а Лигія одна, — она, которой онъ принесъ столько вреда, — сидитъ надъ нимъ, то собственно потому, что такъ повелѣваетъ это ученіе. Но подобная мысль, внушавшая ему удивленіе къ этому ученію, была, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ненавистна для него. Онъ предпочиталъ бы, чтобы Лигія дѣлала такъ изъ любви къ нему, ради его лица, глазъ, пластическихъ формъ, — однимъ словомъ, ради того, почему вокругъ его шеи не разъ обвивались бѣлоснѣжныя руки гречанокъ и римлянокъ. Но вдругъ онъ почувствовалъ, что еслибъ она была такою, какъ другія женщины, то ему чего-то недоставало бы въ ней. Онъ удивился и самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлается, хотя и замѣтилъ, что и въ немъ начинаютъ пробуждаться какія-то новыя чувства и новыя вкусы, чуждые міру, въ которомъ онъ жилъ до сихъ поръ.

Лигія раскрыла глаза и, видя, что Виницій смотритъ на нее, приблизилась къ нему и сказала:

— Я возлѣ тебя.

А онъ отвѣтилъ:

— Во снѣ я видѣлъ твою душу.

XXVI.

На другой день Виницій проснулся слабымъ, но безъ жара въ головѣ и безъ лихорадки. Ему показалось, что его пробудилъ звѣтъ голосовъ, но когда онъ открылъ глаза, Лигіи не было при немъ, — только Урсъ, наклонившись къ камину, разгребалъ сѣрую золу и

искалъ подъ нею жаръ. Наконецъ, онъ нашелъ неугасшій уголь и началъ раздувать его такъ, какъ будто дѣлалъ это не губами, а кузнечными мѣхами. Виницій, припомнивъ, что этотъ человѣкъ вчера придавилъ Бротона, осматривалъ съ интересомъ любителя арены, его гигантскую спину, похожую на спину циклопа, на руки и ноги, напоминающія колонны.

«Слава Меркурію, что онъ не свернулъ мнѣ шеи! — подумалъ про себя Виницій. — Блянусь Поллуксомъ! если и другіе лигійцы похожи на него, дунайскимъ легионамъ можетъ представиться не легкая работа!»

А вслухъ онъ сказалъ:

— Эй, невольникъ!

Урсъ вытащилъ голову изъ камина и, улыбнувшись чуть не дружески, отвѣтилъ:

— Дай Богъ тебѣ, господинъ, добрый день и добраго здоровья, но я человѣкъ свободный, а не невольникъ.

Виницію, который хотѣлъ разспросить Урса объ отечествѣ Лигіи, слова эти доставили удовольствіе. Разговоръ съ человѣкомъ свободнымъ, хотя бы и простымъ, меньше оскорблялъ его римское и патриціанское достоинство, чѣмъ разговоръ съ невольникомъ, котораго ни законъ, ни обычай не признавали за человѣческое существо.

— Такъ ты не Авла?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, господинъ. Я служу Каллинь, какъ служилъ и ея матери, но по доброй волѣ.

Тутъ онъ снова всунулъ голову въ каминъ, раздулъ угли, на которые раньше набросалъ дровъ, и освободился опять.

— У насъ нѣтъ невольниковъ,—сказалъ онъ.

Виницій спросилъ:

— А Лигія гдѣ?

— Только что ушла, а я долженъ приготовить тебѣ завтракъ.

Она сидѣла возлѣ тебя всю ночь.

— Отчего же ты не смѣнилъ ее?

— Она такъ хотѣла, а мое дѣло слушаться ее.

Тутъ брови его нахмурились и онъ прибавилъ черезъ минуту:

— Еслибъ я не слушалъ ее, ты бы, господинъ, не жилъ.

— Развѣ ты жалѣешь, что не убилъ меня?

— Нѣтъ. Христосъ не велѣлъ убивать.

— А Атацинъ, а Бротонъ?

— Я не могъ иначе,—пробормоталъ Урсъ.

И онъ съ жалостью посмотрѣлъ на свои руки. Очевидно, онъ

остались языческими, несмотря на то, что душа приняла святое крещеніе. Потомъ онъ поставилъ горшокъ въ каминъ и вперилъ задумчивые глаза въ огонь.

— Это твоя вина, господинъ, — наконецъ, сказалъ онъ, — зачѣмъ ты поднималъ руку на нее, на царскую дочь?

Въ первую минуту въ Винниціи вспыхнула гордость, что этотъ варваръ осмѣливается не только такъ фамиллярно говорить съ нимъ, но еще и упрекать его. Къ удивительнымъ и неправдоподобнымъ вещамъ, съ которыми онъ сталкивался ночью третьяго дня, прибавилась еще одна. Но онъ былъ слабъ, невольниковъ у него подъ рукою не было и онъ сдержался. Кромѣ того, ему хотѣлось узнать какія-нибудь подробности изъ жизни Лигіи.

И, успокоившись, онъ началъ разспрашивать о войнѣ лигійцевъ съ Ванніемъ и свевами.

Урсъ отвѣчалъ охотно, но не могъ прибавить многого къ тому, что Винницію когда-то сообщилъ Авль Плавтій. Урсъ не былъ въ битвѣ, — онъ сопровождалъ заложницъ до лагеря Ателія Гистера. Онъ зналъ только одно, что лигійцы побили свевовъ и язиговъ, но вождь и царь ихъ погибли отъ вражеской стрѣлы. Вслѣдъ за этими лигійцы получили извѣстіе, что семноны зажгли дѣсь на ихъ границѣ, и наскоро возвратились назадъ, чтобъ отмстить за эту обиду, а заложницы остались у Ателія, который въ первое время приказалъ воздавать имъ царскія почести. Потомъ мать Лигіи умерла. Римскій вождь не зналъ, что дѣлать съ ребенкомъ. Урсъ хотѣлъ возвратиться съ нимъ домой, но дорога была трудная, — повсюду блуждали звѣри и дикія племена. Потомъ онъ узналъ, что къ Помпонію явилось какое-то лигійское посольство и обѣщаетъ ему помощь противъ маркомановъ. Гистеръ отослалъ Урса и Лигію къ Помпонію. Оказалось, что пословъ никакихъ не было, — Урсъ и Лигія остались въ лагерѣ, откуда Помпоній привезъ ихъ въ Римъ, а послѣ триумфа отдалъ царскую дочь Помпоніи Грецинѣ.

Винницію въ этомъ разказѣ не были извѣстны только мелкія подробности, но онъ слушалъ его съ удовольствіемъ. Его родовой гордости льстило то, что достовѣрный свидѣтель подтверждалъ царское происхожденіе Лигіи. Какъ царская дочь, она при дворѣ цезаря могла занять положеніе, равное положенію дочерей самыхъ знатныхъ родовъ, тѣмъ болѣе, что народъ, предводителемъ котораго былъ ея отецъ, до сихъ поръ никогда не воевалъ съ Римомъ и могъ оказаться довольно опаснымъ, потому что, по свидѣтельству самого Ателія Гистера, обладалъ «неисчислимою силой» воиновъ.

Наконецъ, и Урсъ вполнѣ подтвердилъ это свидѣтельство, потому что на вопросъ Виниція отвѣтилъ:

— Мы сидимъ въ лѣсахъ, но земли у насъ столько, что никто не знаетъ, гдѣ конецъ лѣсу, и народу въ немъ много. Въ лѣсу стоятъ и города, очень богатые: что семноны, маркоманы, вандалы и квады ни награть, мы все отнимемъ, а они не смѣютъ идти на насъ, только поджигаютъ наши лѣса, когда вѣтеръ дуетъ съ ихъ стороны. И мы не боимся ни ихъ, ни римскаго цезаря.

— Боги дали Риму владычество надъ землей, — сурово сказалъ Виницій.

— Боги, это—злые духи, — просто отвѣтилъ Урсъ, — а гдѣ нѣтъ Рима, тамъ нѣтъ и его владычества.

Онъ поправилъ огонь и продолжалъ какъ бы про себя:

— Когда цезарь взялъ Каллину къ себѣ во дворецъ, а я думалъ, что ее могутъ обидѣть тамъ, то хотѣлъ идти въ лѣса и призвать лигійцевъ на помощь царевнѣ. И лигійцы двинулись бы къ Дунаю, потому что они народъ хорошій, хотя и язычники. Я принесъ бы имъ и «добрую вѣсть»... Да, впрочемъ, и такъ когда-нибудь, когда Каллина возвратится къ Помпоніи, я поклонюсь ей, чтобъ она позволила мнѣ идти къ лигійцамъ, — Христосъ жилъ далеко отъ нихъ и они даже не слыхали о Немъ... Онъ зналъ лучше, гдѣ Ему нужно было родиться, но еслибъ Онъ увидалъ свѣтъ у насъ, въ лѣсу, то, навѣрное, мы не замучили бы Его, но ухаживали бы за Младенцемъ и заботились бы, чтобъ у Него не было недостатка ни въ дичинѣ, ни въ грибахъ, ни въ шкурахъ бобровыхъ, ни въ янтарѣ. И чтѣ бы мы ни отбили у свевовъ или маркомановъ, — все бы отдали Ему, чтобъ Онъ жилъ въ роскоши и удобствѣ.

Онъ приставилъ къ огню похлебку, приготовленную для Виниція, и замолчалъ. Было видно, что его мысль блуждала по лигійскимъ лѣсамъ, и только когда похлебка закипѣла, онъ вылилъ ее въ плоскую миску, остудилъ и сказалъ:

— Господинъ, Главкъ совѣтуетъ, чтобы ты какъ можно меньше двигалъ даже своею здоровою рукой и потому Каллина приказала мнѣ кормить тебя.

Лигія приказала! Противъ этого невозможно было спорить. Виницію даже въ голову не приходило противиться ей волѣ, какъ бы то она была дочерью цезаря или богиней. Онъ не обмолвился ни словомъ, а Урсъ, усѣвшись возлѣ его ложа, началъ черпать по лѣбку маленькою чаркой и подносить къ его губамъ. Дѣлалъ онъ этъ такъ заботливо, съ такимъ добрымъ выраженіемъ своихъ голубыхъ глазъ, что Виницій не вѣрилъ, чтобъ это былъ тотъ самый

страшный титанъ, который вчера задавилъ Кротона, свалился на него, Виниція, какъ буря, и сломилъ бы его, если бы на помощь ему не пришло великодушіе Лигіи. Молодой патрицій въ первый разъ въ жизни задумался надъ тѣмъ, что можетъ твориться въ душѣ человѣка простого, слуги и варвара.

Урсъ оказался нянькой настолько же заботливой, насколько и неловкой. Чарка совершенно исчезала въ его геркулесовскихъ пальцахъ, такъ что для губъ Виниція не оставалось мѣста. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, гигантъ сильно опечалился и сказалъ:

— Эхъ! Легче зубра изъ осои вытащить!

Виниція размѣшило смущеніе лигійца, но, тѣмъ не менѣе, заинтересовало его замѣчаніе. Онъ видѣлъ въ циркахъ страшныхъ зубровъ, которыхъ приводили изъ сѣверныхъ странъ и которые лишь однимъ слонамъ уступали по величинѣ и силѣ. Самые опытные «бестіаріи»¹⁾ со страхомъ боролись съ ними.

— Развѣ ты пробовалъ брать такихъ звѣрей за рога? — съ изумленіемъ спросилъ онъ.

— Пока мнѣ не минуло двадцати зимъ, то я боялся, — отвѣтилъ Урсъ, — а потомъ бывало.

И онъ снова принялся кормить Виниція еще болѣе неуклюже, чѣмъ прежде.

— Я долженъ буду попросить Миріамъ или Назарія, — сказалъ онъ, наконецъ.

Изъ-за занавѣски появилось блѣдное личико Лигіи.

— Я помогу тебѣ, — проговорила она и вышла изъ кубикала.

По всей вѣроятности, она собиралась ложиться спать, потому что волосы ея были распущены, а одежда состояла только изъ одной узкой туники, такъ называемой «саритіумъ». Сердце Виниція живѣе забилось при ея видѣ, онъ началъ выговаривать ей, что она до сихъ поръ не подумала о снѣ, но Лигія весело отвѣтила:

— Я и хотѣла было ложиться, но пока замѣню Урса.

И, взявъ чарку, она сѣла на край ложа и начала кормить Виниція, который чувствовалъ себя, въ одно и то же время, и усмирненнымъ, и счастливымъ. Когда она наклонялась къ нему, на него вѣяло теплотою ея тѣла, ея распущенные волосы падали на его грудь и онъ блѣднѣлъ отъ волненія, но, несмотря на всю силу объявшею его страсти, чувствовалъ, что это самое дорогое для него существо, въ сравненіи съ которымъ весь міръ ничего не стоитъ.

¹⁾ Bestiarii назывались тѣ, которые въ циркахъ вступали въ состязаніе со звѣрами.

Прежде онъ желалъ обладать ею, теперь начиналъ любить всею душой. Когда-то, и въ жизни, и въ чувствѣ, онъ, какъ и всѣ современные ему люди, былъ слѣпымъ, безсознательнымъ эгоистомъ, котораго интересовала только собственная личность, а въ настоящую минуту начала интересоваться и Лигія.

Черезъ минуту онъ отказался ѣсть, и хотя ея присутствіе доставляло ему необычайное наслажденіе, сказалъ:

— Довольно, пойди отдохнуть, божественная моя!

— Не называй меня такъ, — отвѣтила она, — мнѣ не годится слушать это.

Однако, она улыбулась ему и сказала, что спать ей не хочется, утомленія она не чувствуетъ и спать не пойдетъ раньше, чѣмъ придетъ Главкъ. Виницій прислушивался къ ея словамъ, какъ къ музыкѣ, и сердце его волновалось все больше, наполнялось все большимъ восторгомъ, все большею благодарностью, а мысль напрягалась, какъ бы выразить эту благодарность.

— Лигія, — сказалъ онъ послѣ минуты молчанія, — я не зналъ тебя раньше, но теперь понимаю, что хотѣлъ достигнуть тебя неправильнымъ путемъ, и потому говорю тебѣ: возвратись къ Помпоніи Грециніѣ и будь увѣрена, что отнынѣ никто не подниметъ на тебя руку.

Лицо Лигіи сразу омрачилось.

— Я была бы счастлива, если бы могла хоть издали видѣть ее, но возвратиться къ ней уже не могу, — отвѣтила она.

— Почему? — съ удивленіемъ спросилъ Виницій.

— Мы, христіане, чрезъ Агтею знаемъ, что дѣлается на Палатинѣ. Развѣ ты не слышалъ, что цезарь послѣ моего бѣгства и передъ своимъ выѣздомъ въ Неаполь призывалъ Авла и Помпонію и, думая, что они помогали мнѣ, угрожалъ имъ своимъ гнѣвомъ? Въ счастью, Авлъ могъ отвѣтить ему: «Ты знаешь, господинъ, что ложь никогда не оскверняла мои уста, и вотъ, я клянусь тебѣ, что мы не помогали ея бѣгству и такъ же, какъ и ты, не знаемъ, что случилось съ ней». Цезарь повѣрилъ, а потомъ забылъ обо мнѣ, а я, по совѣту старшинъ, ни разу не писала матери, гдѣ я живу, чтобъ она смѣла могла сказать, что ничего не знаетъ обо мнѣ. Ты, Виницій, можетъ быть, не поймешь этого, но намъ нельзя лгать, хотя бы дѣло шло о нашей жизни. Наше ученіе таково и къ нему мы хотимъ приспособить наши сердца. Я не видала Помпоніи съ той минуты, какъ покинула ея домъ, а до нея лишь отъ времени до времени долетало смутное эхо, что я жива и нахожусь въ безопасно-сти.

Горе прервало ея слова, глаза наполнились слезами, но вскорѣ она успокоилась и прибавила:

— Я знаю, что и Помпонія тоскуетъ по мнѣ, но у насъ есть радости, какихъ нѣтъ у другихъ.

— Да, — отвѣтилъ Виницій, — ваше утѣшеніе—Христосъ, но я не понимаю этого.

— Посмотри на насъ: для насъ нѣтъ разлуги, нѣтъ горя и страданій, а если они придутъ, то преобразуются въ радость. И даже самая смерть, — для васъ она конецъ жизни, а для насъ только начало, обмѣнъ ничтожнаго счастья на великое, меньшаго спокойствія на большее и вѣчное. Пойми, каково должно быть ученіе, которое повелѣваетъ намъ быть добрыми даже къ нашимъ врагамъ, запрещаетъ ложь, очищаетъ нашу душу отъ злобы и обѣщаетъ послѣ смерти несказанное счастье.

— Я слышалъ это въ Остраніи и видѣлъ, какъ вы поступили со мной и съ Хилономъ, а когда думаю объ этомъ, то до сихъ поръ мнѣ кажется, что это сонъ и что я не долженъ вѣрить ни своимъ глазамъ, ни ушамъ. Но ты отвѣть мнѣ на другой вопросъ: счастлива ли ты?

— Да, — сказала Лигія. — Я вѣрю въ Христа и не могу быть несчастна.

Виницій посмотрѣлъ на нее, какъ будто то, что говорила она, совершенно превосходило мѣру человѣческаго разумѣнія.

— И ты не хотѣла бы возвратиться къ Помпоніи?

— Хотѣла бы всею душой, и возвращусь, если такова будетъ воля Божія.

— Тогда я говорю тебѣ: возвращайся, и я повлечусь тебѣ своими ларами, что не подниму на тебя руки.

Лигія задумалась на минуту, потомъ отвѣтила:

— Нѣтъ. Я не могу своихъ ближнихъ подвергать опасности. Цезарь не любитъ родъ Плавтіевъ. Еслибъ я возвратилась, — ты знаешь, какъ при помощи невольниковъ разносится всякая новость по Риму, — тогда и мое возвращеніе стало бы извѣстно и Неронъ несомнѣнно узналъ бы объ этомъ отъ своихъ невольниковъ. Тогда онъ покаралъ бы Авла или, самое меньшее, вновь взялъ бы меня къ себѣ.

— Да, — сказалъ Виницій и сморщилъ брови, — это могло бы быть. Онъ сдѣлалъ бы это, хотя бы для того, чтобъ удовлетворить свою волю. Правда, что онъ только забылъ о тебѣ или не хотѣлъ думать, — вѣдь, не ему, а мнѣ была сдѣлана непріятность. Но, можетъ быть... когда онъ отниметъ тебя у Авла, то отдастъ мнѣ, а я возвращу тебя Помпоніи.

Лигія съ грустью спросила его:

— Виницій, ты хотѣлъ бы еще разъ видѣть меня на Палатинѣ?

Онъ стиснулъ зубы и отвѣтилъ:

— Нѣтъ! Ты права. Я говорилъ, какъ глупецъ. Нѣтъ!

И вдругъ онъ увидалъ передъ собою какую-то бездонную пропасть. Онъ былъ патрицій, военный трибунъ, человекъ могущественный, но надъ всѣми силами міра, къ которому онъ принадлежалъ, стоялъ безумецъ, ни воли, ни злобы котораго никто предвидѣть не могъ. Не считаться съ ними, не бояться его могли развѣ такіе люди, какъ христіане, для которыхъ весь этотъ міръ, — разлука, мученія, даже самая смерть, — были ничѣмъ. Всѣ другіе должны были дрожать передъ цезаремъ. Гроза времени, въ которомъ жилъ Виницій, представилась передъ нимъ во всемъ своемъ чудовищномъ объемѣ. Онъ не могъ отдать Лигію Авлу изъ опасенія, чтобы чудовище не вспомнило о ней и не обратило на нее своего гнѣва. По этому же самому соображенію, еслибъ онъ теперь взялъ ее себѣ въ жены, то могъ бы подвергнуть опасности ее, себя, Авла и Помпонію. Одной минуты дурнаго расположенія духа цезаря было достаточно, чтобы погубить всѣхъ ихъ. Виницій въ первый разъ въ жизни почувствовалъ, что или міръ долженъ измѣниться и переродиться, или жизнь сдѣлается совершенно невозможною. Точно также онъ понялъ то, что недавно было неясно для него, — что въ такія времена только одни христіане могли быть счастливыми.

Но, прежде всего, его охватило горе, — онъ понялъ и то, что самъ такъ страшно спуталъ жизнь и свою, и Лигіи, и что изъ этой путаницы почти не было выхода. И подъ влияніемъ этого горя онъ заговорилъ:

— Знаешь ли ты, что ты счастливѣе меня? У тебя въ нищетѣ, въ этой бѣдной комнатѣ, среди грубыхъ людей, есть своя религія, свой Христосъ, а у меня ничего нѣтъ, кромѣ самого себя, и когда ты исчезла отъ меня, я сталъ нищимъ, у котораго нѣтъ ни кровли надъ головой, ни куска хлѣба. Ты мнѣ дороже всего свѣта. Я разыскивалъ тебя, потому что не могъ жить безъ тебя. Я не хотѣлъ ни пиршества, ни сна. Еслибъ не надежда, что я найду тебя, я бросился бы на мечъ, но я страшусь смерти, потому что не могъ бы смотрѣть на тебя. Я говорю тебѣ истинную правду, что не сумѣю жить безъ тебя и до сихъ поръ жилъ надеждой, что найду и увижу тебя. Помнишь ли ты наши бесѣды въ домѣ Авла? Однажды ты начертила на пескѣ рыбу, а я не понялъ, что это значить. Помнишь, какъ мы играли въ мячъ? Я и тогда любилъ тебя больше

жизни, да и ты начала догадываться, что я люблю тебя... Пришелъ Авлъ, началъ стращать насъ Либитиной и прервалъ нашъ разговоръ. Помпонія на прощанье сказала Петронію, что Богъ единъ, всемогущъ и милосердъ, но намъ и въ голову не пришло, что вашъ Богъ—Христосъ. Пусть Онъ отдастъ тебя мнѣ и я полюблю Его, хотя Онъ представляется мнѣ богомъ невольниковъ, чужеземцевъ и нищихъ. Ты сидишь возлѣ меня и думаешь только о Немъ одномъ. Думай и обо мнѣ, иначе я возненавижу Его. Для меня ты—единственное божество. Благословенны твои отецъ и мать, благословенна земля, которая породила тебя. Я хотѣлъ бы обнять твои ноги и молиться тебѣ, тебѣ воздавать почести, тебѣ приносить жертвы, тебѣ дѣлать поклоны, ты, трижды божественная! Ты не знаешь, ты не можешь знать, какъ я люблю тебя!

Онъ провелъ рукою по поблѣднѣвшему лбу и сомкнулъ глаза. Его натура не знала преградъ какъ въ гнѣвѣ, такъ и въ любви. Онъ говорилъ восторженно, какъ человѣкъ, который пересталъ владѣть собою и не хочетъ знать никакой мѣры ни своимъ словамъ, ни своей любви, но говорилъ изъ глубины души и искренно. Было видно, что боль, восторгъ, страсть и обожаніе, накопившіеся въ его груди, наконецъ, хлынули неудержимымъ потокомъ словъ. Лигія его рѣчь показала божествомъ, но, однако, и ея сердце начало биться, какъ будто хотѣло разорвать стѣсняющую ея грудь туннику. Она не могла противиться сожалѣнію къ нему и состраданію къ его мученіямъ. Ее взволновала почтительность, съ которой онъ говорилъ съ ней. Она чувствовала, что ее любятъ и боготворять безгранично, чувствовала, что этотъ непреклонный и небезопасный человѣкъ теперь принадлежитъ ей душою и тѣломъ, какъ невольникъ, и это сознаніе его покорности и своей силы наполняло ее счастьемъ. Воспоминанія ожили въ ней въ одну минуту. Для нея онъ вновь сталъ такимъ же прекраснымъ и чуднымъ, какъ языческій богъ. Виницій, который въ домѣ Авла говорилъ ей о любви и пробуждалъ отъ сна ея, тогда еще полудѣтское сердце, онъ, поцѣлуи котораго она еще и теперь чувствовала на своихъ устахъ и изъ объятій котораго, словно изъ пламени, ее вырвалъ Урсъ,—теперь, со своимъ восторгомъ, съ болѣзненнымъ выраженіемъ своего орлинаго лица, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и умоляющимъ выраженіемъ глазъ, раненый, изломанный страстью, любящій, боготворящій и покорный,—онъ показался ей такимъ, какимъ она хотѣла видѣть его тогда и какого полюбила бы всею душою,—болѣе дорогимъ, чѣмъ когда бы то ни было.

И Лигія вдругъ поняла, что можетъ придти минута, когда ея

любовь охватить и понесетъ ее, какъ вихрь, и, почувствовавъ это, испытала то же впечатлѣніе, какое за минуту испытывалъ и онъ, — что будто она стоитъ на краю бездны. Такъ для этого она покинула домъ Авла? для этого спасалась бѣгствомъ? для этого столько времени пряталась въ убогой части города? Кто такой Виницій? Августинианъ, солдатъ и придворный Нерона! Вѣдь, онъ принималъ же участіе въ его развратѣ и безумствахъ, какъ свидѣтельствовавъ пирь, котораго Лигія не могла забыть; вѣдь, онъ, вмѣстѣ съ прочими, ходилъ въ храмы и приносилъ жертвы сквернымъ богамъ. Можетъ быть, онъ и не вѣрилъ въ нихъ, но, все-таки, отдавалъ имъ установленную честь. Вѣдь, это онъ преслѣдовалъ ее, чтобъ обратить ее въ свою рабу и любовницу, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, ввергнуть въ страшный міръ роскоши, наслажденій, преступленія и пороковъ, взывающихъ къ Богу объ отмщеніи? Правда, онъ казался измѣнившимся, но, вѣдь, онъ самъ только что сказалъ ей, что если она будетъ думать о Христѣ больше, чѣмъ о немъ, то онъ готовъ возненавидѣть Христа. Лигіи показалось, что одна мысль о какой-нибудь другой любви, кромѣ любви къ Христу, — уже прегрѣшеніе передъ Нимъ и передъ Его ученіемъ, и когда замѣтила, что на днѣ ея души могутъ пробудиться другія чувства и стремленія, ее охватила тревога за свое сердце и свою будущность.

Въ эту минуту душевнаго разлада Лигіи появился Главкъ, который пришелъ навѣстить больного и освѣдомиться объ его здоровьѣ. На лицѣ Виниція въ одно мгновеніе выразились гнѣвъ и неудовольствіе. Онъ сердился, что прервали его разговоръ съ Лигіей, и когда Главкъ началъ задавать ему вопросы, отвѣчалъ чуть не съ презрѣніемъ. Положимъ, скоро онъ опомнился, но если Лигія имѣла кагія-нибудь заблужденія, что вечеръ, проведенный въ Остраніи, могъ произвести какое-нибудь вліяніе на неукротимую натуру Виниція, то эти заблужденія должны были разсѣяться. Онъ переѣхалъ только по отношенію къ ней, но, помимо этого чувства, въ его груди осталось прежнее суровое и себялюбивое, настоящее римское волчье сердце, неспособное не только понимать ероткое христіанское ученіе, но даже и простую благодарность.

Она ушла, полная смущенія и безпокойства. Прежде въ молитвѣ она повергала передъ Христомъ сердце спокойное и чистое, какъ слеза, а теперь это спокойствіе было нарушено. Въ чашечку лѣвѣе заползло ядовитое насѣкомое и начало жужжать въ ней. Даже сонъ, несмотря на двѣ бессонныя ночи, не принесъ ей успокоенія. Снилось ей, что въ Остраніи Неронъ, во главѣ свиты авгу-

стиніанъ, вакханогъ, корибантовъ и гладіаторовъ, давить колесницей, украшенной розами, толпы христіанъ, а Виницій схватываетъ ее въ объятія, втаскиваетъ на квадригу и, прижимая къ сердцу, шепчетъ: «Пойдемъ съ нами!»

XXVII.

Съ этой минуты Лигія рѣже показывалась въ общей комнатѣ и рѣже приближалась къ ложу Виниція, но, тѣмъ не менѣе, спокойствіе ея не возвращалось. Она видѣла, что Виницій слѣдитъ за нею умоляющими глазами, какъ милости, ожидаетъ каждаго ея слова, страдаетъ и не смѣетъ жаловаться, чтобы не оттолкнуть ее отъ себя, что она одна—его здоровье и радость, и тогда сердце Лигіи наполнялось жалостью къ нему. Вскорѣ она замѣтила, что чѣмъ болѣе старается избѣгать его, тѣмъ жалость ея увеличивается, и въ силу этого ея чувство къ нему становится болѣе трогательнымъ. Спокойствіе покинуло ее. По временамъ она говорила себѣ, что, собственно говоря, она постоянно должна быть возлѣ Виниція, во-первыхъ, потому, что божественное ученіе повелѣваетъ платить добромъ за зло, а, во-вторыхъ, что, разговаривая съ нимъ, она могла бы привлечь его къ этому ученію. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, совѣсть говорила ей, что она обманываетъ себя и къ Виницію ее тянетъ что-то совсѣмъ другое,—именно его любовь и его обаяніе. Такимъ образомъ, она жила въ вѣчномъ разладѣ съ собою, и разладъ этотъ увеличивался съ каждымъ днемъ. Иногда ей казалось, что ее окружаетъ какая-то сѣть, и она, желая освободиться, запутывалась все болѣе. Теперь она должна была признаться себѣ, что присутствіе Виниція становится необходимымъ для нея, голосъ его все болѣе и болѣе милымъ, и что ей нужно напрягать всѣ силы, чтобы противиться желанію сидѣть у его ложа. Когда она приближалась къ нему и лицо его прояснялось, радость заливала и ея сердце. Однажды она замѣтила слѣды слезъ на его рѣсницахъ и въ первый разъ въ жизни ей пришла мысль, что она могла бы осушить ихъ поцѣлуями. Устрашенная этою мыслью, полная презрѣнія къ себѣ, она проплакала всю слѣдующую ночь.

А Виницій былъ терпѣливъ, какъ будто далъ обѣтъ терпѣнія. Когда глаза его вспыхивали нетерпѣніемъ, своеволіемъ и гнѣвомъ, онъ вдругъ сдерживался и потомъ безпокойно смотрѣлъ на Лигію, какъ будто прося у нея прощенія, и ее это омрачало еще больше. Она никогда не предполагала, что ее такъ любятъ, и когда ду-

мала объ этомъ, то чувствовала себя, въ одно и то же время, и виновной, и счастливой. А Виницій, дѣйствительно, измѣнялся. Въ его разговорахъ съ Главкомъ слышалось менѣе гордости. Часто приходило ему въ голову, что и этотъ бѣдный врачъ-невольникъ, и старуха Миріамъ, которая обружала его заботами, и Криспъ, вѣчно погруженный въ молитву, — что все это люди. Онъ дивился этимъ мыслямъ, но они, однако, навѣщали его. Урса онъ полюбилъ и теперь разговаривалъ съ нимъ по цѣлымъ днямъ, потому что могъ говорить съ нимъ о Лигіи, а гигантъ былъ неисчерпаемъ въ своихъ разсказахъ, и, оказывая больному необходимыя услуги, началъ проявлять къ нему что-то вродѣ привязанности. Лигія для Виниція всегда была существомъ, принадлежащимъ къ другому виду, неизмѣримо высшимъ, чѣмъ тѣ, которые окружали ее, тѣмъ не менѣе, однако, онъ началъ присматриваться къ людямъ простымъ и убогимъ, — чего никогда не дѣлалъ прежде, — и началъ открывать въ нихъ интересныя стороны, о существованіи которыхъ до сихъ поръ не имѣлъ понятія. Только Назарія онъ не могъ выносить, — ему казалось, что молодой мальчикъ осмѣливается любить Лигію. Правда, онъ долго воздерживался и не высказывалъ своего нерасположенія, но однажды, когда мальчикъ принесъ Лигіи двѣ перепелки, купленныя на рынкѣ на заработанныя имъ деньги, въ Виниціи заговорилъ потомокъ квиритовъ, для котораго сынъ чужого народа значилъ меньше, чѣмъ самый ничтожный червякъ. Слыша благодарность Лигіи, онъ страшно поблѣднѣлъ, а когда Назарій вышелъ за водою для птицъ, сказалъ:

— Лигія, можешь ли терпѣть, чтобъ онъ приносилъ тебѣ подарки? Развѣ ты не знаешь, что людей его народа греки называютъ жидовскими собаками?

— Я не знаю, какъ ихъ называютъ греки, — отвѣтила Лигія, — но знаю, что Назарій христіанинъ и братъ мой.

Она посмотрѣла на него съ горемъ и удивленіемъ, потому что онъ уже отвыкъ отъ подобныхъ вспышекъ. Виницій стиснулъ зубы, чтобы не сказать ей, что такого ея «брата» онъ приказалъ бы на смерть заколотить палками или сослалъ бы на свои сицилійскіе виноградники, чтобъ онъ въ кандалахъ копалъ землю... Но, однако, онъ сдержался, подавилъ въ себѣ гнѣвъ и спустя нѣсколько минутъ отвѣтилъ:

— Прости меня, Лигія. Для меня ты — царская дочь и пріемная дочь Авла.

И онъ переломилъ себя до такой степени, что когда Назарій

вновь появился въ комнатѣ, Виницій общалъ ему, по возвращеніи на свою виллу, подарить пару павлиновъ или фламинговъ, которые массаами водились въ его садахъ.

Лигія поняла, чего ему стоили подобныя побѣды надъ собой, и чѣмъ больше онъ одерживалъ ихъ, тѣмъ больше ея сердце склонилося къ нему. Но его заслуга по отношенію къ Назарію была меньше, чѣмъ она предполагала. Виницій временно могъ разсердиться на него, но не могъ ревновать къ нему. Сынъ Миріамъ, дѣйствительно, въ глазахъ Виниція значилъ не больше собаки и, кромѣ того, былъ мальчигъ, который если и любилъ Лигію, то любилъ любовью безсознательною и покорною. Большую борьбу долженъ былъ вести съ собою молодой трибунъ, чтобы примириться, хотя бы молчаливо, съ тѣмъ почитаніемъ, которымъ среди этихъ людей было окружено имя Христа, и съ Его ученіемъ. Съ этой стороны въ Виниціи происходили странныя явленія. Какъ бы то ни было, то было ученіе, которому Лигія вѣрила и которое, по тому самому, онъ готовъ былъ признать. Потомъ, чѣмъ больше онъ выздоравливалъ, тѣмъ лучше вспоминалъ весь рядъ событій, протекшихъ съ извѣстной ночи въ Остраніи, весь рядъ понятій, которыя съ тѣхъ поръ образовались въ его головѣ, и тѣмъ сильнѣе удивлялся нечеловѣческой силѣ этого ученія, которое такимъ кореннымъ образомъ перерождало человѣческія души. Онъ понималъ, что въ этомъ ученіи кроется что-то необычайное, чего еще до сихъ поръ не было на свѣтѣ, и чувствовалъ, что еслибы оно охватило весь міръ, если бы вселило въ него свою любовь и свое милосердіе, то наступила бы эпоха, напоминающая ту, когда надъ вселенной царствовалъ не Зевсъ, а Сатурнъ. Онъ не смѣлъ сомнѣваться ни въ чудесномъ зачатіи Христа, ни въ Его воскресеніи, ни въ другихъ чудесахъ. Близкіе свидѣтели, которые говорили объ этомъ, черезъ-чуръ заслуживали вѣроятія, черезъ-чуръ гнушались ложью, чтобы ихъ можно было заподозрить въ сообщеніи небывалыхъ вещей. Наконецъ, римскій скептицизмъ позволялъ себѣ не вѣрить въ боговъ, но въ чудеса вѣрилъ. И вотъ Виницій стоялъ передъ лицомъ какой-то странной загадкѣ, которую не умѣлъ распутать. Съ другой стороны, все это ученіе казалось ему такимъ несоотвѣтственнымъ существующему порядку вещей, настолько неудобнымъ для проведенія въ жизнь и такимъ безумнымъ, какъ никакое другое. По его мнѣнію, люди въ Римѣ и во всемъ свѣтѣ могли быть дурными, но порядокъ вещей вездѣ былъ хорошъ. Напримѣръ, если бы цезарь былъ достойнымъ человѣкомъ, если

бы сенать состоятъ не изъ такихъ изнегодѣйничавшихся развратниковъ, а изъ такихъ людей, какъ Тразеа, чего еще можно было желать? Вѣдь, римскій міръ и римское верховенство были вещами хорошими, классификація людей умна и справедлива, а христіанское ученіе, по разумѣнію Виниція, должно было бы смутить весь порядокъ, подорвать римское владычество и стереть всю разницу между людьми. И что же тогда случилось хотя бы съ римскою властью и съ Римскимъ государствомъ? Неужели римляне могли бы перестать властвовать надъ міромъ или признать цѣлое стадо покоренныхъ ими народовъ равными себѣ? Это ужъ не умѣщалось въ головѣ патриція. И, притомъ, это ученіе было противно всѣмъ его вкусамъ, привычкамъ, характеру и понятіямъ о жизни. Онъ просто не могъ вообразить, какъ онъ существовалъ бы, если бы принялъ его. Онъ боялся его, удивлялся ему, но противъ него возмущалась вся его натура. Наконецъ, онъ понималъ, что только оно раздѣляетъ его съ Лигіей, и когда думалъ объ этомъ, то ненавидѣлъ его всѣми силами души. Однако, онъ могъ уже понимать, что это оно одарило Лигію такою необыкновенною, необъяснимою красотою, которая въ его сердцѣ, кромѣ любви, возбудила уваженіе, кромѣ страсти—поклоненіе, обратило ее въ самое дорогое для него существо. А тогда ему снова хотѣлось любить Христа, и онъ понималъ ясно, что долженъ или полюбить, или возненавидѣть Его, а равнодушнымъ къ Нему остаться не можетъ. На него точно напирала двѣ противоположныя волны, онъ колебался въ мысляхъ, колебался въ чувствахъ, ничего не могъ избрать и только склонялъ голову и оказывалъ молчаливую честь этому непонятному для него Богу только потому, что Онъ былъ Богомъ Лигіи.

Лигія видѣла, что въ немъ происходитъ, какую ломку переживаетъ онъ, какъ его натура отвергаетъ ученіе Христа, и если, съ одной стороны, это смертельно огорчало ее, то, съ другой, жалость, состраданіе и признательность за молчаливое почитаніе, какое онъ оказывалъ Христу, склоняли къ нему съ непреоборимою силой ея сердце. Она вспомнила Помпонію Грецину и Авла. Для Помпоніи источниками неустанной скорби и никогда не высыхающихъ слезъ была мысль, что она за гробомъ не найдетъ Авла. Лигія теперь лучше начала понимать эту горечь и эту боль. И она встрѣтила дорогое существо, съ которымъ ей грозила вѣчная разлука. Иногда она почти заблуждалась, что его душа еще откроется для Христо-вѣй правды, но заблужденіе это не могло долго удерживаться. Она уже хорошо знала и понимала его. Виницій—христіанинъ! Эти по-

нятія даже въ ея неопытной головѣ не могли помѣститься рядомъ. Если разсудительный и серьезный Авль не могъ обратиться въ христіанство подѣ вліяніемъ мудрой и совершенной Помпоніи, то какъ же сдѣлается христіаниномъ Виницій? На это не было отвѣта или, вѣрнѣе, былъ одинъ, что для него нѣтъ ни надежды, ни спасенія.

И тутъ же Лигія со страхомъ замѣтила, что приговоръ, висящій надъ нимъ и обрекающій его на гибель, вмѣсто того, чтобы отвращать ее отъ него, благодаря состраданію, дѣлаетъ его еще болѣе дорогимъ для нея. По временамъ ей хотѣлось искренно поговорить съ нимъ объ его темномъ прошломъ, но когда однажды она сѣла возлѣ него и сказала, что виѣ христіанскаго ученія нѣтъ жизни, онъ приподнялся на своемъ здоровомъ локтѣ, вдругъ опустилъ голову на ея колѣни и проговорилъ: «Ты — жизнь!» Тогда дыханіе замерло въ ея груди, силы покинули ее, какая-то сладостная дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу. Схватившись руками за его виски, она силилась приподнять его голову, но, притомъ, сама наклонилась къ нему такъ, что губами коснулась его волосъ.

Съ минуту въ какомъ-то упоеніи они оба боролись съ собой и съ любовью, которая толкала одного къ другому, наконецъ, Лигія вскочила и убѣжала, чувствуя, что по жиламъ ея пробѣгаетъ огонь, а голова идетъ кругомъ. Это была послѣдняя капля, переполнившая и безъ того полный сосудъ. Виницій не догадывался, какъ дорого ему придется оплатить счастливую минуту, но Лигія поняла, что теперь она сама нуждается въ помощи. Ночь послѣ этого вечера она провела безъ сна, въ слезахъ и молитвѣ, съ сознаніемъ, что недостойна молиться и не можетъ быть услышана. На другой день она вышла изъ кубикала рано и вызвала Криспа въ садовую бесѣдку, оплетенную плющемъ и увядшею павилиной, открыла ему всю душу и умоляла, въ то же время, чтобы онъ позволилъ ей пови- нуться доми Миріамъ, потому что она не довѣряетъ себѣ и не можетъ пересилить своей любви къ Виницію.

Криспъ, который былъ человѣкомъ старымъ, суровымъ и погруженнымъ въ вѣчный экстазъ, одобрилъ намѣреніе Лигіи покинуть доми Миріамъ, за то не нашелъ словъ прощенія для грѣшной, по его понятіямъ, любви. Сердце его преисполнилось негодованіемъ при одной мысли, что та Лигія, которой онъ покровительствовалъ въ минуты ея бѣгства, которую онъ полюбилъ, утвердилъ въ вѣрѣ и на которую до сихъ поръ смотрѣлъ, какъ на бѣлую лилію, возрѣвшую на почвѣ христіанскаго ученія и неоскверненную никакии земнымъ дуновеніемъ, могла въ своей душѣ найти мѣсто для дѣ-

той любви, кроме любви небесной. Онъ думалъ до сихъ поръ, что нигдѣ, во всемъ свѣтѣ болѣе чистое сердце не бьется любовью ко Христу, и хотѣлъ принести его въ жертву Ему, какъ перлъ, какъ сокровище, какъ дорогое дѣло своихъ рукъ, и испытанное имъ разочарованіе наполнило его изумленіемъ и горечью.

— Иди и моли Бога простить твои вины, — сурово сказалъ онъ. — Бѣги, пока злой духъ, который опуталъ тебя, не доведетъ тебя до совершеннаго паденія и пока ты не отречешься отъ Избавителя. Богъ умеръ для тебя на крестѣ, чтобы собственною кровью окропить твою душу, а ты предпочла полюбить того, кто хотѣлъ сдѣлать тебя своею наложницей. Богъ чудомъ избавилъ тебя изъ его рукъ, но ты открыла сердце для нечистой страсти и полюбила сына тьмы. Кто онъ такой? Другъ и слуга антихриста, сообщникъ его распутства и преступленій. Куда онъ поведетъ тебя, если не въ ту бездну, въ Содомъ, въ которомъ живетъ самъ и который Богъ разрушитъ огнемъ своего гнѣва? А я говорю тебѣ: лучше бы ты умерла, лучше бы стѣны этого дома свалились на твою голову раньше, чѣмъ этотъ змѣй вползъ въ твою грудь и осквернилъ ее ядомъ своего беззаконія.

Онъ увлекался все больше. Вина Лигіи наполняла его не только гнѣвомъ, но и отвращеніемъ и презрѣніемъ къ человѣческой природѣ вообще, а въ особенности къ природѣ женщины, которую даже христіанское ученіе не могло охранить отъ слабости Евы. Для него ничего не значило, что дѣвушка осталась еще чистою, что хотѣла бѣжать отъ этой любви и каялась въ ней съ горемъ и сокрушеніемъ. Криспъ хотѣлъ бы обратить ее въ ангела и вознести на высоту, гдѣ существуетъ только любовь ко Христу, а она полюбила августіанина. Одна мысль объ этомъ преисполняла его сердце гнѣвомъ, усиливаемымъ чувствомъ разочарованія. Нѣтъ, онъ не могъ ей простить этого! Слова гнѣва палили его уста на подобіе раскаленныхъ углей; онъ еще боролся съ собой, чтобы не выговорить ихъ, и только потрясалъ своими исхудавшими руками надъ испуганною дѣвушкой. Лигія чувствовала себя виновной, но виновной не до такой степени; она думала даже, что ея удаленіе изъ дома Мириамъ будетъ побѣдой надъ искушеніемъ и смягчитъ ея вину. Криспъ стеръ ее въ прахъ; онъ показалъ ей въ ея ничтожество и несовершенство ея души, а этого она до сихъ поръ не подозрѣвала. Она даже думала, что старый пресвитеръ, который со времени ея бѣгства изъ Палатина относился къ ней по цовски, выкажетъ немного состраданія, утѣшитъ ее ободритъ, урѣшитъ.

— Я посвящаю Богу мою обманутую надежду и мою скорбь, — продолжалъ Криспъ, — но ты обманула и Избавителя, ибо погрязла въ болотѣ, испаренія котораго отравили тебѣ душу. Ты могла бы посвятить ее Христу, какъ многоцѣнный сосудъ, и сказать Ему: «Исполни ее, Боже, Твоею милостію!» — а ты предпочла отдать ее слугѣ злого духа. Да простить тебя Богъ и да сжалятся надъ тобой, потому что и... пока ты не отженишь отъ себя змія... я, который считалъ тебя избранницей...

И онъ вдругъ замолчалъ, потому что замѣтилъ, что они были не одни.

Сквозь увядшую павилигу и плющъ, одинаково зеленѣющей какъ лѣтомъ, такъ и зимою, онъ увидалъ двоихъ людей, изъ которыхъ одинъ былъ апостоль Петръ. Другого онъ не могъ узнать сразу, потому что плащъ изъ грубой волосяной ткани, называемой «silium», прикрывалъ часть его лица. Съ минуту Криспу даже казалось, что это Хилонъ.

Петръ и его спутникъ, услыжавъ возвышенный голосъ Криспа, вошли въ бесѣдку и сѣли на каменную скамью. Спутникъ Петра открылъ свое лицо, съ лысымъ черепомъ, только на бокахъ покрытымъ вьющимися волосами, съ красными рѣсницами и искривленнымъ носомъ, — лицо безобразное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вдохновенное. И Криспъ узналъ въ немъ Павла изъ Тарса.

Лигія бросилась на колѣни, въ отчаяніи обхватила руками ноги Петра и, прижавъ свою измученную головку къ складкамъ его плаща, застыла въ молчаніи.

Петръ сказалъ:

— Миръ душамъ вашимъ.

И, видя дѣвушку у своихъ ногъ, спросилъ, что это значитъ? Тогда Криспъ началъ разсказывать все, въ чемъ ему покаялась Лигія, — о ея грѣшной любви, о ея желаніи бѣжать изъ дома Миріамъ, о своей скорби, что душа, которую онъ хотѣлъ отдать Христу чистою, какъ слеза, осквернила себя земнымъ чувствомъ къ участнику во всѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ погрязалъ языческій міръ и котораго звали къ Богу объ отмщеніи.

Во время его разсказа Лигія все крѣпче обнимала ноги апостола, какъ бы желая вымолить хоть каплю состраданія.

Апостоль выслушалъ все до конца, наклонился и положилъ свою дрихлую руку на Лигію, потомъ поднялъ глаза на старца священника и сказалъ:

— Криспъ, развѣ ты не слыхалъ, что нашъ возлюбленный и

Господь былъ на брачномъ пиршествѣ въ Канѣ и благословилъ любовь между мужчиной и женщиной?

Руки Криспа опустились и онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на апостола.

А Петръ, помолчавъ съ минуту, спросилъ снова:

— Криспъ, думаешь ли ты, что Христосъ, который позволялъ Маріи Магдалинѣ лежать у Своихъ ногъ и который простилъ блудницѣ, отвернулся бы отъ этого ребенка, чистаго, какъ полевая лилія?

Лигія, съ рыданіемъ, еще сильнѣе прижалась къ ногамъ Петра. Она поняла, что не напрасно искала здѣсь защиты. Апостоль поднялъ ея облитое слезами лицо и обратился къ ней:

— Пока очи того, кого ты любишь, не откроются для свѣта правды, избѣгай его, чтобъ онъ не ввелъ тебя въ грѣхъ, но молись за него и знай, что нѣтъ вины въ любви твоей, а такъ какъ ты хочешь скрыться отъ искушенія, то эта заслуга будетъ зачтена тебѣ. Не отчаявайся и не плачь, ибо, говорю я тебѣ, милость Избавителя не оставила тебя и молитвы твои будутъ услышаны, а послѣ скорби начнутся дни радости.

Онъ возложилъ обѣ руки на ея голову и, поднявъ глаза къ небу, благословилъ ее. Лицо его свѣтилось неземною кротостью.

Сокрушенный Криспъ съ покорностью началъ оправдываться:

— Я согрѣшилъ противъ милосердія,—сказалъ онъ,—но я думалъ, что, допуская до сердца земную любовь, она отрывается отъ Христа.

Петръ отвѣтилъ:

— Три раза я отрекался отъ Него, а, однако, Онъ простилъ меня и повелѣлъ пасти овецъ своихъ.

— Потому,—заключилъ Криспъ,—что Виницій августіанинъ.

— Христосъ сокрушалъ еще болѣе твердыя сердца,—сказалъ Петръ.

На это Павелъ Тарсянинъ, который молчалъ до тѣхъ поръ, приставилъ палецъ къ своей груди и, указывая на себя, сказалъ:

— Это я, который преслѣдовалъ и предавалъ смерти слугъ Христовыхъ. Когда убивали Стефана, я охранялъ платья тѣхъ, которые избивали его камнями; я хотѣлъ истребить правду во всѣхъ земляхъ, обитаемыхъ людьми, и, однако, Господь предназначилъ мнѣ, чтобъ я проповѣдывалъ Его ученіе по всѣмъ этимъ землямъ. И я проповѣдывалъ Его въ Іудеѣ, въ Греціи, на островахъ и въ этомъ безбожномъ городѣ, когда я, какъ узникъ, проживалъ въ

немъ, а теперь, когда меня вызвалъ Петръ, нашъ пастырь, я вступлю въ этотъ домъ, чтобы пригнуть эту гордую голову къ стопамъ Христа, бросить зерно на эту каменистую почву, которую Господь умягчитъ, дабы она принесла обильную жатву.

И онъ всталъ. Этотъ невысокій, сгорбленный человѣкъ теперь показался Криспу тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности,—гигантомъ, который потрясетъ мiръ въ его основанiяхъ и покоритъ земли и народы.

В. Л.

(Продолженiе слѣдуетъ).

Цезарь Ломброзо, какъ ученый и мыслитель *).

VI.

Тотъ фактъ, что воздвигнутая на атавистическомъ фундаментѣ ломбровская теорія преступности быстро разсыпалась при первомъ же прикосновеніи къ ней строгой научной критики, весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что обоснована была эта теорія очень плохо, что она явилась не плодомъ тщательнаго, серьезнаго изученія вопроса о преступности, а результатомъ крайне поспѣшнаго и легкомысленнаго обобщенія немногочисленныхъ, наскоро собранныхъ, недостаточно провѣренныхъ, неразумно обработанныхъ, небрежно обдуманыхъ и дурно понятыхъ фактовъ и данныхъ (все это безчисленными аппонентами Ломброзо и доказано было, какъ дважды два). Въ ломбровскомъ ученіи о преступности развивается, въ сущности, вовсе не какая-либо научная теорія, въ строгомъ смыслѣ этого слова, а просто-на-просто *предвзятая идея*, созданная творческою фантазіей туринскаго «геніальнаго мыслителя». Утвердившись на этой идеѣ, сводящейся, какъ мы уже знаемъ, къ тому, что преступникъ есть продуктъ атавизма, авторъ ея насильственно и втиснулъ этого преступника въ грубо сконпонованную имъ атавистическую форму. Такъ распорядился Ломброзо съ «преступнымъ человѣкомъ», совершенно такъ же распорядился онъ и съ «геніальнымъ человѣкомъ».

Что такое геній? Геній есть продуктъ дегенераціи, родной братъ пошланнаго, — категорически заявляетъ туринскій профессоръ. Установивъ эту формулу, онъ, по обыкновенію, началъ ее по-своему «подтверждать» и «доказывать», т.-е., по-просту, настаивать на ней, широко пуская въ ходъ всевозможныя натяжки и искаженія фактовъ, прячась за туманныя термины, политично оставляемые имъ безъ точнаго опредѣленія, аргументируя всевозможными, иногда прямо-таки нелѣпыми, сравненіями и сопоставленіями и при всемъ этомъ преслѣдуя только одну цѣль—во что бы ни стало сблизить геніальность съ помѣшательствомъ. Плодомъ всѣхъ этихъ усилій и потугъ и явились сначала книжечка *Genio e follia*, а

* Русская Мысль, кн. VII.

затѣмъ большая книга—*Uomo di genio*. Въ книгахъ этихъ, развивающихъ теорію, созданную авторомъ, по собственному его признанію, «какъ бы подъ вліяніемъ экстаза», т.-е. по вдохновенію, по наитію, экспромптомъ, на невѣдомыхъ основаніяхъ (какъ и всегда!), Ломброзо «удалось опредѣлить, хотя отчасти, сущность и происхождение гениальности», «дать ключъ къ уразумѣнію таинственной сущности генія и къ объясненію тѣхъ странныхъ религіозныхъ маній, которыя иногда являлись ядромъ великихъ историческихъ событій», «помочь установить новую точку зрѣнія для оцѣнки художественнаго творчества гениевъ, путемъ сравненія произведеній ихъ въ области искусствъ и литературы съ такими же произведеніями помѣшанныхъ» (!), и, наконецъ, «оказать громадныя услуги судебной медицинѣ» *). Какъ читатель видитъ, автору нашему «удалось», будто бы, сдѣлать чрезвычайно многое, рѣшить цѣлый рядъ грандіознѣйшихъ, сложнѣйшихъ и запутаннѣйшихъ вопросовъ. Если все это онъ дѣйствительно совершилъ, то въ такомъ случаѣ намъ слѣдовало бы поспѣшно и благоговѣнно преклониться передъ нимъ. Мы, однако же, воздержимся, пока что, отъ преклоненія и, не вѣря ему на слово (въ виду его поистинѣ «гениальной» нескромности), наведемъ документальныя справки о томъ, насколько и какъ онъ «уразумѣлъ» сущность чуть не всего сущаго.

Физиологическое сходство между гениальными людьми и психически-большими, по утверженію Ломброзо, полнѣйшее. Вотъ, для примѣра, кое-какія изъ «доказательствъ» справедливости этого утверженія. Какъ у гениевъ, такъ и у помѣшанныхъ одинаково часто наблюдаются внѣшніе признаки первнаго возбужденія (большая живость движеній, порывистые жесты, усиленная мимика и пр.). Сближеніе это настолько «гениально», такъ прекрасно характеризуетъ оно степень критической и логической способности нашего мыслителя, что мы считаемъ не лишнимъ остановить на немъ на минуту вниманіе читателя. Скажите, пожалуйста, что бы вы подумали о человѣкѣ, который, съ самымъ серьезнымъ, академическимъ видомъ, сталъ бы, въ видахъ вашего поученія, проводить такія, напримѣръ, аналогіи хотя бы между тѣми же гениальными и помѣшанными людьми: какъ у первыхъ, такъ и у вторыхъ одинаково часто наблюдается движеніе языка, когда они говорятъ; какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ въ выдыхаемомъ ими воздухѣ оказывается углекислота; какъ тѣ, такъ и другіе одинаково закрываютъ глаза, когда засыпаютъ, и т. д. Ergo, тѣ и другіе очень похожи, близко родственны между собою. Прослушавши такое «ученое» сообщеніе, вы, по всей вѣроятности, пожали бы плечами и съ досадою отвернулись бы отъ глупаго болтуна. И прекрасно бы сдѣлали, потому что, въ самомъ дѣлѣ, нужно быть прямо-таки неумнымъ человѣкомъ, чтобы не понимать, что на основаніи *такихъ* общихъ признаковъ никакихъ сходствъ въ дан-

*) Обо всемъ этомъ скромно докладывается читателю въ авторскихъ предисловіяхъ къ третьему и четвертому изданіямъ книги *Genio e follia*. Мы цитировали и будемъ цитировать по русскому переводу съ 4 итальянскаго изданія: *Гениальность и помѣшательство*, изд. Ф. Павленкова, 1885 г.

номъ случаѣ устанавливать совершенно невозможно. Какъ наличность движеній языка у генія и помѣшаннаго говорить намъ только о томъ, что оба они одинаково пользуются даромъ слова, такъ и наличность у нихъ вѣшнихъ признаковъ нервнаго возбужденія свидѣтельствуетъ только о томъ, что у обоихъ у нихъ существуетъ нервное возбужденіе, что у обоихъ у нихъ нервномозговая система усиленно работаетъ. Но развѣ одного только голаго указанія на возбужденное состояніе достаточно для характеристики помѣшаннаго и для характеристики генія? Развѣ Иванъ считается сумасшедшимъ, а Петръ—геніемъ *только* потому, что у обоихъ у нихъ нервномозговая система усиленно работаетъ? Нѣтъ, конечно: первый—сумасшедшій потому, что мозгъ его усиленно *дурно*, *нелпно* работаетъ, а второй—геній потому, что его усиленная мозговая работа оказывается, по общему признанію, *превосходною*, *прекрасною*. Въ этихъ-то вотъ именно различіяхъ *качества* нервномозговой работы и заключается вся суть дѣла, когда рѣчь заходитъ о гениальности и сумасшествіи. И обходить молчаніемъ эту суть при попыткахъ сближенія генія съ помѣшаннымъ значитъ, по нашему мнѣнію, или обнаруживать довольно большую несообразительность,—весьма странную для *pensatore di genio*,—или грубо подтасовывать понятія, или же слишкомъ небрежно обращаться съ мыслью. Будемъ думать, что къ Ломброзо примѣнимо въ данномъ случаѣ третье изъ высказанныхъ предположеній. Но такъ или иначе, а логика-то при установленіи этого перваго «сходства» между геніемъ и помѣшаннымъ, все-таки, оказывается отсутствующею. Но, можетъ быть, это отсутствіе только случайное и кратковременное; можетъ быть, логика вернется къ автору, когда тотъ приступитъ къ дальнѣйшимъ «сближеніямъ»? Увы, она оказывается въ безсрочномъ отпуску: при проведеніи другихъ аналогій между геніемъ и помѣшаннымъ Ломброзо проявляетъ еще болѣшую независимость своей мысли отъ логическихъ законовъ.

У помѣшанныхъ, какъ и у гениальныхъ людей, — съ невозмутимою серьезностью возвѣщаетъ авторъ книги *Гениальность и помѣшательство*,—констатируется обыкновенно увеличенное содержаніе фосфорно-кислыхъ солей въ выдѣляемой почками жидкости. Вотъ «несомнѣнное сходство»!... Во имя оскорбляемаго здраваго смысла, вы энергично протестуете противъ этого утвержденія; вы настойчиво указываете на то, что увеличенное содержаніе названныхъ солей совсѣмъ не характерно для генія и помѣшаннаго и что оно въ данномъ случаѣ рѣшительно ничего не доказываетъ; вы говорите, что оно бываетъ и должно быть у *каждою* человѣка, кто бы онъ ни былъ, если только онъ выполняетъ усиленную мозговую работу и, слѣдовательно, усиленно тратитъ свое, богатое фосфоромъ, мозговое вещество, что, поэтому, оно въ одинаковой степени будетъ констатироваться какъ у сумасшедшаго, энергично продуцирующаго бредовыя идеи, такъ и у генія, поглощеннаго творчествомъ,—и у гимназиста-классика, отчаянно борющагося съ трудностью пониманія какаго-нибудь Ксенофота или Овидія, и у департаментскаго чиновника, неприспособленнаго

къ мышленію и къ изложенію мыслей, но обязаннаго составить и представить по начальству какую-нибудь докладную записку и въ этихъ видахъ дѣлающаго героическія умственныя усилія, и у читателя Ломброзовскихъ произведеній, истошающаго свой мозгъ въ бесплодныхъ попыткахъ постигнуть смыслъ «геніальныхъ» авторскихъ «обобщеній» и заключеній,—вы настаиваете на томъ, что никакъ нельзя какой бы то ни было признакъ, какую бы то ни было черту, общую *всѣмъ* категоріямъ, пускать въ ходъ для доказательства сходства какихъ-либо двухъ изъ этихъ категорій. Напрасно,—авторъ не удостоиваетъ васъ, т.-е., логику въ вашемъ лицѣ, ни малѣйшимъ вниманіемъ и слѣдуетъ «доказать» смѣло выставленный имъ тезисъ.

«У одного англійскаго проповѣдника (кто онъ такой былъ, геній или сумасшедшій,—объ этомъ ничего не говорится), всю недѣлю проводившаго въ праздности и только по воскресеньямъ съ большимъ жаромъ производившаго проповѣди, именно въ этотъ день значительно увеличивалось въ мочѣ содержаніе фосфорно-кислыхъ солей, тогда какъ въ другіе дни оно было крайне ничтожно. Впослѣдствіи Смитъ многими наблюденіями подтвердилъ тотъ фактъ, что при всякомъ умственномъ напряженіи увеличивается количество мочевины въ мочѣ». До крайности изумленные этимъ «доказательствомъ», которымъ Ломброзо, самъ того не подозрѣвая, бьетъ наповаль доказываемый имъ тезисъ, вы восклицаете: «Ну, да, ну, да, именно вотъ потому, что и фосфорно-кислыхъ солей, и мочевины бываетъ много при *всякомъ* умственномъ напряженіи, и нельзя извлекать доводовъ въ пользу идеи о родственности геніальности съ сумасшествіемъ... изъ судовъ съ почечными выдѣленіями!...» Но авторъ, восхищенный неотразимою доказательностью приведеннаго имъ примѣра съ англійскимъ проповѣдникомъ, пропускаетъ мимо ушей ваше восклицаніе и, въ свою очередь побѣдоносно восклицаетъ: «и въ этомъ отношеніи аналогія между геніальностью и сумасшествіемъ представляется несомнѣнною!» Пощадите, *resatorе di genio!*

Но Ломброзо пощады не знаетъ и неукоснительно продолжаетъ по тому же металогическому (не знаемъ, есть ли такое слово) методу «сближать геніевъ и сумасшедшихъ. У этихъ послѣднихъ,—докладываетъ онъ,—весьма часто наблюдаются: сѣдина, облысѣніе, худоба, вялая, неразвитая мускулатура, ослабленная генеративная дѣятельность и пр. То же и въ тавомъ же степеніи часто констатируется и у геніевъ или великихъ людей. В самомъ дѣлѣ, «Цезарь боялся блѣдныхъ и худыхъ Кассіевъ, д'Аламбертъ Фенелонъ, Наполеонъ были въ молодости худы, какъ скелеты». О Вольтерѣ Сегюръ пишетъ: «худоба его доказываетъ, какъ онъ много работаетъ; и можденное и согбенное тѣло его служить только легкою, прозрачною обложкой, сквозь которую какъ будто видишь душу и геній этого человѣка. Что такое?... Кто-то кого-то «боялся»; кто-то «въ молодости былъ» тощакъ а потомъ, очевидно, пополнѣлъ, но геніемъ быть, все-таки, не пересталъ кто-то исхудалъ отъ усиленной работы,—ergo, геніи очень похожи на с

масшедшихъ. Читая такія вещи, рассказываемые, къ тому же, съ поразительнымъ апломбомъ, вы, по всей вѣроятности, начинаете, вмѣстѣ съ пишущимъ эти строки, прямо-таки досадовать на слишкомъ ужь беззаботнаго по части логики и смысла философа изъ Турина. Вамъ, быть можетъ, хотѣлось бы поставить на видъ этому философу, что если великіе люди часто бываютъ очень худощавыми, лысыми, физически слабыми и пр. (да и можно ли, полно, утверждать все это по отношенію къ гениямъ или великимъ людямъ вообще?), то, вѣдь, это самымъ естественнымъ образомъ объясняется тѣмъ, что они, эти великіе люди, сплошь и рядомъ ведутъ самую нерегулярную, самую негигиеничную жизнь, истопаютъ себя работою (самъ же авторъ, со словъ Сегюра, говоритъ, что худоба Вольтера свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ послѣдній много работалъ) и что ихъ неустанно и энергично функционирующій мозгъ поглощаетъ и тратитъ на себя большую часть живыхъ силъ и ресурсовъ организма, которыхъ поэтому и остается очень мало для другихъ системъ, органовъ и функций. А если такъ, то какія же могутъ быть основанія для сближенія, на этомъ пунктѣ, гениевъ и сумасшедшихъ, для которыхъ, къ слову сказать, худоба и тому подобные признаки, опять-таки, совсѣмъ не характерны? Хотѣлось бы вамъ сказать все это и еще многое другое, но... вы, надо полагать, начинаете уже замѣчать, что отъ ломбрововскихъ положеній и «доказательствъ» голова ваша кругомъ идетъ, у васъ, пожалуй, мелькаетъ тревожное опасеніе, что ломбрововская «гениальность», чего добраго, еще заразительна, и, движимые чувствомъ самосохраненія, рѣшительно уклоняетесь отъ дальнѣйшаго собесѣдованія со «знаменитымъ» авторомъ на тему о физиологическихъ сходствахъ гениа и сумасшедшаго, хотя самъ-то этотъ авторъ далеко еще не считаетъ вопроса исчерпаннымъ и продолжаетъ выпалывать въ такой же мѣрѣ «несомнѣнными», какъ и предъидущія, доказательствами своей тезы: «мыслителямъ наравнѣ съ помѣшанными свойственны: постоянное переполненіе мозга кровью (гиперемія), сильный жаръ въ головѣ, охлажденіе конечностей, склонность къ острымъ болѣзнямъ мозга, слабая чувствительность къ голоду и холоду» *). Но для васъ, думается вамъ, уже за-глаза довольно и ранѣе приведенныхъ «доказательствъ»: Ломброзо васъ вполне убѣдилъ. Въ чемъ, это другой вопросъ.

Отвѣтимъ здѣсь, кстати, слѣдующую, очень любопытную и характерную для ломбрововскаго «творчества», черточку. Сближая, по физиологическимъ «признакамъ», гениа съ помѣшаннымъ, авторъ не считаетъ нужнымъ опредѣленно сказать читателю, что, собственно, онъ подразумѣваетъ подъ словомъ «гений». Благодаря недостатку точнаго опредѣленія, понятіе это остается очень туманнымъ, расплывающимся. Вводитъ понятія съ такимъ характеромъ въ ученое изслѣдованіе, казалось бы, совсѣмъ недозволено. Но для Ломброзо, чѣмъ шире, неопредѣленнѣе, туманнѣе данное

* Всѣ приведенныя въ этой главѣ положенія Ломброзо, а также и подлинныя отрывки, взяты нами изъ книги *Гениальность и помѣшательство*. См. стр. 5—7.

понятіе, тѣмъ лучше, тѣмъ удобнѣе, такъ какъ въ смутно очерченныя рамки его можно вставлять рѣшительно все, что угодно, все, что можетъ потребоваться по ходу «доказательствъ» того или иного положенія. Этою возможностью ученый нашъ обыкновенно широко и пользуется. Въ частныхъ примѣрахъ «великихъ людей», отличавшихся тѣми или иными особенностями, у него на каждомъ шагу, на ряду съ Наполеонами, Петрами Великими и пр., мелькаютъ всякіе Сантейли, Кребильоны, Ломбардини, безыменные «англійскіе проповѣдники», «мыслители» вообще и т. д., и т. д., причемъ читатель приглашается вѣрить на слово, что все это «геніи». У помѣшаннаго есть такой-то «признакъ»; есть онъ, положимъ, и у какого-нибудь Сидора. Прекрасно,—для цѣлей «ученаго изслѣдованія» о сходствахъ генія съ помѣшаннымъ можно воспользоваться и Сидоромъ,— для этого стоитъ только молча ввести его въ сонмъ «геніевъ» и затѣмъ, указывая на него пальцемъ, съ торжествующимъ видомъ заявить: «видите, признакъ этотъ свойственъ и геніямъ». Вообще, очень удобно оставлять трактуемыя понятія безъ точныхъ опредѣленій.

VII.

Такъ какъ мы имѣемъ въ виду совсѣмъ не детальный, систематическій разборъ произведеній Ломброзо, а исключительно только характеристику мысли этого ученаго, а также приемовъ и метода его научнаго творчества, то поэтому и не будемъ здѣсь останавливаться на дальнѣйшихъ доказательствахъ и соображеніяхъ нашего автора о родственной близости геніальности съ сумасшествіемъ, а укажемъ,—въ видахъ все той же характеристики,— на кое-какіе положенія, выводы и умозаключенія Ломброзо, касающіеся другихъ сторонъ вопроса о геніальности и разсыпанные въ его писаніяхъ.

Чтобы обстоятельно, всесторонне разобрать упомянутый вопросъ, для этого необходимо тщательно изучить, между прочимъ, тѣ внѣшнія условія, при которыхъ геніальность проявляется и при которыхъ совершается творчество генія. Ломброзо все это, дѣйствительно, и изучаетъ. Онъ собираетъ цѣлыя груды всевозможныхъ, самыхъ разнокалиберныхъ данныхъ,—геологическихъ, географическихъ, топографическихъ, метеорологическихъ, климатологическихъ, этнографическихъ и пр., и пр.,—и затѣмъ всматривается, въ какомъ отношеніи всѣ эти данныя стоятъ къ имѣющимся у него подъ руками даннымъ о «геніальности». Говоря вообще, противъ такого приема изслѣдованія нельзя выставить никакихъ возраженій. Почему бы, въ самомъ дѣлѣ, и не сопоставить «генія», по возможности, со всѣми, даже второстепенными и третьестепенными условіями окружающей его среды и не посмотрѣть, нѣтъ ли между нимъ и каждымъ изъ этихъ условій какъ и-нибудь причинной связи и внутренней зависимости? Все это не только можно, а даже должно дѣлать, но только... осторожно. Сравнивать, сопоставлять мы можемъ рѣшительно все, что намъ угодно, можемъ мы на

основаніи этихъ сравненій и сопоставленій дѣлать и умозаключенія, выводы, обобщенія, но только намъ безусловно необходимо при этомъ постоянно руководиться строгою критическою мыслью. Если же мы, при нашей работѣ, позволимъ себѣ эмансипироваться отъ этого руководства, то съ нами весьма легко можетъ случиться, что отношеній между сопоставляемыми нами явленіями мы совсѣмъ не осмыслимъ, вмѣсто факта причинной связи между этими явленіями установимъ только фактъ *сосуществованій*,—другими словами, нафабрикуемъ «ученыхъ» иллюстрацій къ извѣстной поговоркѣ: «въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ дядька»... Все это съ нашимъ «знаменитымъ» ученымъ дѣйствительно и случается на каждомъ шагу.

Хочетъ, наприм., Ломброзо посмотрѣть, нѣтъ ли соотношеній зависимости между распределеніемъ тепла по земной поверхности и распределеніемъ гениевъ по лицу земли, нѣтъ ли внутренней связи между температурными колебаніями и колебаніями въ творчествѣ гениевъ. Что-жь, почему бы и не посмотрѣть? Ломброзо смотреть, сопоставляеть, сравниваетъ и приходитъ къ слѣдующимъ обобщеніямъ, о которыхъ онъ уже говорилъ въ своемъ *Uomo di genio* и къ которымъ еще разъ возвращается въ *Il delitto politico* (стр. 56). Чаще всего гении нарождаются въ странахъ съ мягкою температурой, въ особенности съ морскимъ климатомъ. Особенно ясно фактъ преимущественной принадлежности гениевъ теплымъ странамъ видѣнъ на примѣрѣ великихъ музыкальныхъ маэстро. Изъ набранныхъ Ломброзо 118 лицъ этой категоріи на одну только Италію, страну южную, приходится 44 (болѣе 37%), да и въ самой-то Италіи, чѣмъ южнѣе, тѣмъ композиторовъ оказывается больше: изъ числа 44 на одинъ только Неаполь съ Сициліей приходится 27 и только 17 на среднюю и сѣверную Италію. На этомъ обобщеніи мы особенно настаивать не будемъ, хотя и по отношенію къ нему не можемъ не замѣтить, что оно отличается обычными свойствами всѣхъ вообще ломбровозскихъ обобщеній. Въ самомъ дѣлѣ, точно на музыкальныхъ генияхъ свѣтъ клиномъ сошелся! Мало ли есть гениевъ и въ другихъ сферахъ дѣятельности человѣческаго духа,—наприм., въ поэзій, литературѣ, философіи, наукѣ, политикѣ и т. д.! Если ужъ слѣдить за распределеніемъ гениевъ по географическимъ широтамъ, то всѣхъ ихъ, казалось бы, и слѣдовало взять въ расчетъ, а не ограничиваться какою-либо маленькою категоріей ихъ и не переносить обобщеній съ этой категоріи на гениевъ вообще. У Ломброзо же въ послыжкѣ стоятъ гении-музыканты, а въ заключеніи оказываются ужъ просто гении. А, вѣдь, если взять гениевъ вообще, то, пожалуй, ихъ въ теплыхъ-то странахъ окажется и не больше, а меньше, чѣмъ въ болѣе холодныхъ, и тогда ломбровозское обобщеніе представится, по меньшей мѣрѣ, слишкомъ поспѣшнымъ и не весьма основательнымъ. Но оставимъ его и перейдемъ къ другому, еще гораздо болѣе любопытному обобщенію. Задается Ломброзо вопросомъ, не зависитъ ли творчество гениевъ отъ сез човъ, т.-е. отъ высоты средней температуры въ различныя времена

года. Зависитъ,—рѣшаетъ онъ, порывшись предварительно въ запасенныхъ имъ ворохахъ всяческихъ матеріаловъ, въ массѣ которыхъ можно найти факты для «подтверженія» какихъ угодно положеній. Изъ 1,867 занесенныхъ имъ въ его списки всякаго рода гениальныхъ произведеній (*creazioni geniali*) 539 (около 29%) относятся къ веснѣ, 485 (26%)—къ осени, 475 (болѣе 25%)—къ лѣту и, наконецъ, 368 (почти 20%)—къ зимѣ. Ergo, самымъ плодороднымъ, по части продуктовъ гениальнаго творчества, сезономъ является весна, за нею слѣдуетъ осень, далѣе идетъ лѣто и, наконецъ, зима (*Il delitto politico*, p. 56). Встрѣтившись съ этимъ оригинальнымъ обобщеніемъ, мы, признаться, пришли въ немалое недоумѣніе. Намъ, прежде всего, самъ собою пришелъ въ голову, какъ онъ, вѣроятно, придетъ и нашему читателю, вопросъ: какимъ образомъ Ломброзо сумѣлъ опредѣлить, съ точностью до трехъ мѣсяцевъ, время созданія упоминаемыхъ имъ 1,867 (трудолюбіе-то какое!) гениальныхъ произведеній? Казалось бы, что будь мыслитель хоть семи пядей во лбу, дѣлать такія точныя опредѣленія, за исключеніемъ какихъ-нибудь совершенно исключительныхъ случаевъ, онъ рѣшительно не въ состояніи. Въ самомъ дѣлѣ, мы, вѣдь, прекрасно знаемъ, что даже одно выполненіе великаго произведенія,—съ перомъ, съ кистью, съ рѣзцомъ въ рукѣ,—требуетъ обыкновенно весьма долгаго времени, сплошь и рядомъ затягивается на цѣлые годы, нерѣдко на очень многіе годы. За все это время гениальное произведеніе непрерывно творится, создается. Но, строго говоря, созиданіе это начинается гораздо раньше того момента, когда гений принимается за выполненіе. Великая идея, вложенная въ книгу, въ картину, въ статую, осуществленная въ какомъ-либо политическомъ актѣ и пр., является опять-таки не экспромтомъ; оно вырабатывается, вынашивается въ головѣ,—на большую долю, даже безсознательно,—также долго, оказывается результатомъ длительной мозговой работы, представляетъ собою завершеніе медленнаго и постепеннаго синтеза ранѣе сложившихся или усвоенныхъ идей, понятій, представленій известной категоріи. Такимъ образомъ, корни всякой великой (какъ и невеликой) идеи оказываются уходящими далеко въ прошлое созидателя гения. Гдѣ начало этой идеи, въ какой моментъ она зародилась, когда окончательно оформилась, какой моментъ въ процессѣ ея выполненія самый существенный,—все это такіе вопросы, которые, въ сущности, даже и предлагать совѣтъ нельзя. Мы, конечно, ни мало не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что всякое великое произведеніе создалось (безсознательно и сознательно) въ теченіе *всей*, предшествовавшей появленію его на свѣтъ Божій, жизни гения. А если такъ, то не нелѣпо ли приурочивать его къ тому или другому времени года, какъ это дѣлаетъ Ломброзо? Если бы вы спросили,—ну, хоть Дарвина,—въ какой именно сезонъ, въ весенній или осенній, создалъ онъ свою знаменитую теорію происхожденія видовъ, то онъ, конечно, отвѣтилъ бы вамъ на вашъ вопросъ только обычною ему кроткою, милою улыбкой, полагая, что вы надъ нимъ довольно неостроумно подшучиваете (да мы вполне увѣрены, что ни одинъ

изъ нашихъ читателей и не предложилъ бы никогда столь дикаго вопроса). А вотъ Ломброзо такъ 1,867 разъ предложилъ этотъ вопросъ и—что еще удивительнѣе—самъ же далъ и категорическіе, поражающіе точностью отвѣты: такіе-то шедевры созданы весной, такіе-то зимой и пр. Этакій, вѣдь, глубокій, пронизывающій своимъ умственнымъ взоромъ самыя современныя тайны, мыслитель! Но какиимъ же, однако, приѣмомъ онъ пользовался при этихъ своихъ удивительныхъ опредѣленіяхъ? Очень простымъ, простымъ до гениальности (не даромъ же онъ — *pensatore di genio*): вышла книга въ свѣтъ, положимъ, въ маѣ, онъ и умозаключаетъ, что созданіе ея относится къ маю; сдернулъ художникъ покрывало съ только что оконченной картины и далъ къ этой послѣдней доступъ публикѣ; произошло это, скажемъ, въ декабрѣ, и вотъ Ломброзо «констатируетъ», что такая-то картина создана зимой... Что же, впрочемъ, ему и дѣлать, если, при охотѣ смертной къ установленію разныхъ таинственныхъ отношеній между вещами и явленіями, у него никакого иного приѣма въ данномъ случаѣ подъ руками не было, да и быть не могло? Но намъ-то, въ виду такихъ логическихъ сальто-мортале, остается только *tirer l'échelle*, какъ говорятъ французы.

Вотъ, далѣе, приходитъ Ломброзо въ голову,—по правдѣ сказать, довольно экстравагантная,—мысль заняться вопросомъ, нѣтъ ли отношеній зависимости между степенью гениальности страны и характеромъ геологическихъ формаций въ этой странѣ. Справившись въ своихъ матеріалахъ, нашъ ученый рѣшаетъ, что зависимость такая дѣйствительно есть и что ее можно выразить очень даже простою формулой: «*minimum* гениальности (т.-е. минимальное число великихъ, выдающихся людей) совпадаетъ съ *maximum* омаѣловыхъ образованій» (*Il delitto politico*, p. 76). Изъ диаграммы же, изображенной на стр. 151, мы узнаемъ, что гениальность больше всего процвѣтаетъ на наносной (аллювіальной) формации. Обобщенія эти представляются намъ до такой степени академически-глубокомысленными, что мы, въ качествѣ профана, спѣшимъ поскорѣе проскользнуть мимо нихъ, припоминая на ходу поговорку насчетъ «бузины въ огородѣ» и рекомендуя автору дополнить слѣдующее изданіе книги такими же учеными справками о томъ, не существуетъ ли, грѣхомъ, какой-либо зависимости между степенью гениальности и числомъ вороньихъ гнѣздъ въ данной странѣ или частотою родовъ двойнями, или цвѣтомъ разводимыхъ поросятъ, или степенью распространенности культуры огурцовъ и пр. Впрочемъ, нѣтъ,—беремъ свою рекомендацію назадъ, потому что Ломброзо ги въ какихъ рекомендаціяхъ, очевидно, не нуждается: онъ самъ все предусмотритъ. Вотъ мы только что заикнулись о культурѣ огурцовъ, а оказывается, что Ломброзо уже предупредилъ насъ, наведя точныя справки о таинственной связи между гениальностью и культурою... пшеницы (пшеница, положимъ, не огурцы, но разстояніе-то между тѣмъ и другимъ растительнымъ продуктомъ, съ интересующей насъ точки зрѣнія, думается намъ, не очень ужъ большое). Въ странахъ, въ которыхъ производится много

пшеницы,—читаемъ мы у него на стр. 78 (*Il delitto politico*),— монархическія тенденціи преобладаютъ надъ республиканскими (а нужно замѣтить, что между этими послѣдними и степенью геніальности авторъ нашъ находитъ отношенія *прямой* зависимости). Ну, а вотъ, наприм., съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, которые, какъ извѣстно, производятъ пшеницу въ наибольшемъ, по сравненію съ другими странами, количествѣ, какъ же намъ быть?—спрашиваемъ мы мимоходомъ нашего глубокомысленнаго ученаго, который даже и цѣнные-то данныя сплошь и рядомъ ухитряется, какъ, наприм., въ настоящемъ случаѣ, преподносить читателю въ такомъ неосмысленномъ, несуразномъ видѣ, что остается только рукой махнуть.

VIII.

Просматривая IV главу *Политическаго преступленія (razza, popolazione, sua genialità, cultura, razza e criminalità)*, мы находимъ въ ней, между прочимъ, прелюбопытнѣйшія соображенія насчетъ соотношеній между цвѣтомъ волосъ и геніальностью. И чего, чего тутъ только ни приводится въ доказательство существованія названныхъ соотношеній! «Извѣстно, что египетскіе, халдейскіе и ассирійскіе памятники изображаютъ высокопоставленныхъ особъ (*la persone d'alto rango*) съ голубыми глазами, съ бѣлокурыми волосами». «Героическій типъ въ Греціи былъ, безъ сомнѣнія, бѣлокурый. Боги и герои Гомера всегда высоки ростомъ, бѣлокуры и имѣютъ свѣтлый цвѣтъ глазъ». «Царь Менелай (извѣстный, замѣтимъ мы отъ себя, больше по оффенбаховской опереткѣ, въ качествѣ «царицына мужа») бѣлокуръ». «Всѣ любовники и *cinedi* (оставляемъ это слово безъ перевода) Сафо были бѣлокуры». «Въ римской аристократіи должны были преобладать субъекты бѣлокурые, если судить» по тому-то и по тому-то. «Данте и Петрарка воспѣваютъ бѣлокурые волосы Беатриче, Матильды и Лауры». «Протестантизмъ, какъ выраженіе эволюціи католицизма, распространился въ большей степени между бѣлокурыми, чѣмъ между темноволосыми народами Европы». Съ другой стороны, оказываются «низшими (въ духовномъ смыслѣ) почти всѣ темноволосые народы средиземно-морского бассейна»,—иберійцы, кельты Западной Европы, древніе лигуры, аріо-романцы, семиты, иранцы, берберы, копты и пр. (*Il delitto politico*, p. 97—100). Ну, такъ что-жь?—спроситъ читатель, ознакомившись со всѣми эти драгоцѣнными указаніями.—Да ничего; геніальность стоитъ, вотъ, въ связи со свѣтлыми тонами наружныхъ покрововъ, только и всего,—отвѣтитъ ему «знаменитый» агторъ, «уразумѣвшій таинственную сущность генія», какъ онъ уже доложилъ объ этомъ раньше. И если читатель, несмотря на старательно собранныя и любезно ему преподнесенныя свѣдѣнія о любовникахъ Сафо, о царѣ Менелай и пр., все-таки, ни на шагъ не подвинулся въ уразумѣніи упомянутой сущности, то Ломброзо въ этомъ ужъ совсѣмъ не виноватъ: онъ сдѣлалъ, съ своей стороны, все, что могъ, съ цѣлью дать любезнѣ-

тельными людямъ найденный имъ «ключъ» въ тайнѣ гениальности. А, кстати, съ «ключомъ»-то вѣтимъ, какъ будто бы, не все обстоитъ благополучно. Ломброзо только что повѣдалъ намъ, что наибольшая гениальность наблюдается у бѣлокурыхъ народовъ. А, вѣдь, бѣлокурые народы жительство имѣютъ, по преимуществу, въ странахъ, сравнительно холодныхъ, лежащихъ далѣе къ сѣверу; да и въ текстѣ книги мы находимъ, въ связи съ указаніемъ на успѣхи протестантизма, прямое указаніе на Германию, Англію и пр. Между тѣмъ, мы еще очень недавно слышали отъ автора, что чѣмъ страна теплѣе, южнѣе (въ извѣстныхъ, конечно, предѣлахъ), тѣмъ въ ней, будто бы, больше и гениевъ; припомнимъ, наприм., ссылку хотя бы на Италію. А чѣмъ южнѣе страна, тѣмъ и цвѣтъ наружныхъ порывовъ у людей темнѣе; да и самъ авторъ, какъ мы видѣли, говорить о темноволосыхъ обитателяхъ средиземно-морского бассейна. Такимъ образомъ, гениальность одинъ разъ оказывается стоящею въ интимной связи съ темными волосами, а въ другой разъ—со свѣтлыми. Выходитъ какая-то путаница, получается противорѣчіе,—«ключъ»-то совсѣмъ не отпираетъ, а только вертится въ крѣпко запертомъ замкѣ. Впрочемъ, Ломброзо въ противорѣчіямъ не привыкать стать: они у него на каждомъ шагѣ. А такъ какъ дѣло ему приходится имѣть съ ними очень часто, то и справляться съ ними, когда это ему понадобится, онъ научился живо, по-военному, какъ это мы покажемъ на частныхъ примѣрахъ ниже. Теперь же послушаемъ, что скажетъ намъ Ломброзо о «топографическихъ» условіяхъ гениальности.

«Какъ уже было показано въ *Uomo di genio*, горы (если только онѣ не очень ужъ высоки) благоприятствуютъ гениальности» (*Il delitto politico*, р. 59). Замѣтивъ мимоходомъ, что, несмотря ни на діаграмму, приложенную къ тексту, ни на раскрашенныя карты Франціи (Ломброзо всѣ свои такого рода выводы дѣлаетъ, главнымъ образомъ, на основаніи данныхъ о французскихъ департаментахъ), приложенныя въ концѣ книги, положеніе это не перестаетъ оставаться, въ нашихъ глазахъ, довольно сомнительнымъ, такъ какъ включеніе лицъ въ категорію гениальныхъ или выдающихся въ значительной степени зависитъ отъ авторскаго произвола (въ однихъ департаментахъ, въ которыхъ великихъ людей должно полагаться, по штату, много, въ рангъ выдающихся людей могутъ оказаться возведенными всякія *célebrités de clocher*, и, наоборотъ, тамъ, гдѣ не слѣдуетъ быть обилію въ генияхъ, могутъ не попасть въ регистръ и такіе люди, которые вполне заслуживаютъ упоминанія въ числѣ крупныхъ величинъ),—замѣтивъ это, переходимъ къ вліянію равнинъ на гениальность. «Говоря вообще, равнина... съ незапамятныхъ временъ отличалась консервативнымъ духомъ своихъ обитателей и бѣдностью гениальными людьми» (*l. c.*, р. 71). А что такое, по Ломброзо, гениальный человекъ (помимо его родственности съ сумасшедшимъ)? Это—врагъ рутины, адептъ реформъ и нововведеній, пролагатель новыхъ путей (въ сферѣ мысли и житейской практики), нонконформистъ. И въ это въ виду, наводимъ справку о томъ, что говорить Ломброзо о русскомъ народѣ. Оказывается, что этотъ послѣдній относится нашимъ авто-

ромъ въ числу народовъ, *essenzialmente novatori*, т.-е. крайне склонныхъ ко всякимъ новшествамъ (*Il delitto politico*, p. 131). Быть можетъ, это и очень лестно для насъ, но, вѣдь, нашъ народъ «съ незапамятныхъ временъ» живетъ, какъ кажется, на равнинѣ. Очевидно, и на этомъ пунктѣ мы встречаемся у Ломброзо съ маленькимъ противорѣчьемъ, которое заставляетъ насъ думать, что или мы, русскіе, не склонны къ новшествамъ, т.-е. консервативны, или равнина, сама по себѣ, вовсе ужъ не такъ консервативно дѣйствуетъ на ея обитателей, какъ это утверждаетъ авторъ. Впрочемъ, тутъ можетъ быть сдѣлано еще третье предположеніе, а именно: угнетающее духъ вліяніе равнинности пересиливается, парализуется въ Россіи какими-нибудь другими, болѣе могучими вліяніями. Но есть ли дѣйствительно въ Русской землѣ такія вліянія? Есть, и, притомъ, довольно любопытныя, если судить по кое-какимъ ломбровскимъ указаніямъ. На этихъ послѣднихъ мы остановимся, мимоходомъ, ниже, а теперь поговоримъ о другомъ.

Не стоитъ ли степень гениальности въ отношеніяхъ зависимости къ густотѣ населенія? На вопросъ этотъ Ломброзо отвѣчаетъ отрицательно, причѣмъ говоритъ, по правдѣ сказать, довольно странныя вещи, являющіяся, впрочемъ, лишь точнымъ воспроизведеніемъ того, что уже было сказано имъ на этотъ счетъ въ *Uomo di genio*. Въ каждой странѣ населеніе распредѣляется весьма неравномѣрно: въ провинціи, въ деревнѣ оно разрѣжено, въ столицахъ и вообще въ крупныхъ городскихъ центрахъ оно гуще. Въ большіе же городахъ концентрируются, какъ извѣстно, и почти всѣ крупнѣйшія интеллектуальныя силы страны, всѣ ея гени, всѣ великіе, выдающіеся люди. Въ самомъ дѣлѣ, не въ деревнѣ же процвѣтаетъ гениямъ, великимъ людямъ! Въ деревнѣ обыкновенно не оказывается для нихъ почвы; тамъ имъ не чѣмъ, такъ сказать, питаться, не чѣмъ дышать, не къ чему приложить ихъ силы; тамъ для нихъ нѣтъ благоприятной среды, нѣтъ поприща для дѣятельности. Чтобъ изъ потенциальнаго, никому невѣдомаго, а, слѣдовательно, фактически и не существующаго и не подлежащаго занесенію хотя бы въ тѣ же ломбровскіе регистры, превратиться въ дѣйствительнаго, такъ сказать, осязаемаго гениа, для этого человѣку необходимо стоять у самаго источника, у самой сокровищницы знанія, искусства, необходимо находиться въ самомъ водоротѣ идей, волнующихъ и характеризующихъ текущую современность. Ему необходимы книги, журналы, газеты, бібліотеки, музеи, картинныя и всякія иныя галлерей, лабораторіи, университеты, академіи, передовое общество, собранія, знакомство съ характернѣйшими представителями научной, критической, художественной, общественно-политической мысли. Безъ всего этого онъ не разовьется, не расправитъ крыльевъ, не проявитъ передъ людьми своей гениальности. Чтобъ явиться въ данной средѣ гениемъ, для этого кандидатъ въ гении непремѣнно долженъ открыть какую-нибудь «Америку», непремѣнно долженъ заявить о себѣ чѣмъ-нибудь новымъ и оригинальнымъ, чѣмъ-нибудь такимъ, чего современники еще не знали или не видѣли. Но безъ тѣхъ элементовъ, которые мы перечисляли въ предъидущихъ строкахъ, даже и очень богато

одаренная духовно натура и даже въ самомъ благопріятномъ случаѣ неизбежно обречена будетъ на повтореніе задовъ, на вторичное открытіе открытыхъ уже «Америкъ», а потому и не получить правъ на титулъ генія. Но всё эти элементы бывають сосредоточены въ крупнѣйшихъ городскихъ центрахъ, а потому къ этимъ именно центрамъ генія (въ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. всё великіе, крупные, выдающіеся люди), въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, и оказываются приуроченными. Правда, бываетъ иногда, и, пожалуй, даже нерѣдко, что геній пребываетъ вдали отъ «шума городского», въ деревенской тиши, и оттуда бросаетъ въ міръ великія открытія, великія идеи, «новыя слова». Но не нужно забывать, что, прежде чѣмъ удалиться въ эту тишь, онъ вбираетъ въ себя все, что только могъ ему дать городъ, да и сидя — то въ глуши онъ духомъ своимъ живетъ опять-таки въ томъ же городѣ, питается продуктами городской цивилизаціи: запасается книгами, періодическими изданіями, ведетъ съ городомъ оживленную корреспонденцію и пр., и пр. Вообще, понятіе о геніи представляется почти совершенно неотдѣлимымъ отъ понятія о городѣ. Геній, съ его твореніями, есть самый высшій продуктъ данной цивилизаціи. А городъ есть очагъ цивилизаціи, самое точное мѣрило ея *). Казалось бы, что въ виду всёхъ этихъ элементарнѣйшихъ истинъ, о которыхъ какъ-то неловко даже и распространяться, не можетъ быть ни малѣйшихъ сомнѣній относительно прямой и, притомъ, самой истинной связи геніальности съ городомъ, представляющимъ *maximum* густоты населенія въ странѣ. А Ломброзо не только выдвигаетъ это сомнѣніе на сцену, но еще рѣшительно высказываетъ ту мысль, что геніальность не имѣетъ, по меньшей мѣрѣ, никакого существеннаго отношенія къ городу. «Большое обиліе геніевъ въ большихъ центрахъ, — говоритъ онъ, — есть явленіе скорѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное. Наибольшая часть геніевъ умираетъ въ городахъ, — это правда, но родится въ деревнѣ (*nella campagna*) и появляется въ большихъ городахъ только потому, что находить тамъ для себя возможность приобрести извѣстность. Это обстоятельство заставляетъ думать, что большіе центры гораздо болѣе необходимы для славы геніевъ, чѣмъ для ихъ развитія (*più utili alla loro fama che al loro sviluppo*) **). Для славы, а не для развитія! Но гдѣ же и совершается и ростъ, и развитіе генія, какъ не въ крупныхъ умственныхъ центрахъ?

Это, по меньшей мѣрѣ, очень странное утвержденіе вполнѣ объясняется тѣмъ, что въ вопросѣ о возникновеніи геніальности Ломброзо сильно склоненъ придавать, какъ мы уже это видѣли, слишкомъ большое значеніе всякимъ стихійнымъ факторамъ (климатическимъ, метеорологическимъ, топографическимъ, даже геологическимъ и пр.), изъ-за которыхъ онъ сплошь да

*) Множество чрезвычайно интересныхъ, цѣнныхъ и поучительныхъ данныхъ и с ображеній о значеніи города, какъ показателя цивилизаціи, читатель можетъ найти, и жду прочимъ, въ вышедшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ очень хорошей книгѣ Поля А жуля *Statique des civilisations*.

**) *Il delitto politico*, p. 118—119.

рядомъ и не видитъ факторовъ болѣе существенныхъ, — культурно-историческихъ, социологическихъ. Онъ, очевидно, забываетъ, что, казалось бы, со-всѣмъ ужъ не подобало бы ученому изслѣдователю социальныхъ явленій, а если не забываетъ, то, по крайней мѣрѣ, не удостаиваетъ надлежащимъ вниманіемъ ту несомнѣнную и очень серьезную, по своему значенію, истину, что естественная среда, съ ея стихійными вліяніями, являвшаяся чуть не всеобусловливающимъ моментомъ въ жизни первобытнаго человѣчества, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ это человѣчество духовно развивается, цивилизуется, все полнѣе и рѣшительнѣе отодвигается на задній планъ, уступая свою былую доминирующую роль все болѣе развивающейся, все болѣе и болѣе активной и могучей *средѣ социальной*, съ ея интеллектуально-нравственными вліяніями, которыя и накладываютъ рѣзкую печать на всѣ проявленія человѣческой жизни и играютъ по отношенію къ этимъ проявленіямъ роль причины къ слѣдствію. Благодаря своему безостановочно идущему духовному процессу, человѣкъ изъ жалкаго раба природы, какимъ онъ былъ прежде, день ото дня становится все болѣе и болѣе полнымъ и властнымъ господиномъ этой природы, день ото дня все рѣшительнѣе и успѣшнѣе сбрасываетъ съ себя обрывки той, давно уже порванной имъ цѣпи, которою онъ когда-то накрѣпко былъ скованъ естественною средой по рукамъ и по ногамъ. Природныя, стихійныя условія въ былыя времена ставили ему на каждомъ шагѣ непреодолимыя препятствія въ его жизни и дѣятельности. Теперь уже совсѣмъ не то: мѣшаетъ человѣку гора, стѣною отдѣляющая его отъ его ближнихъ, — онъ ее взорветъ, проишетъ туннелемъ; вредна для здоровья почва, на которой ему приходится жить, — онъ ее ассенизируетъ; бесплодна земля, — онъ ее удобрить и заставитъ давать то, что ему нужно; холоденъ климатъ для необходимыхъ ему культуръ, — онъ создастъ для этихъ послѣднихъ искусственныя благоприятныя условія или, еще проще, добудетъ себѣ продукты этихъ культуръ изъ другихъ странъ, такъ какъ весь шаръ земной къ его услугамъ; нѣтъ въ данной мѣстности воды, мало въ воздухѣ влаги, — онъ проведетъ воду издалека, нароетъ артезианскихъ колодцевъ, начнетъ изыскивать средства для произведенія искусственнаго дождя; тормазятъ его разстоянія, — онъ уничтожаетъ ихъ молніевосными желѣзно-дорожными поѣздами, быстроходными паровыми судами, телеграфомъ, телефономъ, а не сегодня-завтра и покорнымъ его волѣ летательнымъ аппаратомъ; нѣтъ или мало ему свѣта, — онъ обходится и безъ солнца, замѣняя его солнцемъ электрическимъ; не хватаетъ ему для его духовнаго развитія, для удовлетворенія его интеллектуально-нравственныхъ потребностей времени, — онъ создастъ для себя время, освобождая себя отъ физическаго труда, поручая этотъ трудъ самодѣйствующимъ машинамъ, впрягая въ эти машины покоренныя, обузданныя силы природы; мракомъ вѣютъ на него какія-нибудь «равнинныя» вліянія, — онъ разгоняетъ этотъ мракъ лучезарнымъ свѣтомъ знанія. Таковую-то вотъ второстепенную, подначальную, служебную роль все больше и больше играютъ для прогрессирующаго человѣчества естественныя, стихійныя условія

А Ломброзо, толкуя о такихъ, социальных *par excellence*, явленіяхъ, какъ гениальность, преступность, все продолжаетъ себя сосредоточивать наше вниманіе на геологическихъ формаціяхъ, на горахъ, холмахъ и равнинахъ, на средней температурѣ, на сухости и влажности воздуха, на барометрическомъ давленіи и тому подобныхъ, очень, конечно, интересныхъ, но мало идущихъ къ дѣлу матеріяхъ. Какая поистинѣ удивительная слѣпота!

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь, по поводу всего только что сказаннаго, слѣдующій отрывокъ изъ очень хорошей, хотя, къ сожалѣнію, слишкомъ краткой и нѣсколько отрывочной статьи извѣстнаго французскаго криминалиста-соціолога Тарда,—статья, написанной по поводу ломбровознаго *Il delitto politico* и напечатанной въ журналѣ *Revue philosophique* (1890 г., октябрь): «Сколько людей, — замѣчаетъ, между прочимъ, Тардъ,—одаренныхъ замѣчательно богатыми способностями для той или иной отрасли искусства или науки,—универсальные таланты очень рѣдки,—умерли, не оставивъ послѣ себя никакихъ произведеній, благодаря тому, что они имѣли несчаствіе родиться или раньше того времени, когда должны были появиться ихъ логически необходимые предшественники, или вдали отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они могли бы изучить труды этихъ предшественниковъ!... Сколько въ былыя грубыя эпохи невѣдомыхъ артистовъ и поетовъ жалкимъ образомъ погибло въ мірѣ, который не созрѣлъ еще для пониманія и оцѣнки ихъ!... Родись Ньютонъ раньше Кепплера, Дарвинъ раньше Мальтуса и Ламарка, Спенсеръ раньше Огюста Конта или даже Гегеля, и они, быть можетъ, покончили бы свое существованіе во мракѣ неизвѣстности... И кто знаетъ, если бы Ломброзо родился въ Морокко, въ Фецѣ, который и въ климатѣ находится очень теплою, и городъ собою представляетъ довольно большой, съ очень густымъ населеніемъ, или хотя бы даже и въ Парижѣ, но въ XVIII вѣкѣ, раньше Дарвина, Брока и Якоби *), написалъ ли бы онъ тогда *Uomo delinquente, Uomo di genio, Il delitto politico*? И далѣе: «Геній есть явленіе историческое,—явленіе, въ которомъ выражается логическая необходимость. Онъ есть результатъ встрѣчи двухъ моментовъ, результатъ сліянія двухъ потоковъ,—физиологическаго потока мозговыхъ способностей, этихъ счастливыхъ даровъ наслѣдственности, и социальнаго потока запасенныхъ человѣчествомъ знаній. Да что представляютъ собою и сами-то индивидуальныя способности, какъ не органическое закрѣпленіе социальныхъ навыковъ?» Тардъ полагаетъ, что въ генезисѣ гениальности всеобуславливающую роль играютъ не внѣшнія условія окружающей природы, а «логическія теченія», т.-е. идейныя условія данной эпохи... Прибавлять что-либо къ этимъ глупо вѣрнымъ замѣчаніямъ, полагаемъ, совершенно излишне.

Въ заключеніе настоящей главы, обращаемъ вниманіе читателя на одинъ

*) Д-ръ Якоби—нашъ соотечественникъ, сотрудничавшій во время оно въ журналѣ *Знаніе* и написавшій повдѣе замѣчательную книгу *Études sur sélection*, препроданную мадридскою (если не ошибаемся) академіею наукъ. Ломброзо часто на это ссылается въ *Il delitto politico*, хотя часто же и не соглашается.

«перль», случайно найденный нами въ редактируемомъ профессоромъ Ломброзо журналѣ *Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale* (1890, vol. XI, fasc. I, p. 96) и имѣющій прямое отношеніе къ интересовавшему насъ здѣсь вопросу о геніальности. Знаетъ ли читатель, какою любопытною особенностью отличается, между прочимъ, геній? Неправильно въ отечеству (*odio per la patria*). Этотъ изумительный «признакъ» (*carattere*) генія устанавливается на основаніи двухъ коротенькихъ фразъ изъ писемъ Леопарди къ Джіордани и двухъ строкъ изъ бумагъ Шопенгауера («я презираю нѣмецкую націю») и «подтверждается» затѣмъ указаніемъ на Гейне, Данте и Байрона (только!). Вотъ что значить «уразумѣть таинственную сущность генія!» И какъ легко, подумаешь, устанавливать всяческіе отличительные признаки! Два - три крошечныхъ, къ тому же, совсѣмъ неосмысленныхъ факта,—и широкое «обобщеніе» готово, и «признакъ» заносится въ регистръ. Совсѣмъ по-ломбрововски... Мы сказали «неосмысленныхъ» въ виду того, что рѣзкіе, презрительные, бранные эпитеты и слова, весьма, дѣйствительно, часто посылаемые великими людьми по адресу ихъ соотечественниковъ, никоимъ образомъ не могутъ и не должны быть понимаемы буквально, такъ какъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, насколько намъ извѣстно, они являются выраженіемъ совсѣмъ не ненависти, а, напротивъ, страстной любви къ отечеству. Почти всегда великій человѣкъ (особенно въ сферѣ общественно - политической) только мыслитъ объ отечествѣ и живетъ (не отдѣляя его отъ человѣчества); на судьбахъ родины сосредоточиваются всѣ его горячіе помыслы, ему страстно хочется видѣть эту родину стоящую на одномъ съ нимъ духовномъ уровнѣ, раздѣляющую его идеи и стремленія, занимающую, по своему развитію, передовое мѣсто въ ряду другихъ странъ, а она, между тѣмъ, оказывается обыкновенно неизмѣримо ниже того, чѣмъ ее хочетъ видѣть геній, который поэтому и раздражается, сыплетъ на свою отстающую страну горькіе, недобродячіе упреки, крѣпко бранитъ ее, хлещетъ ѣдкими насмѣшками, ядовитыми сарказмами, преслѣдуя при этомъ одну завѣтную цѣль—пронять своихъ соотечественниковъ хоть ударами бича, если ужъ они неспособны проникаться словами убѣжденія, пробудить ихъ отъ сна, заставить оглянуться на себя и идти ускореннымъ шагомъ впередъ, къ той свѣтлой цѣли, которая стоитъ передъ его, генія, умственными очами. Таковъ, именно, почти всегда бываетъ характеръ «ненависти» генія къ своему отечеству,—«ненависти», которая столько же похожа на настоящую ненависть, сколько... ломбрововскія измышленія на истину. Пусть читатель вспомнитъ хотя бы о Бёрнѣ, безпощадно бичевавшемъ свою родную Германію и, въ то же время, плакавшемъ надъ нею кровавыми слезами, и онъ, по всей вѣроятности, согласится съ тѣмъ, что мы только что сказали. А тутъ, въ ученомъ журналѣ, услышать отъ генія бранное слово—и тотчасъ же пресерьезно умозаключаютъ: «ненавидитъ». Вотъ ужъ поистинѣ «слышать звонъ, да не знаютъ, гдѣ онъ». Въ видахъ точности, мы должны, впрочемъ, оговориться, что замѣтка *Odio della patria nei geni* вышла изъ-подъ пера не

самого Цезаря Ломброзо; подъ нею стоитъ подпись *Gino Lombroso*. Но это, конечно, ничего не значить: вѣдь, редактируетъ-то журналъ (вмѣстѣ съ Ферри, Гарофало и Морзелли) самъ Ломброзо,—слѣдовательно, онъ одобрилъ эту нелѣпую замѣтку, придавъ ей серьезное значеніе и считъ нужнымъ довести ее до свѣдѣнія читателей. Очевидно, и самъ нашъ *pensatore di genio* въ серьезъ полагаетъ, что гениамъ свойственно ненавидѣть отечество.

IX.

Посмотримъ теперь, какъ проявляетъ себя мысль Ломброзо въ сферѣ разсужденій о политическихъ преступленіяхъ и о массовыхъ народныхъ движеніяхъ социально-политическаго характера. Тутъ мы находимъ такое множество удивительныхъ, ошеломляющихъ, странныхъ и прямо-таки смѣхотворныхъ выводовъ и «обобщеній», до такой степени этой въ сферѣ авторъ нашъ блещетъ своею «гениальностью», своею замѣчательною способностью къ увеселительной «философіи», что при чтеніи большинства главъ и подраздѣленій этихъ главъ въ *Il delitto politico* *) въ голову самъ собою закрадывается вопросъ: да ужъ угадалъ ли, полно, Ломброзо свое призваніе,—не предназначала ли его судьба для роли комика, а вовсе не антрополога-криминалиста? Всяческихъ соображеній и умозаключеній, не имѣющихъ рѣшительно ничего общаго съ серьезною наукою, здѣсь оказывается, повторяемъ, цѣлая масса; но такъ какъ,—оговариваемся на этотъ счетъ еще разъ,—мы совсѣмъ не думаемъ заниматься систематическимъ разборомъ *Il delitto politico*, какъ и другихъ ломбрововскихъ произведеній, а ставимъ себѣ исключительною цѣлью одну только общую характеристику ломбрововскаго мышленія, то поэтому и здѣсь, какъ и раньше, мы ограничимся указаніемъ только на нѣкоторыя, интересныя съ занимающей насъ точки зрѣнія, положенія нашего автора.

Какъ и при разслѣдованіи вопросовъ объ общей преступности и о гениальности, Ломброзо, приступая къ распутыванію сложной проблемы о преступности политической, обращается, прежде всего, къ изученію вліянія на эту преступность условій метеорологическихъ, климатическихъ и проч. Вотъ, наприм., термометрическія колебанія, констатируемыя при переходѣ изъ одной географической широты въ другую или при смѣнѣ одного времени года другимъ. Не стоятъ ли отъ нихъ въ зависимости всякаго рода

*) *C. Lombroso ed R. Laschi: „Il delitto politico e le rivoluzioni, in rapporto al diritto, all'antropologia criminale ed alla scienza di governo“.* Torino, Fratelli Bocca editori, 1890.

Какъ читатель видитъ, книга эта написана двумя авторами, Ломброзо и кристо-ль Ласки. Но такъ какъ первому изъ нихъ принадлежитъ наибольшая часть труда, какъ какъ этотъ первый до такой степени заслоняетъ собою своего сотрудника, что о послѣднемъ чаще всего даже и совсѣмъ не упоминаютъ, когда говорятъ о *Delitto politico*, и такъ какъ мы, въ статьѣ нашей ведемъ рѣчь исключительно только объ идеяхъ и теоріяхъ самого Ломброзо, то поэтому и мы на Ласки будемъ указывать только въ томъ случаѣ, если то окажется нужнымъ по самому ходу изложенія.

общественно-политическія пертурбаціи? Да, несомнѣнно стоять, — заключаетъ Ломброзо на основаніи собранныхъ имъ историческихъ справокъ.

Въ теплые, въ особенности лѣтніе мѣсяцы всякихъ *ribellioni, rivolte* и *attentati* всегда и вездѣ бываетъ значительно больше, чѣмъ въ холодные. Обратитесь, наприм., къ древнимъ временамъ, загляните въ Византію, античный Римъ и Грецію, и вы убѣдитесь, что матежныхъ движеній въ этихъ странахъ насчитывается: весной—31, лѣтомъ—44, осенью—20, зимою—20. Остановите ваше вниманіе на временахъ новѣйшихъ, проштудируйте подъ руководствомъ Ломброзо исторію любой изъ теперешнихъ странъ, хотя бы, наприм., за періодъ времени между 1791 и 1880 гг., и вы, опять-таки, найдете, что, за весьма рѣдкими исключеніями, лѣтніе и затѣмъ весенніе мѣсяцы—самые безпокойные, самые «матежные» (см. таблицу на стр. 49). Берете вы дѣльicomъ всю Европу за только что указанное время и снова констатируете то же явленіе: интересующихъ насъ движеній въ ней падаетъ на весну—142, на лѣто—167, на осень—94, на зиму—92 (р. 48). Если затѣмъ мы присмотримся и къ лѣтнимъ-то мѣсяцамъ, то окажется, что наибольшее число всякихъ тревоженій въ Европѣ приходится на самый жаркій изъ нихъ, а именно на іюль, а въ южной Америкѣ на январь, соответствующій, по средней высотѣ температуры, нашему іюлю (р. 47). По даннымъ Ломброзо, обуславливающее вліяніе высокой температуры сказывается не только, какъ мы сейчасъ это видѣли, на массовыхъ народныхъ движеніяхъ, но также и на индивидуальныхъ дѣяніяхъ преступно-политическаго характера. Такъ, изъ 48 наиболѣе извѣстныхъ покушеній, совершенныхъ къ XIX вѣкѣ противъ главъ и представителей правительственной власти, на весну и лѣто приходится 29, а на осень и зиму—19; изъ теплыхъ же мѣсяцевъ наибольшее число ихъ (9) приурочивается опять-таки къ іюлю (р. 49—50). Мало того, «географія политической преступности» поучаетъ насъ опять той же самой истинѣ: «число возстаній и революцій растетъ по мѣрѣ перехода отъ сѣвера къ югу, параллельно съ повышеніемъ температуры». Отъ 1791 г. до 1880 г. на 10 миллионoвъ жителей революцій приходилось: въ сѣверной Европѣ—12, въ центральной—25, въ южной—56 (р. 52). На сценѣ опять, значить, высота температуры. О рѣзкомъ вліяніи ея въ указанномъ отношеніи громко свидѣлствуютъ намъ факты,—несомнѣнные факты, говоритъ Ломброзо. Ни мало не отрицая этихъ самыхъ фактовъ, по поводу ихъ можно, какъ намъ кажется, сдѣлать кое-какія довольно существенныя замѣчанія, въ значительной степени ослабляющія ихъ доказательную силу. Такъ, изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, между прочимъ, что въ теплые (весенніе и лѣтніе) мѣсяцы въ Европѣ было, въ общей сложности, 308 (62%) народныхъ движеній, а въ холодные—186 (38%). Разница, конечно, есть, и даже весьма значительная, это правда, но, все-таки, вѣдь, и 186 возстаній, происшедшихъ въ холодныя времена года,—величина весьма и весьма немаленькая. Возникновенію ихъ, этихъ осеннихъ и зимнихъ народныхъ движеній, холодъ, какъ видно, нисколько не помѣшалъ, а если такъ, то очевидно, что тем-

температура въ данномъ случаѣ является вовсе ужъ не такимъ существеннымъ факторомъ, какъ это старается представить авторъ. Это разъ, а потомъ, если интересующія насъ движенія въ теплое время происходятъ и дѣйствительно чаще, то, быть можетъ, это обуславливается вовсе не прямымъ вліяніемъ высокой, относительно, температуры, а просто тѣмъ обстоятельствомъ, что въ теплые сезоны вся вообще социальная жизнь идетъ обыкновенно болѣе быстрымъ темпомъ, а, слѣдовательно, и сходенія этой жизни «съ рельсовъ», выражаясь фигурально, должны быть болѣе многочисленными. Да, немного далѣе, эту, болѣе чѣмъ вѣроятную, гипотезу готовъ, какъ будто бы, допустить и самъ Ломброзо, склоняющійся, между прочимъ, на соображенія Спенсера о томъ, что теплое, лѣтнее время оживаетъ всѣ социальные отношенія, а зимнее, наоборотъ, дѣйствуетъ на нихъ тормозящимъ образомъ (р. 52). Ну, такъ, значить, къ социальнымъ-то этимъ отношеніямъ все дѣло тутъ непосредственно и сводится, а вовсе не къ самой температурѣ. Такъ? Нѣтъ, совсѣмъ не такъ, — отвѣчаетъ нашъ авторъ. — Термическія вліянія, — говоритъ онъ, — оказываются доминирующими надъ социальными, экономическими, которыя, однако же, за самые послѣдніе годы начинаютъ получать все большее и большее значеніе (р. 50). Выходятъ, такимъ образомъ, что вплоть до вчерашняго дня, да въ значительной степени даже и теперь, люди, совершая, скопомъ и въ одиночку, разныя субверсивныя дѣянія, «бѣсились» и «бѣсятся» просто-на-просто *отъ жара*. Превосходная идея!... Обогатившись ею, переходимъ къ соображеніямъ Ломброзо о другихъ естественныхъ условіяхъ и факторахъ политической преступности.

Большая или меньшая сухость воздуха, большее или меньшее непостоянство климата и проч. оказываютъ, по мнѣнію нашего мыслителя, непосредственное и, притомъ, весьма большое вліяніе на степень склонности обитателей данной страны къ новшествамъ, къ переменамъ, къ общественно-политическимъ волненіямъ, возстаніямъ и т. д. Вотъ два примѣра изъ ряда другихъ. Въ сѣверныхъ штатахъ великой заатлантической республики воздухъ отличается сухостью, электрическою напряженностью, въ южныхъ же онъ богатъ влагою. И что же? Сѣверяне проявляютъ крайнюю подвижность ума, способность къ энергичному интеллектуальному труду; у нихъ замѣчается чрезвычайная нервозность, сильнѣйшая склонность ко всякой новизнѣ; среди нихъ кипитъ ожесточенная партійная борьба. Южане же крайне консервативны, консервативны до того, что, наприм., на фабрикахъ и заводахъ штата Георгія съ чрезвычайнымъ трудомъ вводятся новые матеріалы производства и новыя машины, и совсѣмъ не потому, что они считаются худшими, а исключительно только потому, что они *ны*. Далѣе, взять хотя бы Парижъ. Климатъ тамъ отличается непостоянствомъ; за то же и парижанамъ свойственно большое непостоянство, большая склонность къ переменамъ, *alle rivolte* (р. 57 — 58). Но, быть можетъ, скажете вы, какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ подобныхъ примѣрахъ, дѣло гораздо проще, полнѣе и прямѣе объясняется наличиемъ

стью совѣми не метеорологическихъ, климатическихъ и проч., а культурно-историческихъ, политическихъ, экономическихъ, вообще, социальныхъ вліяній? Но Ломброзо, укрѣпившійся на своей «метеорологической» позиціи, даже и вниманіемъ не удостоиваетъ вашего вполне законнаго и весьма серьезнаго вопроса.

Ну, а какъ обстоитъ дѣло по части связи политической преступности съ... геологическими формациями? Да такъ же, какъ это было показано и при разборѣ вопроса о гениальности: мѣловая геологическая формация способствуетъ общественно-политическому покою, консерватизму жителей, а прочія формации навѣваютъ на этихъ послѣднихъ безпокойный, мятежный духъ. Положеніе это доказывается въ *Il delitto politico* общими ссылками на разныя страны и детальными указаніями на департаменты Франціи. Въ тѣхъ изъ этихъ департаментовъ, въ которыхъ оказываются въ изобиліи мѣловыя образованія, преобладаютъ въ избирательной практикѣ вотумы монархическіе или антиреволюціонные; въ другихъ же, отличающихся инымъ геологическимъ характеромъ, преобладаніе на сторонѣ вотумовъ республиканскихъ, хотя,—меланхолически замѣчаетъ Ломброзо,—*le eccezioni son troppo numerose* (р. 74—77). Но какъ же такъ?—воскликнетъ читатель. — Вѣдь, во Франціи вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ существуетъ республика, къ тому же, день ото дня все болѣе и болѣе крѣпящаяся, получающая все большую и большую силу и устойчивость и не проявляющая ни малѣйшихъ признаковъ упадка,—напротивъ! Вѣдь, живя въ ней, власть въ избирательныя урны республиканскіе бюллетени значить проявлять себя, по отношенію къ существующему порядку, консерваторомъ. А если такъ, то, вѣдь, геологическія-то вліянія, если ужъ ихъ выдвигать на сцену, представляются намъ въ видѣ какъ разъ обратномъ тому, въ какомъ ихъ изображаетъ авторъ. Вовсе нѣтъ,—рѣшительно заявляетъ намъ этотъ послѣдній,—«въ странѣ исторически-монархической (*paese storicamente monarchico*) республиканскія тенденціи представляютъ собою настоящую революцію» (р. 59). Такъ вотъ оно что! Оказывается, что подавляющее большинство жителей современной республиканской Франціи находится въ состояніи хроническаго возстанія противъ духа исторіи... Свѣдѣніе весьма поучительное.

Обратимся теперь къ топографіи. Холмы и горы оказываютъ, по Ломброзо, весьма рѣшительное вліяніе на жителей въ смыслѣ развитія у этихъ послѣднихъ безпокойнаго, свободолюбиваго, мятежнаго духа (р. 59—62); равнины же дѣйствуютъ обратно, сковываютъ духъ, обуславливаютъ консерватизмъ (р. 71 — 72). При установленіи этихъ положеній Ломброзо ссылается, между прочимъ, опять на тѣ же французскіе департаменты, въ которыхъ примѣняетъ опять тотъ же критерій (монархическіе и республиканскіе вотумы). Съ плодородіемъ та же исторія, что и съ равнинностью. Между прочимъ, чѣмъ больше пшеницы, тѣмъ больше и консерватизма (р. 78). Не останавливаясь на другихъ, упоминаемыхъ авторомъ естественныхъ условіяхъ, переходимъ прямо къ расовымъ особенностямъ. Вотъ,

прим., форма черепа... Расы широкоголовья (брахицефалы) отличаются авинительною неподвижностью, склонностью къ консерватизму, отсутствию влеченія къ общественно-политическимъ переменамъ и пертурбаціямъ; мы же длинноголовья несравненно болѣе безпокойны и революціонны. В числѣ частныхъ примѣровъ на сцену выдвигается опять та же Франція. Изъ числа 89 французскихъ *grandi novatori e rivoluzionari* авторъ считаетъ всего только 20 (22½%) широкоголовыхъ (Паскаль, Мирабо, Лавуазье, Демуленъ и пр.); всѣ же остальные (77½%)—длинноголовые (р. 96). Опять ссылка на французскіе департаменты: гдѣ жители относятся къ брахицефалическому типу, тамъ обиліе консерваторовъ и реакціонеровъ; гдѣ же преобладаетъ типъ долихоцефалическій, тамъ республиканцы, прогрессисты. Критерій прежній (р. 102). Изъ 86 мятежныхъ движеній, имѣвшихъ мѣсто въ Италіи между 1793 и 1870 гг., только 29 (около 34%) произошли среди широкоголового населенія, остальные же 57 (66%)—среди жителей длинноголовыхъ (р. 101). Возьмемъ, далѣе, цвѣтъ волосъ. Имѣетъ ли онъ прямого отношенія къ нонконформистскимъ, мятежнымъ, революціоннымъ тенденціямъ? Несомнѣнно имѣетъ, — говоритъ Ломброзо, скажу при этомъ въ ходъ всѣ тѣ аргументы, которые уже фигурировали передъ нами въ вопросѣ о геніальности и которыхъ поэтому мы повторять здѣсь и не будемъ. За то, обратно тому, что говорилось по поводу геніальности, Ломброзо утверждаетъ, что высокая степень густоты населения вообще и въ частности наличность крупныхъ городскихъ центровъ являются весьма важными моментами въ процессѣ возникновенія всевозможныхъ общественно-политическихъ тревоженій. Замѣтимъ мимоходомъ, что это есть одно изъ очень немногихъ ломбрововскихъ положеній, съ которыми можно согласиться безъ всякихъ споровъ и ограниченій.

Что касается всѣхъ вообще умозаключеній и выводовъ Ломброзо относительно вліянія на политическую преступность всяческихъ естественныхъ факторовъ, то противъ нихъ съ полнымъ правомъ могутъ быть выставлены всѣ тѣ общія соображенія и возраженія, которыя уже сдѣланы нами выше, когда шла рѣчь о геніяхъ, и которыя сводятся къ тому, что совсѣмъ не естественныхъ условій дѣло, а въ условіяхъ социальныхъ, играющихъ доминирующую роль, между прочимъ, и въ сферѣ социальнополитическаго нонконформизма. Изъ-за мелочей, которыми нашъ мыслитель въ такомъ таинствѣ усердіемъ, съ такою кропотливостью занимается, онъ почти совсѣмъ не видитъ въ данномъ случаѣ (какъ и во всѣхъ) факторовъ основныхъ, всеобуславливающихъ, а потому и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что при объясненіи разбираемыхъ имъ явленій ему на каждомъ шагѣ приходится путаться въ противорѣчій, постоянно наталкиваться на «исключения», которыя рѣшительно не укладываются въ рамки сочиняемыхъ имъ положеній и формулъ и которыя, если только хоть сколько-нибудь внимательно присмотрѣться къ дѣлу, сплошь и рядомъ оказываются на самомъ дѣлѣ ко многочисленнымъ и даже прямо — таки безчисленнымъ, что совершенно уничтожаютъ устанавливаемые Ломброзо «законы» и «правила».

Ну, взять, наприм., хотя бы выводы нашего ученаго о вліаніи горъ: горы, дескать, обусловливаютъ подвижность духа у ихъ обитателей, придаютъ этимъ послѣднимъ беспокойный, мятежный характеръ, противодѣйствуютъ образованію консервативныхъ тенденцій и пр. А вотъ мы, напримѣръ, позволяемъ себѣ категорически утверждать, что тезисъ этотъ будетъ вѣренъ только въ томъ случаѣ, если взять его какъ разъ въ обратномъ смыслѣ, и что всё Ломбровскія умозаключенія на этотъ счетъ представляются намъ результатомъ довольно страннаго недоразумѣнія. Насколько намъ извѣстно, всё,—быть можетъ, даже безъ единого исключенія,—обитатели горъ крайне консервативны, крайне неподвижны въ духовномъ смыслѣ (а, вѣдь, духъ-то намъ только и важенъ). Горцы свободолюбивы, горцы не выносятъ чужого ига и встаютъ противъ тѣхъ, кто пытается покорить, обуздать ихъ,—говорить, между прочимъ, авторъ *Il delitto politico*. Да, все это вѣрно,—отвѣтимъ мы,—но присмотритесь только повнимательнѣе къ духовной фizioноміи этихъ самыхъ свободолюбивыхъ и непокорныхъ горцевъ и вы не замедлите убѣдиться въ томъ, что болѣе, чѣмъ они, одеревенѣлыхъ духовно людей трудно найти на земной поверхности. Обыкновенно они — ярые враги всякихъ новшествъ, живутъ они всецѣло рутинной, традиціями, ревниво оберегаютъ доставшіяся имъ по наслѣдству нравы, обычаи, учрежденія, апеллируютъ всегда къ авторитету старины, оказываются по уши погруженными въ грубѣйшіе предрасудки, отличаются глубокимъ невѣжествомъ, глубокою духовною спячкою и упорно противятся всякому прогрессу, всякимъ попыткамъ заставить ихъ идти впередъ. Это ли, спрашивается, не консерватизмъ? Вдумайтесь въ сущность дѣла и вы увидите, что даже самое свободолюбіе горныхъ обитателей всецѣло питается консерватизмомъ. Всѣ эти положенія наши мы, если бы только въ нашемъ распоряженіи было побольше мѣста и еслибъ это понадобилось, могли бы доказать массой фактовъ. Ограничимся здѣсь указаніемъ только на одинъ крупный и многоговорящій фактъ. Вотъ страна, находящаяся въ самомъ центрѣ цивилизованной Европы, — Швейцарія. Въ то время, какъ швейцарецъ, живущій въ равнинахъ, является однимъ изъ передовыхъ представителей современнаго человѣчества, швейцарецъ-монтаньяръ оказывается олицетвореніемъ консерватизма, застоя, духовной неподвижности. А, вѣдь, обитаемая швейцарскія горы представляютъ вовсе не *montagne elevatissime*, а потому и *dannose*, т.-е. вредными для прогресса. Да и самъ Ломброзо указываетъ на *montanari di Schwitz-Uri ed Unterwald*, въ борьбѣ ихъ съ Австріей и Бургундіей, какъ на извѣстныхъ въ исторіи поборниковъ свободы (р. 61). А вотъ эти самые поборники упорнѣйшимъ образомъ поворачиваются спиной ко всякому прогрессу, и только что названные Ломброзо кантоны оказываются самыми труппными, самыми отсталыми кантонами во всей Швейцаріи. Само собою разумѣется, что, говоря и настаивая наперекоръ Ломброзо на консерватизмъ горцевъ, мы видимъ причину этого консерватизма совсемъ не въ самыхъ горахъ, а въ томъ, что въ этихъ послѣднихъ населеніи и

рѣдко, да и удалено отъ большихъ культурныхъ центровъ, т.-е. городовъ, — другими словами, сводимъ объясненіе явленія на причину не естественнаго, природнаго, а чисто-соціального характера.

X.

Ломброзо и самъ частенько замѣчаетъ, что съ обобщеніями и выводами относительно важной роли естественныхъ условий, вліяній и факторовъ дѣло обстоитъ у него не совсѣмъ благополучно и что всяческія «исключенія» весьма серьезно угрожаютъ устанавливаемымъ имъ «правиламъ». Въ такихъ случаяхъ онъ ополчается на защиту своихъ шаткихъ обобщеній и начинаетъ «объяснять» неповорныя и догучныя «исключенія». Взглянемъ мелькомъ на то, какъ онъ это дѣлаетъ.

Вотъ, наприм., Аргентинская республика. Страна эта плоская, равнинная, плодородная, и «консервативной» пшеницы производитъ, между прочимъ, весьма изрядное количество и пр. Казалось бы, по разнымъ ломбровскимъ «правиламъ» и «законамъ», ей полагается быть страной спокойною, сонною, консервативною, а, между тѣмъ, она только развѣ за самые послѣдніе годы немножечко поуспокоилась, а раньше то и дѣло практиковалась по части революцій, переворотовъ, мятежей, вспышекъ, да и теперь, строго говоря, никакихъ прочныхъ гарантій въ своемъ благополучіи не даетъ. Какъ быть съ такою «исключительною» страной? А очень просто: тамъ, видите ли, доминирующую роль играютъ «другіе факторы, въ особенности: сухой воздухъ, интензивность городской жизни и подражанія европейскимъ революціямъ» (р. 72). Обходя молчаніемъ первый изъ этихъ факторовъ и подвергая нѣкоторому сомнѣнію второй (ужь будто бы въ какомъ-нибудь Буэносъ-Айресѣ, чуть ли не единственномъ дѣйствительно крупномъ центрѣ Аргентины, городская жизнь бьетъ болѣе живымъ ключомъ, чѣмъ, наприм., хотя бы въ огромныхъ городскихъ центрахъ сѣверныхъ штатовъ Сѣверо-Американскаго Союза, которые, несмотря даже и на «сухость воздуха», переворотовъ и мятежей устриваютъ, по меньшей мѣрѣ, немного?), — мы рѣшительно протестуемъ противъ глубокомысленнаго указанія на третій факторъ. Безпокойный характеръ Аргентины обуславливается, — да еще и «въ особенности», — подражаніемъ европейскимъ революціямъ. Откуда Ломброзо это взялъ, на чемъ онъ основывается, выдвигая на сцену этотъ аргументъ? Когда онъ говоритъ о какой-нибудь сухости воздуха, то еще куда ни шло: сухость эта можетъ быть фактомъ, хотя и не особенно пѣннымъ въ интересующемъ насъ вопросѣ, но, все-таки, точно констатируемымъ гигрометромъ. Ну, а какимъ инструментомъ, какимъ точнымъ приѣмомъ установить степень раздражительности жителей? Ломброзо *кажется*, что эта степень высока, другимъ она можетъ показаться низкою; можно по этому поводу спорить, но споръ этотъ будетъ совершенно празднымъ, бесплоднымъ, потому что ни одна изъ спорящихъ сторонъ рѣшительно не въ состояніи убѣдительно доказать вѣрность отъстоявшаго ею положенія. Такого рода положенія всегда являются резуль-

татовъ личнаго взгляда, личной субъективной оцѣнки, а потому неизбежно и носить на себѣ голословный характеръ. Пользуясь ими, можно «доказывать» рѣшительно все, что угодно: мнѣ, дескать, такъ *кажется!* Если ужъ и въ обиходной-то рѣчи профановъ такіе субъективные резоны не считаются основательными, то тѣмъ болѣе неосновательными и недостойными представляются они въ ученомъ изслѣдованіи, претендующемъ на серьезность. Ломброзо прибѣгнувъ въ данномъ случаѣ къ такому совершенно ненаучному аргументу, очевидно, потому, что капризную Аргентину ему во что бы то ни стало нужно было уложить на прокустово ложе своей однобокой теоріи, а болѣе серьезныхъ доводовъ въ пользу резонности совершенія этой операціи у него подъ руками, увы, не оказалось. Вотъ онъ и сослался на «подражанія».

Вотъ, далѣе, Польша. Это—страна тоже очень неудобная для ломбровскихъ обобщеній, и самъ Ломброзо прекрасно это сознаетъ. Страна эта доставляетъ нашему автору, пожалуй, даже больше хлопотъ, въ смыслѣ подведенія ея подъ общій знаменатель теоріи, чѣмъ Аргентина. Въ самомъ дѣлѣ, въ Польшѣ, точно на зло Ломброзо, собрались во-едино почти всѣ естественныя условія, которыя должны были бы сдѣлать страну эту тихую, мирною, консервативною *par excellence*, а она, между тѣмъ, почти за все время своего историческаго существованія только то и дѣлала, что волновалась да бунтовала,—точно, будто, для нея ломбровскіе «законы» совсѣмъ и не писаны. Тамъ и равнинность, тамъ и недостатокъ тепла, тамъ и славянская, органически-консервативная (по Ломброзо) раса, тамъ и брахицефалія, тамъ и преобладаніе, какъ во всѣхъ сѣверныхъ славянскихъ (да и не только славянскихъ) странахъ, бѣлокурого типа надъ темноволосымъ,—и, все-таки, бунтуетъ себѣ историческій полякъ, да и только *). Какъ же, при такихъ неблагопріятныхъ для теоріи условіяхъ, объяснить феноменальную неугомонность исторической Польши? Не «подражала» ли она кому-нибудь въ своей мятежной практикѣ? Нѣтъ, какъ будто бы: сплошь и рядомъ она кипѣла, волновалась и бурлила тогда, когда все вокругъ нея было болѣе или менѣе спокойно. Какъ же быть, въ такомъ случаѣ? Эврика! А какимъ характеромъ отличалась въ Польшѣ умственная культура? Она развивалась въ странѣ «преждевременно» и получила «необыкновенное распространеніе» (*precoce e straordinaria estensione della coltura*); «образованіе проникло тамъ въ самые низшіе классы народа» (р. 123, 124). А, вѣдь, извѣстно, что «культура даетъ зловерные результаты, когда она чрезмѣрна, слишкомъ преждевременна или дурно направлена» (*la coltura ha effetti malefice, quando è troppa, troppo precoce o mal indirizzata*, р. 125). Видите, какъ велика находчивость и изворотливость Ломброзо, до какой степени ученый этотъ неуловимъ и неуязвимъ въ своихъ широкихъ обобщеніяхъ, какъ онъ ловко умѣетъ выпутываться изъ затруднѣній

*) „Polonia... avrebbe avuto tutti gli elementi contrari alla tendenza rivoluzionaria, comechè pianigiana, fredda e di razza slava e brachicefala,—eppure fu la più sediziosa delle popolazioni Europee“ (*Il delitto politico*, p. 123).

и расправляться съ мѣшающими ему «исключеніями»! Въдѣ, ужь въ Польшѣ позиція его была, кажется, совсѣмъ неблестательная, а, между тѣмъ, посмотрите, какой оборотъ получился благополучный. Поискаль, поискаль Ломброзо факторовъ, парализующихъ «несомнѣнное» вліаніе факторовъ естественныхъ, попалась ему при этихъ поискахъ подъ руку «культура», онъ тотчасъ же обозвалъ ее «преждевременною, чрезмѣрною, дурно направленною», привлекая ее, въ качествѣ таковой, къ дѣлу и такимъ манеромъ, какъ будто бы, выгородилъ свою теорію. Ловкій стратегъ! Дѣйствительно ли, однако, ловкій? Намъ думается, что совсѣмъ нѣтъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, чего онъ надѣлалъ. Желая правдоподобнымъ образомъ объяснить встрѣтившееся ему докучное исключеніе изъ его теоріи, онъ до такой степени увлекся, что самъ же, собственными своими руками, взялъ, да и разрушилъ до основанія, незамѣтно для себя, всю свою теорію. Оказывается, что одного какого-нибудь *соціально* условія, вроде «культуры», какова бы она ни была, вполне достаточно, — правда, въ связи съ кое-какими другими, хотя и несущественными, на нашъ взглядъ, но тоже соціальными, для того, чтобы цѣлкомъ парализовать или устранить вліаніе цѣлага ряда первостепенныхъ, по Ломброзо, условій естественныхъ, *природныхъ*. Нашъ мыслитель, очевидно, самъ же себя и бьетъ безпощадно, даетъ намъ въ руки чрезвычайно вѣскій доводъ противъ своихъ обобщеній и выводовъ. Мы, конечно, весьма благодарны ему за это; но чувство благодарности у насъ не заходитъ, однако же, настолько далеко, чтобы помѣшать намъ указать читателю на полнѣйшую негодность того приѣма, который пущенъ авторомъ въ ходъ по отношенію къ неутомонной Польшѣ. «Преждевременная, чрезмѣрная, дурно направленная культура»... Развѣ можно въ ученомъ трактатѣ прибѣгать къ доказательствамъ, всецѣло построеннымъ на *такой* чисто-субъективной оцѣнкѣ явленій? Развѣ можно, при научной разработкѣ какого бы то ни было вопроса, выдавать за непреложную истину то, что кажется носомнѣннымъ изслѣдователю исключительно только съ его личной точки зрѣнія? Развѣ серьезному ученому дозволительно прибѣгать, въ доказательство его положеній, къ голословной, необоснованной ни на какихъ объективныхъ данныхъ аргументаціи? «Чрезмѣрная» и т. д. культура. Но какимъ аршиномъ опредѣлить эту «чрезмѣрность» Ломброзо, какимъ критеріемъ онъ руководствовался, называя польскую культуру «преждевременною», «дурно направленною»? По нашему мнѣнію, всѣ только что упомянутыя квалификаціи свидѣтельствуютъ лишь о полнѣйшемъ авторскомъ произволѣ — и больше ни о чемъ. Быть можетъ, авторъ въ данномъ случаѣ и правъ (мы думаемъ, что совсѣмъ не правъ); но онъ не дозываетъ своей правоты, а только утверждаетъ, между тѣмъ какъ бездоказательныхъ утвержденій тутъ совершенно недостаточно. Если же Ломброзо полагаетъ иначе, то намъ остается только пожать плечами и придти къ тому заключенію, что къ празднословію его вынуждаетъ ничто иное, какъ безрессурсность, соединенная съ упорствомъ въ отстаиваніи его «чрезмѣрно» смѣлыхъ, «преждевременно» порожденныхъ и «дурно направлен-

ных» обобщений (если мы пускаемъ въ ходъ такія квалификаціи, то имъ ихъ,—худо ли, хорошо ли,—доказываемъ фактами, примѣрами). Нечего ему сказать дѣльнаго по поводу Польши, а сказать что-нибудь непременно нужно,—никакъ нельзя позволять странѣ этой ускользать изъ рамокъ теоріи! — и вотъ онъ ухватывается за «вредоносныя» свойства культуры. Нельзя сказать, чтобы все это было очень ужъ «геніально» и поучительно!

Вотъ, вѣдь, далѣе, и наша родина, если взглянуть на нее съ точки зрѣнія Ломброзовскихъ «обобщеній» и выводовъ, тоже, какъ будто, должна представляться автору *Il delitto politico* страной «исключительною», на подобіе Аргентины и Польши противорѣчающею, если судить по многимъ указаніямъ и соображеніямъ Ломброзо, развиваемой этими послѣдними теоріи о роли естественныхъ факторовъ въ процессѣ возникновенія и развитія новаторскихъ, безпкойныхъ, нонконформистскихъ тенденцій. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, въ ней имѣются въ совокупности какъ разъ всѣ тѣ условія, о которыхъ шла рѣчь по поводу Польши (равнинность, холодъ, славянская раса и пр.), а, между тѣмъ, она, какъ мы уже слышали это раньше, называется страной «новаторскою» по существу (*essenzialmente*). Но, прежде всего, на какомъ основаніи Ломброзо ставитъ Россію въ категорію странъ безпкойныхъ, провинутыхъ стремленіемъ къ переменамъ, къ новшествамъ? Да почти исключительно на основаніи одного только факта броженія умовъ, имѣвшаго мѣсто въ 60-хъ и 80-хъ годахъ, совершавшагося, главнымъ образомъ, въ средѣ интеллигентной молодежи и выразившагося, между прочимъ, въ обиліи политическихъ преступленій и политическихъ процессовъ*). Объ этомъ фактѣ Ломброзо только и говоритъ, съ деталями его только и носится, когда ему по тому или другому поводу приходится касаться Россіи. А теперь, узнавъ о томъ основаніи, по которому Ломброзо угодно было отнести наше отечество въ рядъ странъ новаторскихъ и безпкойныхъ, посмотримъ, какъ авторъ выпутывается изъ противорѣчія, на которое мы намекнули въ предыдущихъ строкахъ.

Какія причины, наперекоръ условіямъ климатическимъ, топографическимъ, этнографическимъ и пр., вызвали въ Россіи упомянутое «новаторское» движеніе умовъ? Разыскивая въ *Il delitto politico* матеріалы для отвѣта на этотъ животрепещущій вопросъ, мы наталкиваемся, между прочимъ, на 10 параграфъ V главы, поставленный подъ заголовкомъ: *Riforme politiche inadatte o precoci* (непримѣнимыя или преждевременныя политическія реформы). Читатель нашъ, пробѣжавъ только что написанныя нами строки, придетъ, по всей вѣроятности, въ немалое изумленіе, такъ какъ ему прекрасно извѣстно, что мы, русскіе, по части «преждевременныхъ», а потому и непримѣнимыхъ реформъ, какъ будто бы, не грѣшимъ, и, слѣдовательно, опять, какъ будто бы, названный параграфъ къ намъ ни малѣйшаго отношенія имѣть не можетъ. А вотъ послушайте Ломброзо. Ре-

*) Въ данномъ случаѣ Ломброзо основывается еще на одномъ любопытномъ фактѣ, о которомъ мы скажемъ слова два ниже.

формы названнаго характера являются «самою частою причиною возмущеній». Въ подтвержденіе этого положенія, авторъ нашъ дѣлаетъ многочисленныя ссылки на исторію, указываетъ на то, чѣмъ сопровождалась дѣятельность Савонароллы, Бола-ди-Риензи, Марселя, Бромвеля, Карла III испанскаго, Ивана Грознаго, Петра Великаго и проч., и проч. Вслѣдъ за всѣми этими историческими справками, свидѣтельствующими о томъ, что вредно-де вводить какія бы то ни было реформы, когда страна еще не доросла до нихъ, мы читаемъ, что «гуманитарные законы, направленные противъ невольничества, будучи примѣнены внезапно (преждевременно?), вызвали въ Америкѣ междоусобную войну». Благодаря введенію тѣхъ же самыхъ анти-невольническихъ законовъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ вспыхнула революція въ Суданѣ, причѣмъ «самъ Гордонъ-паша, фанатическій аболіціонистъ, кончилъ тѣмъ, что призналъ необходимымъ, въ видахъ умиротворенія страны, отмѣнить законы, изданные противъ невольничества». Непосредственно послѣ этого стоитъ слѣдующая фраза о Россіи: «основная причина возникновенія нигилизма заключается въ потрясеніи, вызванномъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права въ Россіи» (*la fonte prima del nichilismo è il turbamento prodotto dall'abolizione dei servi in Russia*, стр. 185). А тотчасъ ниже: «единственное возстаніе въ Египтѣ произошло вслѣдъ за первыми реформами Теффика-паши».

Если мы еще разъ замѣтимъ, что упоминаніе о Россіи сдѣлано въ параграфѣ о «преждевременныхъ и непримѣнимыхъ реформахъ», и затѣмъ обратимъ вниманіе на то, что указаніе на великій актъ 19 февраля 1861 года поставлено между фразами о попыткѣ уничтоженія рабства въ Суданѣ и о реформахъ Теффика-паши въ Египтѣ, то для всякаго станетъ ясно, что наша освободительная реформа, золотыми буквами занесенная на страницахъ исторіи и благословляемая десятками милліоновъ русскаго населенія, относится ученымъ туринскимъ профессоромъ-антропологомъ къ категоріи реформъ «преждевременныхъ», а, слѣдовательно, и вредныхъ въ общественно-политическомъ смыслѣ. Полагаемъ, что всякіе комментаріи по этому «перлу» совершенно излишни.

Ну, а какъ вы думаете, читатель, почему въ томъ броженіи умовъ въ Россіи, о которомъ только что была у насъ рѣчь, оказался довольно значительный процентъ женщинъ? Если вы не читали *Il delitto politico*, то съ вами можно держать какое угодно пари, что ни за что не отгадаете. Причины этого, опять-таки совершенно «исключительнаго», не укладывающагося въ рамки ломбрововской теоріи, явленія (женщина, по Ломброзо, вон ервативна до мозга костей),—если мы только случайно не забыли чего-либо въ интересующей насъ книгѣ, — авторомъ указываются въ разныхъ мѣстахъ сочиненія двѣ слѣдующія: «Одною изъ причинъ, толкнувшихъ русскую женщину въ объятія нигилизма, была чрезмѣрная умственная культура» (*l'esagerazione della coltura della donna in Russia fu una delle cause che la gettò in braccio al nichilismo*). Нѣсколькими строками ниже рѣчь идетъ опять о «черезъ-чуръ подвинувшейся впередъ и столь чрезмѣрной

культурѣ славянъ, у которыхъ на большую долю течетъ азиатская кровь, экзальтирующая у нихъ воображеніе» (р. 126). И такъ, преувеличенная, чрезмѣрная культура—вотъ первая причина интересующаго насъ явленія,—причина, которая, по всей вѣроятности, покажется довольно странною нашему читателю, знакомому со степенью умственной культуры въ Россіи и, къ тому же, привывшему слышать, что въ упомянутомъ выше броженіи принимали участіе, будто бы, одни только «недоучившіеся мальчишки и дѣвчонки». Полюбопытствуемъ теперь насчетъ второй причины. Заключается она въ томъ, что очень многимъ русскимъ женщинамъ не удается... выйти замужъ. «Нужно обратить вниманіе,—говоритъ Ломброзо,—также и на нѣкоторыя соціальныя условія, въ особенности на крайнее усиленіе безбрачія, благодаря которому, какъ это преимущественно имѣетъ мѣсто въ Петербургѣ, заглушается семейное начало, и женщина остается внѣ той сферы, которая наиболѣе пригодна для развитія ея способностей». Далѣе идетъ указаніе на то, что въ Петербургѣ за послѣдніе годы 1 бракъ приходится на 155 жителей, между тѣмъ какъ въ Берлинѣ—1 на 115, въ Парижѣ—1 на 109, въ Москвѣ—1 на 137, въ Одессѣ—1 на 107 жителей. «Послѣдствія такого положенія дѣль очевидны: женщины, лишеныя своего естественнаго призванія, устремляются на поприще политической дѣятельности» (*le donne, tolte al loro regno naturale, volgono l'attività alla politica*, р. 227).

Просто даже завидно становится. Такъ для Ломброзо, съ перваго же мелькомъ брошеннаго взгляда, все оказывается «очевидно», «несомнѣнно», ясно, понятно! Такъ просто, легко, быстро распутываетъ онъ самые сложные, самые темные вопросы! Такъ рѣшительно, такъ беззапелляціонно устраняетъ всё, попадающіяся ему на пути, возраженія, такъ живо расправляется съ мѣшающими ему «исключеніями», такъ беззаботно проходитъ мимо безчисленныхъ своихъ противорѣчій! Легко ему толстыя «ученныя» книжки писать и какія угодно «новыя зданія» въ наукѣ сооружать! Полагая, что увеселительный характеръ глубокомысленныхъ философскихъ замѣчаній нашего автора о русскихъ женщинахъ и пр. очевиденъ для читателя и безъ комментариевъ, мы не будемъ останавливаться на этихъ замѣчаніяхъ.

И. Д—овъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Новый расколъ въ нашей интеллигенціи.

(Н. Бельтовъ: „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“.—П. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“).

I.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ средѣ нашей интеллигенціи произошло довольно крупный и весьма обостренный расколъ. Онъ былъ вызванъ появленіемъ въ свѣтъ двухъ сочиненій, заглавія которыхъ я выписалъ выше.

Новое раздѣленіе, новая междоусобица, при малочисленности интеллигенціи (въ лучшемъ смыслѣ этого слова), всегда крайне печальны по своимъ результатамъ. Конечно, различія во мнѣніяхъ неизбѣжны, полемика о нихъ полезна, но если только эта полемика не ведетъ къ обостренному расколу и враждебности въ средѣ той части интеллигенціи, у которой есть многое, что можетъ и должно было бы объединять ее.

Печально такое положеніе не потому лишь, что лучшихъ представителей интеллигенціи у насъ очень мало, а еще и потому, что спорящія стороны, благодаря рѣзкости полемическихъ приемовъ, не въ силахъ стать на болѣе объективную, примиряющую точку зрѣнія, а, между тѣмъ, самый вопросъ, затронутый полемикой, настолько важенъ и насущенъ, что объективное, строго-научное, вѣд-партійное разсмотрѣніе его представляется настоятельною необходимостью. Но, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, обѣ стороны считаютъ себя совершенно безпристрастными, ищущими только одной истины, а потому,—въ этомъ смыслѣ,—и объективными, и научными. Каждая сторона упрекаетъ другую въ субъективизмъ, въ предвзятыхъ взглядахъ, въ теоретическихъ и практическихъ ошибкахъ. И ни той, ни другой сторонѣ нѣтъ *психологической* возможности стать вѣд своего субъективного настроенія, стать на почву научнаго метода.

Вотъ эту попытку я и хочу сдѣлать. Я не мечтаю о роли миротворца; это едва ли и возможно. Я буду считать свое дѣло сдѣланнымъ, если мѣ удастся указать, что и у той, и у другой стороны есть и свои круп-

ныя заслуги, и нѣкоторыя крупныя ошибки; что эти послѣднія происходят и на той, и на другой сторонѣ одинаково отъ недостаточно обоснованнаго социологическаго «субъективизма», хотя одна изъ сторонъ, а именно авторы вышеназванныхъ книгъ, считаютъ себя въ социологии «объективистами». Я постараюсь показать, что названныя книги, во всякомъ случаѣ, принесли крупную пользу, заставивъ вновь пересмотрѣть вопросъ, и дали возможность установить третью, синтетическую точку зрѣнія, которую я и намѣчу въ концѣ.

Я сказалъ, что обѣ книги затрогиваютъ самый насущный вопросъ нашей жизни: должны ли мы пережить ту стадію экономическаго развитія Западной Европы, которая называется капитализмомъ?

Оба автора рѣшаютъ его въ положительномъ смыслѣ, т.-е. что переживемъ мы его неизбежно и переживаемъ даже теперь. Они не отрицаютъ того зла, которое является обыкновенно съ развитымъ капитализмомъ, т.-е. бѣдствій — пролетаріата, обезземеленія массъ, промышленныхъ кризисовъ, безработицы и т. д. Нѣтъ, оба они — горячіе послѣдователи Карла Маркса и, стало быть, враги капитализма, но они убѣждены, вслѣдъ за Энгельсомъ, что освобожденіе отъ капитализма можетъ возникать *только* въ его же собственныхъ нѣдрахъ и не можетъ явиться въ какой-либо другой стадіи экономическаго развитія, наприм., въ той, какую переживаетъ Россія.

Таково, въ общихъ чертахъ, основное положеніе, которое стремятся доказать обѣ книги. Авторы ихъ строятъ свои доказательства на одномъ и томъ же теоретическомъ фундаментѣ, который называется «экономическимъ матеріализмомъ» или еще иначе — «діалектическимъ матеріализмомъ». Дальше мы увидимъ подробнѣе, что такое «экономическій» или «діалектический» матеріализмъ. Пока же замѣтимъ только, что его не нужно смѣшивать съ матеріализмомъ философскимъ. Сущностью экономическаго матеріализма можно считать его утвержденіе, что всѣ явленія челоѣческаго прогресса, т.-е. не только политическія и общественныя формы, но даже мораль, философія, литература, идеи, идеалы, — все выростаетъ на почвѣ экономической, находится въ зависимости отъ стадій экономическаго развитія. Подъ словомъ «экономическія стадіи» понимаются «особыя отношенія людей въ производствѣ», которыя измѣняются въ каждой стадіи: наприм., въ стадіи капиталистической отношенія не тѣ, какія мы находимъ въ стадіи рабочей, и т. под.

Несмотря на полное сходство направленій обоихъ авторовъ, у нихъ оказываются и нѣкоторыя различія. Такъ, г. Струве болѣе догматиченъ; онъ безусловно вѣритъ въ необходимость переживанія для каждой націи всѣхъ стадій, какія пройдены другими, и у него этотъ оттѣнокъ доходитъ до метафизическаго фатализма, причѣмъ онъ даже не считаетъ нужнымъ его доказывать, а просто выписываетъ положенія и цитаты изъ своихъ нѣмецкихъ авторитетовъ. Г. Бельтовъ гораздо болѣе самостоятеленъ и наученъ. Онъ говоритъ: «Всякій процессъ безусловно *обязателенъ* тамъ, гдѣ

онъ существуетъ. Такъ, наприм., горѣніе спички обязательно для нея, разъ она загорѣлась; спичка обязательно гаснетъ, разъ процессъ горѣнія пришелъ къ концу. Въ *Капиталъ* (Маркса) рѣчь идетъ о ходѣ капиталистическаго развитія, *обязательнаго для тѣхъ странъ, идѣ это развитіе имѣетъ мѣсто*» (стр. 251).

Полемизируя съ г. Михайловскимъ, г. Бельтовъ доказываетъ, что тотъ же не понималъ Маркса, когда утверждалъ, что, по мнѣнію этого нѣмецкаго ученаго, «капиталистическое производство обязательно для всѣхъ странъ и для всѣхъ народовъ». «Диалектическій матеріализмъ, т.-е. теорія Маркса, никакихъ странъ ни къ чему не приговариваетъ, онъ не указываетъ пути общаго и «обязательнаго» для всѣхъ народовъ во всякое данное время; дальнѣйшее развитіе всякаго даннаго общества всегда *зависитъ отъ соотношенія общественныхъ силъ внутри его*».

Далѣе онъ приводитъ отрывокъ изъ письма Маркса (къ редактору *Отечественныхъ Записокъ*), которое было напечатано въ *Юридическомъ Вѣстникѣ*. Въ этомъ письмѣ Марксъ говоритъ: «Если Россія будетъ продолжать идти путемъ, избраннымъ ею послѣ 1861 г., она потеряетъ одинъ изъ самыхъ удобныхъ случаевъ, который когда-либо историческій ходъ давалъ народу для минованія всѣхъ перепетій капиталистическаго развитія».

Такимъ образомъ, если г. Бельтовъ считаетъ наступленіе въ Россіи капитализма неизбѣжнымъ, то потому только, что «спичка уже загорѣлась», или, говоря словами Маркса изъ того же письма: «въ послѣдніе годы Россія довольно потрудилась въ смыслѣ шествія по названному пути».

Отъ себя г. Бельтовъ добавляетъ: «съ тѣхъ поръ, какъ это письмо было написано (т.-е. съ 1877 г.), Россія шла по этому пути все дальше и все быстрѣе».

Таковы взгляды г. Бельтова. Имъ нельзя отказать въ вѣсности и основательности, и возражать на нихъ можно только въ двухъ направленіяхъ: или необходимо доказать съ фактами и цифрами въ рукахъ, что Россія еще не вступила на путь капиталистическаго развитія,—а это доказать едва ли возможно*),—или же придется рѣшить вопросъ: можетъ ли страна, уже ступивъ на этотъ путь, свернуть съ него? Посмотримъ сперва, какъ смотреть на этотъ второй вопросъ самъ авторъ. На стр. 257 онъ говоритъ: «Россія будетъ идти по пути капиталистическаго развитія не потому, что существуетъ какая-то сила внѣшняя, какой-то таинственный законъ, толкающій ее на этотъ путь, а потому, что нѣтъ *фактической внутренней силы*, которая могла бы сдвинуть ее съ этого пути». Въ другомъ мѣстѣ эта мысль выражена еще точнѣе: «Надо изучить,—говоритъ авторъ,—прежде всего отношеніе общественныхъ классовъ. Только такое изученіе можетъ показать, что «обязательно» и что «необязательно» для даннаго общества» (стр. 253).

*) Ниже будутъ приведены цифры, доказывающія, какъ глубоко уже проникъ капитализмъ въ самую жизнь народа, въ деревню и даже общину.

Читатель видит, что авторъ считалъ бы возможнымъ «сдвинуть Россію» съ этого пути, когда она уже стоитъ на немъ, если бы для этого были шансы въ «отношеніяхъ классовъ», въ «существованіи внутреннихъ силъ, необходимыхъ для этого».

Отсюда и возникаетъ возраженіе г. Бельтова нашимъ «народникамъ-идеалистамъ». На что они надѣются? До сихъ поръ они указали только одну такую силу: *ихъ собственные идеалы*, но г. Бельтовъ находитъ, что это столь же мало дѣйствительно, какъ и надежда тюремнаго узника бѣжать изъ запертой тюрьмы при помощи лодки, нарисованной на стѣнѣ. Это вовсе не значить, что г. Бельтовъ не признаетъ никакого значенія за идеалами и идеями, — какъ мы видимъ это у г. Струве, — нѣтъ, авторъ «монистическаго взгляда» признаетъ даже, что идеи и идеалы или, какъ называетъ онъ, «психологическая эволюція», предшествуютъ экономическимъ переломамъ (стр. 176), но чтобы вліять на процессъ развитія, они не должны быть лишь въ головахъ отдѣльныхъ личностей, «героевъ», по г. Михайловскому, какъ его понимаетъ г. Бельтовъ *). Онъ полагаетъ, что народники-идеалисты думаютъ такъ: «были бы герои, толпа для нихъ найдется, и эти герои — мы, т.-е. субъективная интеллигенція», но, — говоритъ на это г. Бельтовъ, — «ваше противоположеніе героевъ толпѣ есть простое самоиѣніе и потому самообманъ. И вы останетесь простыми говорунами до тѣхъ поръ, пока не поймете, что для торжества вашихъ идеаловъ надо устранить самую возможность такого противопоставленія, надо разбудить въ толпѣ героическое самосознаніе».

Но если бы только въ этомъ было разногласіе г. Бельтова съ народниками-идеалистами, то, вѣдь, оно оказывалось бы разногласіемъ «мнимымъ», такъ какъ г. Михайловскій заявилъ открыто, что никогда не думалъ когонибудь «благодѣтельствовать» ad hoc. Въ виду этого трудно согласиться съ г. Бельтовымъ, когда онъ, обращаясь къ своимъ противникамъ, говоритъ имъ: «Не слѣдуетъ оставлять свѣтильника въ тѣсномъ кабинетѣ интеллигенціи! Пока существуютъ «герои», воображающіе, что имъ достаточно просвѣтить свои собственные головы, чтобы повести толпу всюду, куда имъ угодно, чтобы лѣпить изъ нея, какъ изъ глины, все, что имъ вздумается, — царство разума остается фразой, благородною мечтой».

Я сказалъ, что съ этимъ нельзя согласиться, но, конечно, не потому, что это положеніе не вѣрно само по себѣ, а только потому, что эта «аксіома» едва ли гдѣ-нибудь и когда-нибудь отрицалась народниками-идеалистами или субъективистами. Я ничего подобнаго не помню, а, наобо-

*) Г. Михайловскій въ январской книжкѣ *Русскаго Богатства* отвергаетъ такое пониманіе своей теоріи „героевъ и толпы“, утверждая, что называетъ „героями“ вообще всякихъ энергическихъ вожаковъ, увлекающихъ толпу, а вовсе не хотѣлъ этимъ сказать, что человечество спасутъ „герои“ въ смыслѣ Карлейля. Онъ отвергаетъ обвиненіе, что субъективисты „не желаютъ содѣйствовать сознанію производителей, а думаютъ облагодѣтельствовать ихъ на условіяхъ полной покорности массъ“ (*Русское Богатство*, № 1, стр. 144).

ротъ, вижу въ этомъ направленіи постоянное стремленіе не ставить свѣтильника въ узкомъ кабинетѣ интеллигенціи, т.-е. постоянное горячее стремленіе къ наибольшему просвѣщенію народа. И такъ, если бы только въ этомъ было разногласіе, то оно падаетъ само собою, является какимъ-то недоразумѣніемъ.

По существу самъ г. Бельтовъ не только признаетъ, что человѣчскій разумъ, а, стало быть, и его созданія — идеи, идеалы, знаніе имѣютъ значеніе, — онъ идетъ, пожалуй, дальше субъективистовъ и утверждаетъ слѣдующее: «такъ какъ человѣчскій разумъ можетъ восторжествовать надъ слѣпою необходимостью, только *познавъ* ея собственные внутренніе законы, только побивъ ее ея собственной внутренней силой, то *развитіе знанія, развитіе человѣческаго сознанія* является благороднѣйшею задачей мыслящей личности». На основаніи этого положенія, авторъ приходитъ даже къ тому, что торжество необходимости надъ человѣкомъ есть временное торжество, зависящее отъ его незнанія законовъ дѣйствительности. Когда это незнаніе замѣнится знаніемъ, тогда человѣкъ самъ овладѣетъ необходимостью и законами жизни и будетъ ихъ направлять къ своимъ цѣлямъ.

Послѣ такихъ заявленій читатель рѣшительно недоумѣваетъ, въ чемъ же то коренное разногласіе, которое заставило г. Бельтова излить столько сарказмовъ, насмѣшекъ и укоровъ на г. Михайловскаго и лицъ, раздѣляющихъ его взгляды? Разногласіе лежитъ глубже.

Такъ, по г. Бельтову, «психологическая эволюція» хотя и предшествуетъ экономическому перевороту, но сама все же развивается *только на экономической почвѣ*. «Психологія общества, — говоритъ онъ на стр. 176, — *приспособляется къ его экономіи*. На данной экономической основѣ роковымъ образомъ возвышается соответствующая ей идеологическая надстройка. Но, съ другой стороны, каждый новый шагъ въ развитіи производительныхъ силъ ставитъ людей, въ ихъ повседневной житейской практикѣ, въ новыя взаимныя положенія, не соответствующія отживающимъ отношеніямъ производства. Эти новыя, небывалыя положенія необходимо отражаются на психологіи людей и очень сильно ее видоизмѣняютъ. Въ какомъ же направленіи? Одни отстаиваютъ старые порядки: это — люди застоя. Другіе, тѣ, которымъ невыгоденъ старый порядокъ, стоятъ за поступательное движеніе; ихъ психологія видоизмѣняется въ направленіи тѣхъ отношеній производства, которыми замѣняются современемъ старыя, отживающія экономическія отношенія».

Говоря проще, психологическая эволюція, предшествующая реформѣ, развивается на опытѣ тѣхъ неудобствъ, которыя представляетъ предыдущая стадія. Такимъ образомъ, хотя психологическая эволюція и предшествуетъ реформѣ, но чтобы она явилась и создала реформу, нужно людямъ пережить *неудобства* предыдущей стадія, а такъ же, конечно, и самую стадію, наприм., капитализмъ.

И такъ, вотъ гдѣ коренное разногласіе: народники-идеалисты не хотятъ

признать, что необходимо фактически пережить капиталистическую стадию для того, чтобы явилась «психологическая эволюция», отрицающая ее. Но тут противники г. Бельтова могли бы упрекнуть его как раз в том самом, в чем он только что упрекнул их, а именно—в противупоставлении «героевъ» толпѣ: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, г. Бельтовъ и его сторонники могли же сознать неудобства и опасности капиталистической стадіи, *переживая ея фактически*. Почему же народъ русскій долженъ непременно пережить ее de facto, чтобы понять ея опасности и неудобства? Откуда такое различіе между интеллигенціей и массой, оказывающееся у гг. экономическихъ матеріалистовъ? Можетъ казаться, что эта группа гораздо арстократичнѣе идеалистовъ-народниковъ. Вѣдь, тѣ, наоборотъ, додумавшись сами до извѣстныхъ положеній путемъ теоретическимъ и научно-историческимъ, т.-е. ознакомленіемъ съ исторіей капитализма въ Западной Европѣ, очевидно, находятъ, что и весь русскій народъ можетъ тѣмъ же путемъ совершить свою «психологическую эволюцію», не нуждаясь въ туманахъ «нагляднаго обученія» при посредствѣ самого капитализма. Вѣдь, народъ русскій не изъ другой же глины сдѣланъ?

Этого противорѣчія не замѣчаетъ г. Бельтовъ въ своей теоріи, иначе онъ, конечно, объяснилъ бы его читателямъ.

Такъ какъ я ни на минуту не допускаю у него тѣхъ взглядовъ на массу, въ которыхъ онъ только что обвинялъ другихъ,—хотя и ошибочно,—то приходится намъ самимъ объяснить это противорѣчіе. Г. Бельтовъ, очевидно, могъ бы сказать, что различіе между интеллигенціей и массами лежитъ, въ данномъ случаѣ, не въ томъ, что онѣ изъ разной глины сдѣланы, а въ томъ, что онѣ живутъ въ совершенно различныхъ условіяхъ *умственной жизни и возможности пріобрѣтенія знаній*. Мнѣ кажется, ничего иного не могъ бы отвѣтить самъ г. Бельтовъ, *если только она признаетъ, что у него самого и у народниковъ-идеалистовъ психологическая эволюція созрѣла*. Я допускаю даже такое его возраженіе, что, дескать, все-же и у насъ, интеллигентовъ, эта психологическая эволюція развилась на почвѣ капитализма, который мы наблюдали, хотя и не въ Россіи, и узнали отчасти по книгамъ, описывавшимъ его, отчасти—посредственно, наблюдая жизнь Западной Европы.

Но если такъ, то оказывается, что фактическаго наступленія капитализма было бы и совсѣмъ не нужно для пріобрѣтенія извѣстнаго сознанія, если бы масса могла пользоваться такими же условіями умственной жизни, какими пользуется интеллигенція, то-есть, еслибы она могла пріобрѣтати знанія, наприм., хотя бы по новѣйшей исторіи Западной Европы и ея экономическихъ порядковъ. А, вѣдь, это измѣняетъ весь вопросъ.

Соглашаясь даже съ авторомъ, что психологическая эволюція возникаетъ только на экономической почвѣ, т.-е. требуетъ извѣстной экономической стадіи, мы изъ этого же положенія дѣлаемъ иной выводъ, чѣмъ онъ: эта стадія *дана намъ Европой*, и знакомство съ этою стадіей (*теоретическое*) можетъ и должно замѣнить для насъ фактическое перенесеніе ея на сво-

ихъ плечахъ. Если для такой возможности требуются доказательства, то они имѣются въ лицѣ самого автора, г. Струве, и всей той части русской интеллигенціи, которая достигла даннаго сознанія путемъ научнымъ, теоретическимъ.

Отсюда мы видимъ, что разногласіе между противниками могло бы быть сведено на почву еще болѣе ограниченную, а именно: на вопросъ о томъ, есть ли *фактическія основанія* надѣяться, что для русской массы возможно въ скоромъ времени наступленіе такихъ умственныхъ условій, при которыхъ она можетъ ознакомиться научно-теоретически съ высокимъ и важнымъ значеніемъ исконныхъ формъ ея быта, а именно — артели, общины, кустарныхъ промысловъ и т. д., или такая надежда невозможна?

Этотъ вопросъ я разсмотрю въ концѣ статьи, послѣ разбора книги г. Струве, а теперь замѣчу только: уже возможность постановки такого вопроса доказываетъ, что существуетъ для нашей промышленности не одинъ только исходъ, какъ думаетъ г. Бельтовъ, но еще и другой: *обходъ капитализма черезъ теоретическое* ознакомленіе съ нимъ. И, во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ рѣшить, что наступленіе капитализма неизбежно, г. Бельтовъ долженъ былъ доказать невозможность втораго исхода.

И такъ, оставляя эту задачу до конца статьи, я теперь отвѣчу еще на одно возраженіе и даже на два, которыя почерпаю изъ книги г. Бельтова. Онъ говоритъ, что моментъ поворота съ капиталистическаго пути уже пропущенъ, такъ какъ «капитализмъ уже насаждается съ самаго освобожденія крестьянъ». Но ни г. Бельтовъ, ни Марксъ не указываютъ того *момента* въ развитіи капитализма, послѣ котораго невозможенъ поворотъ. Между тѣмъ, они оба признаютъ, какъ мы видѣли, что въ началѣ развитія онъ *возможенъ*. Такъ, въ письмѣ Маркса это совершенно опредѣленно выражено фразой: «если Россія *пойдетъ далѣе* по тому же пути». Стало быть, необходимо точно указать каковой-нибудь законъ, на основаніи котораго то, что было возможно въ 1877 году, т.-е. черезъ 15 лѣтъ, послѣ начала нашего капиталистическаго процесса, невозможно черезъ 33 года. Такого закона, опредѣляющаго моментъ, послѣ котораго можно произнести знаменитую фразу: «оставь всякую надежду», г. Бельтовъ не указалъ, если не считать ссылки на загорѣвшуюся спичку (см. выше). Однако, такая ссылка, представляющая только метафору, до такой степени не можетъ служить научнымъ доказательствомъ, что было бы странно даже возражать противъ нея, наприм., въ такомъ родѣ, что спичку всегда можно загасить и не дать ей догорѣть до конца.

Но тутъ возникаетъ другое, уже приведенное мною выше, возраженіе: г. Бельтовъ не видитъ той силы, того соотношенія общественныхъ классовъ, которыя могли бы противиться наступленію капитализма. Однако, говоря это, онъ имѣлъ въ виду тѣ крупныя экономическія мѣропріятія, которыя могли бы измѣнить начавшееся теченіе. Онъ не имѣлъ въ виду собственно того возраженія, которое я поставилъ сейчасъ, относительно возможности теоретическаго переживанія стадіи капитализма, вмѣсто фак-

тического. Я готовъ согласиться съ нимъ, что, быть можетъ, одного теоретическаго переживанія,—если бы на него и была надежда,—еще недостаточно безъ важныхъ экономическихъ мѣропріятій. Но г. Бельтовъ не указываетъ, какія же мѣропріятія могли бы остановить торжественное шествіе капитализма? Вѣдь, послѣ такого указанія можно было бы сказать точно, есть ли на нихъ надежда при существующемъ отношеніи общественныхъ классовъ. Значить, мы видимъ тутъ крупный пробѣлъ въ доводахъ г. Бельтова, и намъ придется пополнять его самимъ, что мы сдѣлаемъ также въ концѣ статьи, послѣ разбора книги г. Струве. Этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ другимъ, котораго касается и г. Струве, а именно: зависить ли возникновеніе извѣстныхъ идей, идеаловъ (и, наоборотъ, борьбы съ ними «поборникомъ застою») исключительно отъ классовыхъ экономическихъ интересовъ? Этотъ вопросъ удобнѣе также отнести къ концу, разобравъ его въ связи съ предъидущими.

Наконецъ, есть въ книгѣ г. Бельтова одно весьма важное и существенное возраженіе, это — исторія экономическихъ идей въ Западной Европѣ: онъ доказываетъ, что идеи и чаянія нашихъ народниковъ-идеалистовъ уже давно были въ Европѣ, но не остановили тамъ шествія капитализма. На первый взглядъ, это возраженіе кажется роковымъ, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оно не выдерживаетъ критики: когда въ Западной Европѣ появились идеи, подобныя идеямъ нашихъ народниковъ-идеалистовъ, капитализмъ тамъ еще не былъ извѣстенъ *по опыту* въ своихъ послѣдствіяхъ. Наоборотъ, для насъ, русскихъ, выступающихъ на тотъ же путь лишь теперь, эти послѣдствія хорошо извѣстны. И не только извѣстны они людямъ съ широкимъ научно-экономическимъ образованіемъ, но и каждому заурядному читателю маленькой провинціальной газеты, воспроизводящей судебные отчеты или просто телеграммы о томъ, что происходило, хотя бы во Франціи, въ послѣднія десятилѣтія *).

Одинъ изъ нашихъ извѣстныхъ писателей, защищая общину, сказалъ еще 30 лѣтъ тому назадъ: «Исторія, какъ бабушка, любитъ младшихъ внуковъ. *Tarde venientibus* (т.-е. позднѣе родившимся) она даетъ не *osses* (кости), а *medullam ossium* (костный мозгъ), разбивая которыя Западная Европа больно ушибала себѣ пальцы».

До какой степени капитализмъ казался въ то время благотѣльнымъ въ Западной Европѣ, видно изъ того, что даже западно-европейскіе утописты (въ 30 и 40-хъ гг.) серьезно рассчитывали на капиталистовъ, какъ, наприм., Фурье, а О. Контъ ставилъ банкировъ даже въ качествѣ заправилъ своей будущей позитивной утопіи.

И такъ, утверждать, что наши народники-идеалисты занимаются дѣломъ бесплоднымъ, потому что въ Европѣ, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому на-

*) Я здѣсь имѣю въ виду не одно панамское дѣло, но и цѣлый рядъ болѣе грозныхъ событій, потрясающихъ покушеній etc. Одна желѣзно-дорожная стачка въ Америкѣ, остановившая чуть не на мѣсяцъ производство цѣлой страны, или стачка каменно-угольныхъ рабочихъ въ Германіи способны научить многому.

задѣ, подобное же направленіе ничего не могло сдѣлать,—это значить идти не методомъ науки, которая требуетъ изученія условій, при которыхъ дѣйствуетъ тотъ или другой факторъ. Такъ, наприм., можно ли утверждать, что спичка никогда не можетъ зажечь соломы на томъ основаніи, что она не зажгла мокрой соломы? Впрочемъ, это такъ элементарно, что я позволю себѣ закрыть пока книжку г. Бельтова и заняться сочиненіемъ г. Струве.

II.

Я уже сказалъ, что г. Струве гораздо догматичнѣе г. Бельтова: вся его книга, вмѣсто идей и опредѣленій самого автора, даетъ ряды выдержекъ изъ иностранныхъ писателей, преимущественно изъ Энгельса. Кромѣ того, хотя и книга г. Бельтова построена, главнымъ образомъ, на полемикѣ съ гг. Михайловскимъ, В. В., Кривенкой, Карѣвымъ, но онъ не довольствуется этимъ, а обосновываетъ свои положенія самостоятельно; между тѣмъ, г. Струве ограничивается только полемикой съ тѣми же авторами, но полемизируетъ весьма оригинальнымъ способомъ: выписавъ какое-нибудь положеніе противниковъ, онъ тутъ же приводитъ противоположную мысль своихъ нѣмецкихъ учителей, и дѣло съ концомъ. Такой приемъ не случайность: почтенный авторъ говоритъ, что избралъ его сознательно. Выходить такъ, что истина можетъ находиться только или у г. Энгельса и К°, или у г. Михайловскаго и его сторонниковъ. Третьяго выхода нѣтъ. Это какой-то странный законъ «исключеннаго третьяго». Если доказано, что г. Михайловскій ошибается, то ужъ не нужно и доказывать, что Энгельсъ и его послѣдователи владѣютъ истиной. Я, между прочимъ, покажу дальше, что существовали и существуютъ совершенно иные взгляды, и даже на той самой подкладкѣ «экономическаго матеріализма», которой держится Энгельсъ, и эти взгляды принадлежать, между прочимъ, не какому-либо малоизвѣстному автору, а извѣстному русскому писателю, котораго самъ г. Струве называетъ «основоположникомъ» той западной группы нашихъ народниковъ, противъ которыхъ написана его книга. Но авторъ обходитъ этого писателя слѣдующимъ приемомъ: «Основоположникомъ западной группы нашихъ народниковъ,—говоритъ г. Струве,—былъ авторъ *Критики философскихъ предубѣжденій противъ общины*, но на его взглядахъ мы, по нѣкоторымъ причинамъ, не считаемъ возможнымъ останавливаться и потому переходимъ прямо къ ученію о личности, выставленному г. Миртовымъ и воспринятому г. Михайловскимъ».

Странно! Если кто-нибудь желаетъ опровергнуть извѣстную теорію, то невозможно, — безъ особо-уважительныхъ причинъ, — обходить ея *основоположеній*, а, стало быть, и *основоположника*. Тѣмъ болѣе нельзя обходить такого основоположника, который ставилъ и доказывалъ ея основоположенія иначе, чѣмъ теперешніе народники-идеалисты; это я и укажу дальше, въ видѣ, такъ сказать, «исторической справки»: изъ нея читатели

убѣдятся, что вышеупомянутый «основоположникъ» самъ стоялъ на почвѣ экономическаго и даже діалектическаго матеріализма и приходилъ къ выводу, діаметрально противоположному выводамъ теперешняго «матеріализма».

Но «что съ воза упало, то пропало». Посмотримъ же, насколько г. Струве сокрушилъ своихъ современниковъ. Изложивъ подробно взгляды гг. Миртова, Михайловскаго и В. В. на значеніе личности въ прогрессѣ, г. Струве условно соглашается съ ними: «и матеріалисты знаютъ,— говоритъ онъ,— что человѣкъ не только воспринимаетъ внѣшнія отношенія, но и реагируетъ на нихъ. Очень понятно, что капиталистическій строй вызываетъ въ эксплуатируемыхъ массахъ реакцію, выражающуюся въ построеніи коллективныхъ идеаловъ... Вотъ еслибъ указанные идеалы получили широкое распространеніе въ массѣ предпринимателей, то это было бы психологическій казусъ, который, пожалуй, заставилъ бы насъ увѣрять въ социологическій идеализмъ».

Остановимся сперва на этомъ возраженіи: развѣ «народники-идеалисты» возлагали свои надежды на такой «психологическій казусъ»? Такое вѣрованіе можно бы приписать, пожалуй, Л. Н. Толстому и его послѣдователямъ, но извѣстно, что у этого писателя нѣтъ противниковъ болѣе жестокихъ, — именно въ этомъ пунктѣ, — какъ г. Михайловскій. Надѣюсь, что такое *qui pro quo* употреблено г. Струве только въ «жару спора», т.-е. бессознательно.

Я не раздѣляю оптимистическихъ надеждъ Л. Н. Толстого на возможность обратить всѣхъ кулаковъ-Брежуновыхъ (герой его послѣдняго разсказа *Хозяинъ и работникъ*) въ людей, жертвующихъ своею шубой и даже жизнью для спасенія Никиты. Не надѣюсь я на это даже и при помощи средствъ болѣе дѣйствительныхъ, чѣмъ то единственное, которое употребляетъ Л. Н. Толстой, а именно запугиваніе Брежуновыхъ и «Ивановъ Ильичей» (герой другого разсказа) ужасомъ «смертнаго часа». Но я полагаю, однако, что и проводимый г. Струве, а также и г. Бельтовымъ, взглядъ, будто бы «истинное сознаніе» возможно только при фактическомъ переживаніи неудобной экономической стадіи и *только тѣми*, кто *страдаетъ отъ нея*, не выдерживаетъ напора противоположныхъ фактовъ. Я обѣщала поговорить объ этомъ по поводу г. Бельтова, что и сдѣлаю теперь. Г. Бельтовъ высказалъ это положеніе въ вышеприведенной выдержкѣ о «психологической эволюціи». Онъ говоритъ тамъ: «Одни (подъ влияніемъ данной экономической стадіи) отстаиваютъ старые порядки: это—люди застоя. Другіе, тѣ, *которымъ невыгоденъ старый порядокъ*, стоятъ за поступательное движеніе» и т. д.

Однимъ словомъ, возникновеніе идеаловъ лучшаго, по этому взгляду, оказывается возможнымъ только на почвѣ *фактической неудовлетворенности*, а потому можетъ проявиться только въ томъ классѣ, который поставленъ данною стадіей въ «невыгодныя» условія, и, притомъ, *только экономическія* (это—якорь теоріи). Г. Струве высказывается въ этомъ отношеніи еще опредѣленнѣе. «Есть люди-гении и люди толпы, массы. Только

первые суть личности, вторые же безличны (а г. Бельтовъ приписывалъ этотъ взглядъ г. Михайловскому и народникамъ-идеалистамъ). Но и первые суть только производная всѣхъ ранѣе жившихъ и современныхъ имъ личностей, т.-е. *соціальной группы*» (стр. 31). Поэтому «соціальный материализмъ просто *инорируетъ личность*, какъ соціологически-ничтожную величину».

Однако, обратимся къ фактамъ: мы видимъ, наприм., что сами авторы, т.-е. г. Бельтовъ и Струве, какъ и ихъ мнимые противники, народники-идеалисты, возникли вовсе не изъ классовъ, обездоленныхъ капитализмомъ. Обращаясь къ исторіи, мы видимъ то же самое: крупнѣйшіе поборники экономического прогресса въ пользу класса «производителей»,—какъ Люи-Бланъ, Марксъ, Лассаль,—принадлежали не къ этому классу, а жили и воспитались въ атмосферѣ и условіяхъ высшихъ классовъ. Стало быть, не экономическія условія создали ихъ «психологическую эволюцію». То же самое мы видимъ и въ исторіи освобожденія русскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости: люди, стоявшіе во главѣ освободительнаго движенія,—какъ въ сферѣ власти, такъ и въ сферѣ литературы этого движенія,—которое можно считать съ Радищева и кончать Тургеневымъ, Григоровичемъ, Некрасовымъ и «основоположникомъ» современнаго «западнческаго народничества»,—были представителями или высшихъ классовъ, т.-е. дворянства и аристократіи, или выходцами изъ духовнаго сословія. И тѣмъ, и другимъ не только не была «невыгодна» стадія крѣпостного права, но, наоборотъ, ея отбѣна влекла для нихъ существенныя экономическія лишенія.

Но это не все: если бы взгляды, убѣжденія и идеалы личности опредѣлялись только тою группой, среди которой личность родилась, воспиталась и жила, то какъ же объяснить существованіе не только у насъ въ Россіи, но и за границей, въ одномъ и томъ же классѣ общества, людей съ диаметрально-противуположными воззрѣніями: съ одной стороны, напримѣръ, извѣстнаго богача Кирѣевскаго, отдавшаго всю свою землю крестьянамъ и впавшаго въ полную нищету, а съ другой—хотя бы князя Мещерскаго? За границей можно указать такіе же факты: напримѣръ, Рошфоръ (графъ), Сель-Симонъ (графъ) и, опять-таки, Марксъ, Лассаль, а съ другой—Нобель, Ротшильдъ, виги англійскаго парламента и т. д., и т. д.

Въ виду такихъ фактовъ, которые, по меньшей мѣрѣ, слѣдовало бы объяснить, прежде чѣмъ утверждать, что личность является лишь «производною» своей соціальной группы, я полагаю, что это положеніе авторовъ строится не научнымъ методомъ, а тѣмъ самымъ «субъективнымъ» методомъ, надъ которымъ они трунаты у г. Михайловскаго *).

* Я не могу считать серьезнымъ возраженіемъ слѣдующаго, слышаннаго мною: „Развѣ сотни юношей, окончившихъ университетъ, не идутъ на службу къ капиталу?“ Да, идутъ. Но, вѣдь, нужно объяснить не это, весьма понятное явленіе, а то, почему сотни, или хотя бы десятки, другихъ юношей стремятся работать *только для народа*, чина лежа къ другимъ общественнымъ классамъ?

Посмотримъ теперь, какъ г. Струве доказываетъ самую необходимость наступленія у насъ капиталистической стадіи. Его доказательства можно раздѣлить на двѣ группы: съ одной стороны, онъ старается доказать ее *полезность* для наступленія высшей стадіи, идеальной, которая должна послѣдовать за нею; съ другой стороны, онъ старается доказать ее *неизбѣжность во всякомъ случаѣ*, на основаніи извѣстныхъ законовъ социальнаго развитія. Въ этомъ порядкѣ я и разсмотрю его доводы.

«Исторически невозможно,—говоритъ онъ словами одного изъ своихъ учителей,— чтобы низшая ступень экономического развитія разрѣшила *тѣ задачи и конфликты*, которые возникли и могли возникнуть только на болѣе высокой стадіи развитія...» «У каждой данной экономической стадіи есть свои собственные, въ ней самой зарождающіяся, задачи, которыя она должна разрѣшить. Стремиться къ разрѣшенію задачъ иной, совершенно чуждой формации было бы абсолютною нелѣпостью».

Допустимъ, что это вполнѣ вѣрно: такъ, если вы идете по дорогѣ впереди меня и упали въ яму, то несомнѣнно для васъ возникаетъ «задача» выбраться изъ ямы и соединенные съ нею «конфликты», которые вы должны необходимо рѣшить и которыхъ для меня не существуетъ, такъ какъ я еще не упалъ въ яму. Но тутъ-то и становится особенно яснымъ, что приглашать меня упасть въ яму, чтобы разрѣшить ея конфликты и задачи, можно только въ двухъ случаяхъ: 1) или эти конфликты и задачи сами по себѣ столь важны и полезны, что, ради ихъ, стоить пожертвовать своими богами, или 2) я не могу обойти этой ямы и неизбежно долженъ попасть въ нее. Какія же задачи и конфликты разрѣшаетъ стадія капитализма? Иными словами, стоить ли ради нихъ жертвовать богами русскаго народа, т.-е. его общиной, кустарными производствами, взваливъ на него обезземеленіе, пролетаріатъ, скопленіе на фабрикахъ и въ крупныхъ городскихъ центрахъ, промышленные кризисы, періоды массовой безработицы и прочія предести теперешней европейской экономической стадіи?

Г. Струве начинаетъ словами, взятыми у Зиммеля: «Только при значительной дифференціаціи общества возможна *разносторонняя* личность, ибо хотя, при значительной специализаціи занятій, личность живетъ въ болѣе односторонней атмосферѣ, чѣмъ при слабомъ раздѣленіи труда, но это *понижающее* личностъ обстоятельство, главнымъ образомъ, вліяетъ на *мысленіе и волю* индивидуумовъ, тогда какъ *чувствованія возбуждаются въ сильно дифференцированной личности*, въ средѣ другихъ, также сильно дифференцированныхъ личностей, а они-то (т.-е. чувствованія) и имѣютъ особое значеніе для субъективнаго (?) сознанія» (стр. 37).

И такъ, оказывается, по г. Струве, что, напримѣръ, писецъ какой-нибудь канцеляріи, переписывающій изъ года въ годъ «отношенія» и «предписанія», или рабочій западно-европейской фабрики, вертящій десятки лѣтъ одну и ту же ручку колеса, или кочегаръ, десятки лѣтъ бросающій въ печь каменный уголь, хотя и представляютъ *пониженіе въ волю и мышленіи*, но за то въ области чувствованій окажутся болѣе высокими и разно-

ронными, чѣмъ крестьянинъ-общинникъ, переходящій отъ плуга къ топору, отъ огорода къ пчельнику, ухаживающій за своими домашними животными и птицей и, въ то же время, участвующій въ своихъ сельскихъ и волостныхъ сходахъ, въ хозяйствѣ и дѣлахъ всей общины. Но, вѣдь, это—такое невѣроятное положеніе, которое, по меньшей мѣрѣ, нельзя же считать за аксіому, не требующую доказательствъ, какъ это дѣлаетъ г. Струве! Онъ просто выписалъ «текстъ» изъ своего нѣмецкаго авторитета, какъ вѣрующій мусульманинъ приводитъ его изъ Корана, и считаетъ, что этимъ все доказано.

И мало того, что уже а priori тутъ представляется полнѣйшая невѣроятность, но даже самый скромный психологическій разборъ этого положенія даетъ выводы совершенно противоположные выводамъ автора. Какимъ образомъ личность, представляющая, по словамъ автора, «подавленное мышленіе и волю», разовьетъ высшія и разностороннія чувствованія только тѣмъ, что будетъ вертѣть одно и то же колесо или дѣлать десятки лѣтъ крохотный кусочекъ общей работы,—кусочекъ постоянно тотъ же самый? Физиологія говоритъ намъ, что у него должны мало-по-малу атрофироваться другія способности и, въ концѣ-концовъ, получится то одностороннее приспособленіе организма, какое мы видимъ въ обществахъ муравьевъ и пчелъ; при этомъ и потребности сложатся соотвѣтственно этой новой организаціи, т.-е. въ такомъ организмѣ невозможно появленіе чувствованій *цѣльной* человѣческой личности; онъ долженъ будетъ чувствовать себя вполне довольнымъ своимъ дѣломъ, такъ какъ оно вполне соотвѣтствуетъ выработавшимся особенностямъ его строенія; желаній какого-нибудь измѣненія своей работы у него даже возникнуть не можетъ, какъ у рабочей пчелы или муравья, потому что такое измѣненіе шло бы вопреки его организаціи, а чувствованія и желанія,—какъ извѣстно каждому психологу,—хотя и вызываются внѣшними условіями, но каждая организація, каждая индивидуальность реагируетъ на эти послѣднія сообразно своимъ особенностямъ. Это — азбука, аксіома.

Намъ скажутъ: «однако, западно-европейскій рабочій, дѣйствительно, чувствуетъ болѣе разнообразно, чѣмъ русскій крестьянинъ, и, какъ личность, въ смыслѣ гражданскомъ, онъ выше, потому что интересуется и политикой, и существенными интересами своего сословія, и многимъ другимъ, до чего русскому крестьянину какъ до звѣзды небесной далеко».

Но, вѣдь, надо сперва доказать, что это происходитъ *именно отъ раздѣленія труда*; надо доказать, что это повышеніе личности европейца не зависитъ отъ чего-либо другого, лежащаго совсѣмъ *не въ экономической области* или, по крайней мѣрѣ, *не въ раздѣленіи труда*. Доказать это необходимо, иначе мы впадемъ въ самую грубую ошибку логики, извѣстную еще древнимъ подъ формулой: *post hoc, ergo propter hoc*, т.-е. «послѣ этого значитъ—вслѣдствіе этого». Мы видѣли, что самъ г. Струве признаетъ пониженіе мышленія и воли отъ раздѣленія труда; затѣмъ, мы, надѣюсь, показали, что и его надежды на «разносторонность» чувства не

только не доказаны имъ, но прямо противорѣчатъ и физиологiи, и психологiи, и даже положительнымъ фактамъ зоологiи, въ обществахъ животныхъ. Такимъ образомъ, мы можемъ требовать отъ г. Струве доказательствъ, — хотя бы какихъ-нибудь, — его псевдо-аксіомы, а пока такихъ доказательствъ не представлено, мы утверждаемъ, что если личность западно-европейскаго рабочаго выше, чѣмъ русскаго общинника, то причины здѣсь *не могутъ никоимъ образомъ* лежать въ раздѣленіи труда. Наоборотъ, мы должны признать, что если европейскій рабочій еще не выродился и не дошелъ до того состоянія, какое мы видимъ въ обществахъ животныхъ, если онъ даже поднялся, какъ личность, выше состоянія русскаго крестьянина, то тутъ нужно искать *другихъ* причинъ, другихъ условій, которыя были у него и которыхъ не было у русскаго общинника.

Если Струве, — человекъ несомнѣнно образованный, — не замѣтилъ столь грубой логической ошибки своихъ учителей-нѣмцевъ и повторяетъ ее, то это только потому, что онъ черезъ-чуръ вѣритъ въ общее положеніе экономическаго матеріализма, состоящее въ томъ, что психологическая эволюція совершается *только экономическими условіями*. Онъ забываетъ, что если даже признать это основное положеніе, какъ *общій законъ* прогресса въ его цѣломъ, то *частныя моменты* прогресса могутъ подчиняться вовсе не самимъ экономическимъ явленіямъ, а быть результатами тѣхъ правовыхъ, юридическихъ и всякихъ другихъ «настроекъ», которыя возникли на экономической почвѣ. Такъ, на примѣръ, тайная инквизиція возникла, допустимъ, на какой-то экономической почвѣ, но затѣмъ она *сама* могла уже такъ могущественно возбуждать чувства протеста, что слѣды этого протеста остаются не только, на примѣръ, во всей дѣятельности Вольтера, въ XVIII в., но и теперь стоятъ въ формѣ пугающаго призрака для всякаго почти западно-европейца, едва только рѣчь заходитъ о клерикализмѣ.

И такъ, мы видимъ опять у г. Струве примѣненіе къ данному вопросу чисто-субъективнаго приѣма: ему *открылся*, что все имѣетъ экономическія причины, и онъ, безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, говоритъ: стало быть, и сравнительно-высшее развитіе европейскаго рабочаго имѣетъ причины экономическія, т.-е. капитализмъ и раздѣленіе труда.

Онъ совершенно игнорируетъ научный методъ, по которому требуется узнать точно, какое изъ предшествующихъ условій, — если ихъ не одно, а два (или больше), — породило данное явленіе. Для этого естественныя науки берутъ въ лабораторіяхъ каждое изъ предшествующихъ явленій *отдѣльно* и смотрятъ, можетъ ли оно произвести данный результатъ. Въ социологiи это невозможно, но есть другой приѣмъ, а именно — *изолировать умственно* данныя условія, каждое отдѣльно, и прослѣдить, — на основаніи законовъ и фактовъ другихъ наукъ, — произведутъ ли они данный результатъ. Такъ, въ Западной Европѣ мы имѣемъ не только капитализмъ и раздѣленіе труда, но и опредѣленный юридическій строй, — свободу слова, печати, сходовъ etc. Чтобы узнать, какое изъ этихъ двухъ условій породило повышеніе личности рабочаго, надо рассмотретьъ особо и то, и дру-

гое въ ихъ *возможныхъ и необходимыхъ* послѣдствіяхъ; такъ мы и сдѣлали съ раздѣленіемъ труда, и оказалось, что оно, во-первыхъ, по самому г. Струве (вѣриѣ, по его нѣмецкому авторитету), понижаетъ мышленіе, понижаетъ волю рабочаго и, во-вторыхъ, по законамъ и фактамъ другихъ наукъ, должно сюзить и сдѣлать односторонними, апатично-вѣстическими его чувствованія. Стало быть, при вліяніи одного лишь раздѣленія труда европейскій рабочій былъ бы теперь чѣмъ-то вродѣ вьючнаго животнаго. Этого нѣтъ, — слѣдовательно, его спасло отъ этого, его подняло другое условіе.

Это можно провѣрить и еще однимъ способомъ: перенесемъ умственно крайнее раздѣленіе труда изъ европейскихъ правовыхъ условій, положимъ, въ персидскія. Мы можемъ шагъ за шагомъ прослѣдить, какъ тамъ оно низведетъ личность до крайней степени деградации.

Но допустимъ на минуту, что Зиммель не сдѣлалъ ошибки, вообразивъ, что крайнее раздѣленіе труда способно развить въ людяхъ «многостороннее чувство», важное для какого-то «субъективнаго сознанія». Что же можетъ сдѣлать полезнаго это чувство при «ослабленіи мышленія и воли»? Каждое дѣйствіе, чтобы стать цѣлесообразнымъ, разумнымъ, требуетъ разсчета, плана, т.-е. мышленія. Каждый разсчетъ или планъ, чтобы его привести въ исполненіе, требуетъ воли. Стало быть, чувство безъ воли и мышленія способно только къ нецѣлесообразному, слѣпому и нестойкому протесту, который, напримѣръ, можетъ выразиться тѣмъ, что человѣкъ пойдетъ въ кабакъ, набуянить въ трактирѣ, сломаетъ ни въ чемъ неповинную машину и т. п. Вотъ крайній предѣлъ «благодѣтельнаго» воздѣйствія раздѣленія труда, если даже согласиться съ г. Зиммелемъ. Едва ли оно согласуется со взглядами г. Бельтова, видящаго, какъ мы показали выше, основной пунктъ спасенія въ развитіи знанія и сознанія.

Но г. Струве, исходя все изъ того же экономическаго матеріализма, можетъ сказать мнѣ: «Допустимъ, что вы правы, что результатъ произошелъ въ данномъ случаѣ на почвѣ правовой, а не экономической, но, вѣдь, вы сами признали, что эта правовая почва явилась надстройкой надъ экономическимъ процессомъ, т.-е. надъ капитализмомъ. Стало быть, капитализмъ все же, въ концѣ-концовъ, породилъ данный результатъ, хотя и не прямо, а черезъ посредство созданныхъ имъ юридическихъ формъ. Иного происхожденія онѣ имѣть не могли, согласно нашей теоріи экономическаго матеріализма».

Но я лишь условно согласился раньше съ положеніемъ экономическаго матеріализма. На самомъ дѣлѣ, я считаю это положеніе пока не доказаннымъ и являющимся простою дедукціей изъ гипотезы. Но даже допустивъ, что въ общемъ гипотеза вѣрна, т.-е. что все зиждется на экономическомъ процессѣ, надо черезъ-чуръ сюзить пониманіе самой этой гипотезы, чтобы видѣть, наприм., въ юридическихъ учрежденіяхъ Запада только продуктъ «капитализма». Мы знаемъ, что въ древней Греціи и Римѣ были однородныя правовыя формы, — что тамъ была и свобода слова, свобода преподаванія, такъ что философы поучали на улицахъ и площа-

дяхъ, хотя о капитализмѣ никому и въ голову не приходило. Если бы кто-нибудь и когда-нибудь доказалъ современемъ, что и въ античномъ мѣрѣ эти учрежденія возникли на экономической почвѣ, то этою почвой были, значить, не «капитализмъ», а какія-либо другія экономическія условія. Стало быть, почему же въ Европѣ нужно приписывать извѣстныя правовыя формы капитализму—и только капитализму? Если какое-нибудь явленіе совершается послѣ другого или одновременно съ другимъ, то это не значить, что это предшествующее или сопутствующее явленіе есть его причина. Это—снова *post hoc, ergo propter hoc*.

Мало этого, исторія правовыхъ формъ Западной Европы доказываетъ несомнѣнно, что онѣ не только не были *продуктомъ* капитализма, а, наоборотъ, *предшествовали* ему. Такъ, знаменитый «*Habeas corpus*» возникъ изъ существовавшаго въ Англіи обычнаго права, имѣвшаго мѣсто еще задолго до 1628 г., когда онъ является въ формѣ «петиціи правъ». Состояло это обычное право въ томъ, что каждый арестованный могъ обратиться въ «*Court of king bench*» (преобразованный теперь въ отдѣленіе верховнаго вестминстерскаго суда) и требовать вызова своего въ судъ для провѣрки мотивовъ ареста. Съ 1679 г., когда это право было оформлено статутомъ парламента (именуемымъ въ просторѣчій актѣ «*Habeas corpus*»), въ немъ не произошло почти никакихъ существенныхъ перемѣнъ, если не считать нѣкотораго расширенія его въ 1866 г. при королевѣ Викторіи (на колоніи) и ранѣе при Георгѣ III. Декларация правъ въ Англіи (*Bill and declaration of rights and liberties of subject*) относится къ 1689 г., а во Франціи къ 1787 г., послѣ чего во Франціи она уже не возникаетъ вновь. Предварительная цензура была уничтожена въ Англіи еще въ 1659 году, въ Швеціи въ 1766 г., во Франціи въ 1789 г., причемъ въ этой послѣдней восстановлена снова и отмѣнена въ 1830 г., но за то Наполеонъ III далъ весьма стѣснительный законъ о печати. Позднѣе всѣхъ предварительная цензура была отмѣнена въ Германіи, а именно въ 1848 г., т.-е., во всякомъ случаѣ, задолго до разцвѣта тамъ капитализма. Этими справками я вовсе не предрѣшаю вопроса о томъ, не возникли ли всѣ эти «права» на какой-либо экономической почвѣ. Но они, очевидно, возникли не на почвѣ капитализма, что мнѣ только и нужно было доказать.

До сихъ поръ мы не могли открыть въ капиталистической стадіи никакихъ «задачъ и конфликтовъ», которые могли бы сами по себѣ быть цѣнны и важны настолько, чтобы ради нихъ можно было пожелать наступленія этой стадіи у насъ. Нѣтъ ли еще какихъ-либо задачъ и конфликтовъ?

Обращаясь къ основоположнику діалектическаго матеріализма, самому Марксу, у него мы находимъ, дѣйствительно, цѣнную задачу, возникающую и разрѣшаемую на почвѣ капитализма, а именно «обобществленіе» рабочаго класса, т.-е. сознаніе имъ единства интересовъ своего класса, какъ цѣлаго, а также привычку къ общему дѣйствию, организаци и единству.

Но, во-первыхъ, еще вопросъ, насколько обобществленіе могло бы возникнуть на современной экономической почвѣ Западной Европы, если бы не существовало тамъ и соответствующей юридической почвы, дающей возможность сойтись, столкнуться о своихъ нуждахъ и т. д. Въ виду того, что разѣе намѣчено мною и самимъ Зиммелемъ относительно упадка мышленія и воли при сильномъ раздѣленіи труда, мы должны и здѣсь если не весь результатъ, то значительную часть его отнести къ юридической почвѣ. Для этого стѣитъ только снова продѣлать опытъ изоляціи раздѣленія труда отъ правовыхъ формъ и перенести его, положимъ, въ Персію; тамъ результаты могутъ и должны быть совсѣмъ иные: малѣйшее появленіе вмѣстѣ двухъ-трехъ человѣкъ, ничтожный разговоръ между ними и т. п. могутъ караться тамъ такими штрафами и даже наказаніями, что произойдетъ не «обобществленіе», а полнѣйшее разобщеніе и разъединеніе.

Если я не ошибаюсь, самъ Марксъ признавалъ, что нашъ сельскій «міръ» является, какъ и связанная съ нимъ «община», не менѣе сильнымъ основаніемъ «обобществленія», чѣмъ работа на фабрикѣ. Я же думаю, даже гораздо большимъ основаніемъ. Это намъ выяснится сейчасъ.

Въ книгѣ г. Струве, какъ и слѣдовало ожидать, наша община и кустарные промыслы выставляются какъ препятствіе русскому прогрессу: вѣдь, они задерживаютъ наступленіе капиталистической стадіи, а, стало быть, и тѣхъ благъ, которыя вослѣдуютъ только послѣ нея. Мы теперь видѣли, какъ проблематичны, — говоря мягко, — эти розовыя надежды на капиталистическую стадію, *взятую сама по себѣ*; мы видѣли, что всѣ эти надежды построены на ошибочномъ методѣ *post hoc, ergo propter hoc*, и на игнорированіи фактовъ, которое зависѣло отъ чисто-субъективнаго пріема мысли, отъ увлеченія предвзятою гипотезой.

Посмотримъ теперь, не тѣ же ли самыя ошибки логики создали нападѣніе г. Струве на нашу общину и кустарные промыслы? Тогда въ книгѣ г. Струве окажется, дѣйствительно, одно важное качество — «единство метода», но за то качество весьма для него неутѣшительное.

Одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ защитниковъ общины противъ «метафизическихъ предубѣжденій», именно тотъ самый, котораго г. Струве счелъ возможнымъ не разбирать, писалъ слѣдующее:

«Нравственное и гражданское развитіе личности невозможно безъ нѣкоторой экономической самостоятельности *). Только она заставляетъ человѣка уважать себя, свои потребности. У человѣка же лишеннаго ея (таковъ западно-европейскій рабочій) чувство личнаго достоинства (*конечно, при остальныхъ равныхъ условіяхъ*) должно весьма понижаться».

Далѣе авторъ доказываетъ, что *только* общинное владѣніе даетъ «про-

*) Обращаемъ вниманіе читателя, что это — точка зрѣнія самого «экономическаго материализма»: мораль ставится тутъ въ зависимость отъ экономическихъ условий. Какой противоположный выводъ получается сравнительно съ выводами г. Струве, видите далѣе.

изводителю» эту экономическую самостоятельность: «общинное владѣніе землей,—говоритъ онъ,—является наиболѣе безопасною (наприм., отъ юридическаго спора о наслѣдствѣ, о правѣ собственности, а также отъ личнаго разоренія и т. п.) формой владѣнія».

Доказавъ это положеніе, авторъ добавляетъ: «Неужели надобно говорить, каковы необходимыя послѣдствія для самостоятельности частной жизни отъ совершенной безопасности имущества? Неужели надобно доказывать, что безпорность права частнаго лица служить первѣйшею преградой постороннему вмѣшательству въ его жизнь? Надобно ли говорить послѣ этого о томъ, обманъ или прямотушіе, *гражданскіе пороки или хорошія качества гражданина* развиваются общиннымъ владѣніемъ? Сутиажничество невозможно; права не могутъ быть потеряны: благоприятствуетъ ли это *независимости характера*, развитію увѣренности въ томъ, что можно обходиться безъ чужой протекціи, развитію привычки къ энергической инициативѣ? При общинномъ землевладѣніи *устройство самой важной части экономическаго быта каждаго частнаго лица прямымъ образомъ связано съ его участіемъ въ дѣлахъ общества*; рѣшенія общества зависятъ отъ его участія. Не участвовать въ его дѣлахъ со всею возможною для его личности энергіей нельзя ему потому, что съ нимъ связанъ очень важный личный вопросъ».

Люди наивнаго, не научнаго пріема мысли скажутъ мнѣ: «однако, община не оправдала этихъ ожиданій; въ ея средѣ образовалось кулачество, раздѣленіе на бѣдныхъ и богатыхъ, принизившее личность однихъ и поднявшее престижъ другихъ. Каждый волостной писарь теперь выше сельскаго міра» etc., etc.

Тутъ снова мы видимъ тотъ же пріемъ мысли: есть община, а вышло плохо; стало быть, то, что плохо, создала община: post hoc, ergo propter hoc.

Наоборотъ, авторъ, изъ котораго я сдѣлалъ выдержку, шелъ строго научнымъ путемъ: онъ изолировалъ общину отъ другихъ условій, добавивъ въ скобкахъ: «при остальныхъ равныхъ условіяхъ». Только этимъ путемъ мы можемъ точно опредѣлить, что дается самою общиной для личности крестьянина и что—другими условіями, сопутствующими ей. Оказывается выводъ совершенно противоположный выводу г. Струве: сама община должна создавать «независимость характера, хорошія качества гражданина, горячій интересъ къ общественному дѣлу» и т. д.

Стало быть, если мы находимъ все это въ минимальной степени у русскаго крестьянина, сравнительно съ европейскимъ рабочимъ, то тутъ надо искать другихъ причинъ, и тогда окажется поразительный фактъ: напимѣръ, возьмемъ хотя бы розги, еще царящія въ деревнѣ. Все то самоуваженіе, какое можетъ развить въ общинѣ личность крестьянина, розга сводитъ къ наивозможному минимуму. Возьмемъ отсутствіе шееголь или ихъ крайне-низкое состояніе: все, что вложить въ характеръ крестьянина лучшаго и высокаго община, то парализируется или совершеннымъ первобытнымъ невѣжествомъ, доходящимъ до человѣческихъ жертвоприно-

шеній, или крайне-низкимъ уровнемъ знаній и развитія умственнаго, не идущихъ далѣе простой грамоты и четырехъ дѣйствій ариметики. Интересъ къ своимъ мірскимъ дѣламъ парализуется внимательствомъ каждаго невѣжественнаго писаря и т. д. Вотъ что находимъ мы даже въ *Дневникѣ* князя Мещерскаго, который, конечно, не можетъ быть заподозрѣнъ въ благорасположеніи къ крестьянству. Онъ передаетъ свой разговоръ съ однимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, причѣмъ этотъ послѣдній выражается такъ рѣзко, что мы не рѣшаемся привести цѣликомъ всего рассказаннаго имъ, а возьмемъ двѣ-три фразы: «У нихъ (т.-е. у крестьянъ) есть индивидуальность, есть общественность, но и то, и другое земскій начальникъ порабощаетъ... Крестьянину онъ приказываетъ, какъ въ помѣщичьи времена бурмистръ; общественные сходы должны разсуждать такъ, какъ этого хочетъ земскій начальникъ, какъ онъ приказываетъ».

Отсюда оказывается, что не община виновата въ паденіи личности, а, наоборотъ, если бы не было общины, то въ крестьянахъ едва ли теперь сохранился бы даже тотъ образъ Божій и человѣческій, который и до сихъ поръ живетъ въ нихъ.

Но совершенно то же, что сказано относительно общины, цѣликомъ переносится и на кустарные промыслы.

Отсюда ясно, что г. Струве перепуталъ причины: въ Европѣ онъ считаетъ причиной высоты личности причину экономическую, раздѣленіе труда, тогда какъ тамъ, наоборотъ, эта причина давно бы убила личность, если бы не юридическія условія, дававшія ей развитіе. У насъ причиной паденія личности онъ считаетъ общину и кустарные промыслы, тогда какъ безъ нихъ личность была бы абсолютно стерта, какъ и ея общественность, и если что до сихъ поръ сохраняло и личность, и общественность, такъ это именно община, міръ.

Причины тутъ любопытно перекрещиваются взаимно у насъ и въ Европѣ, и въ обоихъ случаяхъ г. Струве не видитъ слона, потому что самымъ узкимъ образомъ примѣняетъ къ дѣлу теорію экономического матеріализма, дѣлаетъ выводъ по логикѣ *post hoc, ergo propter hoc* и, въ своемъ увлеченіи вѣрой въ предвзятую гипотезу, не замѣчаетъ фактовъ, не хочетъ вдуматься въ дѣло научнымъ пріемомъ мысли и ограничивается ультра-субъективнымъ методомъ.

Теперь читатели могли видѣть наглядно, какія «блага» мы теряемъ, не торопясь содѣйствовать наступленію капиталистической стадіи, раздѣленію труда, обезземеленію, пролетаріату и полному разрушенію общины, и какой вредъ наносимъ русскому прогрессу, заботясь о сохраненіи общины, кустарныхъ и кустарныхъ артеляхъ. Надо стоять вдали отъ народной жизни, чтобы предлагать это. Дальше я приведу и еще нѣкоторыя, не менѣе важныя соображенія.

И такъ, отъ насъ требуютъ, чтобы мы отдали все, чѣмъ еще держится личность, гражданственность и общественность крестьянина, и поторопились

все это замѣнить «наибольшимъ раздѣленіемъ труда», которое, по словамъ самихъ совѣтниковъ, еще болѣе понизитъ мышленіе и волю, но за то дастъ развитіе чувствованій, важныхъ для субъективнаго сознанія. И, замѣтите, это предлагаютъ сдѣлать, оставляя прочія условія *in status quo*. Я увѣренъ, что г. Бельтовъ, при его, очевидно, глубокомъ и серьезномъ отношеніи къ вопросу, не оставитъ этихъ соображеній безъ того вниманія, какого они заслуживаютъ.

Л. Е. Оболенскій.

(Ожиданіе слѣдуетъ).

Исповѣдь загадочной природы.

Въ послѣднее время политическіе и литературные историки удѣляютъ весьма много вниманія началу XIX столѣтія. Издаются документы, пишутся изслѣдованія о дѣятельности и характерѣ отдѣльныхъ личностей, появляются даже беллетристическія произведенія съ героями сравнительно недалекаго прошлаго.

Это теченіе создало, между прочимъ, «наполеоновскую легенду». На страницахъ *Русской Мысли* намъ приходилось говорить объ этой «легендѣ» и ея нравственномъ и общественномъ смыслѣ для современной Франціи и вообще культурнаго европейскаго общества. Наполеонъ—личность прямолинейная, одностѣнная, мало любопытная въ *человѣческомъ смыслѣ*. Подробное изученіе ея—важный симптомъ нашего «конца вѣка»; но оно не вноситъ новыхъ данныхъ въ общую психологію, и чѣмъ больше матеріала накапливается, тѣмъ утомительнѣе становятся типичныя черты давно знакомой всѣмъ бонапартовской фізіономіи.

Замѣчательно, именно тѣ документы, отъ которыхъ слѣдовало бы ожидать наиболѣе интересныхъ свидѣтельствъ о духовномъ мирѣ Наполеона, оказываются совершенно ничтожными, безсодержательными. Таковы, на примѣръ, литературныя упражненія Наполеона, изданныя однимъ изъ «наполеонистовъ» и лишній разъ доказавшія, до какой степени душа счастливаго завоевателя была недоступна общечеловѣческимъ идеямъ, логической культурной мысли.

Бонапарту случалось даже пускаться въ философію и мораль, но его умъ и фантазія за предѣлами лагеря, боевого поля и полицейскаго бюро теряли всю свою силу и оригинальность.

Несравненно плодотворнѣе результаты историческихъ трудовъ, направленныхъ на современниковъ перваго императора. Среди этихъ современниковъ мало симпатичныхъ натуръ. Громадное большинство ихъ характеризуетъ эпоху реакціи—или открытою службой принципамъ мракобѣсія, или безпрестанною смѣной самыхъ разнообразныхъ политическихъ взглядовъ.

Всѣ эти факты—обычныя спутники времени, подобныхъ наполеоновскому. Но, во всякомъ случаѣ, здѣсь передъ нами, по крайней мѣрѣ, совер-

шается известная умственная, общественно-идейная работа, а не царить безудержный разгулъ стихійной силы желѣза и слѣпыхъ деспотическихъ инстинктовъ.

Бонапарту нерѣдко удавалось торжествовать надъ «идеологами» не одною только своею матеріальною властью. Мы безпрестанно слышимъ, какъ тотъ или другой писатель подавленъ личнымъ свиданіемъ съ французскимъ цезаремъ и слагаетъ къ его стопамъ всѣ свои прежнія мечты и увлеченія. Подобный переворотъ происходитъ съ самыми разнообразными «мечтателями», повидимому, ни единою чертой не напоминающими другъ друга. Что, напримѣръ, общаго между Шатобрианомъ и Гёте? А, между тѣмъ, для одного Бонапартъ—Киръ, освобождающій Израиля, для другого—высшій цвѣтъ и краса человѣческаго генія, своего рода совершенство и божество. И мечтательный романтикъ, и мудрый олимпіецъ сошлись на наполеоновскомъ культѣ, вѣроятно, потому, что романтическая мечтательность разочарованнаго Ренэ и олимпійство «тайнаго совѣтника Гёте» одинаково были далеки отъ истиннаго пониманія нравственныхъ и политическихъ принциповъ бонапартизма.

Въ сущности, обѣ эти души, стоящія во главѣ наполеоманіи, не представляютъ въ настоящее время никакого политическаго интереса. Чего можно ожидать отъ философа, способнаго углубляться въ *китайскую* поэзію, а въ случаѣ безпокойства даже убѣжать изъ отечества въ тотъ самый моментъ, когда иноземный завоеватель поработаетъ это самое отечество? Такимъ былъ олимпіецъ Гёте—въ гражданскомъ отношеніи типичнѣйшій представитель самодовольнаго, общественно-первобытнаго захолустнаго мѣщанства.

Шатобрианъ ничего не зналъ на свѣтѣ выше и совершеннѣе своей собственной особы. Чуть ли не всю жизнь Ренэ провелъ передъ зеркаломъ, выработывая демоническія гримасы и позы и совершая во всеоружіи ихъ опустошительные набѣги на чувствительныя дамскія сердца. При такомъ времяпрепровожденіи ему естественно было заявлять, что для него совершенно безразличны короли и народы, онъ рѣшительно ни о чемъ не заботится, за исключеніемъ сновидѣній, и то подъ условіемъ, чтобы они продолжались не болѣе одной ночи.

Врядъ ли восторги въ устахъ подобнаго политика могли особенно льстить Наполеону,—все равно какъ если бы современный декадентъ написалъ гимнъ въ честь какого-нибудь «смѣющагося льва». Это сліяніе патологическаго самообожанія, совершеннаго отсутствія общественныхъ интересовъ съ припадками почти рабскаго преклоненія передъ героями грубой силы—одинъ изъ типичныхъ фактовъ новой психологіи.

Но наполеоновская исторія знаетъ и другіе типы, несравненно болѣе сложные, чѣмъ философы «мѣщанскаго счастья» и бюрократическаго олимпійства или жертвы поэтической маіа grandiosa. Именно изученіе этихъ типовъ можетъ пролить поучительный свѣтъ на реакцію, ознаменовавшую начало нашего вѣка. Въ ихъ нравственномъ мірѣ мы распознаемъ не мало

чертъ, всегда и вездѣ сопровождающихъ извѣстныя эпохи и особенно близкихъ именно нашему времени, хотя почти цѣлое столѣтіе отдѣляетъ людей прошлаго отъ современнаго поколѣнія.

Мы не имѣемъ въ виду подробныхъ сравненій и аналогій. Мы пытаемся только начертить одинъ изъ оригинальнѣйшихъ портретовъ старой галлерей и предоставимъ выводы самимъ читателямъ.

Это будетъ портретъ Бенжамена Констана.

Въ настоящее время трудно повѣрить, что когда-то эти два слова производили волшебное впечатлѣніе на парижскую публику и отголоски привѣтственныхъ, нерѣдко восторженныхъ кликовъ разносились далеко по Франціи и даже по Европѣ. Для слушателя современной Сорбонны Бенжаменъ Констанъ—историческое преданіе, а, между тѣмъ, не одно и не два университетскихъ поколѣнія во Франціи бредили авторомъ *Адольфа*, и именно студенты составляли триумфальное шествіе на похоронахъ Бенжамена Констана.

Похороны произошли въ декабрѣ 1830 года, слѣдовательно, послѣ іюльской революціи, и Бенжаменъ когда-то былъ одною изъ жертвъ наполеоновскихъ чаръ. Очевидно, все было забыто и прощено. Ради чего? И какъ одинъ и тотъ же человекъ могъ попасть въ поклонники цезаря, да еще въ періодъ ста дней, и прослыть однимъ изъ самыхъ мужественныхъ защитниковъ конституціонной свободы?

Какъ бы чуждымъ ни казалось для нынѣшней большой публики имя Констана, литература не перестаетъ возвращаться къ этой загадочной личности. И возвращаются къ нему именно писатели, особенно пристрастные къ труднымъ психологическимъ задачамъ, ищущіе достойныхъ предметовъ для тончайшаго душевнаго анализа. Въ послѣднее время тщательный опытъ надъ характеромъ и дѣятельностью интереснаго героя произвелъ Поль Буржэ. И онъ могъ воспользоваться драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ, дающимъ изслѣдователю возможность проникнуть въ самую сущность вопроса.

Эти матеріалы въ отдѣльной книгѣ появились на свѣтъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и уже вызвали въ заграничной печати живѣйшее вниманіе.

Бенжаменъ Констанъ велъ дневникъ. Для наполеоновской эпохи это довольно обычное явленіе. Въ теченіе XVIII в. въ большой модѣ *мемуары*, т. - е. тщательныя лѣтописи современной общественной жизни. Они до сихъ поръ остаются лучшими источниками для исторіи дореволюціоннаго періода. И это фактъ вполне естественный. Жизнь текла необыкновенно шумно, разнообразно, и врядъ ли кто могъ не поддаться ея волнамъ. Въ результатъ—безчисленное множество разказовъ о происшествіяхъ въ высшемъ свѣтѣ, въ городѣ, въ театральномъ партерѣ, необозримая вереница анекдотовъ—столь же характернаго литературнаго жанра для XVIII вѣка, какъ, напримѣръ, нравоучительный романъ.

Но пестрая жизнь салоновъ потонула въ революціонныхъ смутахъ, а

вскорѣ и вообще общественные интересы исчезли съ горизонта предъ всепоглощающимъ кровавымъ блескомъ наполеоновской звѣзды. Отдѣльныя личности теперь гораздо чаще могли посвятить себя одиночеству, уйти въ укромное вдумчивое существованіе. Нравственное одиночество выдающихся людей неизбежно при такихъ режимахъ, какиѣ была первая имперія. А вдумчивость, самоуглубленіе неминуемо вызывались быстрою смѣной величайшихъ политическихъ переворотовъ, какіе только запомнить исторія.

Всѣ эти факты наложили особую печать на поэзію и жизнь писателей начала XIX в. Въ параллель рѣзко - субъективному лиризму Байрона и его послѣдователей, этимъ вѣчнымъ мечтамъ вдали отъ шумнаго свѣта, тоскѣ по уединенію, спасающему свѣжесть чувства и мысли, идетъ длинный рядъ настоящихъ исповѣдей, изумительно искреннихъ бесѣдъ того или другого героя эпохи съ самимъ собой. Одинъ изъ этихъ героев, Стендаль, по обычаю времени цѣлые годы углублявшійся въ свое «я», создалъ даже весьма оригинальное словечко *égotisme*. Это значитъ — неустанное изслѣдованіе личной нравственной жизни, стремленіе уяснить себѣ каждое мимолетное настроеніе, каждую идею, вызванную наблюденіями надъ дѣйствительностью. *Souvenirs d'égotisme* — это, другими словами, *examen de conscience la plume à la main*.

И вотъ такія-то слѣдствія надъ личнымъ сознаніемъ производились безпрестанно современниками реакціи въ первую четверть нашего вѣка. Производятся они и въ другія времена, когда пульсъ общей жизни замираетъ и на пути къ мирнымъ культурнымъ задачамъ становятся темныя историческія силы. Тогда *égotisme* снова разцвѣтаетъ, все равно подъ какиѣ бы то ни было знаменья: *непротивленія*, *недѣланія* или въ иныхъ, еще болѣе мертвыхъ формахъ, неизмѣнно облачающихъ упадокъ энергической просвѣтительной мысли.

Констанъ также набросалъ свои *Souvenirs d'égotisme*. До послѣдняго времени они оставались неизвѣстными публикѣ, — самъ авторъ затруднилъ знакомство съ ними. Тетради написаны греческими буквами и одному изъ родственниковъ автора стоило не малаго труда перевести ихъ на латинскій алфавитъ. Но за то въ результатѣ литература и читатели имѣютъ «прекраснѣйшій человѣческій документъ нашего вѣка», какъ выразился одинъ изъ изслѣдователей этой «загадочной натуры».

Но *Journal intime* не только прекраснѣйшій документъ, — онъ единственный источникъ для нравственной характеристики Констана и для точнаго представленія о самыхъ сокровенныхъ моментахъ его личной жизни. Всѣмъ извѣстны романтическія драмы Констана, его безпримѣрно-оригинальныя отношенія къ м-ме Сталь и ко второй жевѣ — Шарлоттѣ Гартенбергъ. Врядъ ли какіе эпизоды въ самомъ фантастическомъ романѣ могутъ идти въ сравненіе со сложностью душевныхъ волненій, пережитыхъ Констаномъ подъ вліяніемъ знаменитой писательницы.

И вся эта исторія въ ея психологической сущности осталась бы намъ совершенно неизвѣстной, если бы не интимныя записки Констана. Перепис-

ка его съ м-ше Сталь вся цѣликомъ уничтожена. Такая же участь постигла и письма Констанана къ его второй женѣ. О сердечныхъ невзгодахъ Констанана и его нравственныхъ смутахъ оставалось судить только по роману *Адомфъ*. Но, сколько бы автобіографическихъ изліяній ни заключалось въ этой книгѣ, романъ, все-таки, *поэзія*, а не чистая *правда*. *Journal intime*, напротивъ, на каждой страницѣ поражаетъ искренностью тона и откровенностью сообщеній. Издатели правы, указывая, что даже блаженный Августинъ въ порывѣ религіознаго чувства не рѣшался на такія самообличенія, какими наполнена книга скептическаго друга г-жи Сталь.

Констанана съ одинаковымъ правомъ можно назвать и «загадочною», и «гениальною» натурой. Даровитость его изумительна, и, что встрѣчается особенно рѣдко, она съ необыкновеннымъ блескомъ сказала въ самые ранніе годы будущаго писателя и не тускнѣла до самой его смерти. Дѣтскія письма Констанана въ своемъ родѣ единственные документы дѣтской психологіи. У многихъ знаменитыхъ дѣятелей не бывало *дѣтства* въ реальномъ смыслѣ слова, т.-е. ихъ весенніе годы протекали среди житейскихъ лишеній, игры замѣнялись непосильнымъ трудомъ, беззаботный смѣхъ—совершенно сознательными слезами.

Дѣтство Констанана не могло представлять подобной картины безвременной *жизненной* борьбы,—онъ былъ сыномъ вполне обеспеченной семьи,—но оно также не было дѣтствомъ въ обычномъ смыслѣ слова.

Мать ребенка умерла отъ родовъ, отецъ, полковникъ голландской службы, вѣчно въ отсутствіи,—мальчику приходится воспитываться на рукахъ бабушки и тетки. Обѣ дамы питаютъ своего рода культъ къ юному Бенжамену и балуютъ его всѣми средствами. Но этимъ воспитаніе не ограничивается. На первыхъ же порахъ судьба бросаетъ ребенка въ горнило противорѣчій и контрастовъ, изъ котораго ему не суждено выбраться до конца дней.

Когда Бенжамену исполнилось семь лѣтъ, отецъ взялъ его съ собою въ Голландію и поручилъ очень строгому учителю. Изъ идиллическаго Эльдорадо будущій писатель прямо попадаетъ подъ беспощадную школьную дисциплину. Это обстоятельство отнюдь, конечно, не можетъ воспитать волю и душу впечатлительнаго ребенка и еще менѣе любовь къ наукамъ.

Съ десяти лѣтъ Бенжаменъ живетъ какою-то странною, совершенно недѣтскою жизнью. Его впечатлѣнія и думы скорѣе походятъ на романтическія страданія какого-нибудь одиноко-тоскующаго «генія», чѣмъ ребенка, сидящаго за грамматиками и школьными упражненіями.

Фактъ довольно обычный—раннія сердечныя увлеченія поэтовъ, напримеръ, Байрона, Лермонтова. Эти увлеченія будятъ дѣтскую музу, заставляютъ ее лепетать первые лирическіе гимны во славу девятилѣтней или даже шестнадцатилѣтней милой.

Любовь—одно изъ самыхъ элементарныхъ чувствъ, и ничего вѣтъ удивительнаго, если она иногда производитъ переполохи даже въ дѣтскихъ сердцахъ. Но послушайте Бенжамена.

Онъ тоже влюбился, только какъ-то не по-дѣтски, не съ лирическимъ идеализмомъ наивнаго воображенія, а съ безпобойнымъ анализомъ скоросильлага резонера и критика.

Вотъ что онъ пишетъ бабушкѣ:

«Я встрѣчаюсь иногда съ молодою англичанкой моего возраста (т.-е. десяти лѣтъ) и ее я предпочитаю Цицерону, Сенека и проч. Она разъясняетъ мнѣ Овидія, котораго она никогда не видала, о которомъ даже и не слыхивала, но я вижу этого поэта пѣбликомъ въ ея глазахъ».

Оригинальный интересъ къ дѣвушкамъ, какъ иллюстраціи для произведеній римскаго поэта! И сколько требовалось мальчику «тайныхъ думъ» и «неразгаданныхъ волненій», чтобы написать подобную фразу!

Два года спустя онъ сочиняетъ пѣсенки, *bouts-rimés*, свободно болтаетъ обо всемъ на свѣтѣ, бываетъ въ обществѣ, поражаетъ его остроуміемъ своихъ сужденій, страстно присматривается къ картежной игрѣ: впоследствии она станетъ его гибельнымъ порокомъ. Но его духовная жизнь продолжаетъ идти тѣмъ же страннымъ путемъ. Теперь передъ нами уже настоящій философъ и даже пессимистъ.

Въ письмѣ къ бабушкѣ онъ жалуется на ея молчаніе, завѣряетъ ее въ своей любви, сѣтуетъ, что она вполнѣ удовлетворяется его кузенами—«полковниками и капитанами», между тѣмъ, онъ, Бенжаменъ, еще ничего изъ себя не представляетъ. Онъ умоляетъ бабушку—любить его, несмотря на всѣ его недостатки.

«Вы мнѣ дадите силъ и мужество исправиться. Я хотѣлъ бы написать вамъ о себѣ что-нибудь утѣшительное, но боюсь, — мнѣ придется говорить только о физической сторонѣ своей жизни. Я здоровъ и сильно подросъ. Вы мнѣ скажете: если бы все этимъ и ограничивалось, не стѣбитъ жить. Я думаю такъ же, но мое безразсудство ниспровергаетъ всѣ мои проекты».

Юный мудрецъ не только сознаетъ свои недостатки, онъ даже знаетъ ихъ источникъ и пытается пресѣчь его. Необыкновенно картинно и остроумно онъ описываетъ свои неудачи:

«Я хотѣлъ бы, чтобы мою кровь заставили обращаться не столь быстро и сообщили ей движеніе болѣе размѣренное. Я попробовалъ, не можетъ ли музыка достигнуть этого результата, и я играю *adagio* и *largo* до того, что можно усыпить тридцать кардиналовъ. Первые такты проходятъ благополучно, но я не знаю, по какому волшебству медленные арии превращаются у меня въ *prestissimi*. То же самое и въ танцахъ. Менуэтъ всегда оканчивается у меня прыжками. Я поэтому думаю, что зло неизлечимо и что передъ нимъ безсиленъ разсудокъ; въ двѣнадцать лѣтъ власть разсудка должна бы уже сказаться. Но я не замѣчаю этого, и если его вліяніе на меня вообще слабо, что же будетъ въ двадцать пять лѣтъ?»

Дальше курьезный корреспондентъ рассказываетъ о своихъ свѣтскихъ впечатлѣніяхъ. Онъ является въ салонахъ безукоризненнымъ франтомъ, превосходно одѣтымъ, при шпагѣ, со шляпой подъ мышкой, одна рука на

груди, другая на эфесѣ. Но юный кавалеръ холоденъ къ свѣтскимъ удовольствіямъ,—они ниже его страстей, его мятежнаго темперамента, его тянетъ къ игорному столу...

Легко представить, какой эффектъ производили эти письма въ семьѣ Бенжамэна. Ихъ дѣятельно распространяли среди знакомыхъ, они составили славу скороспѣлому автору и много лѣтъ спустя м-ше Сталь умоляла дать ей эти письма, завѣряя, что никто лучше ея не оцѣнитъ этихъ единственныхъ въ своемъ родѣ произведеній.

Талантливыя и остроумныя дѣти встрѣчаются часто, но восторгъ родителей и друзей далеко не всегда оправдывается дальнѣйшимъ развитіемъ «семейныхъ гениевъ». Изъ живого и находчиваго ребенка нерѣдко выходитъ вялый и малоспособный юноша; особенно удачно этому превращенію способствуютъ школа и ея наука.

Съ Бенжамэномъ не произошло ничего подобнаго. Изумительная самостоятельность личности сказывается у ребенка на каждомъ шагѣ. Онъ заявляетъ рѣшительный протестъ противъ всякой учености, не захватывающей его души и воображенія. Учителямъ требуется не мало изобрѣтательности, чтобы приохотить Бенжамэна къ такой прозаической мудрости, какъ греческая грамматика.

Учитель принужденъ пуститься въ мистификацію, предложить своему ученику создать общими силами языкъ, который бы больше никому не былъ извѣстенъ. Бенжамэнъ приходитъ въ восторгъ и мужественно одолеваетъ азбуку невѣдомаго языка.

Но не школьное образованіе создаетъ образъ мыслей и нравственный міръ Бенжамэна. Все раннюю молодость онъ проводитъ въ путешествіяхъ. Въ тринадцать лѣтъ онъ уже посѣщаетъ Оксфордскій университетъ, отсюда отправляется въ Эрлангенъ, снова возвращается въ Англию, слушаетъ лекціи въ Эдинбургскомъ университетѣ, вступаетъ въ тѣсныя сношенія съ нѣкоторыми членами партіи виговъ,—и эти сношенія оставляютъ въ немъ такія же сильныя и прочныя впечатлѣнія, какими сопровождалось въ свое время пребываніе въ странѣ политической свободы величайшихъ дѣятелей просвѣтительной мысли, вродѣ Вольтера. Бенжамэнъ, при всѣхъ разнообразныхъ и, подчасъ, какъ увидимъ, довольно сомнительныхъ увлеченіяхъ, остается истиннымъ либераломъ, другомъ гражданской свободы и гуманной цивилизаціи.

Двадцати лѣтъ Констанъ окончилъ свое школьное образованіе и явился въ Парижъ. Это было въ 1787 году. Въ воздухѣ всей Франціи носились предвѣстія грядущаго переворота. Въ столичныхъ обществахъ философія XVIII вѣка давала пароли и лозунги. Парижская интеллигенція увѣренно и радостно шла на встрѣчу будущему, которое являлось въ самомъ розовомъ свѣтѣ, какъ заслуженная награда за вѣковую борьбу мысли и законнѣйшее возмездіе за вѣковыя страданія націи.

Констанъ, конечно, сочувствовалъ этому идеалистическому настроенію, превосходно отдавалъ себѣ отчетъ въ идеяхъ энциклопедистовъ, но срав-

нительно съ другими просвѣтителями и просвѣщенными представлялъ нѣчто новое.

Онъ, прежде всего, не былъ кровнымъ парижаниномъ и по рожденію къ французамъ находился въ такомъ же отношеніи, какъ Руссо и м-ше Сталь. Констанъ—потомокъ французскаго эмигранта, родился въ Лозаннѣ, оживленнѣйшемъ центрѣ общеевропейской интеллигенціи въ XVIII вѣкѣ, жилъ потомъ въ Голландіи, Англіи, Германіи и только послѣ этихъ странствій поселился въ Парижѣ. Швейцарія налагала особую печать на французовъ, потомковъ гугенотовъ. У нихъ не было узкаго національнаго духа, они оказывались несравненно доступнѣе для культурныхъ вліяній другихъ націй и весьма часто вносили во французскую литературу черты, совершенно чуждыя самой сущности французскаго генія. Не даромъ Руссо еще въ XVIII вѣкѣ называли «нѣмецкимъ писателемъ» на французской почвѣ. Не даромъ именно м-ше Сталь всю жизнь боролась противъ французскаго резонерства и разсудочныхъ правилъ искусства, разъясняла парижскимъ *beaux esprits* поэзію сердца и свободнаго вдохновенія, довольно удачно раскрывала французамъ смыслъ даже такихъ произведеній, какъ *Фаустъ*.

Констанъ изъ этой расы фактическихъ французскихъ космополитовъ. Въ парижскіе салоны онъ вноситъ многое, о чемъ не грезилося Лагарпамъ и Мармонтелямъ, царившимъ здѣсь въ эту эпоху. Внѣшность нѣмецкаго студента, красивое лицо, обрамленное свѣтлорусыми волосами, вдохновенная мечтательность романтическаго генія и блестящія политическія импровизаціи бывшаго пріятеля англійскихъ либераловъ, — все это даетъ вмѣстѣ весьма привлекательную картину. Салонныя дамы, конечно, поспѣшили оцѣнить рѣдкое явленіе.

Интересный юноша виталъ въ морѣ удовольствій, безразсечно растрачивая время, деньги и здоровье. Въ выборѣ для сердца Бенжамена не могло быть затрудненій: въ XVIII вѣкѣ, кто умѣлъ жить и при этомъ острить, былъ уже признанный дамскій герой. Но съ нашимъ героемъ происходитъ что-то странное. Онъ, двадцатилѣтній эпикуреецъ, влюбляется въ м-ше Шаррьеръ (Charrière), сорока-семилѣтнюю матрону. Это — «первая мамаша новаго херувима»: за ней должна слѣдовать цѣлая галлерей.

М-ше Шаррьеръ отнюдь не была обыкновенною хозяйкой свѣтскаго салона. Это, прежде всего, занимательная писательница, а потомъ авторъ въ высшей степени оригинальныхъ писемъ, часто напоминающихъ корреспонденцію Бенжамена Констана. Романы г-жи Шаррьеръ въ настоящее время не читаются, но письма долго не потеряютъ своей психологической и историко-бытовой цѣнности.

Дѣвичье имя г-жи Шаррьеръ—*m-lle van-Tuyll*. Она дочь богатой голландской семьи, въ двадцать лѣтъ познакомилась съ дядей Констана, узнала потомъ отца своего будущаго возлюбленнаго, а съ дядей въ теченіи пятнадцати лѣтъ вела дружескую переписку. Въ этихъ письмахъ остроумнѣйшія и яркія картины голландскаго общества второй половины XVIII в., прекрасныя характеристики многихъ знаменитостей, вроде Давида Юма, а

самое главное — исторія удивительнаго нравственнаго развитія молодой дѣвушки.

М-ле Туилль—большой философъ. Она терпѣть не можетъ свѣтской лжи и свѣтскаго блеска. Всѣ ея вкусы влоняются къ простому народу, къ природѣ, къ серьезному, вдумчивому одиночеству. «Котенокъ, мурлыкающій у меня на колѣняхъ,—пишетъ она,—доставляетъ мнѣ больше удовольствія, чѣмъ *bel esprit*, восхваляющій меня».

Лѣтомъ, во время жатвы, она обѣдаетъ съ крестьянами и крестьянками, умѣетъ вызвать ихъ на сердечную бесѣду и чувствуетъ себя въ этой средѣ гораздо свободнѣе, чѣмъ въ салонѣ.

Въ свѣтскомъ обществѣ м-ле Туилль внушаетъ ужасъ своими парадоксами. Она совершенно не желаетъ подчиняться общепринятымъ правиламъ салоннаго тона, не признаетъ никакихъ системъ, ко всякому человѣку и ко всякой книгѣ относится критически, позволяетъ себѣ издѣваться надъ запутанными проповѣдями пастора, высказываетъ мысли, прямо невозможныя для свѣтской барышни,—вродѣ того, что благородство происхожденія не болѣе, какъ право охоты, что нравственность зависитъ отъ температуры и—добродѣтелей, конечно, больше на Гренландіи, чѣмъ въ Италіи.

Въ довершеніе скандала, м-ле Туилль выпускаетъ въ свѣтъ новеллу подъ заглавіемъ *Благородный*, имени своего не подписываетъ, но пересыпаетъ разсказъ безопаздными насмѣшками надъ голландскою знатью, конечно, давно знакомыми друзьямъ автора.

Если прибавить къ этимъ фактамъ рѣшительный вкусъ оригинальной барышни къ точнымъ наукамъ, ея восторги предъ фактическою достовѣрностью математики и физики сравнительно съ темнотами метафизики и пасторскаго ученія,—легко повѣрить, что м-ле Туилль трудно было встрѣтить достойнаго жениха и не всякій въ салонахъ рѣшался вести любезныя бесѣды съ читательницей энциклопедистовъ, умѣвшей указывать слабые пункты даже въ сочиненіяхъ и личномъ характерѣ фернейскаго патриарха.

Наконецъ, и взгляды м-ле Туилль на супружескую вѣрность могли внушить опасенія самымъ отважнымъ кавалерамъ. По ея мнѣнію, эта добродѣтель вполне зависѣла отъ ума и достоинства мужа. Быть вѣрною женой глупца или ничтожества невозможно.

Въ результатѣ—длинная исторія разборчивой невѣсты и поздній бракъ тридцати одного года. Въ заключеніе же всей жизни романъ съ Бенжамэномъ Констаномъ.

Герой и героиня стояли другъ друга. М-ше Шаррьеръ, конечно, не могла уже быть красавицей. Передъ нами ея портретъ въ возрастѣ около тридцати пяти лѣтъ—и опустошенія времени очень замѣтны. Физической красоты никакой, но глаза обличаютъ энергическую работу мысли и не умирающую свѣжесть чувства. Очевидно, эти качества оставались въ прежней силѣ и двѣнадцать лѣтъ спустя. По крайней мѣрѣ, Констанъ съ первой же встрѣчи почувствовалъ надъ собою нравственную власть этой женщины и немедленно подѣлился съ ней своимъ горемъ.

Горе состояло въ неудачной любви къ одной молодой дѣвушкѣ, на которой онъ весьма не прочь былъ жениться. Это одинъ изъ любопытныхъ и забавныхъ фактовъ въ его біографіи. Никто, кажется, изъ современныхъ писателей, за исключеніемъ развѣ Шатобріана, не имѣлъ столько успѣховъ у женщинъ и никто чаще не носился съ идеей о женитьбѣ, чѣмъ Констанъ.

Никакой свѣтскій шумъ и даже литературная и политическая слава не могли заглушить стихійнаго стремленія къ плодотворной работѣ въ тихомъ уединеніи. Это не примелькавшійся всеѣмъ въ началѣ нашего вѣка заурядный Донъ-Жуанъ съ блѣднымъ лицомъ и демонически-суровымъ взоромъ, ненасытный поѣдатель женскихъ сердецъ, по существу великій человекъ на маленькія дѣла и громкія слова, на практикѣ неисправимый мелочной эгоистъ. У Констана ничего нѣтъ общаго, напримѣръ, съ Шатобріаномъ. Онъ не способенъ самоуслаждаться игрой въ человеконенавистничество и разочарованіе, и свѣтскіе успѣхи прельщаютъ его только въ самые молодые годы, да и не настолько, чтобы ради нихъ забыть благородѣйшія стремленія просвѣщеннаго ума и общественно-развитаго чувства.

Бенжамѣнъ по цѣлымъ часамъ гипнотизируетъ салонныхъ дамъ ослѣпительными импровизациями по какому угодно вопросу, но его не покидаетъ сознание неудовлетворенности, полнѣйшей пустоты подобнаго времяпрепровожденія. Не даромъ у него еще въ дѣтствѣ оказывается достаточно наблюдательности и честности, чтобы указать на пошлость свѣтской жизни и сознаться въ своихъ порочныхъ наклонностяхъ.

Намъ рисуется такая сцена. Прошелъ день. Бенжамѣнъ можетъ внести въ свой дневникъ не одно и не два покоренныхъ сердца, припомнить, можетъ быть, десятки восхищенныхъ глазъ, множество торопливыхъ, прерывистыхъ рѣчей, робкихъ страстныхъ рукопожатій. И онъ, дѣйствительно, иногда намекаетъ на все это въ своихъ запискахъ. Но всего два-три слова о свѣтскихъ побѣдахъ, и цѣлая страница о безысходной тоскѣ, желчныхъ укоровъ по адресу самодовольныхъ глупцовъ, изрѣдка настоящій крикъ боли въ душномъ воздухѣ эгоизма и мелкихъ дѣлишекъ.

Тогда-то оскорбленному мечтателю начинается грезиться міръ семьи, рука объ руку съ любимой, отзывчивой, высоко-развитой женой. И вчерашній остроловъ и оболъбятель—сегодня чуть не герой «мѣщанскаго счастья».

Отсюда эти многочисленные планы насчетъ брака, неудачныя сватовства и еще болѣе неудачныя супружескіе союзы.

М-ле Пурра не оправдала надеждъ Констана. Впослѣдствіи эта же дѣвица увлекла Андре Шенье и стяжала себѣ безсмертіе въ стихахъ поэта подъ именемъ Фанни. Констанъ уѣхалъ съ горя въ Англію и писалъ отсюда г-жѣ Шаррьеръ. Вскорѣ онъ вернулся и два мѣсяца жилъ съ ней въ одномъ домѣ. Переписка и здѣсь продолжалась. Они по утрамъ обмѣнивались длинными письмами, переполненными остроуміемъ и рефлексіей. Бенжамѣнъ счастливъ, и именно въ это время у него зарождается планъ обширнаго сочиненія о религіяхъ. Автору предстояло цѣлыхъ сорокъ лѣтъ

работать надъ этою книгой. Можно представить, сколько любви и энергіи потрачено на одинъ трудъ!

Но два мѣсяца прошли. Отецъ негодовалъ на Бенжамена за легкомысленную праздную жизнь, нужно было помириться со старикомъ, и Бенжаменъ принимаетъ службу при брунсвикскомъ дворѣ. Страннѣе этого положенія трудно было изобрѣсти для нашего философа.

Прежде всего, Бенжаменъ чувствуетъ инстинктивное отвращеніе къ придворнымъ и ихъ существованію, онъ искренній демократъ, отъ его взора не скрывается ни единая черточка смѣшного и низкаго. Онъ быстро превращается въ самаго отчаяннаго пессимиста. Онъ чувствуетъ себя буквально въ положеніи одиночно-заключеннаго. М-ше Шаррьеръ, попрежнему, его повѣренная.

«Мнѣ все опротивѣло, я всюду скучаю, испытываю какую-то горечь, я эгоистъ, одержанный своеобразною чувствительностью, которая только терзаетъ меня. Я то легкомысленъ до такой степени, что могу прослыть за фата, то подверженъ припадкамъ меланхоліи, которые разрушаютъ всѣ мои планы. Какъ же хотите вы, чтобъ я преуспѣвалъ, нравился другимъ, просто жилъ?»

Наконецъ, найдено пристанище. Обуреваемый столь разнообразными и мучительными настроеніями, Констанъ очертя голову бросается въ объятія чуть ли не первой встрѣчной невѣсты. Новая избранница—нѣмеа, баронесса Крамъ, совсѣмъ не красивая, съ лицомъ, тронутымъ оспой, съ красными глазами, съ худымъ тѣломъ.

Что же это за счастье, въ особенности когда мужу всего двадцать два года и онъ, будто море въ непогоду, не перестаетъ метаться, о чемъ-то тосковать и выносить на поверхность своей души то безнадежную тоску, то Богъ вѣсть почему загорающуюся радость?

Здѣсь нужна сильная, хотя и любящая рука, нужно умѣть твердо и бережно уврачевать безпокойные нервы, укротить болѣзненно-волнующуюся кровь. Баронесса Крамъ, можетъ быть, понимала волненія и боли своего мужа, но не хотѣла придти ему на помощь.

Въ судьбѣ Констана вполнѣ обнаружилось все значеніе, какое можетъ имѣть женщина въ жизни даровитѣйшаго человѣка, но не уравновѣшеннаго отъ природы. У Констана всѣ задатки для какой угодно дѣятельности. Онъ превосходный наблюдатель дѣйствительности, компетентѣйшій судья современныхъ идей, несравненный стилистъ: всѣ матеріалы, изъ которыхъ создаются замѣчательные писатели. Констанъ, кромѣ того, живетъ въ великую историческую эпоху. На его глазахъ разыгрываются прелюдіи революціи, наступаетъ и проносится бурей сама революція, одинъ режимъ смѣняется другимъ. Какое необозримое поле для политической мысли и живого общественнаго труда!

И у Констана—чуткое нервное сердце, достаточно мужества, искренняя любовь къ народу и свободѣ. Онъ не скрываетъ всего этого при дворѣ, въ лицѣ камергера являетъ истаго санбюлота, теряетъ, конечно, свою долж-

ность, но въ самый разгаръ мірового переворота погружается въ семейныя дразги, хлопочетъ о разводѣ съ женой, еще не успѣвъ забыть о медовомъ мѣсяцѣ.

Какое жалкое зрѣлище! Блестящій умъ и рѣдкій талантъ истощаютъ свои силы въ ярочотворной борьбѣ съ женскою интригой, съ родственными сплетнями, роятся въ грязномъ бѣльѣ нѣмецкаго захолустнаго муравейника. И одновременно—подробные отчеты г-жѣ Шаррьеръ обо всѣхъ этихъ пошлостяхъ...

Не правда ли, странно писать подругѣ сердца о войнѣ съ законною супругой? Но чѣмъ инымъ могла быть пятидесятилѣтняя дама для юноши, едва разцвѣтшаго, какъ не доброю практическою совѣтчицей и утѣшительницей? Бенжамэнъ не гонялся за красотой и всякимъ внѣшнимъ блескомъ. Почти всѣ его избранницы старше его. На первомъ планѣ стояли, очевидно, нравственные данныя, умъ, сила воли, талантливость. Г-жу Шаррьеръ Констанъ называетъ «высшимъ умомъ, какой онъ когда-либо зналъ». О г-жѣ Сталь, мы увидимъ, отзывы въ томъ же духѣ, только, разумеется, еще восторженнѣе.

Любовь Констана—инстинктивное стремленіе генія къ натурѣ родственной ему, «средство душъ» въ лучшемъ смыслѣ слова. Это неопровержимо докажутъ намъ его отношенія къ г-жѣ Сталь. Но первыя данныя заключаются въ исторіи съ г-жей Шаррьеръ.

Что же стояло на пути къ полному счастью?

Обстоятельство крайне простое: пятьдесятъ лѣтъ ея и двадцать два года ею. Такое отношеніе прямо противуестественно съ точки зрѣнія сердца. А могъ ли Бенжамэнъ отрѣшиться отъ нея? Пусть у женщины какой угодно умъ и талантъ, но если «всеподдающее время» успѣло омертвить цвѣтъ и разбѣять ароматъ ея весны, счастьемъ любви, лирической поэзіи чувства нѣтъ мѣста.

И первый романъ Констана свидѣтельствуетъ объ его идеализмѣ, о врожденной способности — мысль ставить выше совершенно естественныхъ влеченій молодости.

Теперь представьте, «высшій умъ» воплотился въ прекрасномъ женственномъ существѣ, и Бенжамэнъ встрѣтилъ его на своемъ пути вѣчныхъ колебаній, безпрестанной смѣны противоположныхъ чувствъ и стремленій. Сколько бы мелочей, безплодныхъ метаній исчезло изъ его жизни! И какая бы ясная, твердая дѣятельность сосредоточила его силы! Но Констану не суждено такого счастья.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, зачѣмъ ему непременно требовался достойный спутникъ, чтобы развернуть во всемъ блескѣ свои таланты? Не проще ли рѣшить вопросъ иначе: у Констана не было достаточно воли, нравственной выдержки, чтобы идти однимъ опредѣленнымъ путемъ.

Такъ рѣшаютъ вопросъ *все*, кому приходилось и приходится говорить о Констанѣ, и это рѣшеніе подсказано имъ же самимъ. Онъ безпрестанно

обвиняетъ себя въ отсутствіи энергии и постоянства... Но намъ кажется вопросъ гораздо сложнѣе и несравненно интереснѣе и глубже, чѣмъ онъ представляется самому Констану и его толкователямъ.

Прежде всего, въ высшей степени осторожно слѣдуетъ бросать обвиненія противъ кого бы то ни было въ недостаткѣ извѣстныхъ общихъ нравственныхъ качествъ. Давно ли, напримѣръ, чувствительность смѣшивали съ чувствомъ и всякая нервно-развинченая, слезливая дама могла сойти за героиню гуманности, состраданія, необыкновенно отзывчиваго сердца? Стоило такой дамѣ издать въ театрѣ десятка два патетическихъ восклицаній и пролить двѣ капли слезъ, на нее немедленно указывали, какъ на образецъ христіанскихъ добродѣтелей. Въ прошломъ вѣкѣ въ этой истинѣ были все убѣждены, найдется и въ наше время не мало простаковъ, способныхъ смѣшать два понятія, по существу не только не тождественныя, но прямо исключаютія другъ друга. Художественная чувствительность и припадочная нервозность освобождаютъ обыкновенно людей отъ необходимости проявлять настоящее дѣятельное чувство къ ближнему. Это уплата высшаго нравственнаго долга по самой дешевой тактѣ.

То же самое и относительно воли.

Вопросъ здѣсь еще труднѣе. Исторія литературы знаетъ краснорѣчивѣйшій примѣръ въ этомъ отношеніи. Извѣстна необятность критической литературы о Гамлетѣ: написаны буквально цѣлыя бібліотеки и именно потому, что психологическій вопросъ въ данномъ случаѣ сосредоточенъ на *волю*. Требуется отвѣтить, почему принцъ, одаренный всеми блестящими дарами природы, не можетъ отважиться на самый законный и, по видимому, простой актъ?

Банальный отвѣтъ и здѣсь необыкновенно простъ и онъ также подсказать самимъ героемъ: нѣтъ воли, мужества.

Но если бы этотъ отвѣтъ былъ сама истина, шекспировскій герой, навѣрное, давно сошелъ бы со сцены и драматическаго искусства, и критической литературы. А, между тѣмъ, это популярнѣйшій образъ нашего времени. Будто какая-то никому недосказанная тайна скрыта подъ этимъ траурнымъ плащомъ, въ этихъ безконечныхъ отвлеченныхъ рѣчахъ, въ странныхъ, подчасъ дѣйствительно невмѣняемыхъ выходкахъ.

И въ результатѣ все, что только есть идеальнаго, романтически-вдохновеннаго у молодого артиста, у критика, они спѣшатъ раскрыть свои идеи въ новомъ толкованіи Гамлета.

Не менѣе сложенъ и увлекателенъ вопросъ и въ нашемъ случаѣ.

Многимъ счастливымъ весьма легко удастся приобрести славу людей сильныхъ волей. Къ этой славѣ особенно часто ведутъ два пути: во-первыхъ, ограниченность идейныхъ стремленій, бѣдность и односложность нравственной жизни; во-вторыхъ, удачное совпаденіе личныхъ желаній и плановъ съ настроеніемъ среды.

Одинъ изъ нѣмецкихъ профессоровъ-психологовъ весьма проникательно заѣтилъ по поводу Гамлета: энергическое дѣйствіе требуетъ извѣстной

«Всѣ мои связи разорваны, всѣ—и приносящія мнѣ огорченія, и составлявшія мои радости,—всѣ, всѣ. Какая странная слабость! Больше года я стремился къ этому моменту, я тосковалъ по безусловной независимости, она наступила и я трепещу! Я подавленъ одиночествомъ, меня окружающимъ, я прихожу въ ужасъ при мысли, что у меня нѣтъ никакихъ связей, а, между тѣмъ, я изнывалъ изъ-за того, что у меня были эти связи».

Трудно точнѣе опредѣлить драму бесплодно мятущагося сердца. Никогда такія рѣчи не приходили на уста разочарованнымъ демонамъ и пресыщеннымъ Донъ-Жуанамъ. Въ жизни Констана совершается вѣчная драма—одиночество высокодаровитой натуры, и одиночество не только мысли, идеальныхъ стремленій,—одиночество сердца. Если первое усыпаетъ путь терніями, второе можетъ въ извѣстные годы подорвать всю нравственную энергію и сильный умъ подмѣнить меланхоліей и пассивною мечтательностью.

Констанъ проходитъ именно это испытаніе, пока не совершается роковая встрѣча, захватывающая почти все будущее нашего героя. Пятнадцатаго сентября 1794 года онъ впервые встрѣчается съ м-ше Сталь. Ей—двадцать девять лѣтъ, ему—двадцать семь. Онъ весь добыча одинокой тоски и ненасытной жажды «родной души»,—она въ полномъ разцвѣтѣ граціи и генія.

Для ея огненной души,—говорить одинъ изъ ея почитателей,—было мало цѣлаго міра,—легко представить, какой пожаръ вызвала гениальная писательница въ воображеніи юноши. И это не увлеченіе мужчины женщиной, это какая-то странная перестановка ролей. Вся нравственная сила, весь неограниченный авторитетъ на сторонѣ м-ше Сталь. Констанъ—весь восторгъ, энтузіазмъ, доходящій до полного обожанія, до забвенія собственной личности.

«Я рѣдко встрѣчалъ, — пишетъ онъ, — подобное соединеніе изумительныхъ и привлекательныхъ качествъ: столько блеска и сдержанности, столько очарованія, простоты, свободной граціи. Это—исключительное существо, существо высшее, которое, можетъ быть, встрѣчается одинъ разъ въ цѣлое столѣтіе, и всякій, кто приближается къ нему, узнаетъ его, становится его другомъ, долженъ совершенно довольствоваться этимъ счастьемъ».

Трудно съ большимъ самоотверженіемъ говорить о писательницѣ и съ болѣе сердечною влюбленностью—о женщинѣ. Констанъ будто счастливъ тѣмъ, что таланты м-ше Сталь затмѣваютъ и его даровитость, и его личность. Это—чувства религіознаго прозелита и, можетъ быть, они совершенно естественны по отношенію къ замѣчательнѣйшей женщинѣ своего времени, но, во всякомъ случаѣ, они свидѣтельствуютъ не столько о геніи и чарахъ дочери Неккера, сколько о жгучей, неукротимой жаждѣ ея поклонника—любить и поклоняться.

Констанъ сначала награжденъ сторицею за свои восторги. М-ше Сталь въ первый разъ въ жизни видѣла столь оригинальнаго юношу. Ни по внѣшности, ни по разговору онъ не напоминалъ обыкновенный типъ салоннаго кавалера. Передъ нами его портретъ приблизительно изъ э

эпохи. Достаточно одного взгляда, чтобы отличить это лицо среди тысячи другихъ. Констану нѣтъ еще и двадцати пяти лѣтъ, а глаза полны глубокой грусти, на всемъ изображеніи лежитъ печать многолѣтнихъ сомнѣній и неизлечимой меланхоліи. Трудно повѣрить, что этотъ человѣкъ могъ потѣшаться свѣтскихъ красавицъ легкомысленными анекдотами и вздорными остротами,—такая серьезная, почти зловѣщая складка сжимаетъ эти молодыя губы. И ни одной аффектированной, театральной черты, на которыя были столь великіе мастера разные демоны и чайльд-гарольды начала XIX вѣка.

М-ше Сталь горячо полюбила одинокаго философа. Бесѣды длятся вдвоемъ по цѣлымъ часамъ. Констанъ переживаетъ настоящую весну, но вѣчный гамлетовскій анализъ не покидаетъ его и теперъ. Г-жѣ Сталь суждено было написать краснорѣчивѣйшія обличительныя рѣчи противъ такъ называемаго общественнаго мнѣнія, выставить на позорище всю пошлость, все недомысліе и деспотизмъ разныхъ законодателей и законодательницъ свѣтскаго тона и свѣтской нравственности. Оба романа г-жи Сталь—настоящій военный арсеналъ личной свободы и женскаго человѣческаго достоинства.

И дочь Неккера, протестанта и республиканскаго гражданина на министерскомъ посту католической феодальной монархіи, имѣла всѣ права и поводы вести эту войну.

И, все-таки, она отъ начала до конца остается женщиной. Это, несомнѣнно, говорить въ пользу ея чаръ, можетъ быть, свидѣтельствуешь объ ея искренности, но близкимъ людямъ приходится дорого расплачиваться за эту женственность—и, прежде всего, конечно, Констану.

Немедленно послѣ знакомства съ нимъ г-жа Сталь, при всемъ своемъ увлеченіи, усердно хлопочетъ о соблюденіи приличій въ глазахъ свѣта, а позже будетъ хлопотать о такой комбинаціи, которая можетъ только глубоко оскорбить и раздражить всякаго истинно и честно-любящаго человѣка. Позже г-жа Сталь станетъ предлагать Констану планъ тайнаго брака: странно для автора *Коринны* и прямо больно для другаго, обладающаго хотя бы самымъ первобытнымъ чувствомъ человѣческаго достоинства. Что долженъ будетъ пережить Констанъ въ эти минуты, мы вскорѣ увидимъ,—теперь онъ на высотахъ счастья и поэзіи, хотя... Но послушаемъ его самого:

«Любопытно,—пишетъ онъ,—видѣть, до какой степени женщины считаются съ самыми безумными поступками мужчинъ, если эти поступки льстятъ ихъ самолюбію. Между мной и г-жей Сталь было условлено: я не долженъ оставаться у нея за полночь, чтобы не компрометировать ея». Такъ продолжалось довольно долго, и Констанъ, при всѣхъ своихъ восторгахъ, долженъ выполнять договоръ. Но однажды вечеромъ случилось происшествіе. Констанъ чувствовалъ себя особенно счастливымъ, время летѣло незамѣтно, онъ вынулъ часы, съ цѣлью доказать своей собесѣдницѣ, что еще не наступила минута ему отправляться. олимая стрѣлка говорила другое, и Констанъ, охваченный гнѣвомъ ымъ ребенка», бросаетъ часы на полъ и разбиваетъ ихъ.

«Какое безуміе! Какой вы негѣпный!» — воскликнула г-жа Сталь, — «но такая задушевная улыбка, — восклицаетъ въ свою очередь Констанъ, — свѣтилась сквозь эти упреки! Рѣшительно эти разбитые часы окажутъ мнѣ большую услугу».

И дѣйствительность оправдала самыя пламенные ожиданія. На слѣдующій же день Констанъ писалъ:

«Я не купилъ часовъ и больше въ нихъ не нуждаюсь».

Это былъ большой выигрышъ, — роману суждено было продолжаться цѣлые годы, — но принесъ ли онъ счастье той или другой сторонѣ?

Мы уже знаемъ нѣкоторыя женскія черты характера знаменитой писательницы. Этихъ чертъ гораздо больше, и всѣ онѣ стояли препятствіемъ къ полному сердечному миру между влюбленными.

Прежде всего, г-жа Сталь мечтала о романическомъ героѣ совершенно другихъ свойствъ, чѣмъ Констанъ. Это руководитель, въ сущности, владѣка всего существованія женщины — «одновременно твердый и кроткій, чей взглядъ повелѣваетъ и молить, и кто на колѣняхъ получаетъ право располагать нашею судьбой». А дальше — полнѣйшее единство интересовъ и стремленій, одинъ и тотъ же путь вездѣ и всегда до самой могилы.

Констанъ, очевидно, не могъ воплотить въ себѣ подобный идеалъ. Умолять ему было доступно, хотя бы на колѣняхъ, но повелѣвать, а тѣмъ паче распоряжаться чужою судьбой онъ не могъ и даже не захотѣлъ бы. Сколько угодно кротости и весьма мало твердости, если нѣтъ подлѣ дѣйствительно твердой любящей руки. Таковъ Констанъ, менѣе всего годный въ деспоты женскаго сердца. А, между тѣмъ, г-жа Сталь именно и возжелѣла о власти сильной натуры, совершенно свободной отъ колебаній и рефлексій. Это — чисто-женская черта и весьма нерѣдко выступаетъ съ такою яркостью, что заслоняетъ собой всѣ другіе обычные мотивы женскихъ увлеченій. Въ литературѣ этотъ фактъ удостовѣренъ геніальными созданіями. Достаточно вспомнить Ричарда III и леди Анну изъ трагедіи Шекспира, Мазепу и Марію изъ поэмы Пушкина, рассказъ о Ботвелѣ и шотландской королевѣ изъ драмы Шиллера. Нравственная сила производитъ часто гипнотическое дѣйствіе на женскую душу и искушаетъ недостатокъ физической красоты и другихъ шаблонныхъ кавалерскихъ достоинствъ. И именно лучшія женщины поддаются этому дѣйствію.

Г-жа Сталь изъ ихъ числа, но Констанъ не имѣлъ ничего общаго съ Ричардами и Ботвелами. Въ результатѣ неизбѣжно возникаетъ обоюдное недоразумѣніе. Она искала героя и нашла человѣка, способнаго стать имъ только при одномъ условіи: если женщина явится для него тѣмъ же, чѣмъ муза для поэтовъ, его вдохновеніемъ, его звѣздой, его совѣстью и пламенемъ сердца. Онъ тосковалъ о душевной гармоніи, объ угромной свѣтлой бесѣдѣ, разгоняющей душевную мглу и среди вереницы неотвязныхъ думъ озаряющей одну прочную благородную идею, одно ясное прямое стремленіе. Такъ мечталось, а въ дѣйствительности судьба связала съ женщиною неукротимаго темперамента и странною жаждой исключительныхъ

страданій. Да, у г-жи Сталь—этой единственной вѣрной послѣдовательницы просвѣтительныхъ идей XVIII вѣка—въ наполеоновскую эпоху—глубоко жила одна въ высшей степени распространенная наклонность дореволюціоннаго общества. Быть несчастной, страдать — своего рода нравственная потребность современницъ и поклонницъ Руссо. Слезы, чувствительность входили въ кругъ обязательныхъ добродѣтелей. Можно представить, сколько дѣйствительныхъ огорченій могъ вызвать этотъ вкусъ, который всякая свѣтская дама всегда способна искусственно развить до недуга! И г-жа Сталь заражена имъ. Быть влюбленной — значить съ особеннымъ усердіемъ проливать слезы, осыпать «невѣрнаго» и «равнодушнаго» укоризнами, и сила любви должна обнаруживаться именно въ жалобахъ, въ меланхоліи и подчасъ въ бурныхъ сценахъ: темпераменту г-жи Сталь трудно было ограничиться одною чувствительностью.

На такихъ основахъ предстояло укрѣпиться новому увлеченію Констанана. Ясно, насколько зданіе отличалось прочностью.

Одинъ мотивъ остается неизмѣннымъ въ этомъ романѣ: преклоненіе Констанана предъ умомъ и талантами г-жи Сталь. Онъ сравниваетъ ее съ собой, принимаетъ въ расчетъ всѣ ея недостатки и, все-таки, находитъ: «Она во всѣхъ отношеніяхъ выше меня».

Ея власть надъ нимъ изумительна. Власть эта—далеко не легкое бремя. Г-жа Сталь знаетъ свою силу и пользуется ею съ истинно-женскою нетерпимостью и прихотливостью. Власть эта особенно тяжела потому, что владычица совершенно не въ силахъ управлять собой: иначе,—заключаетъ ея вѣрноподданный,—она управляла бы міромъ.

Всякій ея капризъ долженъ выполняться безусловно и немедленно. При такихъ условіяхъ сколько мучительныхъ мелочей, сколько капель отравы, медленно накапливающихъ злобу и даже ненависть!

Г-жа Сталь, напримѣръ, очень любитъ засиживаться по ночамъ. Это хорошо въ первый разцвѣтъ любви, но Констананъ никогда не былъ полуночникомъ и ему тяжело вести умные разговоры днемъ, за ужиномъ и послѣ ужина. Онъ часто «умираетъ отъ сна», но приходится повиноваться. Тогда въ дневникѣ является такое замѣчаніе:

«Я никогда не видалъ лучшей женщины, болѣе граціозной, болѣе преданной, но я не видалъ также женщины, которая предъявляла бы столь настойчивыя требованія, сама не замѣчая этого, которая до такой степени поглощала бы жизнь всѣхъ окружающихъ и которая при всѣхъ достоинствахъ обладала бы болѣе деспотическою личностью; все существованіе другого человѣка, минуты, часы, годы должны быть въ ея распоряженіи. И когда она отдается своей страсти, происходитъ катастрофа вродѣ грозъ и землетрясеній. Она—избалованное дитя, этимъ все сказано».

Послѣднее замѣчаніе вполне справедливо. Г-жѣ Сталь выпала участь съ дѣтства прослыть гениемъ. Десяти лѣтъ она писала чувствительныя пьесы и вызывала слезы у такихъ зрителей, какъ Мармонтель. Затѣмъ слѣдовала карьера ея отца, блестящій салонъ г-жи Неккеръ, гдѣ юная

Жермена поражала всёхъ глубокомысленною меланхолией, многозначительнымъ молчаніемъ и исключительнымъ умомъ. Въ домѣ Неккеровъ установился обоюдный семейный культъ: дочь и мать преклонялись предъ политическимъ гениемъ отца, отецъ возлагалъ самыя смѣлыя надежды на будущее дочери. Надежды, положимъ, оправдались. Достаточно вспомнить, что Наполеонъ счелъ необходимымъ обрушить свою полицейскую власть на г-жу Сталь и лично почтилъ ее изгнаніемъ.

Но воздухъ, переполненный еиміагомъ,—ядовитая атмосфера даже для созрѣвшихъ талантовъ и холодныхъ умовъ. Для ребенка, для дѣвушки-автора такой воздухъ — истинная зараза, смертельно опасная для ея характера и отношеній къ людямъ.

Констану пришлось расплачиваться за преждевременный пьедесталъ г-жи Сталь. Его отрывочныя замѣчанія, односложныя упоминанія о разныхъ происшествіяхъ могли бы послужить прекраснымъ матеріаломъ для психологическаго романа.

Встрѣча, мы видѣли, произошла въ 1794 году, десять лѣтъ спустя мы слышимъ сплошной стонъ несчастнаго героя. Между влюбленными происходятъ «ужасныя сцены», часто до трехъ часовъ утра. Эти сцены настолько обыкновенны, что Констанъ спѣшитъ отмѣтить дни, когда г-жа Сталь находится «dans une bonne phase», т.-е. «кротка и любезна». Если она уѣзжаетъ и Констанъ остается одинъ,—дѣло не мѣняется. Она осыпаетъ бѣднаго друга яростными письмами. «Всѣ вулканы менѣе пламенны, чѣмъ она»,—замѣчаетъ онъ, прочитавъ одно изъ такихъ писемъ. «Это сотрясеніе цѣлой вселенной, движеніе хаоса»,—говоритъ онъ послѣ другого. «Какая фурія!»—восклицаетъ онъ по поводу третьяго. И сейчасъ слѣдуетъ молитва, вырвавшаяся прямо изъ сердца:

«Боже! Освободи насъ другъ отъ друга!»

А затѣмъ встрѣча, новыя сцены, отчаяніе, примиреніе, и такъ цѣлые голы.

Но зачѣмъ же, спросите вы, создавался весь этотъ адъ, тѣмъ болѣе, что эти люди не были связаны законными узами и всегда могли разойтись въ разныя стороны?

Вопросы всегда легче ставить, чѣмъ разрѣшать. Самъ Констанъ, вѣроятно, задумался бы надъ рѣшеніемъ, а г-жа Сталь, вѣроятно, отвѣтила бы коротко и неясно: «Я любила его».

Насколько дѣйствительно г-жа Сталь любила своего Бенжамена десять и пятнадцать лѣтъ спустя послѣ первой встрѣчи, трудно сказать. Знаемъ только, что она рѣшительно отказалась выйти за него замужъ съ вѣдомъ общества, несмотря на его настоянія и несмотря даже на свои вѣчныя жалобы на его безсердечіе и равнодушіе.

Вѣрно одно: власть г-жи Сталь надъ однимъ изъ даровитѣйшихъ людей своего времени представляетъ поистинѣ нѣчто чудесное.

Констанъ неоднократно повторяетъ въ своемъ дневникѣ, что у него исчезъ былой сердечный жаръ, у него просто нѣтъ больше способностей.

любить и г-жа Сталь напрасно требуетъ отъ него болѣе сильнаго чувства, чѣмъ дружба. Это мы слышимъ въ 1804 году. А три года спустя послѣ ссоры онъ изобрѣтаетъ разные благовидные предлоги, чтобъ увидѣться съ ней. И это въ тотъ моментъ, когда вопросъ идетъ о разводѣ Шарлотты Дютергръ, Гарденбергъ тожъ. Эта госпожа была уже разъ разведена, снова вышла замужъ и теперь Констанъ стремился жениться на ней.

Сравнительно съ г-жей Сталь это совершенное ничтожество. Первая даже нѣмцевъ поражала блескомъ разговора, какою-то «волшебною властью» надъ умами, искусствомъ соединять въ своемъ салонѣ людей самыхъ различныхъ мнѣній и всѣхъ одинаково превращать въ своихъ восторженныхъ поклонниковъ. О г-жѣ Гарденбергъ самые печальные отзывы: это—сучная, сантиментальная, прѣсная нѣмка. Она прямо жалка рядомъ съ царственной особой г-жи Сталь.

И, все-таки, Констанъ жертвуетъ ради нея свободой.

Если спросить у него объясненій, онъ наскажетъ сколько угодно мотивовъ. Во-первыхъ, Шарлотта необыкновенно добра: Констанъ «сто разъ» отвергалъ ее и она продолжаетъ любить его. Кротость Шарлотты и эгоизмъ г-жи Сталь—таково сопоставленіе самого Констана. И оно понятно: человѣкъ просто измучился въ постоянныхъ перепалкахъ съ «королевой» и чувствуетъ себя окончательно разбитымъ. «Я усталъ отъ мужчины-женщины» («Je suis las de l'homme-femme!»),—заявляетъ онъ откровенно. Ему нужна женщина обыкновенная, безъ всякой гениальности и претензій.

И естественно, онъ до самозабвенія отдается ласкамъ Шарлотты. Онъ именно въ томъ состояніи, когда персидскому царю простая вода казалась вкуснѣе всѣхъ нектаровъ на свѣтѣ.

Но чѣмъ страстнѣе увлеченіе, тѣмъ оно подозрительнѣе, особенно когда предметъ — «прѣсная нѣмка», а жертва — человѣкъ, подобный Констану. Отрезвленіе наступаетъ быстро. Чуть не на той же страницѣ дневника, гдѣ намъ заявляли о чарахъ Шарлотты и ея преимуществахъ предъ г-жей Сталь, мы читаемъ о путешествіи Констана въ помѣстье «деспота» за прирѣченіемъ.

«M-me Staël m'a reconquis!» — постоянный вопль въ теченіе четырехъ лѣтъ. Невольно хочется повторить извѣстную фразу: «было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно».

Смѣшного, на самомъ дѣлѣ, не мало. Обратите вниманіе только на эти завленія:

«Я чувствую, что прослышу чудовищемъ, если брошу ее (г-жу Сталь). Я умру, если не брошу ея. Я ее жалю и ненавижу».

Шарлотта получаетъ разводъ и ждетъ жениха, а онъ:

«Я согласился остаться съ г-жей Сталь на шесть недѣль... Что дѣлать, ве нкій Боже! Я топчу ногами свое будущее и свое счастье».

По временамъ, будто лѣтнія грозы, повторяются «страшные сцены».

Она чередуются съ театральными представленіями, въ которыхъ главные роли играютъ тѣ же герои—Констанъ и его подруга... Не правда ли, трудно избрѣсти комбинацію забавнѣ этой: утрою или днемъ—драма взаправду, вечеромъ—трагедія по книгѣ? А результатъ:

«Покоримся и будемъ притворяться; это—искусство слабѣйшаго».

Констанъ, про котораго говорили, что послѣ Вольтера во Франціи онъ самый остроумный человекъ, конечно, понимаетъ соль своей роли.

«Мое общественное положеніе курьезно. Я—между двумя женщинами. Изъ нихъ одна причиняетъ мнѣ горе тѣмъ, что не выходитъ за меня замужъ, другая повредитъ мнѣ тѣмъ, что станетъ моею женой».

Все это, несомнѣнно, въ сильной степени комично. Но, можетъ быть, никогда за видимымъ смѣхомъ не таились болѣе горькія слезы.

Представьте жизнь въ домѣ г-жи Сталь. Очевидецъ рассказываетъ, что никогда еще ни въ чьихъ бесѣдахъ не расточалось столько остроумія и знанія, не возкивало столько оригинальныхъ идей. Непривычному гостю можно было смертельно устать отъ этого потока умственной силы и онъ съ наслажденіемъ набрасывался на всякаго, кто говорилъ общія мѣста.

Но Констанъ былъ не изъ такихъ мучениковъ. Это была именно его сфера и онъ наравнѣ съ другими невольно приносилъ жертвы божеству,—волшебницѣ-хозяйкѣ, не знавшей утомленія и ни на минуту не впадавшей въ банальности и, наконецъ, удивительно исполнявшей трагическія роли на сценѣ.

Естественно было и безъ сердечныхъ увлеченій подчиниться подобной женщинѣ, а здѣсь она, кромѣ того, грозитъ самоубійствомъ, если ее покинуть.

Приходится выбирать одно изъ двухъ: или остаться въ самомъ блестящемъ культурномъ обществѣ, быть первымъ гостемъ и другомъ замѣчательнѣйшей женщины во всей Европѣ, но для этого требуется настоящій подвигъ: необходимо ограничить власть неограниченной королевы, начать и окончить съ успѣхомъ борьбу противъ вліяній всей ея жизни, пересоздать ея убѣжденіе, ставшее инстинктомъ, что весь міръ принадлежитъ ея желаніямъ и даже капризамъ, и совершить этотъ подвигъ въ періодъ высшаго разцвѣта чаръ и умственного могущества г-жи Сталь, когда всѣ окружающіе совершенно серьезно культъ передъ ней считаютъ своимъ нравственнымъ долгомъ, какъ бы во всѣхъ другихъ отношеніяхъ ни были разнообразны ихъ идеи и взгляды.

Можетъ быть, кому-нибудь изъ породы Ричардовъ и Ботвелей это бы и удалось и г-жа Сталь увидѣла бы во-очію свой идеалъ властителя женской души. Констану оставался другой путь—окончательно отказаться отъ своей личности и пропасть въ лучахъ обожаемаго свѣтила.

Но и это не могло успокоить г-жу Сталь. Совершенно по женской логикѣ, во всемъ покорный рабъ могъ въ извѣстныя минуты вызывать негодованіе и даже отвращеніе именно своею покорностью, своимъ несходствомъ съ искомымъ героемъ. А, между тѣмъ, такое свѣтило въ свѣтѣ вѣрнопопданныхъ могло льстить даже г-жѣ Сталь. Отсюда заколдованны

кругъ, буквально душившій Констана. Естественно, даже мелочи приводятъ его въ ярость и онъ можетъ совершенно серьезно въ числѣ мотивовъ своей вторичной женитьбы приводить желаніе рано ложиться спать. Но ужаснѣе всего бывали минуты, когда г-жа Сталь, съ истиннымъ искусствомъ романистки и женщины громаднаго ума, принималась анализировать свою чувствительность и жестоко обижаться, если другіе не принимали горячаго участія въ этомъ анализѣ. А, вѣдь, извѣстно, до какой степени даже не «избалованныя дѣти» становятся требовательными и придирчивыми, когда на сценѣ ихъ непризнанныя страданія.

Траги-комедія увѣнчивается женитьбой Констана. Бракъ совершается тайно отъ г-жи Сталь. Несмотря на это, Констанъ ѣдетъ по сосѣдству съ ея помѣстьемъ, приглашаетъ ее къ себѣ въ гости и г-жу Сталь принимаетъ г-жа Констанъ... Единственная въ своемъ родѣ картина! Королева, конечно, третируетъ «молодую», какъ только можетъ третировать оскорбленная женщина свою соперницу, чувствуя свое безусловное превосходство надъ ней. Бѣдная нѣмка лепечетъ одну и ту же фразу: «Бенжамэнъ такъ добръ», и только подливаетъ масла въ огонь. Г-жѣ Сталь ничего не стѣдуетъ развернуть свои крылья и снова охватить ими своего несчастнаго друга. Онъ снова принужденъ воскликнуть: «*M-me de Staël m'a reconquis!*» Онъ ѣдетъ за ней въ Лионъ, и жена съ нимъ дополняетъ свиту очаровательной кометы. Въ Лионѣ онъ все время проводитъ съ г-жей Сталь, Шарлоттѣ ничего не остается лучшаго, какъ отравиться, что она и дѣлаетъ на глазахъ г-жи Сталь. Къ счастью, у «прѣсной нѣмки» не хватаетъ мужества довести планъ до конца и біографія Констана не омрачилась драмой съ самоубійствомъ.

Но за то онъ почувствовалъ себя «чудовищемъ», — не передъ женой, а передъ г-жей Сталь. Когда онъ пріѣзжаетъ въ Парижъ, ему совѣстно смотрѣть на людей, онъ прячется въ каретѣ, чтобы на него не показывали пальцемъ.

Дневникъ, къ сожалѣнію, прерывается въ самый критическій моментъ. Съ конца 1807 до весны 1811 года у насъ нѣтъ личныхъ записокъ Констана. Между тѣмъ, это время столь же интересно, какъ и всякая другая эпоха въ жизни нашего загадочнаго героя. Констанъ даже не разсказалъ самъ о своей свадьбѣ, мы изъ другого источника знаемъ, что онъ цѣлыхъ два года держалъ втайнѣ свой бракъ, въ теченіе этого времени встрѣчался съ г-жей Сталь и пріѣхалъ къ ней даже послѣ объявленія брака. Только весной 1811 года Констанъ окончательно простился съ ней, а съ 15 мая того же года начинается продолженіе его дневника. Чѣмъ же объясняется перерывъ?

Окончательно рѣшить вопросъ, конечно, невозможно: для этого нѣтъ фактическихъ данныхъ. Но психологически загадка объяснима. Констанъ своею женитьбой ничего не достигъ, къ чему стремился: не успѣлъ порвать съ г-жей Сталь, не сумѣлъ основаться въ Парижѣ, не научился даже рано ложиться спать. Но, что важнѣе всего, Шарлотта, какъ и слѣдовало ожидать, немедленно опротивѣла нашему герою, лишь только превратилась

въ его постоянную спутницу. Правда, мы постоянно слышимъ объ ея «добротѣ», которая, вѣроятно, была весьма сродни пресловутой нѣмецкой чувствительности. Но будь это даже и общечеловѣческая разумная доброта, ея совершенно недостаточно для Констанана, широтой умственныхъ и общественныхъ интересовъ превосходившаго чуть ли не всѣхъ современныхъ ему французовъ. Жизнь съ Шарлоттой превращалась въ безвкусное мѣщанское счастье, и немудрено, что Констанъ по временамъ снова появлялся въ свитѣ г-жи Сталь.

Все это свидѣтельствовало о крайней ненормальности существованія, и у Констанана, конечно, не переставала накипать желчь на самого себя, на своего владѣтку и даже на ангелоподобную Лотту. Представьте теперь, могъ ли онъ даже скрѣпя сердце вносить въ свой дневникъ все тѣ же настроенія и факты, осыпать себя все тѣми же укоризнами, безчисленное число разъ провозглашать клятву — больше не видаться съ г-жей Сталь, потомъ изобрѣтать предлоги поѣхать въ ней и на другой же день жестоко каяться? На это не хватило бы и болѣе крѣпкихъ первовъ и менѣе чуткой совѣсти, чѣмъ у Констанана. Онъ предпочелъ бросить записи и предоставить времени излеченіе недуга. Когда онъ почувствовалъ себя спасеннымъ, дневникъ открывается снова.

Три года спустя Констанъ встрѣчается съ г-жей Сталь. У обоихъ успѣло перегорѣть все прошлое: стена холодна и не tire pas à consequences. Но это не значить, чтобы тревоженія сердца умерли окончательно для Констанана. Ему еще предстоитъ пережить романъ — не продолжительный, но врядъ ли менѣе жестокій, чѣмъ ранній.

Удивительная судьба! Все парижское общество сходилось въ одномъ: Констанъ чуть ли не геній, несравненный собесѣдникъ, съ великими талантами общественнаго дѣятеля. Присоедините славу друга г-жи Сталь, и вы получите репутацію, передъ которой, повидимому, не могло устоять ни одно женское сердце. И побѣды Констанана, конечно, были многочисленны и хлопотливы. Но судьба будто преднамѣренно наталкивала его на женщинъ, сулившихъ ему, да и вообще всякому, кто полюбилъ бы ихъ, одни огорченія.

Мы знаемъ романъ г-жи Сталь, теперь очередь за г-жей Рекамье.

Всѣмъ, безъ сомнѣнія, извѣстна слава о необыкновенной красотѣ этой женщины, объ ея безчисленныхъ поклонникахъ, среди которыхъ можно найти знаменитостей, по крайней мѣрѣ, четырехъ поколѣній. Но природа одарила красавицу свойствами настоящаго вампира: отняла у нея, прежде всего, способность любить и снабдила вкусомъ къ чужимъ страданіямъ. Французскіе историки беллетристическаго направленія давно рассказали съ великими подробностями эту длинную и, въ сущности, весьма скучную и однотонную исторію на тему игра кошки съ мышью. Мы имѣемъ въ виду только Бенжамэна Констанана.

Исторія съ г-жей Рекамье совпадаетъ съ самою его оживленною политическою дѣятельностью. Со времянь консульства, когда онъ былъ од-

нимъ изъ трибуновъ и поплатился изгнаніемъ за оппозицію Бонапарту, онъ оставался горячимъ противникомъ наполеоновскаго деспотизма. Наканунѣ низложенія цезаря Констанъ выпустилъ превосходный манифестъ— *De l'esprit de conquête et d'usurpation*. Это произведеніе какъ нельзя болѣе отвѣчало настроенію Европы, всеобщему чувству негодованія противъ бандитскихъ подвиговъ и корсиканской политики. Констанъ былъ милостиво принятъ императоромъ Александромъ, дѣятельно принялся писать статьи въ *Journal des Débats* въ защиту конституціонной свободы. И вдругъ совершенно неожиданно разражается катастрофа.

Констанъ и раньше встрѣчался съ г-жей Рекамье, но не чувствовалъ къ ней никакого влеченія, а теперь, когда звѣзда его стала всходить на политическомъ горизонтѣ, повидимому, окончательно освободившись отъ романтическихъ тумановъ и затмѣній, ее настигаетъ какая-то злая рука. Г-жа Рекамье повергаетъ сорокашестилѣтняго философа въ невыносимую любовную лихорадку.

«Работа, политика, литература, все кончено! Настало царство Жульетты!»

Такъ восклицаетъ Констанъ, и снова ведетъ въ своемъ дневникѣ цѣлый мартирологъ злополучной страсти.

Сначала Констанъ воображаетъ, что его порывъ пройдетъ, но немедленно слѣдуетъ разочарованіе. Съ перваго же свиданія, вызваннаго политическими дѣлами, Констанъ потерялъ голову. Г-жа Рекамье кокетничала открыто, безъ всякихъ стѣсненій и отгѣнковъ, по крайней мѣрѣ, опытный глазъ Констана, прежде всего, обратилъ вниманіе на этотъ приѣмъ. Но въ сорокъ шесть лѣтъ, очевидно, легче подмѣчать, чѣмъ извлекать изъ наблюденій логическіе выводы. Констанъ пишетъ:

«Я долженъ былъ уйти отъ нея, со мной происходили припадки горя и ярости при мысли, что я ее люблю».

Г-жа Рекамье, давно уже лицедрѣвшая всѣ фазы чужихъ страстей, немедленно поняла свою побѣду и повела тактику самую шаблонную и отнюдь не остроумную, но съ громаднымъ успѣхомъ, какъ это всегда бываетъ во всѣхъ вымышленныхъ и дѣйствительныхъ романахъ.

Предоставимъ слово самому герою:

«Я хотѣлъ вызвать у нея безпокойство своимъ отсутствіемъ, но не могъ выдержать и отправился къ ней. Я видѣлъ, что съ каждымъ днемъ она становилась холоднѣе и разсудительнѣе. Я отдалъ бы десять лѣтъ жизни, еслибъ она испытывала только половину того, что испытываю я».

Немного спустя:

«Она мнѣ назначила свиданіе и я побѣжалъ къ ней. Мои страданія пронули ее, она обѣщала мнѣ часто видѣться на-единѣ и слушать меня. Она горячо говорила о моихъ дѣлахъ и о моей карьерѣ. Тѣмъ не менѣе, она была такъ мила съ г. Форбэнномъ, что я долженъ былъ переговорить съ нимъ и такъ поставить дѣло, что завтра мы будемъ драться».

Жульетта узнала объ этомъ, надавала своему стремительному поклон-

нику «нѣжныхъ обѣщаній» и дуэль на время была отсрочена. Позже соперники, все-таки, подрались.

Дальше мы читаемъ восторженное сообщеніе. Выражено оно въ формѣ, поистинѣ чрезвычайной для первой парижской знаменитости:

«Я ее видѣлъ сегодня. Боже меня упаси хвалиться, я слишкомъ боюсь получить неожиданный ударъ, но мнѣ вѣжется, я сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи».

Оказывается, г-жа Рекамье изволила повѣрить въ страсть Констанана и даже намекнуть, что ей была бы неприятна кратковременность его увлеченія.

Но, увы, это былъ миражъ. Едва ли не на слѣдующій день мы читаемъ страшный болѣзненный вопль. Вѣроломная красавица все забыла. Магическое словечко: *Oses!* было произнесено будто не ею. Констанъ, наконецъ, проникаетъ въ сущность особенной дамской чувствительности, воспитываемой романическими приключеніями, безконечною салонною игрой въ любовь. «Эта чувствительность не идетъ дальше эпидермы!»—воскликаетъ Констанъ.

Но раньше окончательнаго излеченія бѣдный рыпачъ долженъ пройти самую комическую стадію своей «глупости». Констанъ вмѣшивается въ исторію пресловутую пророчицу своего времени, г-жу Крюднеръ, а та сейчасъ же, въ отвѣтъ на его жалобы, предлагаетъ ему мистическій путь къ сердцу жестокой красавицы.

Пророчица засаживаетъ Констанана за переписку молитвъ. Онъ выполняетъ ея распоряженія и подчасъ даже проливаетъ слезы. Ему случается колѣно-преклоненно читать тѣ же молитвы у своей спасительницы, а потомъ отправляться къ г-жѣ Рекамье, въ надеждѣ, что единеніе душъ совершилось и путь къ счастью проторенъ.

«Я увидѣлъ Жульетту твердой и спокойной, но я мало вѣрю въ ея склонность къ религіознымъ идеямъ. Она увлекается мелкимъ кокетствомъ, создаетъ изъ него свое ремесло и радуется или горюетъ при видѣ страданій, которыя она причиняетъ тремъ или четыремъ своимъ воздыхателямъ. Потомъ она рѣшается сдѣлать другимъ немножко добра, если это ее не беспокоитъ, и особенное значеніе придаетъ мессѣ со вздохами, полагая, что вздохи идутъ у нея отъ души, между тѣмъ какъ это только результатъ скуки».

Такъ этому удивительному человѣку суждено одновременно стогать отъ нераздѣленной страсти и давать пронизательнѣйшія и остроумнѣйшія характеристики предметовъ своихъ страданій. Еще одна превосходная иллюстрація къ едва ли не самому тяжелому состоянію души, столь мѣтко и энергично выраженному нашимъ поэтомъ: «Умъ съ сердцемъ не въ ладѣ».

Но никакая человѣческая любовь не выдержитъ опытовъ, излюбленныхъ г-жей Рекамье. Констанъ даже въ мистификаціяхъ г-жи Крюднеръ нашелъ спасительную соломенку, психологически это значитъ—привязался къ первому попавшемуся мотиву, чтобы взять себя въ руки.

Въ дневникѣ читаемъ:

«Увы, г-жа Крюднеръ не была пророкомъ, потому что Жульетта никогда меня не третировала болѣе унижительно. Она вчера назначила мнѣ

четыре свиданія и не исполнила обѣщаній. Вечеромъ она явилась предъ мной chef d'oeuvre'омъ кокетства, вѣроломства, лжи, лицемерія и жеманства. Но г-жа Крюднеръ дала мнѣ силу перенести все это и успокоиться. Это уже много. Я стану серьезнымъ человѣкомъ, соберу свои силы и возьмусь снова за перо. Я это сознаю, я этого хочу».

Намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно въ подробностяхъ спасительное воздѣйствіе г-жи Крюднеръ на Констана. Но любопытенъ самый фактъ. До революціи и наполеоновской эпохи человѣкъ съ умомъ и дарованиями Констана встрѣтилъ бы смѣхомъ пророчества г-жи Крюднеръ, во всякомъ случаѣ, отнесся бы крайне скептически къ ея намѣреніямъ путемъ молитвъ соединить души влюбленныхъ. Для Констана это вопросъ серьезный. Правда, онъ попадаетъ въ сѣти пророчицы въ припадкѣ остраго отчаянія, въ поискахъ какого бы то ни было выхода. Но важно, что именно г-жа Крюднеръ возрождаетъ его силы къ работѣ. Такъ онъ самъ утверждаетъ.

Это—характерная черта для современника реакціи. Настоящихъ религиозныхъ чувствъ, конечно, у Констана нѣтъ, мистическіе таланты г-жи Крюднеръ для него также весьма сомнительны, и, все-таки, онъ скорѣе подчиняется какому-то гипнозу, чѣмъ разсудку, чувствуетъ инстинктивное влеченіе «къ чему-то тайному», романтически-туманному. Современнику Наполеона нестерпимъ ясный, точный разумъ, все равно какъ для больныхъ, ослабѣвшихъ глазъ тягостенъ блескъ солнца. Одинъ разъ въ дневникъ Констану приходится коснуться философіи XVIII вѣка. Эта философія для него глубоко антипатична. Онъ умѣетъ разсмотрѣть въ ней только одну отрицательную сторону, ея склонность къ ироніи и скептицизму. Она для Констана сплошной материализмъ, легковѣсное эпикурейство, безудержный смѣхъ надъ всѣмъ божескимъ и человѣческимъ.

Такъ могъ судить или невѣжда, или критикъ, заранѣе предубѣжденный, въ чью душу совершенно не входило извѣстное направленіе мысли, кто органически и стихійно протестовалъ противъ безпощаднаго суда логическаго разума надъ идеями и дѣйствительностью, будь это сама поэзія и самыя прочныя преданія исторіи.

Этотъ судъ, несомнѣнно, сопровождался многими увлеченіями и заблужденіями, но безъ него была бы немислима блестящая дѣятельность г-жи Сталь, восхищавшая Констана, было бы невозможно большинство его собственныхъ идей о свободѣ, гуманности, всемірной цивилизаціи. Констанъ имѣлъ случай близко узнать нѣмецкую поэзію и философію, познакомиться съ національнымъ характеромъ нѣмцевъ и отмѣтилъ весьма многое, чего недоставало французамъ. Его замѣчанія часто необыкновенно проникательны, но стоить вдуматься въ нихъ, и на насъ повѣетъ тѣмъ же космополитическимъ гениемъ XVIII вѣка.

Констанъ издѣвается надъ банальностью французскихъ понятій, надъ заклядованнымъ кругомъ ихъ житейскихъ воззрѣній и рѣчей, надъ резервствомъ ихъ поэзіи, чуждой непосредственнаго вдохновенія и чувства: все это говорилось философами - просвѣтителями, прославлявшими во Фран-

ціи Шекспира, Галлера, Геснера, Шиллера. Константъ мыслилъ и дѣйствовалъ на почвѣ, подготовленной чужими руками, и весьма многія идеи, казавшіяся ему грузизмами, прежними мыслителями были завоеваны съ великими усиліями и жертвами.

Такъ часто «дѣти», — по идеямъ, — забываютъ заслуги «отцовъ» подъ вліяніемъ общаго разочарованія въ идеализмъ и выспренныхъ надеждахъ на исключительную силу разума въ дѣлахъ человѣчества.

Константъ безсознательно носилъ въ своей душѣ тлетворныя сѣмена этого разочарованія, и только громадный умъ и истинная даровитость сохранили его отъ романтической траги-комедіи въ духѣ Шатобриана или уродливаго, лицемѣрнаго, практически - рассчитаннаго католичества въ духѣ де-Местра.

Но безнаказанно нельзя жить въ эпохи, подобныя наполеоновскому режиму, и именно для людей, подобныхъ Константу.

Вѣчно безпокойная мысль, до болѣзненности нервная отзывчивость влекли его къ политической дѣятельности и онъ считалъ ее своимъ настоящимъ призваніемъ и имѣлъ всѣ основанія такъ думать. Но мы уже знаемъ, сколько препятствій было разсыяно по этому желанному пути. Философъ съ неотвязнымъ анализомъ, безконечною вереницей самыхъ разнообразныхъ идей и, слѣдовательно, съ заранѣе парализованною рѣшимостью на быстрыя дѣйствія томился, кромѣ того, въ неизлечимой тоскѣ по женщинѣ-идеалу и, какъ водится, встрѣчалъ женщинъ съ самыми обыкновенными женскими слабостями — при всей гениальности г-жи Сталь и свѣтскомъ блескѣ г-жи Рекамье.

Трудно даже представить, сколько нравственныхъ силъ ушло у Константа на борьбу съ своими всегда искренними, но всегда неудачными увлеченіями. Больше десяти лѣтъ онъ провелъ въ сѣтяхъ г-жи Сталь, а потомъ этотъ остроумный историкъ и критикъ религиозныхъ культовъ бросился къ ногамъ раскаявшейся 'салонной Магдалины, умоляя о чудѣ, о таинственномъ средствѣ противъ чаръ г-жи Рекамье. «Le pauvre grand homme», — приходится повторить дикую французскую фразу, сливающую въ одно понятіе — величіе и мизерность. Но Константъ дѣйствительно въ извѣстныя минуты кажется бѣднымъ, достойнымъ состраданія.

Но едва ли еще не бѣднѣе и мизернѣе общество, окружавшее неудавшагося великаго человѣка, и именно французское общество.

Константъ не находилъ словъ достойно заклеить своихъ современниковъ. Любопытно, что его отзывы *буквально* совпадаютъ съ мнѣніями Стендаля. Оба одинаково преобладающими чертами французскаго характера считаютъ фатовство и реторику, стремленіе къ театральному эффекту и органическое бездушіе, удручающую узость идей и трусливость идейнаго міросозерцанія. Константъ убѣжденъ, что французы — нація, менѣе всего способная къ воспріятію новыхъ идей, а если они и мирятся съ этими идеями, то подъ условіемъ не подвергать ихъ разбору и критикѣ. Спорить съ французомъ Константъ находитъ совершенно безцѣльнымъ. Во-первыхъ, фран-

пузь считаетъ долгомъ говорить обо всемъ, даже чего совершенно не понимаетъ и не знаетъ. Во-вторыхъ, всякія доказательства разбиваются о разъ усвоенныя французомъ понятія. Констанъ безпрестанно ссылается при этомъ на нѣмцевъ.

У нихъ и идей гораздо больше, и добросовѣстности въ спорѣ, и оригинальности въ міросозерцаніи, если только нѣмецъ не загипнотизированъ какою-либо философскою системою. Констанъ признается, сколько онъ пользы вынесъ изъ бесѣдъ съ нѣмецкими учеными и какое горькое разочарованіе и даже раздраженіе овладѣвало имъ послѣ необыкновенно смѣлыхъ и бойкихъ французскихъ упражненій въ риторствѣ. Констанъ прямо бѣжить изъ страны, гдѣ «все заключается въ претенціозныхъ и преувеличенныхъ фразакъ то въ одномъ направленіи, то въ другомъ». Захолустный Веймаръ кажется ему истинными Афинами серьезной мысли и прочныхъ убѣжденій. Въ Парижъ онъ ѣдетъ затѣмъ, чтобъ отдаться политикѣ.

Но и это намѣреніе съ первыхъ же шаговъ увѣнчивается изумительнымъ и совершенно неожиданнымъ фактомъ: бывшій трибунъ, понесшій изгнаніе, авторъ жесточайшаго памфлета противъ бонапартизма становится на сторону Наполеона, и когда же?—въ періодъ *ста дней*.

Французское общество реакція не могло увлечь за собой Констана, не могло внушить ему какое бы то ни было политическое направленіе. Констанъ презиралъ и салоны, и салонныхъ дамъ, и салонныхъ ораторовъ. Для него такъ называемый «свѣтъ» — страшный гасильникъ для всякаго рода таланта. «*Quel étouffoir pour toute espèce de talent!*» — восклицаетъ онъ и продолжительное пребываніе въ свѣтѣ считаетъ своею гибелью. Часто, по возвращеніи съ какого-нибудь параднаго обѣда, онъ чувствуетъ на своихъ плечахъ гнетъ чужой глупости и банальности. Особенно его раздражаютъ «умныя барыни»—*des femmes d'esprit — c'est du mouvement sans but*. Дневникъ переполненъ тоской по одиночеству или по широкой политической дѣятельности «въ большомъ центрѣ».

И вотъ Констанъ, не устроивъ себѣ одинокаго пристанища, бросается въ омутъ политики. Программа его ясна и проста: конституція и гражданская свобода. Но можно ли ожидать отъ общества, только что изображеннаго самимъ Констаномъ, твердыхъ и энергическихъ усилій въ пользу свободы? Риторы, фаты и остроловы имѣютъ слишкомъ много личныхъ дѣлишекъ, чтобы заботиться объ общихъ интересахъ. Констанъ и въ «большомъ центрѣ» чувствуетъ себя одинокимъ,— по крайней мѣрѣ, онъ не видитъ кругомъ себя ни одного достаточно мужественнаго и даровитаго со-трудника.

Является низложенный цезарь. Теперь, можно думать, его деспотическій азартъ охладѣлъ. Бонапартъ кое-чему научился въ вопросахъ національнаго блага. Кромѣ того, предстояла грозная борьба за вторично помещенный тронъ: въ такомъ положеніи даже и Тиверій постарался бы каматъся либераломъ.

Констану назначили аудіенцію. Бонапартъ принялъ его просто и бла-

госклонно, безъ упрековъ и безъ комплиментовъ, говорилъ только о конституціи, передалъ Констану множество проектовъ хартии, сопровождая передачу весьма остроумными и откровенными замѣчаніями. Въ заключеніе Констану поручено составить окончательный проектъ конституціи. Свиданія повторялись, и весьма продолжительныя. Бонапартъ одобрялъ многія идеи Констанана и назначилъ его членомъ государственнаго совѣта.

Тогда новымъ законодателемъ овладѣваетъ настроеніе, напоминающее шиллеровскаго маркиза Позу послѣ сцены съ Филипомъ II. Констанъ въ восторгѣ отъ своего «скачка», онъ весь въ области самыхъ розовыхъ надеждъ. И что восторгъ и особенно надежды были вполне искренни, доказываетъ необыкновенный для Констанана фактъ. Немедленно послѣ вступленія въ государственный совѣтъ онъ записываетъ въ дневникѣ:

«Получилъ письмо отъ г-жи Сталь... Видѣлъ Жюльетту, но государственный совѣтникъ долженъ отказаться отъ игры въ любовь».

Очевидно, человекъ попалъ въ свою сферу, жизнь его, наконецъ, устроилась. Ему не придется теперь безъ конца твердить: у него нѣтъ опредѣленнаго пути—*une route tracée*, какаго его *неустроенная* жизнь—*quelle vie inarrangeable*, что у него нѣтъ ни удовольствія, которому можно было бы пожертвовать достоинствомъ, ни достоинства, которому жертвуютъ удовольствіемъ, что, наконецъ, его назначеніе—тратить таланты, не приобретаая ни славы, ни счастья... Теперь у него, несомнѣнно, есть достоинство, которому стѣдуетъ принести въ жертву высшее изъ «удовольствій»—любовь, будетъ и слава, и Констанъ, не какъ прежде, знаетъ, что дѣлать съ собой и своими дарованіями... Но...

Это роковое *no*, неразлучное со всѣми надеждами и идеалами Констанана, нанесло ему на этотъ разъ рѣшительный ударъ. При Ватерлоо рушился тронъ Бонапарта и разлетѣлись прахомъ грѣзы государственнаго совѣтника о свободѣ. И во всей Франціи едва ли не этотъ совѣтникъ оплакивалъ катастрофу самыми горячими слезами.

Констанъ видѣлъ всеобщее равнодушіе къ издыхающему бонапартизму и восклицалъ:

«Презрѣнные! Они служили ему съ энтузіазмомъ, когда онъ давилъ свободу, и они покидаютъ его, когда онъ хочетъ возстановить ее!»

Послѣ отреченія Наполеона и возвращенія Бурбоновъ Констанъ, по настоянію друзей, уѣхалъ сначала въ Бельгію, потомъ въ Англію; здѣсь онъ опубликовалъ свой романъ, давно написанный, осенью 1816 г. вернулся въ Парижъ и снова съ былою горячностью преданъ публицистикѣ. Отправка въ Парижъ была рѣшена 16 сентября и этимъ днемъ заканчивается *Journal intime*.

Констанъ прожилъ еще четырнадцать лѣтъ. Это была необычайно спокойная дѣятельность депутата, публициста и игрока. Да, этому пороку часто отдавались ночи гениальнаго оратора, только что днемъ громившаго какого-нибудь мракобѣса и лицебѣра, вечеромъ составлявшаго не менѣе страстную статью. И карты завладѣли Констаномъ именно со времени смерти

г-жи Сталь. Онъ пересталъ посѣщать общество, будто не находя въ немъ ничего занимательнаго послѣ кончины гениальной писательницы. И какою искренностью, какою силой дышало перо Констанана, когда онъ двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ ея смерти писалъ о ней!

Особенно одному вопросу Констананъ посвятилъ много рѣчей — свободѣ печати. Здѣсь его логика и находчивость въ соображеніяхъ и доказательствахъ неутомимы. Ему приходилось бороться за дорогія идеи съ самыми разнообразными и часто весьма сильными противниками, начиная съ министровъ Людовика XVIII и кончая Гизо. Никакіе недуги не могли уменьшить энергіи Констанана, хотя болѣзнь, бѣдность и настоятельная необходимость уплатить долги кредитору, которому предстояло банкротство, заставили его принять субсидію отъ короля Людовика-Филиппа. При этомъ произошелъ такой разговоръ.

Король заявилъ, что онъ предлагаетъ Констанану помощь во имя свободы.

«— Государь, — отвѣтилъ Констананъ, — свобода идетъ впереди благодарности, я хочу остаться независимымъ, и если ваше правительство впадетъ въ ошибку, я первый присоединюсь къ оппозиціи.

«— Я именно такъ и понимаю вопросъ», — возразилъ король.

Констананъ сдержалъ слово. Онъ подвергъ жестокой критикѣ министерскіе замыслы противъ печати и буквально до послѣдняго издыханія стоялъ на сторонѣ все тѣхъ же принциповъ гуманности и свободы.

Это тѣмъ большій подвигъ, что личное настроеніе Констанана, никогда не отличавшееся довольствомъ и ясностью, съ годами становилось все мрачнѣе. Современныя поколѣнія удручали его, онъ нигдѣ не находилъ близкаго себѣ человѣка, только принципиальная преданность былымъ идеаламъ поддерживала его энергію и стойкость. Это въ полномъ смыслѣ дѣятельность идеалиста, лишеннаго совершенно личнаго счастья и людскихъ сочувствій. У Констанана не было друзей ни въ одной изъ политическихъ партій реставраціи. Его боялись, многіе уважали, но не любили, потому что не могли понять души этого отживающаго обломка прошлаго. «Всѣ его ненавидятъ, и онъ самъ никакъ не можетъ полюбить себя», — говорили про Констанана современники реставраціи, и говорили правду, превосходно характеризую одну изъ драматическихъ личностей европейской исторіи.

Но драматизмомъ не ограничивается интересъ личности и жизни Констанана. На нихъ, мы видѣли, съ изумительною полнотою и яркостью отразилась реакціонная эпоха, длинные годы повального идейнаго разочарованія европейскаго общества, упадка нравственной и общественной энергіи у его просвѣщеннѣйшихъ представителей. Констанану пришлось вынести жестокую личную и политическую борьбу съ духомъ времени и врядъ ли какой борецъ недалекаго прошлаго оставилъ для насъ болѣе поучительную и психологически болѣе содержательную картину страданій обманутаго сердца и неудовлетворенной мысли...

Ив. Ивановъ.

Крестыянскія переселенія въ Сибирь.

Переселенческій вопросъ, какъ онъ ни старъ на Руси, представляетъ и по настоящее время все ту же новизну сложнаго дѣла, останавливая на себѣ вниманіе правительства и общества, старающихся объять этотъ вопросъ и придти на помощь переселенію. Если явленіе переселенія мы находимъ еще въ самомъ раннемъ періодѣ нашей исторіи и если отдѣльныя распоряженія о переселеніи встрѣчаемъ уже въ указахъ и грамотахъ XVI и XVII столѣтій, то это не значитъ, чтобы этотъ вопросъ покоился на почвѣ сознательнаго къ нему отношенія и чтобы мѣры государства носили какой-либо органическій характеръ, направленный къ урегулированію крестьянскихъ переселеній. Народъ шелъ, повинуюсь традиціи заселенія окраинъ, и государственныя мѣры клонились исключительно къ удержанію его на старыхъ мѣстахъ, и въ такомъ положеніи мы застаемъ исторію переселенія почти до настоящихъ дней. Правда, уже въ концѣ прошлаго столѣтія встрѣчаются отдѣльныя попытки правительства къ положительной постановкѣ этого вопроса; попытки эти съ теченіемъ времени учащаются, приводятся въ связь и приобрѣтаютъ въ уставѣ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ цѣльную и во многихъ отношеніяхъ совершенную систему разрѣшенія вопроса. Но уставъ былъ продуктомъ своего времени и касался лишь одной группы крестьянъ—государственныхъ, почему и самый вопросъ переселенія не могъ возбуждать къ себѣ такого вниманія, какъ въ настоящее время. Съ введеніемъ же положенія 19 февраля дѣйствіе этого устава какъ бы прекратилось совсѣмъ и переселенческій вопросъ былъ надолго забытъ.

Хотя въ промежутокъ отъ 1858—1866 г. правительство принимало мѣры къ заселенію Амурскаго края и Черноморскаго округа, но мѣры эти, какъ частичныя и, притомъ, вызванныя особыми соображеніями политическаго свойства, не говорили за возбужденіе общаго вопроса о переселеніяхъ. Крестьяне въ своемъ исканіи «новыхъ мѣстъ» были предоставлены самимъ себѣ и безъ шума продолжали важную миссію нивелированія населенія по огромной территоріи государства. Процессъ броженія, выразившійся въ формѣ ухода съ насыженныхъ мѣстъ на новыя земли, предла-

жался попрежнему, но, подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, вызванныхъ положеніемъ 19 февраля и постепеннымъ обезземеленіемъ крестьянъ, онъ уже охватывалъ незамѣтно всю коренную крестьянскую Россію, стѣсненную въ своемъ землепользованіи, и подготавливалъ почву для возбужденія серьезнаго общегосударственнаго вопроса. Появились переселенцы Оренбургскаго края и Пригубанскихъ степей, появились переселенцы и Сибири. Это были огромныя толпы колонистовъ-пахарей, бѣдныхъ, убогихъ, жалкихъ, которые нуждались въ помощи и заботахъ о себѣ. Заговорили о малоземельи крестьянскаго населенія въ Россіи, о бѣдствіяхъ переселенцевъ, объ организаціи помощи имъ, и изъ переселенія крестьянъ возникъ постепенно переселенческій вопросъ. Народилась цѣлая литература о немъ, возникли частныя общества для оказанія помощи переселенцамъ, появились и попытки правительства распутать годами нараставшій хаосъ въ переселенческомъ дѣлѣ. Но вопросъ этотъ не былъ бы вопросомъ, еслибъ онъ легко разрѣшался. Онъ глубоко связанъ со всею исторіей нашей прошлой колонизаціи, съ исторически установившимся отношеніемъ государства къ переселенію, какъ явленію только терпимому, съ бытовыми и аграрными порядками внутри коренной Россіи и за предѣлами ея, куда направляется волна эмиграціи, съ хозяйственными силами переселенцевъ и состояніемъ финансовъ въ Россіи. Вопросъ этотъ не составляетъ достоянія какой-либо одной мѣстности и не можетъ быть приуроченъ къ тому или иному времени,—онъ общъ всей Европейской и Азиатской Россіи. Только въ Россіи совершается выселеніе, а на окраинахъ идетъ вселеніе, и неизвѣстно еще, который изъ этихъ моментовъ важнѣе для нормированія переселенія, чтобы достигнуть основной задачи колонизаціи—разрѣженія населенія съ цѣлью увеличенія землепользованія крестьянъ до размѣровъ полного нормальнаго надѣла.

Экономическое положеніе крестьянскихъ массъ, обнаружившее за послѣднее время такой замѣтный упадокъ въ Европейской Россіи, вызвало усиленныя мѣропріятія правительства. Исходнымъ пунктомъ этихъ мѣропріятій признано было увеличеніе размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія, какъ обусловливающаго, главнымъ образомъ, необходимую степень хозяйственнаго благосостоянія земледѣльческаго населенія Россіи. Къ такому увеличенію главнѣйшими средствами явились, съ одной стороны, расширеніе на мѣстѣ предѣловъ крестьянскаго землевладѣнія на счетъ частнаго крупнаго хозяйства, съ другой—разселеніе крестьянъ въ мѣстности, обильныя свободными, пустолежащими землями. Для достиженія первой цѣли признано было необходимымъ учредить во внутреннихъ губерніяхъ Россіи крестьянскіе поземельные банки, какъ могущіе выдачею ссудъ крестьянамъ оказать необходимую имъ помощь; для достиженія второй—намѣчены губерніи и области Европейской и, главнымъ образомъ, Азиатской Россіи, куда должна направляться колонизація.

Обращаясь къ дѣятельности крестьянскаго банка, какъ она выражается сейчасъ, нельзя не признать, что дѣятельность эта вообще едва ли мо-

жесть быть значительною, такъ какъ успѣхъ ея, помимо необходимыхъ финансовыхъ затратъ со стороны казны, находится еще въ зависимости отъ количества предложеній о продажѣ участковъ, высоты продажныхъ цѣнъ на имѣнія и состоятельности самихъ покупателей. У населенія Европейской Россіи насчитывается огромный недостатокъ въ надѣльной землѣ, опредѣляемый въ нѣсколько милліоновъ десятинъ, и на переходъ такой площади земель въ руки крестьянъ путемъ содѣйствія банка, даже при расширеніи дѣятельности и облегченіи въ выдачѣ ссудъ, конечно, трудно разсчитывать. Трудно разсчитывать и на то, чтобы крестьянскій банкъ держалъ настоящіе размѣры крестьянскаго землевладѣнія въ уровнѣ съ естественнымъ пррростомъ населенія, такъ какъ нѣтъ для того пока ни необходимыхъ средствъ, ни условія, что частное землевладѣніе ежегодно будетъ отчуждать отъ себя потребный запасъ земель. Такимъ образомъ, за переселеніемъ, не говоря о его важномъ политическомъ значеніи для Россіи, надо думать, должна оставаться наиболѣе выдающаяся роль въ дѣлѣ устроенія крестьянскаго быта и устраненія нарождающагося малоземелья крестьянъ. Земель много, только нужны условія, при которыхъ бы колонизація совершалась своимъ естественнымъ путемъ, не поставляя переселенцевъ въ затруднительное положеніе при передвиженіи и устройствѣ на новыхъ мѣстахъ. Что касается русскаго крестьянина, его способности къ переселенію и приспособляемости къ новымъ условіямъ жизни, то этотъ вопросъ уже достаточно исчерпанъ фактами нашей прошлой и настоящей колонизаціи. Вся историческая жизнь русскаго крестьянина шла рука объ руку съ заселеніемъ свободныхъ земель. Представленіе объ уходѣ на новыя мѣста сдѣлалось сроднымъ ему и не пугаетъ, повидимому, ни дальностью разстоянія, ни неподготовленностью къ жизни въ чуждыхъ краяхъ. Народъ шель и идетъ, съ каждымъ шагомъ отвоевывая себѣ новыя площади земель, словно этотъ походъ съ его мирнымъ цивилизующимъ началомъ составляетъ органическій бытовое законъ, которому подчиняются массы.

Переселенія крестьянъ изъ внутреннихъ губерній Россіи въ настоящее время идутъ, главнымъ образомъ, за Уралъ—въ Сибирь. Эта богатая окраина, отрѣзанная отъ Европейской Россіи хребтомъ Урала, огромными рѣками и малолюдными степями, еще до сихъ поръ живетъ своими особыми интересами и не вошла надлежащимъ образомъ въ общее русло гражданской жизни Россіи, благодаря, главнымъ образомъ, отдаленности своего положенія и отсутствію усовершенствованныхъ путей сообщенія. Инородческія племена Сибири, численность которыхъ (4.500,000 душъ) почти равняется численности русскаго населенія (около 4.800,000 душъ), и теперь находятся въ обособленномъ положеніи, пользуясь автономіею во внутреннихъ распорядкахъ жизнью. Россію они знаютъ только по сношеніямъ съ русскими торговцами и промышленниками. Вліяніе русскаго элемента на инородческій крайне слабо, а въ наиболѣе сѣверныхъ инроткахъ Сибири оно даже совсѣмъ подавляется чуждыми племенными свой-

ствами туземцевъ, смѣшивающихся путемъ брака съ русскимъ населеніемъ. Органическая связь Сибири съ Россіей ничтожна и поддерживается, главнымъ образомъ, ежегоднымъ притокомъ свѣжихъ народныхъ силъ въ лицѣ переселенцевъ. Шагъ за шагомъ пробираются они въ глубь страны, не страшась трудной борьбы съ природой Сибири, и незамѣтно, исподволь исполняютъ для государства ту кропотливую и важную работу, которая, въ концѣ-концовъ, приведетъ къ образованію одного сплоченнаго и сильнаго своими кровными связями національнаго ядра. Правительство давно сознало возможность этой колонизаціонной работы русскаго народа на дальнемъ Востоцѣ и способствуетъ ей по мѣрѣ возможности, направляя ссылку и свободное переселеніе крестьянъ въ Сибирь.

Свободная колонизація Сибири въ настоящемъ ея положеніи представляетъ страницу, интересъ которой невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе каждаго. Вызываемая малоземельемъ и безземельемъ, колонизація эта направляется въ Сибирь частью моремъ на судахъ добровольнаго флота, частью по территоріи имперіи, пользуясь внутренними рѣчными и желѣзнодорожными путями сообщенія и грунтовыми дорогами. Колонизаціонное движеніе, идущее моремъ, направляется исключительно въ Южно-Уссурійскій край, правильнымъ заселеніемъ котораго такъ озабочено въ послѣднее время само правительство ради обезпеченія и укрѣпленія русскою народностью нашихъ границъ со стороны Китая. Китай, какъ извѣстно, давно уже заявляетъ претензіи на наши пріобрѣтенія по рѣкамъ Амуру и Уссури. Онъ укрѣпляетъ пограничную съ означенными рѣками линію сооруженіемъ крѣпостей и образованіемъ многочисленныхъ китайскихъ поселеній, продвигающихъ нерѣдко свои аванпосты и до самой нашей границы. Опасность мирнаго захвата пограничныхъ владѣній со стороны китайскихъ маньчжуръ велика, чтобы въ поощряемой правительствомъ колонизаціи не видѣть, прежде всего, политическихъ цѣлей. Но, благодаря ограниченности территоріи Южно-Уссурійскаго края, особымъ условіямъ передвиженія моремъ и дороговизнѣ послѣдняго, обходящагося средней цѣнѣ съ продовольствіемъ въ пути до 450 р., направленіе эмиграціи въ этотъ край далеко не такъ доступно и извѣстно массѣ крестьянства, какъ по исторически проложенному пути черезъ Тюмень за Ураль.

Въ южно-уссурійскомъ переселеніи участвуетъ сравнительно незначительное число переселяющихся, почему переселеніе это обставлено несравненно лучше и со стороны правительственнаго надзора и помощи переселенцамъ. Выборъ переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній Россіи для отправки можемъ въ Южно-Уссурійскій край предоставленъ министру внутреннихъ дѣлъ, въ распоряженіе котораго отпускается ежегодно на воспособленіе южно-уссурійскому переселенію по 120 т. руб., расходуемыхъ на выдачу ссудъ нуждающимся своекоштнымъ переселенческимъ семьямъ, по прибытіи ихъ въ край, и на удовлетвореніе прочихъ нуждъ, связанныхъ съ водвореніемъ крестьянъ на мѣстахъ. Ссуды нуждающимся переселенческимъ семьямъ прибывшимъ во Владивостокъ на свои средства, выдаются въ размѣрѣ

до 600 р. на каждую семью, идущих, главнымъ образомъ, на домоустройство и обзаведеніе на мѣстахъ водворенія. Пособія на передвиженіе не допускаются, такъ какъ въ интересахъ наиболѣе прочной и успѣшной колонизаціи края и въ видахъ уменьшенія затратъ со стороны казны признано было необходимымъ вести дѣло заселенія Южно-Уссурійскаго края только путемъ содѣйствія своекоштному переселенію. Лишь въ крайнемъ случаѣ, когда на судахъ добровольнаго флота остаются свободными переселенческія мѣста, разрѣшается переселеніе и менѣе состоятельнымъ семьямъ, требующимъ на свое домоустройство пособій отъ правительства. Поощряя переселеніе сравнительно состоятельнаго класса крестьянъ, правительство тѣмъ самымъ сохраняетъ въ резервѣ значительный запасъ средствъ, которые идутъ на удовлетвореніе другихъ нуждъ, вызываемыхъ водвореніемъ переселенцевъ въ краѣ, какъ на устройство въ селеніяхъ церквей, школъ, проведеніе колесныхъ дорогъ и т. п.

Отправка переселенцевъ моремъ изъ Одессы происходитъ обыкновенно съ весенними и осенними рейсами пароходовъ. По прибытіи во Владивостокъ, переселенцы поступаютъ въ вѣдѣніе особаго переселенческаго управленія, учрежденнаго въ 1883 г., на обязанности котораго лежитъ вся забота о прибывшихъ переселенцахъ и устройство ихъ быта на мѣстахъ. Съ 1883 года по 1891 годъ прибыло и водворилось всѣхъ переселенцевъ 2,416 семей, состоявшихъ изъ 15,358 душъ обоого пола. Въ этомъ переселеніи участвовали преимущественно крестьяне Черниговской и Полтавской губерній, какъ оказавшіеся наиболѣе пригодными для заселенія Южно-Уссурійскаго края. Изъ прочихъ губерній число выходцевъ не превышаетъ 50 семей. Водвореніе переселенцевъ шло, главнымъ образомъ, въ пограничной съ Манчжуріей линіи, т.-е. въ сѣверо-западной части края, располагаясь особыми, обыкновенно вновь образуемыми поселеніями по рѣкамъ Суйфуну и Сучану и по восточному побережью озера Ханки и восходя къ сѣверу до р. Сунгари, гдѣ поселенія эти связываются съ линіей козачьихъ станицъ южно-уссурійскаго полубатаціона. Въ порядкѣ отвода земель, распределяемыхъ особыми межевыми чинами, и въ пользованіи извѣстными льготами южно-уссурійскіе переселенцы подчиняются дѣйствію законовъ 26 марта 1861 г. и 1 іюня 1882 г. По этимъ законамъ они получаютъ въ надѣлъ по 15 дес. удобной земли на каждую наличную мужского пола душу и не свыше 100 дес. на семью съ правомъ установленія, по взаимному между собой соглашенію, общиннаго или подворнаго владѣнія, сверхъ того, освобождаются, въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ со времени водворенія, отъ всѣхъ государственныхъ податей и повинностей, кромѣ общественныхъ, и отъ воинской повинности въ теченіе 10 наборовъ.

Отсюда видно, что организація переселенія крестьянъ въ Южно-Уссурійскій край, благодаря особымъ заботамъ правительства, поставлена болѣе или менѣе удовлетворительнымъ образомъ. Не то впечатлѣніе получается отъ переселенія крестьянъ, двигающихся черезъ Уралъ. Здѣсь остается еще много невыясненнаго, случайнаго, неопредѣленнаго, что иногда рокоп смѣ

образомъ отражается на судьбѣ переселяющихся. Достаточно указать на то, что въ дѣлѣ заселенія огромной территоріи Сибири до сихъ поръ не установлено объединяющаго начала, которымъ бы руководились правительство и администрація въ порядкѣ разрѣшенія ходатайствъ о переселеніи, отвода земли и установленія льготъ для переселяющихся. Амурскіе переселенцы, наприм., подчиняются дѣйствію вышеупомянутаго закона 26 марта 1861 г., предоставляющаго переселенцамъ тѣ же льготы, что и въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, но безъ пособія отъ правительства; при этомъ порядокъ разрѣшенія ходатайствъ о переселеніи принято вести путемъ непосредственныхъ сношеній администраціи Приамурскаго края съ администраціей внутреннихъ губерній Россіи безъ посредства министерствъ. Въ территоріи Иркутскаго генераль-губернаторства въ порядкѣ отвода земли переселенцамъ и въ дѣлѣ устройства послѣднихъ еще два-три года назадъ примѣнялся уставъ о благоустр. въ каз. сел., когда переселенцы получали пятнадцатидесятинный надѣлъ на ревизскую душу съ прибавкою 6 дес. на прибылое и ссыльное населеніе и когда при водвореніи ихъ на новыхъ мѣстахъ не дѣлалось особеннаго различія, пришли ли они съ предварительнаго разрѣшенія правительства, или нѣтъ. Практикою дѣла установленъ былъ принципъ одинаковаго отношенія къ категоріямъ разрѣшенныхъ и неразрѣшенныхъ переселенцевъ, лишь бы послѣдніе имѣли при себѣ увольнительныя отъ старыхъ обществъ свидѣтельства. Только за послѣднее время, когда высочайшимъ повелѣніемъ 20 іюня 1892 года дѣйствіе закона 13 іюля 1889 г. было распространено и на Восточную Сибирь, система эта была оставлена и замѣнена порядкомъ, существующимъ на казенныхъ земляхъ Западной Сибири и степныхъ областей. Въ заселеніи послѣднихъ земель проведена наиболѣе строгая регламентація, установленная закономъ 13 іюля 1889 г. Для переселенія и водворенія на казенныхъ земляхъ Западной Сибири, а въ настоящее время и Восточной требуется предварительное разрѣшеніе министерствъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, обусловливаемое наличностью свободныхъ переселенческихъ участковъ, для заготовки которыхъ организованъ спеціальныи отрядъ межевыхъ чиновъ. Переселенцы, по прибытіи на мѣсто, получаютъ земельный надѣлъ по числу наличныхъ душъ мужского пола въ семьѣ въ пятнадцатидесятинной пропорціи и хотя не пользуются правомъ полученія пособія на обзаведеніе, но, согласно ст. 12 помянутаго закона, могутъ получать ссуды на продовольствіе и обѣмненіе полей на основаніяхъ, установленныхъ для мѣстныхъ крестьянъ. Затѣмъ означеннымъ переселенцамъ предоставляются извѣстныя льготы, заключающіяся въ отсрочкѣ воинской повинности на три года и въ освобожденіи на этотъ же срокъ отъ всѣхъ податей и повинностей, причитающихся казнѣ за отведенный надѣлъ, и въ уплатѣ послѣднихъ въ послѣдующіе три года въ половинномъ размѣрѣ.

Распространенный въ настоящее время на огромнѣйшую часть Сибири съ Урала до Байкальскаго озера переселенческій законъ 13 іюля 1889 г., однако, не коснулся важнѣйшей въ колонизаціонномъ отношеніи террито-

рѣи Алтайскаго округа, составляющей земельную собственность Кабинета Его Величества и обнимающей собою всю среднюю и южную часть Томской губерніи. Въ дѣлѣ земельного устройства переселенцевъ здѣсь, попрежнему, примѣняется принципъ свободнаго отношенія къ заселенію пустующихъ земель разрѣшенными или самовольными переселенцами, лишь бы послѣдніе имѣли при себѣ увольненіе отъ старыхъ обществъ и водворялись на свободныхъ, заранѣе обмежеванныхъ участкахъ земли съ предварительнаго на то разрѣшенія со стороны земельного управленія Алтайскаго округа. Ни льготъ въ отбываніи податей и повинностей, ни пособій на обзаведеніе переселенцы Алтайскаго округа не получаютъ. Далѣе, отдѣльною территоріей въ колонизаціонномъ отношеніи на указанномъ пространствѣ Сибири стоитъ Тургайская область. Несмотря на ежегодное вселеніе туда крестьянъ, она до сего времени является какъ бы изъятою изъ вѣдѣнія всѣхъ законовъ и распоряженій о переселеніи; поэтому новоселы тамъ представляютъ изъ себя какой-то совершенно случайный элементъ, самовольно садящійся въ качествѣ сомнительныхъ арендаторовъ на киргизскихъ земляхъ и образующій свои поселки по р. Тоболу около г. Николаевска или такъ называемаго Кустоная. Оренбургская губернія, Зауралье которой по территоріи входитъ скорѣе въ составъ Сибири, въ отношеніи порядка заселенія подлежитъ также дѣйствію закона 13 іюля.

Таковы основныя начала о переселеніяхъ, примѣняемыя къ Сибири въ настоящее время. Изъ обзора ихъ не трудно убѣдиться, что, благодаря различію этихъ началъ, дѣйствующихъ на всемъ протяженіи Сибири, крестьяне иногда совершенно теряются, когда, предполагая переселиться, начинаютъ уяснять себѣ условія и порядокъ этого переселенія въ ту или иную область Сибири. Сама администрація внутреннихъ губерній Россіи и Сибири различно толкуетъ порядокъ своего отношенія къ переселеніямъ крестьянъ, то допуская его, то безусловно запрещая на основаніи ограничительныхъ мѣръ, предусматриваемыхъ закономъ 13 іюля о самовольныхъ переселенцахъ на казенныя земли, хотя бы крестьяне направлялись въ мѣстности, стоящія внѣ дѣйствія этого закона, или бы шли въ Сибирь по приемымъ приговорамъ для приписки къ мѣстнымъ сельскимъ обществамъ. Въ порядкѣ самаго разрѣшенія переселенія на казенныя земли Сибири по закону 13 іюля 1889 г. замѣчается примѣненіе начала, если не прямо противоположнаго системѣ, принятой въ южно-уссурійскомъ переселеніи, то, по крайней мѣрѣ, мало согласуемаго съ нею. Установленный еще закономъ 10 іюня 1881 г. порядокъ разрѣшенія переселенія лицамъ, «коихъ экономическое положеніе къ тому вынуждаетъ», видимо не потерялъ своей силы и послѣ изданія позднѣйшаго закона, умалчивающаго объ этомъ опредѣленіи. Это способствуетъ переселенію за Уралъ преимущественно малоимущей и бѣднѣйшей части крестьянъ, такъ какъ условіе, чтобы переселяющіеся обладали необходимыми средствами, по крайней мѣрѣ, на передвиженіе и нуждались въ пути, въ дѣйствительности мало выполняется. Такимъ образомъ, въ южно-уссурійскомъ переселеніи участвуютъ люди съ достаткомъ,

готовые тотчасъ же, по прибытіи на мѣсто, приняты за хозяйство, а здѣсь разрѣшенные переселенцы большею частью представляютъ изъ себя среду, которая, по достиженіи Тюмени или Томска, является толпою, нерѣдко лишенною всякихъ средствъ въ существованію. Средства же, отпускаемыя казною на зауральское переселеніе, превосходящее южно-уссурійское въ 20—30 слишкомъ разъ, равняются всего 80 тысячамъ рублей въ годъ.

Передвиженія крестьянъ за Уралъ совершаются по тремъ главнымъ трактамъ, исходными пунктами которыхъ являются Тюмень, Оренбургъ и Златоустъ. По количеству переселенцевъ, проходящихъ означенные пункты, первое мѣсто занимаетъ Тюмень, связанная, съ одной стороны, желѣзнодорожнымъ путемъ съ Россіей, а съ другой—воднымъ путемъ съ главнымъ центромъ вселенія крестьянъ, съ Томскою губерніей. За послѣднія пять лѣтъ, о которыхъ имѣются точныя свѣдѣнія, черезъ Тюмень прошло 28,007 семей переселенцевъ, направлявшихся изъ Россіи въ Сибирь; черезъ Оренбургъ за то же время прошло 6,907 семей и черезъ Златоустъ 1,508 семей. И такъ, путь черезъ Тюмень является главными магистральными воротами, черезъ которыя проходитъ переселенческая волна въ Сибирь. Подводя итоги этому движенію, мы найдемъ, что съ 1887 по 1891 г. всѣхъ переселенцевъ, какъ разрѣшенныхъ, такъ и самовольныхъ, прошло въ Сибирь и Зауралье Оренбургской губ. 36,422 семьи, въ составѣ 217,895 душъ обоего пола, т.-е. на каждый годъ въ среднемъ свыше 43 тыс. душъ. Самовольные переселенцы въ этомъ числѣ занимали преобладающее мѣсто, превосходя численностью своею разрѣшенныхъ переселенцевъ почти въ 3—4 раза. Въ этомъ движеніи за Уралъ участвовала, за малыми исключеніями, почти вся Европейская Россія, въ составѣ 54 губерній, откуда выходили переселенцы. Но преимущественную цифру переселившихся дали губерніи мажороссійскія, приволжскія, юго-средней степной полосы Россіи и сѣверо-востока. Въ раду этихъ губерній особенно выдѣляется Курская, на которую падаетъ свыше 35% всего числа переселившихся. Полтавская, Тамбовская и Вятская дали отъ 8 до 15% каждая.

Что касается направленія переселенческаго движенія, то оно, главнымъ образомъ, идетъ въ Томскую губернію, оставляя на всѣ прочія губерніи и области Сибири менѣ половины всей цифры переселенцевъ. Выражая это движеніе въ процентномъ отношеніи, мы найдемъ, что въ Томскую губ. прошло около 60% всѣхъ переселенцевъ, въ томъ числѣ на земли Кабинета до 45%, въ губернію Тобольскую до 5% и по стольку же въ Восточную Сибирь (преимущественно въ Енисейскую губ.) и Приамурскій край; въ степныя области и Туркестанскій край до 14% и въ Зауралье Оренбургской губерніи и Тургайскую область до 11%. Изъ географическихъ унктовъ водворенія переселенцевъ главнѣйшіе пріурочиваются къ слѣдующимъ районамъ областей и губерній Сибири: въ Зауралье Оренбургской губерніи и Тургайской области преимущественными мѣстами вселенія служатъ сѣверные уѣзды: Челябинскій, Троицкій и Николаевскій; въ Степномъ

край области Семирѣчинская и Акмолинская; въ Тобольской губерніи округа Курганскій и Тюкалинскій, въ Томской—для казенныхъ земель—округи Кайнскій, Томскій и Маринскій и для земель Кабинета—степная полоса, огибающая юго-западную окраину Барнаульскаго и Бійскаго округовъ; въ Восточной Сибири Енисейская губернія съ округами Ачинскимъ и Минусинскимъ и въ Амурской области мѣстности, расположенныя по притокамъ Амура, Зеи и Буреи.

Переходя за Уралъ, переселенцы, главнымъ образомъ, осѣдаютъ на свободныхъ участкахъ, заранѣе заготовляемыхъ для этой цѣли межевыми чинами. Приписка къ старымъ обществамъ хотя и случается у переселяющихся, но, благодаря ея дороговизнѣ, доходящей, наприм., въ Томской губ. до 50—75 р. съ каждой семьи, значительно уступаетъ первому способу водворенія. На земляхъ Кабинета число водворяющихся въ старыхъ обществахъ не превышаетъ 20—25%, а на казенныхъ земляхъ Томской губерніи 10%. По Енисейской губерніи, гдѣ приемная плата въ сельскихъ обществахъ значительно ниже, достигая лишь 10—15 р., и гдѣ за бывшимъ отсутствіемъ спеціального отряда межевыхъ чиновъ, существующаго на земляхъ Кабинета и казны въ Западной Сибири, предварительная заготовка участковъ производилась рѣдко, приселеніе къ обществамъ даетъ болѣе значительный процентъ. Къ тому же, и самыя участки свободной земли составляютъ тамъ нерѣдко лишь излишекъ земельныхъ угодій въ старожильскихъ селеніяхъ, обязанныхъ потому приѣмомъ новыхъ членовъ безвозмездно. Свободными участками переселенцы обыкновенно пользуются и при водвореніи въ степныхъ областяхъ и Приамурскомъ край. Въ Оренбургской губерніи, за малопригодностью казенныхъ земель подъ поселеніе, водвореніе переселенцевъ происходитъ, главнымъ образомъ, на частно-владѣльческихъ и башкирскихъ земляхъ съ образованіемъ новыхъ поселеній и хуторовъ. Переселенцамъ въ Сибири обыкновенно предоставляется право свободного выбора мѣста подъ поселеніе путемъ личнаго осмотра участковъ или чаще всего черезъ уполномоченныхъ, ходововъ. Послѣдняя форма предварительныхъ развѣдокъ земель и исходатайствованія ихъ подъ водвореніе примѣняется особенно въ мѣстностяхъ, на которыя не простирается дѣйствіе закона 13 іюля 1889 г.

Переселенческое движеніе, повторяясь періодически изъ года въ годъ, совершается обыкновенно въ лѣтнее время. Зимнія передвиженія рѣдки. Съ открытіемъ навигаціи по Волгѣ, почти каждый пароходъ увозитъ въ далекую Сибирь сотни семей переселенцевъ. Усиленное движеніе переселенцевъ замѣчается особенно весной, когда въ Тюмени, за позднимъ открытіемъ навигаціи по рѣкамъ Западной Сибири, скопляется ихъ до 10—20 и болѣе тысячъ. Въ серединѣ лѣта движеніе это какъ бы ослабѣваетъ, чтобы къ осени снова принять болѣе значительные размѣры. Путь свой отъ Оренбурга и Златоуста переселенцы совершаютъ на конныхъ подводкахъ, пользуясь главнымъ трактомъ, ведущимъ на Петропавловскъ и Омскъ. Отъ Тюмени же они обыкновенно слѣдуютъ пароходами по р. Оби до Томска

Барнаула и по р. Иртышу до Омска и Семипалатинска. Сухопутное движеніе отъ Тюмени подводами также значительно и по размѣрамъ едва ли уступаетъ рѣчному, объясняясь, главнымъ образомъ, недостаткомъ помѣщенія въ переселенческихъ баржахъ и малочисленностью пароходныхъ рейсовъ особенно по Иртышу. Отъ Томска переселенцы, слѣдующіе далѣе къ своимъ участкамъ или въ Енисейскую губ. и на Амуръ, также снаряжаютъ конныя подводы, на которыхъ при движеніи на Амуръ они доходятъ до Читы и Срѣтенска и плывутъ затѣмъ по Амуру обыкновенно на плотахъ до г. Благовѣщенска. Весь путь до Томска переселенцы, выходящіе изъ среднихъ и южныхъ губерній Россіи и слѣдующіе черезъ Тюмень по рѣкѣ Оби, совершаютъ не менѣе, какъ въ мѣсяць времени, расходуя на дорогу и на продовольствіе въ среднемъ по 25 р. на взрослога человѣка и по 7 р. на малолѣтка. Такою сравнительною дешевой пути переселенцы обязаны установленію сѣздовъ представителей желѣзныхъ дорогъ въ 1890 г. особаго переселенческаго тарифа, по которому плату за провозъ переселенцевъ положено взимать по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ Имперіи со скидкой 75%, а дѣтей до 10 лѣтъ провозить совершенно бесплатно. Амурскіе переселенцы достигаютъ Благовѣщенска только поздней осенью, въ концѣ августа и началѣ сентября, проводя въ пути до четырехъ мѣсяцевъ и расходуя на передвиженіе и продовольствіе, считая съ покупкою лошадей въ Томскѣ и приобрѣтеніемъ плота въ Читѣ (партіей), въ среднемъ до 350 р. съ семьи.

Для ближайшаго наблюденія за движеніемъ переселенцевъ и оказанія имъ необходимаго содѣйствія во время слѣдованія въ мѣстамъ водворенія въ главныхъ центрахъ движенія и остановокъ въ пути учреждены особыя правительственныя агентуры, состоящія изъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Постоянными мѣстами ихъ пребыванія служатъ въ настоящее время по Сибири города Томскъ и Тюмень и по хребту Урала—Оренбургъ и Златоустъ. Эти агенты министерства заботятся по возможности объ удовлетвореніи всѣхъ неотложныхъ нуждъ переселенцевъ путемъ подаванія имъ медицинской помощи, выдачи денежныхъ пособій на продовольствіе и снаряженіе въ дальнѣйшую дорогу, указанія мѣстъ водворенія и содѣйствія къ этому водворенію и т. п. Но чиновники эти, при всемъ ихъ несомнѣнномъ значеніи для переселенцевъ, лишены, однако, возможности удовлетворять всѣмъ нуждамъ и потребностямъ переселяющихся, особенно въ дѣлѣ оказанія имъ матеріальной помощи. Тѣ скромныя средства, которыя отпускаются казною въ распоряженіе ихъ, далеко не въ состояніи покрывать иногда самыя необходимыя и неотложныя расходы по удовлетворенію первыхъ потребностей переселенцевъ, которыхъ собственныя средства истощены. Поэтому во многихъ городахъ Сибири на ряду съ правительственною дѣятельностью такихъ чиновниковъ стали отрываться, по инициативѣ мѣстной администраціи и обществъ, частныя благотворительныя комитеты для оказанія помощи нуждающимся переселенцамъ. Подобныя комитеты существуютъ сейчасъ въ городахъ Тюмени, Томскѣ, Иркутскѣ и Читѣ.

Но скромная помощь правительства и еще болѣе скромная—частной благотворительности только и достигаютъ того, что переселенцы, по прибытіи въ пункты, гдѣ организована указанная помощь, могутъ рассчитывать на бесплатный пріютъ въ баракахъ, подаііе медицинской помощи, даровое продовольствіе, въ случаѣ полной нищеты, и скудное снаряженіе въ дальнѣйшую дорогу. О томъ, какая судьба постигаетъ переселенцевъ въ пути и на новыхъ мѣстахъ, куда они пріѣзжаютъ нерѣдко безъ копейки въ карманѣ и на чужихъ наемныхъ подводахъ, о томъ весьма мало извѣстно. Для того, чтобы такіе переселенцы могли устроиться и сразу встать на ноги, а не вынуждены были закабалить свой трудъ и себя на долгіе годы въ чужую работу, необходимы средства гораздо болѣе значительныя, чѣмъ тѣ, которыя отпускаются казною на удовлетвореніе первыхъ потребностей переселенцевъ. Данныя переселенческой статистики показываютъ, что изъ переселенцевъ, прибывающихъ ежегодно въ Томскъ, только до 30—35% располагаютъ въ достаточной степени собственными средствами на дальнѣйшее передвиженіе и устройство на мѣстахъ; затѣмъ отъ 35 до 40% имѣютъ средства лишь для передвиженія къ мѣстамъ водворенія и, наконецъ, отъ 25 до 30% лишены средствъ не только къ дальнѣйшему передвиженію, но даже нерѣдко и къ пропитанію себя. Такимъ образомъ, оказывается, что изъ числа переселенцевъ, приходящихъ въ Томскую губ. и слѣдующихъ далѣе на Востокъ, насчитывается, по крайней мѣрѣ, до 60—65% такихъ, которые нуждаются въ средствахъ на обзаведеніе. Если допустить, что процентъ имущественной состоятельности переселяющихся одинаковъ для всѣхъ пунктовъ водворенія, то при ежегодной цифрѣ выселенія въ Сибирь и Оренбургскую губ. въ 7,000 семей окажется, по прибытіи на мѣста водворенія, свыше 4,000 семей, нуждающихся въ пособіяхъ на обзаведеніе. Обзаведеніе же это, по среднему разсчету и при условіи казеннаго отпуска лѣса на постройку избъ, обойдется по Западной Сибири не менѣе, какъ въ 100—125 руб. на семью, причемъ будетъ приобретено лишь самое необходимое для устройства крестьянскаго хозяйства.

Ни казна, ни Кабинетъ не отпускаютъ денежныхъ средствъ въ потребномъ размѣрѣ на это обзаведеніе, не собираютъ ихъ и всѣ существующіе въ Россіи благотворительные комитеты для переселенцевъ. Крестьяне, по прибытіи на новыя мѣста, поставлены поэтому въ необходимость сами изыскивать себѣ средства къ существованію. Такими средствами служатъ, главнымъ образомъ, заработки у мѣстныхъ крестьянъ, заключающіеся въ поденныхъ или срочныхъ полевыхъ работахъ по найму. Работы эти, особенно при батрачннмъ трудѣ, весьма часто носятъ характеръ простыхъ отработковъ за купленный у старожиловъ хозяйственный инвентарь и отличаются всѣми признаками подневольнаго труда, когда каждый предметъ хозяйства обрабатывается переселенцемъ почти вдвое противъ номинальной стоимости его. Почти всѣ переселенцы, пришедшіе въ Сибирь безъ средствъ, испытываютъ эту общую участь задолженности старожиламъ и непосильныхъ отработковъ. Весьма немногіе изъ нихъ въ первый же годъ по при-

ходѣ успѣвають приступить къ собственному хозяйству, засѣвая $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ дес. земли озимымъ хлѣбомъ. Остальные ожидаютъ весны, рассчитывая зимою поправиться къ посѣву хлѣбовъ. Но приходитъ зима, полная лишений для переселенческой семьи, ютящейся часто въ сырой землянкѣ или на задворкахъ старожильского дома, а новосель на весну, все-таки, не успѣваетъ обзавестись всемъ необходимымъ, нуждаясь то въ лошади, то въ хлѣбномъ зернѣ, и за всеми такими нужными предметами онъ опять обращается къ старожилу, чтобы изъ оплаты предстоящихъ полевыхъ работъ или будущаго урожая отдать ему львиную долю. Только черезъ три-пять лѣтъ немущій переселенецъ начинаетъ нѣсколько оправляться отъ нужды и можетъ считать свое дальнѣйшее, хотя и весьма скромное, хозяйство упроченнымъ. Это удается, однако, при условіи, что семья способна выставить къ труду, по крайней мѣрѣ, 2—3 взрослыхъ мужскихъ и женскихъ работниковъ,—число, которое можно принять за норму для уральскихъ переселенцевъ, при среднемъ составѣ ихъ семей въ 6 человекъ. Въ противномъ случаѣ пройдутъ долгіе годы непосильнаго труда и заботъ для переселенца, пока онъ не выбьется на дорогу самостоятельнаго хозяйства или не сломитъ свои силы въ тяжелой борьбѣ съ нуждой, окончательно подтачивающей его энергію и здоровье и гонящей назадъ изъ Сибири.

Недостатокъ средствъ для устройства на мѣстѣ — это почти обычная причина, изъ-за которой переселенцы совершаютъ 3—5 тыс. обратныхъ верстъ, тащась на свою родину. Но не одна нужда гонитъ переселенцевъ изъ Сибири; гонять ихъ и особенности земельныхъ распоряждовъ, встречаемыхъ тамъ, гонять и сибирскій крестьянинъ, и подчасъ непривычный особенно для нашего малоросса климатъ Сибири. Межеваніе земель въ Сибири происходило не повсемѣстно,—гдѣ коснулось оно, гдѣ нѣтъ *). Въ этомъ отношеніи Западной Сибири посчастливилось болѣе передъ Восточной, хотя здѣсь съемка на планъ мѣстностей производилась въ очень старыя времена. Планы генеральнаго межеванія земель Алтайскаго округа, наприм., относятся къ началу и срединѣ текущаго столѣтія. Въ настоящее время подъ влияніемъ непрерывной колонизаціи, быстро измѣняющей карту населенныхъ мѣстъ Сибири, такіе планы, да, притомъ, снятые старыми сибирскими межевщиками, едва ли могутъ годиться на что-либо иное, кромѣ сдачи въ архивъ. Поэтому въ межевомъ отношеніи Сибирь оказалась далеко неподготовленною къ встрѣчѣ цѣлыхъ тысячъ переселенцевъ. Чтобы удовлетворить хотя первымъ потребностямъ водворенія въ Западной Си-

*) Въ Сибири производилась въ разное время лишь военно-топографическая съемка земель, межеванія же въ строгомъ смыслѣ въ областяхъ и губерніяхъ не было, если не считать межеванія козачьихъ земель, производившагося по Восточной и Западной Сибири. Начиная съ 40-хъ годовъ и до послѣдняго времени по всемъ округамъ Западной Сибири и частью Восточной производится съемка на планъ мѣстностей, въ Амурской области ведутся также подобнаго рода работы, но какой онѣ носятъ характеръ тамъ, неизвѣстно. Стенныхъ областей также коснулась лишь военно-топографическая съемка.

бири при помощи особо организованнаго переселенческаго отряда межевых чиновъ, началось частичное вымежеваніе участковъ изъ казенныхъ дачъ. Дачи же нерѣдко оказывались покрытыми цѣлою сѣтью самовольныхъ хуторовъ и займокъ мѣстныхъ крестьянъ или состояли въ арендномъ пользованіи послѣднихъ. Отсюда прямымъ слѣдствіемъ водворенія переселенцевъ на такихъ участкахъ являлись крупныя недоразумѣнія и споры между старожилами и переселенцами, нерѣдко оканчивавшіеся недопущеніемъ послѣднихъ до пользованія отведенною землей, впредь до истеченія срока аренднаго контракта или нарушенія его казною. И переселенцы сидели и ждали, пока нарушатъ этотъ контрактъ, не смѣя ни пахать, ни сѣять на отведенномъ имъ въ надѣлъ мѣстѣ и терпѣливо смотря, какъ уходящіе арендаторы въ отместку за нарушеніе правъ ихъ пользованія обездоливаютъ участокъ, лишая его лѣса и истоющая почву. Въ торопливой поспѣшности скорѣйшаго вымежеванія участковъ, въ виду надвигающагося переселенцевъ, съ другой стороны, часто не обращалось должнаго вниманія на ихъ качества и пригодность къ заселенію, и переселенцы, придя на заготовленный и предназначенный имъ участокъ, убѣждались, что они попали или въ лѣсную тайгу—кочковатую, болотистую низину, или мало-водную степь. Переселенческій отрядъ межевыхъ чиновъ, сосредоточенный въ г. Омскѣ для нарѣзки участковъ казенной земли по Западной Сибири и степнымъ областямъ, въ то же время, отнюдь не можетъ похвалиться избыткомъ или даже достаточностью своихъ силъ и рѣдко отвѣчаетъ требованіямъ минуты, заставляя переселенцевъ ожидать иногда въ теченіе цѣлыхъ недѣль отвода земли въ натурѣ и вынуждая ихъ стоять лагеремъ около назначеннаго мѣста и подвергаться всѣмъ послѣдствіямъ непогоды и подчасъ безысходной нужды. Поэтому, за недостаткомъ готовыхъ участковъ, переселенцамъ иногда указывались такія мѣста для водворенія, которыя значились когда-то свободными еще по планамъ шестидесятыхъ годовъ и которыя въ дѣйствительности были заняты хуторами займщиковъ или даже цѣлыми поселеніями ихъ.

Положеніе межевого дѣла нисколько не лучше и на землѣ Кабинета Его Величества, гдѣ въ распоряженіи земельного управленія находится также цѣлый штатъ межевыхъ чиновъ, занимающихся, между прочимъ, и заготовкой переселенческихъ участковъ. Достаточно указать на то, что Алтайскій округъ даже и въ ряду прочихъ мѣстностей Сибири успѣлъ приобрести печальную извѣстность вслѣдствіе постоянныхъ земельныхъ неурядицъ, происходящихъ тамъ, и безконечныхъ споровъ о полевыхъ и сѣнокосныхъ угодьяхъ между самими старожилами. Переселенцевъ спасаетъ только то, что на юго-западной окраинѣ этого округа существуетъ масса пустующихъ степныхъ пространствъ, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, и отводятся участки переселенцамъ. Хотя земли эти лишены воды и лѣса, но плодородны и къ заселенію ихъ не встрѣчается особенныхъ помѣхъ. Проточная вода замѣняется колодезною и на участкахъ, какъ по балкамъ нашего юга, дѣлаются запруды.

За сравнительною населенностью Томской и Тобольской губ. въ районах, гдѣ идетъ водвореніе переселенцевъ, богатый запасъ пустующихъ земель для колонизаціи представляютъ степныя области, но, благодаря долго существовавшему взгляду у областной администраціи на вредъ этой колонизаціи для кочевого киргизскаго населенія, рискующаго будто бы лишиться своего приволья, къ правильной наръзкѣ участковъ и отводу земель переселенцамъ тамъ не приступалось до послѣдняго времени. Хотя закономъ 13 іюля 1889 г. области эти и были включены въ разрядъ заселенныхъ земель, но колонизація туда, за незаготовкою участковъ, не допускается и по сію пору. На Амурѣ и въ Восточной Сибири специальныхъ отрядовъ межевыхъ чиновъ для отвода переселенческихъ участковъ не образовано, а существуютъ, какъ въ Енисейской губ., по старымъ основаніямъ въ распоряженіи казенныхъ палатъ землемеры, которые при случаѣ и отводятъ переселенцамъ участки, на основаніи указанія о свободности ихъ со стороны самихъ переселенцевъ и удостовѣренія о томъ чиновъ земской полиціи. Поэтому отводъ участковъ переселенцамъ тамъ или, по крайней мѣрѣ, въ Енисейской губ., благодаря сохранившейся системѣ первобытной организаціи межевыхъ работъ, тянется иногда по нѣскольکو лѣтъ, правда, при томъ одномъ облегчающемъ положеніе переселенцевъ условіи, что имъ обыкновенно не возбраняется занятіе и пользованіе свободнымъ участкомъ и до отвода его.

Переселенцы, идя въ Сибирь, совсѣмъ не представляютъ себѣ, какаядѣйствительность ожидаетъ ихъ на мѣстѣ. Нерѣдко они рассчитываютъ, что найдутъ тамъ и наилучшія естественныя условія жизни, и даже устроенныя казной хозяйства, къ которымъ только остается приложить свой трудъ, но, къ сожалѣнію, имъ очень часто приходится жестоко разочаровываться: то участокъ попадетъ имъ въ видѣ обнаженной степи или кочковатой болотистой тундры, гдѣ хлѣбъ побивается морозомъ, то арендаторы или самовольные займщики не допускаютъ до пользованія участкомъ, то замедляется отводъ участка межевыми чинами. Поэтому нерѣдко такіе переселенцы, приглядѣвъ въ старожильскихъ селеніяхъ подходящія земли и рассчитавъ, что такія они врядъ ли найдутъ на свободныхъ участкахъ, начинаютъ проситься къ старожиламъ въ приписку. Сговорившись уплатить за приписку по 50 руб. съ семьи, угостивъ общественниковъ и выдавъ имъ въ задатокъ оставшіяся отъ дороги свободныя деньги, обнадеженные и довольные своимъ устройствомъ на лучшихъ земляхъ, переселенцы начинаютъ строиться и обзаводиться хозяйствомъ. Проходитъ годъ, проходя два, условленные деньги уплачиваются сполна обществу, а приѣмнаго приговора все никакъ не дождутся новоселы, платя, въ то же время, за все обществу: и за землю, которую они берутъ подъ обработку, и за выпасъ скота, и за мѣсто, занятое ихъ строеніями, и отбывая, къ тому же, наравнѣ съ обществомъ всѣ повинности и подати, падающія на это общество. Проходятъ еще долгіе мѣсяцы и годы ожиданій, и новоселы, наконецъ, убѣждаются, что общество ихъ проводитъ, пользуясь ими только

какъ простою доходною статьею и будучи увѣрены, что они отъ своего жилья и хозяйства нигуда не уйдутъ. Тогда начинаются со стороны послѣднихъ нескончаемыя жалобы и просьбы, обыкновенно остающіяся безъ всякаго результата для переселенцевъ, такъ какъ законъ (51 ст. общаго полож. о крест.) обусловливаетъ приписку къ обществу только добровольнымъ согласіемъ со стороны послѣдняго. Общества же на запросъ крестьянскихъ чиновниковъ по поступившимъ жалобамъ обыкновенно отвѣчаютъ отказомъ въ приемъ просителей, отрекаясь отъ своего даннаго слова о принятіи ихъ въ свою среду и отъ забранныхъ у нихъ денегъ на означенную цѣль. Переселенцы остаются вѣковать въ данномъ обществѣ, мрясь съ своимъ подневольнымъ положеніемъ вѣчныхъ данниковъ обществу, или, распродавъ свое хозяйство, уходятъ прочь. Черезъ-чуръ формальное отношеніе къ разбору подобныхъ жалобъ на произволъ обществъ со стороны большинства лицъ, вѣдающихъ крестьянское дѣло на мѣстѣ, еще болѣе способствуетъ тому, что въ Сибири насчитываются въ настоящее время цѣлыя тысячи семей переселенцевъ, испытывающихъ такую участь безправныхъ бобылей въ старожильскихъ селеніяхъ. Законъ 13 іюля 1889 г., имѣвшій, между прочимъ, въ виду устройство означенной группы переселенцевъ, также не разрѣшилъ этого существеннаго для нея вопроса. Введеніемъ обязательной приписки къ волостямъ и городамъ безъ земли всѣхъ переселенцевъ, не получившихъ приемныхъ приговоровъ отъ обществъ, онъ предрѣшилъ лишь одну юридическую сторону дѣла, оставивъ вопросъ о поземельномъ устройствѣ ихъ открытымъ и положивъ тѣмъ самымъ основаніе къ образованію въ многоземельныхъ губерніяхъ Сибири многочисленнаго безземельнаго населенія.

Всѣ вышеуказанныя обстоятельства, вытекающія изъ факта несостоятельности приходившихъ въ Сибирь переселенцевъ, постановки земельного дѣла на мѣстѣ по связи съ другими побочными причинами, какъ сравнительною суровостью сибирскаго климата, рознью въ бытовыхъ особенностяхъ и складѣ жизни мѣстнаго населенія, наконецъ, просто тоскою по родинѣ, вызываютъ нерѣдко то, что переселенцы, поживъ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ въ Сибири, толпами возвращаются назадъ на родину. Обратное движеніе переселенцевъ—это прямо скорбная лѣтопись въ явленіи переселенія. Оборванная, обнищавшая, измученная продолжительностью пути и лишенная въ дорогѣ до половины своихъ дѣтей, семья обратнаго переселенца движется въ Россію безъ надежды на будущее, побираясь дорогою Христовымъ именемъ. У нея нѣтъ ничего впереди. Надѣлъ ея сданъ въ общество, усадьба и скотъ проданы, и она движется обратно, только повинувшись слѣпому сознанію, что ей нужно бѣжать оттуда, отъ послѣднихъ ея неудачъ. Если прямое движеніе переселенцевъ за Уралъ идетъ преимущественно черезъ Тюмень, то обратное, напротивъ, выбираетъ скорѣе короткіе тракты, гдѣ бы можно было идти своею подводой и расчистить путь на подаваніе придорожныхъ селянъ. Такимъ трактомъ для обратнаго движенія служить, главнымъ образомъ, путь на Оренбургъ, предпочитаемый

еще и по причинѣ его сравнительно южнаго положенія, дозволяющаго переселенцамъ двигаться до глухой поздней осени. Вся цифра обратнаго движенія, считая съ движеніемъ изъ Оренбургской губерніи, за 5 разсматриваемыхъ лѣтъ опредѣляется 5,033 семьи въ составѣ 24,935 душъ обоого пола, что составляетъ почти 14%, всего прямого движенія по количеству приходящихъ семей переселенцевъ и что дастъ на каждый годъ около 1,000 семей или 5,000 душъ обоого пола. Черезъ Оренбургъ изъ того же числа прошло болѣе $\frac{2}{3}$ переселенцевъ, а именно 3,417 семей. Достоинъ вниманія фактъ, что семейный составъ обратныхъ переселенцевъ, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, вмѣсто 6 душъ, составляющихъ семью прямыхъ переселенцевъ, падаетъ до 4,9 души обоого пола. Эту убыль семейнаго состава обратныхъ переселенцевъ надо прямо отнести къ господствующей среди нихъ смертности, благодаря претерпѣваемымъ лишеніямъ въ дорогѣ.

И такъ, 14% всѣхъ переселяющихся въ Сибирь и Зауралье Оренбургской губерніи удаляютъ изъ себя, какъ негодный отбросъ. А какъ великъ процентъ тѣхъ, которые, лишившись всего, не имѣютъ даже возможности двинуться назадъ, обрекая себя на вѣчное положеніе безнадежныхъ бобылей и батраковъ въ старожильскихъ селеніяхъ, на снисканіе дневнаго пропитанія путемъ случайныхъ заработковъ въ городахъ и селеніяхъ, на постоянную перекочевку изъ общества въ общество въ тайной надеждѣ найти добротныхъ общественниковъ, которые бы приняли ихъ въ свою среду безъ взиманія установленной платы,—цифры о томъ не говорятъ; но надо полагать, что процентъ этотъ будетъ если не выше, то никакъ не ниже вышеуказаннаго.

Какъ извѣстно, крестьянское населеніе Россіи уже въ настоящее время насчитываетъ въ своей средѣ до 12 милл. безземельнаго и малоземельнаго населенія съ надѣломъ отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ дес. на душу, а населеніе это непрерывно увеличивается, давая ежегодный приростъ, по крайней мѣрѣ, въ 200 т. душъ, при остающихся размѣрахъ того же землевладѣнія. Не страннымъ ли покажется послѣ этого фактъ такого сравнительно ничтожнаго числа выселяющихся въ Сибирь? Крестьянинъ нашъ словно чувствуетъ, что Сибирь еще не готова для принятія его, и онъ, обѣгая ее, толпами уходитъ на Кубань, чтобы занять непрочное положеніе арендатора казачьихъ земель, тысячами стекается на югъ въ наши новороссійскія степи для отхожихъ заработковъ или, наконецъ, прокладываетъ, какъ изъ губерній Царства Польскаго, дорогу въ далекую Америку. Въ этомъ нестройномъ движеніи по Россіи, исканіи заработковъ за тысячи верстъ на югъ, бѣгствѣ на Кубань и въ Бразилію видно неудержимое желаніе народныхъ массъ найти выходъ своему стѣсненному положенію. Задача правительства—помочь имъ найти этотъ выходъ, дабы народная масса не продолжала его въ ложномъ направленіи и въ ущербъ своимъ и государственнымъ интересамъ. Содѣйствуя крестьянству въ этомъ направленіи, правительство всегда можетъ согласовать переселеніе съ своими цѣлями и видами, а также съ интересами нуждающагося въ землѣ населенія и съ заботами о

поднятіи и оживленіи далекихъ окраинъ нашего отечества. Необходимо только придать этой колонизаціи, неизбѣжно возрастающей съ каждымъ годомъ, болѣе правильное теченіе, большую устойчивость, чтобъ она не сопровождалась многочисленными жертвами для крестьянъ и хозяйственною гибелью ихъ, а достигала дѣйствительныхъ и плодотворныхъ цѣлей прочнаго устроенія быта переселяющихся на новыхъ мѣстахъ, въ интересахъ подъема всего нашего народнаго хозяйства и осуществленія важнѣйшей политической задачи—образованія одного національнаго цѣлаго на всемъ протяженіи Имперіи. Надо ожидать, что выполненію этой задачи можетъ въ значительной степени помочь проведеніе сибирской дороги, съ постройкою которой, какъ извѣстно, связывается и вопросъ о заселеніи Сибири и вымежеваніи участковъ на всей территоріи ея по линіи дороги.

А. Ч.

Норвегія и ея обитатели *).

I.

Норвегія играла когда-то выдающуюся роль на европейскомъ континентѣ. Ея обитатели, потомки древнихъ скиновъ, не могли ужиться въ своей суровой странѣ. Ихъ тянуло вдаль, невзирая ни на какія разстоянія, и они безстрашно пускались на своихъ маленькихъ судахъ въ далекія страны. Они подходили къ берегамъ Шотландіи и Ирландіи; наложили свою руку на Гебридскіе, Аркадскіе и Шотландскіе острова, Исландію, Гренландію и Новую Землю. Ихъ страсть къ путешествіямъ, къ дальнимъ приключеніямъ, къ невѣдому будущему и къ предполагаемымъ побѣдамъ была такъ сильна, что они не понимали тѣхъ людей, которые не занимались «благороднымъ ремесломъ пиратовъ» и не пускались въ странствованіе, презрительно называя ихъ въ своихъ древнихъ сагахъ «лѣнвыми бабами».

Въ теченіе долгаго періода норвежцы, главнымъ образомъ, развивали въ себѣ грубую физическую силу и цѣнили въ характерѣ чловѣка лишь хитрость, лукавство и коварство, пренебрегая интеллектуальною стороною чловѣческой природы. Эта эпоха оставила по себѣ такой глубокой слѣдъ, что, по свидѣтельству ле-Ру, всякій норвежець и теперь еще гордится своимъ происхожденіемъ отъ прежнихъ храбрыхъ воиновъ - викинговъ, воплощавшихъ въ себѣ указанная качества, и нынѣ даже самый бѣднѣйшій изъ нихъ знаетъ наизусть саги о сказочныхъ побѣдахъ своихъ предковъ и до сихъ поръ еще не увѣренъ въ томъ, что господство викинговъ уже прекратилось.

Поворотъ въ настроеніи умовъ начинается только съ X в. Съ этого времени въ расѣ постепенно пробуждаются нравственныя начала, совѣсть и понятія о справедливости **), что подготовило благоприятную почву для

*) *Hugues le Roux*: „Notes sur la Norvège“. Въ виду борьбы, которую Норвегія вѣдетъ съ Швеціей, и большаго значенія исхода этой борьбы для нашего отечества, рѣшительно нашла полезнымъ дать изложеніе путевыхъ писемъ Гюга ле-Ру. *Ред.*

**) Въ поэмѣ *Проклятія Ложки*, относящейся къ этому времени, авторъ позволяетъ себѣ уже говорить о дурныхъ качествахъ скандинавскихъ божествъ, обладавшихъ

воспринятія христіанскихъ идей, проникшихъ вскорѣ въ страну суровыхъ викинговъ.

Христіанство не сразу, конечно, измѣнило характеръ этихъ суровыхъ завоевателей. Викинги остались, въ сущности, такими же язычниками, какими были раньше. Усердіе къ христіанству на первыхъ порахъ явилось для нихъ только новымъ поводомъ для жестокаго обращенія съ невѣрующими въ новое ученіе язычниками, тѣмъ болѣе, что церковь поощряла такое усердіе. Вскорѣ викинги начинаютъ принимать горячее участіе въ крестовыхъ походахъ, что положило начало лагерному знакомству норвежцевъ съ другими народами. У нихъ завязываются сношенія съ Византіей и, благодаря этому, также и съ древнею Русью, черезъ которую лежалъ ближайшій путь въ Византію этихъ норманновъ или варяговъ, какъ ихъ тамъ называли. Вліяніе этой эпохи, по словамъ ле-Ру, сказывается и теперь еще въ архитектурѣ норвежскихъ церквей, посвящей на себѣ несомнѣнные слѣды византійскаго и даже буддійскаго стиля *), и въ нѣкоторыхъ другихъ искусствахъ.

Со времени же крестовыхъ походовъ въ Норвегію усиливается могущество феодаловъ-ноблмэновъ, получавшихъ за свое участіе въ крестовыхъ походахъ различныя привилегіи и большіе участки земли въ ущербъ народной массѣ. До этого времени страна была подѣлена на небольшіе участки (odels), принадлежавшіе свободнымъ гражданамъ страны безъ всякаго различія.

Неравенство, созданное новымъ распредѣленіемъ земель, послужило, между прочимъ, одной изъ главныхъ причинъ того, что большинство населенія, сдѣлавшагося безземельнымъ и экономически-зависимымъ отъ родившихся могущественныхъ феодаловъ, съ восторгомъ схватилось за христіанскую религію, проповѣдывавшую равенство и братство между людьми.

Норвежцы предпочли лютеранство другимъ вѣроученіямъ въ виду того, что оно давало имъ больше свободы. Утверждаютъ еще, впрочемъ, — какъ говоритъ ле-Ру, — что норвежцы приняли лютеранство изъ упорства, «именно потому, что оно совершенно противорѣчало инстинктамъ расы»: лютеранство предписываетъ простоту обстановки, между тѣмъ какъ норвежцы любятъ пышность; лютеранство требуетъ чисто-умственной и духовной жизни, между тѣмъ, условія жизни въ Норвегіи такъ тяжелы, что жителямъ ея приходится вѣчно думать объ удовлетвореніи своихъ насущныхъ потребностей.

Послѣдствія, къ которымъ приведетъ это противорѣчіе, легко предвидѣть, — говоритъ Гюгъ ле-Ру. — Придетъ день, когда норвежецъ сброситъ,

---

шихъ, какъ и греческіе боги, всѣми человѣческими слабостями и страстями. Въ другой повѣсти того же времени *Видніе Виллы* (*Vidnes Villy*) упоминается объ одной прорицательницѣ, которая въ бреду бранитъ могущественныхъ еще въ то время боговъ; она дерзко высказываетъ мысль, что хитрость и сила, воплощающіяся въ лицѣ Одина и Тора, должны быть замѣнены справедливостью.

*) Викинги на своихъ маленькихъ судахъ доходили иногда до береговъ Индіи.

наконецъ, съ себя тяжесть, несоразмѣрную съ его силамъ, и, быть можетъ, еще на нашихъ глазахъ произойдетъ, съ легкой руки Ибсена, разрывъ съ прежнимъ міровоззрѣніемъ, которое истощало расу.

Реакція противъ суровыхъ моральныхъ доктринъ уже началась въ Норвегіи. Толчкомъ для этого движенія послужили печальныя данныя медицинскій статистики, выяснившія прискорбное положеніе расы, одолѣваемой наследственными болѣзнями. Съ этого момента, — говоритъ Гюгъ ле-Ру, — моральная доктрина, проповѣдывавшая принесеніе тѣла въ жертву духу, сразу сдѣлалась подозрительной. Если народу, одаренному личнымъ самосознаніемъ, мечтающему о независимости, даруютъ свободу мысли, — продолжаетъ далѣе Гюгъ ле-Ру, — то это не проходитъ для него безслѣдно. Разумъ, свободный отъ догматическихъ узъ, долженъ непремѣнно во имя свободы изслѣдованія перейти въ философію. Пробужденіе умовъ въ Норвегіи совпало съ тѣмъ моментомъ, когда былъ научно формулированъ въ мірѣ законъ борьбы за существованіе. Меланхолическое сгедо современнаго общества не могло не встрѣтить хорошаго приѣма въ народѣ, обремененномъ больше всякаго другаго естественными бѣдствіями. И норвежцы сразу вернулись къ вѣрѣ своихъ предковъ, къ культу физической силы, которая одно время сдѣлала скандинавовъ хозяевами Европы.

Въ настоящее время въ Норвегіи происходитъ полный переворотъ въ этомъ отношеніи. Правительство стало обращать серьезное вниманіе на физическое развитіе націи, особенно на физическое развитіе дѣтей школьнаго возраста. Дѣти, поступаая въ школу, подвергаются троекратному тщательному медицинскому осмотру *); устройство школъ отвѣчаетъ всемъ новѣйшимъ требованіямъ гигиены, которая читается въ нихъ на ряду съ другими обязательными предметами. Въ нѣкоторыхъ школахъ устраиваютъ общую баню для учениковъ. Во многихъ городахъ также устроены общественныя бани для обывателей, и это имѣетъ особенное значеніе въ виду того, что на гигиену норвежцы обращали до сихъ поръ мало вниманія. Въ ихъ домахъ царил крайняя нечистота; въ теченіе всей долгой зимы ихъ квартиры не вентилировались, для того, чтобы не выпустить ни одного атома тепла; простой народъ никогда не мылся и поэтому въ Норвегіи распространены различныя сыпныя болѣзни, проказа, золотуха, туберкулезъ и т. п.

II.

Современные норвежцы замѣтно отличаются отъ прочихъ европейцевъ складомъ своего характера. Суровая природа страны приучила населеніе къ вѣчной борьбѣ за существованіе **) и это налагаетъ на ея обитателей пе-

*) Эта реформа, введенная всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вызвала много провозовъ въ странѣ; но, благодаря такту и энергіи лицъ, стоявшихъ во главѣ этой реформы, все мирно уладилось.

**) Климатическія условія страны не позволяютъ расти овощамъ и фруктамъ, подерживающимъ существованіе бѣднаго класса въ другихъ странахъ; мяса здѣсь

чать жестокости и черствости. Норвежцы оригинально объясняют эту черту въ своемъ характерѣ легендой о происхожденіи родоначальника всѣхъ скандинавскихъ расъ, великана Ютна, отъ капли яда, выступившей изъ волнъ моря, сотвореннаго, по преданію, изъ крови Имира.

Съ перваго взгляда въ норвежцѣ нельзя, однако, замѣтить этой черты; она дремлетъ въ немъ до перваго случая.

Это особенно бросается въ глаза, когда попадаешь въ толпу; если скандинава что-нибудь заинтересуетъ, то онъ безъ всякой церемоніи протискивается къ предмету своего любопытства, не останавливаясь передъ толчками, усердно раздаваемыми имъ направо и налево, — безразлично, встрѣчаетъ ли онъ на своемъ пути женщину, или ребенка. Въ Норвегіи ни для кого не существуетъ права первенства или очереди; каждый заботится самъ о себѣ, какъ только можетъ, такъ что человѣку, незнакомому съ этими правилами или, вѣрнѣе, съ этимъ отсутствіемъ всякихъ правилъ, благоразумнѣе всего будетъ или поступать такъ же, или совсѣмъ удалиться ради своей безопасности. Если поднимется изъ-за чего-нибудь ссора, то она обыкновенно разрѣшается, по соглашенію противниковъ, или кулаками, или (чаще всего) ножомъ. Такая расправа здѣсь въ порядкѣ вещей, и полиція ничего не добьется, такъ какъ «никто ничего знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ», а убійцу нельзя найти.

Горячность норвежцевъ проявляется даже въ невинной области спорта и развлеченій. Въ Норвегіи, напримѣръ, сильно распространено катаніе на лыжахъ (ski), при которомъ быстрота движеній настолько сильна, что требуется особенная ловкость и сноровка, чтобы остановиться или замедлить бѣгъ. Даже танцуютъ въ Норвегіи не такъ, какъ у насъ: движутся и вертятся быстрѣе и съ большимъ разбѣгомъ. Между прочимъ, танцы здѣсь такъ распространены, что въ придорожныхъ гостиницахъ служашіе устраиваютъ по вечерамъ танцы, въ которыхъ принимаютъ участіе всѣ желающіе, даже пріѣзжіе.

Опять-таки нужно повторить, — говорить ле-Ру, — что горячность и черствость въ норвежцахъ съ перваго взгляда незамѣтны; притомъ же, эти черты въ настоящее время значительно умѣряются воспитаніемъ и развивающимися общественными инстинктами.

Иностранца, попадающаго въ Норвегію, не можетъ не поразить тотъ фактъ, что Норвегія одна изъ немногихъ странъ, гдѣ убійства очень рѣдки. Что еще больше поражаетъ иностранца, это — необыкновенно кроткое отношеніе къ животнымъ, которыхъ норвежцы называютъ своими «нѣмыми слугами» *). Гюгъ ле-Ру объясняетъ эту нѣжность тѣмъ одиночествомъ, въ которомъ живетъ каждый норвежецъ: животные отрываютъ норвежца отъ состоянія вѣчнаго самосозерцанія, въ которомъ онъ находится.

немного и оно невкусно, и народъ питается только твердыми лепешками и хлебомъ.

*) Такъ, напримѣръ, на всѣхъ норвежскихъ почтовыхъ трактахъ красуются столбы съ надписью: «будьте добры къ лошадямъ».

Это же одиночество и самосозерцаніе норвежца служить, по мнѣнію ле-Ру, причиной его необыкновенной честности.

Въ Норвегіи, наприм., почтальонъ никогда не разноситъ писемъ по домамъ, а бросаетъ ихъ въ открытые ящики, откуда каждый адресатъ вынимаетъ свои письма, и не было еще случая, чтобы кто-нибудь перехватилъ чужое письмо.

Крайняя бѣдность, находящаяся въ зависимости отъ суровой природы страны, закаляетъ норвежца и пріучаетъ его къ самостоятельности еще съ дѣтскаго возраста. Ле-Ру поражали норвежскія дѣти: они очень непривѣтливы, не любятъ цѣловаться и проявляютъ необыкновенное стремленіе къ независимости, благодаря своеобразному отношенію къ нимъ ихъ родителей, даже въ зажиточныхъ семьяхъ. Оставить дѣтей однихъ въ цѣломъ домѣ на всю ночь, позволить 5—6-ти лѣтнимъ дѣтямъ безъ кучера кататься на горячей лошади и т. п. считается въ Норвегіи дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. На обращенные къ родителямъ вопросы иностранецъ получаетъ приблизительно такой отвѣтъ:

«У насъ каждый живетъ для себя; поэтому, чѣмъ раньше предоставитъ ребенка самому себѣ, тѣмъ лучше для него же, такъ какъ изъ него раньше сформируется самостоятельная личность».

III.

Норвежскія женщины производятъ съ перваго взгляда не особенно пріятное впечатлѣніе; въ нихъ нѣтъ ничего притягательнаго. Но при ближайшемъ знакомствѣ иностранцу приходится измѣнить первоначально составленное о нихъ мнѣніе. Необыкновенная искренность, безыскусственность, независимость и смѣлость сужденій норвежской дѣвушки не могутъ не произвести благопріятнаго впечатлѣнія. Эти черты развились особенно въ послѣднее время, когда норвежская женщина, послѣ ряда долгихъ усилій и упорной борьбы за свою независимость, добилаь, наконецъ, той самостоятельности, которой она пользуется въ настоящее время.

Еще древне-скандинавская поэзія считаетъ идеаломъ женщины не слабое, хрупкое существо, а сильную, воинственную валькирію, высоко парящую надъ землей. Можно, конечно, подумать, — говорить ле-Ру, — что подобныя взгляды проводились норвежцами и въ жизнь, но на дѣлѣ оказывалось совсѣмъ не то. Норвежцы были чужды рыцарскаго отношенія къ женщинѣ, какъ къ существу слабѣйшему, и значеніе норвежской женщины усиливается только со времени появленія христіанства, освящавшаго бракъ. Значеніе ея усилилось еще болѣе послѣ эпохи крестовыхъ походовъ, когда развившаяся послѣ нихъ феодальная система повлекла за собой укрѣпленіе леновъ за законными дѣтьми феодаловъ.

(Лѣтды того подчиненнаго положенія, въ которомъ нѣкогда находилась норвежская женщина, сохранились еще и понынѣ кое-гдѣ въ глубинѣ страны: въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ отъ столицы провинціяхъ дочери и теперь

еще не смѣютъ садиться вмѣстѣ со всѣми за обѣденный столъ, а хозяйки дома сидятъ за столомъ не на главномъ мѣстѣ, а на самомъ послѣднемъ, невзирая на то, что женщины пользуются нынѣ въ Норвегіи почти одинаковыми правами съ мужчинами и допущены наравнѣ съ ними во всѣ школы и въ университетъ.

Быстрый переворотъ, происшедшій въ судьбѣ норвежской женщины, по словамъ ле-Ру, имѣлъ и дурныя послѣдствія. Прежде норвежскія женщины были образцовыми хозяйками; нынѣ же въ большинствѣ норвежскихъ семей кухни совсѣмъ упразднены и здѣсь часто цѣлыя семейства (даже изъ низшихъ слоевъ населенія) принуждены пользоваться услугами общественныхъ столовыхъ, что, какъ многіе полагаютъ, не можетъ не вліять деморализующимъ образомъ особенно на подростающее поколѣніе, да и у самихъ родителей это отсутствіе домашняго очага служить причиной многихъ пороковъ: сильное распространеніе алкоголизма, напримѣръ, едва ли не этому обязано въ значительной своей степени.

Лишь въ послѣднее время норвежцы спохватились и начали устраивать школы кулинарнаго искусства при кухмистерскихъ, гостиницахъ и даже при начальныхъ школахъ, въ которыхъ каждая изъ ученицъ, по очереди, ежедневно готовить и сама ведетъ счетъ хозяйственнымъ расходамъ.

Главною цѣлью всѣхъ стремленій современной норвежской дѣвушки является достиженіе ею полного равноправія съ мужчинами. Свои притязанія она основываетъ на томъ, что она совмѣстно съ мужчинами обучается сначала въ начальной школѣ, затѣмъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, наконецъ, въ университетѣ, гдѣ она слушаетъ всѣ предметы наравнѣ со студентами.

Гюгъ ле-Ру посѣтилъ нѣсколько норвежскихъ школъ, и ему, между прочимъ, бросилась въ глаза свобода и непринужденность, господствовавшая тамъ: каждый изъ учащихся выбиралъ себѣ сосѣда или сосѣдку по своему желанію, и учитель не находилъ въ этомъ ничего предосудительнаго. «Всякому иностранцу, попадающему въ Норвегію, — говоритъ Гюгъ ле-Ру, — придется въ голову, не приводитъ ли такая близость между молодыми людьми обоихъ половъ къ слишкомъ свободнымъ отношеніямъ между ними?» По справкѣ у лицъ, стоящихъ во главѣ норвежскихъ учебныхъ заведеній, оказалось, однако, что всѣ эти опасенія совершенно напрасны, ибо присутствіе женщины въ школахъ «дѣйствуетъ только облагораживающимъ образомъ на ея сотоварищій мужского пола, замѣтно вліяетъ смягчающимъ образомъ на ихъ характеръ и даже развиваетъ въ нихъ нѣкоторое рыцарство».

Неутѣшительное явленіе замѣчается въ послѣднее время лишь въ университетѣ, гдѣ къ концу обученія между студентами и студентками возникаютъ, обыкновенно, враждебныя отношенія. Это явленіе находятъ себѣ объясненіе въ томъ, что женщины, пользующіяся въ Норвегіи правомъ занимать многія должности, замѣщавшіяся раньше мужчинами, являются для этихъ послѣднихъ опасными конкуррентами, тѣмъ болѣе, что, по общимъ отзывамъ, онѣ учатся и лучше, и серьезнѣе мужчинъ. Есть среди нихъ

энтузиастки, увлекающіяся наукой и будущимъ своей родины; нѣкоторыя выступаютъ даже въ печати со своими идеями. Но встрѣчаются между ними и несимпатичные типы женщинъ, кичащихся своими безспорно большими званіями. Причиной этого служить, по словамъ де-Ру, присущее норвежской женщинѣ самомнѣніе и ея увѣренность въ своемъ интеллектуальномъ могуществѣ.

Норвежская женщина особенно отличается стремленіемъ къ уничтоженію въ себѣ малѣйшей тѣни кокетства, что доходитъ у нея иногда до крайности. Она объясняетъ это тѣмъ, что «нарядаться для того, чтобы нравиться мужчинамъ, недостойно порядочной женщины, и это можетъ себѣ позволить только женщина, живущая въ гаремѣ».

Тщеславіе норвежской женщины часто губитъ ее, такъ какъ она, въ стремленіи къ достиженію подчасъ химерическихъ и утопическихъ цѣлей, разбиваетъ свою жизнь, отказываясь отъ всѣхъ ея радостей.

Дѣвушка въ Норвегіи пользуется полною свободой, и это даетъ ей возможность посѣщать своихъ товарищей-мужчинъ, не навлекая на себя ничего осужденія. Равнымъ образомъ, здѣсь не видятъ ничего предосудительнаго въ томъ, чтобы дѣвушка шла одна или со своимъ пріятелемъ въ театръ и оттуда въ ресторапъ съ нимъ поужинать. Гюгъ де-Ру, въ подтвержденіе изложеннаго, приводитъ, между прочимъ, слѣдующій фактъ, который осужденъ былъ бы общественнымъ мнѣніемъ всякой другой страны, кромѣ Норвегіи, а, между тѣмъ, здѣсь онъ проходитъ совершенно незамѣченнымъ. Общество, устраивающее катаніе на *ski* близъ Христианіи, построило на протяженіи нѣсколькихъ верстъ небольшіе шалаши, съ двумя койками въ каждомъ, на тотъ случай, если увлекшіеся катаніемъ любители заблудятъ слишкомъ далеко отъ города и пожелають отдохнуть или даже переночевать внѣ города. Очень часто случается, что молодая дѣвушка выезжаетъ въ сопровожденіи своего кавалера изъ города вечеромъ и возвращается обратно только на слѣдующее утро. Никому, однако же, не придетъ здѣсь въ голову высказать нескромный намекъ по этому поводу, потому что это было бы несправедливо: эти молодые люди—друзья, и они довѣряютъ другъ другу; воображеніе у нихъ, вообще говоря, настолько не испорчено, что они даже не понимаютъ изумленія иностранца передъ этимъ фактомъ.

Одиночество и изолированность норвежцевъ сообщили имъ много драгоценныхъ качествъ, избавляющихъ ихъ отъ массы предрассудковъ. Женщинъ Норвегіи не шокируетъ, наприм., знакомство съ балериной, и здѣсь нѣредки случаи, когда молодыя дѣвушки изъ приличныхъ семей поступаютъ на сцену или въ балетъ въ видахъ достиженія матеріальной независимости отъ родителей, и родительская власть не налагаетъ своего *vetó* на это рѣшеніе; мало того, ни одинъ норвежскій домъ не закрываетъ своихъ дверей передъ дѣвушкой, избравшей себѣ такую карьеру.

Въ дѣлѣ выбора мужа дѣвушкѣ также предоставлена широкая свобода: молодые люди знакомятся, хорошо узнаютъ другъ друга, что, при суще-

ствующихъ въ Норвегіи условіяхъ, достигается очень легко, и когда они вступаютъ въ бракъ, то можно быть увѣреннымъ въ томъ, что ихъ чувство будетъ долговѣчно.

Однако же, несмотря на снисходительное отношеніе общества ко многому такому, что въ другихъ странахъ считается предосудительнымъ, не слѣдуетъ думать, что норвежская молодежь злоупотребляетъ тою свободой и независимостью, которой она пользуется въ широкихъ размѣрахъ. То, что дѣйствительно безп्राветно, сурово осуждается общественнымъ мнѣніемъ въ Норвегіи, и на бракъ, напримѣръ, здѣсь смотрятъ такъ серьезно, что если кто-нибудь изъ супруговъ измѣняетъ, то это ложится на него неизгладимымъ пятномъ позора.

IV.

Въ натурѣ норвежца много загадочнаго: въ его характерѣ страннымъ образомъ уживаются разныя противоположности. Его добродѣтель имѣетъ своею изнанкой испорченность; его удивительная воздержность — это, въ сущности, противодѣйствіе сильно развитой въ немъ страсти къ пьянству, неслыханная честность уживается радомъ съ подозрительною оборотливостью, веселость съ песимизмомъ, откровенность съ недоувѣрчивостью, кротость съ грубостью, мистицизмъ съ язычествомъ и т. д. Особенно рѣзко бросается въ глаза то, что норвежецъ, въ сущности, очень аристократиченъ, между тѣмъ, стремленія у него — крайне демократическія.

Сами норвежцы считаютъ себя демократами и этимъ объясняютъ свое желаніе отдѣлиться отъ Швеціи, страны аристократической, интересы которой расходятся съ ихъ интересами.

Это стремленіе къ демократизму и къ общему равенству отражается и на нравахъ жителей. Бучера жмутъ вамъ руку, если довольны данною имъ прибавкой, слуга гостиницы не внесетъ вамъ вещей, если вы не попросите его объ этомъ въ самой вѣжливой формѣ *). Если вы въ ресторанахъ начнете отдавать повелительныя приказанія, то васъ безъ дальнихъ размышленій вытолкаютъ за дверь, и хозяинъ найдетъ это вполне естественнымъ. Слуги въ Норвегіи пользуются полною свободой, и по вечерамъ, по окончаніи своей работы, уходятъ, никого не спрашиваясь. Эта свобода въ обращеніи съ высшими замѣтна также и среди крестьянскаго населенія.

Стортингъ стремится къ усиленію и развитію демократическаго духа въ населеніи и въ этихъ видахъ онъ уже не считаетъ достаточнымъ существованіе смѣшанныхъ школъ для дѣтей обоюго пола, но и стремится къ тому, чтобы сдѣлать ихъ общими для дѣтей всѣхъ классовъ общества безъ исключенія, чтобы, такимъ образомъ, какъ говорятъ крайніе демо-

*) „Vaser saa god!“ — съ этой фразой нужно, по словамъ ле-Ру, обращаться въ Норвегіи къ каждому, въ чьей услугѣ вы нуждаетесь.

раты Норвегіи, «хотя при вступленіи въ жизнь между молодыми людьми не было кастоваго различія».

Несмотря на весь этотъ демократизмъ, наблюдателя поражаютъ въ норвежцѣ нѣкоторыя странныя черты, обличающія въ немъ присутствіе аристократическихъ тенденцій и инстинктовъ. Во многихъ норвежскихъ семьяхъ съ благоговѣніемъ сохраняются традиціи о происхожденіи ихъ отъ викинговъ или участниковъ крестовыхъ походовъ; всякій норвежець, держащій въ своихъ рукахъ знамя демократизма, въ глубинѣ души считаетъ себя чуть ли не королемъ. Наконецъ,—говорить ле-Ру,—самое почитаніе Ибсена демократическою партіей не можетъ не казаться страннымъ, такъ какъ его философія, занятая культомъ собственнаго «я», устанавливаетъ аристократическую границу между высшею интеллигентностью и возрастающею посредственностью социализма.

Лучшею характеристикой норвежскихъ нравовъ служатъ существующія тамъ торговыя обычаи и приемы торговли. Норвежскіе купцы—плохіе плательщики; за предѣлами Норвегіи знаютъ это, и французскіе купцы совершенно отказались поставлять сюда свои товары. Въ настоящее время Норвегія ведетъ торговлю почти исключительно съ Германіей. Нѣмецъ не боится рисковать; сами норвежцы говорятъ, что нѣмцы рассчитываютъ на ихъ любовь къ независимости, ибо ни одинъ норвежець не любитъ служить и при первой возможности устраиваетъ себѣ собственное дѣло. Услужливые германскіе комми-волжеры охотно доставляютъ имъ германскіе товары, не всегда, правда, хорошаго качества, но за то открываютъ имъ долгосрочный кредитъ. Благодаря этому, норвежець начинаетъ обыкновенно дѣло безъ всякихъ средствъ и ведетъ его какъ игру, не задумываясь надъ послѣдствіями. «Можно сказать,—говоритъ ле-Ру,—что норвежець руководствуется въ этомъ отношеніи чисто-языческимъ девизомъ, гласящимъ: *будемъ пользоваться жизнью,—быть можетъ, завтра мы умремъ*. Это придаетъ всей расѣ какое-то величіе, такъ какъ даетъ ей возможность жить внѣ тѣхъ узкихъ рамокъ, въ которыя заключили себя прочія націи, вѣчно волнуемая мыслью о будущемъ».

Норвежцы необыкновенно гостеприимны и не жалѣютъ средствъ для того, чтобъ угостить гостя всѣмъ, что есть у нихъ лучшаго, особенно если этотъ гость—иностранецъ. Въ этомъ случаѣ норвежець особенно старается, такъ какъ желаетъ, чтобы гость вынесъ самыя пріятныя воспоминанія о его «дорогой Норвегіи» и ея обитателяхъ. Иностранецъ не долженъ, однако, забыть произнести тостъ за Норвегію, знамя которой вращается на столѣ во время парадныхъ обѣдовъ. Это гостеприимство очень рогательно,—говоритъ ле-Ру,—но весьма часто случается, что на слѣдующій уже день хозяину нечѣмъ заплатить за издержки, которыя потребовались наканунѣ для устройства параднаго обѣда. Долги, это — нравственный порокъ, присущій природѣ всякаго норвежца.

Безпечность норвежца сказывается во всемъ и часто ведетъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Молодые люди, въ большинствѣ случаевъ, вступаютъ

въ бракъ не только безъ всякихъ средствъ, но и не имѣя ничего въ виду; если они достигаютъ порой сравнительно достаточнаго матеріальнаго обезпеченія, то они проживаютъ все, что зарабатываютъ. Родители не заботятся ни о приданомъ для своихъ дѣтей, ни объ обезпеченіи своей старости, и въ Норвегіи, поэтому, почти вовсе нѣтъ рентьеровъ. Норвежець работаетъ, пока можетъ, но и живетъ за то въ свое удовольствіе. Эта безпечность служитъ характерною чертой скандинавской расы, — темой, которой не устаютъ касаться въ своихъ произведеніяхъ Бьёрнсонъ, Ибсенъ и Стриндбергъ.

Всѣ эти странности, противорѣчія и противоположности — въ натурѣ норвежца, — говоритъ ле-Ру. — Еще храбрый норманнъ, котораго, кажется, не страшитъ ничто въ мірѣ, труситъ передъ сверхъестественнымъ. Идея божественнаго не связана въ его представленіи съ идеаломъ доброты и справедливости. Міръ, по представленію норманна, находится въ распоряженіи трехъ дѣтей злого Локки, изъ коихъ младшему служатъ всѣ злыя силы природы. Прошло много времени, пока разумъ одержалъ верхъ надъ этими злыми элементами, и какъ только насталъ моментъ критическаго къ нимъ отношенія, скандинавъ, минуя католичество, страстно схватился за свободомыслящее лютеранство. Но норвежець слишкомъ логиченъ для того, чтобъ успокоиться на одной формѣ религіи и не разсуждать дальше. Онъ уже относится въ настоящее время критически къ лютеранству и подсмѣивается надъ пасторомъ; ему уже и лютеранскія идеи кажутся слишкомъ условными и стѣсняющими свободу мысли.

«Я безконечно уважаю религію, какъ вѣру въ Бога, но не уважаю лютеранства, какъ вѣру въ Лютера, — пишетъ одна молодая норвежская дѣвушка, — и я черпаю право на свой протестъ въ примѣрѣ самого Лютера: если онъ рѣшился протестовать противъ католицизма, то почему бы мнѣ не протестовать противъ лютеранства? Лютеръ былъ правъ, упразднивши все ложное и суевѣрное въ католицизмѣ, но ему не слѣдовало уничтожать внѣшней красоты культа. Наши голые храмы ничего не говорятъ воображенію и обличаютъ лишь скудость ума Лютера. Я убѣждена въ томъ, что Лютеръ вмѣстѣ съ Даніей являются главными виновниками упадка нашей милой Норвегіи».

Эти слова, — говоритъ ле-Ру, — сказаны отъ имени всей той норвежской молодежи, которую заблужденія рационализма толкнули на поиски новой религіи въ искусствѣ. Другая часть молодежи, подъ вліяніемъ дарвинизма и идей Шопенгауера и Ницше, ищетъ свои идеалы въ наукѣ и доискивается формы будущихъ обществъ въ регламентаціи принциповъ борьбы за существованіе; она ищетъ эту истину со страстью и нетерпимостью мучениковъ. Никогда еще Норвегія не была такъ всецѣло предоставлена своимъ мистическимъ инстинктамъ, какъ въ настоящій моментъ, когда она стремится къ избавленію себя отъ всякаго религіознаго ига и всякаго нравственнаго принужденія, желая слушаться только голоса науки.

Если перейти отъ возвышенныхъ стремленій души къ инстинктамъ и

стаго наслажденія,—продолжаетъ де-Ру,—то здѣсь также можно замѣтить разногласіе между закономъ и правами. Изъ числа фізіологическихъ золъ, наиболѣе ослабившихъ расу, самое главное—это алкоголизмъ, сильно распространенный здѣсь, благодаря суровой природѣ и тяжелымъ условіямъ жизни, вынуждающимъ жителей постоянно прибѣгать къ возбуждающимъ средствамъ. Несмотря, однако, на это, ни въ одной странѣ не процвѣтаютъ въ такомъ изобиліи общества трезвости, какъ въ Норвегіи; число членовъ этихъ обществъ растетъ съ каждымъ днемъ все больше и больше. Правительство уже съ давняго времени принимаетъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ пьянствомъ, и это повлекло за собою его значительное уменьшеніе. Издаанныя правительствомъ постановленія, предупреждающія развитіе пьянства, очень часто ведутъ, впрочемъ, къ діаметрально-противуположнымъ результатамъ. Такъ, наприм., въ Норвегіи воспрещена розничная продажа водки количествами менѣе сорока литровъ. Крестьяне не имѣютъ, конечно, средствъ для покупки алкоголя въ такихъ количествахъ и начинаютъ замѣнять его другими возбуждающими средствами. Въ послѣднее время въ Норвегіи среди крестьянскаго населенія сталъ входить въ употребленіе вонеръ.

Это безуміе,—говоритъ де-Ру,—можетъ охватить всю Норвегію, если стортингъ дойдетъ до крайности и вздумаетъ окончательно воспретить продажу алкоголя.

Норвежецъ ничуть не заблуждается относительно истиннаго значенія указанныхъ выше явленій. Онъ знаетъ, что алкоголизмъ—гибель его расы, и онъ всегда на сторонѣ тѣхъ, кто борется съ этимъ порокомъ, и съ энтузіазмомъ хватается за самыя крайнія средства; лишь въ себѣ самомъ не находитъ онъ необходимой силы для поддержанія этихъ благородныхъ стремленій къ трезвости, дѣломудрію, честности,—во всему тому, чѣмъ онъ можетъ заслужить уваженіе окружающихъ и возвыситься въ своихъ собственныхъ глазахъ; и онъ втайнѣ изнемогаетъ отъ угрызеній совѣсти, отравляющихъ всѣ его радости.

Въ Норвегіи существуетъ много частныхъ обществъ, имѣющихъ своею цѣлью удержать населеніе отъ порочной жизни, среди которыхъ, на ряду съ извѣстною «арміей спасенія», функционируетъ еще своеобразное общество «полуночной миссіи», состоящее изъ лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ слоямъ норвежскаго общества. Эта «миссія» задалась цѣлью обходить по ночамъ самые подозрительные городскіе кварталы и дѣйствовать силою убѣжденія на направляющихся въ находящіяся здѣсь притоны людей. Дѣло не обходится иногда безъ смѣшныхъ приключеній и недоразумѣній, но, въ общемъ, дѣятельность этой «миссіи» весьма плодотворна. Благодаря ея усиліямъ, нѣсколько сомнительныхъ учрежденій успѣли уже обанкротиться и ихъ помѣщенія наняты были «миссіей». Сюда, по привычкѣ, заходили ночные путники, думая застать прежнюю обстановку; но, вмѣсто этого, они находили здѣсь всѣхъ членовъ «миссіи», сидящихъ за длинными столами, заваленными брошюрами и книгами.

Я постигъ одно изъ такихъ ночныхъ собраній,— говорить ле-Ру,— съ еле скрываеюмою ироніей выслушалъ отъ членовъ «миссін» изложеніе ихъ системы и готовился уже высказать имъ свой свептическій взглядъ на ихъ дѣятельность, но въ эту минуту въ дверяхъ показался рабочій и выразилъ желаніе выслушать нѣсколько добрыхъ словъ, которыя «иногда очень полезны, когда въ сердцѣ пусто».

Мистическая, шепетильная и грубая Норвегія,— говорить ле-Ру въ заключеніе 5-й главы своей книги,— страдаетъ больше всякой другой націи отъ противорѣчій своей природы, отъ разлада между высокими стремленіями своей души и фатализмомъ своихъ инстинктовъ, и всѣ тѣ, которые интересуются нравственною жизнью, со страстнымъ интересомъ слѣдятъ за этою борьбой, такъ какъ этой маленькой націи суждено быть развѣдчикомъ на неизвѣстной дорогѣ.

V.

Дурныя климатическія и расовыя условія расположили норвежцевъ болѣе, чѣмъ южныхъ жителей Европы, принять меланхолическія доктрины новѣйшей философіи, склоняющейся къ торжеству зла надъ добромъ,— говорить ле-Ру.— Созерцаніе этой мрачной неизвѣстности ложится тяжестью на души норвежскихъ героевъ и иногда лишаетъ ихъ душевнаго равновѣсія. По мѣрѣ того, какъ возрастаетъ борьба за существованіе, эта тоска растетъ все больше и больше и въ настоящее время она выражается въ такомъ огромномъ количествѣ самоубійствъ, что они по справедливости считаются одною изъ главныхъ болѣзней расы: норвежець лишаетъ себя жизни съ такою же легкостью, какъ будто пускается въ обыкновенный путь.

Неурядицы, послѣдовавшія за пораженіемъ Даніи, вызвали реакцію и скандинавское общество ударилось въ ханжество. Въ это время свобода мысли была окончательно стѣснена въ скандинавскихъ государствахъ. Извѣстный датскій критикъ Брандесъ терпѣлъ всякія несправедливости, даже изгнаніе, но онъ не хотѣлъ отказаться отъ своихъ убѣжденій, сводившихся къ тому, что церковь должна считаться съ современною наукой. Вскорѣ, однако, гоненія на Брандеса превратились въ триумфъ для него. Датчане, исключившіе изъ своего лексикона на другой день послѣ своего пораженія всѣ слова германскаго происхожденія, не могли допустить, чтобы Брандесъ, удалившійся въ изгнаніе въ Германію, не думалъ на языкѣ своей родины. Они подали королю петицію, въ которой просили, чтобы Брандесу дозволено было вернуться въ Копенгагенъ и продолжать писать на родномъ языкѣ свои сочиненія.

Если человѣкъ пользуется такимъ значеніемъ у своихъ соотечественниковъ,— замѣчаетъ ле-Ру,— то это говорить не только въ пользу его личности, но и въ пользу той истины, которую онъ проповѣдуетъ. Скандинавы должны были найти въ доктринѣ эволюціи объясненіе всѣхъ в-

просовъ, которые ихъ мучили; детерминизмъ,—послѣдствіе научныхъ вѣрваній, — успокаивалъ эту сочившуюся рану, грызшую душу сѣверянина, какъ золотуха—гѣло.

Образованные норвежцы, съ которыми приходилось бесѣдовать ле-Ру, говорили ему, что изолированность Норвегии отъ всего европейскаго континента имѣетъ свои огромныя преимущества, ибо въ то время, когда во всей Европѣ лучшія силы растрачиваются на племенную, расовую, національную, международную, экономическую и политическую борьбу, въ то время, когда тамъ, благодаря этому, господствуетъ культъ силы, а не права,—норвежцы чужды всего этого и ведутъ борьбу лишь съ суровою природою своей страны. За то, впрочемъ,—замѣчаетъ ле-Ру,— хотя Норвегія и была до сихъ поръ чужда политической анархіи, она знала анархію моральную. Одна ведетъ къ другой.

Въ Норвегіи въ послѣднее время народилась довольно многочисленная категория отдѣльныхъ личностей, возвышающихся надъ общимъ уровнемъ демократическаго равенства, цѣлью стремленій которыхъ является забота о своемъ собственномъ «я» *). По мнѣнію ле-Ру, новѣйшіе психологи и социологи едва ли найдутъ для своего наблюденія предметъ болѣе современный, чѣмъ это поколѣніе норвежскихъ сверхчеловѣковъ (придерживаясь терминологіи Ницше), сущность стремленій которыхъ подробно изложена въ книгѣ *Богема Христиани*, произведшей въ свое время огромную сенсацию во всей Скандинавіи.

Демократическая нація, сдѣлавшая своимъ credo эволюціонныя идеи,—продолжаетъ ле-Ру,— очутилась въ страшномъ замѣшательствѣ, когда потребовалось примирить политическія убѣжденія съ научными. Норвегія, упразднившая аристократизмъ, не могла, конечно, его возстановить; съ другой стороны, она не могла воспрепятствовать особенно одареннымъ гражданамъ отдѣлиться отъ толпы и стать выше ея, и она уладила свое щекотливое положеніе тѣмъ, что стала баловать своихъ литераторовъ, художниковъ и особенно живописцевъ.

Всѣ эти возвысившіяся во мнѣніи своихъ соотечественниковъ личности съ теченіемъ времени сгруппировались и образовали ассоціацію лицъ, жившихъ исключительно своими личными интересами и стремленіями. Они не только вѣрили въ возвышенность своего призванія, но и были увѣрены въ томъ, что настанетъ часъ, когда «гордость Европы будетъ попрана ихъ маленькою страной, надъ которой она всегда смѣялась». «Наша маленькая страна,—писала одна изъ характернѣйшихъ представительницъ этой ассоціаціи (*M. Gieritz*: «Enthousiasme»), — исцѣлитъ міръ отъ всѣхъ золъ и бѣдствій и подниметъ его на ту высоту, на которой царятъ только свѣтъ, разумъ и красота».

Благосклонность, которую проявляла норвежская демократія въ отношеніи къ своимъ служителямъ искусства, находитъ себѣ объясненіе въ

*) Ле-Ру характеризуетъ ихъ „а“ непереводаемымъ выраженіемъ „moi tout rond“.

томъ, что она видѣла въ нихъ революціонеровъ. Люди науки и литературы отказались разъ навсегда отъ подражанія датчанамъ и шведамъ, художники сбросили съ себя иго классической школы, и всё они сдѣлались видными дѣятелями національнаго движенія. Вокругъ истинныхъ талантовъ сгруппировалось, однако, не мало бездарностей, искавшихъ лишь случая порвать съ прежними традиціями и примкнувшихъ къ новому движенію лишь для того, чтобы подъ его прикрытіемъ дать большую свободу своему темпераменту и своимъ инстинктамъ. Норвегія не сразу избавилась отъ этихъ господъ; въ этихъ видахъ здѣсь приходилось иногда прибѣгать къ довольно суровымъ мѣрамъ; бывали, наприм., даже случаи, когда сожгались слишкомъ цинично написанныя книги. Въ настоящее время норвежская «богема» утратила всѣхъ своихъ видныхъ представителей и съ ней уже почти вовсе не приходится считаться. Лишь во время этой борьбы съ «богемой» норвежцы отличили, наконецъ, хотя и нѣсколько поздно, Георга Ибсена, въ которомъ новое поколѣніе видитъ дѣйствительно выдающагося и одареннаго человѣка.

Смѣлость, съ которою Ибсенъ измѣнилъ свое прежнее литературное направленіе, служить прекраснымъ примѣромъ его философской честности, — говорить г. ле-Ру. — Какъ онъ ни гордится своею личностію, онъ, однако же, никогда не отрицалъ того, что пробужденіемъ своего ума къ научнымъ интересамъ онъ всецѣло обязанъ Брандесу. Въ тотъ день, когда онъ почувствовалъ твердую почву подъ ногами, онъ энергично устремился впередъ, перешагнувъ черезъ всякіе предрасудки, системы, ненависть и т. п. Онъ чувствуетъ себя силой и пользуется этимъ, не обращая вниманія ни на восторги, которые онъ возбуждаетъ, ни на протесты».

Рѣзкая пережѣна, произшедшая въ литературномъ направленіи Ибсена, объясняется, по мнѣнію ле-Ру, тѣмъ, что его взгляды должны были измѣняться въ зависимости отъ многихъ обстоятельствъ. Такъ, наприм., его пьеса *Призраки*, полная безпощадной правды, произвела такую бурю въ Норвегіи, что ее еще и понынѣ не рѣшаются ставить на столичной сценѣ. Ибсена этотъ случай, однако же, привелъ къ тому убѣжденію, что «люди, по всей вѣроятности, не такъ любятъ правду, какъ ея подобіе», и, взглявъ за этимъ, онъ написалъ новую пьесу (*Дикая утка*), представляющую собою сатиру на всѣ его прежнія мечтанія и порывы. Устами Сольнеса, одного изъ героевъ этой пьесы, Ибсенъ говоритъ, между прочимъ: «Я мечталъ когда-то построить свѣтлое жилище, въ которомъ жили бы счастливые люди и гдѣ отцы, матери и дѣти сознавали бы пріятность своего существованія и ощущали бы счастье быть полезными другъ другу какъ въ крупныхъ вещахъ, такъ и въ мелочахъ».

Во время одного изъ своихъ свиданій съ Ибсеномъ ле-Ру сказалъ ему, между прочимъ, что французская молодежь ждетъ отъ него болѣе определенныхъ объясненій относительно высказанныхъ имъ когда-то сужденій о благородномъ призваніи писателя.

Ибсенъ, улыбнувшись, отвѣтилъ ле-Ру:

— Въ этомъ мірѣ никто не имѣетъ своего спеціальнаго призванія, и если мнѣ доставляетъ удовольствіе имѣть многочисленныхъ приверженцевъ, то это удовлетворяетъ лишь меня самого. Каждый изъ насъ является необходимымъ послѣдствіемъ той среды, въ которой онъ выросъ, и того воспитанія, которое онъ получилъ. Искренность и правдивость, на которую эта индивидуальная личность способна, это—искренность совѣсьмъ особаго рода. Никто,—развѣ только въ состояніи безумія,—не можетъ предписывать своему ближнему рѣшенія, которое годится только для него самого.

Цивилизованный міръ кажется Ибсену раздѣленнымъ на два лагеря: христіанъ и викинговъ. Идеаломъ Ибсена является цѣльная натура викинга, предпочитаемая имъ современному полухристіанину, человѣку съ большою совѣстью (вродѣ Сольнеса); посредственности, составляющія собою толпу, внушаютъ Ибсену отвращеніе и презрѣніе къ нимъ. Онъ, по мнѣнію Ибсена, свѣютъ смуту, ложь и сомнѣнія въ обществѣ и являются главными виновниками его страданія. Ибсенъ не знаетъ, что, собственно говоря, нужно человѣчеству, но онъ увѣренъ въ томъ, что каждый долженъ стремиться къ завоеванію истины.

Норвегія, — заканчиваетъ ле-Ру свою книгу, — обѣщаетъ молодому поколѣнію воздушные замки; на нее устремлены въ настоящее время всѣ взоры, и я вѣрю, что она сдержитъ свое обѣщаніе и взойдетъ на вершину башни. Но она не обладаетъ такою чистотой сердца и могучею совѣстью, чтобы произнести слова, которыя заставляютъ человѣчество освобождаться отъ чрезмѣрнаго страха передъ долгомъ и боязни передъ божествомъ. Если же изъ любви къ молодому поколѣнію и страсти къ славѣ Норвегія произнесетъ эти великія слова, то у нея закружится голова и она кончитъ тѣмъ, что упадетъ въ пропасть.

Норвежецъ, проважавшій ле-Ру на пароходъ, увозившій его во Францію, отвѣтилъ:

— Если судьба Норвегіи такова, то она совершится помимо насъ. Будемъ только надѣяться, что въ этотъ день люди всего міра вспомнятъ слова Гильды *): «Ничего! за то онъ достигъ вершины!...

М. Ш.

*) Гильда—героиня драмы Ибсена *Дикая утка*. Эти слова относятся къ Сольнесу.

Гамлетъ *).

I.

Въ началѣ осени 1601 года Шекспиръ понесъ тяжкую утрату. Похоронный списокъ стрэтфордскихъ протоколовъ за 1601 г. заключаетъ въ себѣ слѣдующую строку:

Septemb. 8. M-r Johannes Shakespeare.

Онъ лишился своего отца, своего перваго друга и покровителя, честь и репутація котораго были ему такъ дороги. Отецъ, навѣрное, жилъ вмѣстѣ съ оставленною на родинѣ семьею сына въ красивомъ «New Place», купленномъ Шекспиромъ за четыре года передъ тѣмъ; онъ воспитывалъ его и маленькихъ дочерей, Сусанну и Юдиѣ, онъ принималъ участіе въ уходѣ за маленькимъ Гамлетомъ во время его болѣзни **). И вотъ теперь его не стало. Вся юность, проведенная возлѣ отца, воскресла передъ Шекспиромъ, вмѣстѣ съ воспоминаніями явился цѣлый рой мыслей, и основное отношеніе между отцомъ и сыномъ выступило на передній планъ въ его душевной жизни; онъ погрузился въ думы о сыновней любви и сыновнемъ почитеніи.

Въ томъ же году въ фантазіи Шекспира начинается *Гамлетъ*.

Гамлетъ — произведеніе человѣческаго гениа, сдѣлавшее имя Даніа извѣстнымъ на всемъ пространствѣ земли. Изъ всѣхъ датчанъ только одинъ можетъ быть названъ знаменитымъ въ самомъ крупномъ стилѣ, только одинъ занимаетъ собой и понинѣ умы въ Европѣ, Америкѣ и Австраліи, даже въ Азіи и Африкѣ, поскольку европейская культура проникла въ эти части свѣта, и этотъ одинъ никогда не существовалъ или, по крайней мѣрѣ, никогда не существовалъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ сдѣлался знаменитъ. Данія произвела нѣсколькихъ людей, стяжавшихъ себѣ громкую славу: Тихо Браге, Торвальдсена, Андерсена. Но ни одинъ изъ нихъ не достигъ и сотой части славы Гамлета. Гамлетовская литература можетъ по своему

*) *Georg Brandes: „William Shakespeare“.* Andet Bind. Kjöbenhavn, 1895.

**) Гамлетъ (это имя пишется также *Гамлетъ*), единственный сынъ Шекспира, умеръ въ 1596 г., 11 лѣтъ.

объему сравнятся съ менѣе крупными европейскими, напримѣръ, съ словакской.

Насколько занимательно слѣдить глазомъ за тѣмъ, какъ глыба мрамора медленно принимаетъ человѣческой образъ, настолько же интересно наблюдать, какъ гамлетовскій сюжетъ постепенно получаетъ свой шекспировскій характеръ.

Сказаніе о Гамлетѣ впервые встрѣчается у Саксона Грамматика. Фенго убиваетъ своего храбраго брата Горвендила и женится на его вдовѣ Герутѣ (Гертрудѣ). Сынъ Геруты Амлетъ принимаетъ рѣшеніе притвориться поврежденнымъ въ разумѣ, чтобы спастись отъ преслѣдованія Фенго, какъ существо безобидное. Съ цѣлью узнать, дѣйствительно ли онъ помѣшанъ, къ нему посылаютъ красивую молодую дѣвушку, которая должна провѣрить, сохранить ли онъ свой характеръ безумія, когда она отдается ему. Но молочный братъ Амлета, сопровождающій его, выдаетъ ему этотъ замыселъ, притомъ же дѣвушка съ давнихъ поръ его любитъ, и тайна его не разоблачается. Здѣсь кроются зачатки Офеліи и Гораціо.

О безумныхъ рѣчахъ Амлета вставлено замѣчаніе, что глгать онъ не хотѣлъ; поэтому онъ придавалъ двойственный смыслъ своимъ словамъ, такъ что хотя и говорилъ постоянно то, что думалъ, но все же выражалъ это такъ, что нельзя было понять, думаетъ ли или знаетъ ли онъ, что говорить,—формула столь же хорошо подходящая къ глубокомыслию шекспировскаго Гамлета, какъ къ наивной, затемненной загадками рѣчи ютландскаго Амлета.

Точно такъ же и Полоній намѣченъ здѣсь, особенно сцена, гдѣ онъ подслушиваетъ разговоръ Гамлета съ матерью. Одинъ изъ друзей короля, болѣе самонительный, нежели умный (*praesumptione quam solertia abundantior*), предлагаетъ, чтобы кто-нибудь спрятался въ спальнѣ королевы. Амлетъ прокалываетъ его мечомъ и бросаетъ изрубленный трупъ свиньямъ, подобно тому, какъ Гамлетъ въ драмѣ вытаскиваетъ трупъ изъ комнаты. Затѣмъ слѣдуетъ обвинительная рѣчь Амлета къ матери, и она построена такимъ образомъ, что многія мѣста ея сохранились еще у Шекспира:

«Неужели ты думаешь, женщина, что эти лицемерныя слезы могутъ смыть твой позоръ,—ты, бросившаяся, какъ развратница, въ объятія самаго гнуснаго злодѣя, кровосмѣсительно сочетавшаяся съ убійцей своего супруга и самымъ низкимъ образомъ осыпающая ласками и лестью того, кто отнялъ отца у твоего сына? На когоходишь ты? Не на женщину, а на безсловесныхъ животныхъ, совокупляющихся безъ разбора».

Фенго замышляетъ погубить Амлета въ Англіи и посылаетъ его туда съ двумя спутниками, которыми Шекспиръ, какъ извѣстно, далъ имена Ролленгранца и Гильденштерна, имена двухъ датскихъ вельможъ, вмѣстѣ объѣхавшихъ въ эти годы Европу; ихъ вензель былъ найденъ въ старинной генеалогической таблицѣ и скопированъ съ *facsimile*. Эти спутники везутъ съ собой руническіе жезлы, на которыхъ Амлетъ измѣняетъ руны, подобно тому, какъ въ драмѣ онъ переписываетъ указъ.

Еще одна мелкая черта какъ бы подготовлена у Саксона: печальный обмѣнъ рапирь. Въ сценѣ мести возвратившійся въ Данію Аmlетъ застаетъ приближенныхъ короля за своею тризной. Онъ начинаетъ расхаживать среди нихъ съ обнаженнымъ мечомъ и, пробуя лезвіе ногтями, по временамъ ранить себя имъ. Вслѣдствіе этого его мечъ приколачиваютъ гвоздями къ ножнамъ. Аmlетъ поджигаетъ залу и, подходя къ королю, чтобъ его убить, снимаетъ его мечъ со стѣны и на его мѣсто вѣшаетъ свой, который король передъ смертью тщетно пытается вынуть.

Теперь, послѣ того, какъ ни одному датчанину не довелось распространить такъ далеко по землѣ имя своей отчизны, странно звучать эти слова Саксона:

«Неувядаемой останется память объ этомъ стойкомъ юношѣ, вооружившемся противъ вѣроломства безуміемъ и чудесно скрывшемъ за нимъ блескъ сіяющей небесными лучами мудрости... Онъ принудилъ исторію оставить неразрѣшеннымъ вопросъ, чтó болѣе заслуживаетъ удивленія, его геройство или умъ?»

Если Гамлетъ трагедіи говорить по поводу послѣшняго брака матери: «Ничтожность, женщина, твое названье!» *), то уже у Саксона Грамматика мы находимъ слѣдующія слова по поводу вдовы Горвендія, поспѣшившей вступить вторично въ бракъ: «Такъ бываетъ со всѣми женскими обѣтами; они разлетаются, какъ мячи по вѣтру, и опускаются, какъ волны въ морѣ. Да кто же и захочетъ положиться на женское сердце, въ которомъ чувства такъ же быстро мѣняются, какъ цвѣты теряютъ лепестки, какъ чередуются времена года, какъ событія сглаживаютъ слѣды другъ друга?»

Въ глазахъ Саксона Аmlетъ представляется воплощеніемъ не только ума, но и физической силы, тогда какъ Гамлетъ у Шекспира категорически подчеркиваетъ, что онъ не Геркулесъ:

«Но онъ похожъ на Гамлета царя,
Какъ я на Геркулеса!»

Саксонъ буквально сравниваетъ его съ полубогомъ, символизирующимъ тѣлесную мощь: «И слава его будетъ гласить, что еслибъ ему было дано благополучно прожить свою жизнь до конца, его превосходныя дарованія проявились бы въ подвигахъ, которыми онъ затмилъ бы Геркулеса, и украсили бы чело его вѣнцомъ полубога». Это положительно производитъ такое впечатлѣніе, точно Гамлетъ у Шекспира заявляетъ протестъ противъ словъ Саксона.

Около 1559 г. этотъ сюжетъ былъ изложенъ по-французски въ *Histoires tragiques* Бельфорэ и, повидимому, этимъ путемъ проникъ въ Англій, гдѣ далъ матеріалъ для первоначальной драмы о Гамлетѣ, которая тепе исчезла, но указанія на которую мы часто встрѣчаемъ. Была ли она написана по канвѣ англійскаго перевода новеллы Бельфорэ и имѣлъ ли Ше-

*) Цитаты изъ *Гамлета* приводятся въ переводѣ Кроненберга.

спирь въ рукахъ этотъ переводъ, относительно этого не существуетъ доказательствъ, такъ какъ старѣйшее изъ дошедшихъ до насъ изданій перевода (перепечатанное въ *Shakespeare's Library* Колльера, vol. I, стр. 131 и слѣд.) вышло въ 1608 году и, притомъ, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя частности (наприм., подслушиванье Полонія за ковромъ и восклицаніе Гамлета: «Мышь! Мышь!»—передъ тѣмъ, какъ онъ его убиваетъ), которыхъ нѣтъ ни слѣда у Бельфорэ и которыя съ такимъ же вѣроятіемъ могли быть взяты изъ трагедіи Шекспира, какъ и заимствованы послѣднимъ изъ ка-кого-нибудь неизвѣстнаго, старѣйшаго изданія новеллы.

Самое раннее указаніе на старую драму о Гамлетѣ, какое мы знаемъ, это слова Томаса Наша отъ 1589 г. *). Въ 1594 г. слуги лорда Каммергера (группа Шекспира) играли вмѣстѣ съ слугами лорда адмирала на сценѣ театра Newington Butts, отчасти подъ режиссерствомъ Генсло, пьесу *Гамлетъ*, по поводу чего Генсло внесъ въ свой дневникъ за 9 іюня замѣтку: «Получено за *Гамлета*... VIII шиллинговъ». Это была, вѣроятно, старая пьеса, такъ какъ въ противномъ случаѣ Генсло прибавилъ бы буквы *ne* (новая), и выручка должна была быть весьма незначительна, если его доля въ ней равнялась лишь 8 шиллингамъ (иногда она достигала 9 фунтовъ).

Главный интересъ въ этой старой пьесѣ былъ, повидимому, сосредоточенъ на прибавленномъ отъ автора образѣ—тѣни убитаго, и на ея восклицаніи: «Гамлетъ, мщение!» (*Hamlet, Revenge!*). Дѣло въ томъ, что это восклицаніе довольно часто цитируется. Въ первый разъ, въ 1596 г., въ *Wits Miserie* Томаса Лоджа, гдѣ объ авторѣ говорится, что онъ «былъ блѣденъ, какъ привидѣніе, кричавшее на театрѣ такимъ жалобнымъ голосомъ, точно торговка устрицами: *Гамлетъ, мщение!*», затѣмъ въ *Satiromastix* (Бичь сатиры) Деккера отъ 1602 г., гдѣ Тукка говоритъ: «Мое имя—*Hamlet, Revenge*», въ 1605 г. въ *Voiage and Entertainment in Russia* Томаса Смита, наконецъ, въ *The Night Raven* Самюэля Роулэнда, гдѣ, впрочемъ, эти слова, очевидно, поставлены, какъ невѣрно воспроизведенная цитата изъ шекспировской драмы.

Послѣдняя внесена въ книгопродавческій каталогъ 26 іюля 1602 года подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *A booke called the Revenge of Hamlett Prince (of) Denmarke as yt was latelie Acted by the Lord Chamberleyne his ser-vantes*, слѣдовательно, какъ недавно игранная труппою лорда Каммергера.

Что она съ перваго же раза имѣла успѣхъ, это почти доказано тѣмъ, что конкуррентъ Генсло выплатилъ уже 7 іюля 20 шиллинговъ Четтлю за «датскую трагедію»,—очевидно, за ретушовку старой драмы.

Гыпускъ въ свѣтъ шекспировскаго *Гамлета* замедлился, однако, до 1601 г. Тогда появилось первое изданіе *in quarto*, несомнѣнно, пиратское

*) Въ предисловіи къ повѣсти Грина *Менафонъ* сатирикъ Томасъ Нашъ, обрушиваясь на юристовъ, покидающихъ свою профессію для того, чтобы сдѣлаться неудачливыми поэтами, говоритъ: „Если же потолковать пообстоятельнѣе съ такимъ молодцомъ въ холодный утренній часъ, то онъ вамъ преподнесетъ цѣлыя деревни (*hamlets*), и хочу сказать: цѣлыя пригоршни трагическихъ рѣчей“. *Прим. нрве.*

изданіе, исполненное или съ начала до конца стенографическимъ путемъ, или частью по спискамъ ролей, частью же по записямъ, сдѣланнымъ на память. Хотя это изданіе, навѣрное, заключаетъ въ себѣ лишь скомканный и искаженный текстъ, тѣмъ не менѣе, его отступленія отъ вышедшаго въ слѣдующемъ году тщательно выполненнаго изданія *in quattro*, во всемъ существенномъ вполнѣ согласующагося съ трагедіей въ томъ ея видѣ, какъ она напечатана въ первомъ *in folio*, не могутъ быть объяснены простыми ошибками и недосмотрами переписчика или стенографа. Разница слишкомъ велика для этого. Здѣсь мы, очевидно, имѣемъ, хотя въ крайне несовершенной формѣ, первый набросокъ шекспировской драмы, и, насколько можно судить, этотъ первый набросокъ значительно ближе къ старинной драмѣ о Гамлетѣ, послужившей источникомъ для Шекспира, нежели текстъ въ его окончательномъ видѣ. Мѣстами мы можемъ даже угадать среди шекспировскихъ сценъ сцены старинной пьесы и обрачики стиля этой послѣдней среди шекспировскаго стиля. Весьма характеренъ и тотъ фактъ, что въ первомъ изданіи *in quarto* больше римованныхъ мѣстъ, чѣмъ во второмъ.

Въ изданіи 1603 г. особенно бросается въ глаза сцена между Горацио и королевой, гдѣ другъ принца рассказываетъ его матери о томъ, какъ рушились планы короля умертвить Гамлета во время его путешествія въ Англію,—сцена, имѣющая цѣлью очистить королеву отъ подозрѣнія въ сообщничествѣ съ королемъ; это стремленіе сквозитъ и въ другомъ мѣстѣ перваго изданія и является, повидимому, наслѣдіемъ старинной драмы. Насколько можно усмотрѣть, Горацио имѣлъ въ ней вообще болѣе выдающуюся роль, безуміе Гамлета было болѣе бурно; Полоній носилъ, вѣроятно, имя Корамбисъ, оставленное передъ его репликами и въ изданіи 1603 г. Какъ мы видѣли, Шекспиръ взялъ, наконецъ, важную роль тѣни отца Гамлета, на которую не было ни малѣйшаго намека ни въ сказаніи, ни въ новеллѣ изъ этой старинной трагедіи о Гамлетѣ. Что послѣдняя послужила фундаментомъ для изданной нѣмецкой трагедіи *Der besrte Bruder mord* (рукопись отъ 1710 г.), это ничѣмъ не доказанное утвержденіе.

Если мы возвратимся къ драматической литературѣ Англій, то увидимъ, что въ свою очередь старинная драма о Гамлетѣ была, по всей вѣроятности, внушена ея автору *Испанскою трагедіей* Кида, которая, судя по намекамъ въ *Cynthia's Bevels* и *Bartholomew Fair* Бенъ-Джонсона, должна была быть написана около 1584 г. и принадлежала къ пьесамъ, имѣвшимъ сильнѣйшую притягательную силу для театральной публики того времени. Принявъ еще въ 1632 г. утверждаетъ въ своей *Histrionastix* (Бичъ актеровъ), что одна женщина, на смертномъ одрѣ, вмѣсто того, чтобъ искать утѣшій религій, восклицала: «Иеронимо! Иеронимо! Ахъ, еслибъ мнѣ только еще увидать представленіе Иеронимо!»

Трагедія открывается, по образцу Сенеки, появленіемъ тѣни убитого, требующей отщепенія. Такимъ образомъ, тѣнь въ трагедіи Шекспира исходитъ по прямой линіи отъ тѣни Тантала въ *Tiestis* Сенеки и отъ тѣни Тіеста въ *Агамемнонъ* Сенеки. Иеронимо, помѣшавшійся отъ горя послѣ

утраты своего сына, въ полупроинической, полубезумной формѣ повѣствуетъ злодѣю пьесы о гложущей его тоскѣ:

Лоренцо. Я хочу выслушать васъ, Иеронимо.

Иеронимо. Какъ, вы, государь, вы? Поберегите вашу милость ко мнѣ для болѣе крупныхъ вещей. Это лишь пустякъ, бездѣлица.

Лоренцо. Все равно! Скажите мнѣ, въ чемъ дѣло?

Иеронимо. Понстинѣ, государь, это бездѣлица... Жалкій пустякъ, да и того меньше: чистое ничто. Бездѣлица, какъ убійство сына, чистое ничто, государь!

Эти выраженія какъ будто готовятъ рѣчи Гамлета къ королю. Но только Иеронимо дѣйствительно помѣшанъ, хотя говорить о своемъ безуміи подобнымъ же образомъ, какъ Гамлетъ о своемъ, или, точнѣе, отрицаетъ свое безуміе.

По временамъ, особенно въ прибавленіяхъ, сдѣланныхъ Бэнтъ-Джонсопомъ, попадаются реплики, близко подходящія къ нѣкоторымъ мѣстамъ въ *Гамлетѣ*. Одинъ живописецъ, точно также потерявшій сына, говоритъ Иеронимо: «Никто такъ не любилъ своего сына, какъ я». Онъ отвѣчаетъ: «Никто, какъ ты? Это ложь, столь же великая, какъ вселенная. У меня былъ сынъ, одинъ волосокъ котораго стоилъ тысячи твоихъ сыновей, и его умертвили». Подобнымъ образомъ Гамлетъ говоритъ Лаэрту:

«Я любилъ

Офелію, и сорокъ тысячъ братьевъ

Со всею полнотою любви не могутъ

Ее любить такъ горячо».

Снова и снова Иеронимо, какъ и Гамлетъ, отсрочиваетъ мщеніе. «Такъ какъ не всякое время прилечствуетъ мести,—говоритъ онъ,—то, несмотря на лихорадочность своего стремленія, я буду дѣйствовать, несмотря на свое безпокойство, притворюсь спокойнымъ. Я не подамъ виду, что знаю объ ихъ злодѣяннн, и, такимъ образомъ, мое простодушіе заставитъ ихъ подумать, что въ своемъ невѣдѣніи я оставлю все безнаказаннымъ». Подъ конецъ, какъ средство для мести, онъ составляетъ планъ поставить на сцену пьесу, собственную же пьесу Кида *Солманъ и Перседа*, и во время представленія виновныхъ, играющихъ главные роли, убиваютъ не фиктивными только образомъ, а на самомъ дѣлѣ.

Какъ ни грубо еще все это, какъ ни наивно, болѣе сходно по стилю съ *Титомъ-Андроникомъ*, нежели съ какимъ-либо другимъ изъ произведеній Шекспира, но все же ясно, что *Испанская трагедія*, съ старинною драмой о Гамлетѣ въ видѣ посредствующаго звена, имѣла значеніе для него, какъ фундаментъ для его *Гамлета*.

Прежде чѣмъ приступать къ анализу болѣе глубокаго содержанія этого италянаго произведенія и, особенно, прежде чѣмъ приводить въ связь его сюжетъ съ личностью Шекспира, мы должны еще посмотрѣть, какія то и соприкосновенія нашель для него поэтъ въ современной ему эпохѣ.

Въ первой молодости Шекспира, пока онъ жилъ еще въ Стрэтфордѣ, на него должна была произвести сильное впечатлѣніе семейная трагедія Эссексовъ. Вся Англія говорила о скандалѣ, возбужденномъ графомъ Лейстеромъ, подозрѣвавшимся всѣми въ отравленіи лорда Эссекса и тотчасъ послѣ его смерти женившимся на его вдовѣ, лэди Летипци, съ которой, въ чемъ никто не сомнѣвался, онъ находился въ интимныхъ отношеніяхъ еще при жизни ея мужа. Въ характерѣ короля Клавдія есть не мало чертъ, указывающихъ на то, что Шекспиръ воспользовался здѣсь Лейстеромъ, какъ моделью, и ему, и Лейстеру одинаково свойственны обходительная, пріятливая манера, осторожное коварство, полная беззащитность. Съ другой стороны, совершенно лишено основанія мнѣніе, будто Шекспиръ (какъ предполагаетъ Германнъ Конрадъ въ *Preuss. Jahrbücher* за февраль 1895 г.) взялъ Эссекса въ модель самому Гамлету.

Шекспиръ былъ почти столь же близкимъ современникомъ событія въ шотландскомъ королевскомъ домѣ, соотвѣтствовавшего катастрофѣ въ семьѣ Эссекса и Лейстера. Второй мужъ Маріи Стюартъ, лордъ Дарнлей, носившій титулъ короля Шотландіи, былъ убитъ въ 1567 г. любовникомъ Маріи, смѣлымъ и беззащитнымъ Босвелемъ, съ которымъ королева тотчасъ же послѣ того сочеталась бракомъ. Современники не сомнѣвались въ томъ, что Марія была соучастницей въ убійствѣ, и сынъ ея Іаковъ видѣлъ въ отчимѣ и въ матери убійцу своего отца. Во время шотландскаго мятежа предводители показали взятой въ плѣнъ королевѣ знамя, на которомъ былъ изображенъ трупъ Дарнлея, а возлѣ него ея сынъ, на волѣнѣхъ взывавшій къ небу о мщеніи. Дарнлей, какъ и король въ *Гамлетѣ*, былъ замѣчательно красивъ, Босвелъ же необыкновенно безобразенъ.

Іаковъ былъ воспитанъ врагами своей матери и, при жизни ея и послѣ ея смерти, постоянно колебался въ выборѣ между приверженцами матери, защищавшими ея законныя права, и ея противниками, изгнавшими ее изъ Шотландіи и посадившими его на престолъ. Правда, было время, когда онъ старался смягчить сердце Елизаветы по отношенію къ матери, но онъ не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки отомстить за ея смерть. Характеръ у него былъ нерѣшительный. Онъ былъ очень хорошо образованъ и—чего далеко нельзя сказать о Гамлетѣ—былъ суевѣрный педантъ, но, какъ и Гамлетъ, любилъ искусства и науки и оказывалъ особое покровительство сценическому искусству. Отъ 1599—1601 г. часть труппы, къ которой принадлежалъ Шекспиръ, играла въ Шотландіи при его дворѣ; посѣтилъ ли въ то время и Шекспиръ Шотландію, это не доказано. Вѣрно лишь то, что когда Іаковъ въ 1603 г., по смерти Елизаветы, совершалъ вѣздъ свой въ Лондонъ, Шекспиръ, въ великолѣпномъ костюмѣ изъ краснаго сукна, находился въ его свитѣ вмѣстѣ съ Борбэджемъ и нѣкоторыми другими изъ самыхъ талантливыхъ актеровъ, и съ этихъ поръ труппа стала называться «слугами его величества короля».

Хотя во всемъ этомъ нѣтъ недостатка въ параллеляхъ къ исторіи Гамлета, но само собою разумѣется, что было бы такъ же странно считать

Иакова, какъ и Эссекса, моделью датскаго принца. Нельзя было сдѣлать въ то время болѣе глупой или болѣе безтактной вещи, какъ напомнить предполагаемому наслѣднику престола или новому королю о печальныхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ онъ выросъ. Это не исключаетъ, конечно, возможности того, что современная исторія снабдила Шекспира известными вѣшними элементами, которые въ моментъ зарожденія драмы присоединились къ картинѣ, образовавшейся въ его душѣ силою творческаго дара.

Съ той же точки зрѣнія слѣдуетъ разсматривать и большую часть матеріала, собираемаго благонамѣренными изслѣдователями въ слишкомъ наивномъ убѣжденіи, что они имѣютъ въ немъ камни, изъ которыхъ Шекспиръ складывалъ свое драматическое зданіе. Возможность того, что поэтъ, безотчетно для самого себя, получилъ тотъ или другой импульсъ къ частностямъ въ своемъ произведеніи, они принимаютъ за намѣреніе его передать въ поэтической переработкѣ опредѣленные историческія событія. Тѣмъ способомъ, который предполагаютъ эти изслѣдователи, конечно, не создается ни одно поэтическое произведеніе, всего же мѣнѣе такое произведеніе, какъ *Гамлетъ*; оно растетъ изнутри, прорастаетъ изъ непреодолимаго чувства въ душѣ своего творца и среди своего роста ассимилируетъ впечатлѣнія, входящія къ нему извнѣ.

Вотъ два событія, быть можетъ, занимавшія Шекспира, пока онъ разрабатывалъ свою драму, и опубликованныя въ свое время Карломъ Зильбершлагомъ *).

Въ 1600 г. Александръ Рутвенъ, лэрдь Гоури, составилъ заговоръ противъ Иакова. Король казнилъ въ 1582 г. отца Рутвена, какъ бунтовщика, и конфисковалъ помѣстья сына, который жилъ во Франціи и Италиі, гдѣ приобрѣлъ себѣ извѣстность ловкостью въ фехтованіи и другихъ рыцарскихъ упражненіяхъ. Одинъ вѣрный служитель, Риндъ, доставлялъ ему въ то время поддержку отъ вассаловъ его отца. Въ августѣ 1600 г., когда братьямъ Рутвенъ удалось своими просьбами склонить Иакова къ посѣщенію ихъ замка, Александръ Рутвенъ завелъ короля въ уединенную комнату въ башнѣ замка, объявилъ ему тамъ, что намѣренъ отомстить за смерть отца, и схватилъ Иакова за горло. Король успѣлъ позвать на помощь и приказалъ заколотъ своего врага.

Зильбершлагъ придаетъ значеніе тому, что Дарнлей былъ убитъ, совершенно какъ отецъ Гамлета, въ безмятежномъ снѣ, въ веснѣ грѣховъ, безъ исповѣди и причастія, далѣе тому, что *лэрдь* (Laird) похоже на англійское призошеніе имени *Laertes*, что Риндъ (Rhynd) похоже на Райнальдо, который въ первомъ изданіи *Гамлета* названъ Монтано, и что, подобно то у, какъ Рутвенъ схватилъ короля, такъ и Гамлетъ схватывается за горло Дарта на могилѣ Офеліи. Дѣло въ томъ, что и къ судьбѣ Офеліи это со-

*) *Shakespeare's Hamlet, seine Quellen und politische Beziehungen. Jahrbuch der deutschen Shakespeare-Gesellschaft. Band. XII, S. 261—290.*

бытіе представляет аналогію. Невѣста лэрда Гоури, Анна-Мэри Дугласъ, во время своего пребыванія при шотландскомъ дворѣ, пользовалась чрезвычайнымъ благоволеніемъ короля, такъ что его считали даже влюбленнымъ въ нее. Смерть лэрда до такой степени потрясла ее, что тотчасъ по полученіи этого извѣстія она помѣшалась и въ этомъ состояніи умерла спустя нѣсколько недѣль.

Какъ видятъ читатели, есть возможность предполагать, что это недавнее событіе носилось передъ глазами Шекспира въ то время, какъ его фантазія создавала прелестный образъ Офеліи, но это, конечно, еще не значитъ, что ея образъ обязанъ упомянутому событію хотя бы малѣйшею долей своей красоты.

II.

Вмѣстѣ съ новеллистическими, драматургическими и историческими впечатлѣніями созданію драмы о Гамлетѣ способствовали впечатлѣнія философскаго, полунаучнаго характера. *Гамлетъ*—самая глубокомысленная, самая богатая рефлексіей изъ шекспировскихъ пьесъ; отъ нея исходитъ вліяніе философскаго духа, а потому естественно было заняться разсмотрѣніемъ вопроса, подъ чьимъ вѣдѣніемъ могли возникнуть здѣсь размышленія о жизни и смерти и о тайнахъ бытія.

Различные изслѣдователи, какъ Чишвицъ и Кёнигъ, пытались установить преобладающее вліяніе Джордано Бруно на Шекспира *). Нѣкоторыя частности, наприм., сатирическія выходки Гамлета передъ королемъ по поводу мертваго Полонія (IV, 3), указывающія на круговоротъ въ природѣ, навели ихъ на мысль объ итальянскомъ ученомъ. Порою они считали возможнымъ усмотрѣть прямое соотвѣтствіе между оборотами рѣчи у Гамлета и у Бруно, такъ, наприм., въ томъ, какъ оба они выражаются о детерминизмѣ. Въ одномъ мѣстѣ, подчеркивая необходимость, съ которою все совершается, итальянскій мыслитель говоритъ: «Какова бы ни была предназначенная для меня вечерняя пора, когда наступитъ измѣненіе, я, находящійся въ ночи, все же ожидаю дня; тѣ же, которымъ свѣтитъ день, ожидаютъ ночи. Все то, что существуетъ, находится или здѣсь, или тамъ, близко или далеко, теперь или послѣ, одновременно или чередуясь одно съ другимъ». Подобнымъ же образомъ говоритъ и Гамлетъ (V, 2): «И воробей не гибнетъ безъ воли Провидѣнія. Не послѣ, такъ теперь; теперь, такъ не послѣ; и если не теперь, такъ когда-нибудь придется же быть готовымъ—вотъ все».

Бруно говоритъ: «Съ абсолютной точки зрѣнія нѣтъ ничего несовершеннаго или злого; оно кажется таковымъ лишь по отношенію къ чему-либо другому, и то, что есть зло для одного, для другого есть благо». Гамлетъ говоритъ (II, 2): «Само по себѣ ничто ни дурно, ни хорошо; мысль дѣлаетъ его тѣмъ или другимъ».

*) *Tschischwitz*: „Shakespeare-Forschungen“. *König*: „Shakespeare-Jahrbuch“, II.

Какъ только вниманіе критиковъ обратилось на Джордано Бруно, они не замедлили проштудировать не только его философскія и популярныя сочиненія, но даже его драматическія пьесы, въ поискахъ за образцами для Шекспира, и имъ посчастливилось найти параллели и аналогіи, которыя хотя и были сами по себѣ слабы и незначительны, но которыхъ не хотѣли считать случайными, такъ какъ было извѣстно, что во времена Шекспира Джордано Бруно жилъ въ Англіи и вращался въ обществѣ самыхъ выдающихся людей. Однако, какъ скоро было предпринято болѣе точное и многостороннее изслѣдованіе этихъ обстоятельствъ, то вѣроятность какого-нибудь воздѣйствія свелась почти къ нулю.

Джордано Бруно находился въ Англіи съ 1583 до 1585 г. Онъ прибылъ туда изъ Франціи, гдѣ обучалъ Генриха III искусству Лулія *), механическому, мнемотехническому методу разрѣшенія всевозможныхъ научныхъ проблемъ, и имѣлъ отъ него рекомендательное письмо къ французскому посланнику въ Лондонѣ, Мовиссьеру, въ домъ котораго былъ принятъ, какъ другъ семьи, въ теченіе всего своего пребыванія въ Лондонѣ. Онъ познакомился со многими изъ самыхъ знаменитыхъ англичанъ, съ Уэльсингамомъ, Лейстеромъ и Борлеемъ, съ Филиппомъ Сиднеемъ и его литературнымъ кружкомъ, но вскорѣ переѣхалъ въ Оксфордъ, съ тѣмъ, чтобы преподавать тамъ и распространять дорогія его сердцу доктрины: мировую систему Коперника въ противоположность господствовавшей въ Оксфордѣ птоломеевской и ученіе о томъ, что одна и та же жизнь животворно проникаетъ все на землѣ, атомы и организмы, растенія, животныхъ и людей, и, наконецъ, даже вселенную. Онъ разсорился съ оксфордскими учеными и ѣдко осмѣялъ ихъ въ вышедшемъ вскорѣ послѣ того діалогѣ *La Cena de le cencri*, гдѣ вообще отзывается крайне неодобрительно объ англійской непросвѣщенности и англійскихъ нравахъ. Грязь на лондонскихъ улицахъ и обычай передавать за столомъ стаканъ изъ рукъ въ руки, такъ что всѣ пьютъ изъ одного стакана, вызывали, наприм., у него почти столь же сильное негодованіе и презрѣніе, какъ упорство, съ какими университетскіе педанты отвергали ученіе Коперника.

Шекспиръ могъ прибыть въ Лондонъ никакъ не ранѣе того года, когда Бруно покинулъ Англію, и поэтому не могъ съ нимъ встрѣтиться. Итальянскій мыслитель не оказалъ никакого вліянія на умственную жизнь своихъ англійскихъ современниковъ. Даже Филиппъ Сидней не признавалъ его ученія, и имя его вовсе не упоминается въ составленной Гревиллемъ біографіи Сиднея, хотя Гревиль часто видался съ Бруно. Въ доказательство того, какъ безслѣдно прошло въ Англіи посѣщеніе Бруно, Бруннгоферъ, изучившій этотъ вопросъ, приводитъ тотъ фактъ, что въ Бодлевской библіотекѣ нѣтъ ни одного документа и ни одного сочиненія того времени, гдѣ встрѣчались бы какія-нибудь свѣдѣнія о пребываніи Бруно въ Лондонѣ или Оксфордѣ **). Полагали, что Шекспиръ, тѣмъ не менѣе, прочелъ

) Раймундъ Лулія—философъ XIII вѣка.

) *Brunnhofer*: „Giordano Bruno's Weltanschauung und Verhängniss“.

его философскіе трактаты по-итальянски. Это, конечно, возможно; но въ его *Гамлетъ* нѣтъ ничего, что указывало бы на это и что не могло бы быть вполне объяснено и въ томъ случаѣ, еслибъ онъ не имѣлъ о нихъ ни малѣйшаго понятія.

Единственное выраженіе у Шекспира, звучащее совершенно пантеистически,—впрочемъ, вѣроятно, благодаря простой случайности,—это — *the prophetic soul of the wide world* (пророческая душа безконечнаго міра) въ 107-мъ сонетѣ; единственныя мѣста, заключающія въ себѣ нѣчто, хотя нисколько не совпадающее, но все же аналогичное съ ученіемъ Бруно о превращеніи существующихъ въ природѣ формъ, это—циклическіе сонеты 59, 106, 523. Если въ этихъ мѣстахъ есть вообще какое-либо отношеніе къ Джордано Бруно, то это должно находиться въ связи съ тѣмъ, что Шекспиръ услышалъ въ это время объ ученіи великаго итальянца, воскресшаго какъ разъ въ этотъ моментъ въ памяти англичанъ, вслѣдствіе мученической смерти мыслителя на кострѣ въ Римѣ (17 февраля 1600 г.). Если бы Шекспиръ изучалъ его сочиненія, то, между прочимъ, онъ получилъ бы какое-нибудь понятіе о системѣ Коперника, оставшейся ему неизвѣстной; за то не трудно предположить, что изъ разговоровъ онъ получилъ приблизительное и неполное представленіе о философіи Бруно и что это представленіе породило вышеупомянутыя философскія мечтанія. Между тѣмъ, все то, что въ *Гамлетѣ* хотѣли возвести къ вліянію Бруно, имѣетъ гораздо болѣе близкое отношеніе къ писателямъ, литературное и философское воздѣйствіе которыхъ на Шекспира не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Какъ извѣстно, единственная книга, о которой мы знаемъ съ достовѣрностью, что она была личною собственностью Шекспира, это—*Опыты* Монтэня въ переводѣ Флоріо, изданіе *in folio*, Лондонъ, 1603 г. Въ Британскомъ музеѣ хранится этотъ экземпляръ, на которомъ Шекспиръ написалъ свое имя почеркомъ, извѣстнымъ намъ по другимъ документамъ.

Какую роль сочиненіе Монтэня играло въ англійскомъ обществѣ того времени, это явствуетъ изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ. Что эта книга произвела весьма сильное впечатлѣніе и на самаго великаго человека въ этомъ обществѣ, это легко предположить, ибо въ то время не много было такихъ книгъ, какъ книга Монтэня, и, пожалуй, не было ни одной, гдѣ такъ ярко сказывался бы не авторъ, а человекъ, человекъ естественный, многосторонній, богатый дарованіями и богатый противорѣчіями.

Помимо *Гамлета* Монтэнь несомнѣнно сквозить еще въ одномъ мѣстѣ у Шекспира; въ то время, какъ поэтъ создавалъ *Бурю*, онъ долженъ б ѣ лежать у него на столѣ. Сравните *Бурю* (II, 1):

«Гонзало. Въ противность всѣмъ извѣстнымъ учрежденіямъ
Развилъ бы я республику мою.
Промышленность, чины-бъ я уничтожилъ,
И грамотъ никто бы здѣсь не звалъ;

Здѣсь не было-бъ ни рабства, ни богатства,
 Ни бѣдности; я строго-бъ запретилъ
 Условія наслѣдства и границы;
 Воздѣлывать поля или сады
 Не стали-бъ здѣсь; изгналъ бы я металлы,
 И всякій хлѣбъ, и масло, и вино.
 Всѣ въ праздности здѣсь жили-бъ, безъ заботы» *).

И это почти буквально заимствованное мѣсто изъ *Опытовъ* Монтэня (I, ch. XXX):

«Есть народъ, у котораго нѣтъ никакого вида торговли, нѣтъ знанія, литературы, нѣтъ науки о числахъ, нѣтъ даже по имени начальства или государственной власти, нѣтъ слугъ, нѣтъ богатства или бѣдности, нѣтъ контрактовъ, нѣтъ наслѣдства, нѣтъ раздѣловъ, нѣтъ занятій, кромѣ праздности... нѣтъ земледѣлія, нѣтъ металловъ, нѣтъ употребленія вина или хлѣба...»

Совпаденіе окажется еще поразительнѣе, если мы возьмемъ оригиналъ, и не просто сравнимъ англійскій переводъ Флоріо съ англійскимъ текстомъ Шекспира, а возьмемъ самого Монтэня. Наприм.: «Aucune espèce de trafic—no kind of traffic; nulle cognoissance de lettres—lettres should not be known; nul nom de magistrat—no name of magistrate; nul usage de service, de richesse ou de pauvreté—riches, poverty and use of service, none».

Такъ какъ есть, слѣдовательно, возможность доказать, что Шекспиръ былъ знакомъ съ *Опытami* Монтэня, то аналогіи между нѣкоторыми мѣстами въ этой книгѣ и нѣкоторыми мѣстами въ его *Гамлетѣ* могутъ съ извѣстнымъ правдоподобіемъ быть объяснены не одною случайностью. Если эти мѣста въ трагедіи попадаютъ уже въ изданіи 1603 г., то слѣдуетъ предположить, что Шекспиръ былъ знакомъ съ французскимъ подлинникомъ или, что въ высшей степени вѣроятно и вполне согласуется съ обычаемъ того времени, имѣлъ случай ознакомиться съ переводомъ Флоріо до выхода его въ свѣтъ. Дѣло въ томъ, что въ тѣ дни книга нерѣдко ходила въ спискахъ по рукамъ знакомыхъ автора лѣтъ за пять, за шесть до того, какъ предлагалась публикѣ. Шекспиръ же долженъ былъ принадлежать къ числу знакомыхъ автора, вслѣдствіе близкихъ отношеній Флоріо къ дому Саутамптона; книга была, впрочемъ, внесена уже въ 1599 г. въ каталогъ книгопродавцевъ, какъ готовая.

Флоріо родился въ 1545 г. отъ итальянскихъ родителей, которымъ пришлось эмигрировать вслѣдствіе того, что они были вальденцы. Самъ онъ съ семьѣю акклиматизировался въ Англій, учился въ Оксфордѣ и тамъ давалъ уроки итальянскаго языка, нѣсколько лѣтъ состоялъ на службѣ у герцога Саутамптона и былъ женою на сестрѣ поэта Самюэля Даніэля. Благодаря своей переводу *Опытовъ* Монтэня онъ посвятилъ какою-нибудь дамѣ изъ высшей знати. Между ними встрѣчаются имена Елиза-

*) Переводъ Сатины.

веты, графини Рутландъ, дочери Филиппа Сиднея, лэди Пенелопы Ригъ, сестры графа Эссекса, и знаменитой своею ученостью и прелестью лэди Елизаветы Грей. Каждую изъ этихъ дамъ онъ воспѣлъ въ сонетѣ.

— Всякій помнитъ въ *Гамлетѣ* незабвенныя мѣста, въ которыхъ великій умъ, погружившійся въ вопросы о жизни и смерти, далъ своимъ мыслямъ о безопасности разрушенія или, какъ это можно было бы назвать, низма мирового порядка, въ одно и то же время, рѣзкое и потрясающее выраженіе. Такъ, наприм., слова Гамлета (V, 1): «Почему не преслѣдовать воображенію благородный прахъ Александра до пивной бочки, гдѣ онъ замажетъ ея втулку? Александръ сдѣлался прахомъ; прахъ — земля; изъ земли дѣлается замазка и т. д.»; быть можетъ, Александромъ замазали пивную бочку, а Цезаремъ законопатили стѣну въ огражденіе отъ изморози и сквозняка. Та же тема варьируется въ жестокой шуткѣ Гамлета о червяхъ, кушающихъ за ужиномъ Полонія: «Дѣло возможное удить червякомъ, который ѣлъ короля, и скушать потомъ рыбу, проглотившую червяка; такимъ образомъ король можетъ прогуляться по пищеварительнымъ органамъ нищаго».

Въ этихъ мѣстахъ хотѣли видѣть воздѣйствіе Джордано Бруно, но могли его видѣть, какъ это мѣтко развито въ небольшой брошюрѣ Роберта Бейерсдорфа, лишь въ силу предположенія, будто ученіе Бруно было атомистическимъ матеріализмомъ *). Между тѣмъ, это ученіе есть пантеизмъ, постоянно провозглашающій всеединство Бога и природы. Даже атомы имѣютъ у Бруно свою долю духа и жизни; не механическое ихъ соединеніе производитъ жизнь; нѣтъ, они — монады. Подобно тому, какъ основнымъ настроеніемъ въ цитированныхъ выраженіяхъ Гамлета является цинизмъ, такъ основнымъ настроеніемъ въ словахъ Бруно является энтузіазмъ. Изъ сочиненій Бруно (*De la Causa* и *La Cena de le cenere*) приводили три мѣста съ цѣлью доказать ихъ соотвѣтствіе со словами Гамлета объ измѣненіи матеріи. Но въ первомъ изъ этихъ мѣстъ Бруно говоритъ о превращеніи существующихъ въ природѣ формъ и о томъ, что всѣ формы происходятъ отъ мировой души; въ другомъ онъ утверждаетъ, что во всѣхъ составныхъ тѣлахъ живетъ множество индивидуумовъ, остающихся безсмертными по разложеніи этихъ тѣлъ; въ третьемъ онъ говоритъ о земномъ шарѣ, какъ объ огромномъ организмѣ, обновляющемся совершенно такъ же, какъ животныя и люди, чрезъ измѣненіе матеріи. Все сходство между этими мѣстами и взрывами горечи у Гамлета сводится къ тому, что и эти послѣдніе имѣютъ своею темой превращеніе формъ и измѣненіе матеріи въ природѣ. Но духъ, въ которомъ говоритъ объ этомъ Гамлетъ, представляетъ коренное различіе съ Бруно. Бруно хочетъ констатировать, что душевный элементъ проникаетъ и то, что по виду всецѣло принадлежитъ міру матеріи; Гамлетъ хочетъ, наоборотъ, показать, какъ жалко и тлѣнно человѣческое существованіе.

*) *Giordano Bruno und Shakespeare*. Oldenburg, 1889, S. 26.

Между тѣмъ, какъ разъ въ этихъ пунктахъ Гамлетъ очень близко подходитъ къ Монтэню; у послѣдняго довольно часто встрѣчаются обороты, подобныя приведеннымъ выше; онъ упоминаетъ имя Суллы, какъ Гамлетъ имена Александра и Цезаря, и если сопоставить его выраженія съ выраженіями Шекспира, то совпаденіе будетъ поразительное. Гамлетъ говорить, наприм., что Полоній за ужиномъ, гдѣ не онъ кушаетъ, а его кушаютъ.

Гамлетъ (IV, 3): «Конгрессъ политическихъ червей только что за него принялся. И что касается съѣстного, такъ этакой червячишка — единственный монархъ. Мы откармливаемъ животныхъ, чтобъ откормить себя, а себя — для червей. Жирный король и тощій бѣднякъ — только различныя кушанья, два блюда для одного стола. Этимъ все кончается».

Монтэнъ (livre II, ch. XII): «Не нужно кита, слона или крокодила или другихъ подобныхъ животныхъ, изъ которыхъ довольно одного, чтобы покончить со множествомъ людей. Достаточно крохотныхъ вшей, чтобы принудить Суллу отказаться отъ диктатуры. Сердце и жизнь великаго и побѣдоноснаго императора, это — завтракъ для маленькаго червячка».

Мы видѣли, что слова Гамлета объ относительности всякаго воззрѣнія хотѣли произвести отъ Бруно. Въ дѣйствительности они ближе подходятъ къ Монтэню. Когда Гамлетъ (впервые въ изданіи *in folio*), по поводу возраженія Розенкранца противъ реплики: «Данія — тюрьма», говоритъ (II, 2): «Само по себѣ ничто ни дурно, ни хорошо; мысль дѣлаетъ это тѣмъ или другимъ. Для меня Данія — тюрьма», — то у Монтэня мы встрѣчаемъ это почти дословно (livre I, ch. XI):

«То, что мы называемъ зломъ или страданіемъ, не есть само по себѣ зло или страданіе; лишь наше представленіе придаетъ ему это свойство».

Мы видѣли, что слова Гамлета объ его смерти: «Не послѣ, такъ теперь, теперь, такъ не послѣ и т. д.» хотѣли вывести изъ словъ Бруно въ посвященіи его *Candelajo*: «Tutto quelch'è o è qua o è là, o vicino o lung-hi, o adesso o poi, o presso o tardi». Но та же мысль, которая у Гамлета находитъ себѣ конечное выраженіе и въ словахъ: «Быть готовымъ — вотъ все», — встрѣчается съ тѣмъ же самымъ заключеніемъ у Монтэня въ 19 главѣ его первой книги: «О томъ, что философствовать — значить учиться умирать», — главѣ, послужившей вообще основой для разсужденій Гамлета на кладбищѣ *). Здѣсь горорится о смерти такъ:

«Нѣтъ мѣста, откуда бы она ни приходила. Она угрожаетъ всегда. Неизвѣстно, гдѣ ожидаетъ насъ смерть; будемъ ждать ее всюду... Я постоянно бываю приблизительно настолько подготовленъ, насколько это возможно. Идо всегда быть въ сапогахъ, всегда быть готовымъ пуститься въ путь...

«Что намъ за дѣло до того, когда это будетъ, разъ это неизбежно!»

Затѣмъ встрѣчаются яркія точки соприкосновенія между знаменитымъ

*) Это ранѣе всѣхъ (около 1860 г.) было высказано Отто Людвигомъ. См. его *Shakespeare-Studien*, стр. 373. Соотношеніе между Шекспиромъ и Монтэнемъ констатируется въ сбивчиво-написанной книгѣ Г. Ф. Штедефельда: *Hamlet, ein Tendenz-L. ma.* 1871.

монологомъ «быть или не быть» и тѣмъ мѣстомъ у Монтэня (livre III, ch. XII), гдѣ онъ передаетъ главное содержаніе защитительной рѣчи Сократа. Сократъ предполагаетъ, какъ извѣстно, различныя возможности: смерть есть или улучшеніе нашего состоянія, или уничтоженіе нашего существа; но и это будетъ улучшеніе, если мы вступимъ въ долгую и мирную ночь, такъ какъ самое лучшее, что мы знаемъ въ жизни, это—спокойный и глубокій сонъ безъ сновидѣній. Въ положительное улучшеніе нашего состоянія посредствомъ смерти Шекспиръ, повидимому, не вѣрилъ; Гамлетъ не предполагаетъ его даже, какъ нѣчто возможное, но за то поэтъ заставляетъ его остановить свои мысли на вѣчномъ снѣ и на мучительной возможности ужасныхъ сновидѣній. По временамъ у Гамлета мы какъ бы чувствуемъ подлинникъ Платона въ изложеніи Монтэня. Во французскомъ текстѣ говорится объ удовлетвореніи, которое намъ доставляетъ мысль, что въ будущей жизни «мы не будемъ имѣть дѣла съ несправедливыми и подкупленными судьями». Гамлетъ говоритъ объ освобожденіи отъ «притѣсненія тирановъ и обиды гордаго». Нѣсколько строкъ, прибавленныхъ въ изданіи 1604 г., прямо напоминаютъ одно мѣсто въ переводѣ Флоріо. Флоріо передаетъ слова Монтэня: *si c'est un anéantissement de notre être* (если это есть уничтоженіе нашего существа) слѣдующею фразой: *if it be a consummation of one's being*. Гамлетъ, употребляя выраженіе, встрѣчающееся у Шекспира всего лишь два раза въ другихъ мѣстахъ, говоритъ: «*a consummation devoutly to be wished*» *).

Можно, наконецъ, привести еще много другихъ совпаденій въ употребленіи именъ и оборотовъ рѣчи,—совпаденій, не имѣющихъ, однако, настоящей силы доказательства. Тамъ, гдѣ Монтэнь изображаетъ анархическое состояніе, среди котораго протекла его жизнь, слова: «Все рушится вокругъ насъ» переданы у Флоріо замѣчательно поэтическимъ выраженіемъ *All is out of frame*. Это имѣетъ извѣстное сходство съ оборотомъ рѣчи, которымъ Гамлетъ (впрочемъ, еще въ изданіи 1603 г.) изображаетъ смутное время, наступившее вслѣдъ за смертью его отца: «Распалась связь времени»—*The time is out of joint*. Быть можетъ, это сходство случайно, но, какъ одинъ изъ многихъ другихъ сходныхъ пунктовъ, оно указываетъ на то, что Шекспиръ былъ знакомъ съ переводомъ ранѣе его выхода въ свѣтъ **).

Сверхъ того, сначала Рѣштону (въ *Shakespeare's Enphuism* 1871 г.), а поздѣе и Бейрсдорфу удалось представить не мало параллелей къ *Гамлету* въ *Эзфуэст* Лилли ***) и какъ разъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ другіе

*) У Кроненберга: „Такой конецъ достоинъ Желаній жаркихъ!“

**) Сравните: *Jacob Feis: „Shakespere and Montaigne“, 64 — 130. Beyersck ff: „Giordano Bruno und Shakespeare“, S. 27 и слѣд.*

***) Джонъ Лилли (1554—1606 г.)—придворный поэтъ королевы Елизаветы, авторъ романа *Эзфуэст* или *Анатомія остроумія*, написаннаго приторно-манернъ къ языкомъ, господствовавшимъ въ тогдашнихъ салонахъ, и нѣсколькихъ драматическихъ

ислѣдователи видѣли вліяніе гораздо далѣе отстоящаго отъ Шекспира Джордано Бруно. Бейерсдорфъ заходитъ подчасъ черезъ-чуръ далеко, стараясь приписать чтенію *Эвфуэса* такія мысли у Шекспира, предполагая возможность возникновенія которыхъ только какъ результатъ этого чтенія значило бы прямо оскорблять поэта. Но по временамъ встрѣчается дѣйствительная аналогія. Утверждали, будто король, тамъ, гдѣ онъ (I, 2) хочетъ представить Гамлету безразсудство его чрезмѣрной скорби объ умершемъ отцѣ, ищетъ доводовъ къ утѣшенію въ философіи природы Бруно. Въ дѣйствительности же письмо Эвфуэса къ Ферардо по поводу смерти его дочери заключаетъ въ себѣ какъ разъ тѣ же аргументы *).

Полагали, что когда Гамлетъ (II, 2) говоритъ о «мерзавцѣ-сатирикѣ», посмѣявшемся въ книгѣ, которую принцъ читаетъ въ эту минуту, надъ дряхлостью стариковъ, поэтъ долженъ былъ имѣть въ виду одно мѣсто изъ *Spaccio* Бруно, гдѣ старые люди охарактеризованы слѣдующимъ образомъ: «Тѣ, у кого снѣгъ на головѣ, а на челѣ морщины». Но если, наконецъ, подѣ «мерзавцемъ-сатирикомъ» и подразумѣвается какой-нибудь опредѣленный авторъ, что весьма нелѣпо предполагать, то Лилли подходитъ подѣ это наименованіе. Ибо всюду, гдѣ въ *Эвфуэст* старики даютъ молодежи благіе совѣты, они неизмѣнно являются съ «бѣлыми волосами и слезящимися глазами» (*hoary haires and watry eyes*), и Эвфуэстъ, точь-въ-точь, какъ Гамлетъ, заставляетъ умолявшаго почтеннаго джентльмена, нравоучительныя разсужденія котораго представляются ему ничѣмъ инымъ, какъ завистью одряхлѣвшей старости къ крѣпости, свойственной молодымъ лѣтамъ, и чьи умственные способности кажутся ему столь же слабыми, какъ его ноги.

Наконецъ, жестокія слова Гамлета къ Офеліи и его презрительныя выраженія о женщинахъ: «Ничтожность, женщина, твое названье!» — хотѣли возвести къ діалогу Бруно (*De la Causa*, IV), гдѣ педантъ Полианніо выступаетъ женоненавистникомъ. Но все сходство заключается въ томъ, что здѣсь женщина, въ силу ортодоксальнаго богословскаго толкованія, является причиною всякихъ бѣдствій, какъ виновница первороднаго грѣха. Между тѣмъ, во многихъ мѣстахъ *Эвфуэса* встрѣчаются выраженія, несравненно болѣе близкія къ словамъ Гамлета. Если, наприм., Гамлетъ на вопросъ Офеліи, что онъ хочетъ сказать, отвѣчаетъ (III, 1): «То, что если ты добродѣтельна, такъ добродѣтель твоя не должна имѣть дѣла съ красотой», то въ *Эвфуэст* сказано совершенно одинаково: «Твоя покойная мать часто повторяла, что у тебя больше красоты, чѣмъ годится для женщины, которая должна быть добродѣтельна», и Ферардо говоритъ поэтому: «О, Лю-

пасторалей, сочиненныхъ для придворныхъ спектаклей. См. о немъ книгу Н. И. Сторожена: *Предшественники Шекспира*.

*) „Knowest thou not, Ferardo, that lyfe is the gifte of God, deathe the due o nature. As we receive the one as a benefitte, so must we abide the other of necesitie“ и т. д. (Развѣ ты не знаешь, Ферардо, что жизнь есть даръ Божій, смерть — дань природѣ? Принимая первую, какъ благодѣніе, мы должны претерпѣвать вторую по необходимости).

цилла, Люцилла, лучше бы ты была не такъ прекрасна!» Если Гамлетъ говорить о ничтожности женщинъ и ихъ способности развращать мужчинъ («Умные люди знаютъ хорошо, какихъ чудовищъ вы изъ насъ дѣлаете»), то въ *Эвфуэст* есть совершенно соотвѣтственныя обвиненія женщинъ въ лживости, ревности и непостоянствѣ (*I perceive they be rather woe unto men, by their falsehood, gelousie, inconstancie*) и въ томъ, что онѣ дѣйствуютъ вызывающимъ, развращающимъ образомъ (*you will be corasines: corrosives* *). Бейерсдорфъ несомнѣнно правъ и въ томъ утвержденіи, что въ словахъ Гамлета явственно слышенъ еще хитросплетенный стиль *Эвфуэса*, когда датскій принцъ, давъ Офеліи совѣтъ насчетъ того, чтобъ добродѣтель ея не имѣла дѣла съ ея красотой, продолжаетъ: «Красота скорѣе превратитъ добродѣтель въ распутство, чѣмъ добродѣтель сдѣлаетъ красоту себѣ подобной».

Въ *Гамлетѣ*, какъ и въ другихъ пьесахъ Шекспира, встрѣчаются слѣды особаго рода атомистически-материалистическаго ученія. Въ *Юлии Цезарѣ* Антоній въ заключительныхъ словахъ о Брутѣ буквально употребляетъ выраженіе: «Такъ были смѣшаны въ немъ элементы». Въ *Мѣрѣ за мѣру* сказано (III, 1):

«Не самобытна ты,
Но состоишь изъ тысячи атомовъ,
Изъ праха порожденныхъ» (перев. О. Б. Миллера).

Здѣсь Гамлетъ говорить (I, 2):

«О, еслибъ вы, души моей оковы,
Ты, крѣпко сплоченный составъ костей,
Испарился въ туманъ, ниспалъ росой!»

И къ Горацио (III, 2):

«И ты благословенъ: разсудокъ съ кровью
Въ тебѣ такъ смѣшаны»...

Мы уже касались вопроса, какъ далеко отстоитъ эта вѣра въ атомы если только можно здѣсь признать таковую, отъ идеалистическаго ученія Бруно о монадахъ. Но, по всей вѣроятности, въ приведенныхъ цитатахъ лишь отразилось общераспространенное во времена Шекспира воззрѣніе, что всѣ свойства темперамента зависятъ отъ смѣшенія соковъ. Въ этомъ какъ и во множествѣ другихъ пунктовъ, Шекспиръ болѣе близокъ къ натурѣ и менѣе напиканъ книжною наукой, болѣе наивенъ и менѣе метафизиченъ, чѣмъ хотѣли его сдѣлать ученые изслѣдователи.

Монтень и Лилли принадлежали къ числу писателей, усердно читавшихъ Шекспиромъ въ то время, какъ *Гамлетъ* началъ создаваться въ его душѣ. Но, разумѣется, онъ не ради *Гамлета* совѣщался съ ними. Радъ

*) *John Lyly: „Euphues. The Anatomy of Wit“*, изд. Ландманномъ, стр. 72.

Гамлета онъ совѣщался съ другими, но то были не книги, а люди и народъ, среди котораго онъ ежедневно вращался. Такъ какъ Гамлетъ былъ датчанинъ и судьба его завершилась въ далекой Даніи, имя которой пока еще не такъ часто произносилось въ Англии, какъ стало произноситься, благодаря браку новаго короля съ датскою принцессой, то у Шекспира возникло естественное желаніе навести справки объ этой малоизвѣстной странѣ и ея нравахъ.

Въ 1585 г. на сценѣ городской ратуши въ Гельсингёрѣ выступили англійскіе актеры, и такъ какъ мы имѣемъ основаніе думать, что ихъ труппа была та самая, которая въ слѣдующемъ году была опредѣлена ко двору, то среди ея членовъ должны были находиться три лица, принадлежавшихъ въ то время, какъ Шекспира начала занимать мысль о *Гамлетѣ*, къ его актерскому товариществу и, вѣроятно, къ его ближайшему кружку, именно Вильянь Келепъ, Джорджъ Брайенъ и Томасъ Попъ. Первый изъ нихъ, знаменитый клоунъ, состоялъ при труппѣ Шекспира отъ 1594 г. до марта 1602 г., когда онъ перешелъ на полугодовой срокъ въ товарищество Генсло; не позже 1594 г. туда перешли и оба другіе актера.

Очевидно, отъ этихъ своихъ товарищей, быть можетъ, одновременно и отъ другихъ англійскихъ актеровъ, игравшихъ въ 1596 г. въ Копенгагенѣ подъ режиссерствомъ Томаа Саквилля при коронаціи Христіана IV, Шекспиръ получилъ свѣдѣнія о различныхъ вопросахъ, касающихся Даніи. Прежде всего, о датскихъ именахъ, которыя хотя и исковерканы наборщиками въ различныхъ текстахъ *Гамлета*, но все же не до такой степени, чтобъ ихъ нельзя было легко узнать. Въ первомъ изданіи *in quarto* мы встрѣчаемъ имя *Rosencraft*, превратившееся во второмъ изданіи въ *Rosencraus*, а въ изданіи *in folio* въ *Rosincrane* и достаточно ясно показывающее, что оно есть старинное датское дворянское имя *Rosencrans*. Точно такимъ же образомъ мы видимъ въ трехъ изданіяхъ имя *Gülderstone*, *Guyldensterne* и *Guïldensterne*, въ которомъ узнаемъ датское *Gyldenstjerne*, а имя норвежскаго посланника *Voltemar*, *Voltemand*, *Valtemand*, *Vol-tumand*, это все искаженія датскаго *Valdemar*. Имя *Гертпуда* Шекспиръ тоже долженъ былъ узнать отъ своихъ товарищей, датское имя, потому что перемѣнилъ на него имя *Geruth* новеллы; во второмъ изданіи *in quatro* оно, вслѣдствіе опески, превратилось въ *Gertrad*.

Очевидно, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ товарищами, Шекспиръ и дѣйствіе въ *Гамлетѣ* перенесъ изъ Ютландіи въ Гельсингёръ (Эльсиноръ), который они посѣтили и затѣмъ описали ему. Поэтому ему извѣстенъ замокъ въ Гельсингёрѣ, законченный постройкой лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ, хотя онъ не упоминаетъ имя Кронборгъ.

Въ сценѣ, гдѣ Полоній подслушиваетъ за ковромъ (*the arras*) и гдѣ Гамлетъ, укоряя королеву въ ея преступленіи, указываетъ на портреты умершаго и царствующаго короля, хотѣли видѣть доказательство того, что Шекспиру была до нѣкоторой степени извѣстна внутренность замка. Эта

сцена часто играется такимъ образомъ, что Гамлетъ показываетъ матери висѣвшій у него на шеѣ портретъ отца въ миниатюрѣ, но слова въ драмѣ не оставляютъ никакого сомнѣнiя въ томъ, что Шекспиръ представлялъ себѣ стѣнные изображенiя во весь ростъ.

Между тѣмъ, отъ того времени сохранилось сдѣланное однимъ англiйскимъ путешественникомъ описанiе одной комнаты въ Бронборгѣ, гдѣ говорится: «Она увѣшана коврами изъ новой цвѣтной шелковой матерiи безъ золота, на которыхъ всѣ датскiе короли изображены въ старинныхъ костюмахъ, смотря по обычаю различныхъ временъ, съ своимъ оружиемъ и съ надписями, повѣствующими о всѣхъ ихъ завоеванiяхъ и побѣдахъ» *).

Шекспиръ могъ, слѣдовательно, слышать объ обстановкѣ этой комнаты, хотя это мало правдоподобно. Что Полонiй долженъ былъ подслушивать за ковромъ, подразумѣвалось само собой, а что въ королевскомъ замкѣ висѣли портреты королей, это естественно было предположить, не зная даже навѣрное, что такъ дѣйствительно было въ Дании.

За то, посылая Гамлета учиться въ Виттенбергъ, Шекспиръ, вѣроятно, выбралъ этотъ городъ на основанiи хорошо извѣстнаго ему факта, что Виттенбергскiй университетъ, котораго англiчане избѣгали, какъ лютеранскаго, былъ посѣщаемъ многими датчанами, и, заставляя въ первомъ и пятомъ актѣ сопровождать заздравные кубки игрою трубъ и пушечными выстрѣлами, онъ, безъ всякаго сомнѣнiя, зналъ, что это спеціально датскiй обычай, и введенiемъ его въ свою пьесу постарался придать ей мѣстный колоритъ. Въ то время, какъ Гамлетъ и его друзья ожидаютъ появленiя тѣни, раздаются звонъ трубъ и пушечные выстрѣлы. Горацио спрашиваетъ: «Что это значить, принцъ?» Гамлетъ отвѣчаетъ:

«Король всю ночь гуляетъ напролетъ,
Шутить и пѣть и мчится въ быстромъ вальсѣ.
Едва осушитъ онъ стаканъ рейнвейна,
Какъ слышенъ громъ и пушекъ, и литавръ,
Гремящихъ въ честь побѣды надъ виномъ».

Въ послѣдней сценѣ пьесы король согласно съ этимъ говорить:

«Дать мнѣ кубки; пусть труба литаврамъ,
Литавры пушкамъ, пушки небесамъ,
И небеса землѣ восславянуть хоромъ:
«Король за Гамлета здоровье пьетъ!»

Шекспиръ не устоялъ даже противъ желанiя показать, что ему вѣстна невоздержность датчанъ въ употребленiи крѣпкихъ напитковъ, протекающiе отсюда странные обычаи, ибо, какъ тонко замѣтилъ Шюллеръ для того, чтобы дать мѣсто въ пьесѣ своимъ свѣдѣнiямъ на этотъ счетъ

*) *New Shakspeare Society's Transactions*, 1874, стр. 513.

***) Сравни. *Schück*: „Englische komödianten in Skandinavien“, *Skandinavische Archiv*.

онъ долженъ былъ заставить уроженца Даніи, Гораціо, разспрашивать Гамлета, обычай ли это въ странѣ ознаменовывать каждый заздравный вубокъ трубами и пушками?

Въ отвѣтъ на его вопросъ Гамлетъ и говоритъ съ Гораціо, какъ съ иностранцемъ, объ этомъ обычаѣ и произноситъ глубокомысленныя слова, въ которыхъ высказываетъ сожалѣніе о томъ, что одинъ какой-нибудь недостатокъ можетъ погубить добрую славу какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго народа, и покрыть его имя позоромъ. Ибо очевидно, что эти обычаи, соблюдавшіеся на пирахъ, позорили датскій народъ въ глазахъ лучшихъ англичанъ. Нѣкто Вильямъ Сигоръ, главный герольдмейстеръ того времени, пишетъ въ своемъ дневникѣ, подъ датой 14 іюля 1603 г.: «Сегодня вечеромъ король (Даніи) взоселъ на англійскій корабль, гдѣ его ожидалъ банкетъ на верхней палубѣ, защищенной отъ солнца наметомъ изъ затканнаго серебромъ полотна. Каждый тостъ вызывалъ шесть, восемь или десять залповъ изъ тяжелыхъ орудій, такъ что за время пребыванія короля на кораблѣ было сдѣлано 160 выстрѣловъ». О праздникѣ, давномъ тѣмъ же королемъ въ честь англійскаго посланника, онъ пишетъ такъ: «Было бы излишне разсказывать о всѣхъ излишествахъ, которыя тутъ имѣли мѣсто, и тошно было бы слышать объ ихъ пьяныхъ застольныхъ рѣчахъ. Правы и обычаи ввели это въ моду, а мода сдѣлала это привычкой, подражать которой нашей націи не подобаетъ» *).

Рѣчь идетъ о королѣ Христіанѣ IV, которому въ то время было 26 лѣтъ. Три года спустя, когда онъ посѣтилъ англійскій дворъ, то этотъ послѣдній, бывший ранѣе вполне трезвымъ, успѣлъ заразиться тою невоздержностью, подражанія которой опасался для Англій почтенный авторъ дневника. Знатныя дамы стали наравнѣ съ мужчинами обнаруживать сильное пристрастіе къ вину. Гаррингтонъ (въ своихъ *Nugae Antiquae*, I, 340 и слѣд.) съ большимъ юморомъ описалъ празднества, въ которыхъ принималъ участіе датскій король. Онъ разсказываетъ, что послѣ обѣда было дано большое мимическое представленіе, называвшееся Соломоновымъ храмомъ. Предполагалось представить прибытіе царицы савской. Но, увы, дама, изображавшая царицу и готовившаяся преподнести ихъ величествамъ драгоцѣнныя дары, спотынулася на ступеняхъ, ведшихъ къ ихъ трону, опрокинула все, что у нея было въ рукахъ: вино, желе, сладкіе напитки, пирожки, приности,—на колѣни датскому королю, сама же повалилася прямо въ его объятія. Его попробовали обсушить. Онъ всталъ, чтобы начать танцы съ царицей савской, но упалъ передъ ней и его пришлось уложить на постель въ одномъ изъ внутреннихъ покоевъ. Праздникъ продолжался, но большинство присутствующихъ падало и оставалось лежать на полу.

Затѣмъ явились въ процессіи, богато разодѣтыя, Надежда, Вѣра и Любовь. Надежда заговорила первая, но не могла произнести свою рѣчь и удалилася, извинившись передъ королемъ; Вѣра ушла, шатаясь, одной только

*) *New Shakspere Society's Transactions*, 1874.

Любви удалось склонить колѣни передъ монархомъ, но когда она стала искать Надежду и Вѣру, то оказалось, что обѣ онѣ, мучимыя рвотой, лежать въ малой залѣ. Потомъ появилась Побѣда, но она торжествовала недолго,—ее должны были увести, какъ жалкую плѣнницу, и дать ей выспаться на крыльцѣ; подъ конецъ показался Миръ, начавшій весьма мирно набрасывать съ своей оливковой вѣтвью на тѣхъ, кто ради требованій приличія хотѣлъ его вывести.

Такимъ образомъ, пристрастіе къ вину и прославленіе пьянства, какъ чего-то благопристойнаго и заслуживающаго удивленія, Шекспиръ считалъ датскимъ національнымъ порокомъ. Ясно, однако, что здѣсь, какъ и въ другихъ пьесахъ, онъ отнюдь не имѣлъ въ виду дать прежде всего характеристику чужого народа.

Не специально-національныя черты интересуютъ его, а общечеловѣческія, и не за предѣлами Англій ищетъ онъ людей для своего Полонія, своего Горацио, своей Офеліи и своего Гамлета.

III.

Если мы попытались, какъ видѣлъ читатель, собрать изрядное количество историческаго и драматическаго матеріала, новеллистическихъ сюжетовъ, обрывковъ философіи, этнографическихъ свѣдѣній, которыми пользовался Шекспиръ, работая надъ своимъ *Гамлетомъ*, или которыхъ, безотчетно для него самого, носились въ это время въ его памяти, то этимъ, само собою разумѣется, мы не хотѣли сказать, что стимулъ къ этому произведенію былъ имъ полученъ извнѣ. Какъ мы уже упоминали, путемъ сочетанія внѣшнихъ впечатлѣній не можетъ, конечно, создаться ни одно поэтическое произведеніе, достойное быть названо бессмертнымъ.

Исходною точкою Шекспира былъ его внутренній порывъ, побудившій его заняться этимъ сюжетомъ, такъ что все, имѣвшее къ нему отношеніе, кристаллизовалось вокругъ него, и онъ могъ сказать вмѣстѣ съ Гёте:

«Когда я долго таскаю дрова и солому и тщетно пытаюсь согрѣться... подъ конецъ пламя въ одинъ мигъ вспыхиваетъ надъ собраннымъ топливомъ».

Вотъ это-то пламя и вспыхиваетъ передъ нами изъ Гамлета и такъ высоко взлетаетъ, такъ ярко горитъ, что и понынѣ привлекаетъ къ себѣ всѣ взоры.

Гамлетъ притворяется помѣшаннымъ, чтобы не возбуждать подозрѣній въ чловѣкѣ, убившемъ его отца и противузаконно завладѣвшемъ престоломъ, но среди этого мнимаго безумія онъ даетъ доказательства рѣдкаго ума, глубокаго чувства, необычайной тонкости, сатирической остроты, ироническаго превосходства, пророчливаго знанія людей.

Здѣсь была точка отправленія для Шекспира. Косвенная форма излѣній всегда манила его и прельщала; ею пользовались его клоуны и юмористы. Шутъ Оселокъ прибѣгаетъ къ ней и на ней же основано въ значительной

мёртвѣ безсмертное остроуміе сэра Джона Фальстафа. Мы видѣли, какъ за-видоваль Жакъ въ комедіи *Какъ вамъ это понравится* тѣмъ, кто смѣлъ говорить правду подъ маской фиглярства; мы помнимъ, съ какою тоской онъ вздыхалъ по свободѣ, чтобы «какъ вольный вѣтеръ» дуть на все, на что захочетъ; все честолюбіе *этого* человѣка, подъ грустью и желаніями котораго Шекспиръ скрывалъ свои собственныя, имѣлъ своимъ объектомъ неструю куртку шута. Шекспиръ восклицалъ его устами:

«Попробуйте напаялить на меня
Костюмъ шута, позвольте мнѣ свободно
Все говорить, и я ручаюсь вамъ,
Что вычищу совѣмъ желудокъ грязный
Испорченнаго міра».

(Переводъ П. И. Вейнберга).

Въ *Гамлетѣ* Шекспиръ накинулъ этотъ костюмъ на свои плечи, онъ чувствовалъ въ себѣ способность заставить Гамлета подъ формой кажущагося безумія говорить горькія и ѣдкія истины, и говорить ихъ такимъ образомъ, который забудется не скоро. Задача была благодарная, ибо всякая серьезная мысль дѣйствуетъ тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ болѣе она звучитъ, какъ шутка или безсвязная рѣчь; всякая мудрость становится вдвое мудрѣе, когда ее бросаютъ непритязательно, какъ бредъ помѣшаннаго, вмѣсто того, чтобы педантически провозглашать ее, какъ плодъ разсужденія и опыта. Задача, для всякаго трудная, для Шекспира была лишь заманчива; здѣсь,—чего ни разу до него не удалось еще сдѣлать поэту,—предстояло начертать образъ генія; Шекспиру не далеко было искать модели, и все гениальное должно было подѣйствовать съ удвоенною силой, если бы геній надѣлъ на себя маску безумія и поочередно то говорилъ бы черезъ нее, то сбрасывалъ бы ее во взволнованныхъ монологахъ.

Шекспиръ не имѣлъ нужды дѣлать поэтическія усилія для того, чтобы превратиться въ Гамлета. Наоборотъ, въ эту душевную жизнь Гамлета какъ бы само собой перелилось все то, что въ послѣдніе годы наполняло его сердце и кипѣло въ его мозгу. Этотъ образъ онъ могъ напоить завѣтною кровью своего сердца, могъ передать ему біеніе пульса въ своихъ собственныхъ жилахъ. За челою его онъ могъ затаить собственную меланхолю, на языкъ его могъ положить свое собственное остроуміе, его глаза могъ заставить свѣтиться и сверкать лучами собственнаго духа.

Правда, внѣшняя судьба Гамлета и его не была одинакова. Онъ лился отца не путемъ убійства; его мать не поступила недостойнымъ образомъ. Но, вѣдь, это внѣшнее были лишь знаки, лишь символы. Все онъ и режилъ такъ же, какъ Гамлетъ, все! Отецъ Гамлета былъ убитъ и мѣсто его занято братомъ; это значило, что существо, которое онъ ставилъ всего выше и которому былъ больше всѣхъ обязанъ, пало жертвой злобы и измны, было забыто такъ же быстро, какъ самое ничтожное созданіе, и бзсвѣстно замѣнено другимъ. Какъ часто самъ онъ былъ свидѣтелемъ

того, какъ жалкое ничтожество свергало величіе и занимало его мѣсто! Мать Гамлета вступила въ бракъ съ убійцей—это значило, что то, что онъ долгое время чтить и любилъ, передъ тѣмъ склонился, какъ передъ святыней, — святыней, какою мать является для сына, то, на чемъ онъ не потерпѣлъ бы ни одного пятна, предстало передъ нимъ въ одинъ злосчастный день нечистымъ, оскверненнымъ, легкомысленнымъ, быть можетъ, преступнымъ. Какое ужасное впечатлѣніе долженъ былъ вынести онъ самъ, когда открылъ впервые, что даже то, что онъ чтить, какъ самое совершенное на свѣтѣ, не удержалось на своей высотѣ, когда впервые увидалъ и понималъ, что то, изъ чего онъ создалъ идеаль свою благоговѣйную любовь, низвергло въ прахъ съ своего пьедестала!

И развѣ это впечатлѣніе, потрясшее Гамлета, не было то же самое чувство, которое всякій юноша съ благородными задатками, впервые видящій свѣтъ, какъ онъ есть, выражаетъ въ этихъ краткихъ словахъ: «Увы, я не такую представлялъ себѣ жизнь!»

Смерть отца, непристойная поспѣшность, съ какою мать вступила вторично въ бракъ, и ея возможное преступленіе, вѣдь, все это были факты, сдѣлавшіеся для юноши симптомами дрянности человѣческой природы и несправедливости жизни, лишь единичные случаи, черезъ произвольное обобщеніе которыхъ онъ пришелъ къ представленію объ ужасныхъ возможностяхъ, вмѣщаемыхъ въ себѣ существованіемъ, о гнусныхъ неожиданностяхъ, которыя готовить намъ жизнь, — лишь поводъ къ тому, чтобы внезапно исчезъ тотъ розовый свѣтъ, въ которомъ рапѣе все рисовалось глазамъ молодого принца, такъ что земля показалась ему пустынной, небо зачумленнымъ, и онъ сразу утратилъ всю свою веселость.

Но такой именно кризисъ, приведшій къ уtratѣ веселости, Шекспиръ и пережилъ еще такъ недавно. Покровителей своей молодости онъ потерялъ за годъ передъ тѣмъ *). Женщина, которую онъ любилъ и на которую взиралъ, какъ на существо утонченное и высшее, внезапно явилась передъ нимъ безсердечною, вѣроломною блудницей **). Другъ, предъ которымъ онъ преклонялся, котораго любилъ и боготворилъ, въ одинъ злосчастный день сговорился противъ него съ тою женщиною, насмѣялся надъ нимъ въ ея объятіяхъ, обманулъ его довѣріе и холодно отъ него отстранился ***). Даже надежда стяжать вѣнецъ поэта померкла для него. Да, нѣтъ сомнѣнія, что и онъ видѣлъ крушеніе своихъ иллюзій, видѣлъ гибель своего взгляда на жизнь.

*) Графъ Эссексъ, фаворитъ королевы Елизаветы, погибъ въ 1601 г. на эшафотѣ, а его родственникъ, графъ Саутамптонъ, въ томъ же году былъ заключенъ въ Тоуэръ по обвиненію въ соучастіи съ Эссексомъ въ поднятій мятежа на улицахъ Лондона. Саутамптону Шекспиръ посвятилъ свои поэмы: *Венера и Адонисъ* и *Лукреція*.

***) Мери Фиттонъ, одна изъ придворныхъ дамъ королевы Елизаветы, воспѣтая Шекспиромъ подъ именемъ смуглой красавицы (dark lady) во второй группѣ его сонетовъ, стр. 127—152.

***) Вильямъ Гербертъ, графъ Пемброкъ, къ которому Шекспиръ обращается въ первой группѣ своихъ сонетовъ. *Прим. перев.*

Тогда, ошеломленный ударомъ, онъ былъ въ первыя минуты мягокъ, казался беззащитенъ; онъ не язвилъ своими словами, весь былъ кротость и печаль. Но въ этомъ сказывалась не вся его природа, и даже не самая глубь его природы. Въ сокровенной глубинѣ ея онъ былъ сила, грозная сила. Вооруженный, какъ никто другой, отважный и насмѣшливый, гнѣвный и остроумный, онъ стоялъ высоко надъ ними всѣми и былъ безконечно могучѣ своей судьбы. Какъ ни глубоко вели они свои подкопы, онъ подводилъ подъ нихъ другой, аршиномъ глубже. Много униженій претерпѣлъ онъ. Но возмездіе, котораго онъ не имѣлъ возможности добиться въ жизни, онъ могъ получить теперь *incognito*, черезъ обличительныя и бичующія слова Гамлета.

Много зналъ онъ знатныхъ господъ, обходившихся по-княжески съ художниками, съ актерами, которыхъ общественное мнѣніе не умѣло цѣнить. Теперь онъ самъ захотѣлъ быть знатнымъ господиномъ, чтобы показать, какъ истинно-княжескій умъ обходился съ бѣдными артистами, чтобы вложить въ его уста свои собственныя мысли объ искусствѣ и свое представление объ его достоинствѣ и значеніи.

Онъ слился съ Гамлетомъ; онъ чувствовалъ, какъ онъ; онъ привлекъ его къ себѣ и воспринялъ его въ себя до такой степени, что порою, когда онъ вкладывалъ ему въ уста самыя вѣскія мысли, какъ въ знаменитомъ монологѣ «быть или не быть», то заставлялъ его думать не какъ принца, а какъ подданнаго, со всею горечью и страстностью, которыя развиваются у того, кто видитъ вокругъ себя господство грубости и глупости. Такимъ образомъ, онъ заставилъ Гамлета сказать:

«Кто снесъ бы бить и посмѣянье вѣка,
 Безсилъе правъ, тирановъ притѣсненіе,
 Обиды юрдаю, забытую любовь,
 Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ,
 Когда бы могъ насъ подарить покоемъ
 Одинъ ударъ?»

Всякій видитъ, что это прочувствовано и продумано снизу вверхъ, а не наоборотъ, и что эти слова невѣроятны, почти невозможны въ устахъ принца. Но это настроенія и мысли, которыя Шекспиръ еще недавно выразилъ отъ своего собственнаго имени въ 66 сонетѣ:

«Въ усталости моей я жажду лишь покоя!
 Какъ видѣть тяжело достойныхъ въ нищетѣ,
 Ничтожество—въ тиши вѣшающимъ благое,
 Измѣну всѣхъ надеждъ, обманъ—въ святой мечтѣ,
 Почетъ среди толпы, присвоенный неправо,
 Дѣвическую честь, растоптанную въ прахъ,
 Клянящуюся мощь предъ рокомъ величаво,
 Искусство, свой огонь влачащее въ цѣпяхъ,

Низвергнутое въ грязь прямое совершенство,
 Ученость предъ судомъ надменнаго осла,
 Правдивость, простотѣ сулимую въ блаженство,
 И доброту души въ служеніи у зла!
 Всѣмъ этимъ утомленъ, я бредилъ бы могилой,
 Когда бы не пришлось тогда проститься съ милой».

(Перев. Гербеля).

Свѣтлое міросозерцаніе его юности было разбито; онъ видѣлъ силу злобы, власть глупости, видѣлъ низость вознесенною на высоту, а истинныя заслуги обойденными. Существованіе показало ему свою обратную сторону. Какой горькій опытъ жизни онъ прошелъ! Какъ часто въ минувшемъ году приходилось ему восклицать вмѣстѣ съ Гамлетомъ въ его первомъ монологѣ: «Ничтожность, женщина, твое названье!» И какъ глубоко позналъ онъ эту истину: «Не пускай ее на солнце. Плодородіе благодатно, но если такая благодать достанется въ удѣлъ твоей дочери» и т. д. До того дошелъ онъ, наконецъ, что, «всѣмъ утомленный», онъ находилъ ужаснымъ, что такая жизнь продолжается изъ рода въ родъ, что постоянно появляются новыя и новыя поколѣнія негодныхъ людей:

«Ступай въ монастырь! Зачѣмъ рождать на свѣтъ грѣшниковъ?»

Придворная жизнь, которую онъ мелькомъ видѣлъ, связи съ дворомъ, которыя онъ имѣлъ, извѣстія о придворныхъ, обходившія весь Лондонъ, показали ему правду, заключающуюся въ этихъ стихахъ:

«Cog, He, flatter and face—
 Four ways in Court to win men grace».

(Обманывать, лгать, льстить и лицемерить — вотъ четыре способа для людей войти въ милость при дворѣ) *).

При дворѣ созрѣвали чистѣйшіе типы преступниковъ, какъ Лейстеръ и Клавдій.

Что дѣлали при этомъ дворѣ, кромѣ угожденія сильнымъ міра, что преуспѣвало тамъ, кромѣ многословной морали, шпіонства другъ за другомъ, поддѣльнаго остроумія, дѣйствительнаго двоедушія, постоянной безпринципности, вѣчнаго лицемерія? Чѣмъ были эти сильные міра, какъ не льстецами и прислужниками, не знавшими другого дѣла, какъ безпрестанно повертываться, подобно флюгеру, въ сторону вѣтра? И Полоній, и Озрикъ, Розенкранцъ и Гильденштернъ создались въ фантазіи Шекспира. Гнуть спину они умѣли, умѣли говорить красивыя фразы, всѣ они были членами великаго синклита всегда и во всемъ подакивающихъ людей. Но гдѣ же были люди просто честные? «Быть честнымъ значить, какъ ведется на этомъ свѣтѣ, быть избраннымъ изъ десяти тысячъ».

Но датскій дворъ былъ лишь картиною всей Даніи, — той Даніи, гдѣ

*) Изъ стихотворенія поэта Елизаветянскаго времени, Роджера Ашма. *Пр и. перев.*

«нечисто что-то», и которая для Гамлета представляется тюрьмой. «Такъ и весь свѣтъ тюрьма»,—говорить Розенкранцъ. И Гамлетъ не отступаетъ передъ логическимъ выводомъ: «Превосходная. Въ ней много ямъ, каморокъ и конурокъ».

Высшій свѣтъ въ *Гамлетъ* есть картина свѣтлая вообще.

Но если таковъ свѣтъ, если чистая и царственная натура такъ поставлена, такъ окружена въ свѣтъ, то неизбежно поднимаются великіе, не находящіе отвѣта вопросы: «Какъ?» и «Почему?» Вопросъ объ отношеніи между добрыми и злыми въ этомъ мірѣ съ его неразрѣшенной загадкой приводитъ къ вопросу о міровомъ равновѣсіи, о царшей надъ людьми справедливости, объ отношеніи между міромъ и Божествомъ. И мысль,—мысль Гамлета, какъ и Шекспира,—стучится въ замкнутыя врата тайны.

В. С.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Водное законодательство и право въ Россіи.

Русское водное законодательство сдѣлало за послѣднее время весьма значительные успѣхи. 3 декабря 1890 года былъ изданъ законъ о пользованіи водами для орошенія въ Закавказьи, а въ концѣ прошлаго 1894 года въ г. Симферополѣ происходили засѣданія особаго совѣщанія, организованнаго г. министромъ земледѣлія изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и представителей изъ разныхъ вѣдомствъ для выработки законопроекта о пользованіи водами Крымскаго полуострова. Въ газетахъ было сообщено недавно, что въ министерствѣ земледѣлія разрабатывается въ настоящее время и общее для имперіи водное законодательство. И давно пора. Съ полнымъ правомъ можно утверждать, что водное право есть одно изъ наименѣе разработанныхъ областей нашего свода. Ни общіе принципы этого права, ни отдѣльныя постановленія его, разбросанныя въ разныхъ частяхъ свода, не представляются сколько-нибудь опредѣлительными и ясными. Самостоятельнаго бытія это право у насъ не имѣетъ: вода разсматривается въ нашемъ законодательствѣ только какъ *принадлежность* земель и даже дѣленіе водъ на государственныя и частныя не проведено въ сводѣ съ достаточною ясностью и опредѣлительностью.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на тѣхъ постановленіяхъ свода, въ которыхъ рѣчь идетъ о такъ называемомъ правѣ участія общаго по отношенію къ водѣ. Ограничимся лишь замѣчаніемъ, что разбросанныя и не-систематизированныя постановленія эти давно уже не удовлетворяютъ существующимъ условіямъ товарнаго движенія и въ особенности условіямъ сплава продуктовъ лѣсного хозяйства и вызываютъ справедливыя жалобы всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ, съ одной стороны, и безконечное число судебныхъ дѣлъ—съ другой.

Судоходство и сплавъ—вотъ единственныя основанія, ради которыхъ общее законодательство наше признаетъ за нѣкоторыми водами характеръ публичный. Другого общественнаго характера въ водномъ правѣ наше законодательство не признаетъ. Такъ, право водопоя изъ рѣкъ можетъ быть лишь выведено изъ одной статьи X тома *), въ которой говорится не о

*) Статья 451.

водою собственно, а лишь о дорогѣ къ нему. Право же пользоваться водою, кому бы онъ ни принадлежалъ, имѣютъ у насъ только одни держатели вольныхъ почтъ *)). Постановленія положенія о крестьянахъ 19 февраля 1861 года, согласно которымъ крестьяне степной полосы имѣли право пользоваться помѣщичьимъ и, наоборотъ, помѣщичьимъ—крестьянскимъ въ случаѣ, если бы тотъ или другой водою высохли бы, имѣли силу только въ продолженіе 9 лѣтъ послѣ изданія положенія и въ настоящее время представляютъ изъ себя только историческое воспоминаніе, очень близко затрогивающее, однако, интересы населенія южной части Россіи.

Еще болѣе бѣдно наше законодательство, регулирующее отношеніе владѣльцевъ въ пользованіи водою въ качествѣ механическаго двигателя. «Рѣки наши обставлены мельницами не одинаковой силы и конструкціи; на каждой мельницѣ требуется извѣстный уровень воды, необходимый для того, чтобъ она могла дѣйствовать. Между мельниками-сосѣдями необходимо соглашеніе по этому предмету, но такого соглашенія никогда не бываетъ» **). Цитируемый авторъ яркими красками рисуетъ далѣе безпомощное положеніе какъ владѣльцевъ, такъ и судовъ, въ которые принуждены обращаться первые для разрѣшенія споровъ о пользованіи водою, и справедливо замѣчаетъ, что къ естественнымъ причинамъ, въ зависимости отъ которыхъ уровень воды въ рѣкахъ постоянно измѣняется, присоединяются еще также причины искусственныя: поднятіе воды посредствомъ механическихъ построекъ и перестроекъ, которыя дѣлаются болѣею частью произвольно, внѣ всякаго контроля, иногда скрытно и притворно. Для того, чтобы распознать въ каждомъ случаѣ всѣ эти причины и опредѣлить, которая изъ нихъ и въ какой мѣрѣ должна быть признана рѣшительною,— для этого требуется, кромѣ близкаго знакомства съ мѣстностью, съ природою рѣки и береговъ ея, еще и техническое знаніе, требуется своевременность въ изслѣдованія, которое должно быть произведено именно въ ту минуту и при тѣхъ естественныхъ условіяхъ, при которыхъ произошло явленіе, подавшее поводъ къ тяжбѣ. Прошла эта минута, произошли какія-либо измѣненія въ погодѣ ли, въ конструкціи ли заводскаго механизма,— весь вопросъ получаетъ совершенно другой видъ сравнительно съ тѣмъ, какой онъ имѣлъ при своемъ возникновеніи, и едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ возникаетъ новое производство о водѣ и подтопѣ, начинается вновь изслѣдованіе; дѣло снова восходитъ въ судъ, несмотря на окончательное рѣшеніе и на тѣ заорленные столбы, которые ставятся для означенія нормальнаго уровня воды: случается, что и эти указатели водяного права измѣняютъ свой видъ такъ же незамѣтно, какъ измѣняется конструкція механизма» ***). Скудость и неполнота дѣйствующаго законодательства, касающагося воды, какъ дѣятеля механическаго, вполне объясняетъ причины такого печальнаго положенія вещей. Все наше «мельничное» законо-

*) Ст. 254. уст. почтоваго.

**) К. П. Побѣдоносцевъ: „Курсъ гражд. права“. Изд. 3-е., стр. 454.

***) Ibid., стр. 407.

дательство исчерпывается, собственно говоря, только одною (442) статьей X тома о мельничныхъ запрудахъ и примыканіи плотинъ къ чужому берегу.

Цѣлый рядъ другихъ статей свода повторяютъ названную, а постановленія X тома о спускѣ воды во время прохода каравановъ на мельницахъ, лежащихъ въ районѣ вышневолоцкой системы и моршанской и орловской судуходныхъ дистанцій *), не устанавливаютъ какого-либо общаго принципа, хотя и подчиняютъ интересъ болѣе частный—мельниковъ—болѣе общему—интересу торговаго движенія страны. Вотъ и все наше общее законодательство о водѣ. Вопросы о пользованіи ею при осушеніи и орошеніи земель въ немъ даже не затронуты, хотя жизнь все болѣе и болѣе выдвигаетъ ихъ.

Въ послѣднее время у насъ начались усиленныя работы по осушенію и орошенію земель, укрѣпленію овраговъ, устройству запрудъ и другихъ сооружений для задержки зимней и весенней влаги. Во всѣхъ работахъ подобнаго рода приходится сталкиваться съ тѣмъ или инымъ вопросомъ воднаго права, и отсутствіе какихъ бы то ни было законодательныхъ постановленій по этому поводу служить большимъ тормазомъ для развитія этихъ меліораций. Ограничусь однимъ примѣромъ. Въ Черниговской губерніи есть громадное болото, извѣстное подъ названіемъ «Трубайло», занимающее нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ въ Козелецкомъ и Остерскомъ уѣздахъ этой губерніи и въ Переяславскомъ уѣздѣ Полтавской. Исслѣдованія такъ называемой западной экспедиціи по осушкѣ болота обнаружили, что для осушенія «Трубайла» нужно, прежде всего, провести магистральную канаву длиною въ 37 верстъ, причѣмъ канава эта на протяженіи 27 верстъ должна идти по территоріи Черниговской, а 10 верстъ по территоріи Полтавской губерніи. Инициативу по осушкѣ этого болота взяло на себя черниговское земство и съ самаго начала встрѣтилось съ цѣлымъ рядомъ препятствій. Переяславское земство, равно какъ и частныя лица этого уѣзда, въ предѣлахъ владѣній которыхъ должна пройти магистральная канава, отказались вступить въ какія бы то ни было соглашенія по этому поводу съ черниговскимъ земствомъ. «Сдѣланныя въ этомъ направленіи попытки не привели пока и, вѣроятно, не приведутъ ни къ какимъ результатамъ», — сообщаетъ намъ г. предсѣдатель черниговской управы. Тѣмъ не менѣе, черниговское земство рѣшилось начать работы по проведенію магистральнаго канала не позднѣе нынѣшняго лѣта. «Съ проведеніемъ этого канала, — говоритъ пояснительная записка къ проекту осушенія, составленная инженерами западной экспедиціи, — идущая по каналу болотная вода, достигнувъ Полтавской губерніи, встрѣтитъ здѣсь вертикальную стѣнку болота, преграждающую ей путь, выступить изъ береговъ канала и разливомъ по поверхности болота будетъ стекать внизъ, благодаря естественному уклону къ югу, доказанному точною нивелировкой этого болота въ

*) Т. X, ст. 439 по прод. 1876 г.; т. XII уст. пут. сообщ., ст. 44 (прилож. II, ст. 13, и прил. IV, ст. 9).

предѣлахъ Полтавской губерніи. Дѣйствіе этой стѣнки внизу канала будетъ выражаться подпоромъ воды въ устьѣ канала на высоту, равную глубинѣ его, вслѣдствіе чего самая южная часть черниговскаго «Трубайла» не испытаетъ пользы осушенія до тѣхъ поръ, пока не будетъ продолженъ магистраль въ Полтавскую губ., по крайней мѣрѣ, на длину до 10 верстъ. Сѣверная же часть Переяславскаго уѣзда должна будетъ испытать временное, до уплотненія торфяного покрова на осушаемомъ пространствѣ, но усиленное затопленіе водами черниговскаго Трубайла». Такъ говорятъ техники. Предположимъ на одну минуту, что черниговскому земству, въ лицѣ губернской управы, удастся убѣдить въ пользѣ осушенія всѣхъ владѣльцевъ черниговскаго «Трубайла» и въ предѣлахъ своей губерніи оно не встрѣтитъ сопротивленія среди частныхъ владѣльцевъ своему благу начинанію. Магистральный каналъ будетъ доведенъ до границы Полтавской губерніи, вода, какъ предсказываютъ техники, выступитъ изъ береговъ канала, и врядь ли можно сомнѣваться въ томъ, что всѣ владѣльцы, земли которыхъ окажутся затопленными, предъявятъ иски о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные имъ этимъ подтопомъ. Предвидитъ ли эти иски черниговское земство и какъ думаетъ оно отвѣчать на нихъ, мы не знаемъ.

«Трубайло», по словамъ г. предсѣдателя черниговской управы, представляетъ изъ себя счастливое исключеніе въ томъ отношеніи, что владѣльцы его довольно легко вступаютъ въ соглашеніе съ управой относительно условій производства работъ по осушенію, возмѣщенію расходовъ и т. д. Но, кромѣ «Трубайла», въ Черниговской губерніи есть много другихъ болотъ *), уже изслѣдованныхъ по порученію земства западною экспедиціей и, притомъ, расположенныхъ въ южныхъ уѣздахъ губерніи, отличающейся хорошимъ качествомъ почвы и густою населенностью. Осушеніе ихъ является не только желательнымъ, а прямо необходимымъ въ видахъ поднятія благосостоянія населенія. «Между тѣмъ, — сообщаетъ г. предсѣдатель управы, — достигнуть соглашенія съ каждымъ изъ многочисленныхъ владѣльцевъ отдѣльнаго болотнаго бассейна на возмѣщеніе расходовъ по осушенію является дѣломъ въ высшей степени затруднительнымъ и почти невозможнымъ».

Черниговское земство вступаетъ съ владѣльцами осушаемыхъ болотъ въ особые договоры. Такихъ договоровъ оно заключило до настоящаго времени болѣе двухсотъ. Изученіе этихъ договоровъ, въ связи съ постановленіями черниговскаго губернскаго земскаго собранія 13 декабря 1893 года о выдачѣ ссудъ на осушеніе болотъ, приводитъ къ довольно интереснымъ выводамъ и потому мы остановимся на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Особаго капитала для выдачи ссудъ по меліорациі черниговское земство не имѣетъ. Губернское собраніе ежегодно, въ очередной сессіи, разрѣшаетъ губернской управѣ заимствовать на этотъ предметъ определен-

---

Общая площадь болотъ въ губерніи равна приблизительно 2.000,000 десятинъ, изъ которыхъ около 40,000 поемныхъ.

ную сумму изъ капиталовъ запаснаго или страховаго. На 1884 годъ, на примѣръ, такой кредитъ былъ разрѣшенъ собраніемъ въ суммѣ 50 тыс. р. Отдѣльные лица и «общества» всѣхъ сословіи землевладѣльцевъ, желая осушить имѣющіяся у нихъ земли, представляютъ въ губернскую управу установленныя свѣдѣнія, надлежащимъ образомъ удостовѣренныя, о количествѣ имѣющейся у нихъ земли, о платежахъ, лежащихъ на ней, о суммѣ долговъ, лежащихъ на имѣніи, о количествѣ земель, подлежащихъ осушенію, и т. д., и управа, имѣя въ рукахъ всѣ эти свѣдѣнія, разрѣшаетъ ссуду и опредѣляетъ ея размѣръ. «Ссуды» выдавались изъ 6% годовыхъ, и, согласно одному изъ правилъ объ ихъ выдачѣ, «желающій получить ссуду долженъ согласиться на непосредственное вѣдѣніе и руководство губернской управы» при выполненіи осушительныхъ работъ въ его имѣніи. Текстъ договоровъ, заключаемыхъ губернской управой съ отдѣльными владѣльцами или обществами (крестьянскими), поясняетъ, въ чемъ заключается непосредственное вѣдѣніе и руководство губернской управы: «Практическое осуществленіе осушенія моихъ земель, — говорится здѣсь, — предоставляю губернской земской управѣ и безъ ея указаній обязываюсь не дѣлать осушительныхъ работъ. На случай, если понадобятся для дополнительныхъ осушительныхъ работъ издержки, превышающія предварительно исчисленную губернской управой сумму, то причитающуюся на мою долю часть издержекъ обязываюсь уплатить губернской управѣ въ теченіе шести лѣтъ, съ уплатою (установленныхъ) процентовъ». Такимъ образомъ, оказывается, что земство никакихъ «ссудъ» на руки землевладѣльцамъ не выдаетъ и является не кредиторомъ, а подрядчикомъ, производящимъ осушительныя работы за свой счетъ и страхъ, подъ условіемъ возмѣщенія ему издержекъ, рассчитанныхъ по числу десятинъ земли, подлежащихъ осушенію, въ продолженіе шести лѣтъ и съ условіемъ ежегодной уплаты ему не менѣе одной шестой части капитальной суммы *) и причитающихся процентовъ.

Можно сдѣлать очень много возраженій противъ системы, принятой черниговскимъ земствомъ при организаціи дѣла осушенія земель, и изъ нихъ главное, что при этой системѣ сами владѣльцы остаются какъ бы пассивными зрителями, совершенно не участвующими во всѣхъ расчетахъ, хозяйственныхъ и административныхъ соображеніяхъ, необходимо возникающихъ во всякомъ предпріятіи такого рода. Съ другой стороны, земство имѣетъ дѣло не со всѣми участниками осушенія, не съ добровольнымъ или принудительнымъ товариществомъ ихъ, какъ то практикуется въ западно-европейскихъ странахъ, а съ каждымъ владѣльцемъ въ отдѣльности. Въ результатъ этого оно и принуждено не давать ссуды, а брать на себя подряды по осушкѣ земель, и, притомъ, подряды весьма рискованные: незначеніе хотя бы одного изъ участниковъ допустить на земляхъ, принадлежащихъ ему, проведеніе осушительной канавы можетъ погубить все дѣло.

Въ договорахъ, заключаемыхъ губернской управой съ отдѣльными вл-

*) Эта сумма не можетъ быть болѣе 6 руб. на десятину осушаемой площади.

дѣльцами осушаемыхъ болотъ, перечислены слѣдующія обязательства, которыя, кромѣ уплаты указанныхъ выше взносовъ, берутъ на себя эти послѣдніе. Они обязываются: 1) Не препятствовать производству на ихъ земляхъ осушительныхъ работъ, т.-е. проведенію новыхъ канавъ, углубленію и уширенію существующихъ, устройству шлюзовъ и проч. 2) Охранять пролегающія по ихъ землямъ канавы отъ засоренія и очищать засоренныя для свободнаго протока воды. 3) Не устраивать въ канавахъ никакихъ запрудъ для ловли рыбы. 4) Не загачивать канавъ для проѣздовъ и перегона скота, а устраивать черезъ канавы съ досчатымъ настиломъ мостики, съ пролетами во всю ширину канавъ. 5) При необходимости устройства дополнительныхъ боковыхъ канавъ, впускать ихъ въ магистраль только въ пунктахъ, указанныхъ губернскимъ земскимъ техникомъ, и 6) не препятствовать проведенію дополнительныхъ канавъ черезъ ихъ земли, если со-сѣднимъ владѣльцамъ это потребуется для лучшей осушки ихъ участковъ и на проведеніе такихъ канавъ согласится губернская управа. Всѣ эти обязательства имѣютъ очень большой техническій смыслъ, если можно такъ выразиться. Въ самомъ дѣлѣ, безъ исполненія ихъ нельзя разсчитывать на успѣшные результаты произведенныхъ затратъ. Но, при настоящемъ состояніи нашего воднаго законодательства, они имѣютъ очень небольшое юридическое значеніе. Черниговское земство думаетъ гарантировать исполненіе этихъ обязательствъ слѣдующими двумя правилами: «Если,—говорится въ п. 7-мъ договора,—владѣльцемъ будутъ нарушены приведенныя выше обязательства и на исправленіе нарушенныхъ по его винѣ сооружений потребуются денежныя расходы, то онъ обязывается возмѣстить такіе расходы по предъявленному ему счету, независимо отъ исполненія принятыхъ имъ на себя обязательствъ». Кромѣ того, согласно п. 8-го, «при продажѣ владѣльцемъ земель, осушаемыхъ съ участіемъ губернскаго земства, или приобрѣтеніи подобныхъ, онъ обязывается принятое на себя обязательство передать формальнымъ актомъ покупателю, во второмъ же случаѣ соответственное обязательство принять на себя». Эти постановленія врядъ ли помогутъ дѣлу. Стоитъ спросить себя, въ чемъ будетъ заключаться искъ, предъявленный къ владѣльцу орошенныхъ земель губернской управой въ случаѣ нарушенія имъ принятыхъ на себя обязательствъ? Онъ можетъ заключаться въ требованіи исполненія обязательства и возмѣщенія вреда и убытковъ, происходящихъ отъ его нарушенія. Но какъ опредѣлить и доказать сумму иска, какъ слѣдить за исполненіемъ всѣхъ этихъ обязательствъ при отсутствіи надзора, въ особенности въ виду господства въ край краткосрочныхъ земельныхъ арендъ,—системы, которая, можно сказать, совершенно игнорируетъ будущее и живетъ только настоящимъ? Далѣе: какой смыслъ имѣетъ договоръ, заключенный не крѣпостнымъ порядкомъ, объ усюженіи сервитута прохода канавъ въ пользу сосѣднихъ владѣльцевъ, какъ то установлено въ изучаемомъ нами документѣ? Не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что никакой судъ, стоя на почвѣ дѣйствующаго права, не признаетъ юридической силы такого обязательства.

Замѣтимъ въ заключеніе, что по смыслу какъ «правиль», такъ и «договоровъ» черниговскаго земства взаимныя обязательства между послѣднимъ и владѣльцами оканчиваются съ окончаніемъ работъ по осушенію, съ одной стороны, и съ уплатою издержекъ по осушенію—съ другой; это произойдетъ черезъ 6 лѣтъ, ибо этотъ срокъ есть максимумъ, въ теченіе котораго должны быть возвращены всѣ выданныя губернскою управою ссуды или, правильнѣе сказать, всѣ сдѣланныя ею затраты. А что будетъ черезъ 6 лѣтъ? Неужели всѣ сооруженія по осушенію, требующія самаго бдительнаго надзора и большого техническаго знанія, будутъ предоставлены полному и безконтрольному распоряженію каждаго отдѣльнаго владѣльца? На это мы не находимъ отвѣта въ изучаемыхъ документахъ и думаемъ, что до тѣхъ поръ, пока законодательство не придетъ на помощь для разрѣшенія поставленныхъ выше вопросовъ, всякая затрата на производство меліораций, подобныхъ осушенію, представляется опасною какъ для частныхъ лицъ, такъ и для исполненныхъ благихъ намѣреній земствъ.

Таково положеніе воднаго вопроса въ коренной Россіи. Гораздо сложнѣе обстоитъ дѣло на ея окраинахъ—въ Закавказьи, Крыму и Туркестанѣ. О послѣднемъ, впрочемъ, мы теперь говорить не будемъ. Въ восточномъ Закавказьи осадковъ почти повсемѣстно выпадаетъ такъ мало, что земледѣліе безъ искусственнаго орошенія здѣсь невымыслимо. Единственнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи являются на крайнемъ юго-востоку Закавказья восточные склоны Тальшинскихъ горъ, гдѣ влаги выпадаетъ лишь немногимъ менѣе, чѣмъ въ западномъ Закавказьи. Для питанія оросительныхъ каналовъ края служатъ какъ главные рѣки края—Кура и ея притокъ Араксъ, такъ и множество второстепенныхъ притоковъ этихъ рѣкъ, а также рѣчки и ручьи, стекающіе съ горъ. Въ бассейнахъ Куры и Аракса въ теченіе ирригаціоннаго періода (съ марта по октябрь) расходуется отъ 50 до 55 куб. саж. воды въ секунду: изъ этого количества 87,1% даютъ рѣчки и ручьи, 10,4%—родники и болота и 1,5%—подпочвенная вода, выведенная подземными каналами (кяризь). Площадь всѣхъ орошенныхъ земель въ восточномъ Закавказьи равняется приблизительно 1 милліону десятинъ, что составляетъ лишь половину всего пространства, которое можно оросить, подъ условіемъ устройства новыхъ ирригаціонныхъ системъ. Обширныя безводныя равнины (степи Муганская, Мильская и т. п.) могутъ служить прекраснымъ полемъ для такихъ работъ, тѣмъ болѣе, что существующіе въ этихъ степяхъ остатки ирригаціонныхъ каналовъ свидѣтельствуютъ, что здѣсь нѣкогда существовали обширныя ирригаціонныя системы. Въ настоящее время такія степныя пространства служатъ лишь зимними пастбищами для скота, а лѣтомъ, когда растительность отъ жаровъ выгораетъ, они становятся пустынными и бесплодными (см. *Сельско-хоз. производительность Кавказа* въ сборникѣ *Сельское и лѣсное хозяйство Россіи*, изд. деп. земл. и сел. пром. для всемірной Колумбовской выставки Чикаго, стр. 560). Со времени присоединенія и умиротворенія Кавказа

было затрачено много средствъ и силъ для приведенія въ порядокъ старинныхъ ирригаціонныхъ системъ и устройства новыхъ. Ирригаціонныя работы производились здѣсь особенно усиленно во время управленія краемъ князя Воронцова.

Будущій историкъ Кавказа оцѣнить способы и приемы, которые употреблялись здѣсь при производствѣ этихъ работъ. Замѣтимъ лишь, что, по официальному признанію, они, въ большинствѣ случаевъ, не достигли намѣченныхъ цѣлей и вызывали ропотъ и неудовольствіе въ населеніи, понимавшемъ бесплодность выполняемаго имъ труда по наряду. Въ проложенный для орошенія Караязской степи Юрскій каналъ, стоявшій не менѣе 60,000 рублей деньгами и болѣе 120,000 дней по наряду, только пытались пустить воду, но неудачно. Въ настоящее время каналъ этотъ разрушенъ на всемъ своемъ протяженіи. Предпринятые работы по возобновленію Шихилинскаго, Салооглинскаго, Керчайскаго и Маргалинскаго каналовъ въ Елизаветпольской губерніи были прекращены, не достигнувъ желаемыхъ результатовъ. Предпринятые въ 1859 году работы по устройству каналовъ изъ озера Гохла, Эриванской губерніи, были точно также брошены, какъ и попытки приспособить для орошенія Бханагельское озеро. Мало того, было замѣчено, что со времени присоединенія края существующія водоопротительныя каналы стали быстро приходить въ упадокъ и разрушаться, а на ряду съ этимъ цвѣтущія мѣстности стали превращаться въ бесплодныя пустыни.

Весьма примѣчателенъ первый законодательный актъ, касающійся ирригаціи Кавказа, которымъ надѣялись остановить это запустѣніе края. Въ 1847 году было опубликовано слѣдующее высочайшее повелѣніе: «Выборъ и содержаніе въ Эриванскомъ и Нахичеванскомъ уѣздахъ, Тифлисской губерніи, миравовъ, обязанныхъ заниматься распредѣленіемъ воды изъ каналовъ для орошенія полей, предоставить собственному распоряженію жителей, безъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло со стороны мѣстнаго начальства, и съ тѣмъ, чтобы вліяніе начальства въ этомъ дѣлѣ ограничивалось только разборомъ могущихъ возникнуть жалобъ на неправильную раскладку взимаемаго на содержаніе миравовъ сбора» *). Вскорѣ послѣ этого, а именно 20 октября 1859 года, послѣдовало другое высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: «Въ Закавказскомъ краѣ устройство, содержаніе и употребленіе поливныхъ канавъ остается на основаніи дѣйствующихъ тамъ мѣстныхъ обычаевъ, впредь до изданія особыхъ по сему предмету постановленій» **). Эти два высочайшія повелѣнія достаточно краснорѣчивы: въ нихъ громко звучитъ полное осужденіе системы управ-

*) Это высочайшее повелѣніе вошло въ уставъ о службѣ по выборамъ изд. 1857 г., ст. 641.

**) Законъ этотъ помѣщенъ 2-мъ примѣчаніемъ къ ст. 442 X т. Св. Зак. изд. 1887 г. въ слѣдующей редакціи: «Въ Закавказьи устройство, содержаніе и употребленіе поливныхъ канавовъ опредѣляется дѣйствующими тамъ мѣстными обычаями».

ленія водами и устройства водооросительныхъ сооружений, практиковавшихся до ихъ изданія.

Крымъ представляетъ, какъ извѣстно, во многихъ отношеніяхъ большее сходство съ Кавказомъ. Нѣкоторые не безъ основанія называютъ Крымъ Кавказомъ въ миниатюрѣ. Сельское хозяйство страдаетъ и здѣсь отъ недостатка влаги, хотя и далеко не въ той мѣрѣ, какъ восточное Закавказье. Общее количество орошаемыхъ земель, расположенныхъ, главнымъ образомъ, въ Симферопольскомъ, Феодосійскомъ и Ялтинскомъ уѣздахъ, не превышаетъ 10 тысячъ десятинъ. Мѣстные знатоки крымскаго хозяйства много спорятъ о томъ, использована ли въ настоящее время вся вода рѣкъ и рѣчекъ Крыма для цѣлей орошенія. Личное наше впечатлѣніе, явившееся какъ результатъ объѣзда большей части полуострова, таково, что, при существующихъ порядкахъ водопользованія, свободной воды въ край дѣйствительно нѣтъ, но что ея можетъ оказаться еще весьма достаточное количество, если пользованіе водою будетъ сколько-нибудь урегулировано. Значеніе для Крыма орошенія прекрасно иллюстрируется слѣдующими цифрами: «Высота арендной платы за табачную землю зависитъ отъ количества воды, могущей пойти на поливку, отъ положенія имѣнія, качества почвы и т. д. Такъ, въ Ялтинскомъ уѣздѣ неполивныя земли рѣдко сдаются въ аренду дороже, чѣмъ по 60 руб. за десятину; при возможности полить одинъ разъ плантацію цѣна поднимается уже до 100 руб. и дороже и, наконецъ, при достаточномъ количествѣ воды для орошенія—отъ 175 до 500 руб. за десятину. Въ Алуштѣ, напримѣръ, поливныя земли сдаются до 175 руб. за десятину, близъ дер. Нивиты—отъ 250 до 400 руб., въ Партенитѣ—по 300 руб., близъ Ялты—отъ 150 до 500 руб., а въ одномъ случаѣ поливная десятина въ Мордвиновскомъ саду была сдана даже за 600 руб. въ годъ» *). Приведенныя цифры слишкомъ краснорѣчивы, чтобы нужно было останавливаться далѣе на затронутомъ вопросѣ. Неудивительно поэтому, что вопросъ объ обводненіи Крыма и объ урегулированіи его водяныхъ отношеній уже очень давно занималъ вниманіе правительства и общества. «Съ начала шестидесятыхъ годовъ правительство принимало цѣлый рядъ мѣръ по обводненію края. Въ первое время, при быстромъ наплывѣ переселенцевъ въ Таврическую губ., въ виду неотложной необходимости снабженія ихъ прѣсною водою, приходилось избирать самые простые способы для добыванія прѣсной воды. Работы эти, производившіяся съ 1861 по 1867 годъ особою комиссіей, заключались въ заложеніи развѣдочныхъ буровыхъ скважинъ, прорытіи 52 новыхъ колодцевъ, возобновленіи 20 старыхъ, устройствѣ 17 запрудъ и, наконецъ, 3 цистернъ, которыя при наполненіи водою могли вмѣстить до 50 тысячъ ведеръ каждая» **). Для крымчаковъ осталась также памятна особая экспедиція, подъ предсѣдательствомъ контръ-адмирала Глазенапа, составленная

*) *Сборн. ст. сънд. по Тав. губ.*, т. IX, отд. V, стр. 6.

**) *Ibid.*, отд. I, стр. 27.

въ 1867 году изъ гидротехниковъ, горныхъ инженеровъ и другихъ специалистовъ. Эта экспедиція занималась изученіемъ географіи Крыма, условіями пользованія его водами и проектированіемъ обводнительныхъ работъ разнаго рода. «Подъ наблюденіемъ этой экспедиціи были произведены нѣкоторыя обводнительныя работы въ Симферополь и его окрестностяхъ, причѣмъ была сдѣлана попытка расчистить и регулировать р. Салгирь; далѣе устроено было нѣсколько плотинъ или баррашей для задержанія воды этой рѣки. Но работы эти были неудачны и отъ нихъ нынѣ не осталось и слѣда. Также неудачна была и попытка вырыть артезіанскій колодезь въ Айбарахъ. При составленіи проекта этого колодца предполагалось получать артезіанскую воду съ глубины 200 сажень въ количествѣ 4 мил. ведеръ въ сутки. Работы по буренію этого колодца производились съ 1869 по 1878 годъ, и хотя глубина его была доведена до 370 саж., на что израсходовано до 140 тысячъ рублей, но воды, все-таки, не получено» *). Обводненіе края стало на болѣе прочную почву только со времени приглашенія мѣстнымъ губернскимъ земствомъ ученаго специалиста-гидрогеолога. Знаніямъ бывшаго профессора и ректора Новороссійскаго университета Н. А. Головкинскаго, принявшаго на себя обязанности гидрогеолога, Таврическая губернія обязана уже цѣлымъ рядомъ дешевыхъ артезіанскихъ колодцевъ **).

Что касается воднаго законодательства, то Крымъ его пока не имѣетъ. Въ вопросахъ, касающихся воднаго права, суды обязаны, какъ то разъяснилъ правительствующій сенатъ по дѣлу Деревянки, руководствоваться мѣстными обычаями.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы можемъ обратиться къ изученію дѣйствующаго въ Закавказскомъ краѣ закона о пользованіи водами для орошенія земель, изданнаго 3 декабря 1890 г. Мы постараемся изучить этотъ законъ въ связи съ остатками стараго грузинскаго и мусульманскаго права, дѣйствовавшаго до присоединенія Кавказа къ Россіи, сдѣлаемъ нѣсколько справокъ въ западно-европейскомъ водномъ законодательствѣ и, наконецъ, приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ обычныхъ нормахъ и порядкахъ водопользованія въ Крыму изъ того матеріала, который былъ собранъ нами лично осенью прошлаго 1894 года.

Есть полное основаніе думать, что такъ называемыя общія положенія закавказскаго закона будутъ оказывать свое вліяніе на будущій крымскій законъ о водѣ, а, быть можетъ, и на общее для имперіи водное законодательство, поэтому мы остановимся на довольно подробномъ анализѣ этихъ положеній.

Основное положеніе закона 3 декабря 1890 г. выражено въ 1-й статьѣ его: «Права владѣльцевъ на воды,—говорится въ ней,—когда онѣ выхо-

*) Ibid., стр. 29.

**) См. Н. А. Головкинскій: „Артезіанскіе колоды Тавр. губ.“. Одесса, 1890 г.

дять за предѣлы одного владѣнія, ограничиваются правомъ участія другихъ владѣльцевъ въ пользованіи водою для орошенія земель и для другихъ цѣлей (ст. 144) на основаніи статей (119—152) сего устава. Тѣ воды, которыя, получивъ начало въ предѣлахъ владѣнія, не стекаютъ изъ него естественнымъ путемъ, состоятъ въ исключительномъ пользованіи владѣльца». Прежде чѣмъ говорить объ устанавливаемомъ этою статьей раздѣленіи водъ на двѣ большихъ категорій, рассмотримъ, въ чемъ заключаются ограниченія владѣльцевъ или, что то же, собственниковъ водъ, выходящихъ изъ предѣловъ одного владѣнія. Ст. 124-я закавказскаго закона гласитъ, что воды эти состоятъ въ *завѣдываніи* министерства государственныхъ имуществъ. *Завѣдываніе* заключается въ данномъ случаѣ не только въ надзорѣ за исполненіемъ установленныхъ правилъ пользованія водою, но и въ опредѣленіи права каждого владѣльца на то или иное количество воды водовмѣстилища, «выходящаго за предѣлы одного владѣнія», ибо, согласно 122-й ст. изучаемаго закона, право пользованія оросительною водою удостоверяется особыми свидѣтельствами, выдаваемыми чиновникомъ министерства земледѣлія (инспекторомъ водъ) на основаніи рѣшеній временныхъ окружныхъ и главнаго присутствій. При этомъ на основаніи ст. 1-й правилъ для опредѣленія существующихъ правъ пользованія оросительною водою, составляющихъ приложение къ ст. 121-й закавказскаго закона, при опредѣленіи ихъ принимается за основаніе не принципіи принадлежности воды къ землѣ, по которой она протекаетъ или въ предѣлахъ которой она находится, установленный дѣйствующимъ въ Имперіи законодательствомъ, а нижеслѣдующее: потребность населенія въ водѣ и существующее пользованіе оною, удостоверяемое мѣстными обычаями и давностнымъ пользованіемъ, продолжающимся не менѣе 10 лѣтъ явно и безспорно, а равно и свидѣтельскими показаніями и письменными доказательствами. Согласно 123-й ст. закавказскаго закона, за правительствомъ сохраняется право, въ случаѣ необходимости, измѣнять системы каналовъ для улучшенія ихъ и сбереженія воды, причѣмъ выданныя свидѣтельства на пользованіе водою подлежатъ пересмотру и соотвѣтственному исправленію. Слѣдуетъ также обратить вниманіе на самый порядокъ опредѣленія правъ на воду, устанавливаемый ст. 16-й правилъ этого опредѣленія. Окружныя присутствія—учрежденія правительственныя—выѣзжаютъ по возможности во время орошенія на мѣсто и отбираютъ заявленія отъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ о правахъ пользованія водою и о доказательствахъ этихъ правъ, занося всѣ показанія въ протоколъ и повѣряя ихъ *общимъ обзоромъ мѣстности*. Встрѣчая притоки, присутствіе въ томъ же порядкѣ отбираетъ заявленія о правахъ пользованія водою изъ этихъ притоковъ. Приведя въ извѣстность всѣ *притязанія* о правахъ на воду изъ рѣки или ея притоковъ, присутствіе выслушиваетъ объясненія сторонъ, разсматриваетъ представленные доказательства, производитъ, въ случаѣ надобности, дознанія черезъ околныхъ людей и дополнительные осмотры и допрашиваетъ свидѣтелей. Затѣмъ присутствіе склоняетъ стороны къ соглашенію и, если

оно не послѣдуетъ, постановляетъ рѣшеніе о правахъ пользованія водою всѣхъ лицъ, обществъ и учреждений, получающихъ воду изъ рѣки или ея притоковъ, причѣмъ предсѣдатель публично опредѣляетъ день объявленія рѣшенія, назначая его не позднѣе двухъ недѣль. Въ рѣшеніи присутствія (ст. 23) означаются: 1) лица, общества или учрежденія, за которыми признано право пользованія оросительною водою; 2) количество воды, предоставленное имъ въ пользованіе въ такъ называемыхъ *башахъ* *) и въ пропорціональномъ отношеніи къ общему количеству воды, протекающему въ данномъ мѣстѣ русла; 3) предоставляется ли пользованіе водою постоянно, периодически или въ извѣстные періоды года (въ двухъ послѣднихъ случаяхъ опредѣляется порядокъ и періоды или время пользованія); 4) предоставляется ли пользованіе для домашняго потребленія и водопоя, для орошенія, для дѣйствія механическихъ заведеній или для иной какой цѣли, и 5) существуютъ ли въ округѣ или въ отдаленныхъ его мѣстностяхъ обычаи, ограничивающіе права пользованія водою для вододѣйствующихъ заведеній и свободу производить лѣтніе посѣвы и разводить сады.

Мы выписали почти цѣликомъ приведенныя только что статьи закона, чтобы имѣть полное право сказать, что закавказскій законъ о пользованіи оросительными водами совершенно отрицаетъ, а не ограничиваетъ только правомъ участія другихъ владѣльцевъ право собственности на воды, «выходящія за предѣлы одного владѣнія». Еще болѣе подтверждается такой взглядъ изъ разсмотрѣнія правилъ отвода такъ называемой «свободной» воды, которою изучаемый законъ признаетъ «не только ту, которая лѣтомъ стекаетъ въ море, какъ ненужный для орошенія избытокъ, но и ту часть воды, которая становится ненужной для орошенія въ извѣстное время года и употребляется лишь для вододѣйствующихъ заведеній и затѣмъ изливается въ море. Весьма любопытно, что основная идея, вытекающая изъ матеріальнаго содержанія изучаемаго закона, вполне соответствуетъ тѣмъ воззрѣніямъ населенія на воду, съ какими мы встрѣчаемся въ Крыму и на Кавказѣ и которыя выражены очень ясно какъ въ грузинскомъ, такъ и въ мусульманскомъ правѣ.

Согласно ст. 169 уложенія царя Вахтанга, «три вещи, какъ-то: вода-дѣсь и трава никому въ мірѣ не возбраются и принадлежать государю». Ст. 170 того же уложенія гласитъ, что «царь можетъ проводить каналы для заселенія земли и лучшаго плодородія, черезъ чьи бы то ни было сады и поля, и никто не вправѣ засыпать оныя, дабы не прекратилась хлѣбная подать; какому селенію царь пожалуетъ и присвоитъ сіи каналы, тому и будутъ они принадлежать исключительно и никто не можетъ запретить починаку и расчищеніе оныхъ».

Въ странахъ мусульманскихъ, не имѣющихъ гражданскихъ законовъ, юридическія отношенія вытекаютъ изъ религіозныхъ воззрѣній народовъ и разъясняются такъ называемыми шаріатскими книгами, дающими довольно

*) Башъ—мѣстная мѣра воды. Величина ея опредѣлена закономъ.

подробныя указанія и относительно права на воду, равно какъ и порядковъ орошенія земель. Такъ, по толкованію книги Ибни Гаджаръ, которою руководствуются послѣдователи шефійскаго толка суннитскаго исповѣданія, «всѣ воды, протекающія по степямъ, какъ рѣки Нилъ и Ефратъ, источники въ необитаемыхъ горахъ и мѣстахъ, горные потоки, образуемые отъ дождей, должны находиться въ общемъ пользованіи, согласно предаію отъ пророка Магомета. Этимъ уравниваются права всего человѣчества на воду, траву и огонь, пользоваться которыми никто, и даже Имамъ, никому не вправе воспрепятствовать (ст. III, глав. II, кн. XV). По разъясненію книги Мовкуфатъ, которою руководствуются послѣдователи толка Ханифа, суннитскаго исповѣданія, «отводъ воды изъ большихъ рѣкъ, находящихся въ общемъ пользованіи, лежитъ на обязанности казны; но, при неимѣннн въ ней сумы, работу эту должны производить всѣ жители; въ случаѣ же уклоненія послѣднихъ отъ этой работы, она производится по принужденію. Обработка же рѣчекъ и канавъ, находящихся въ частныхъ владѣніяхъ, лежитъ исключительно на обязанности самихъ владѣльцевъ ихъ, безъ всякаго участія въ подобномъ случаѣ сосѣдей; въ случаѣ отказа отъ такой работы хозяевъ, она производится по принужденію» (ст. I, гл. II, кн. XXIX). Въ приведенныхъ статьяхъ книги Мовкуфатъ особенно интересно дѣленіе воды на двѣ группы: одна находится въ общественномъ обладаніи, другая въ частномъ, но пользованіе ими происходитъ подъ контролемъ общественной власти.

Совершенно аналогичны приведеннымъ постановленія шаріатскихъ книгъ шіитскаго исповѣданія. Такъ, въ главѣ III книги Къвандулъ-Акхамъ сказано, что «всѣ люди безъ разбора пользуются равномѣрнымъ правомъ на родниковыя и дождевыя воды и даже на колодезныя, если колодезь вырытъ кѣмъ-нибудь на свободной землѣ не съ цѣлью его присвоенія». Въ главѣ IV той же книги говорится, что «всѣ люди пользуются равномѣрнымъ правомъ на воды большихъ рѣкъ, подобныхъ Ефрату и Тигру».

Осенью прошлаго (1894) года автору пришлось произвести мѣстное изслѣдованіе водяныхъ отношеній въ нѣкоторыхъ частяхъ Крымскаго полуострова и лично убѣдиться, поскольку живы въ коренномъ, татарскомъ населеніи края его возрѣнія на воду, какъ имущество, находящееся въ общественномъ обладаніи. Принципъ частной собственности на землю сдѣлалъ здѣсь, правда, очень большіе успѣхи, но далеко не вездѣ является господствующимъ. Стоитъ заглянуть только въ болѣе глухія мѣста полуострова, гдѣ нравы проще и цѣнность земель ниже, чтобъ убѣдиться, что старыя возрѣнія находятся еще здѣсь въ полной силѣ. Очень недалеко отъ такого крупнаго центра торговаго садоводства и виноградарства и дачной цивилизаціи, какъ Алушта, находится деревня Демерти, у склона горы того же имени. Эта деревня стала извѣстна читающей публикѣ, благодаря обвалу горы, случившемуся здѣсь нѣсколько времени тому назадъ, не обошедшему безъ человѣческихъ жертвъ и поведшему за собою рѣшеніе мѣстной администраціи перевести деревню въ другое мѣсто. За поселянами этой деревни числится около 7 тысячъ десятинъ земли и татары деревни пасутъ

на всей этой обширной площади свои стада и кое-гдѣ сѣютъ хлѣбъ. Хозяйство имѣетъ здѣсь еще совершенно «захватный» характеръ и принципъ частной собственности не прилагается еще во всей своей силѣ даже къ такому имуществу, какъ скотъ, едва ли не главному богатству деревни. Терминъ «частная собственность» на землю, а въ особенности на воду, здѣсь еще неизвѣстенъ, но и въ болѣе культурныхъ мѣстахъ полуострова я встрѣчалъ горячихъ защитниковъ принципа частной собственности на воду только среди крупныхъ землевладѣльцевъ русскаго или иностраннаго происхожденія. Болѣе мелкіе землевладѣльцы и въ особенности татары, можно сказать, поголовно находятъ принципъ этотъ не приложимымъ къ самымъ условіямъ ирригаціи края. Всякій разъ, когда я спрашивалъ татаръ, обращаясь какъ къ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и къ цѣлымъ обществамъ на сходахъ ихъ, кому принадлежитъ вода, протекающая въ такомъ-то ручьѣ или рѣчкѣ, я получалъ отвѣты, что она принадлежитъ или «никому», или «всѣмъ», или, наконецъ, «вода здѣсь общественная». Такимъ воззрѣніемъ на право обладанія водами можно, казалось бы, объяснить какъ то убѣжденіе, съ которымъ приходится встрѣчаться почти повсемѣстно въ Крыму, что вода должна быть распределена «по справедливости» между всѣми въ ней заинтересованными, равно какъ и тотъ фактъ, что посторонній татарскому населенію элементъ, русскіе, помѣщики и поселяне, относительно легко завоевываетъ себѣ право пользоваться водою изъ общественныхъ рѣкъ и водооросительныхъ канавъ. Мнѣ извѣстны случаи, когда татары соглашались безъ всякаго вознагражденія предоставить пользованіе водою русскимъ землевладѣльцамъ, основывавшимъ свое право на совершенно фиктивныхъ документахъ, ибо считали, что не дать воду, когда имѣется ея избытокъ, не только несправедливо, но и противно закону Божьему.

Мотивы, которыми руководствовался государственный совѣтъ при изложеніи ст. 119 въ томъ ея видѣ, въ какомъ она вошла въ сводъ, для насъ неизвѣстны и врядъ ли умѣстно было бы дѣлать здѣсь какія бы то ни было предположенія по этому поводу. Какъ для судовъ, такъ и для самого населенія имѣютъ, конечно, большое значеніе не столько общіе принципы, поставленные въ заголовкѣ закона, сколько его матеріальное содержаніе. Последнее, какъ видно изъ сказаннаго, не противорѣчитъ кореннымъ воззрѣніямъ населенія на право на воду и всего болѣе соответствуетъ установившемуся въ послѣдніе годы въ ученой литературѣ взгляду на воду, какъ на предметъ общественнаго обладанія. Но включеніе или, лучше сказать, допущеніе въ законъ противорѣчій имѣетъ всегда много вредныхъ послѣдствій и легко ведетъ къ неудобствамъ не только теоретическимъ, но и практическимъ. Нельзя, поэтому, не пожелать, чтобы при изданіи крымскаго закона о водѣ такое противорѣчіе было избѣгнуто. Лучше, думается намъ, совершенно не затрогивать въ подобныхъ случаяхъ общихъ вопросовъ права, чѣмъ впадать въ нежелательныя противорѣчія.

Выше мы видѣли, что законодательство наше знаетъ только два разряда водъ, а именно: 1) судоходныя рѣки и озера и 2) вода всѣхъ прочихъ

водовмѣстилищъ. Западно-европейское право дѣлитъ воды нѣсколько иначе. Такъ, въ Пруссiи *) различаютъ три категорiи водъ: 1) публичныя (öffentliche), совершенно изъятая изъ частнаго обладанiя; 2) частныя въ собственномъ смыслѣ (eigentliche Privatzenhöfner), составляющiя принадлежность земель, по коимъ онѣ протекаютъ и въ предѣлахъ коихъ находятся, и 3) такъ называемыя частныя рѣки (sogenannte Privatflüsse), но тѣ, пользованiе водою которыхъ подчинено нѣкоторымъ правиламъ, объявленнымъ государственною властью, хотя собственниками ихъ остаются владѣльцы земель, по которымъ онѣ протекаютъ. Баварское законодательство **) раздѣляетъ воды на двѣ группы: 1) публичныя и 2) частныя воды. Последнiя въ свою очередь раздѣляются: 1) на «замкнутыя» (geschlossene), не вытекающiя изъ предѣловъ одного владѣнiя, и 2) на рѣки горнаго обладанiя (Privatflüsse), пользованiе водою которыхъ ограничено въ пользу владѣльцевъ земель, по которымъ она протекаетъ.

Французское законодательство, объявивши всѣ воды принадлежащими государству, во время революцiи, отступило отъ этого принципа при изданiи Наполеоновскаго кодекса, и, установивъ принципъ частнаго обладанiя водами, не служащими цѣлямъ судоходства, облегчило установленiе сервитутовъ пользованiя водою частной ***). Австрiйское законодательство 1869 г. построено на принципѣ, что всѣ воды, текущiя и стоящiя, находятся въ общественномъ обладанiи (öffentliches Gut), если онѣ не принадлежатъ кому-либо какъ частная собственность или по общему закону, или по какому-либо частному постановленiю. Дальнѣйшiй текстъ австрiйскаго закона обнаруживаетъ, что воды, не выходящiя изъ предѣловъ одного владѣнiя, собирающiяся на томъ же владѣнiи снѣговыя и дождевыя воды, воды колодезевъ, прудовъ, цистернъ и другихъ водовмѣстилищъ или каналовъ, устраиваемыхъ частными лицами для собственной выгоды, равно какъ ручьи и тому подобныя протоки, до впаденiя ихъ въ другiя водовмѣстилища, считаются принадлежностью земель, по коимъ онѣ протекаютъ или въ предѣлахъ коихъ онѣ находятся. Но какъ только вода выходитъ изъ предѣловъ одного владѣнiя и не замкнута въ каналъ, она становится res nullius et omnium communis ****). Водное управленiе уполномочено устанавливать сервитуты пользованiя такими водами, которыми самъ владѣлецъ ихъ не пользуется, равно какъ и сервитуты провода канавъ черезъ чужiя земли.

Гораздо рѣзче ставитъ вопросъ законодательство Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки *****): «Вода всякаго естественнаго протока,—гласитъ, напримѣръ, законъ штата Колорадо,—не находящаяся въ частномъ обла-

*) Законъ 28 февраля 1843 года.

**) Законъ 29 августа 1876 года.

***). См. *Dovieb*: „Traité de la législation et de la pratique des cours d'eau“. Paris, 1844.

****) *Randa*: „Beiträge zum östr. r. Wasserrecht“, стр. 20. 1878.

*****) См. „Abstract of the laws of the several states and territories on irrigation and water rights; published les authority of thesureritary of agriculture“. Washington, 1893.

даніи, объявляется публичною собственностью (is hereby declared to be the property of the public) и предназначается для пользованія населенія всего штата по праву присвоенія (right of appropriation) въ порядкѣ, указанномъ въ законѣ». Законъ штата Юингъ (Wyoming) объявляетъ всѣ воды принадлежащими штату (The water of all natural streams et c-tra... are hereby to be the property of the state). Штатъ Калифорнія объявляетъ всѣ воды находящимися въ публичномъ пользованіи, по правиламъ, установленнымъ въ законѣ (The use of oll water... is declared to be a public use and subject to the regulation of the state in the manuer to bi proseribid by law). О публичномъ пользованіи всѣми водами говоритъ также законодательство штатовъ Вашингтона и Монтана, а законъ штата Сѣверной Дакоты объявляетъ, что всѣ текуція воды и естественные протоки суть собственность штата и предназначаются для цѣлей промышленныхъ и ирригаціи.

Изъ приведенныхъ закоподательныхъ опредѣленій разныхъ категорій водъ видно, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ воды государства не объявляются публичною или государственною собственностью, кодексы принуждены устанавливать ихъ дѣленія, причемъ основаніями для этого дѣленія служатъ: во - первыхъ, государственное значеніе водъ того или иного водовмѣстилища, обусловливаемое массой или количествомъ воды, въ немъ находящейся или черезъ него протекающей; во-вторыхъ, природныя свойства водовмѣстилища, обусловливающія раздѣленіе водъ на текуція и стоячія, и, въ-третьихъ, мѣстонахождение водовмѣстилища въ предѣлахъ одного или нѣсколькихъ владѣній. Нельзя не признать всѣ дѣленія эти черезъ-чуръ общими. Принявъ, напримѣръ, дѣленіе водъ на двѣ категоріи по мѣстонахожденію водовмѣстилища въ предѣлахъ одного или нѣсколькихъ владѣній, какъ то дѣлалъ нашъ закавказскій законъ, придется признать, наприм., небольшое озеро или болото, находящееся среди земель 2—3 владѣльцевъ, «выходящимъ за предѣлы одного владѣнія» и подчинить пользование ими дѣйствию правилъ, совершенно исключających понятіе о правѣ собственности на эти воды, и, въ то же время, признать безусловно частною собственностью обильный источникъ текучей воды, разъ она не покидаетъ въ своемъ теченіи одного владѣнія, что, какъ показываетъ дѣйствительная жизнь, не всегда удобно. Какъ извѣстно, главными источниками для орошенія земель какъ въ Крыму, такъ и въ Закавказьи служатъ рѣки, ручьи и другія текуція воды, иногда протекающія въ предѣлахъ одного владѣнія, но, въ то же время, орошающія, путемъ отведенія ихъ при посредствѣ каналовъ, цѣлый рядъ другихъ владѣній. Именно относительно *текучихъ* водъ возникаетъ обыкновенно наибольшее количество споровъ и установленіе правилъ, опредѣляющихъ пользованіе ими, представляетъ наибольшія затрудненія для законодателей. Текучая вода, переходя изъ одной дачи въ другую, сообщаетъ отъ одного владѣльца къ другому въ непрерывномъ теченіи. Отъ истока до устья неразрывное сдѣленіе частей ея постоянно возобновляется и поддерживается. Всякая перемѣна и задержка тотчасъ ощущается и производитъ подобное же дѣйствіе внизу и, наоборотъ, всякое

измѣненіе внизу тотчасъ сообщается верхнимъ частямъ; наконецъ, всякая перемѣна въ теченіи воды, возвышеніе или пониженіе ея уровня, оказываетъ дѣйствіе на берега *). Оттого юридическія отношенія, вытекающія изъ-за пользованія водами текучими и близкими по характеру къ нимъ проточными водами, всегда сложны и запутаны, тогда какъ отношенія ихъ владѣльцевъ изъ-за водъ стоячихъ всегда гораздо проще и опредѣлительнѣе; оттого государству гораздо чаще приходится вмѣшиваться въ отношенія, возникающія изъ-за первыхъ, устраняя почти совершенно всякій произволъ частныхъ лицъ въ пользованіи и распоряженіи текучими водами и лишь въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ ограничивая права собственниковъ водъ стоячихъ. Тѣмъ не менѣе, свойство «текучести», если такъ можно выразиться, не можетъ, думается намъ, опредѣлить природу юридическихъ отношеній изъ-за воды. Въ Закавказскомъ краѣ существуютъ, наприм., высоколежащія озера, водою которыхъ орошаются и могутъ орошаться весьма обширныя мѣстности. Признаніе этихъ «стоячихъ» водъ, если даже онѣ не выходятъ за предѣлы одного владѣнія, полною собственностью ихъ владѣльца и предоставленіе ему пользоваться ими по собственному усмотрѣнію было бы равносильно хозяйственному закрѣпощенію окрестнаго населенія и крайнему стѣсненію развитія земледѣльческаго хозяйства. Можно себѣ представить также замкнутое водовмѣстилище такихъ обширныхъ размѣровъ или такимъ образомъ расположенное (наприм., на границѣ государства), что предоставить его въ полную собственность владѣльцевъ земель, въ предѣлахъ которыхъ оно находится, было бы неудобно въ виду цѣлей общегосударственныхъ. Но врядъ ли было бы цѣлесообразно, не признавъ всѣхъ водъ государственнымъ достояніемъ, ограничивать въ какомъ-нибудь отношеніи право собственности на воду, если бы нѣсколько владѣльцевъ, соединивъ свой трудъ и капиталъ, устроили водовмѣстилище, по размѣрамъ своимъ настолько большое, что оно выходило бы за предѣлы одного владѣнія, и, собирая въ него атмосферную и снѣговую воду, пользовались бы ею для цѣлей орошенія или иныхъ по своему собственному усмотрѣнію. Въ случаяхъ подобнаго рода мы имѣли бы дѣло съ имуществомъ общаго владѣнія того или иного числа лицъ и доля каждаго изъ нихъ въ этомъ имуществѣ могла бы быть опредѣлена ничѣмъ инымъ, какъ только ихъ собственнымъ соглашеніемъ.

Аналогичныя соображенія могутъ быть приведены и относительно нѣкоторыхъ текучихъ водъ. Рѣка или протокъ небольшихъ размѣровъ могутъ начинаться и оканчиваться въ предѣлахъ одного владѣнія; рѣка въ верхнемъ теченіи можетъ быть столь незначительныхъ размѣровъ и протекать при такихъ топографическихъ условіяхъ, что пользованіе водами ея возможно только со стороны прибрежныхъ владѣльцевъ и при этомъ въ дальнѣйшемъ теченіи своемъ она можетъ стать настолько многоводной, что змѣ-

*) *К. П. Побѣдоносцевъ*: „Курсъ“ ч. I, стр. 451.

употребленія со стороны владѣльцевъ верхняго теченія ея невозможны, и т. д., и т. д. Въ случаяхъ подобнаго рода нѣтъ резона, не признавъ всѣхъ водъ государственнымъ достояніемъ, подчинить текучія воды какимъ-либо особымъ правиламъ пользованія. Изъ сказаннаго явствуетъ, что установить принципы, на основаніи которыхъ слѣдуетъ подчинить право пользованія водою того или иного резервуара тѣмъ или инымъ правиламъ а priori крайне трудно. Для этого нужно знать болѣе или менѣе обстоятельно природу каждаго водовмѣстилища и его значеніе въ хозяйственной жизни страны. Этими обстоятельствами можно объяснить и ту большую дробность дѣленія водъ, которую принимаютъ нѣкоторые европейскія законодательства, наприм., австрійское, саксонское и новѣйшій проектъ прусскаго *). Последній различаетъ: *Wasserläufe* и *geschlossene Gewässer*; изъ которыхъ первые въ свою очередь дѣлятся на: 1) *Ströme*, 2) *Schifarts Kanäle*, 3) *Hochwasserflüsse* и 4) *Flüsse und Kanäle*, и для пользованія водами каждаго изъ этихъ водовмѣстилищъ устанавливаетъ особыя правила.

Установленіе однихъ и тѣхъ же правилъ пользованія для всѣхъ водъ, «выходящихъ изъ предѣловъ одного владѣнія», можетъ, думается намъ, сдѣлать достаточно неустойчивыми самыя эти правила и поставить въ неопредѣленное положеніе интересы другихъ владѣльцевъ, безъ сомнѣнія, принимаемые во вниманіе при созданіи нормъ водного законодательства. Стоить, наприм., имѣнію раздробиться, путемъ ли купли-продажи, наслѣдованія или иной сдѣлки, или, наоборотъ, стоить нѣсколькимъ имѣніямъ, лежащимъ вокругъ водовмѣстилища, соединиться въ одно, чтобъ измѣнился самый характеръ права на воду его, до этого случая опредѣлявшій отношеніе къ ней прибрежныхъ и неприбрежныхъ владѣльцевъ. Чтобы покончить съ общими постановленіями закавказскаго закона о пользованіи водою для орошенія (ст. 119—123), обратимъ вниманіе на редакцію статьи 120. Она читается такъ: «право пользованія оросительною водою составляетъ принадлежность владѣнія землей и не можетъ быть уступаемо внѣ сего владѣнія». Терминъ «принадлежность» употребляется въ нашемъ сводѣ въ смыслѣ хозяйственной цѣлостности и юридической недѣлимости *вещей* и потому именованіе права принадлежностью вещи врядъ ли правильно и едва ли не противорѣчитъ другимъ статьямъ того же закона, въ которомъ опредѣляется порядокъ признанія права пользованія. Мысль, которую хотѣлъ выразить этимъ правиломъ законодатель, совершенно справедлива и заслуживаетъ полнаго сочувствія, а именно— право пользованія оросительною водою приурочивается къ тѣмъ землямъ, для нуждъ которыхъ она проводится и, независимо отъ этого, на чьей землѣ находятся каналы, ее проводящія; поэтому право на воду для орошенія земли можетъ быть приобретено лишь собственникомъ ея или арендаторомъ, на срокъ не свыше аренды

*) См. *Entwurf eines Preussischen Wassergesetzes mit Begründung. Amtliche Ausgabe*, Berlin, 1894.

земли. Статьею этою опредѣляется лишь условіе, при соблюденіи котораго право пользованія водою можетъ перейти отъ одного владѣльца къ другому. Необходимость такого постановленія подтверждается и опытомъ Северо-Американскихъ Штатовъ: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ спекуляція на оросительныя воды, принадлежавшія часто не имѣющимъ никакой земельной собственности акціонернымъ компаніямъ, повела къ величайшимъ злоупотребленіямъ, вызвавшимъ извѣстный законъ Райса *).

И. Минлашевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) См. *Irrigation Age* 1894.

Отвѣтъ г. Меньшикову.

Въ декабрьской книжкѣ *Русской Мысли* за прошлый годъ, говоря въ своихъ *Литературныхъ наблюденіяхъ* о статьѣ г. Меньшикова *Высшая цѣль*, я замѣтилъ, между прочимъ, слѣдующее: «Самосовершенствованіе—необходимое нравственное требованіе». Но я прибавлялъ, что само по себѣ стремленіе къ нравственному совершенствованію не заключаетъ элемента борьбы съ общественнымъ зломъ.

Въ іюньской книжкѣ *Русской Мысли* г. Меньшиковъ выступилъ съ возраженіями противъ моихъ замѣчаній. Я прочелъ эту статью съ большимъ интересомъ и считаю своимъ долгомъ на нее отвѣтить.

Прежде всего, совершенно неправильно утвержденіе моего почтеннаго оппонента, что по моему будто мнѣнію *совѣсть не нужна*. Изъ того, что одной совѣсти *недостаточно*, что одного личнаго совершенствованія мало, никто не имѣетъ права выводить заключенія, что совѣсти *совсѣмъ не нужно*. Для того, чтобъ у читателя, который прочелъ статью г. Меньшикова, а моихъ замѣтокъ не читалъ, не оставалось никакого сомнѣнія въ неправильности утвержденія г. Меньшикова, я приведу хотя слѣдующую выдержку изъ моей декабрьской статьи: «Для успокоенія совѣсти, для возможности бодрой работы, соединенной съ личнымъ удовлетвореніемъ, нужна отчетливая общественная цѣль, необходимы и нѣкоторыя обезпеченія того, что вашъ трудъ не пропадетъ даромъ или не будетъ въ любую минуту прерванъ».

Кончаетъ свою статью г. Меньшиковъ признаніемъ того, что «лозунгомъ плодотворнаго общественнаго движенія не можетъ быть ни нравственность, ни просвѣщеніе, а неразрывный союзъ ихъ—*нравственное просвѣщеніе*». Въ добрый часъ, я съ этимъ совершенно согласенъ. Но въ нравственномъ ли просвѣщеніи или въ просвѣщенной нравственности,—что же такое *совѣсть*, по мнѣнію г. Меньшикова? Онъ утверждаетъ, что совѣсть есть *абсолютное отрицаніе зла*; зло опредѣляется только совѣстью, одна лишь совѣсть можетъ указать отчетливую нравственную цѣль и т. д. Въ этомъ отношеніи я расхожусь съ моимъ оппонентомъ, полагаю, что онъ расходится и самъ съ собою, въ данномъ случаѣ забывая вышеприведенный лозунгъ. Іоаннъ Гусъ былъ совѣстливый человѣкъ; совѣстлива была и ста-

рушка, которая принесла охапку дровъ на костеръ мученика. И у старухи, и у Гуса совѣсть была *абсолютнымъ отрицаніемъ зла*? Нѣтъ,—возразить, быть можетъ, г. Меньшиковъ,—у старухи совѣсть была затемнена невѣжествомъ, а у Гуса просвѣтлена разумомъ. Это справедливо, но тогда необходимо признать, что совѣсть развивается знаніемъ, что безъ образованія совѣсть не только не можетъ безошибочно ставить нравственно-общественныя цѣли, но можетъ ставить цѣли недѣльныя и жестокія.

Г. Меньшиковъ увѣряетъ, что я иронически отношусь къ *подвигамъ святости*. И это не вѣрно. У меня было сказано слѣдующее: «Пострадать за правду, лѣтъ десять героически просидѣть совсѣмъ безвинно въ отвратительной тюрьмѣ и умереть въ тюремной больницѣ, сохранивъ при этомъ чистоту души,—да, это подвигъ!» И я сейчасъ же прибавлялъ: «Если бы поменьше было возможности для подобныхъ подвиговъ, какъ это было бы хорошо, сколько большихъ нравственныхъ силъ пошло бы на большое творческое дѣло!»

Гдѣ же тутъ иронія? Здѣсь только глубокое сожалѣніе, что нравственная сила тратится непроезжательно, только указаніе на недостаточность одного личнаго самоусовершенствованія.

Навязывая мнѣ мысль, которую я никогда не высказывалъ и не раздѣлялъ («обойтись безъ участія совѣсти въ дѣлѣ общественнаго развитія»), г. Меньшиковъ приписываетъ совѣсти необыкновенно обширныя функціи. Мы видѣли уже, что, по его мнѣнію, совѣсть есть абсолютное отрицаніе зла, что она—и только она—выбираетъ нравственныя цѣли и т. д. Дальше г. Меньшиковъ говоритъ, что въ несправедливости закона нельзя убѣдиться помимо совѣсти, что доказательства въ подобнаго рода случаяхъ обращаются къ совѣсти. Нѣтъ, г. Меньшиковъ, такого департамента человѣческой души, который завѣдывалъ бы опредѣленіями абсолютнаго добра и абсолютнаго зла, мы не признаемъ. Когда въ дѣйствіяхъ человѣка или въ общественныхъ порядкахъ мы находимъ зло или недостатки, то до этого мы доходимъ размышленіемъ. Если г. Меньшиковъ назоветъ это размышленіе *совѣстью*, то онъ долженъ будетъ, по крайней мѣрѣ, раздѣлить совѣсть на теоретическую и практическую, ибо за добрыми размышленіями далеко не всегда слѣдуютъ добрые поступки. Если, обращаясь съ доказательствами, желая убѣдить въ чемъ-либо другого, я обращаюсь опять-таки къ совѣсти человѣка, то я ужъ не знаю, что тогда останется на долю разума и просвѣщенія. Нѣтъ, я предпочитаю согласиться съ противоположною мыслью г. Меньшикова: будемъ стоять за неразрывный союзъ нравственности и просвѣщенія.

Я упрекалъ г. Меньшикова за сантиментальное преувеличеніе силы любви, и на этотъ упрекъ отвѣта не послѣдовало. Въ своей *Высшей цѣли* г. Меньшиковъ предлагалъ бороться словами, даже съ заклятымъ врагомъ. Что дѣлать, если врагъ не захочетъ васъ слушать? «Тогда,—писалъ г. Меньшиковъ,—умоляйте его, обнимайте ему колѣни: *бей, но выслушай!*» говоря словами греческаго героя. А если врагъ побѣдетъ и, все-таки, не выслушаетъ? Все-таки, просите слова, хотя бы съ опасностью жизни».

Это немножко смѣшно и весьма трогательно, но съ нравственно-общественной точки зрѣнія нигуда не годится. Представьте, что лѣтнею ночью вы видите человѣка, который, крадучись, собирается зажечь гумно. Вы станете его умолять, обнимать его колѣни? А онъ въ это время пуститъ краснаго пѣтуха на всю деревню, разорить нѣсколько десятковъ семей, злое дѣло, быть можетъ, не обойдется безъ человѣческихъ жертвъ. За то достигнута какая-то *высшая цѣль*. Нѣтъ ли тутъ какого-нибудь горделиваго самообольщенія? Если, какъ говорить г. Меньшиковъ, величайшее общественное зло всегда состояло въ насиліи человѣка надъ человѣкомъ, то не лежить ли на насъ нравственной обязанности противиться насилію не одними только словами и рыданіями? Допуская совершиться насилію, мы создаемъ въ мірѣ новое зло, котораго не было бы, еслибъ мы парализовали его при возникновеніи.

Въ моихъ замѣчаніяхъ по поводу названной статьи г. Меньшикова въ *Недѣль* говорилось о недостаточности личнаго самоусовершенствованія, о необходимости не только индивидуальных, но и общественныхъ идеаловъ, а также общественныхъ средствъ для достиженія послѣднихъ. Мое разногласіе съ г. Меньшиковымъ по этому поводу не устранено его отвѣтомъ. Конечно, скажу я словами Сперанскаго, учрежденія безъ людей тщетны, но и люди безъ добрыхъ учрежденій мало добраго произвести могутъ. Для *развитія* личной совѣсти далеко не безразличны общественныя условія, въ которыхъ человѣку приходится жить, какъ для физическаго развитія его вовсе не безразлично, здорова или болотиста, напримѣръ, та мѣстность, въ которой онъ живетъ. Когда въ сознаніе входитъ все большее и большее количество серьезныхъ идей, когда умъ вырабатываетъ все болѣе и болѣе справедливыя и гуманныя идеалы, сказать, что все это—работа совѣсти, можно лишь въ томъ смыслѣ, что все это работа просвѣщающагося въ исторіи человѣка. Знаніе и обуславливающееся имъ самосознаніе, вопреки утвержденію г. Меньшикова, далеко не бесполезно для западно-европейскаго рабочаго, какъ и для всякаго человѣка. Мысль пробуждаетъ совѣсть и указываетъ нашему чувству и нашей страсти достойныя личныя и общественныя цѣли.

О. Т. В.

Очерки провинціальной жизни.

Одна ласточка не дѣлаетъ весны; тѣмъ не менѣе, прибытіе ласточки знаменуетъ скорое наступленіе прилета массы ласточекъ. Пришла намъ на умъ эта поговорка по поводу появленія въ провинціальной прессѣ сообщеній о возникновеніи въ народной средѣ совершенно новыхъ явленій, о возникновеніи такихъ экономическихъ *союзовъ*, распространеніе которыхъ составляетъ глубокое желаніе всякаго мыслящаго и добраго человѣка. Въ майской книжкѣ нашего журнала мы говорили уже о происходящемъ въ Александрійскомъ уѣздѣ замѣчательномъ движеніи къ переходу отъ подворнаго участковаго хозяйства къ артельному, — движеніи, вызванномъ сознаніемъ, что «одно только дружеское соединеніе для общей работы можетъ помочь крестьянамъ устроить ихъ хозяйственную и вообще общественную жизнь на началахъ справедливости и взаимной помощи». О такомъ же явленіи деревенской жизни сообщаютъ теперь изъ Ростовскаго округа въ *Приазовскій Край*. Экономическое положеніе крестьянства нашей мѣстности, — говорятъ корреспонденты, — сильно ухудшилось за послѣднее время. Народная мысль работаетъ какъ надъ причинами возрастающаго хозяйственнаго разстройства, такъ и надъ средствами къ поддержанію хозяйства. Все болѣе распространяется сознаніе, что борьба съ неблагоприятными явленіями возможна не единоличная, не отдѣльными дворами — каждый за себя и для себя, а только общая, усиліями всѣхъ дворовъ, слотившихся между собою. И вотъ, по нашимъ селамъ и деревнямъ пошли общественные сходы, — частые, шумные, оживленные. Сходы эти совсѣмъ непохожи на недавніе прежніе. Прежде, бывало, десятскіе и сотскіе не дозвуются сельчанъ на сходы; теперь же въ праздники, съ ранняго утра, сельчане сами тянутся на мѣсто сбора, и въ девять, десять часовъ утра сходы уже полны. Прежде слышны были на сходахъ только отдѣльные голоса заправиль и горлановъ, — теперь говорить каждый, и говорить громко, толково, очевидно, обдумавъ раньше все высказываемое. Главнымъ предметомъ обсужденія сходовъ является, какъ и слѣдовало ожидать, земельный вопросъ. Дѣло въ томъ, что огромному большинству крестьянъ Ростовскаго округа не хватаетъ собственной земли, и они арендуютъ частно-вла-

дѣльческую землю. При разрозненномъ хозяйствованіи крестьянскихъ дворовъ, земли эти брались каждымъ изъ нихъ отдѣльно у лицъ, отдававшихъ землю подесятинно. Такими лицами являлись по преимуществу земельные барышники. Снимая частно-владѣльческія земли большими партіями съ торговъ, барышники сдавали ихъ потомъ отъ себя подесятинно крестьянамъ и наживали на этомъ большія деньги. Благодаря этимъ посредникамъ, арендныя цѣны на частныя земли дошли въ послѣднее время до 12—15 рублей за десятину, тогда какъ съ торговъ онѣ брались барышниками всего по 5—6 рублей. Непосредственный потребитель земли—крестьянинъ—на станичныхъ торгахъ отсутствовалъ, да ему тамъ и нечего было дѣлать, такъ какъ ему нужно всего 8—10 десятинъ, а съ торговъ земли отдавались только сотнями десятинъ. Ежегодно, такимъ образомъ, барышники наживали рубль на рубль, а каждый крестьянскій дворъ переплачивалъ на землѣ 56—90 рублей. Такой порядокъ существовалъ десятки лѣтъ и былъ терпимъ крестьянами отчасти въ силу экономической невозможности соперничать съ барышниками при подворномъ хозяйствованіи, отчасти—въ силу того обстоятельства, что хлѣбопашество даже и при такихъ арендныхъ условіяхъ было неубыточно для крестьянина. Но вотъ нужда заставила его теперь глубже всмотрѣться въ экономическіе порядки, и крестьянинъ созналъ, какимъ зломъ является для него земельное барышничество, ежегодно вытягивающее у каждого двора десятки кровныхъ рублей. Понявъ онъ, какъ и чѣмъ онъ отдалъ себя въ руки хищниковъ, а понявъ это, сталъ на сходахъ громко заявлять о необходимости сплоченія въ общину, которая одна только можетъ явиться сильнымъ конкурентомъ барышникамъ на станичныхъ торгахъ. Вопросъ этотъ рѣшается на сходахъ утвердительно: дѣлаются постановленія, чтобы всѣмъ обществомъ, за круговую порукой, снимать землю сотнями десятинъ съ торговъ, а затѣмъ уже разбирать ее мелкими площадями по дворамъ.

Слѣдующимъ предметомъ оживленныхъ сужденій на сходахъ является недостаточность рогатаго скота и усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій. Недостатокъ этотъ служитъ главною причиною несовершенства раздѣлки земли, затяжки и опозданія посѣвовъ и уборки хлѣбовъ. И здѣсь крестьяне убѣдились, что отдѣльнымъ дворамъ трудно достать кредитъ на прикупъ скота и земледѣльческихъ орудій. Да и самое приобрѣтеніе дорогихъ орудій и машинъ зачастую не совсѣмъ цѣлесообразно для отдѣльныхъ дворовъ: при малыхъ площадяхъ дворовыхъ посѣвовъ, орудія эти и машины бывають въ работѣ очень малое время, а больше стоятъ непроизводительно по дворамъ. По этому предмету на сходахъ дѣлаются постановленія объ образованіи отдѣльныхъ товариществъ изъ нѣсколькихъ дворовъ и за круговую порукой членовъ товарищества, а въ случаѣ необходимости, и цѣлаго общества, найти на необременительныхъ процентахъ кредитъ для прикуна скота, а также воспользоваться банковыми ссудами для приобрѣтенія на каждое товарищество потребнаго количества усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій. Для очистки же зерна, уборки

посѣвовъ и молотбы приобрести,—опять-таки, цѣлымъ обществомъ и за круговою порукой,—потребное количество сортировокъ, жатокъ и молотилокъ; при этомъ хлѣбъ, для успѣшности молотбы, свозить не на отдѣльные дворовые токи, а на одинъ или нѣсколько общихъ токовъ.

Далѣе сходы обсуждаютъ дѣло урегулированія продажи хлѣба. Существовавшій доселѣ способъ продажи хлѣба мелкими партіями, одновременно и отдѣльно каждымъ дворомъ, признанъ сходами крайне убыточнымъ. При такой продажѣ каждый хозяинъ не добираетъ въ цѣнѣ, такъ какъ на мелкихъ партіяхъ всегда не додаютъ до настоящей рыночной цѣны, затѣмъ онъ переплачиваетъ маклерамъ, теряетъ на вѣсахъ и т. д. Въ виду этого, рѣшено: запродажу хлѣба дѣлать два раза въ годъ—осенью и весной, причемъ предварительно должно исчисляться количество подлежащаго продажѣ хлѣба подворно, а затѣмъ уже эти отдѣльные количества должны заноситься въ общій списокъ, который и будетъ провѣряться обществомъ на сходѣ. Установивши такимъ образомъ общую сумму четвертей подлежащаго продажѣ хлѣба, общество избираетъ изъ своей среды уполномоченныхъ, которыхъ и отправляетъ на общій счетъ въ крупныя хлѣбныя конторы для запродажи хлѣба одною большою партіей.

Вотъ важнѣйшіе вопросы, рѣшенные сходами утвердительно. Много и другихъ существенныхъ дѣлъ, касающихся крестьянскаго неустройства, поднимается въ настоящее время на сходахъ,—наприм., вопросы о хищничествѣ деревенскихъ торгашей и необходимости устройства общественныхъ потребительскихъ лавокъ; объ установленіи общественной опеки надъ тѣми дворами, гдѣ главарями являются пропойцы, несущіе въ кабакъ всѣ семейные достатки и разоряющіе тѣмъ свои хозяйства; объ устройствѣ общественныхъ кузницъ и столяренъ и т. п. Но эти предметы пока еще не разработаны детально, а потому и касаться ихъ въ подробностяхъ преждевременно.

О томъ же ростѣ сознанія въ средѣ рабочихъ, что въ сплоченіи ихъ заключается путь къ улучшенію жизненнаго положенія, сообщаетъ *Самарскій Вѣстникъ* въ статьѣ *Объединеніе рабочихъ*. Въ прошломъ году объединились рабочіе, прикосновенные къ печатному дѣлу, и составили изъ себя общество, уставъ котораго уже утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Недавно состоялось учредительное собраніе ремесленниковъ, на которомъ былъ выработанъ уставъ общества ремесленниковъ и который въ настоящее время отосланъ на утвержденіе къ министру внутреннихъ дѣлъ. Среди машинистовъ и слесарей въ послѣднее время также появилась мысль объединиться между собою. Инициатива такого объединенія принадлежитъ машинистамъ, работающимъ на механическихъ заводахъ. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ всѣ сельскіе хозяева обращались за машинистами къ владѣльцамъ механическихъ заведеній или къ лицамъ, продающимъ сельскохозяйственные машины: въ контору Журавлева, къ Беницеру и т. д. Точно также сборка и ремонтъ машинъ на мѣстѣ работъ производились рабочими по рекомендаціи тѣхъ же лицъ. Такое положеніе этихъ рабочихъ ставило

и до сихъ поръ ставить ихъ въ зависимость отъ упомянутыхъ фирмъ. Очень рѣдки случаи, чтобы даже опытный машинистъ находилъ себѣ дѣло самостоятельно, помимо рекомендацій. Вместе съ тѣмъ, присканіе работы самостоятельно порождало другія неблагоприятныя для рабочихъ слѣдствія. Въ сельскому хозяину, нуждающемуся въ машинистѣ, разомъ являлось нѣсколько лицъ съ предложеніемъ своихъ услугъ, результатомъ чего было пониженіе заработной платы. Продолжительный опытъ такого положенія дѣлъ побудилъ машинистовъ прибѣгнуть, подобно другимъ ремесленникамъ, къ объединенію въ особую группу. Машинисты и слесаря имѣютъ въ виду открыть собственную справочно-рекомендательную контору. Контора эта, помимо справокъ о нуждающихся въ машинистахъ и слесаряхъ сельскихъ хозяевахъ, будетъ также выдавать ссуды незанятымъ рабочимъ. Для открытія подобной конторы машинисты соглашаются на самообложеніе въ размѣрѣ 5 руб. въ годъ. Разсчитывая на согласіе только 500 машинистовъ, получимъ уже сумму, совершенно достаточную для осуществленія задуманнаго предпріятія. Такимъ образомъ, — заключаетъ газета, — въ Самарѣ составляется новая группа рабочихъ, желающихъ, при помощи объединенія, улучшить свое общественное положеніе и обезпечить себя въ дѣлѣ присканія работы.

Отрадное экономическое явленіе представляетъ также образованіе бывшими кустарями обширныхъ артелей, ведущихъ производство при помощи машинъ и, благодаря этому, могущихъ конкурировать съ частными фабриками и заводами. На-дняхъ мы получили печатный отчетъ объ одной изъ такихъ артелей, а именно *Отчетъ правленія навловской артели о ея дѣятельности въ 1894 г.* Артель занята производствомъ ножей. Въ настоящее время членовъ артели 51. Число членовъ возрастаетъ непрерывно и почти на каждомъ (ежемесячномъ) собраніи артели происходятъ выборы новыхъ членовъ. Предпріятіе возникло на деньги, ссуженныя частными лицами; въ отчетномъ же году артель получила новый источникъ средствъ въ кредитъ государственнаго банка. Полученная въ отчетномъ году прибыль даетъ полное основаніе къ дальнѣйшему расширенію предпріятія съ увѣренностью въ успѣхѣ. Благосостояніе работающихъ въ артели увеличивается. Артель имѣетъ вспомогательный капиталъ, изъ котораго выдаетъ краткосрочныя ссуды. Нѣсколькимъ членамъ артель дала ссуды на постройку избъ и покупку скота. Ссуды выдаются также при платежѣ податей и въ другихъ случаяхъ нужды. Дѣлами артели завѣдуютъ общее собраніе и правленіе. На правленіи лежитъ обязанность полученія заказовъ, распредѣленія работы, браковки товара, веденія конторскихъ книгъ и дѣловой корреспонденціи. Общихъ собраній было 11. Общія собранія посвящались обсужденію текущихъ дѣлъ, назначенію заработной платы, вопросамъ внутренняго хозяйства и распорядка. Никакихъ пререканій или несогласій въ артели, — говорится въ отчетѣ, — не возникало. Прискорбный случай, когда пришлось исключить изъ артели члена, передавшаго образцы издѣлій постороннему лицу, послужилъ скорѣе доказа-

тельствомъ внутренняго единства артели. За исключеніемъ двухъ родственниковъ виновнаго, которымъ было предложено воздержаться, если пожелаютъ, отъ голосованія, остальные члены единогласно, закрытою баллотировкой, исключили члена, нанесшаго артели вредъ. Ревизионная коммисія, состоявшая изъ 6 членовъ, произвела 1 января подробный подсчетъ и составила опись всего имущества, матеріаловъ, припасовъ, заготовокъ, готоваго товара, а также обрелизовала книги и счетоводство правленія. Отчетъ свидѣтельствуетъ, что въ послѣдній годъ дѣятельность артели не встрѣчала никакихъ препятствій. Мѣстная администрація, въ лицѣ земскаго начальника и податнаго инспектора, относилась къ артели весьма сочувственно. Губернская фабричная инспекція относилась къ артели также съ большою предупредительностью. Въ отчетномъ году предсѣдатель V отдѣленія общества содѣйствія русской промышленности и торговли, профес. А. А. Исаевъ, прїѣзжалъ въ Павлово, чтобъ ознакомиться съ дѣятельностью артели, присутствовалъ на общемъ собраніи и на обращенную къ нему просьбу собранія выразилъ готовность поддержать ходатайство ея въ Петербургѣ. Признаніе успѣшной дѣятельности артели весьма краснорѣчиво выразилось въ открытіи ей государственнымъ банкомъ кредита. «Такимъ образомъ,—говоритъ отчетъ въ своемъ заключеніи,—въ отчетномъ году наша павловская артель достигла замѣтныхъ успѣховъ какъ въ развитіи комммерческой стороны предпріятія, такъ и въ отношеніи внутренняго своего развитія и упроченія ея положенія. Остается надѣяться, что признаніе ея полезной дѣятельности откроетъ ей источникъ новыхъ средствъ, чтобы расширить предпріятіе и дать ей возможность оказывать существенное вліяніе на улучшеніе положенія трудящагося населенія нашего павловскаго района».

Энергическое содѣйствіе дѣлу развитія артелей въ обрабатывающей промышленности имѣетъ въ виду оказывать такое въ высокой степени симпатичное учрежденіе, какъ кустарно-промышленный банкъ пермскаго губернскаго земства. Оно дѣйствуетъ уже второй годъ, и операціи его быстро расширяются. Правленіе банка не ограничивается лишь кредитомъ кустарямъ,—оно взяло на себя также организацію артелей. вмѣстѣ съ тѣмъ, оно покрыло губернію цѣлою сѣтью мѣстной агентуры, которая, по словамъ недавно изданнаго банковаго отчета, проявляетъ сердечное отношеніе къ дѣлу, преслѣдуя при этомъ единственную цѣль—служеніе народнымъ интересамъ. Къ концу прошлаго года банкъ располагалъ сотрудничествомъ 109 лицъ, большинство которыхъ составляютъ народные учителя; далѣе идутъ: врачи, агрономы, податные инспектора, страховые агенты, губернскіе и уѣздные гласные, чины лѣснаго вѣдомства и другіе люди разнаго званія и положенія. Всѣ эти агенты банка работаютъ безвозмездно и способствуютъ тому, что дѣятельность банка проникаетъ даже въ самые глухіе уголки губерній.

Подготавливаетъ дѣло организаціи промышленныхъ артелей и вятское земство. Подготавливаетъ оно его путемъ распространенія машиннаго произ-

водства среди кустарей. Этотъ совершенно новый видъ земской помощи кустарямъ,—какъ сообщаетъ *Вятская Газета*,—предполагается устроить слѣдующимъ образомъ. Изъ тѣхъ селъ и деревень, гдѣ много кустарей, занимающихся какимъ-нибудь промысломъ, кустари эти могутъ подавать или посылать прошенія въ губернскую или уѣздную управу о томъ, чтобы имъ въ селеніи поставили ту или иную машину. Губернская управа выпишетъ машину и подыщетъ въ деревнѣ хорошаго и добросовѣстнаго чело-вѣка, у котораго было бы подходящее помѣщеніе для постановки машины. Человѣку этому, который будетъ называться довѣреннымъ, управа поручитъ хранить машину, смотрѣть за нею и поправлять ее при помощи земскаго мастера, а также довѣритъ ему собирать деньги съ кустарей за пользованіе машиной. Полученныя деньги должны записываться въ общую книгу, которую управа выдаетъ довѣренному. Довѣренный за помѣщеніе и труды по храненію машины будетъ получать жалованье отъ управы. Въ случаѣ, если довѣренный окажется недобросовѣстнымъ или будетъ небрежно содержать машину, управа отбираетъ отъ него машину и передаетъ другому, болѣе исправному и добросовѣстному. Надзоръ за довѣреннымъ, смотря по мѣстности, гдѣ находится машина, можетъ быть порученъ уѣздной управѣ или кому-либо изъ агентовъ земства, а въ крайности даже и постороннему лицу. Такимъ путемъ кустари научатся обращаться съ машиной, хорошо поймутъ выгоды машиннаго производства, усилятъ свои навыки работы сообща, а все это расчищаетъ дорогу къ успѣшной организаціи большихъ промышленныхъ артелей. Въ то же время, вятское земство обращаетъ большое вниманіе на поднятіе профессиональныхъ знаній среди кустарей и улучшеніе техники производства. Съ этою цѣлью въ центрахъ кустарныхъ производствъ устриваются земствомъ учебныя мастерскія. Въ настоящее время имѣются уже слѣдующія мастерскія: *ткацкія*, организованныя во всѣхъ уѣздахъ губерніи. *Ковровыя* по тюменскому способу изъ конской и коровьей шерсти. *Издѣлія изъ соломы* (плетеніе шляпъ, саквояжей, сумокъ и мн. др.). *Издѣлія изъ бересты*; издѣлія эти, отличающіяся большимъ разнообразіемъ и изяществомъ, идутъ въ Москву, Петербургъ, и недавно образцы ихъ высланы въ нью-йоркскій складъ русскихъ кустарныхъ предметовъ. Производство это является совершенно новымъ въ Вятской губерніи, гдѣ до сего времени дѣлались изъ бересты только простые бураки. Точно такимъ же новымъ производствомъ является *плетеніе разныхъ вещей изъ хвоща*, растущаго въ большомъ изобиліи въ рѣкахъ и прудахъ Вятской губерніи, но до сихъ поръ не употреблявшася ни на что. Между тѣмъ, изъ этого матеріала можно дѣлать много красивыхъ и полезныхъ предметовъ, какъ, напримѣръ, корзины, саквояжи, сумки, половники и т. п. *Издѣлія изъ ивы* (плетеная мебель, корзины и другія вещи). Въ центрахъ *токарнаго* и *ложкарнаго* промысловъ устроены какъ таковыя же мастерскія, такъ и мастерскія по *окраскѣ деревянныхъ и желязныхъ вещей* по уренскому способу. *Издѣлія изъ рога*; они отличаются разнообразіемъ и достигли значительной чистоты отдѣлки, почему

охотно раскупаются какъ въ вятскомъ складѣ кустарныхъ издѣлій, такъ и въ его отдѣленіяхъ. На эти издѣлія складомъ получено уже требованіе изъ-за границы. Обученіе *гончарному производству* организовано въ центрѣ населенія горшечниковъ. *Кружевная мастерская*, выпускающая мастерицы для распространенія въ населеніи усовершенствованныхъ способовъ. На слѣдующій годъ губернская управа проектируетъ организовать новыя учебныя мастерскія: одну—по *щеточному* производству, для развитія котораго имѣются всѣ условія, и другую—для улучшенія *одеяльного* промысла, которымъ занимается масса кустарей во многихъ уѣздахъ Вятской губерніи.

Ходъ общественныхъ явленій въ Западной Европѣ, работа экономической науки и журналистики въ Россіи способствовали и продолжаютъ способствовать распространенію въ нашемъ отечествѣ пониманія той массы зла, которое несетъ съ собою капиталистическое производство. Отсюда симпатія лучшей части нашего общества къ упроченію самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства, къ поддержанію кустарной промышленности и къ накопленію условій для успѣшнаго перехода этой послѣдней въ промышленныя артели, которыя въ состояніи были бы конкурировать съ фабричнымъ и заводскимъ производствомъ. Эти идеи упроченія экономической самостоятельности народа начинаютъ, повидимому, проникать въ послѣднее время и въ экономическую политику правительства. Въ этомъ отношеніи огромную важность имѣетъ изданіе закона, затруднившего отчужденіе крестьянской надѣльной земли и оберегающаго тѣмъ земельный фондъ народа; большую важность имѣютъ также долженствующіе поступить скорѣе въ государственный совѣтъ проекты объ арендѣ крестьянами государственной земли и о реформѣ крестьянскаго банка.

Въ одной Европейской Россіи земли, предлагаемыя казною въ аренду, составляютъ около *шести* миллионныхъ десятинъ. И это громадное пространство государственной земли приносило до сихъ поръ мало пользы народу. Даже по официальнымъ свѣдѣніямъ министерства земледѣлія, полученнымъ изъ различныхъ губерній, «ни казна не извлекаетъ изъ своихъ земель всего того дохода, который могутъ дать эти земли, ни крестьяне, съ своей стороны, не пользуются казеннымъ земельнымъ фондомъ въ достаточно широкихъ размѣрахъ, и, притомъ, не всегда пользованіе этими землями служитъ къ поднятію ихъ благосостоянія; большая часть крестьянскаго населенія пользуется казенными землями уже изъ вторыхъ рукъ, являясь субарендаторами крупныхъ съемщиковъ, на долю которыхъ выпадаетъ большая часть доходовъ, которые казна могла бы получить сама при непосредственной сдачѣ земель крестьянамъ». И это происходитъ потому, что земли казны разбиты на участки такой величины, что аренда ихъ для отдѣльных крестьянъ и небольшихъ группъ со среднимъ достаткомъ является непосильной, аренда же цѣлыми обществами, въ большинствѣ случаевъ, можетъ состояться вслѣдствіе искусственной конкуренціи спекуляторовъ-съемщиковъ на торгахъ. Земли казны сдаются съ торговъ и, благодар-

этому, сѣмщики-спекуляторы почти всегда находятся въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, нежели уполномоченные общества. Въ тѣхъ случаяхъ, когда для крестьянъ аренда земли дѣлается необходимою, сѣмщики нечѣмъ не рискуютъ, набивая цѣну. Они знаютъ, что всегда могутъ передать землю съ барышомъ тѣмъ же крестьянамъ. Когда же уполномоченные общества вѣрительными приговорами уполномочены торговаться только до известной опредѣленной цѣны, сѣмщики, зная эту цѣну, дѣлаютъ лишь незначительную надбавку, и земля остается за ними. Всѣмъ этимъ хорошо объясняется развившаяся сѣмка казенныхъ земель спекуляторами и незначительность аренды обществами и товариществами. Торговля государственною землею представляетъ развившійся промыселъ, который даетъ большіе барыши. Насколько велика прибыль отъ спекулятивной переуступки земли, видно изъ слѣдующихъ данныхъ, опубликованныхъ недавно самарскимъ земствомъ. По Самарскому уѣзду (преобладаетъ 3-хъ полный сѣвооборотъ) сѣмщикъ платитъ за 2 дес. 8 р. 67 к. и получаетъ 14 р. 60 к. (168,91%). По Бугульминскому уѣзду (преоблад. 3-хъ полный сѣвооборотъ) платитъ за 2 дес. 2 р. 70 к., получаетъ 8 р. 40 к. (311,3%). По Бузулукскому уѣзду при 3-хъ полномъ сѣвооборотѣ сѣмщикъ платитъ за 2 дес. 4 р. 22 к., получаетъ 9 р. 60 к. (227,5%), при 6-ти полномъ сѣвооборотѣ платитъ 8 р. 46 к., получаетъ 9 р. 80 к. и у него остается 4 дес. луговъ (116,85%) и т. д. Къ большой выгодѣ сѣмщиковъ-спекуляторовъ служить также и то, что хотя о сдающихся казною въ аренду земляхъ и дѣлаются публикации, но о публикаціяхъ этихъ сидящіе по своимъ деревнямъ крестьяне не знаютъ. Кромѣ того, торги нерѣдко назначаются въ такое время (іюнь, іюль), когда у крестьянъ наличныхъ денегъ не бываетъ, а, между тѣмъ, требуются залогомъ. И вотъ такой порядокъ въ арендованіи государственной земли существуетъ десятки лѣтъ, несмотря на то, что казна, *безъ всякихъ потерь для себя*, могла бы сдѣлать существенныя облегченія въ условіяхъ аренды и тѣмъ дать возможность большому числу крестьянъ арендовать земли изъ первыхъ рукъ. На мѣры къ этой цѣли давно уже указывалось печатью и земствомъ; онѣ должны заключаться въ раздробленіи крупныхъ участковъ на мелкіе и въ сдачѣ участковъ не съ торговъ, а по предварительной ихъ оцѣнкѣ и предпочтительно крестьянскимъ обществамъ и товариществамъ. Именно эти мѣропріятія и легли въ основаніе законопроекта министерства земледѣлія, занявшагося преобразованіями въ своемъ обширномъ земельномъ хозяйствѣ. Министерскій проектъ имѣетъ въ виду образовывать вблизи селеній вездѣ, гдѣ только возможно, такія оброчныя земли, которыя по размѣрамъ своимъ удовлетворяли бы нуждамъ этихъ селеній и оставались бы за сельскими обществами безъ торговъ.

При разработкѣ законопроекта, измѣняющаго дѣйствующій порядокъ арендованія государственныхъ земель, возникъ вопросъ о земляхъ, которыя являются избыточными для мѣстнаго населенія. По этому поводу въ совѣщаніи шла рѣчь о внесеніи въ законопроектъ постановленія, ограничивающаго арендованіе отдѣльными лицами государственной земли известнымъ

небольшимъ размѣромъ. Но совѣщаніе отклонило это предложеніе изъ опасенія, чтобы часть государственной земли не осталась безъ арендаторовъ. Оно полагало, что самый опасный для мѣстнаго населенія видъ посредничества при арендѣ казенной земли будетъ и безъ того устраненъ, если будетъ осуществлено постановленіе, что «земли, въ коихъ нуждаются сельскія общества, должны быть приурочены исключительно къ этимъ послѣднимъ и не могутъ сдаваться въ другія руки». Но сколько есть мѣстностей, гдѣ казна не въ состояніи обезпечить крестьянъ арендой вблизи надѣла! Поэтому было бы правильнѣе воспользоваться казенною землей, оставшеюся за удовлетвореніемъ мѣстной нужды, для переселенія изъ губерній малоземельныхъ. Справедливо, что проектируемымъ министерскимъ постановленіемъ дѣятельность спекуляторовъ сильно ограничивается; она переносится лишь на излишекъ казенной земли, который останется за отводомъ крестьянскимъ обществамъ того именно количества, въ какомъ ощущается недостатокъ въ надѣлахъ. Но при обсужденіи этого вопроса слѣдовало бы обратить побольше вниманія на то обстоятельство, что земли, ненужныя для мѣстнаго населенія, нужны для народа, взятаго въ цѣломъ. Вѣдь, сколько есть мѣстностей, гдѣ казна не въ состояніи обезпечить крестьянъ арендой вблизи надѣла. Если бы на оставшіяся за удовлетвореніемъ мѣстной нужды государственныя земли былъ открытъ доступъ для переселенія изъ малоземельныхъ мѣстностей, то это послужило бы въ пользу и финансамъ государства, и народнымъ интересамъ. Только по причинѣ отсутствія подобной организаціи у насъ возможны такія явленія, что одновременно съ тяжелымъ и разорительнымъ передвиженіемъ въ далекую Сибирь переселенцевъ изъ губерній Полтавской, Черниговской, Курской и другихъ, въ разстояніи всего 500, много тысячи верстъ — въ Псковской, Тверской или Новгородской губерніяхъ лежатъ безъ пользы и не находятъ арендаторовъ тысячи десятинъ казенной земли, годной для хозяйства. Стая посредникомъ между мѣстностями съ избыткомъ населенія и мѣстностями съ избыткомъ земли составляетъ прямое дѣло центральныхъ и земскихъ органовъ государства.

Другимъ чрезвычайной важности законопроектomъ, вносимымъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, является реформа крестьянскаго банка, долженствующая поставить банкъ въ положеніе, соответствующее его названію. *Самарскій Вѣстникъ* въ статьѣ *Дѣятельность самарскаго отдѣленія крестьянскаго поземельнаго банка* даетъ хорошую иллюстрацію того, какъ мало служитъ банкъ интересамъ крестьянскаго сословія, какъ не выполнялъ онъ задачи, ради которой былъ учрежденъ, какъ долго оставались тщетными земскія представленія и ходатайства по этому предмету.

Какъ только, — говорится въ статьѣ, — состоялось учрежденіе крестьянскаго банка и стали открываться въ нѣкоторыхъ городахъ его отдѣленія, самарская губернская управа представила земскому собранію докладъ, въ которомъ, указывая на безотрадное положеніе кредита для крестьянъ въ губерніи, настаивала на томъ, что наиболѣе плодотворною

формой кредита для крестьянъ представляется кредитъ для покупки земли. И это потому, что «прогрессивный упадокъ крестьянскаго хозяйства и общая задолженность, главнымъ образомъ, зависятъ отъ недостатка находящихся въ распоряженіи крестьянъ земель и угодій». Указавъ далѣе на то, что тотъ надѣлъ, который первоначально былъ данъ на ревизскую душу, значительно уменьшился отъ естественнаго прироста населенія, вслѣдствіе чего недостаточность земли, выгона и луговъ вызываетъ необходимость арендовать ихъ на сторонѣ за дорогую плату, и приведа въ подтвержденіе этого соответствующія статистическія данныя, губернская управа писала въ докладѣ, что приобрѣтеніе земли является завѣтною мечтою всего крестьянскаго населенія и только одинъ слухъ о крестьянскомъ земельномъ банкѣ породилъ уже массу попытокъ получить его содѣйствіе. Далѣе, отмѣтивъ значительный переходъ дворянскихъ земельныхъ имуществъ въ руки купцовъ на крайне невыгодныхъ для продавцовъ условіяхъ, управа сводила свои разсужденія, въ концѣ-концовъ, къ тому, что и «въ интересахъ крестьянскаго населенія, и въ интересахъ дворянскаго землевладѣнія (которое можетъ при содѣйствіи банка гораздо выгоднѣе продавать свои земли крестьянамъ), и въ общихъ интересахъ губерніи слѣдуетъ желать, чтобы крестьянамъ была предоставлена возможность являться преемниками владѣній крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ результатѣ губернская управа рекомендовала собранію ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ о немедленномъ учрежденіи въ Самарской губерніи отдѣленія крестьянскаго банка. Собраніе безъ преній единогласно приняло предложеніе управы. Ходатайство было возбуждено и увѣнчалось успѣхомъ: 5 іюня 1885 года въ Самарѣ состоялось открытіе отдѣленія помянутаго банка. Такимъ образомъ, 5 іюня истекло десять лѣтъ существованія въ Самарѣ крестьянскаго банка. Какіе же результаты принесъ онъ населенію губерніи? Къ сожалѣнію,—отвѣчаетъ *Самарскій Вѣстникъ*,—банкъ у насъ, какъ и въ прочихъ губерніяхъ, не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались при его учрежденіи. Прошло два года послѣ открытія банка, и губернскому земскому собранію пришлось выслушать докладъ о совершенно ничтожной дѣятельности крестьянскаго банка въ то самое время, когда однихъ безземельныхъ крестьянъ, получившихъ четвертной надѣлъ, 67,000 душъ въ губерніи и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, дворянскія имѣнія продолжали дѣятельно переходить въ руки купцовъ. Какъ на главную причину такого явленія, указывалось на недостаточность пособія, оказываемаго банкомъ крестьянамъ, и на требованіе значительныхъ доплатъ. Обо всемъ этомъ собраніе сдѣлало представленіе правительству и ходатайствовало объ измѣненіи устава банка и направленія его дѣятельности. На это ходатайство не послѣдовало никакого отвѣта. Самарское отдѣленіе банка продолжало и въ послѣдующіе годы столь вялую дѣятельность, которая граничила съ полною бездѣятельностью. Это побудило самарское земство вновь ходатайствовать передъ правительствомъ о реформѣ крестьянскаго банка. Въ ходатайствѣ указывалось, что главною причиною паденія значенія банка яв-

ляется требованіе значительной доплаты. Дѣятельность банка тогда только получить возможность развиваться, когда ссуда будетъ выдаваться полностью, а крестьянинъ, покупая на нее землю, будетъ имѣть средства для увеличенія инвентаря и для другихъ расходовъ, вызываемыхъ земледѣльческімъ промысломъ. Теперь самарское земство, какъ и прочія земства, ожидаетъ предстоящей реформы крестьянскаго банка, какъ одного изъ важнѣйшихъ законодательныхъ актовъ, могущихъ содѣйствовать улучшенію экономическаго положенія народа.

Переимѣна системы сдачи государственной земли въ аренду и преобразование крестьянскаго банка ведутъ за собою, въ числѣ многихъ другихъ благотворныхъ явленій, также сокращеніе размѣровъ такого большого зла, какъ ежегодное массовое шатаніе крестьянства на сельскіе заработки изъ многихъ губерній, по преимуществу центральныхъ черноземныхъ, въ губерніи южныя и юго-восточныя. Это блужданіе сельскихъ рабочихъ изъ одного мѣста въ другое,—блужданіе, направляемое слухами, лишенными часто основанія,—причиняетъ массу лишеній, разоряетъ рабочаго и отнимаетъ у него дорогое время и послѣдніе гроши. Не заработавъ ничего, онъ еле-еле возвращается домой, побираясь по-миру. Эта бесполезная, безцѣльная трата народнаго труда измѣряется въ общей сложности милліонами рублей. Между тѣмъ, такое массовое передвиженіе сельскихъ рабочихъ увеличивается изъ года въ годъ вслѣдствіе возрастающаго стѣсненія въ землѣ и невозможности приложить свой трудъ дома. Теперь уже официально признано, что однѣ центральныя губерніи имѣютъ избытокъ населенія въ шесть милліоновъ, не находящихъ работы въ сельскомъ хозяйствѣ упомянутаго района. И вотъ, гонимые нуждой, бредутъ толпы рабочихъ въ надеждѣ найти гдѣ-нибудь работу. Въ нынѣшнемъ году, какъ сообщаютъ южныя провинціальныя газеты, наплывъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ былъ особенно великъ. Объясняется это тѣмъ, что задолженность крестьянъ стала настолько велика, что даже такіе урожаи, какъ, наприм., прошлагодній, не въ состояніи оказать существенной помощи крестьянскому хозяйству: большая часть урожая должна была уйти на покрытіе недоимокъ прежнихъ лѣтъ и на взносъ податей текущаго года. Результатомъ такого стеченія рабочихъ явилось: пониженіе обычной платы въ зависимости отъ превышенія предложеній надъ спросомъ. Только половинѣ пришедшихъ рабочихъ,—пишутъ въ *Нижнегородскій Листокъ* изъ Херсона,—удалось подрядиться на уборку травъ и хлѣба; остальная половина должна была возвратиться ни съ чѣмъ. Изъ экономій,—продолжаетъ корреспондентъ,—получается въ нынѣшнемъ году очень мало утѣшительныхъ вѣстей для пришлаго рабочаго; паровыя вѣялки, молотилки и конныя косилки все болѣе и болѣе распространяются по экономіямъ и, одновременно съ этимъ, все болѣе и болѣе сокращается спросъ на рабочія руки, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, все ниже и ниже спускается заработная плата. Такъ, въ нынѣшнемъ году за всю «страду», продолжающуюся съ 1 іюня до 1 октября, предлагали въ Херсонѣ рабочему 45—50 р., а работницѣ 38—40 р.; въ другихъ мѣст-

ностяхъ нанимали рабочихъ еще дешевле. Главный наемъ рабочихъ въ Херсонѣ происходитъ во время троицкой ярмарки. По вѣшнему виду и матеріальному положенію, пришлые рабочіе мало чѣмъ отличаются отъ местныхъ: та же рвань на плечахъ и ногахъ, та же крайняя изможденность на лицѣ и во взглядѣ, тѣ же запекшіяся и растрескавшіяся губы. Цѣлыя надѣлы проживалъ этотъ людъ въ Херсонѣ на ярмарочной площади, ночуя подъ открытымъ небомъ, на голой землѣ. Сначала ихъ донималъ дождь, потомъ зной, духота и пыль. Люди совершенно сливались съ окружающимъ ихъ здѣсь сѣрымъ цвѣтомъ. Сѣрая земля, сѣрая пыль въ воздухѣ, сѣрая одежда, сѣрые лица, волосы на головахъ,—словомъ, одно огромное сѣрое пятно. Въ виду значительнаго процента заболѣваемости, губернское земство на свои средства организовало бесплатную медицинскую помощь для прибывающихъ рабочихъ.

Давно уже идетъ рѣчь о необходимости урегулированія движенія земледѣльческихъ рабочихъ, о поставленіи ихъ въ извѣстность касательно мѣстъ и размѣровъ спроса на трудъ. Надъ этимъ важнымъ и чрезвычайно труднымъ дѣломъ работаетъ теперь правительственная коммиссія. Было бы весьма цѣлесообразно, если бы коммиссія, при разработкѣ указаннаго вопроса, предложила мѣры не только къ урегулированію происходящаго ежегодно массоваго передвиженія сельскихъ рабочихъ, но также и мѣры къ сокращенію этого ненормальнаго явленія, свидѣтельствующаго о крайнемъ неустройствѣ нашего сельско-хозяйственнаго промысла. Если населеніе южныхъ губерній не въ состояніи справиться съ обработкой наличнаго количества имѣющейся земли, то наиболѣе цѣлесообразнымъ рѣшеніемъ этого вопроса является переселеніе сюда извѣстной части крестьянства изъ внутреннихъ губерній, гдѣ оказывается излишекъ рабочихъ рулѣ и недостатокъ въ землѣ. Къ той же цѣли ведетъ увеличеніе земли для той части крестьянства, которая имѣетъ малые надѣлы. Именно эту почтенную задачу преслѣдуетъ бузулукское земство, представившее въ самарскую губернскую управу докладъ объ оказаніи помощи малоземельнымъ крестьянамъ предоставленіемъ имъ аренды черезъ посредство земства, а также права выкупа казенной земли. Дѣло это было передано губернскимъ земствомъ на разсмотрѣніе особой коммиссіи, которая разработала данный вопросъ подробно, и докладъ ея, предварительно рѣшенія дѣла, разосланъ гласнымъ. Оказывается, что крестьяне Самарской губерніи арендуютъ около 2½ милліоновъ десятинъ, но аренда эта имѣетъ случайный характеръ, что невыгодно отражается какъ на цѣнѣ, такъ и на устойчивости крестьянскихъ хозяйствъ. Съ другой стороны, есть очень много крестьянъ съ малымъ надѣломъ, недостаточность котораго увеличивается съ каждымъ годомъ. По вычисленію коммиссіи, для устраненія малоземелья необходимо прибавить къ крестьянскому хозяйству 497½ тысячъ десятинъ. Между тѣмъ, въ той же губерніи имѣется болѣе полутора милліона десятинъ казеннаго владѣнія, изъ которыхъ около третьей части остается не розданною въ аренду, т.-е. почти не приносящую дохода. Выходитъ, что этотъ излишекъ казен-

паго владѣнія почти равняется недостатку крестьянскихъ надѣловъ. Въ виду подобныхъ данныхъ, комиссія признаетъ мысль, предложенную бузулукскимъ земствомъ, вполне заслуживающею поддержки.

Со времени введенія казенной продажи вина и открытiя губернскихъ и уѣздныхъ попечительныхъ о народной трезвости комитетовъ, обществу предоставлена большая возможность борьбы съ однимъ изъ золъ народной жизни. И общество начинаетъ дѣятельно пользоваться этою возможностью. Каждый день провинциальныя газеты приносятъ извѣстiя изъ разныхъ мѣстъ Европейской Россiи о возникающихъ обществахъ трезвости и о приговорахъ сельскихъ обществъ, постановляющихъ закрытiе кабаковъ. При этомъ попечительные о народной трезвости комитеты и общества трезвости стали на самый правильный путь для борьбы съ пьянствомъ: они открываютъ въ городахъ и селахъ въ праздничные дни, а на большихъ ярмаркахъ и ежедневно, народныя чтенiя, затѣмъ устраиваютъ народныя читальни, театральныя представленiя, дешевыя столовыя. Словомъ, они борются съ кабакомъ путемъ распространенiя образованiя и доставленiя народу разумныхъ развлеченiй. Какъ обращенiе дѣятельности обществъ трезвости, мы приведемъ выдержки изъ вышедшихъ недавно отчетовъ архангельскаго и сарапульскаго обществъ трезвости.

Въ Архангельскѣ общество трезвости существуетъ уже два года. Продолжая свою дѣятельность въ борьбѣ съ злоупотребленiемъ спиртными напитками способами, практиковавшимися въ предъидущемъ году, посредствомъ распространенiя среди населенiя Архангельской губернiи полезныхъ книгъ и брошюръ и устройства бесплатныхъ народныхъ чтенiй въ Архангельскѣ, комитетъ общества трезвости въ отчетномъ году расширилъ эту дѣятельность открытiемъ бесплатной народной читальни и устройствомъ дешевой народной столовой при существующей дешевой чайной общества. Дешевая народная столовая открыта съ 1 iюня 1894 года, съ цѣлью предоставленiя простому народу за весьма умѣренную плату вполне здоровой и питательной пищи. Со времени открытiя столовой по 1 октября 1894 года было посѣтителей до 1,400 человекъ. Бесплатныя народныя чтенiя общества трезвости въ отчетномъ году устраивались въ двухъ пунктахъ города. Въ видахъ предоставленiя народу полезныхъ и доступныхъ для него развлеченiй, комитетъ общества трезвости предпринялъ устройство народныхъ спектаклей. Средства, вырученныя отъ спектаклей, обращены были на нужды народной читальни.

Большой интересъ представляетъ организацiя и дѣятельность сарапульскаго общества трезвости. Открыто оно въ iюль 1893 года. Начало этому хорошему дѣлу положили нѣсколько ремесленниковъ-чоботарей. Но прошло немного болѣе года и число членовъ возросло съ 30 человекъ до 457,—400 мужчинъ и 57 женщинъ. Большинство членовъ мѣщане и крестьяне. Почти всѣ грамотныя. Прежде всего, обществомъ открыта была чайная, гдѣ члены союза собираются для общенiя другъ съ другомъ и для чтенiя газетъ. Чайною управляютъ нѣсколько женщинъ-членовъ поочередно. Плата

въ чайной установлена невысокая: порція чая на одного человека въ половину золотника и 2 куска сахару — 3 копейки; хлѣбъ и булки по базарной цѣнѣ. За восемь мѣсяцевъ чайная отпустила до 12,000 порцій и выручила 571 р. 77 к., и, за расходами, получила чистаго дохода 215 р. 88 к. Въ чайной имѣются слѣдующія газеты, присылаемыя членамъ общества бесплатно: *Волжскій Вѣстникъ*, *Русскія Вѣдомости*, *С.-Петербургскія Биржевыя Вѣдомости*, *Свѣтъ*, *Нива*, *Вятская Газета* и выписанный на средства общества *Вѣстникъ Трезвости*. Въ чайной имѣются шахматы и шашки, какъ любимая игра ремесленниковъ. Затѣмъ общество учредило читальню. Читальня имѣетъ 246 названій книгъ въ 347 томахъ, большія стѣнные географическія карты, географическій атласъ и глобусъ. Читальня открыта каждый день по вечерамъ съ 7 до 11 часовъ, по воскресеньямъ же и праздничнымъ днямъ—отъ 12 до 3 часовъ. Далѣе были устроены уроки кройки. Большинство ученицъ здѣсь въ возрастѣ отъ 18 до 30 лѣтъ. Организованы также для желающихъ уроки пѣнія. Кромѣ свѣтскаго, изучается церковное пѣніе; члены общества поютъ хоромъ обѣдню, участвуютъ на молебнахъ и паннихидахъ. Общество имѣетъ также оркестръ изъ собственныхъ членовъ. Въ помѣщеніи общества состоялось 6 театральныхъ представлений и одно чтеніе съ пѣніемъ. Спектакли были бесплатными для членовъ общества, съ постороннихъ же выручено 455 руб. 85 к. Такова чрезвычайно живая и почтенная дѣятельность саранульскаго общества трезвости. По свидѣтельству отчета, нѣкоторые изъ членовъ общества были извѣстны прежде за лицъ, ведущихъ пьяный и безпутный образъ жизни.

Въ Европейской Россіи, — говоритъ *Сибирскій Вѣстникъ*, — противъ хищническихъ аппетитовъ кабатчиковъ въ защиту населенія, опутаннаго этими дѣльцами, выступило въ борьбу само правительство путемъ введенія казенной продажи вина и возможнымъ регулированіемъ его потребления. Тихо на этотъ счетъ только у насъ, въ нашей далекой сибирской окраинѣ!... Никакого движенія въ указанномъ направленіи у насъ пока не замѣчается. А, между тѣмъ, кому же не извѣстно, какою широкою, губительною волной разливается водка по Сибири? Кому не извѣстно, что изъ всѣхъ родовъ промышленности въ Сибири наибольшаго развитія и процвѣтанія достигла только одна водочная промышленность? Кому не извѣстны непомерные аппетиты нашихъ винныхъ королей, неоднократно равнившихъ, по взаимному соглашенію, единственную сдерживавшую ихъ узду конкуренціи и устанавливавшихъ между собою солидарность дѣйствій въ видѣ стечки, какъ это имѣло мѣсто, наприм., у насъ въ Томскѣ въ 1888 году? Теперь началась постройка великаго сибирскаго рельсоваго пути, появились многія тысячи пришлаго рабочаго люда, закипѣла дѣятельность по постройкѣ линіи. Почувявъ богатую наживу отъ массы пришлаго рабочаго люда, кабатчики бросились на линію и устроили свои заведенія повсюду, а особенно въ мѣстахъ наибольшей скученности народа. Какою широкою рѣкой льется водка изъ кабаковъ, обращикомъ можетъ служить такой

фактъ, что валовой оборотъ кабака въ деревнѣ Бутры достигъ въ прошломъ году 100,000 рублей. Корреспонденты сибирскихъ газетъ сообщаютъ о тѣхъ разнообразныхъ ухищреніяхъ, къ какимъ прибѣгаютъ кабатчики для спаиванія народа. Газета обращается къ желѣзно-дорожной администраціи съ просьбой обратить вниманіе на это зло и принять мѣры для защиты матеріальныхъ и духовныхъ силъ рабочаго населенія, пришедшаго строить великій сибирскій путь.

Строится также желѣзная дорога на нашѣмъ Сѣверѣ, и здѣсь вмѣшательство власти въ quasi - «свободныя» экономическія отношенія является чрезвычайно необходимымъ. Вотъ что разсказывается въ письмѣ изъ Архангельска, напечатанномъ въ *Недѣль* подъ заглавіемъ *Мужицкая одиссея*: «За нѣсколько недѣль до Великаго поста по селамъ и деревнямъ Рязанской губерніи разъѣзжалъ какой-то нѣмецъ г. Курма, подряжавшій мѣстныхъ крестьянъ работать на чугуны въ Архангельскѣ. Догадывались мужики, что это гдѣ-то очень далеко, и вначалѣ недовѣрчиво относились къ «нѣмцу», но послѣдному удалось успокоить мужиковъ и вскорѣ желающихъ къ нему наняться нашлось нѣсколько сотъ человѣкъ. Онъ охотно давалъ мужикамъ задатки отъ 7 до 15 руб., — а деньги имъ въ ту пору были нужны до зарѣзу, — и этимъ еще болѣе склонялъ ихъ на свою сторону. «Работа вамъ предстоитъ легкая, — говорилъ онъ, — потому линія ведется по сухому и ровному мѣсту и только кое-гдѣ на пути встрѣтятся пески, да и тѣхъ немного». — «Пески—это ничего! — отвѣчали ему на это мужики, — съ песками мы давно знакомы, а вотъ если болота?!» — «Ну, объ этомъ тоже беспокоиться нечего: коли встрѣтятся болота—сапоги выдамъ», — утѣшалъ подрядчикъ. И крестьяне подписывали условія и вручали ему свои паспорта. Условія были такія: 1) работать *отъ восхода солнца до заката солнца*... «Ужь само собою, какъ и вездѣ», — говорили на это мужики; 2) пища готовая, т.-е. подрядчика, мяса ѣшь до отвала, квасу пей, сколько хочешь, — говорилъ «нѣмецъ»; 3) дорога туда и обратно его же, съ готовымъ продовольствіемъ, и 4) работать со дня прибытія до Покрова за плату по 60 руб. каждому. «И многолько бы это, да что ужъ съ вами дѣлать», — сказалъ въ заключеніе подрядчикъ, пряча въ свой чемоданъ мужицкіе условія и паспорта.

Далѣе начинается мужицкая одиссея, которую авторъ письма передаетъ словами нанятыхъ мужиковъ, дополняя остальное, какъ очевидецъ: «До Рязани изъ уѣздовъ, — говорили мужики, — мы шли пѣшкомъ и питались своимъ хлѣбомъ. Въ Рязани насъ посадили на чугунку и подрядчикъ выдалъ на продовольствіе по 20 к. каждому. Добрались до Москвы. Не далъ и хлѣба закупить: опять на чугунку. Кое-какъ дотащились до Ярославля и снова на чугунку. Мы не идемъ, требуемъ денегъ на хлѣбъ. «Послѣ, — говорить, — когда въ вагоны усядетесь». — «А гдѣ же мы хлѣбъ-то добудемъ тогда?» И говорить не хочетъ, приказываетъ переправляться черезъ Волгу и садиться въ вагоны. Мы къ губернатору. Разсказали ему, что и какъ, — приказалъ выдать. Съѣли, добрались до Вологды. Тамъ та гдѣ

исторія. Купили хлѣба на трое сутокъ, посадили на баржи. До Архангельска плыли четверо сутокъ, такъ что сутки сидѣли голодомъ. Прибыли въ Архангельскъ подь вечеръ, просили на хлѣбъ у подрядчика, — не тутъ-то было: «Послѣ, — говоритъ, — когда на мѣсто доставлю, тамъ для васъ обѣдъ приготовленъ», — и скрылся. А полиція и на берегъ не позволила сойти. Постояли часа два у пристани, потащилъ насъ пароходъ до мѣста, вереть за восемь на другую сторону рѣки. Вышли, наконецъ, на берегъ, а подрядчикъ ужъ тамъ. «Вотъ, — говоритъ, — вамъ: ѣшьте». И выдалъ каждому изъ насъ по ломту хлѣба съ ладонь величины, а на немъ по ломотку мяса, вродѣ какъ въ трактирахъ на закуску подаютъ. Куснули мы раза два — и нѣтъ ничего, а голодны, какъ собаки. «Ну, теперь, — говоритъ, — берите «коляски» (тачки) и маршъ въ путь». А какое ужъ въ путь, да еще съ «колясками» пуда по полтора вѣсомъ каждая, когда мы до того отошали, что на ногахъ едва держимся, а идти нужно было вереть 50? Не послушали мы его и тутъ же на берегу расположились отдохнуть. Тутъ - то мы и догадались, какъ ловко надулъ насъ «нѣмецъ», когда заключалъ условіе работать отъ восхода до заката. Закатъ-то въ Архангельскѣ чуть не въ полночь бываетъ, а восходъ часа въ два ночи... И все вотъ такъ обманомъ дѣйствовалъ. Отдохнули мы, пошли. Пришли на мѣсто, кругомъ болото, вода. Стали просить сапоги, какъ было обѣщано. «Извольте, — говоритъ, — только за сапоги я возьму съ васъ по *трешку*, а за кожаные «поршни» (вродѣ лаптей) по 1½ пѣлевыхъ». Понятно, никто не взялъ. Стали на работу. Вода по колѣни, а подь водой еще ледъ. Холодъ, къ тому же, сдѣлался. Проработали день, два, смотримъ: изъ нашей партіи до 100 человекъ больныхъ. Оно понятно: ноги весь день въ холодной водѣ, а самъ вспотѣешь. Да какъ съ поту-то ещехватишь болотной водицы (другой-то нѣтъ, а о квасѣ и не слышали), глядишь, на завтра и головы поднять не можешь. Распухнешь весь, лихорадка тебя бьетъ, а голова какъ свинцомъ валита. Къ тому же, кормъ былъ плохой: солонина порченная, рыба вонючая, да и хлѣбъ нехорошій. Спали въ досчатыхъ баракахъ на голыхъ доскахъ, потому на нарахъ, кромѣ сырого мха, отъ котораго только забнешь, никакой другой подстилки не было, и мохъ этотъ съ наръ мы сбрасывали... А заболѣешь такъ - то, скажешь десятнику, а тотъ въ отвѣтъ: «иди къ доктору». А къ доктору идти вереть за 15 надо. Куда ужъ тутъ идти, когда головы не можешь поднять? Ну, и валялись въ баракахъ, пока пятеро изъ насъ не померло. Видимъ, больныхъ съ каждымъ днемъ прибываетъ. Думаемъ: дѣло плохо. Страхъ насъ обуялъ: всѣ передохнемъ, пожалуй, если еще на работахъ останемся. И вотъ порѣшили уйти и ушли...

И все это рассказывалось рабочими спокойно, безъ тѣни ропота и озлобленія, а скорѣе съ печальною ироніей надъ своимъ же безвыходнымъ положеніемъ. Вѣроятно, благодаря этому, они сразу завоевали себѣ самую горячую симпатію со стороны всѣхъ городскихъ обывателей, старавшихся помочь имъ чѣмъ кто только могъ.

Далѣ авторъ письма рассказываетъ, какъ очевидецъ. Партія рязанцевъ прибыла изъ Вологды около половины мая и уже 24 того же мѣсяца ушла съ работъ. Небольшія сравнительно толпы, человекъ по сотнѣ, въ теченіе трехъ дней тащились съ перевозу по набережной къ желѣзно-дорожной конторѣ. На четвертый день ихъ уже было въ городѣ около 500 человекъ. Толпы ихъ съ ранняго утра и до поздняго вечера можно было видѣть около квартиры желѣзно-дорожниковъ, около губернаторскаго дома и камеры мирового судьи 1-го участка. Всѣ ихъ желанія были направлены къ тому, чтобы получить паспорта, которыхъ имъ не выдавали. Съ этою цѣлью они обращались нѣсколько разъ съ просьбами къ губернатору, который въ свою очередь отсылалъ ихъ къ мировому судѣ. Последній хотя и дѣлалъ постановленія о возвращеніи имъ паспортовъ, но все было напрасно. Г. Курма куда-то исчезалъ, а паспорта оставались у него. Такъ дѣло продолжалось шесть сутокъ. За это время рабочіе пытались или подаяніемъ, прося по дворамъ и на улицахъ «Христа ради», или продавали и проѣдали свои шубенки, рубахи и кафтанишки, у кого таковыя находились въ запасѣ, а спали частью подъ открытымъ небомъ на улицѣ, и только меньшинство въ полицейскомъ помѣщеніи. Какъ на бѣду, въ то время стояли убійственные холода. Рабочіе покорно переносили свои невзгоды и требовали лишь одной выдачи паспортовъ; но администрація затруднялась удовлетворить ихъ просьбу. Рабочіе стали поговаривать о томъ, нельзя ли послать телеграмму на имя Государя Императора. Это была единственная надежда, на которую они еще полагались. Исполнили ли они свое намѣреніе, авторъ письма не знаетъ. Дѣло разрѣшилось тѣмъ, что вдругъ, совершенно неожиданно для рабочихъ, имъ было приказано черезъ полицію явиться на площадь близъ губернаторскаго дома. Собралась толпа до 600 человекъ, окруженная вооруженными полицейскими и солдатами. Явилось начальство, прибылъ и губернаторъ. Обратившись къ толпѣ и приказавъ снять шапки, онъ объявилъ имъ «Именемъ Государя Императора» приказаніе сегодня же отправляться на нанятомъ для нихъ пароходѣ на родину, для чего имъ и будутъ выданы «проходныя свидѣтельства». Мужики были несказанно рады, услышавъ это. Въ тотъ же день подъ вечеръ пароходъ *Купецъ* отправился съ двумя баржами вверхъ по С. Двинѣ, увозя злополучныхъ рабочихъ. Какъ слышно, ихъ отправленно было 620 человекъ, 60 остались больными. Говорятъ также, что пароходъ нанятъ за 750 р. за счетъ желѣзно-дорожниковъ и за ихъ же счетъ рабочіе снабжены провизіей. По слухамъ, нѣчто подобное же произошло и на вологодскомъ участкѣ, съ котораго также ушли рабочіе».

Наше новѣйшее фабричное законодательство много уже сдѣлало для защиты рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Жизнь взываетъ къ тому, чтобы законодательство это было распространено и на другія отрасли промышленности, въ которыхъ заняты большія массы рабочихъ. Вотъ, напримеръ, что читаемъ мы въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* по поводу только что появившейся книги г. Рагозина: *Жемъо и уголь на югъ Россіи*. Нѣсколько

лѣтъ назадъ, благодаря мѣстному изслѣдованію, печальныя условія быта рабочаго населенія въ южномъ каменноугольномъ районѣ были разоблачены. Впослѣдствіи неоднократно непредубѣжденные и безпристрастные наблюдатели подтверждали неизмѣнность все тѣхъ же порядковъ въ этой отрасли промышленности. Теперь появилась книга Е. И. Рагозина, въ которой интересующіеся условіями труда въ каменноугольной промышленности найдутъ много любопытныхъ свѣдѣній. Замѣтимъ, что въ лицѣ г. Рагозина углепромышленники не встрѣчаютъ строгаго обличителя и судьи: онъ проникнуть убѣжденіемъ, «что каменноугольная промышленность въ Донецкомъ бассейнѣ находится въ настоящее время на пути правильнаго развитія», и въ своей книжкѣ горячо ратуетъ почти за всѣ тѣ мѣры «поощренія», которыхъ желаютъ представители углепромышленности. Но, говоря объ условіяхъ жизни рабочихъ на донецкихъ копяхъ, и г. Рагозинъ не можетъ ограничиться описаніемъ однихъ лишь «успѣховъ» и «улучшеній». Въ послѣднее время, — повѣствуетъ авторъ книги, — отчасти подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія (т. е. именно благодаря разоблаченіямъ печати, на которыя такъ негодовали углепромышленники) положеніе этихъ рабочихъ измѣнилось къ лучшему. Прошлаго г. Рагозинъ не хотѣлъ бы «тревожить», такъ какъ его «исправить внѣ нашихъ силъ». Но обратиться къ прошлому, все-таки, нужно хоть для того, чтобъ отмѣтить преимущества настоящаго: «Въ числѣ первыхъ по времени работниковъ въ угольныхъ копяхъ Донецкаго бассейна значительный процентъ составляли бѣглецы и безпаспортные, которыхъ издавна было много въ Новороссіи. Это были люди въ полномъ значеніи слова—безправные. Отсюда можно составить, — говоритъ г. Рагозинъ, — представленіе о тѣхъ отношеніяхъ, которыя должны были образоваться между хозяевами и рабочими: ни ряды, ни жалованья не полагалось; рабочіе питались, одѣвались и получали деньги на выпивку, по усмотрѣнію хозяевъ». Развитие дѣла повело, однако, къ тому, что горнопромышленники стали съ теченіемъ времени пользоваться все въ большей и большей мѣрѣ трудомъ людей, пришедшихъ изъ разныхъ захудалыхъ мѣстностей, но уже съ паспортами и, слѣдовательно, жившихъ въ Донецкомъ бассейнѣ на законномъ основаніи. Отношенія къ такимъ рабочимъ должны были измѣниться, но и новые порядки недалеко ушли отъ своего прототипа. По словамъ г. Рагозина, перемѣна выразилась вотъ въ чемъ: «появилась ряда, определенное жалованье и срочный расчетъ, разъ или много два или три раза въ годъ (1). Одно удержалось всего дольше, это—выдача въ счетъ жалованья, вмѣсто денегъ, товара. Не подлежитъ сомнѣнію, что лавка долгое время служила источникомъ дохода на многихъ рудникахъ, и слѣды такого способа эксплуатаціи народнаго труда не вполнѣ стерлись до настоящаго времени». Чтобы дополнить картину, остается сказать, что для жилья рабочимъ углепромышленники устраивали «нѣчто въ родѣ звѣринаго логовища, въ которое войти мнѣ, — говоритъ г. Рагозинъ, — было не только нравственно тяжело, но даже страшно». Теперь, какъ заявляетъ рассказчикъ, посѣтившій донецкіе рудники лѣтомъ минувшаго года,

«дома для рабочих прежняго типа, въ родѣ логовищъ и каютокъ, почти уничтожены». Но еще и въ минувшемъ году автору книжки *Жельзо и уголь* на одномъ рудникѣ привелось видѣть эти знаменитыя каютки «наканунѣ ихъ сломки, такъ какъ онѣ едва держались и рабочіе жаловались, что боятся, чтобъ онѣ не завалились». Въ настоящее время на большинствѣ рудниковъ господствуетъ казарменная система, при которой «чистота и порядковъ абсолютно невозможны: выйдя изъ шахты, рабочіе, все черныя, ѣдутъ на нарахъ и тутъ же ложатся спать, въ большинствѣ случаевъ, не умываясь, и такъ живутъ изо-дня въ день». Въ большинствѣ рудниковъ до сихъ поръ практикуется выдача жалованья рабочимъ не личными деньгами, а ордерами на рудничныя лавки и магазины. Наконецъ, до настоящаго времени, по свидѣтельству г. Рагозина, и подземныя работы въ шахтахъ донецкихъ углепромышленниковъ производятся при условіяхъ, съ которыми примириться невозможно. «На рудникахъ Донецкаго бассейна, — рассказываетъ авторъ, — употребляются лампы двухъ типовъ: предохранительныя, системы Вульфа и Морсо, и простыя, открытыя. Въ лампахъ перваго типа, употребляемыхъ только въ шахтахъ, имѣющихъ газы, жгутъ льняное масло и бензинъ, въ лампахъ же втораго типа жгутъ конопляное масло, покупаемое рабочими за свой счетъ и смѣшиваемое или для уменьшенія расхода и отчасти для полученія большаго свѣта съ керосиномъ и даже съ нефтью, каковая смѣсь даетъ облако копоти, осаждающейся почти всецѣло на легкихъ рабочихъ». Конечно, эти лампы разрушаютъ здоровье рабочихъ. Но, сверхъ того, можно ли думать, что онѣ вполне безопасны? Г. Рагозинъ настаиваетъ, чтобы на рудникахъ были обязательно введены предохранительныя лампы, дающія достаточно свѣта безъ копоти. И такъ, — заключаетъ газета, — вотъ каковы «улучшившіяся за послѣдніе годы» условія работы въ каменноугольной промышленности на югѣ Россіи. И все это сообщаетъ лицо, благорасположенное къ владѣльцамъ донецкихъ рудниковъ, склонное скорѣе защищать ихъ интересы, чѣмъ нападать и обличать. И, все-таки, оказывается, что не даромъ «прежній взглядъ рабочихъ на рудники еще сохранился до сихъ поръ», не даромъ населеніе сторонится углепромышленности и бѣжитъ изъ шахтъ, если представляется какая-либо работа.

Въ заключеніе нашего очерка отмѣтимъ новый починъ въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія, а именно организацію лѣтнихъ начальныхъ школъ. Александро-Невское просвѣтительное братство, существующее въ Екатеринодарѣ, предприняло въ нынѣшнемъ году, — какъ сообщаетъ *Приазовскій Край*, — любопытный опытъ устройства лѣтнихъ школъ. Оно объявило, что въ теченіе каникулъ будутъ функционировать нѣсколько такихъ школъ, въ которыя могутъ поступить дѣти, не нашедшія себѣ мѣста въ обыкновенныхъ начальныхъ школахъ, дѣйствующихъ въ обычный учебный сезонъ. Населеніе отнеслось весьма сочувственно къ этому начинанію, и немедленно же явились желающіе воспользоваться лѣтними школами. Положительная сторона проектируемаго новаго вида народно-образованія

ныхъ учреждений,—замѣчаетъ газета,—ясна сама собою. Масса дѣтей остается у насъ безъ начального образованія, и пока не будетъ открыто достаточнаго числа обыкновенныхъ нормальныхъ школъ, всякая попытка открыть доступъ къ начальному образованію тѣмъ, кто лишенъ этой возможности, должна быть привѣтствована только съ сочувствіемъ. Конечно, три каникулярныхъ мѣсяца не Богъ знаетъ какой срокъ, но если воскресныя школы, располагающія въ теченіе года всего 30—35 учебными днями, даютъ утѣшительные результаты, то лѣтнія школы, какъ располагающія втрое большимъ учебнымъ временемъ, несомнѣнно принесутъ свою долю пользы. На вопросъ о томъ, кто будетъ учить въ лѣтнихъ школахъ, такъ какъ каникулы нужны учащимъ для отдыха, газета резонно отвѣчаетъ, что далеко не всѣ учащіе въ начальныхъ школахъ пользуются отдыхомъ въ теченіе каникулъ, а сплошь и рядомъ берутъ на это время частныя уроки. Такимъ образомъ, среди учащихся въ начальныхъ школахъ, навѣрное, найдутся лица, которыя возьмутъ на себя знакомый трудъ преподаванія начатковъ ученія,—конечно, за особую плату,—вмѣсто того, чтобы репетировать учениковъ среднеучебныхъ заведеній, оставленныхъ на «передержку», или готовить дѣтей въ среднеучебныя заведенія. Затѣмъ, контингентъ учащихся въ лѣтнихъ школахъ могъ бы пополняться также учащими въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, которые далеко не такъ обременены занятіями въ теченіе учебнаго сезона, какъ учащіе въ начальныхъ школахъ. Наконецъ, можетъ образоваться и спеціальныя классы «лѣтнихъ» учителей и учительницъ, которые будутъ братья за это дѣло въ видѣ подспорья къ другому, зимнему занятію или просто изъ любви къ дѣлу. Вообще, едва ли можно опасаться недостатка учащихся въ лѣтнихъ школахъ. Во всякомъ случаѣ,—заключаетъ газета,—окончательно вопросъ о такихъ школахъ можетъ быть рѣшенъ только опытомъ и было бы желательно, чтобы опытъ этотъ не ограничился однимъ Екатеринодаромъ, а былъ бы осуществленъ во многихъ городахъ и селахъ.

Ив. Иванюковъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Побѣда англійскихъ консерваторовъ на парламентскихъ выборахъ превзошла ожиданія самихъ уніонистовъ и опасенія ихъ противниковъ. Избрано: консерваторовъ—341, либераловъ-уніонистовъ—70, либераловъ—177, парнелистовъ—12, антипарнелистовъ—70. Уніонисты приобрѣли девяносто новыхъ мѣстъ и обладаютъ теперь весьма значительнымъ и прочнымъ большинствомъ въ палатѣ общинъ.

Каковы причины пораженія либераловъ, пораженія столь сильнаго, что пражская *Politik* не безъ основанія называетъ его Седаномъ англійскихъ либераловъ? Каковы вѣроятныя послѣдствія перехода власти въ руки консерваторовъ?

Намъ приходилось уже указывать, что главное дѣло Гладстона въ послѣдніе годы его парламентской борьбы состояло въ проведеніи билля объ ирландскомъ гомрулѣ. Великодушная и справедливая идея этого государственнаго чловѣка, благодаря его высокому авторитету и неистощимой энергіи, увлекла за собою значительную часть англійскаго общества. За нее стало большинство либераловъ, но двѣ фракціи покинули партію: умѣренные либералы (съ лордомъ Гартингтономъ, теперь герцогомъ Девонширскимъ, во главѣ) и радикальная группа, руководимая Чемберленомъ. Гладстоніанское большинство оказалось коалиціоннымъ: кабинетъ держался только благодаря ирландскимъ депутатамъ. Новые выборы показали, что большинство англійскаго народа теперь противъ дарованія Ирландіи самостоятельнаго парламента. Ближайшій анализъ результатовъ произведенныхъ выборовъ показываетъ, однако, что большинство это далеко не пропорціоально нынѣшнему парламентскому большинству: всѣхъ голосовъ за уніонистскихъ кандидатовъ было подано 1.650,000, за либераловъ—1.550,000. Англійскія газеты вычисляютъ, что при существованіи пропорціональныхъ числу населенія выборовъ консервативное большинство въ парламентѣ не превышало бы 20—25 голосовъ.

Какъ бы то ни было, Англія еще не желаетъ ирландскаго гомруля, и въ этомъ лежитъ, намъ кажется, главная причина пораженія гладстоніанцевъ. Второстепенныхъ причинъ было не мало: либераламъ повредила и

удаленіе Гладстона, и относительная неумѣлость замѣнившего его лорда Розбери. Полагають, что либеральная партія могла бы избѣжать пораженія, если бы во главѣ ея находился Гаркуръ. Приписываютъ побѣду консерваторовъ ревностной поддержкѣ ихъ со стороны англійскаго духовенства и кабатчиковъ, вооружившихся противъ правительства за билль объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Валлисѣ и за билль, сильно ограничивающій и стѣсняющій питейную торговлю, и т. д. Недовольство вызывала и иностранная политика лорда Розбери, для которой чувствительнымъ ударомъ было, на примѣръ, совмѣстное виѣшательство Россіи, Германіи и Франціи въ условія мирнаго договора между Японіей и Китаемъ. Быть можетъ, всѣ эти обстоятельства и увеличили число голосовъ, поданныхъ за унионистскихъ кандидатовъ, но и при ихъ отсутствіи большинство перешло бы изъ-за гомруя на сторону противниковъ Гладстона. Англиканское духовенство все равно было бы на сторонѣ консерваторовъ, если бы либеральный кабинетъ и не проводилъ церковнаго билля; кабатчики все равно оставались бы консерваторами, еслибы и не было произведено попытки сократить продажу питей и число питейныхъ заведеній.

Надо, однако, принять въ соображеніе, что англійскіе консерваторы мало похожи на консерваторовъ другихъ странъ. Имъ, во-первыхъ, есть что сохранять,—въ смыслѣ національнаго достоинства, народнаго блага и справедливости,—они, во-вторыхъ, не боятся реформъ, не отступаютъ передъ очень крупными преобразованіями, когда за нихъ высказывается общественное мнѣніе. Гладстонъ съ своимъ ирландскимъ биллемъ опередилъ развитіе англійской политической мысли, быть можетъ, на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Но нѣтъ ничего невѣроятнаго, если уже въ началѣ приближающагося двадцатаго вѣка Ирландія получитъ національный парламентъ.

Къ реформамъ будетъ побуждать консервативный кабинетъ и присутствіе въ его средѣ Чемберлена. Въ англійской печати появились извѣстія, что лордъ Салисбюри не прочь провести нѣкоторыя преобразованія даже въ организаціи палаты лордовъ, и это было бы, конечно, весьма искуснымъ и эффектнымъ шагомъ съ его стороны.

Въ области иностранной англійской политики,—въ этомъ предположеніи сходятся почти всѣ,—слѣдуетъ ожидать теперь большей энергіи, усиленная же энергія въ данномъ случаѣ можетъ означать болѣе или менѣе неприязненное отношеніе къ Россіи и Франціи. Мы полагаемъ, впрочемъ, что значительныхъ перемѣнъ и въ этомъ отношеніи не произойдетъ. Тѣсному сближенію съ Германіей помѣшаютъ торговые интересы Англій, одна же или въ союзѣ съ Италіей Великобританія не будетъ угрозою для европейскаго мира.

Любопытно, что въ только что окончившейся парламентской борьбѣ знаительная группа рабочихъ, предводимыхъ Кейръ-Гарди, выступала противъ либераловъ и содѣйствовала, между прочимъ, пораженію Джона Морлея. Такая тактика въ Англійѣ въ вреднымъ послѣдствіямъ, можетъ быть, и не

приведеть, въ Бельгіи же она принесла печальные плоды. Какъ извѣстно, на общихъ выборахъ въ бельгійскій парламентъ либералы, которые съ величайшими усиліями, послѣ долгой и упорной борьбы, провели широкую избирательную реформу, были покинуты социалистами и потерпѣли страшное пораженіе. Въ результатѣ: значительное число депутатовъ-социалистовъ и клерикальное большинство. Оно немедленно принялось за дѣло. Правительство выработало весьма реакціонный школьный законопроектъ, и теперь въ Бельгіи по этому поводу сильное возбужденіе. Либералы и прогрессисты агитируютъ въ странѣ. Происходятъ частые митинги и грандіозныя уличныя демонстраціи. Знаменитый вождь прогрессистовъ, Янсонъ, произноситъ пламенные рѣчи и выражаетъ твердое убѣжденіе, что взрывъ общественнаго негодованія заставитъ отступить министерство, желающее отдать школу въ руки римско-католическаго духовенства. На этотъ разъ на ряду съ либералами противъ клерикальнаго законопроекта горячо выступаютъ Вандервельде и другіе вожди рабочихъ. Сомнительно, чтобы въ странѣ, которая такъ долго и славно боролась со страшными врагами за свободу совѣсти, могла восторжествовать католическая реакція.

Здѣсь встаетъ упомянуть, что 18 іюля нынѣшняго года исполнилось четверть вѣка со дня провозглашенія догмата папской непогрѣшимости. Папа Пій IX собралъ въ Ватиканѣ соборъ католическихъ епископовъ. Несмотря на строгую дисциплину римско-католическаго духовенства, потребовались большія усилія для того, чтобы соборъ согласился на торжественное провозглашеніе нелѣпаго догмата. Въ это время разразилась франко-германская война, и сценическій эффектъ возвѣщенія міру, въ храмѣ св. Петра, что римскій первосвященникъ уподобляется божеству, почти пропалъ. А двадцатаго сентября того же года итальянскія войска, при энтузіазмѣ римскаго народа, вступили въ вѣчный городъ. Непогрѣшимый папа заключился въ Ватиканѣ и оттуда продолжалъ посылать проклятія и угрозы еретикамъ и свободнымъ мыслителямъ. Когда умеръ Пій IX, авторитетъ непогрѣшимаго папы былъ сильно поколебленъ. Побѣдоносная Германія, руководимая Бисмаркомъ, начала пресловутую «культурную борьбу» съ католическою церковью, Римъ сдѣлался столицей Итальянскаго королевства. Новому папѣ, Льву XIII, его дальновидной, искусной политикѣ римско-католическая церковь обязана значительнымъ возстановленіемъ своего міроваго вліянія. Догматъ непогрѣшимости ничѣмъ не отражался на образѣ дѣйствій тонкаго дипломата, сидящаго на креслѣ св. Петра. Пользуясь всѣми благоприятными обстоятельствами, папскій престолъ добился того, что Бисмаркъ пошелъ на уступки и «культурная борьба» кончилась побѣдою католической церкви. Искусно лавируя между крайними теченіями, Левъ XIII поддерживаетъ хорошія отношенія съ Французскою республикой, кто бы ни стоялъ во главѣ правительства этой страны. Въ виду все возрастающаго на Западѣ социальнаго движенія, римско-католическая церковь неустанно и энергично пытается овладѣть имъ, явиться передъ міромъ

покровительницею обездоленныхъ, защитницею интересовъ труда. Но такая искусная политика только прикрываетъ сущность католицизма и не въ состояніи уже къ концу XIX вѣка доставить этой церкви, всегда враждебной свободѣ совѣсти и изслѣдованія, долгихъ и прочныхъ успѣховъ.

Въ концѣ іюля въ Буда-Пештѣ, съ разрѣшенія венгерскаго правительства, собирався конгрессъ не-мадьярскихъ національностей Транслейтаніи: румынской, сербской, словацкой. Конгрессъ этотъ составляетъ значительное событіе въ политической жизни Венгріи. Благодаря системѣ выборовъ, сильному давленію администраціи и пассивному до сихъ поръ отношенію къ парламентской борьбѣ со стороны большинства не-мадьяръ, эти послѣдніе безраздѣльно господствовали въ странѣ. *Politik* вычисляетъ, что изъ 229 избирательныхъ участковъ съ населеніемъ сплошь или въ большинствѣ не-мадьярскимъ правительство имѣетъ, тѣмъ не менѣе, 179 депутатовъ, безусловно поддерживающихъ его политику.

Politik привѣтствуетъ союзъ національностей, общая численность которыхъ превышаетъ мадьярское населеніе Транслейтаніи. Только этотъ союзъ въ состояніи предохранить румынъ, сербовъ и словаковъ отъ насильственной мадьяризаціи, которой они давно уже и систематично подвергаются. Починъ въ этомъ движеніи принадлежитъ румынамъ, которые еще въ 1893 году устроили въ Вѣнѣ совѣщаніе представителей названныхъ народностей.

Мадьяры раздражены конгрессомъ. Цислейтанская оффиціозная печать старается извлечь изъ пробужденія румынъ и славянъ въ Венгріи нѣкоторую выгоду для укрѣпленія двойственной монархіи, давая совѣты умѣренности обѣимъ сторонамъ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что мадьярская народная партія, — недавно возникшая и большого значенія покуда не имѣющая, — высказываетъ въ своемъ органѣ *Magyar Allam* сочувственное отношеніе къ основнымъ требованіямъ румынъ и славянъ и къ ихъ конгрессу.

Въ нашей печати особенное сочувствіе національностямъ, борящимся за свою духовную самостоятельность и за самоуправленіе, обнаружили... *Моск. Вѣдомости*. Газета сообщаетъ, что будапештскій конгрессъ единогласно принялъ слѣдующую программу: «охраненіе цѣлости страны; борьба противъ мадьярской государственной идеи; словаки, сербы и румыны заключаютъ союзъ съ удержаніемъ національныхъ программъ; національная автономія въ границахъ комитатскаго подраздѣленія; автономія національныхъ языковъ; реформа законовъ о національностяхъ; реформа избирательнаго закона; всеобщее прямое и тайное право выбора; пересмотръ церковно-политическихъ законовъ; реформа законовъ объ обществахъ и о правѣ созывать собранія; министры для каждой національности; право представленія императору меморандума; автономія школы и церкви; правдивое освѣдомленіе иностранной печати; реформа суда и еще нѣкоторыя другія мелкія реформы».

Московскія Вѣдомости, столь извѣстныя своимъ справедливымъ и гуманнымъ отношеніемъ къ потребностямъ національностей, входящихъ въ составъ многоплеменнаго государства, патетически заявляютъ: «Мадыарское правительство, которое всегда прикидывалось глухимъ, когда заходила рѣчь о національностяхъ, и мадыарская печать, которая прямо отрицала самое существованіе подобнаго вопроса, теперь должны будутъ считаться съ этимъ вопросомъ» *).

На конгрессѣ не приняли участія трансильванскіе нѣмцы. Быть можетъ, они рассчитываютъ такую цѣной добиться отъ мадыаръ какихъ-либо уступокъ только для себя. Но едва ли не болѣе дальновиденъ (о справедливости и говорить нечего) противоположный образъ дѣйствія румынъ. Хотя они и заявляютъ открыто свою преданность династіи и желаніе не переходить въ своихъ стремленіяхъ венгерской государственной границы, но точному и постоянному соблюденію этихъ обѣщаній не можетъ не мѣшать существованіе сосѣдяго съ Венгріей независимаго румынскаго государства. Положимъ, Гогенцоллернъ, занимающій королевскій румынскій престолъ, тяготеетъ къ Берлину и Вѣнѣ; но бываютъ моменты, когда народныя теченія побѣждаютъ династическіе интересы и нарушаютъ политическое благоуміе.

Въ 1891 году въ Румыніи образовалась лига для поддержки венгерскихъ румынъ (ихъ считается три съ половиною милліона). Эта лига развивается. Она держала въ іюнѣ нынѣшняго года многочисленный съѣздъ въ Букарештѣ. Румыны добиваются того, чтобы на августовскомъ (въ Брюсселѣ) международномъ конгрессѣ членовъ европейскихъ парламентовъ обсуждался вопросъ о національностяхъ, объ ихъ положеніи въ государствѣ.

Борьба между національностями продолжается и въ цислейтанской половинѣ Габсбургской монархіи. Изъ лагеря австро-нѣмецкихъ клерикаловъ раздаются голоса, приглашающіе австро-нѣмецкихъ либераловъ - централистовъ вновь вступить въ коалицію съ клерикалами, консерваторами и поляками. Органы либеральной партіи отвергаютъ, однако, клерикальныя предложенія, которыя повели бы къ распаденію партіи. Ея положеніе и безъ того сильно поколеблено, и либералы-централисты гораздо охотнѣе войдутъ въ сдѣлку съ правительствомъ. Чтобы охранить государственное господство нѣмецкаго племени, они согласны даже сдѣлать дальнѣйшія пожертвованія изъ своей либеральной программы, готовы поддерживать усиленіе бюрократіи въ ущербъ парламентскимъ правамъ, лишь бы только не дать чехамъ и другимъ славянамъ равноправности съ австрійскими нѣмцами.

Интересно отмѣтить, что нѣкоторые изъ наиболѣе вліятельныхъ органовъ польской печати выступаютъ теперь противъ союза съ либералами - централистами. Такъ, *Przeгляд Polski* порицаетъ польскій клубъ рейхстага за то, что онъ часто шелъ на уступки нѣмецкой лѣвой, вопреки, конечно, интересамъ другихъ славянскихъ народностей. Союзникъ, — говоритъ названный

*) *Московскія Вѣдомости*, 4 августа.

журналъ,—не всегда бываетъ другомъ, и либералы-централисты, конечно, стремятся насильственнымъ путемъ задержать естественный ростъ славянъ. Журналъ сообщаетъ любопытный фактъ: въ то время, какъ населеніе Австрійской имперіи увеличилось вообще въ послѣднее десятилѣтіе на 7,7%, нѣмецкое населеніе поднялось только на 5,65%. Славяне,—заключаетъ журналъ,—могутъ поэтому спокойно глядѣть въ будущее. Національный миръ тогда только осуществится въ Австріи, когда каждой національности будутъ предоставлены средства для удовлетворенія ея духовныхъ и экономическихъ потребностей.

Выражая сочувствіе автономіи національностей въ разноплеменныхъ государствахъ, *Московскія Вѣдомости* выступаютъ и противъ милитаризма. Завесемъ и это заявленіе въ нашу хронику. Сдѣлано оно по слѣдующему поводу. Ректоръ Берлинскаго университета, профессоръ *богословскаго* факультета (это характерно) Пфлейдереръ, въ день рожденія основателя университета, короля Фридриха-Вильгельма III, произнесъ обычную рѣчь съ необычнымъ въ устахъ германскаго профессора содержаніемъ. Пожуривши Канта за его демократическіе взгляды и за проповѣдь вѣчнаго мира, профессоръ Пфлейдереръ утверждаетъ, что наша жизнь всегда останется вѣчною борьбой. Третьейскаго судъ въ международныхъ спорахъ ученый богословъ допускаетъ только въ незначительныхъ случаяхъ. Разоруженіе поэтому въ глазахъ берлинскаго профессора было бы крупною ошибкой. «Наемныя войска,—цитируемъ по переводу *Московскихъ Вѣдомостей*,—могли въ рукахъ безсовѣстныхъ правителей быть орудіемъ къ легкомысленнымъ войнамъ, но «народъ въ оружіи» является лучшимъ средствомъ для охраны мира, во-первыхъ, потому, что отнимаетъ у сосѣда охоту къ войнѣ, а, во-вторыхъ, потому, что для вооруженнаго народа война дѣлается серьезнымъ дѣломъ, которое не начнетъ легкомысленно ни одно правительство. Правда, всякую возможность войны устранить нельзя, потому что порядокъ мірозданія требуетъ, чтобы жизнь была борьбой. Поэтому мы должны заботиться о томъ, чтобы выдержать неизбѣжную борьбу за существованіе, и для этого должны усовершенствовать всѣ силы нашего народа. А гдѣ же найти лучшее средство, какъ воспитаніе народа въ школѣ арміи? Всякая другая школа даетъ только отдѣльныя знанія, школа арміи обхватываетъ всего человѣка какъ цѣлое, физически и духовно: для сыновъ низшихъ сословій она является продолжательницей народной школы, приучаетъ къ порядку, къ аккуратности, къ чистотѣ; для лицъ, окончившихъ высшія школы, она физическими упражненіями создаетъ противовѣсъ противъ односторонности научнаго образованія, гдѣ исключительная умственная работа вредно отражается на силахъ и свѣжести молодого организма. И при всемъ этомъ различіи она воспитываетъ достоинства, составляющія основу гражданаго порядка,—послушаніе, храбрость, самопожертвованіе и сознаніе долга. Мало того, армія воспитываетъ отвращеніе къ матеріализму».

Приведа эти удивительныя въ устахъ современнаго ученаго и христіан-

скаго богослова разсужденія, *Московскія Вѣдомости* основательно замѣчаютъ: «Почему профессоръ Пфлейдереръ не предпочитаетъ командовать батальономъ, вмѣсто чтенія лекцій,—совсѣмъ непонятно, но, судя по рѣчи, онъ тамъ былъ бы болѣе у мѣста» *). Эту статью *Московскихъ Вѣдомостей*, какъ и ихъ отзывъ о славяно-румынскомъ съѣздѣ въ Буда-Пештѣ, можно рекомендовать въ особенности польскимъ и финляндскимъ читателямъ московской газеты.

Новымъ ректоромъ профессорская корпорація Берлинскаго университета избрала Адольфа Вагнера. Корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей* считаетъ характерною замѣну воинствующаго богослова, которому предшествовалъ демократъ, такъ называемымъ катедеръ-соціалистомъ. «Если нѣмцу грустно становится за то, что съ катедры его университета возможенъ апоэозъ милитаризма, то у него, по крайней мѣрѣ, есть утѣшеніе, что всякое мнѣніе свободно и найдетъ себѣ выраженіе, не вызывая противъ ученаго преслѣдованія и не препятствуя его университетской дѣятельности» **). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что демократическая идея вѣчнаго мира, надъ которой подсмѣиваются шовинисты всѣхъ странъ, растетъ и въ Германіи, въ особенности южной. Мы своевременно сообщали читателямъ о сильномъ развитіи въ Вюртембергѣ народной партіи (*Volkspartei*), вождь которой, Пайеръ, состоитъ теперь президентомъ вюртембергской палаты депутатовъ. Эта партія созываетъ въ Мюнхенѣ съѣздъ для обсужденія ея новой политической программы. Проектъ программы начинается заявленіемъ, что народная партія есть партія мира, что она видитъ въ войнѣ предосудительный поступокъ, вредный интересамъ культуры и свободы. Распространеніе просвѣщенія служить, разумѣется, и распространенію этой истины. Человѣкъ, прошедшій хотя бы хорошую начальную школу, уже начинаетъ яснѣе понимать все зло войны для успѣховъ мирнаго труда, поэтому лучшимъ способомъ (далеко не единственнымъ, конечно) вести пропаганду идей всеобщаго мира является созданіе все новыхъ и новыхъ училищъ. Въ этомъ отношеніи особенно много сдѣлано Французскою республикой. Число дѣтей школьнаго возраста (отъ шести до тринадцати лѣтъ) равнялось во Франціи въ 1891 году 4.663,671. Школъ было (пачальныхъ) 81,511, изъ которыхъ частныхъ одна пятая (по большей части эти послѣднія находятся въ рукахъ католическаго духовенства). Государство и самоуправленіе расходовали на элементарныя училища 186 милліоновъ франковъ (не считая издержекъ по постройкамъ). Бюджетъ частныхъ начальныхъ училищъ въ томъ же году опредѣляютъ въ 60 милліоновъ. Школьныя постройки съ 1878 по 1893 годъ поглотили у государства громадную сумму: 594.500,000 франковъ. Правительственный отчетъ опредѣляетъ только въ 77 тыс. число

*) *Моск. Вѣд.*, № 205. Въ № 216 эта „принципіальная“ газета издѣвается наль *интерпарламентнымъ* конгрессомъ въ Брюсселѣ, главною задачею котораго является именно сохраненіе европейскаго мира.

**) *Русскія Вѣдомости*, № 208.

дѣтей, совсѣмъ не посѣщавшихъ школу. Изъ призывавшихся къ отбыванію воинской повинности умѣло читать въ 1886 году 89,7%, въ 1891 году 92,6%. Сообщая эти свѣдѣнія, *Journal des Débats* не безъ справедливой гордости говоритъ: «Въ общемъ, кажется, что для начальнаго обученія уже почти закончился періодъ неотложныхъ потребностей и героическихъ жертвованій. Надо только укрѣплять достигнутые успѣхи» *). Нынѣшнее французское правительство принимаетъ въ этомъ отношеніи много хорошо обдуманыхъ и широкихъ мѣръ.

В. Г.

---

*) *Journal des Débats*, 19 Juillet.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Положеніе объ учрежденіяхъ мелкаго кредита. — Преобразование административнаго строя въ сибирскихъ губерніяхъ. — Можетъ ли это преобразование обновить сибирскую жизнь? — По вопросамъ школьнаго дѣла. — Дѣло Келлера; его важное общественное значеніе. — Женскій медицинскій институтъ. — *Московскія Вѣдомости* въ роли покровителя національнаго труда. — Отъ московскаго комитета грамотности.

Однимъ изъ важныхъ законодательныхъ мѣропріятій послѣдняго времени является положеніе объ учрежденіяхъ мелкаго кредита, высочайше утвержденное 1 іюня текущаго года. Дѣйствіе этого положенія распространяется на кредитныя товарищества, на ссудо-сберегательныя товарищества и кассы, а также на сельскіе, волостные или станичныя банки и кассы. Согласно со 2 ст. положенія, учрежденія мелкаго кредита имѣютъ цѣлью доставлять малодостаточнымъ лицамъ, сельскимъ или станичнымъ обществамъ, товариществамъ, артелямъ и другимъ союзамъ (разъ они дѣйствуютъ на основаніи утвержденныхъ для нихъ уставовъ и правилъ или на основаніи письменныхъ договоровъ) возможность: а) получать на необременительныхъ условіяхъ ссуды для удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей и б) помѣщать сбереженія для приращенія изъ процентовъ. Образцовые уставы учреждений мелкаго кредита утверждаются министромъ финансовъ по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія, а для мѣстностей, которыя находятся въ вѣдѣніи военнаго министерства, по соглашенію съ военнымъ министромъ. Частные уставы каждаго отдѣльнаго учрежденія утверждаются министромъ финансовъ, по соглашенію, въ случаѣ надобности, съ другими министрами. Учрежденія мелкаго кредита могутъ принимать пожертвованія, прибрѣтать имущества, вступать въ договоры, искать и отвѣчать на судѣ. Приобрѣтеніе же недвижимаго собственности допускается только въ случаяхъ, которые точно опредѣлены уставами или въ законѣ. Дабы выдѣлить каждую группу учреждений мелкаго кредита изъ другихъ видовъ, законъ даетъ имъ точную характеристику. Онъ признаетъ *кредитными товариществами* тѣ изъ учреждений этого рода, которыя основываются на суммы, ссуженныя казною или государственнымъ банкомъ подъ круговую поруку участниковъ товарищества. Н

кредитныя товарищества могутъ имѣть и другое происхожденіе: они могутъ быть учреждаемы на суммы, пожертвованныя земскими, общественными или частными учрежденіями, а также частными лицами, или же на суммы, которыя ссужены этими учрежденіями или лицами подъ круговую поруку участниковъ товарищества. Отличительною чертой ссудо-сберегательныхъ товариществъ служить то, что они основываются на суммы, взносы членами товарищества одновременно или по частямъ. Но эти суммы могутъ быть восполняемы пожертвованіями учреждений и частныхъ лицъ, а также ссудами. Сельскими, волостными и станичными банками или кассами признаются такія кредитныя учрежденія, которыя основываются на суммы, назначаемыя для этого сельскими или станичными обществами, а также на суммы, пожертвованныя для того казною, земствомъ, общественными учрежденіями или частными лицами. Если основными капиталами служатъ ссуды, полученныя отъ названныхъ учреждений или лицъ, то отвѣтственными по ссудамъ являются сельскія или станичныя общества, которыя составили приговоръ объ открытіи банка или кассы. Тому лицу, которое пожертвовало или ссудило на необременительныхъ условіяхъ капиталъ учрежденію мелкаго кредита, предоставляются слѣдующія преимущества: а) оно можетъ получить званіе попечителя этого учрежденія; б) оно можетъ получить право ревизовать дѣлопроизводство и счетоводство въ этомъ учрежденіи или участвовать въ правительственной ревизіи онаго; в) учрежденіе можетъ получить наименованіе по фамиліи учредителя. Установивъ для всѣхъ участниковъ кредитныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ обязательную круговую поруку, законъ не опредѣляетъ ея размѣра, а предоставляетъ это уставу каждаго учрежденія. Обязательства же сельскихъ, волостныхъ и станичныхъ банковъ обезпечиваются отвѣтственностью сельскаго, волостного и станичнаго обществъ. Отвѣтствуя по обязательствамъ кредитнаго учрежденія, члены участвуютъ въ управленіи его дѣлами. Давая участникамъ кредитныхъ учреждений такія права, законъ создаетъ слѣдующія ограниченія: 1) лицо, состоящее членомъ какого-либо кредитнаго или ссудо-сберегательнаго товарищества, не можетъ быть, въ то же время, членомъ другого подобнаго товарищества; 2) каждый членъ ссудо-сберегательнаго товарищества можетъ имѣть не болѣе одного пая, размѣръ котораго не долженъ превышать ста рублей; 3) не допускаются закладъ и передачи пая или паеваго взноса другому члену товарищества или постороннему лицу.

Законъ предоставляетъ учрежденіямъ мелкаго кредита производить слѣдующія операціи: а) принимать денежные вклады, б) заключать займы и в) выдавать на срокъ не свыше 12 мѣсяцевъ краткосрочныя ссуды членамъ кассы или же членамъ общества, въ которомъ учрежденъ банкъ. Эти ссуды выдаются на началахъ личнаго кредита или обезпечиваются поручительствомъ. Крімъ того, уставъ можетъ разрѣшать производство слѣдующихъ операцій: г) выдавать на счетъ долгосрочныхъ вкладовъ и капиталовъ учреждений вышеназваннымъ лицамъ долгосрочныя ссуды на сроки не свыше 5 лѣтъ. Эти ссуды выдаются также подъ обязательства, основанныя

на личном кредитѣ или подѣ поручительство; д) тѣмъ же лицамъ могутъ быть выдаваемы изъ тѣхъ же источниковъ ссуды подѣ залогъ недвижимаго имущества, которое принадлежитъ заемщику на правѣ полной собственности; е) тѣмъ же лицамъ могутъ быть выдаваемы ссуды на сроки не свыше 12 мѣсяцевъ подѣ залогъ сельско-хозяйственныхъ, ремесленныхъ, кустарныхъ произведеній. Уплата краткосрочныхъ ссудъ и срочныхъ платежей можетъ быть отсрочиваема въ порядкѣ, который опредѣляется уставомъ.

Учрежденія мелкаго кредита могутъ оставлять въ пользованіи или на храненіи заемщиковъ принимаемыя отъ нихъ въ обезпеченіе обязательства движимыя имущества, по выполненіи извѣстныхъ формальностей. Продажа заложеннаго имущества съ переводомъ долга на покупателя допускается только съ согласія учрежденія, которое выдало ссуду. Открывая для учредителей товариществъ и кассъ довольно широкую свободу въ начертаніи устава, законъ требуетъ, чтобъ уставы кредитныхъ товариществъ содержали въ себѣ слѣдующее: 1) означеніе наименованія товарищества и мѣста, гдѣ оно учреждается; 2) порядокъ образованія запаснаго капитала; 3) перечисленіе операций, дозволенныхъ товариществу; 4) порядокъ храненія капиталовъ товарищества; 5) порядокъ и условія избранія участниковъ товарищества, а также выхода и исключенія изъ состава онаго. 6—15 пункты говорятъ о необходимости опредѣленія въ уставѣ размѣра ответственности участниковъ, предѣльныхъ размѣровъ обязательствъ товарищества по вкладамъ и займамъ, способа обезпеченія ссудъ, порядка управленія, общихъ основаній отчетности, ликвидаций. Уставъ ссудо-сберегательнаго товарищества долженъ опредѣлять также размѣръ паевъ и порядокъ составленія членами паевыхъ взносовъ. Всѣ учрежденія мелкаго кредита находятся въ общемъ завѣдываніи министерства финансовъ, за исключеніемъ сельскихъ, волостныхъ и станичныхъ банковъ и кассъ, общее завѣдываніе которыми принадлежитъ министру внутреннихъ дѣлъ или военному. Обязаны представлять во всякое время свѣдѣнія относительно хода своихъ дѣлъ министерству финансовъ, учрежденія мелкаго кредита отъ времени до времени ревизуются министерствомъ финансовъ. Ближайшее же наблюденіе за кредитными товариществами, подѣ общимъ руководствомъ государственнаго банка, возлагается на агентовъ банка и ихъ помощниковъ. Эти должностныя лица получаютъ наименованіе инспекторовъ кредитныхъ товариществъ, насколько они исполняютъ обязанность наблюденія за кредитными товариществами. Ихъ ближайшія функціи состоятъ въ томъ, чтобы ревизовать кассу, отчетность и дѣлопроизводство товариществъ, чтобы наблюдать за исполненіемъ ими требованій закона и устава и созывать, въ случаѣ надобности, чрезвычайныя общія собранія товарищества. Если инспекторъ обнаружилъ безпорядокъ или злоупотребленіе въ дѣлопроизводствѣ и счетоводствѣ кредитнаго товарищества, то онъ можетъ временно удалить отъ должности лицъ, которыя завѣдуютъ его дѣлами, и долженъ принять мѣры, чтобы теченіе дѣлъ продолжалось безостановочно. Дѣятельность инспекторовъ кредитныхъ товариществъ опредѣляется въ подробностяхъ особыми

наказомъ, который разсматривается совѣтомъ государственнаго банка и утверждается министромъ финансовъ.

Изложенный нами законъ вносить существенныя перемѣны въ постановку мелкаго кредита въ нашемъ отечествѣ. Съ половины 60 годовъ въ нашемъ отечествѣ стали распространяться ссудо-сберегательныя товарищества. За 30 лѣтъ своего существованія число ссудо-сберегательныхъ артелей не достигло 800, число членовъ не превысило 211,000 душъ, а общій итогъ выданныхъ ссудъ составилъ къ 1894 году только 18¼ милліоновъ. Но эти кредитныя учрежденія составляютъ типъ наиболѣе распространенный; сельскіе и волостныя банки занимаютъ гораздо болѣе скромное мѣсто. Роль, которую ссудо-сберегательныя товарищества играютъ среди всѣхъ учреждений мелкаго кредита, особенно ярко обнаруживаетъ ихъ недостаточность. Что значить, въ самый дѣль, 18 милліоновъ рублей, выданныхъ товариществамъ въ ссуду за цѣлый годъ, по сравненію съ хозяйственными нуждами нашихъ кустарей, насчитываемыхъ милліонами, и нашихъ крестьянъ-земледѣльцевъ, насчитываемыхъ десятками милліоновъ? Можно сказать безъ преувеличенія, что ссудо-сберегательныя товарищества удовлетворяютъ какую-нибудь пятидесятую или даже сотую часть потребности въ кредитѣ на него сельскаго населенія. Недостатокъ кредита вынуждаетъ наше крестьянство наводнять рынокъ хлѣбомъ, обезпѣчивать земледѣльческіе продукты и подрывать благосостояніе въ самомъ источникѣ; недостатокъ кредита заставляетъ ремесленниковъ и кустарей продавать издѣлія по цѣнамъ, которыя не оставляютъ производителю ничего, за покрытіемъ расходовъ на матеріалъ. Всѣ эти обстоятельства побуждаютъ сказать, что законъ 1 іюня можетъ получить серьезное значеніе.

Сводя къ основнымъ группамъ всѣ учрежденія мелкаго кредита, законъ 1 іюня создаетъ новый типъ—кредитныя товарищества. Они тѣмъ существенно отличаются отъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, что не знаютъ обязательныхъ паевъ. Многолѣтній опытъ показалъ, что обязательное составленіе паевъ дѣлаетъ ссудо-сберегательныя товарищества недоступными для бѣднѣйшихъ членовъ крестьянскаго населенія, которые особенно нуждаются въ кредитѣ. Кредитныя товарищества, свободные отъ обязательныхъ паевыхъ взносовъ со стороны членовъ, имѣютъ основными капиталами суммы, которыя поступаютъ въ качествѣ пожертвованій отъ земства, общественныхъ учреждений, частныхъ лицъ или же въ качествѣ ссудъ изъ государственнаго банка. Такъ какъ учредители кредитныхъ товариществъ не образуютъ капитала изъ собственныхъ средствъ, то вопросъ о накопленіи прибылей отступаетъ на задній планъ, и члены товарищества, будучи ссизаны круговою порукой, могутъ тѣмъ легче входить въ составъ этихъ учреждений, что не нуждаются въ предварительныхъ денежныхъ средствахъ.

Законъ 1 іюня представляетъ интересъ и въ томъ отношеніи, что опредѣляетъ кругъ задачъ народныхъ банковъ. Къ тѣмъ операціямъ, которыя бы имъ всегда разрѣшены этимъ учрежденіемъ, присоединяются и нѣкоторыя дѣла: выдача долгосрочныхъ ссудъ на сроки до пяти лѣтъ, выдача ссудъ

подъ закладъ сельскихъ продуктовъ, кустарныхъ издѣлій, а также недвижимой собственности. Законъ вполне рационально расширяетъ въ этомъ направленіи операціи народныхъ банковъ: такъ какъ банки могутъ заключать долгосрочныя займы и такъ какъ ихъ основные капиталы ввѣряются имъ въ долгосрочную ссуду, то они и могутъ открывать своимъ членамъ, на ряду съ краткосрочнымъ кредитомъ, и долгосрочный. Отмѣтимъ, наконецъ, введеніе особыхъ должностныхъ лицъ — инспекторовъ, на которыхъ возлагается надзоръ за веденіемъ дѣлъ. Такъ какъ изъ всѣхъ учреждений мелкаго кредита кредитныя товарищества стоятъ въ ближайшихъ отношеніяхъ къ казнѣ и, по всей вѣроятности, будто обязаны своимъ возникновеніемъ, главнымъ образомъ, государственному банку, то дѣятельность инспекторовъ и распространяется именно на эту группу кредитныхъ учреждений.

Какихъ же практическихъ послѣдствій можно ожидать отъ закона 1 іюня? Было бы напрасно утѣшать себя надеждой, что многія частныя учрежденія, а тѣмъ болѣе частныя лица дадутъ капиталы для учрежденія народныхъ банковъ. Такъ какъ отъ подобнаго помѣщенія капиталовъ нужно ждать меньшихъ выгодъ, чѣмъ отъ вложенія ихъ въ крупныя промышленныя или торговыя предпріятія, то лишь филантропическія побужденія будутъ склонять отдѣльныхъ лицъ или группы лицъ устроить народныя банки. Источникомъ средствъ для основанія народныхъ банковъ могутъ быть отчасти земства, отчасти же государственныя банкы. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что найдутся необходимыя средства. Но будутъ ли они направлены на учрежденія народныхъ банковъ и доставленіе кредита тѣмъ мелкимъ производителямъ, которые нуждаются въ немъ, — вопросъ открытый. Въ нашей экономической политикѣ господствуетъ такое направленіе, что льготы и денежные ссуды охотно даются крупнымъ промышленникамъ и торговцамъ, какъ единоличнымъ, такъ и обществамъ. И наоборотъ, матеріальная поддержка мелкихъ производителей является рѣдкимъ исключеніемъ. Напомнимъ для примѣра хотя бы о павловской артели кустарей. Она существуетъ уже 4½ года, въ теченіе которыхъ многими фактами доказала свою жизнеспособность: стойкость артельщиковъ, преданность дѣлу, весьма умѣлое руководство со стороны г. Штанге и его сотрудниковъ, безостановочное улучшеніе издѣлій и расширеніе предпріятія, — все оправдываетъ полное вниманіе, съ которымъ земству и правительству слѣдовало бы отнестись къ этому учрежденію. Между тѣмъ, ходатайство павловской артели о ссудѣ было до сихъ поръ гласомъ вопіющаго въ пустынь. Ей нужно было бы 12—15 тыс. рублей для правильной постановки производства, а ей едва удалось получить одну тысячу отъ кустарнаго комитета министерства земледѣлія. Между тѣмъ, новый уставъ государственнаго банка говоритъ въ цѣломъ рядѣ статей о поддержаніи мелкой промышленности. И если до сихъ поръ новый уставъ государственнаго банка ничѣмъ не заявилъ себя съ этой стороны, то и на законъ 1 іюня мы смотримъ пока какъ на обѣщаніе. А отъ обѣщанія до исполненія еще очень далеко.

Закономъ 1 іюня 1895 года преобразовано административное устройство четырехъ сибирскихъ губерній: Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. Существо этого преобразованія состоитъ въ томъ, что упраздняется цѣлый рядъ отдѣльныхъ административныхъ органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ: губернскіе совѣты съ состоящими при нихъ канцеляріями общаго губернскаго управленія, отдѣленіями по строительной и дорожной части, тюремнымъ отдѣленіемъ, губернскія присутствія по городскимъ дѣламъ и по воинской повинности, губернскія правленія съ экспедиціями о ссыльныхъ, указы общаго призрѣнія, врачебныя управы и проч. Взамѣнъ всѣхъ этихъ установленій учреждается губернское управленіе, состоящее изъ губернатора, общаго присутствія и канцеляріи. Въ составъ общаго присутствія губернскаго управленія, подъ предѣлительствомъ губернатора, входятъ: вице-губернаторъ и разныя административныя лица. Каждое изъ нихъ участвуетъ въ общемъ присутствіи по всѣмъ дѣламъ, которыя касаются опредѣленной отрасли управленія. Управляющіе казенными палатами и государственными имуществами участвуютъ по дѣламъ крестьянскимъ и переселенческимъ, по дѣламъ народнаго продовольствія, общаго призрѣнія, оспопрививанія и проч., предсѣдатели судовъ—по дѣламъ крестьянскимъ, переселенческимъ и т. д. Вице-губернаторы участвуютъ въ засѣданіяхъ общаго присутствія по всѣмъ дѣламъ. Сверхъ того, въ засѣданія общаго присутствія по отдѣльнымъ дѣламъ приглашаются управляющіе контрольными палатами, уѣздные воинскіе начальники, представители почтово-телеграфнаго управленія, городскіе головы и разныя другія лица. Канцеляріи губернскихъ управленій состоятъ изъ 4 отдѣленій: распорядительнаго, врачебнаго, тюремнаго и строительнаго. Этими вновь образованнымъ учрежденіямъ и переданы дѣла, которыя вѣдались губернскими совѣтами и многочисленными отдѣльными губернскими органами.

Если мы постараемся дать себѣ отчетъ въ существѣ совершеннаго преобразованія, то скажемъ, что оно имѣетъ чисто-формальное значеніе. Цѣлый рядъ коллегіальныхъ установленій, которыми такъ изобилуетъ Сибирь, объединена въ одинъ центральный органъ. Должностныя лица, которыя, согласно съ принципами доселѣшняго административнаго строя, были разбиты по отдѣльнымъ установленіямъ, являются теперь членами одного органа и принимаютъ участіе въ его дѣлахъ постольку, поскольку эти дѣла касаются специально служебной дѣятельности каждаго изъ участниковъ. Такой порядокъ можетъ имѣть небольшое вліяніе на управленіе Сибирью въ томъ смыслѣ, что нѣсколько ускоритъ теченіе дѣлъ. Если только нѣкоторые изъ чиновъ общаго присутствія губернскаго управленія будутъ не слишкомъ медлительны въ разсмотрѣніи и вершеніи поступающихъ дѣлъ, то и остальные члены, уже по внѣшней связи многихъ административныхъ дѣлъ, будутъ отчасти находиться подъ вліяніемъ болѣе ретивыхъ членовъ. Такимъ образомъ, если до сихъ поръ среднее теченіе каждаго дѣла въ Сибири равнялось (примѣрно) одному году, то при новомъ устройствѣ оно будетъ ивно 11¹/₂ мѣсяцамъ.

Однако, новая реформа, смягчая нѣкоторыя невыгоды сибирской административной жизни, не вноситъ въ нее существенныхъ поправокъ. Власть администраціи очень велика и въ губерніяхъ Европейской Россіи; въ сибирскихъ губерніяхъ она еще гораздо шире, и новый законъ вовсе не умаляетъ этой власти. Новое положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, значительно сдузивъ компетенцію земства, все же оставило за нимъ нѣкоторую самостоятельность по веденію мѣстнаго хозяйства, а Сибирь не имѣетъ даже и этого весьма скромнаго по задачамъ и власти самоуправленія. Ежедневная печать, пользующаяся въ обѣихъ столицахъ нѣкоторою свободой, лишена ея въ остальныхъ мѣстахъ Европейской Россіи. Но и провинціальная печать, не взирая на самыя тяжелыя условія своего существованія, фактически приобрѣла возможность,— правда, со всякаго рода оговорками и, большею частью, намеками—отмѣчать недостатки дѣятельности хотя низшихъ мѣстныхъ административныхъ властей и тѣмъ какъ бы устанавливать надъ ними нѣкоторый контроль общественнаго мнѣнія. Можно назвать 5 — 6 губернскихъ городовъ, гдѣ повременная печать уже довольно давно служитъ мѣстной жизни на этомъ поприщѣ. Сибирская печать не имѣетъ тѣни той свободы слова, которымъ пользуются газеты въ провинціальныхъ городахъ Европейской Россіи. Самое невинное осужденіе дѣятельности мелкихъ административныхъ властей влечетъ для редакторовъ и издателей газеты очень крупныя непріятности, легко оканчивающіяся прекращеніемъ изданія. Пока будетъ существовать такой порядокъ, до тѣхъ поръ всѣ преобразованія въ административномъ строѣ Сибири принесутъ этой обширной странѣ очень мало пользы. Чиновникъ обыкновенно склоненъ проникаться началомъ бюрократизма, который воспитываетъ въ немъ убѣжденіе, что не онъ—слуга общества, а общество должно играть относительно его служебную роль. И чѣмъ ниже уровень культуры въ странѣ, чѣмъ дальше отстоитъ мѣстность отъ центра, чѣмъ болѣе благопріятна почва для развитія бюрократизма. Таково именно положеніе Сибири. А съ этимъ бѣдствіемъ можетъ всего болѣе успѣшно бороться печатное слово.

Наши читатели, слѣдящіе за всѣмъ, что происходитъ въ сферѣ народнаго образованія, не безъ интереса узнаютъ объ успѣхахъ, которые могутъ быть отмѣчены въ школьной жизни Петербурга за 1894 — 95 учебный годъ. Этотъ годъ былъ счастливѣе многихъ предыдущихъ: открывалъ обыкновенно 10 училищъ ежегодно, городъ открылъ за этотъ годъ 20 школъ. Въ настоящее время онъ имѣетъ 320 училищъ: 173 для мальчиковъ, 144 для дѣвочекъ и, на окраинахъ, 3 смѣшанныхъ училища для дѣтей обоюбого пола. Городъ открылъ двойное число училищъ для того, чтобы уранить переполненіе школъ учащимися, чтобы избѣжать отказа въ пріемѣ учениковъ. Считая нормальнымъ числомъ учащихся 50 дѣтей на школу, городъ вынужденъ, однако, нарушить это правило. Въ началѣ предшествовавшаго учебнаго года въ 320 училищахъ должно было учиться 16,668. Такимъ образомъ, школы начальныя оставляютъ еще многого желать

этой стороны какъ въ отношеніи гигиеническомъ, такъ и въ отношеніи педагогическомъ (ибо слишкомъ большое число учащихся мѣшаетъ успѣхамъ обученія). Еще большій пробѣлъ можно отмѣтить въ городскихъ четырехклассныхъ училищахъ, которыя служатъ довершеніемъ начальныхъ: мужскихъ четырехклассныхъ училищъ всего 8, а женскихъ городскихъ двухклассныхъ 5. Недостаточность этого числа особенно убѣдительно доказывается тѣмъ, что въ послѣднихъ 13 учится всего 1,800 (1,400 мальчиковъ и 400 дѣвочекъ), тогда какъ въ первыхъ число учащихся достигаетъ 17,000. Сопоставленіе этихъ цифръ показываетъ, что отношеніе начальныхъ училищъ къ городскимъ, которыя являются продолженіемъ первыхъ, не можетъ быть признано нормальнымъ: 1 городское училище приходится на 26 начальныхъ и на 1,300 учащихся въ нихъ. Составъ учащихся въ городскихъ училищахъ очень мало измѣняется изъ года въ годъ: первое мѣсто занимаютъ дѣти крестьянъ, составляющіе 43% всѣхъ учащихся; второе мѣсто—23%—принадлежитъ дѣтямъ нижнихъ воинскихъ чиновъ и, наконецъ, 34% составляютъ представители городскихъ сословій. Уже этотъ фактъ показываетъ, какъ велико число пришлыхъ семей въ составѣ петербургскаго населенія. Число учащихся дѣвочекъ постепенно увеличивается: за прошлый годъ оно достигло 45½% общаго числа. Въ послѣдніе годы наблюдается тотъ фактъ, что уменьшается число дѣтей, которыя оканчиваютъ училище послѣ 12 лѣтъ, и возрастаетъ число такихъ, которыя оканчиваютъ между 11 и 12 годами. Это столь ранній возрастъ, что не слѣдуетъ оставлять дѣтей въ праздности, а такъ какъ занятіе въ эти годы физическимъ трудомъ еще несвоевременно, то нужно содѣйствовать ихъ дальнѣйшему умственному развитію, т.-е. сдѣлать доступнымъ для всѣхъ *конечъ* народнаго образованія, который дается четырехклассными городскими училищами. Отчетъ о петербургскихъ училищахъ сообщаетъ намъ, что только 11 помѣщаются въ домахъ, принадлежащихъ городу, а остальные—въ частныхъ домахъ, причемъ весьма нерѣдко нарушаются требованія нормы относительно квадратнаго и кубическаго измѣренія. Въ санитарномъ отношеніи прошлый годъ долженъ быть признанъ довольно благоприятнымъ: на cadaго учащагося пришлось 12 дней, пропущенныхъ по болѣзни. За 1894 годъ Петербургъ израсходовалъ на народное образованіе 646,000 рублей, изъ которыхъ, кромѣ расходовъ на начальныя училища, было употреблено 5,132 руб. на 16 воскресныхъ школъ и около 12,000 рублей на 4 бесплатныхъ народныхъ читальни. Петербургская городская дума рассчитываетъ и въ слѣдующіе годы работать не менѣе энергично надъ развитіемъ школьнаго дѣла.

Таково состояніе народнаго образованія въ Петербургѣ. Можно сказать безъ преувеличенія, что въ обѣихъ столицахъ и многихъ городахъ сознаніе необходимости учить дѣтей сдѣлало такіе успѣхи даже въ мало развитыхъ слояхъ населенія, что если бы было достаточное число школъ, то неглаголитными остались бы очень немногіе. Но это сознаніе крѣпнетъ и повсюду въ Россіи. Московскій комитетъ грамотности, озабочиваясь выясненіемъ условій, среди которыхъ было бы поставлено всеобщее обученіе

въ Россіи, разослалъ многимъ лицамъ и учрежденіямъ программу, въ которой находятся, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: 1) вездѣ ли въ известномъ вамъ районѣ крестьяне (или жители города) желаютъ учить своихъ дѣтей и отъ какихъ причинъ зависитъ большее или меньшее стремленіе ихъ къ школѣ; 2) не можете ли указать отдѣльныхъ случаевъ стремленія къ школѣ или равнодушія къ ней; 3) потребность ученія признана ли только по отношенію къ мальчикамъ или и по отношенію къ дѣвочкамъ, и отъ чего зависитъ различіе, если оно наблюдается; 4) не замѣчается ли усиленіе потребности ученія за послѣднее время, и если замѣчается, то отъ какихъ причинъ зависитъ оное; 5) каковы главныя причины, вслѣдствіе которыхъ обучаются не всѣ мальчики и не всѣ дѣвочки.

На обращеніе московскаго комитета грамотности откликнулись очень многіе. Часть матеріаловъ уже сведена и опубликована въ брошюрѣ, которая носитъ заглавіе: *Сознана ли населеніемъ потребность во всеобщемъ обученіи?* Въ брошюрѣ сдѣланы общіе выводы изъ 300 отвѣтовъ; среди отвѣтившихъ мы находимъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ, предводителей дворянства, сельскихъ учителей и учительницъ. Затѣмъ мы находимъ въ этомъ спискѣ помѣщиковъ, священниковъ и друг.

На вопросъ о томъ, желаетъ ли населеніе даннаго района учить своихъ дѣтей, было получено 89,3% утвердительныхъ отвѣтовъ и только 10,7% уклончивыхъ и неопредѣленныхъ: «не вездѣ» или «далеко не всѣ». Тамъ, гдѣ потребность учить дѣтей признана не всеми, причинами являются вѣроисповѣдныя различія, крайняя бѣдность или дурное качество школы. Такіе факты всего чаще наблюдаются въ мѣстностяхъ съ большимъ числомъ инородцевъ — въ Вятской, Казанской, Симбирской, Самарской губерніяхъ. Нерѣдко корреспонденты сообщаютъ данныя, которыя краснорѣчиво доказываютъ любовь крестьянъ къ школѣ: нѣкоторые учителя пишутъ, что даже изъ деревень, отдаленныхъ отъ школъ, дѣти не посѣщаютъ училища только вслѣдствіе метели или сильнаго мороза; другіе передаютъ о томъ, что въ концѣ лѣта, еще за нѣсколько недѣль до начала ученія, родители толпами приходятъ въ школу и наперерывъ просятъ учителя принять дѣтей. Нѣкоторые корреспонденты пишутъ, что съ каждымъ годомъ среди крестьянъ, прошедшихъ школу, увеличивается стремленіе покупать книжки и даже составлять маленькія библіотеки. Приводятся и такіе факты: родители не хотятъ посылать дѣтей въ школу, не даютъ имъ съ собой обѣда и сколько-нибудь исправнаго платья; дѣти же ходятъ и постепенно побуждаютъ упорство родителей. Нѣкоторые инспектора пишутъ комитету грамотности, что угроза закрыть школу, вслѣдствіе неисправности помѣщенія, ведетъ обыкновенно къ тому, что сельскія общества ремонтируютъ зданіе; съ тѣмъ вмѣстѣ, несмотря на то, что учебное начальство и земство ставятъ крестьянамъ, желающимъ открыть школу, все болѣе строгія требованія, сельскія общества постановляютъ приговоры о сооруженіи школьныхъ зданий и открытіи школъ. Относительно одного селенія Нижегородской губерніи сообщаютъ такой любопытный фактъ: въ селѣ было женское училище

и земство платило за наемъ квартиры; когда оно перестало платить, а сельское общество не взяло на себя этого расхода, то было рѣшено закрыть училище; но черезъ нѣсколько дней по закрытіи школы явился староста доложить, что сельское общество постановило сдѣлать особый сборъ, дабы заплатить за квартиру; училище было немедленно открыто. И такое стремленіе къ школѣ замѣчается не только среди коренного русскаго населенія,—оно обнаруживается и среди ипородцевъ, наприм., мордвы въ Тамбовской и Пензенской губерніяхъ.

На вопросъ о томъ, сознаетъ ли населеніе полезность обученія только мальчиковъ или и дѣвочекъ, комитетъ грамотности получилъ свѣдѣнія, большая часть которыхъ указываетъ, что въ городахъ родители охотно посылаютъ въ школу и дѣвочекъ, въ деревняхъ же только меньшинство крестьянъ одинаково охотно посылаетъ учиться мальчиковъ и дѣвочекъ. И это есть результатъ не того, чтобы родители считали обученіе дѣвочекъ ненужнымъ,—дѣвочки начинаютъ въ болѣе раннемъ возрастѣ служить подсобною рабочею силой, чѣмъ мальчики, а потому семья неохотно отдаетъ первыхъ въ ученье. Наконецъ, корреспонденты изъ нѣкоторыхъ мѣстностей отмѣчаютъ и другую причину: отсутствіе отдѣльныхъ школъ для дѣвочекъ; тамъ, гдѣ есть женскія начальныя училища, они переполнены; совмѣстное же обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ не нравится многимъ крестьянамъ.

По третьему вопросу, о томъ, замѣчается ли усиленіе потребности въ обученіи, около 90% отвѣтовъ даны въ безусловно утвердительной формѣ. И изъ остальныхъ отвѣтовъ многіе не содержатъ отрицанія, а только указываютъ на правильный и постепенный прогрессъ и народной школы, и влеченія къ ней.

Таковы факты. За собраніе ихъ московскій комитетъ грамотности заслуживаетъ полной признательности. Эти факты даютъ право на одинъ общій, широкій выводъ, что во многихъ губерніяхъ уже наступило время, когда сравнительно небольшія усилія правительства и земства могутъ сдѣлать школу доступной для всего населенія.

Передаемъ со словъ *Одесскихъ Новостей* разрѣшеніе государственнымъ совѣтомъ важнаго вопроса о примѣненіи положенія 14 августа 1881 года о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и спокойствія. Сущность дѣла состоитъ въ слѣдующемъ. Петербургскій градоначальникъ Грессеръ, по соглашенію съ петербургскимъ губернаторомъ, воспретилъ нѣкому Келлеру жить въ теченіе 3 лѣтъ въ Петербургѣ и Петербургской губерніи на основаніи положенія 14 августа 1881 года объ охранѣ. Воспрещеніе состоялось 3 іюля 1889 года. Келлеръ подалъ на это распоряженіе жалобу въ первый департаментъ сената, доказывая въ жалобѣ, что вовсе не возникало сомнѣній относительно его политической благонадежности. Грессеръ, представляя жалобу въ сенатъ, донесъ, что основаніемъ его распоряженія былъ обманный поступокъ Келлера относительно нѣкоей Мержеевской, устраненіе его отъ службы городского по подозрѣнію въ кражѣ и общія свѣ-

дѣнія о Келлерѣ, какъ человѣкѣ сомнительной нравственности. При разсмотрѣннн жалобы Келлера въ первомъ департаментѣ сената голоса раздѣлились, причѣмъ одни сенаторы считали жалобу Келлера вовсе не подлежащей разсмотрѣнн сенатомъ и признавали министра внутреннихъ дѣлъ вышешю инстанціей, а другіе высказались за отміну распоряженія Грессера, такъ какъ въ поступкахъ Келлера не было ничего угрожающаго государственному спокойствію, для охраненія котораго и было издано положеніе 14 августа 1881 года. Въ общемъ собраніи сената голоса также раздѣлились, причѣмъ 12 высказались за оставленіе жалобы Келлера безъ послѣдствій, а 16 — находили, что она должна быть разсмотрѣна и уважена. Вслѣдствіе разногласія въ общемъ собраніи сената, дѣло перешло на разсмотрѣнн государственнаго совѣта. Въ своемъ рѣшеніи государственный совѣтъ установилъ тотъ взглядъ, что положеніе 14 августа 1881 года вовсе не отміняетъ и не измѣняетъ порядка обжалованія дѣйствій генераль-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальниковъ въ случаѣ превышенія этими должностными лицами предоставленныхъ имъ полномочій, а потому частныя лица, права которыхъ нарушаются или ограничиваются этими распоряженіями, имѣютъ право приносить жалобы или министру внутреннихъ дѣлъ, или въ сенатъ. Государственный совѣтъ доказываетъ правильность своихъ выводовъ ссылкой на то, что высочайшій указъ отъ 4 сентября 1881 года объ изданіи положенія объ охранѣ говоритъ, что установленныя этимъ положеніемъ исключительныя мѣры не должны подвергать «излишнему отягощенію законные интересы вѣрнаго престолу населенія». Отсюда слѣдуетъ, что законъ не хотѣлъ лишить гражданъ права приносить жалобы въ тѣхъ случаяхъ, когда примѣненіе этого положенія нарушаетъ ихъ законные интересы. Во-вторыхъ, государственный совѣтъ опирался и на соображеніе о томъ, что въ проектѣ *положенія объ охранѣ* было предначертано правило о томъ, что во время дѣйствія усиленной охраны распоряженія генераль-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальниковъ, сдѣланныя на основаніи ихъ чрезвычайныхъ полномочій, могутъ быть обжалованы только въ случаѣ превышенія ими означенныхъ полномочій. Но комитетъ министровъ исключилъ эту статью, «такъ какъ правила о принесеніи подобныхъ жалобъ изложены въ общихъ узаконеніяхъ». Поэтому жалоба Келлера была правильно принесена сенату. Обсуждая же эту жалобу по существу, государственный совѣтъ высказалъ взглядъ, что положеніе 14 августа 1881 года даетъ администраціи чрезвычайныя полномочія для водворенія полнаго порядка и искорененія крамолы. Поэтому должностныя лица, надѣленные особыми полномочіями, должны имѣть только эту цѣль въ виду, какъ скоро они запрещаютъ кому-либо пребываніе въ данной мѣстности. Такъ какъ распоряженіе петербургскаго градоначальника относительно Келлера не соотвѣтствуетъ этимъ условіямъ, такъ какъ оно было сдѣлано не въ интересахъ охраненія государственнаго спокойствія, а вслѣдствіе свѣдѣній о сомнительной нравственности Келлера и подозрѣнія его въ такихъ проступкахъ, за которые можно было преслѣдовать его только въ общемъ уголовномъ порядкѣ, то госу-

ственный совѣтъ призналъ выселеніе Келлера изъ столицы и Петербургской губерніи неправильнымъ и высказался за отміну этого распоряженія.

Мы придаемъ этому факту очень большое значеніе. Государственный совѣтъ создалъ прецедентъ, который можетъ имѣть большую важность. Бываютъ случаи, когда нужна значительная острота ума и привычка къ юридическимъ тонкостямъ, дабы высказаться по поводу образа дѣйствій административной власти. На этотъ же разъ неправильное примѣненіе покойнымъ Грессеромъ положенія 14 августа 1881 г. такъ очевидно и право Келлера на подачу жалобы сенату столь несомнѣнно, что, казалось бы, не должно быть иного отношенія къ дѣлу, какъ то, которое мы находимъ со стороны государственнаго совѣта. Келлеръ былъ человѣкомъ сомнительной нравственности и даже совершилъ моженничество относительно Мержеевской. Такие люди не могутъ быть терпимы въ качествѣ городскихъ, а потому петербургскій градоначальникъ поступилъ правильно и цѣлесообразно, что уволилъ его. Его сомнительныя дѣлишки были не таковы, чтобы можно было привлечь его къ уголовной ответственности, а потому онъ до поры до времени и не познакомился съ мѣрами судебного воздѣйствія. Разъ его нравственныя качества были такъ сомнительны, какъ мы узнаемъ изъ заявленія покойнаго Грессера, то онъ рано или поздно (и, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ) испыталъ бы на себѣ предели тюрьмы или наказаній, связанныхъ съ удаленіемъ изъ Петербурга. Но возможно, что увольненіе отъ службы заставило бы его одуматься и повести жизнь, не заслуживающую серьезныхъ упрековъ. Каково бы ни было его дальнѣйшее поведеніе, не было никакихъ основаній для того, чтобы выслать его изъ Петербурга, примѣнивъ къ нему строгія административныя взысканія по положенію 14 августа 1881 года. И условія, при которыхъ былъ изданъ этотъ законъ, и духъ его, и самая буква вмѣняютъ администраціи въ обязанность примѣнять его въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и то съ величайшею осторожностью и разборчивостью. Исключительныя законы настолько потрясаютъ правильное теченіе жизни, что частое примѣненіе ихъ, уже не говоря о крайней тяжести, причиняемой гражданамъ, подрываетъ авторитетъ государства: граждане не могутъ смотрѣть безъ недоумѣнія и раздраженія на то, что государство, располагая огромнымъ числомъ служащихъ ему органовъ и огромнымъ запасомъ матеріальныхъ средствъ, нуждается въ исключительныхъ мѣрахъ даже тамъ, гдѣ рѣчь идетъ не о тяжелыхъ преступленіяхъ, которыя вызываютъ панику, а о ничтожныхъ вещахъ, о мелочахъ повседневной жизни. Выработывая положеніе 14 августа 1881 года, законодатель хорошо зналъ, что ежедневно совершаются сотни мошенничествъ, что многіе и многіе русскіе люди, среди нихъ городовые, весьма сомнительной нравственности, но онъ, конечно, не допускалъ и мысли, что этими исключительными мѣрами будутъ пользоваться въ случаяхъ, когда совершенно достаточно низшихъ судебныхъ инстанцій.

Женскій медицинскій институтъ почти въ полномъ объемѣ медицинскаго факультета сталъ существующимъ фактомъ. Считая это важнымъ шагомъ въ дѣлѣ упроченія высшаго женскаго образованія въ Россіи, мы сожалѣемъ, что доступъ въ институтъ связанъ съ вѣроисповѣданіемъ. Нашлись бы лица и не христіанской вѣры, способныя съ успѣхомъ пройти этотъ курсъ и дѣйствовать на врачебномъ поприщѣ.

Какъ извѣстно, *Московскія Вѣдомости* «охраняютъ» національную промышленность, національный трудъ. *Неделя* (№ 30) сообщаетъ слѣдующій фактъ, характеризующій это «охраненіе»:

«У одного изъ московскихъ мировыхъ судей разбиралось любопытное дѣло С. А. Петровскаго, редактора-издателя *Московскихъ Вѣдомостей*. Дѣло возникло изъ-за поврежденія руки малолѣтнимъ рабочимъ типографіи *Московск. Вѣдомостей*. При этомъ при осмотрѣ типографіи фабричнымъ инспекторомъ были обнаружены слѣдующія нарушенія правилъ о работѣ малолѣтнихъ: во-1-хъ, не было заявлено фабричному инспектору о пользованіи трудами малолѣтнихъ отъ 12 до 15 лѣтъ; во-2-хъ, не имѣется распределенія рабочаго времени для малолѣтнихъ, утвержденного фабричнымъ инспекторомъ; въ-3-хъ, малолѣтніе отъ 12 до 15 лѣтъ принимаются на службу безъ метрическихъ выписей, а не имѣющіе отдѣльныхъ паспортовъ—безъ разрѣшенія родителей; въ-4-хъ, ни въ конторѣ, ни въ рабочихъ помѣщеніяхъ не вывѣшены: правила о работѣ и обученіи малолѣтнихъ, табель праздниковъ, въ которые не допускается работа малолѣтнихъ, и списокъ производствъ, къ которымъ малолѣтніе въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ безусловно не допускаются; въ-5-хъ, нѣтъ книгъ для записи малолѣтнихъ; въ-6-хъ, малолѣтніе отъ 12 до 15 лѣтъ работаютъ болѣе 8 часовъ въ день, причеиъ болѣе 4 часовъ сряду; въ-7-хъ, они же работаютъ даже ночью при производствѣ, которое для нихъ въ ночное время безусловно воспрещено; въ-8-хъ, малолѣтніе указаннаго возраста работаютъ въ воскресные, праздничные и табельные дни; въ-9-хъ, малолѣтнимъ, не имѣющимъ свидѣтельства объ окончаніи однокласснаго училища, не дается возможность посѣщать школу, такъ какъ учебное время занято у нихъ работою; въ-10-хъ, подростки принимаются безъ метрическихъ свидѣтельствъ; въ-11-хъ, принимаются на работу дѣти моложе десяти лѣтъ. Такъ какъ обвиняемый на судѣ не явился, то дѣло разбиралось заочно. Судья, соглашаясь съ мнѣніемъ г. фабричнаго инспектора, что «общественное положеніе г. Петровскаго, какъ издателя-редактора большой газеты, исключаетъ всякую возможность въ допущеніи имъ нарушенія по незнанію или по непониманію имъ закона и преслѣдуемыхъ закономъ цѣлей», напелъ нужнымъ наложить на г. Петровскаго денежное взысканіе въ высшей мѣрѣ: штрафъ въ 100 руб.»

Состоящій при Императорскомъ московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства комитетъ грамотности, имѣя въ виду, что при всероссійской сельско-

хозяйственной выставкѣ общества, имѣющей быть съ высочайшаго соизволенія съ 27 ноября по 14 декабря с. г. въ зданіи московскаго манежа, устраивается въ отдѣлѣ комитета выставка по народному образованію, приглашаетъ учрежденія и лица, желающія принять участіе въ выставкѣ, въ качествѣ экспонентовъ, въ отдѣлѣ комитета грамотности, прислать заявленія о томъ въ комитетъ (Москва, Смоленскій бульваръ, д. Земледѣльческой школы) не позднѣе 14 октября, а самые экспонаты не позднѣе 1 ноября.

Для полученія подробной программы отдѣла комитета на выставкѣ просить обращаться по указанному адресу.

ПОПРАВКИ. Въ іюльской книгѣ журнала *Русская Мысль*, въ статьѣ В. А. Гольцева: „Историческая эволюція и психологическіе законы“, стр. 138, строка 22 снизу, напечатано: „при неизменности его (народа) души“, слѣдуетъ читать: „при неизмѣнности его души“. Въ той же книгѣ, въ статьѣ профессора К. А. Тимирязева: „Историческій методъ въ биологіи“ пропущено указаніе, что статьи г. Филиппова о дарвинизмѣ печатались въ *Научномъ Обозрѣніи* за 1894 г., №№ 32—35.

Контора журнала „Русская Мысль“ (Москва, уголъ Леонтьевскаго пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24) принимаетъ объявленія, для помѣщенія ихъ въ книгахъ журнала или разсылки ихъ при журналѣ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) За объявленіе, помѣщаемое въ началѣ книги и занимающее цѣлую страницу, взимается 50 руб., а въ концѣ книги 25 руб. Расчетъ производится за полную страницу, хотя бы объявленіе занимало мѣсто менѣе страницы.

2) Для помѣщенія объявленія въ извѣстной книгѣ, таковое должно быть доставлено не позже 5 числа того мѣсяца.

3) За каждую тысячу листовъ, прикладываемыхъ къ журналу объявленій, взимается съ каждой 1000 экз. за 1 лотъ вѣсу 8 руб., за 2 лота 10 руб., за 3 лота 13 руб., за 4 лота 16 р. Въ виду почтовыхъ правилъ, листы эти не могутъ быть сброшюрованы къ журналу.

4) Объявленія помѣщаются въ журналѣ или прикладываются къ нему не иначе, какъ по доставленіи конторѣ журнала слѣдуемой за это платы.

5) Доставившимъ объявленія для печатанія въ теченіе всего года дѣлается уступка.

Въ конторѣ журнала *Русская Мысль* имѣется небольшое количество годовыхъ экземпляровъ журнала за 1883, 1886, 1887 и 1888 гг., цѣна которымъ, съ пересылкою, слѣдующая: 1883 и 1886 гг. за 1 экз. по 6 руб., 1887 г. за 1 экз. 7 руб., 1888 г. за 1 экз. 8 р. Цѣна за всѣ означенные годы вмѣстѣ 26 руб. съ пересылкою.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Августъ

1895 года.

Содержаніе. I. Книжки: Беллетристика.—Публицистика.—Психологія.—Исторія и мемуары.—Географія.—Статистика.—Техническія книги.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Искусство.—Книжки для дѣтей и учебники.—Изданія для народа.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія «Русское Богатство», июль.—«Вѣстникъ Европы», июль—июль.—«Русскій Вѣстникъ», июль.—«Сѣверный Вѣстникъ», июль. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 июля по 1 августа 1895 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Откровенные“. К. М. Станюковича.—„Живой портретъ и рассказы“. А. Антеева.—„Братья Шуйскіе“. Л. И. Вознесенскаго.—„Золотой осель“. Люція Апулея.—„Собраніе сочиненій“ Бретъ-Гарта.

Откровенные. Романъ въ двухъ частяхъ К. М. Станюковича. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к. Авторъ изобразилъ въ этомъ романѣ уголокъ высшаго административнаго міра Петербурга, въ каковомъ мірѣ всего меньше, кажется, можно встрѣтить людей „откровенныхъ“. Не видимъ мы „откровенныхъ“ и въ романѣ г. Станюковича, что отнюдь не умаляетъ достоинствъ повѣствованія, какъ правдиваго изображенія среды, взятой авторомъ. Суть дѣла не въ заглавіи книжки, не совсѣмъ удачною, по нашему мнѣнію, а въ томъ, что главныя дѣйствующія лица—министръ-старикъ, уходящій отъ дѣлъ, молодой министръ, безъ усталы работающій надъ дѣлами, будущій его преемникъ, обрабатывающій отлично свои личныя дѣла, директоры департаментовъ, директоръ канцеляріи министра,—описаны авторомъ съ такою правдивостью и откровенностью, какія возможны для русскаго писателя, не желающаго „быть приглашеннымъ для личныхъ объясненій“ съ высшими сановниками, „друзьями прессы“, какъ про себя говоритъ молодой министръ Павлицевъ, который не любитъ въ печати только „вранья и глупостей“, не допускаетъ появленія въ газетахъ „вдорныхъ“ статей. „Я, — говоритъ редактору молодой и энергичный сановникъ, — не врагъ прессы и очень цѣню ее, и охотно готовъ читать всякія благожелательныя замѣчанія. Но этотъ тонъ... Это невѣжественное отношеніе какого-то писаки къ проекту, надъ которымъ работали люди, надѣюсь, кое-что знающіе и не глупѣе вашего сотрудника... вотъ что возмутительно, и вотъ на что я хотѣлъ обратить ваше вниманіе. Если хотите вѣрныхъ свѣдѣній, если хотите разъясненій, — милости просимъ, у меня секретовъ нѣтъ, и вамъ дадутъ всякія свѣдѣнія и всякія разъясненія. Вы, господа, должны помогать намъ, а не противодействовать. А то, согласитесь, мы работаемъ на благо отече-

ства, а печать... Пожалуйста, исправьте вашу ошибку. Оговорите, что вы были введены въ заблужденіе невѣрными свѣдѣніями, и впредь будьте осторожнѣе". И вызванный для объясненій редакторъ ушелъ очень довольный, что „отдѣлался сравнительно такъ дешево отъ друга прессы". Очень хорошо передано авторомъ, какъ этотъ Павлицевъ и его ближайшій помощникъ, Маркъ Борщовъ, „работаютъ на благо отечества", и съ достаточною ясностью раскрыто внутреннее содержаніе этихъ достойныхъ другъ друга работниковъ и тѣхъ, кто, смѣнивши ихъ, готовится въ свою очередь „осчастливить" русскій народъ. „Энергичный" Павлицевъ не осчастливилъ никого, скоро сломалъ себѣ шею, при благосклонномъ содѣйствіи очень вліятельной княгини Оболюды-Таракановой, стоящей въ первомъ ряду вожаковъ аристократическаго кружка, гдѣ съ самаго начала блестящей карьеры Павлицева рѣшено было, что онъ — „un vrai prokwoſt", способный „продать своего новаго патрона, какъ продалъ стараго"... и какъ потомъ его продалъ Борщовъ, когда самъ Павлицевъ добрался до степени „патрона". Все это въ романѣ г. Станюковича — дѣла давно минувшихъ дней, семидесятыхъ годовъ, когда увлеченіе идеалами начало быстро уступать мѣсто „трезвеннымъ" началамъ, полѣзшимъ въ гору, вмѣстѣ съ „людьми жизни", вродѣ Павлицева и Иволгина (одного изъ второстепенныхъ лицъ романа), дѣлца на всѣ руки, чуть не попавшаго подъ судъ за какія-то банковыя художества, спасеннаго вліяніемъ княгини Оболюды-Таракановой и занявшаго потомъ мѣсто спихнутаго Павлицева до тѣхъ поръ, пока его не столкнетъ Борщовъ, чтобы самому начать „осчастливливать" дорогую родину. Этотъ Маркъ Борщовъ представляется намъ самою интересною и наиболѣе характерною личностію въ романѣ. Это — „un prokwoſt", несомнѣнно, только еще болѣе высокой марки, чѣмъ Павлицевъ, Иволгинъ и другіе, стремящіеся „осчастливливать". У тѣхъ есть „грѣхи молодости", „грѣхи банковые", увлеченія женщинами, страсть къ наживѣ, есть аппетиты и различныя слабости. Борщовъ безукоризненъ во всѣхъ такихъ статьяхъ. Его „трезвенность" доходитъ до совершенства и, несомнѣнно, доведетъ его до цѣли, намѣченной его безграничнымъ честолюбіемъ. Отъ такой „безупречности" жутко становится, и не даромъ бѣжала отъ него, какъ отъ ядовитаго гада, его жена, очень умная, прекрасная женщина, боготворившая его въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ и только случайно раскусившая всю омерзительность его формальной добродѣтели, лишенной всякой внутренней подкладки, основанной единственно на расчетѣ, бездушномъ, безпринципномъ и беспощадномъ. Къ сожалѣнію, эта любопытная, довольно оригинальная и для нашего времени характерная личность не совсѣмъ закончена авторомъ, не дописана, не доведена до настоящаго типа, хотя задумана была она, именно, такъ, что изъ нея можно было сдѣлать типъ и превратить имя героя въ нарицательное для цѣлой группы людей, лѣзущихъ на административныя вершины, пытающихся стать воротилами и благодѣтелями нашего fin de siècle. Несмотря на нѣкоторыя длинноты и повторенія, романъ читается съ интересомъ, благодаря, главнымъ образомъ, тому, что въ немъ раскрывается многое, невѣдомое большинству публики, прикрытое внѣшнимъ лоскомъ и порядочностію, огражденное отъ взоровъ общества стѣнами административныхъ учрежденій и канцелярскою тайной, ревниво охраняемою всѣми „друзьями прессы".

Живой портретъ и разказы. А. Антеева. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
Живой портретъ есть заглавіе перваго изъ помѣщенныхъ въ книгѣ

разказовъ, настолько же безсодержательнаго, какъ и большинство другихъ, напечатанныхъ подъ одною обложкой въ числѣ шестнадцати. Если бы всѣ они были таковы же, какъ этотъ первый, то о произведеніяхъ г. Антеева можно было бы сказать, что они не хуже и не лучше множества „очерковъ и разказовъ“, которые намъ приходится прочитывать и отправлять „въ отбросъ“, какъ говорятъ техники. Въ большинствѣ такого рода „разказовъ“—все гладко и пусто, встрѣчаются кое-гдѣ добрыя намѣренія и хорошія чувства, только давно извѣстныя и на всякіе лады изложенныя. Будь это такъ, мы о сочиненіяхъ г. Антеева промолчали бы, отмѣтивши ихъ въ числѣ книгъ, поступившихъ въ редакцію. Къ сожалѣнію, авторъ *Живого портрета и разказовъ* захотѣлъ подѣлиться съ читателями собственными взглядами на нѣкоторые довольно щекотливые вопросы, порою возникающіе въ семейной жизни. Такъ, напримѣръ, въ разказѣ *Обманъ* авторъ передаетъ воспоминанія одной почтенной старушки, счастливой мамыши и бабушки, „жизнь которой идетъ ровно и спокойно“, что и „отразилось на ея лицѣ и фигурѣ“, молодежавшихъ, привлекательныхъ и милонидныхъ, несмотря на прожитые 63 года. Пришедшая къ старушкѣ знакомая сообщила городскую новость: одна молоденькая барынька бросила плохонькаго мужа и уѣхала съ молодымъ, красивымъ господиномъ, въ котораго влюбилась. Почтенная старушка, по добротѣ сердечной, пожалѣла увлекшуюся женщину, замѣтила, что придется ей, бѣдняжкѣ, перенести много горя, но не осудила ея поступка, сказала только, что „жизнь не посылала (ей и собесѣдницѣ) такого искушенія, потому онѣ и святы“. Очень это хорошо, весьма сочувствуемъ разумному и гуманному взгляду милой старушки. Но вотъ старушка осталась одна на балконѣ и задумалась о прошломъ. Оказывается, что „искушеніе“ было, когда она приближалась къ тридцати годамъ и у нея было уже двое дѣтей. Искусившій сосѣдь пламенно любилъ ее, предлагалъ уѣхать съ нимъ отъ семьи. Она его также любила, но уѣхать отказалась и въ заключеніе объясненія сказала молодому сосѣду: „Когда ты все покончишь здѣсь, пріѣзжай проститься. Пусть хоть день, да будетъ нашъ. Но смотри, то, что я твоя буду, не должна знать ни одна живая душа въ мірѣ“. Не дурная оговорочка съ любимымъ человѣкомъ. И осторожная дама ловко устраивала свои свиданія съ сосѣдомъ у себя въ домѣ, въ лѣсу, потомъ въ Москвѣ, гдѣ и распостилась съ нимъ самымъ хорошимъ манеромъ навсегда и, какъ ни въ чемъ ни бывало, вернулась къ мужу. „И ни раньше, ни теперь эти воспоминанія не будятъ раскаянія въ душѣ Варвары Николаевны,—повѣствуетъ отъ себя авторъ.— Напротивъ, эти воспоминанія—одни изъ самыхъ милыхъ. Не будь ихъ, и жизнь представлялась бы ей гораздо скучнѣе, гораздо бѣднѣе. Стала ли кто несчастнѣе, что она такъ поступила, хуже ли кому отъ этого?“ Совсѣмъ разнѣжилась старушка, „и ей такъ жалко всѣхъ людей, зачѣмъ они мучаются и создаютъ себѣ страданія, зачѣмъ лукаво мудрствуютъ они, когда нужно только одно: любить людей и стараться оградить ихъ отъ несчастія“. И ей хочется „призвать ихъ всѣхъ и дружески поговорить вмѣстѣ, какъ лучше устроить такъ, чтобы никому обидно не было, объяснить имъ, что нѣтъ въ жизни ничего обиднаго и позорнаго, что обидно и позорно только то, что дѣлаетъ чье-нибудь несчастіе“. Разказу конецъ, мораль пречудесная: живи въ свое удовольствіе, продѣлывай что угодно, лишь было бы все шито и крыто и не дошло до того, кому это можетъ быть „обидно и поворно“. Въ такомъ своемъ мнѣніи авторъ

оказывается, однако, не очень стойкимъ и въ разсказѣ *Ошибка* передаетъ, какъ нѣкая Вѣра Владиміровна по ошибкѣ вышла замужъ не за Колю, а за Алексѣя, и очень скоро, черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, объявила мужу, что жить съ нимъ не можетъ потому, что... желаетъ жить съ нимъ, какъ сестра съ братомъ, а онъ на это не соглашается. Реальность этого разсказа,—выражаясь деликатно,—такова, что дѣлать изъ него выписки мы находимъ не удобнымъ. Такою же реальностью разсказа *Въ ямъ* авторъ хотѣлъ, должно быть, перецеголять Зола и возбуждаетъ ни на что не нужное чувство омерзѣнія—не только къ факту, но и къ его изображенію.

Братья Шуйскіе. Хроника въ 5-ти дѣйствіяхъ. Л. И. Вознесенскаго. Москва, 1894 г. Цѣна 2 рубля. Давно уже не приходилось намъ читать такихъ диковинныхъ драматическихъ произведеній, какъ эта „хроника“. По содержанію, это прославленіе,—съ исторіей совершенно не согласное,—свергнутаго царя Василья Ивановича Шуйскаго; по формѣ, это—совѣтъ ни на что не похоже: авторъ воображаетъ, что написалъ бѣлые стихи; пусть читатель судить по началу:

Купецъ. Какъ братъ Иванъ! и ты опять въ Москвѣ?
Сынъ купецъ. Здѣсь, въ Тушинѣ страхъ какъ надоѣло,
 И я одумался, и такъ рѣшилъ:
 Служить начну я вѣрой, правдой
 Здѣсь въ бѣлокаменной Москвѣ царю!
Купецъ. Такъ до поры, до времени—знаемъ! и т. д.

А вотъ что авторъ принимаетъ за рѣмованные стихи,—выписываемъ изъ послѣдней страницы:

Царь. (Громкимъ, восторженнымъ голосомъ).
 ...Наступить,—вѣрьте мнѣ,—наступить время,
 Когда превыситъ юный мой народъ
 Народы всѣ драхлѣющей вселенной!...
 Не зрю ли сына?... Сильною рукой
 Онь древній Кіевъ и Смоленскъ плѣненной
 Россіи отдалъ!... Внуку ли предо мной,
 Эту вѣтвь съ дивной вѣрностью Сампсона,
 Съ чудесной Моисеевой душой,
 Создатель правды, свѣта и закона!... и т. д.

Все это было бы забавно, если бы не было такъ длинно и томительно скучно.

Золотой оселъ. Люція Апулея. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 коп. Знаменитое сочиненіе Апулея отлично переведено съ латинскаго г. Соколовымъ. Историческое значеніе его общеизвѣстно. Къ сожалѣнію, многіе эпизоды изъ исторіи *Золотой осла* невозможно читать вслухъ и въ особенности не слѣдуетъ давать въ руки дѣвушкамъ и юношѣ, хотя лицезрѣть Пушкинъ и „читалъ охотно Апулея“. Г. Соколовъ предположилъ своему переводу краткій, но интересный и обстоятельный биографическій очеркъ Люція Апулея. Издана книга (А. Ф. Пантелѣевымъ) очень хорошо.

Собраніе сочиненій Бретъ-Гарта. Пер. съ англ. 6 томовъ. Спб., 1895 г. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ русскіе читатели были удивлены появленіемъ въ двухъ лучшихъ журналахъ (*Вѣстникъ Европы* и *Отечественныя Записки*) странныхъ по заглавію и по сюжетамъ разсказовъ неизвѣстнаго у насъ въ то время американскаго писателя Бретъ-Гарта. То были знаменитыя *Сказанія объ аргонавтахъ*, сразу создавшія всемірную извѣстность ихъ молодому автору. Въ разсказахъ этихъ, среди фантастической, величественной и дикой природы аме-

риканской Калифорніи, дѣйствовали сильныя духомъ, предприимчивыя, но грубые и невѣжественныя люди — золотоискатели и земледѣльцы, сошедшіе сюда со всѣхъ концовъ Штатовъ и установившіе въ своихъ походныхъ „лагеряхъ“ совершенно оригинальныя и первобытныя порядки. Несмотря на всю сказочность обстановки, событій и дѣйствующихъ лицъ, съ которыми русскіе читатели встрѣтились въ *Сказаніяхъ объ арюнаетахъ*, Бретъ-Гартъ быстро завоевалъ себѣ симпатіи публики и съ тѣхъ поръ переводы его новыхъ разсказовъ не переставали печататься почти во всѣхъ нашихъ журналахъ. Появились и отдѣльныя сборники его произведеній. Лучшій изъ нихъ выпущенъ былъ покойнымъ А. Н. Плещеевымъ. Къ сожалѣнію, среди нихъ явилось много лубочныхъ изданій, безграмотныхъ и вздорныхъ, инициаторы которыхъ, никогда не видавъ англійскаго подлинника, переводили съ нѣмецкаго и французскаго и своими „поправками“ дискредитировали американскаго писателя передъ русскою публикой. Наконецъ, въ нынѣшнемъ году фирмѣ „Общественная польза“ пришла счастливая мысль выпустить общедоступное *Собраніе сочиненій* Бретъ-Гарта, по поводу котораго мы думаемъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ писателѣ.

Френсисъ Бретъ-Гартъ родился въ 1839 году въ городѣ Албани (штатъ Нью-Йоркъ). Отецъ его, преподаватель въ женскомъ учебномъ заведеніи, былъ человѣкомъ начитаннымъ и образованнымъ. Но благотворное вліяніе его на сына скоро прекратилось: уже въ 1854 году пятнадцатилѣтній Бретъ-Гартъ, схоронивъ отца, долженъ былъ самъ подумать о своемъ будущемъ. Въ это время вся Америка переполнена была слухами о чудесахъ Калифорніи, въ рудникахъ которой съ 1849 года быстро созидались громадныя состоянія. Мальчикъ, заинтересованный фантастическими разсказами, отдался общему увлеченію и очутился среди рудокоповъ Запада. Но богатство давалось далеко не всѣмъ пришельцамъ и Бретъ-Гарту пришлось перенести много лишеній, прежде чѣмъ онъ нашелъ то, чего вовсе не искалъ: всемірную славу перворазряднаго писателя. Долго пробовалъ онъ себя на всевозможныхъ пририцахъ: работалъ киркой и заступомъ въ горахъ, учительствовалъ въ импровизированныхъ школахъ; съ заряженными револьверами въ рукахъ, въ роли агента торговой компаніи, отвозилъ золото изъ поселковъ въ ближайшіе города; наконецъ, служилъ въ типографіи наборщикомъ. Въ 1857 г. онъ окончательно поселился въ Санъ-Франциско и, занимаясь въ редакціи еженедѣльнаго журнала *The Golden Era*, впервые попробовалъ писать. Стихи его показались редактору недурными и Бретъ-Гартъ мало-по-малу началъ печататься въ мѣстныхъ изданіяхъ. Въ іюлѣ 1868 г. молодому писателю было предложено редактированіе народившагося ежемѣсячнаго журнала *The Overland Monthly*, а въ августѣ того же года на страницѣхъ этого журнала появился первый его прозаическій разсказъ изъ жизни золотоискателей *Счастье Ревущаго стана*. Произведеніе это не понравилось на мѣстѣ и только шумный успѣхъ его въ восточныхъ штатахъ заставилъ калифорнійцевъ отнестись къ нему благосклонно. *Изминики Покеръ-Флета*, *Миссъ* и послѣдующіе разсказы окончательно выдвинули Бретъ-Гарта и создали громкую извѣстность его журналу. Въ 1871 г. онъ оставилъ Калифорнію и возвратился на родину. Здѣсь прожилъ онъ семь лѣтъ, посвященныхъ исключительно литературному труду. Въ 1878 г. онъ былъ назначенъ консуломъ въ Пуссію, затѣмъ переведенъ въ Шотландію и, наконецъ, въ настоящее время занимаетъ эту же должность въ Лондонѣ. Въ литературѣ

Бретъ-Гартъ стоитъ совершенно особнякомъ. Его трудно сравнить съ кѣмъ бы то ни было изъ живущихъ писателей. По силѣ природнаго таланта это, несомнѣнно, одинъ изъ первыхъ современныхъ беллетристовъ. Но талантъ его такъ же дикъ и своеобразенъ, какъ природа и люди, впервые вызвавшіе его къ жизни. Въ немъ какъ будто недостаетъ тѣхъ культурныхъ и идейныхъ традицій, которыя готовы къ услугамъ каждаго начинающаго европейскаго писателя. На долю американскихъ беллетристовъ выпадаетъ трудная задача: начинать собою исторію литературы во всѣхъ другихъ отношеніяхъ передоваго и оригинальнаго народа; требованія, предъявляемыя къ нимъ, громадны и, все-таки, они выходятъ побѣдителями изъ этого испытанія. Но, не желая примкнуть къ англійской литературѣ и стремясь создать во что бы то ни стало нѣчто *свое*, американцы по необходимости бродятъ въ потемкахъ и переживаютъ моменты, *для насъ* уже давно отошедшіе въ область исторіи. Такъ, наприм., все идейное содержаніе твореній Бретъ-Гарта сводится къ прославленію непосредственныхъ добрыхъ инстинктовъ, которые проявляются у него въ самыхъ грубыхъ и испорченныхъ натурахъ. При этомъ онъ не только „чувства добрыя“ пробуждаетъ своею лирой и призываетъ „милость къ падшимъ“, но какъ бы возводитъ даже въ теорію преимущества врожденныхъ и часто слѣпыхъ инстинктовъ передъ сознательною и разумною нравственностью. Въ одномъ изъ своихъ предисловіи онъ, правда, прямо отрешивается отъ такого пониманія его твореній, но мы увѣрены, что каждый внимательный читатель вынесетъ именно *это* впечатлѣніе изъ многихъ его рассказовъ. И, несмотря на такую узкость въ идейномъ отношеніи, талантъ Бретъ-Гарта неотразимо увлекателенъ. Читателю, незнакому съ этимъ авторомъ, мы совѣтуемъ просмотрѣть три небольшихъ рассказа: *Уличный мальчикъ*, *Млиссъ* и *Изнанники Покеръ-Флета*; мы думаемъ, что Бретъ-Гартъ побѣдоносно выйдетъ изъ этого испытанія, и каковы бы ни были вкусы читателя, онъ подчинится могучему вліянію американскаго беллетриста. Въ дарованіи послѣдняго, прежде всего, бросается въ глаза поразительная его пластичность: съ необыкновенною легкостью, нѣсколькими штрихами, нашъ авторъ даетъ живой и законченный образъ; тончайшія черты національнаго характера, самыя мимолетныя и неуловимыя настроенія схватываются имъ на-лету и передаются съ удивительною рельефностью. Это тѣмъ важнѣе, что мягкія, человѣческія чувства, которыя всего чаще рисуетъ онъ, рѣдко отражаются на грубыхъ лицахъ его героевъ, а говорить отъ себя объ ихъ настроеніяхъ Бретъ-Гартъ очень не любитъ. Особенно даетъ себя чувствовать эта сторона таланта нашего писателя, когда онъ изображаетъ намъ своихъ маленькихъ дикарей. Бретъ-Гартъ любитъ и понимаетъ дѣтей: его Рууртъ и Томми Фильджи (*Въ присковой муши*), Сузи и Кларенсъ (*The waif of the Plains*), Млиссъ, Бобъ (*Сафо*), Ришельё (*Горная идиллія*), уличный мальчикъ—останутся навсегда въ памяти читателя, какъ живыя доказательства недюжиннаго дарованія ихъ творца. Замѣчательно также отношеніе Бретъ-Гарта къ неграмъ и китайцамъ. Онъ отнюдь не идеализируетъ этихъ отщепенцевъ американскаго общества. Его *Джекъ-китаецъ* живъ и хитеръ; на пинки и побои онъ отвѣчаетъ ловкимъ обманомъ и, пользуясь содѣйствіемъ своихъ соотечественниковъ, исправно проводитъ и обираетъ буйнаго янки. Онъ нечистъ на руку: широкія складки его костюма даютъ безопасное прибѣжище чужимъ вещамъ, попадающимъ ему подъ руку. Но, въ то же время, онъ холитъ

шеннаго на него ребенка, болтаетъ съ нимъ на своемъ ломаномъ языкѣ, усиленно работаетъ, чтобы прокормить его, и потомъ долгіе годы всюду таскаетъ съ собой запачканную и грязную дѣтскую книжку, которую подарила ему при прощаніи дѣвочки. Почти таково же отношеніе Бретъ-Гарта и ко взрослымъ людямъ: всѣ его рудокопы — въ сущности, большія дѣти, подчасъ злыя и негодныя, но чуткія ко всему хорошему, увлекающіяся, руководимыя больше чувствомъ и инстинктомъ, чѣмъ правильно понятымъ нравственнымъ долгомъ. Рельефности созданій Бретъ-Гарта особенно способствуетъ манера его не оставлять своихъ героев до тѣхъ поръ, пока они окончательно не вырисовались передъ самимъ авторомъ и передъ читателями. Какое-нибудь лицо появляется въ его рассказѣ мимоходомъ и по самому сюжету не можетъ играть въ немъ видной роли; авторъ на этомъ не успокоивается: онъ возвращается къ этому типу въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ и, по мѣрѣ того, какъ герой растетъ въ сознаніи самого автора, онъ играетъ въ новыхъ его рассказахъ все болѣе и болѣе видную роль. Такимъ образомъ, главные персонажи Бретъ-Гарта исчерпываются имъ до конца, и такіе типы, какъ важный и суровый возница дилижанса Юба Билль, игроки Окгёрстъ и Гэмлингъ, пронирливый забіяка полковникъ Старботтль, шерифъ Дёнъ и др., становятся близки и до мельчайшихъ подробностей знакомы читателю. Настоящій жанръ Бретъ-Гарта — мелкіе рассказы; большіе его романы (*Габріэль Конрой*, *Крушеніе Эксельсиора*, *Исторія одной руды* и т. д.) растянуты, не выдержаны и рядомъ съ блестящими, полными юмора, жизни и таланта сценами даютъ десятки страницъ невѣроятныхъ приключеній, смутныхъ характеровъ и непонятныхъ подробностей. Бретъ-Гартъ пробовалъ рисовать и высшее общество — американское и даже англійское. Мы не можемъ сказать, чтобы эти послѣднія произведенія его были неудачны: въ нихъ чувствуется большой природный умъ и тонкая наблюдательность автора; но его сильныя, рабочія руки не созданы для обращенія съ такими деликатесами и его свѣтскіе люди черезъ-чуръ рѣзко и опредѣленно очерчены.

Собраніе сочиненій Бретъ-Гарта, вѣроятно, очень быстро разоидется среди нашей публики. Оно дешево и издано очень добросовѣстно. Переводъ хорошъ и довольно точенъ. Къ сожалѣнію, выборъ произведеній американскаго писателя совершенно случайный и много лучшихъ его рассказовъ не вошло въ русское изданіе. На это было уже указано въ печати и мы, съ своей стороны, обращаемъ вниманіе кого слѣдуетъ на этотъ досадный недосмотръ. Кромѣ того, и біографическія данныя о Бретъ-Гартѣ, сообщаемыя во вступительной статьѣ г. Чуйко, не вполне точны; очень сожалѣемъ, что авторъ не указываетъ источника, изъ котораго они заимствованы.

ПУБЛИЦИСТИКА.

„Обзоръ дѣятельности московскаго комитета грамотности“.

Обзоръ дѣятельности московскаго комитета грамотности. 1894 г.
Небольшая брошюрка подъ такимъ заглавіемъ содержитъ краткое обзорѣніе общаго характера дѣятельности комитета грамотности, существующаго при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства въ теченіе болѣе полулѣтка, исторію возникновенія этого учрежденія и описаніе

современной организаціи комитета, отличной отъ прежней въ силу значительнаго расширенія его дѣятельности и увеличенія числа его членовъ.

Мысль объ учрежденіи комитета грамотности возникла въ 1844 г. послѣ доклада Н. С. Стремоухова, сообщившаго обществу сельскаго хозяйства о существованіи въ теченіе 20 лѣтъ школы въ его имѣніи, гдѣ давалось начальное образованіе крестьянкамъ, лучшимъ, по мнѣнію докладчика, распространителямъ просвѣщенія въ народѣ. Дѣятельность Стремоухова была награждена золотою медалью, и вслѣдъ за этимъ секретаремъ общества сельскаго хозяйства Масловымъ было внесено предложеніе учредить комитетъ для *всенароднаго* распространенія грамотности на *религіозно-нравственномъ* основаніи. Проектъ устава, составленный въ 1845 г., былъ утвержденъ въ 1863 г. министромъ государственныхъ имуществъ и сохранилъ свою силу и до сихъ поръ.

Вначалѣ дѣятельность комитета была чрезвычайно слаба. Она поднялась только съ 1870 года, когда завязались самыя широкія сношенія между нимъ и земствами по вопросамъ народнаго образованія. Тогда организовался въ комитетѣ рядъ засѣданій при участіи лучшихъ педагогическихъ силъ для обсужденія методовъ преподаванія, устроены были два параллельныхъ курса обученія грамотѣ (однимъ изъ нихъ руководилъ горячій защитникъ буквослагательнаго метода гр. Л. Н. Толстой). Наибольше же оживленная дѣятельность комитета совпадаетъ со временемъ второго съѣзда общества сельскихъ хозяевъ, когда ученый комитетъ министерства государственныхъ имуществъ внесъ запросъ о томъ, въ какой формѣ и на какихъ основаніяхъ предпочтительно учрежденіе частныхъ и земскихъ сельскихъ школъ; какое содѣйствіе могло бы оказать этимъ школамъ правительство и какая система надзора и управленія могла бы считаться наилучшею. 9-я секція съѣзда отвѣтила на этотъ вопросъ цѣлымъ рядомъ рефератовъ и преній. Съ 1886—90 гг. комитетъ сосредоточилъ свою дѣятельность на изданіи дешевыхъ книгъ по инициативѣ и подъ руководствомъ Л. И. Поливанова. Съ 1890 г. начинается новый періодъ оживленной дѣятельности, совпавшей съ выборомъ въ предсѣдателя Н. Горбунова. Теперь комитетъ поставилъ себѣ задачей разсылку сельскимъ школамъ небольшихъ библиотекъ и составленіе каталога лучшихъ книгъ для народнаго чтенія. Съ этою цѣлью была организована библиотечная коммиссія, значительно способствовавшая оживленію работъ комитета. Книги высылались не только въ центральныя губерніи, но даже въ самыя отдаленныя уголки Россіи—въ глухія мѣста Тобольской, Томской губ., на Кавказъ и въ Бессарабію. При отсутствіи какихъ бы то ни было субсидій и запасныхъ капиталовъ, комитетъ принужденъ изыскивать средства для расходовъ въ членскихъ взносахъ, сборахъ съ публичныхъ лекцій, устраиваемыхъ московскими профессорами и извѣстными литераторами, въ пожертвованіяхъ. Несмотря на это, въ теченіе непродолжительнаго времени коммиссія разослала черезъ совѣтъ комитета книгъ на сумму 7,000 руб., не считая пожертвованныхъ изданій. Болѣе 3,000 т. было разсмотрѣно комитетомъ и отчеты о 2,000 книгахъ и 900 народныхъ картинахъ печатаются въ *Ежегодникѣ* комитета. Кромѣ того, коммиссія занята была составленіемъ временнаго каталога сельскихъ школьныхъ библиотекъ и читаленъ, собирала свѣдѣнія о томъ, что читаетъ народъ и какъ относится къ прочитанному (для этого были составлены и разосланы спеціальныя программы), и издала крайне необходимую брошюру *О томъ, какъ устроить и открыть народную библиотеку*—

тально. Въ томъ же 1890 г. была учреждена новая коммиссія по воскреснымъ, вечернимъ и т. п. школамъ съ цѣлью теоретической разработки вопросовъ преподаванія и организаціи воскресныхъ школъ, а равно для содѣйствія въ поддержкѣ старыхъ и вновь открытыхъ школъ. Наиболѣе дѣятельной оказалась библиотечная группа, разославшая 17 библиотекъ въ провинціальныя воскресныя школы и оказавшая поддержку ранѣе существовавшимъ семи библиотекамъ. Работы остальныхъ группъ (всѣхъ ихъ въ коммиссіи 6) были изданы комитетомъ въ видѣ сборника статей подъ названіемъ *Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія*. Въ слѣдующемъ году комитетъ направилъ свои силы на организацію школьныхъ столовыхъ, устройство которыхъ было возложено на мѣстныхъ учителей, священниковъ и попечителей. Благодаря пожертвованіямъ, собрана была сумма въ 12,710 р., на которые явилась возможность прокормить въ 9 губерніяхъ около 2½ тысячъ дѣтей (дѣятельность этого рода продолжалась и въ слѣдующемъ 1892 году). Въ 1892 же году была преобразована старѣйшая изъ коммиссій—редакціонная, дѣятельность которой въ настоящее время состоитъ въ разсмотрѣніи предложеннаго посторонними лицами матеріала для изданія и осуществленія издательства. До настоящаго времени издано коммиссіей 19 названій въ количествѣ 150 тыс. экзempl.

Помимо этого, комитетъ удѣляетъ не мало времени теоретической разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ народнаго обученія и постановки школьнаго дѣла. Изъ докладовъ, посвященныхъ этому, возбудилъ особенно живой интересъ вопросъ о введеніи въ Россіи всеобщаго обученія, причемъ было выяснено, что стоимость всеобщаго обученія, до сихъ поръ опредѣлявшаяся въ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей, — сумма, непосильная для государственнаго бюджета, — въ настоящее время не превысила бы 15 — 20 милліоновъ руб. Докладъ этотъ вызвалъ въ свѣтъ существованіе особой коммиссіи—по вопросу о всеобщемъ обученіи, которая дѣятельно занялась детальнымъ изученіемъ этого дѣла, поставивъ цѣлью опредѣлить желательность и возможность мѣръ для успѣшнаго распространенія всеобщаго обученія, о вліяніи грамотности на производительность сельскаго хозяйства и возможности сообщенія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній при народныхъ школахъ.

Дѣятельность комитета растетъ съ каждымъ годомъ, вызывая сочувствіе все большей и большей части нашего общества, количество засѣданій увеличивается, возрастаетъ число посѣтителей публичныхъ засѣданій комитета, а число дѣйствительныхъ членовъ дошло до почетной цифры 600.

ПСИХОЛОГІЯ.

„Общая фیزیологія души“. А. Герцена.—„Сонъ и сновидѣнія“. Генри Маудсли.

Общая фیزیологія души. А. Герцена. Пер. Г. Панерна. Второе удешевленное изданіе Ф. Павленкова. Цѣна 75 коп. Эта хорошая книжка, ясно и сжато написанная А. А. Герценомъ, професзоромъ Лозанскаго университета, входитъ въ составъ *Популярно-научной бібліотеки* Ф. Ф. Павленкова. Книжкѣ предшествуетъ письмо къ автору его знаменитаго отца, А. И. Герцена. Оно было написано по поводу статьи А. А. Герцена, напечатанной (по-итальянски) въ 1866 году. Въ письмѣ авторъ *Былого и думъ* говоритъ, что расходится съ сыномъ не по существу. Чувство свободы личности, по мнѣнію Герце-

на-отца, не заблужденіе, не галлюцинація. „Физиологія разлагаетъ сознание индивидуальной свободы на составные элементы, упрощаетъ дѣло, чтобы получить возможность объяснить его индивидуальной организаціей,—и это сознание свободы исчезаетъ безслѣдно. Напротивъ того, *соціологія* беретъ это сознание, какъ результатъ умственной дѣятельности, какъ свою основу и исходную точку, какъ безспорную и необходимую посылку. Для нея человѣкъ—существо нравственное, т. е. общественное, имѣющее свободу опредѣлять свои дѣйствія въ предѣлахъ своего сознания и умственной дѣятельности“. Для соціологіи „я“—неизмѣняемая форма дѣятельностей организма, относимая къ одному центру (такъ смотритъ физиологія), а клѣточка соціальной ткани—первичный элементъ.

Во введеніи А. А. Герценъ осторожно разсматриваетъ вопросъ о монизмѣ и дуализмѣ. Самъ авторъ причисляетъ себя къ послѣдователямъ монизма, который кажется ему болѣе соответствующимъ всей совокупности нашихъ физико-химическихъ и психо-физиологическихъ свѣдѣній. Основной фактъ, на которомъ покоится вся научная психологія, состоитъ въ томъ, что нѣтъ психической дѣятельности безъ относительныхъ молекулярныхъ процессовъ въ нервныхъ элементахъ. „Съ точки зрѣнія методовъ ея слѣдованія,—говоритъ А. А. Герценъ,—единственное различіе, существующее между явленіями, состоитъ въ томъ, что доступныя намъ относительно первыхъ свѣдѣнія могутъ быть пополнены изъ источника, котораго лишены послѣднія,—мы говоримъ о суммѣ опытнаго знанія, даваемого внутреннимъ чувствомъ, *сознаніемъ*“. Субъективный методъ является для психологін, поэтому, драгоценнымъ и необходимымъ вспомогательнымъ средствомъ.

А. А. Герценъ, въ существенномъ и главномъ, соглашается съ своимъ знаменитымъ отцомъ. Онъ говоритъ, что „прогрессъ, увеличивающій разстояніе между человѣкомъ и животнымъ, совершается только благодаря безошибочной дѣятельности новыхъ узъ, новыхъ правилъ поведенія,—однимъ словомъ, новыхъ мотивовъ, медленно вырабатываемыхъ обществомъ на почвѣ общественныхъ отношеній“. Переведена книжка А. А. Герцена отлично и мы очень рекомендуемъ ее всѣмъ желающимъ познакомиться въ общихъ основаніяхъ съ физиологіей души (*psychophysiology générale*).

Сонъ и сновидѣнія. Генри Маудсли. Пер. Л. Е. Оболенскаго. Спб., 1895 г. Подъ этимъ названіемъ г. Оболенскій перевелъ главу изъ извѣстнаго сочиненія Маудсли *Физиологія и патологія мысли*, съ третьяго англійскаго изданія. Она представляетъ самостоятельное дѣло, написана общедоступно и заключаетъ въ себѣ много важныхъ данныхъ и соображеній. Значеніе, причины и особенности сна и сновидѣній разобраны Маудсли съ свойственными англійскимъ психологамъ и психіатрамъ точностью и основательностью. Переведена книжка знатокомъ дѣла, однимъ изъ выдающихся русскихъ психологовъ, и стоитъ очень дешево (96 страницъ—30 коп.).

ИСТОРИЯ И МЕМОАРЫ.

„Всеобщая исторія въ сорока книгахъ“. Полибія. — „Автобіографія Гервинуса“. — „Историческія чтенія“. Ж. Лакур-Гайе. — „Записки“ А. О. Смирновой. — „Дѣтство и отрочество“. В. В. Верещагина.

Всеобщая исторія въ сорока книгахъ. Полибія. Переводъ съ греческаго Ѡ. Г. Мищенко, съ его предисловіемъ, примѣчаніями, указаніемъ, картами. Томъ II. М., 1895 г. Второй томъ переюда

проф. Мищенко обнимаетъ собою VI—XXV книги *Всеобщей исторіи*. Извѣстно, что текстъ этихъ книгъ не сохранился въ цѣломъ видѣ: мы имѣемъ только отрывки, приуроченные къ той или другой книгѣ довольно искусственно. Какъ историческій источникъ, эти отрывки представляютъ огромную важность, особенно отрывки шестой книги, содержащей въ себѣ характеристику римскаго государственнаго строя во II—III вѣкахъ до Р. Х. Полибія принято считать однимъ изъ родоначальниковъ „прагматической“ исторіографіи: онъ дѣйствительно первый пустилъ въ ходъ этотъ терминъ, но понималъ его гораздо шире, чѣмъ это дѣлаютъ теперь. Въ настоящее время подъ прагматическимъ разумѣется такое изложеніе, которое представляетъ отдѣльныя событія во внутренней связи, какъ рядъ причинъ и слѣдствій. Полибій шелъ дальше непосредственныхъ причинъ отдѣльныхъ событій и имѣлъ уже представленіе о тѣхъ общихъ причинахъ, которыя мы называемъ историческими законами. „Теперь,— говоритъ онъ (кн. IX, гл. 2),— благодаря достигнутымъ въ наше время успѣхамъ въ точныхъ знаніяхъ и искусствахъ, человѣкъ любознательный имѣетъ возможность какъ бы подчинять все, что отъ времени до времени случается, опредѣленнымъ правиламъ“. Свою задачу онъ видѣлъ въ томъ, чтобы отыскивать такія „опредѣленные правила“ въ жизни государствъ. Его характеристика смѣны политическихъ формъ (монархіи, аристократіи, демократіи) всемъ извѣстна и нѣтъ надобности ее здѣсь приводить; въ этой смѣнѣ онъ видѣлъ круговоротъ,—идея развитія была чужда Полибію, какъ и вообще древности. Мысль о томъ, что можно искусственно сочетать различныя формы въ одномъ государственномъ организмѣ, какъ это будто бы и удалось римлянамъ, кажется теперь странной. Но важно, что „круговоротъ государственнаго обществѣ“ Полибій считалъ „порядкомъ природы“ (кн. VI, гл. 9): историческій процессъ разсматривался уже, со временъ Аристотеля, какъ нѣчто естественное и необходимое, независимое отъ случая и воли отдѣльныхъ личностей. Хорошо сознавалъ Полибій и другую истину, не всемъ ясную даже и въ наши дни: необходимость для историка очень широкой подготовки. „Иные,— говоритъ онъ (кн. XII, гл. 25),— приступаютъ къ занятіямъ исторіею, повидимому, серьезно, но ведутъ себя какъ врачъ-книжники: долго поработавши въ книгохранилищахъ и вообще извлекиши изъ книгъ множество свѣдѣній, они и сами стараются увѣрить себя, что вполне подготовлены къ дѣлу, и другіе считаютъ ихъ располагающими для этого всемъ необходимымъ“... „Исторія тогда будетъ хороша, когда за составленіе историческихъ сочиненій будутъ браться государственные дѣятели и будутъ работать не мимоходомъ, какъ теперь, но съ твердымъ убѣжденіемъ въ великой настоятельности и важности своего начинанія, когда они отдадутся ему всею душой до конца дней, или же когда люди, принимающіеся за составленіе исторіи, считаютъ обязательнымъ подготовить себя жизненнымъ опытомъ; иначе невѣжество историковъ никогда не кончится“ (кн. XII, гл. 28). Можно возразить, что хладнокровное изученіе плодовъ чужого опыта для историка, пожалуй, полезнѣе непосредственнаго опыта, который стѣбитъ слишкомъ дорого и рѣдко не дѣлаетъ человѣка пристрастнымъ. Но то остается неизбежною истиной, что одно накопленіе историческаго матеріала еще не даетъ писателю права называться историкомъ.

Достоинства переводовъ проф. Мищенко общеизвѣстны; обильныя, какъ всегда, примѣчанія значительно облегчаютъ пониманіе текста. Нужно только замѣтить, что по цѣнѣ *Всеобщая исторія* врядъ ли бу-

детъ доступна для многихъ: вышедшіе до сихъ поръ два тома стоѣтъ около 12 руб., а предстоитъ еще третій томъ. Между тѣмъ, Полибій, наравнѣ съ Геродотомъ и Фукидидомъ, необходимъ въ бібліотекѣ всякаго преподавателя исторіи, а они у насъ, какъ извѣстно, не изъ богатыхъ людей.

Автобіографія Гервинуса. Съ четырьмя портретами. Перев. Эдуарда Циммермана, изд. К. Солдатенкова. Москва, 1895 г. „Я чувствую, что немногимъ лицамъ удалось достичь такого точнаго самопознанія и такъ рано устремиться къ опредѣленной цѣли жизни, какъ мнѣ. Своимъ любознательнымъ взоромъ я проникалъ то въ чужую, то въ собственную натуру и такимъ образомъ старался изощрить свое чувство для изученія какъ той, такъ и другой; благодаря этому я и былъ въ состояніи проникнуть въ чужую душу съ такою же увѣренностью, какъ въ свою собственную, а затѣмъ созерцать свою собственную съ такою же искренностью, какъ и чужую“ (стр. XIII).

Мы выписали эту цитату, чтобы дать читателю представленіе о тонѣ этой *Автобіографіи*. Очень можетъ быть, что Гервинусъ имѣлъ право говорить о себѣ подобнымъ образомъ: все-таки, читать книгу, такъ написанную, не легко. Мѣстоименіе перваго лица пестритъ страницы: въ среднемъ выводѣ оно попадаетъ по одному разу на каждыя двухъ строчкахъ. Нужно прибавить, что изложеніе Гервинуса имѣетъ еще и другую мучительную особенность. Всѣ помнать, конечно, его *Введеніе въ исторію XIX столѣтія*, гдѣ исторія рода чловѣческаго была подведена подъ одинъ законъ и вытянута по шнуру. Совершенно такъ же поступилъ онъ и съ собственною жизнью; случайныхъ отклоненій въ сторону онъ не признаетъ: онъ „рано устремился къ опредѣленной цѣли жизни“ и всѣ событія этой жизни *должны* имѣть отношеніе къ этой цѣли. Былъ онъ, наприимѣръ, въ юности прикащикомъ: вы думаете, это потерянные годы? Совсе нѣтъ: они „были для него неопѣненны“,—магазинъ развилъ въ немъ способности, „какихъ онъ едва ли бы достигъ инымъ путемъ“. Кто не вѣритъ, долженъ выслушать длиннѣйшій диѳирамбъ розничной торговлѣ, которая представляетъ лучшую школу „для всесторонняго изученія людей“ (стр. 50).

„Надо признать великимъ благомъ то, что большая часть продавцовъ и продавщицъ не пользуются этою школою, этимъ случаемъ усвоить себѣ завидное превосходство“ (стр. 51). Это еще смѣшно и потому легче переносится. Но вотъ четвертую главу, о Шлоссерѣ—учителѣ Гервинуса, совсѣмъ трудно перенести: представьте себѣ апологию субъективнаго прагматизма на сорока слишкомъ страницахъ. Одолѣть эти страницы могутъ только самые терпѣливые люди, а одолѣвъ, не могутъ не согласиться съ Гиллебрандомъ, что у Гервинуса былъ особый талантъ амплификаціи.

Фактическое содержаніе книги довольно скудно. Гервинусъ ставитъ своею задачею „представить чловѣка въ его отношеніи къ современной ему исторіи“ (стр. XIV). Да проститъ намъ тѣмъ великаго критика, но это пустая фраза. Гервинусъ вовсе не касается того періода своей жизни, который имѣетъ историческое значеніе,—послѣ геттингенскаго протеста, когда онъ сдѣлался однимъ изъ признанныхъ вождей либеральной партіи (1837 г.). Послѣднія, записанныя имъ событія—это его женитьба и назначеніе на кафедру въ Геттингенѣ (въ 1836 г.). Нельзя думать, чтобъ онъ просто не успѣлъ кончить. *Автобіографія* написана за 11 лѣтъ до смерти Гервинуса († 1871 г.). Вѣрнѣе, что,

считая себя великимъ историкомъ, онъ придавалъ особое значеніе своимъ школьнымъ годамъ, когда складывались подъ вліяніемъ Шлосера его научные взгляды. Результатъ получился тотъ, что книга представляетъ наибольшій интересъ для близкихъ автору людей,—для его жены, напримѣръ, къ которой она и обращается. Кое-какія характерныя бытовыя подробности изъ жизни провинціального бюргерства, изъ рядовъ котораго вышелъ авторъ, да указаніе на книги, которыя онъ читалъ въ молодости,—вотъ и все, что извлечетъ отсюда будущій биографъ Гервинуса. Но если таковой найдется въ Россіи, онъ возьметъ, конечно, подлинникъ, а не то, что сдѣлалъ изъ него г. Циммерманъ. Гервинусъ не былъ первокласснымъ стилистомъ, но такъ онъ не писалъ. Беремъ на удачу стр. 20 и читаемъ слѣдующую тираду: „Отчужденіе отъ родителей, нарушеніе установленныхъ семейныхъ порядковъ, бездомное бродяжничество и блужданіе, омерзеніе, возбуждаемое неволей и строгою дисциплиной, презрѣніе къ трезвой обиходности, грубость вслѣдствіе безпутныхъ замысловъ совершенно самовольной жизни, закоснѣлая привычка уклоняться отъ обычныхъ услугъ въ домѣ, равнодушіе къ заведеннымъ занятіямъ въ школѣ,—все это не могло способствовать развитію ни внѣшней, ни внутренней стороны благонравія“. Или вотъ, наприм., какъ характеризуется одна знакомая Герминуса на стр. 250: „Удивительно практичная относительно разумныхъ цѣлей, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, предавалась самымъ невѣроятнымъ фантастическимъ бреднямъ... чаще всего она проводила жизнь независимо отъ брака и постоянно въ новомъ родѣ“. Послѣ всего этого читатель уже не изумляется, встрѣчая на стр. 277 (примѣч.) „страны, раскинутыя по водамъ Нѣмецкаго моря“.

Къ книгѣ приложена статья Гервинуса о принципахъ исторіографіи. Чтобы правильно оцѣнить эти разсужденія о томъ, что мѣсто историка—„между поэтомъ и философомъ“, а цѣль его „въ запутанныхъ происшествіяхъ предугадывать планы міродержавія“ (стр. 327), нужно обратить вниманіе на дату статьи: она написана въ 1837 г., когда уже были налицо работы Гизо и Ранке и начиналъ свою дѣятельность Токвиль, т.-е. когда основы научнаго метода, въ общихъ чертахъ, уже стояли вполне твердо. Впечатлѣніе получается такое, какъ если бы вы увидѣли живого мамонта среди представителей современной намъ фауны. Въ статьѣ есть одна, несомнѣнно вѣрная, мысль—о постепенномъ развитіи исторіографіи отъ генеологіи и хроникъ къ научному изслѣдованію, но она принадлежитъ Вильг. Гумбольдту, а не самому Гервинусу, чего послѣдній и не скрываетъ. Другія приложенія—отрывокъ изъ древне-нѣмецкой поэмы *Гудрунгъ*, въ пересказѣ Гервинуса, и прекрасно исполненные портреты автора (два въ юности и въ 1860 г.—время написанія *Автобіографіи*) и его жены.

Историческія чтенія. Исторія новаго времени (1610—1789). Составилъ Ж. Лакуръ-Гайе. Пер. съ франц. Изданіе Пантелѣва. Спб., 1894 г. Настоящій томъ *Историческихъ чтеній* мало чѣмъ отличается отъ предыдущаго, разсмотрѣннаго уже нами въ прошломъ году. Здѣсь тоже исторіи Франціи отведено слишкомъ много мѣста, но тутъ это понятнѣе, въ виду того, что Франція въ XVII—XVIII вв. играла въ общей исторіи Европы большую роль, чѣмъ въ эпоху разложенія средневѣковаго строя или въ періодъ реформаціи. Тѣмъ не менѣе, двѣ трети книги для одной Франціи—черезъ-чуръ много. Отъ этого осталось мало мѣста для другихъ странъ и событій, съ общей точки зрѣнія имѣющихъ не меньшее значеніе, чѣмъ иныя стороны

французской исторіи. Особенно пренебрегъ составитель исторіей Англіи при Стюартахъ (стр. 97—111, 281—298), Западною Европой въ первой половинѣ XVIII в. (359—378; тутъ же и о возвышеніи Пруссіи), американскою революціей (489—505) и характеристикой общаго положенія Европы въ 1789 г. (505—507). Изложеніе статей то слишкомъ отвлеченное и общее, то черезъ-чуръ мелочное. Последнее особенно замѣтно тамъ, гдѣ заходитъ рѣчь объ устройствѣ войска (армія тридцатилѣтней войны—56—78, армія и флотъ Людовика XIV—241—270), о замѣчательныхъ битвахъ (Рокруа—78—89, Декэнъ—307—312) и походахъ (Тюреннъ въ Эльзасѣ—276—281). Кромѣ военной исторіи составитель, на нашъ взглядъ, слишкомъ ужъ увлекается пикантными характеристиками Сень-Симона (Филиппъ V и Елизавета Фарнезе—362—6, Котина, Вандамъ, Вилларсъ—298—304), слишкомъ долго останавливается на дворѣ Людовика XIV (204—223), слишкомъ вдается въ мелочи, говори о промышленности и торговлѣ при королѣ-солнцѣ (223—237) и даже о школахъ (334—342). Большую слабость питаетъ также составитель къ описанію костюмовъ и мебели салоновъ (141—5, 164—171, 409—424). Въ главѣ объ умственномъ движеніи первой половины XVII в. отведено 13 страницъ французскому театру начала столѣтія (125—138), а о Беконѣ и Декартѣ нѣтъ ничего. Точно также обойдено молчаніемъ время регенства и система Ло. Умственное движеніе въ эпоху Людовика XV предоставлено анекдотамъ объ *Энциклопедии* и разсказамъ Мармонтеля о заключеніи его въ Бастилію (433—9). За то пыткамъ и казнямъ посвящена цѣлая статья (393—8) съ рисунками пытки, позорнаго столба и колесованія,—статья, по своимъ возмутительнымъ подробностямъ неудобная въ учебномъ изданіи! Кстати о рисункахъ: на нашъ взглядъ, они мало поясняются текстомъ, тускловаты, неважны по сюжетамъ (костюмы, мебель), такъ что читатель не много проигралъ бы отъ ихъ опущенія, пожалуй даже выигралъ бы отъ удепвленія, въ виду этого, книги. Вънѣшность послѣдней вообще очень щеголеватая. Особенныхъ погрѣшностей въ переводѣ мы не замѣтили.

Въ общемъ—и при указанныхъ недостаткахъ—книга въ рукахъ опытнаго преподавателя можетъ быть не бесполезна для ознакомленія учениковъ съ исторіей Франціи вообще и нѣкоторыхъ сторонъ ея быта въ частности. Жаль только, что издатель (имени переводчика не обозначено) ограничился простымъ переводомъ; лучше было бы лишнее отбросить, частности, къ дѣлу не идущія, сократить, пробѣлы заполнить. Въ такомъ случаѣ можно было бы разсчитывать на большее примѣненіе книги въ нашей школѣ.

Записки А. О. Смирновой. Ч. I. Изд. редакціи „Сѣвернаго Вѣстника“. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. Записки А. О. Смирновой, относящіяся къ 1826—1845 гг., печатались первоначально въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ*. Въ нихъ много говорится о Пушкинѣ и другихъ знаменитыхъ людяхъ этой эпохи, о великосвѣтскомъ обществѣ. Интересъ записки представляютъ большой, но, къ сожалѣнію, по нимъ какъ будто прошла какая-то ретуширующая рука. Въ печати (въ томъ числѣ и въ *Русской Мысли*) указывались невѣрности, анахронизмы и другія ошибки мемуаровъ Смирновой. Обращаемъ вниманіе хотя бы на слѣдующій фактъ: *Записки* заставляютъ Пушкина очень опасаться вліянія на Мицкевича въ Парижѣ кружка Товянскаго. Какъ же это могло случиться? Пушкинъ скончался 29 января 1837 года, а Товянскій получилъ заграничный паспортъ лишь въ 1840 году и увидѣлся съ Мицкевичемъ въ

Парижѣ въ срединѣ 1841 года *). Такіе „эпизоды“ подрываютъ довѣріе къ *Запискамъ* А. О. Смирновой въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ напечатаны *Ствернымъ Вѣстникомъ* и изданы теперь отдѣльною книгой.

Къ первой части *Записокъ* приложенъ очень хорошій портретъ Смирновой.

Дѣтство и отрочество. Художника В. В. Верещагина. Т. I. М., 1895 г. Г. Верещагинъ, несомнѣнно, человекъ выдающійся. Его крупное дарованіе, признанное всѣмъ міромъ, не нуждается ни въ какихъ апологіяхъ. Поэтому мы привѣтствуемъ появленіе перваго тома его автобіографіи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не можемъ умолчать здѣсь, что, приступая къ чтенію этой книги, мы ожидали отъ нея гораздо большаго. Правда, нашъ знаменитый художникъ уже и здѣсь довольно ярко вырисовывается передъ нами, но дѣлается это помимо его воли. Съ другой стороны, самостоятельнаго художественнаго значенія автобіографія его не имѣтъ: во-первыхъ, авторъ не ярко изображаетъ передъ нами окружающую его среду и не оцѣниваетъ ее по достоинству, а, во-вторыхъ, онъ черезъ-чуръ неразборчиво сообщаетъ намъ все, что только осталось у него въ памяти изъ далекаго дѣтства; вслѣдствіе этого мы знакомимся съ массою анекдотовъ совершенно незначительныхъ, узнаемъ во всѣхъ подробностяхъ цѣлый рядъ придворныхъ сплетенъ того времени и читаемъ обстоятельные рассказы о любовныхъ похожденияхъ совершенно неинтересныхъ для насъ гвардейскихъ офицеровъ. Отмѣтимъ еще чрезвычайную неравномѣрность рассказа: г. Верещагинъ мѣстами необыкновенно обстоятеленъ, мѣстами же дѣлаетъ такіе скачки, что услѣдить за его мыслями и настроеніями довольно затруднительно; для примѣра укажемъ хотя бы на стр. 193—195 и 213—214; здѣсь идетъ рѣчь о вещахъ самыхъ разнообразныхъ, причемъ авторъ перепрыгиваетъ съ предмета на предметъ съ поразительною легкостью.

В. В. Верещагинъ родился 14 октября 1842 года въ городѣ Череповцѣ, Новгородской губ.; онъ принадлежитъ къ старому дворянскому помѣщичьему роду и все дѣтство свое съ 2-хъ лѣтняго возраста провелъ въ имѣніи своихъ родителей, въ лѣсистой мѣстности, на берегу большой сплавной рѣки. Отецъ его очень рано бросилъ службу въ сенатѣ, женился и поселился въ деревнѣ, гдѣ кормилъ и поилъ цѣлый уѣздъ и долго былъ предводителемъ дворянства. Семья, въ которой выросъ нашъ знаменитый художникъ, не отличалась ничѣмъ особеннымъ. Родители его, люди незлые отъ природы, были пропитаны понятіями своего времени: съ крестьянами они „не поступали жестоко“, но „иногда отечески наказывали ихъ на конюшнѣ; парней, случалось, отдавали не въ очередь въ солдаты, а дѣвокъ выдавали замужъ за немилыхъ“. О какой-нибудь особой системѣ воспитанія дѣтей, конечно, не могло быть и рѣчи: родители, прежде всего, хлопотали о своемъ покоѣ, такъ что дѣтей учили, главнымъ образомъ, не мѣшать старшимъ. Поэтому ихъ держали „не особенно строго, но нельзя сказать, чтобъ и очень мягко“. Изъ ранняго дѣтства въ памяти В. В. сохранился особенно ясно образъ старушки-няни, рассказывавшей ему чудесныя сказки, „которую любилъ онъ больше всего на свѣтѣ“. „6—7 лѣтъ, — рассказываетъ г. Верещагинъ, — я порядочно читалъ, писалъ, умѣлъ складывать, вычитать, умножать и дѣлать... Учила насъ всему этому сначала мамаша; она же занималась французскимъ языкомъ, который хорошо знала, и первыми основаніями географіи, по учебнику;

*) См. *Записки*, стр. 286.

ариометикой и нѣмецкимъ языкомъ занимался съ нами гувернеръ, а исторіею священной и отечественной — второй сынъ нашего стараго священника“. Учился В. В. прилежно, но особенно увлекался чтеніемъ, причемъ любимой книгой его были рассказы Чистякова. Онъ росъ нервнымъ, болѣзненнымъ, хотя шаловливымъ и веселымъ ребенкомъ. Деревенская обстановка принесла ему, конечно, громадную пользу, но, какъ и слѣдовало ожидать, мальчика усердно устранили отъ всякихъ крестьянскихъ вліяній и онъ только въ людской сталкивался съ „мужицкою деревней“. Интересно, что въ дѣтскомъ спектаклѣ, устроенномъ въ ихъ домѣ въ этотъ періодъ, В. В. пришлось изображать художника, сдѣлаться каковымъ онъ, конечно, и не мечталъ въ то время. Однако, талантъ его уже началъ сказываться. „Первое художественное произведеніе, — говоритъ онъ, — сдѣлавшее на меня впечатлѣніе, была картина тройки лошадей, въ саняхъ, спасающейся отъ волковъ, изображенная на платкѣ няни“. Ребенокъ, къ общему удивленію, скопировалъ всю картину быстро и вѣрно. Срисовывалъ онъ и висѣвшіе по стѣнамъ пейзажи, хотя уже въ этомъ раннемъ возрастѣ въ немъ преобладала любовь къ драматическимъ сюжетамъ. Когда ему минуло 8 лѣтъ, пришло извѣстіе о принятіи его въ Александровскій малолѣтній корпусъ въ Царскомъ Селѣ, куда онъ и былъ доставленъ родителями къ концу 1850 г. Здѣсь г. Верещагинъ пробылъ три года. На общій режимъ онъ не жалуется, хотя „товарищество“ не нравилось ему и онъ сильно скучалъ по деревнѣ. Завѣтною его мечтой было сдѣлаться „сержантомъ“ и попасть въ видѣ отличія на красную доску, а такъ какъ онъ былъ „прилеженъ и скромнаго поведенія“, то эта мечта, въ концѣ-концовъ, благополучно осуществилась. Замѣчательно, что рисованіе доставило ему много горя: съ величайшимъ трудомъ преодолевалъ онъ его и получалъ постоянныя неодобренія за то, что „рисовалъ всегда грязно“. Гораздо непріятнѣе были автору казарменные порядки морского корпуса, куда онъ затѣмъ поступилъ. Здѣсь прожилъ онъ семь лѣтъ, всегда былъ на хорошемъ счету, въ послѣдній годъ получилъ высшій въ корпусѣ чинъ фельдфебеля и вышелъ гардемаринномъ флота въ 1860 г. За это время каникулы свои проводилъ онъ обыкновенно въ Петергофѣ, въ атмосферѣ гвардейскихъ офицеровъ и своихъ дальнихъ родственниковъ, близкихъ ко двору. Ученіе В. В. давалось легко, хотя съ математикой онъ всегда жилъ не въ ладахъ, занимаясь особенно охотно исторіею и русскимъ языкомъ. Талантъ его къ живописи съ самаго начала обратилъ на себя вниманіе и оба его учителя въ морскомъ корпусѣ усердно занимались съ нимъ. На одномъ изъ старшихъ курсовъ г. Верещагинъ сталъ брать частныя уроки рисованія, воспользовавшись переѣздомъ родителей въ Петербургъ. Но систематически началъ онъ заниматься только въ школѣ общества поощренія художествъ, куда ходилъ сначала по субботамъ и воскресеньямъ, а затѣмъ и по средамъ. Школа эта велась очень добросовѣстно директоромъ Львовымъ. Здѣсь выдающіяся способности В. В. обратили на себя общее вниманіе и художникъ Гернеръ сразу замѣтилъ его: „Помните мое слово, вы будете великимъ артистомъ“. Нѣсколько строгое, педагогическое („классическое“) направленіе царствовало въ школѣ, но преподаватели ея, тѣмъ не менѣе, сумѣли пріохотить къ дѣлу своимъ юныхъ учениковъ. Для нашего художника школа имѣла рѣшающее значеніе: здѣсь впервые задумалъ онъ всецѣло посвятить себя искусству. По окончаніи корпуса онъ, несмотря на протесты родныхъ, привелъ свой планъ въ исполненіе. Таково существенное содержаніе

лежащей передъ нами книги. Будемъ ждть обѣщаннаго г. Верещагинымъ продолженія его автобіографіи, о которомъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи: „Смѣю думать, что слѣдующій томъ, составленіемъ котораго я теперь занятъ, съ разсказомъ о развитіи моей художественной дѣятельности, путешествіяхъ, участіи въ военныхъ кампаніяхъ и сношеніяхъ съ артистическими кругами Европы и Америки, представитъ еще болѣе матеріала для исторіи нашего времени и интереса для читателя“.

ГЕОГРАФІЯ.

„Основы землевѣдѣнія“. Краснова.

Основы землевѣдѣнія. Краснова. Харьковъ, 1895 г. Недавно географическая наука обогатилась новымъ трудомъ г. Краснова *Основы землевѣдѣнія*; пока вышелъ лишь первый выпускъ: *Исторія картографіи, форма земли, распределение суши и ея строеніе*. Книжка эта, судя по слѣдующимъ словамъ, помѣщеннымъ на ея обложкѣ: *Руководство для студентовъ университета, преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній и самообразованія*, предназначена стать настольною для всѣхъ занимающихся и интересующихся географіей. Указаніе же на то, что *Основы* эти написаны профессоромъ университета, докторомъ землевѣдѣнія, магистромъ ботаники и членомъ многихъ ученыхъ обществъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, должно, повидимому, служить для пріобрѣтающаго книгу гарантіей въ ея серьезномъ содержаніи. Но первая же строка книги разочаруютъ читателя.

Не желая давать обширнаго разбора книги, ограничимся лишь первою главою, оговорившись, что изложеніе остальныхъ главъ соотвѣтствуетъ началу.

Прежде всего поражаетъ масса стилистическихъ ошибокъ, зачастую таковыхъ, что совершенно нельзя понять фразы, напримѣръ, стр. 2: *Такою только цѣну имѣютъ въ глазахъ массы географическихъ свѣдѣній*; стр. 5: *Знанія эти получены, однако, только, что и даже до сихъ поръ не въсь*; стр. 9. *Зная длину земной окружности равную величинѣ 1⁰ и помноживъ на 360, получимъ величину земли*; стр. 13: *Поступаютъ такъ до тѣхъ поръ, пока сътою треугольниковъ не соединитъ (?) начальный и конечный пунктъ линіи величину, который хотятъ измѣрить*; стр. 14: *Насколько линейныхъ единицъ мы передвинемъ съ сѣвера на югъ, настолько должны измѣниться соответственно и зенитныя разстоянія свѣтъмъ*.

Есть небезынтересныя ореографическія ошибки, напримѣръ: *Оилолай* (постоянно), *Евфремъ*, *Рихе* (пост.), вм. Рихе (повидимому, здѣсь франц. фамилія, встрѣченная въ нѣмецкой книгѣ, прочтена на нѣмецкій ладъ). Фамилія Бугѣ по-франц. пишется Bouguer; какъ прочесть родит. пад. *Bouguer'a*? Врядъ ли какъ Бугѣа, такъ какъ мы имѣли бы тогда и *Clairan'a* (Клероа); не надо ли и здѣсь читать, произнося всѣ буквы, какъ въ нѣмецкомъ?

Внутреннее содержаніе соотвѣтствуетъ изложенію.

Начинается книга опредѣленіемъ географіи, какъ науки: „*Географія есть наука, занимающаяся изученіемъ современнаго состоянія земной поверхности*“. Но изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, — такъ какъ ученіе о физическихъ свойствахъ земли и изслѣдованіе тектоники суши г. Красновъ относитъ къ геологіи и геофизикѣ, — что географія, глав-

нымъ образомъ, должна касаться растительности, климата и человѣка (о животныхъ не упомянуто). Не признаетъ авторъ и географіи математической, относя ее къ астрономіи; а остальные дѣленія географіи—на географію естественно-историческую, историческую, политическую, географію организмовъ и т. д.—авторъ считаетъ обобщеніями, географическаго характера другихъ наукъ. Отчего же тогда и ученіе о климатѣ (климатологию) не считать подобнымъ же обобщеніемъ метеорологии, ученіе о распредѣленіи растений—обобщеніемъ ботаники географію животныхъ—обобщеніемъ зоологіи? Чѣмъ является тогда первый выпускъ, посвященный (за исключеніемъ 2-й главы объ исторіи картографіи) формѣ земли, распредѣленію суши и ея строенію? Для введенія въ дальнѣйшее изложеніе онъ великъ, а въ то же время его данныя не относятся къ географіи согласно опредѣленію г. Краснова.

Давъ опредѣленіе географіи и ея задачъ, г. Красновъ переходитъ въ первой главѣ къ формѣ земли. Сначала онъ излагаетъ мнѣнія древнихъ и ихъ попытки опредѣлить величину земли, причемъ изложеніе это не совѣмъ полно; такъ, напримѣръ, не упоминается вывода Архимеда о шарообразной формѣ морской поверхности. Затѣмъ авторъ переходитъ къ среднимъ вѣкамъ и упоминаетъ здѣсь измѣреніе, произведенное арабами при халифѣ Эль Мамунѣ, не приводя при этомъ года, хотя не лишнее здѣсь было бы его и привести, такъ какъ это была вторая попытка опредѣлить размѣры земного шара, а годъ первой попытки выше былъ указанъ, равно какъ указанъ ниже годъ 3-й попытки. Изъ результатовъ, найденныхъ въ новое время, г. Красновъ приводитъ результаты вычисленій Бесселя, Кларка и Клеро. Вычисленіе Бесселя приведено въ слѣдующемъ видѣ: „*Бессель въ 1841 г. вычислилъ величину большой оси сфероида земли—6.377,397 метровъ, малой—6.356,079. Откуда сплюснутость— $\frac{1}{299}$. Окружность земного экватора—40.070,360 метровъ. Одинъ градусъ экватора—15 географ. миль или 7,420 метр.*“. Между тѣмъ, Бессель нашелъ длину не осей сфероида, а *полуосей*, и 7,420 м. по Бесселю будетъ не длина градуса, какъ говорить г. Красновъ, а всего лишь длина одной мили, т.-е. $\frac{1}{15}$ градуса. Упоминалъ о вычисленіи Кларка (1878 г.), авторъ нигдѣ не говоритъ о томъ, что Кларкъ принимаетъ трехосный эллипсоидъ. Приводя знаменатель сплюсненія, найденный Клеро (1743 г.), г. Красновъ даетъ намъ формулу французскаго ученаго. Но формула эта изложена небрежно; во-первыхъ, она представлена въ неокончательномъ видѣ: лучше бы въ одну сторону уравненія вынести неизвѣстное, въ другую—данныя, его опредѣляющія; во-вторыхъ, общепринятое обозначеніе сжатія α замѣнено у г. Краснова на стр. 15 черезъ a , а на стр. 16 черезъ d ; обозначеніе напряженія силы тяжести на экваторѣ g_0 замѣнено разъ черезъ g^0 , а два раза черезъ g^0 . И такъ, изъ всей первой главы мы узнаемъ три знаменателя сжатія: Бесселя ($\frac{1}{299}$), Кларка ($\frac{1}{293}$) и Клеро ($\frac{1}{287,8}$), въ выводѣ же изъ этой главы стоитъ новый знаменатель— $\frac{1}{233}$ (см. стр. 17 и „погрѣшности и поправки“); правда, подобный знаменатель существуетъ, его даетъ Бэлей, но о послѣднемъ г. Красновъ нигдѣ ничего не говоритъ. Этимъ кончается первая глава, этимъ кончимъ и мы свой разборъ, сказавъ лишь немного о рисункахъ, которыми снабжена книга. Въ общемъ рисунки не могутъ быть названы удовлетворительными, а на нѣкоторыхъ картахъ, приведенныхъ въ текстѣ (напримѣръ, стр. 30), почти ничего нельзя разобрать.

Почему-то карта міра по представленію Гомера (стр. 7), слѣдова-

тельно, карта міра грековъ, снабжена въ русскомъ изданіи нѣмецкими подписями. То же и на стр. 72, хотя рядомъ на стр. 73 такая же карта снабжена подписями русскими.

Нѣкоторые рисунки не имѣютъ прямого отношенія къ тексту (напримѣръ, фиг. 34, стр. 82), такъ что невольно возникаетъ вопросъ, зачѣмъ они сюда попали? Но что болѣе всего поражаетъ, такъ это—какія-то буквы и цифры на многихъ рисункахъ, а также различная штриховка въ одномъ и томъ же рисункѣ. Но если взять *Физическую геологию* Мушкетова, то мы откроемъ, что эти рисунки—ничто иное, какъ вѣрная копія рисунковъ, помѣщенныхъ тамъ: забыли лишь дать объясненіе буквамъ, цифрамъ и штриховкѣ.

Но понятно, что всѣ эти промахи произошли, главнымъ образомъ, благодаря поспѣшности и невниманію. И надо надѣяться, что остальные выпуски заглядывать то впечатлѣніе, какое производитъ вышедшій первый выпускъ. Содержаніе имѣющихъ выйти выпусковъ слѣдующее: Выпускъ II. Атмосфера, ея дѣйствіе на сушу и море, климаты суши и явленія на морѣ, ею создаваемая (къмъ „создаваемая“: сушей или атмосферой?). Выпускъ III. Морфологія земной поверхности. Воды суши. Географія почвъ, растений и животныхъ. Выпускъ IV. Человѣчество, законы, управляющіе его расселеніемъ, и условія, вліяющія на создаваемая имъ культуры. Основы научной географической классификаціи. Отчего бы, вмѣсто тяжелой и длинной первой фразы, не сказать коротко: „антропogeографія“? Терминъ этотъ, предложенный Ратцелемъ, такъ ясенъ и такъ много говоритъ, что только боязнь раздробить *единую научную* географію, боязнь выдѣлить изъ нея новую географію можетъ помѣшать употребить его.

СТАТИСТИКА.

„Статистика Россійской имперіи“.

Статистика Россійской имперіи. XXVII. Волости и населенныя мѣста 1893 года. Изданіе центрального статистическаго комитета. Выпускъ 4-й — Иркутская губернія. Выпускъ 9-й — Якутская область. Подъ первымъ изъ приведенныхъ заглавій вышло въ свѣтъ въ истекшемъ 1894 г. описаніе Иркутской губерніи, составленное центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ на основаніи матеріаловъ, почерпнутыхъ изъ „памятныхъ книжекъ“ и „приложеній ко всеподданнѣйшимъ отчетамъ губернаторовъ“ по Иркутской губ., *Сборника статистическихъ свѣдѣній о юризаводской промышленности Россіи въ 1890 и 1891 и.*, *Историческаго очерка обложенія торговли и промысловъ въ Россіи* (изд. министерства финансовъ), *Сибирь и великая сибирская желѣзная дорога* (изд. министерства финансовъ) и *Матеріаловъ по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта селскаго населенія Иркутской губ.* (изд. бывшаго мин. государственныхъ имуществъ), причемъ, какъ сказано въ текстѣ брошюры, „среди указанныхъ источниковъ первенствующее значеніе имѣетъ работа, составленная по порученію бывшаго министерства государственныхъ имуществъ“. Дѣйствительно, изъ 72 страницъ текста этого изданія наибольшая часть составляетъ рядъ выдержекъ изъ только что названныхъ *Матеріаловъ*, причемъ изложеніе значительной части главъ разсматриваемаго изданія составлено изъ ряда отдѣльныхъ фразъ и цѣлыхъ періодовъ, цѣликомъ или лишь съ небольшими измѣненіями

выписанныхъ изъ соотвѣствующихъ главъ помянутыхъ *Материаловъ*. Въ „общемъ очеркѣ“ губерніи нѣкоторую разницу въ изложеніи, сравнительно съ помянутыми *Материалами*, составляетъ собственно лишь геологическій очеркъ; отдѣлы же: *Полезная ископаемая, Гидрографія, Климатъ, Растительный покровъ и Фауна* почти цѣликомъ составлены изъ сопоставленныхъ другъ съ другомъ выдержекъ изъ помянутыхъ *Материаловъ*, такъ что, по существу, „общій очеркъ“ даннаго изданія центральнаго статистическаго комитета составляетъ краткую выборку изъ изданія министерства государственныхъ имуществъ. Выборка, впрочемъ, сдѣлана не вездѣ достаточно удачно, такъ какъ въ ней допущены нѣкоторыя не совсѣмъ умѣстныя для научнаго изданія сокращенія. Наприм., на стр. 10 позднее замерзаніе р. Ангара вблизи Байкала (въ началѣ января или концѣ декабря) объяснено (кромѣ быстрой теченія) „отчасти *высокою* температурой въ водѣ“, тогда какъ температура воды въ р. Ангартъ въ этихъ мѣстахъ, даже въ самое теплое время лѣта, обыкновенно не выше 7—8° по Реомюру. Появленіе такого объясненія становится, однако, понятнымъ при сравненіи съ соотвѣствующимъ мѣстомъ текста *Материаловъ*, откуда это объясненіе почерпнуто въ сокращенномъ видѣ (т. II, вып. I, стр. 22). Тамъ позднее замерзаніе дѣйствительно объяснено „высотой температуры“, но совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, что воды Ангары настолько вообще теплы сравнительно съ водами другихъ рѣкъ, что это составляетъ одно изъ препятствій къ ея своевременному замерзанію, а объяснено тѣмъ, что „*осенью* температура воды въ р. Ангартъ должна быть значительно *выше нормальной*, такъ какъ она вытекаетъ изъ громаднаго водоема, который можетъ *только медленно* терять *запасъ тепла, накопившійся въ немъ въ теченіе лѣта*“. А это, какъ само собою понятно, не совсѣмъ одно и то же. Далѣе, на стр. 13 изданія центр. статистич. комитета приведена цѣликомъ изъ стр. 8 главы 2 изданія министерства государственныхъ имуществъ (т. II, в. 1) таблица среднихъ мѣсячныхъ температуръ воздуха, приведенныхъ къ *многочислымъ среднимъ*, приведена цѣликомъ, но почему-то въ измѣненномъ видѣ въ отношеніи послѣдовательнаго порядка горизонтальныхъ строкъ: въ изданіи мин. госуд. имущ. цифры таблицы, относящіяся къ извѣстнымъ пунктамъ наблюденія, по возможности приведены въ извѣстномъ географическомъ порядкѣ, а въ таблицѣ цитируемаго изданія всѣ цифры оставлены тѣ же, порядокъ же расположенія графъ измѣненъ совершенно, причѣмъ изъ таблицы зачѣмъ-то исключены указанія широты и долготы мѣстъ наблюденія, высотъ ихъ надъ уровнемъ моря и *числа лѣтъ*, въ теченіе которыхъ производились данныя наблюденія, вслѣдствіе чего неизбежно пострадало научное значеніе данной таблицы. На слѣдующей затѣмъ страницѣ цѣликомъ выписана изъ того же изданія другая таблица — среднихъ температуръ временъ года, но съ тѣмъ опять-таки измѣненіемъ, что изъ нея выкинуты указанія относительно того, въ какимъ географическимъ районамъ губерніи относятся приведенныя наблюденія, и оставлены одни лишь названія наблюдательныхъ пунктовъ, которыя сами по себѣ не даютъ читателю никакого представленія о географическомъ положеніи послѣднихъ. Въ главѣ о фаунѣ приведены, почерпнутыя изъ того же изданія, данныя о вредныхъ насѣкомыхъ, причѣмъ подъ одинъ рядъ названы, какъ имѣющіе якобы *одинаковое* значеніе для мѣстнаго хозяйства, кобылка, *Thrips, Chlorops, Cerphus, Arhis* и *Hallica*, тогда какъ въ изданіи мин. госуд. имущ. категорически указано, что „*главный бичъ* полеводства Иркутской губерніи—

кобылка", а другихъ вредныхъ насѣкомыхъ, болѣе или менѣе вліяющихъ на урожай, каковы названныя Thrips, Chlorops и пр., Иркутская губернія почти не знаетъ, такъ какъ распространены они мало и вредъ ими приносимый, ничтоженъ. Такимъ образомъ, нѣкоторыя изъ приведенныхъ сокращеній, къ сожалѣнію, страдаютъ или неточною передачей изложенія, или отсутствіемъ научности.

Глава *О населеніи* составлена, повидимому, по преимуществу изъ цифръ приложеній къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ и памятныхъ книжекъ, тогда какъ глава *О земледѣліи*—цѣликомъ изъ соотвѣтствующей главы изданія мин. госуд. имущ., причѣмъ перепечатка одной изъ таблицъ сдѣлана невѣрно: въ Иркутскомъ округѣ показано казенныхъ удобныхъ земель 530,844 дес., вмѣсто 53,087 дес., вслѣдствіе чего итогъ всѣхъ земель не соотвѣтствуетъ суммѣ слагаемыхъ. Глава *О земледѣліи* почерпнута изъ соотвѣтствующей главы изданія мин. госуд. имуществъ, за исключеніемъ цифръ о количествѣ земли и населенія, а также цифръ посѣва и сбора хлѣбовъ за нѣсколько лѣтъ, очевидно, приведенныхъ изъ данныхъ губернскаго статистическаго комитета. Къ главѣ *Земледѣліе* непонятнымъ образомъ пристегнута (составленная на основаніи данныхъ мин. госуд. имущ.) рѣчь о промысловыхъ заработкахъ населенія: звѣроловствѣ, рыболовствѣ, извозѣ, промысловѣ кустарно-ремесленной группы (причемъ въ число „промысловъ“ почему-то попало и скотоводство), а затѣмъ черезъ 23 страницы дальше имѣется еще особая глава *О промышленной дѣятельности въ Иркутской губ.*, составленная уже на основаніи данныхъ губернскаго статистическаго комитета, не совпадающихъ съ предъидущими.

Глава *Объ экономическомъ положеніи крестьянскаго населенія* сведена изъ главы *О податяхъ и повинностяхъ* изъ изданія мин. госуд. имуществъ съ рядами выписанныхъ отсюда таблицъ и заканчивается выдержками изъ главы *Бюджета* того же изданія, тоже съ цѣлымъ рядомъ таблицъ, почерпнутыхъ изъ него. Глава *Доходность земледѣлія* включаетъ 6 страницъ почти сплошныхъ таблицъ и 2 страницы текста, взятыхъ изъ главы *Изслѣдованіе доходности земельныхъ угодій*, помѣщенной въ изданіи мин. госуд. имущ. Затѣмъ въ брошюрѣ имѣется еще глава *О горнозаводской промышленности*, составленная уже не на основаніи матеріаловъ, почерпнутыхъ изъ помянутаго изданія минист. госуд. имуществъ, такъ какъ въ этомъ изданіи нѣтъ главы, ей соотвѣтствующей. Къ тексту приложено 100 страницъ таблицъ о количествѣ селеній, хозяйствъ, душъ и усадебной и пахотной земли по всѣмъ селеніямъ и улусамъ губерніи, на основаніи цифръ губернскаго статистическаго комитета, — это уже часть самостоятельная, такъ какъ въ изданіи мин. государ. имущ. соотвѣтствующія цифры (въ несравнимо большей подробности) приведены на основаніи специальной переписи, произведенной чинами мин. госуд. имущ. Между тѣми и другими цифрами во многихъ мѣстахъ замѣчается довольно значительная разница, не объясненная, однако, ни однимъ словомъ въ изданіи центральнаго статистическаго комитета, какъ бы это можно было ожидать отъ него, сакъ отъ изданія позднѣйшаго и, притомъ, пользующагося матеріаломъ и выводами предъидущаго изданія. Наприм., по Балаганскому округу въ изданіи центрального статистическаго комитета показано у козакъ 14,9 хозяйственныхъ (въ 3,200 кв. саж.) десятинъ усадьбы и 1492,5 хоз. дес. пашни, а по изданію мин. госуд. имущ. 33 и 553 казенныхъ десятины; число поселенческихъ хозяйствъ по изданію центрального статистическаго комитета показано въ 3,500 (не указано:

наличныхъ только или вмѣстѣ съ отсутствующими), а въ трудахъ чиновъ мин. госуд. имущ. поселенческихъ хозяйствъ по этому округу показано: наличныхъ 1,619, а постоянно отсутствующихъ 13,054, итого 14,675. Изъ названныхъ трудовъ мин. госуд. имущ. видно, что у этихъ поселенцевъ имѣется 294 казенныхъ десятины усадебной земли и 2,090 казенныхъ десятинъ пахотной, итого 2,384 каз. десятины, тогда какъ по брошюрѣ центрального статистическаго комитета у нихъ этой земли не 2,384, а 8,813 каз. дес. (1,342 дес. усадебной и 7,471 пахотной). Чѣмъ объясняются такія значительныя разницы цифръ обоихъ источниковъ, въ брошюрѣ нигдѣ не указано, между тѣмъ какъ это было бы не только умѣстно, но и безусловно необходимо, въ особенности въ такомъ трудѣ, который, какъ настоящая брошюра центрального статистическаго комитета, почти цѣликомъ основывается въ своихъ выводахъ на данныхъ того самаго источника, съ которымъ у нея происходитъ столь сильное разнорѣчіе абсолютныхъ цифръ. При всемъ этомъ представляется нѣсколько странныхъ, почему названное казенное изданіе, и, притомъ, изданіе центрального статистическаго органа для всей Россіи, ведетъ счетъ земли не на общепотребительныя для всей Россіи казенныя десятины, а на десятины *хозяйственныя*, употребляемыя крестьянскимъ населеніемъ Иркутской губ., благодаря чему цифры этой брошюры являются трудно сравнимыми не только съ остальными статистическими изданіями вообще, но даже и съ прочими изданіями самого центрального статистическаго комитета.

Изданіе разбираемаго труда центральнымъ статистическимъ комитетомъ по Иркутской (а также и по другимъ сибирскимъ губерніямъ) объясняется, какъ видно изъ введенія къ нему, главнымъ образомъ, желаніемъ имѣть подробныя карты тѣхъ мѣстностей, по которымъ имѣеть быть проведена великая сибирская желѣзная дорога, и „списки населенныхъ мѣстъ“ тѣхъ губерній (съ описаніемъ ихъ физико-географическимъ и изложеніемъ свѣдѣній „о населеніи и источникахъ благосостоянія послѣдняго, какъ-то: земледѣлія, скотоводства и другихъ промыслахъ, заводской промышленности и торговли и пр.“), которыя будутъ ею пересѣчены. Надо, слѣдовательно, полагать, что изданіемъ этимъ предполагалось пополнить существующій въ статистической литературѣ пробѣлъ относительно физико-географическихъ и экономическихъ условій жизни населенія сибирскихъ губерній. Но такъ какъ по Иркутской губерніи, еще до изданія цитируемой брошюры, вышло въ свѣтъ, изданное министерствомъ госуд. имуществъ, описаніе ея въ четырехъ томахъ и 5 выпускахъ (всего 2142 стр. текста и свыше 600 стр. таблицъ), всесторонне разсматривающее физико-географическія и экономическія условія жизни населенія Иркутской губерніи, на основаніи данныхъ, собранныхъ спеціалистами на мѣстахъ, то и изданіе помянутой краткой брошюры въ 170 стр. таблицъ и текста, на $\frac{7}{8}$ выбраннаго изъ того же труда мин. госуд. имуществъ, для вышеуказанной цѣли, повидимому, не обусловливалось необходимою. Само собою понятно, что для разрѣшенія вопроса, связанныхъ съ проведеніемъ великой сибирской желѣзной дороги, и при наличности помянутой брошюры, все равно приходилось бы обратиться за необходимыми матеріалами не къ ней, а къ ея первоисточнику, гораздо болѣе полно и всесторонне разсматривающему быть и условія жизни даннаго края. Само собою понятно также, что трудъ, изданный министерствомъ государственныхъ имуществъ и признанный недавно географическимъ обществомъ достойнымъ золотой медали б-

щества, если и нуждался въ популяризаціи, то не для цѣлей, связанныхъ съ проведеніемъ желѣзной дороги, и, притомъ, во всякомъ случаѣ, съ популяризаціи болѣе удачной.

Нельзя не пожалѣть, сверхъ того, что цѣнность этого, и безъ того небольшого, труда центрального статистическаго комитета еще болѣе низводится самимъ комитетомъ въ заключительной части текста брошюры, гдѣ комитетъ, справедливо признавая, что главнымъ источникомъ, при составленіи брошюры, послужило цитированное изданіе мин. госуд. имущ., оговаривается, что именно, „вълѣдствіе этого, заключенія, къ которымъ приводитъ и предлагаемый очеркъ, имѣютъ также *относительное значеніе и далеки, конечно, отъ абсолютной точности*“. Къ такому заключенію комитетъ приходитъ въ виду того, что, какъ ему извѣстно, производившееся министерствомъ государственныхъ имуществъ изслѣдованіе Иркутской губерніи „коснулось лишь типичныхъ мѣстностей“, и потому выводы, вытекающіе изъ собранныхъ этимъ изслѣдованіемъ данныхъ, основаны „не на сплошномъ изслѣдованіи губерніи“. Между тѣмъ, главная заслуга мин. госуд. имущ. и руководителя этихъ работъ на мѣстѣ, бывшаго иркутскаго генераль-губернатора графа А. П. Игнатъева, въ дѣлѣ изслѣдованія Восточной Сибири именно и заключалась въ томъ, что, благодаря имъ, впервые произведено было *сплошное* изслѣдованіе Иркутской (и Енисейской) губерніи, на что многократно указывалось во многихъ газетахъ и журналахъ и что съ полною подробностью выяснено въ предисловіи къ трудамъ мин. госуд. имущ., гдѣ съ точностью указано, что не обследованными остались изъ всего населенія губерніи только 1,2% ея населенія, и то лишь живущаго въ мѣстностяхъ, слишкомъ удаленныхъ отъ населенныхъ районовъ. Поэтому приведенное указаніе центрального статистическаго комитета, напрасно, притомъ, обезцѣнивающее какъ значеніе его собственнаго труда, такъ и труда мин. госуд. имущ., представляется намъ самымъ крупнымъ недосмотромъ въ общей массѣ недосмотровъ, допущенныхъ въ его брошюры, если, впрочемъ, не считать еще недосмотра, заключающагося въ томъ, что изложенные въ текстѣ выводы основаны совѣмъ не на тѣхъ цифрахъ, которыя, какъ основной матеріалъ изслѣдованія, заключаются въ приложенныхъ къ нему (100 страницъ) таблицахъ, и цифры разныхъ источниковъ, при всемъ ихъ разнорѣчии, не сведены, не сопоставлены другъ съ другомъ.

Если составленная центральнымъ статистическимъ комитетомъ компиляція объ Иркутской губерніи, заглавіе которой выписано въ первыхъ строкахъ настоящей замѣтки, содержитъ указанія на источники, бывшіе въ пользованіи при ея составленіи, то вторая изъ изданныхъ имъ брошюръ, названіе коихъ приведено въ заголовкѣ (выпускъ 9—Якутская область), никакихъ указаній на источники не содержитъ и потому можетъ быть сочтена за самостоятельный трудъ комитета. Нельзя, однако, не пожалѣть, что ни во введеніи къ ней (отъ 16 декабря 1894 г.), составляющемъ дословную [перепечатку введенія къ предъидущей брошюрѣ (помѣченнаго 27 августа 1894 г.)],—за исключеніемъ, впрочемъ, указанія *номера* выпуска, — ни въ текстѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, насколько приведенныя въ брошюркѣ данныя соответствуютъ действительности и заслуживаютъ довѣрія. Такое указаніе было бы въ настоящее время особенно важно, въ виду того, что даже выводы брошюры по Иркутской губ., основанныя цѣликомъ на матеріалахъ *сплошного* изслѣдованія (мин. госуд. имущ.), признаны самимъ комитетомъ и тѣщими только „относительное значеніе“ и „далекими“ отъ желательной точности. Что же, въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ думать о свойствахъ

и достоинствахъ данныхъ, добытыхъ безъ помощи какого бы то ни было спеціальнаго изслѣдованія и, однако, разбирающихъ вопросъ съ такою точностью, что, наприм., въ отдѣлѣ звѣро- и рыбопромышленности категорически указано, сколько именно какихъ звѣрей и на какую сумму убито въ 1889 г. въ каждомъ округѣ губерніи (горностаевъ, наприм., 2,119 въ Якутскомъ округѣ, 3,317 въ Верхоянскомъ, зайцевъ 18,271 въ Якутскомъ, 60,778 въ Верхоянскомъ, бѣлковъ (вѣроятно, бѣлокъ?) 21,202 въ Якутскомъ, 4,682 въ Верхоянскомъ и т. п., по всей же губерніи въ томъ же году добыто $17\frac{1}{30}$ пуда рыбаго клею) и т. п.? Кто записывалъ эти точныя цифры добытыхъ рыбъ и рыбаго клея или звѣрей, убитыхъ на пространствѣ губерніи въ 3.489,689 кв. верстъ съ разнообразнымъ и крайне разбросаннымъ полудикимъ инородческимъ населеніемъ, составляющимъ свыше 82% общаго числа населенія губерніи?

Брошюра объ Якутской области занимаетъ всего-на-всего 30 стр. текста и 13 стр. таблицъ. Выводы, къ которымъ она приводитъ, изложены въ слѣдующихъ словахъ ея заключенія:

„Все вышеизложенное приводитъ насъ къ слѣдующему: Якутская область представляетъ собою обширное пространство въ 70 тыс. кв. геогр. миль, мало еще тронутое русскою колонизаціей. Занимая большую часть рѣчной области колоссальной рѣки Лены, а также бассейны рр. Оменска, Яны, Индигирки, Алазеи и Колымы Якутская область, по характеру своей поверхности, не является сплошною равниною, такъ какъ не только на югѣ, но и выше въ ней не замѣчается недостатка въ горныхъ кряжахъ. Лѣтомъ область располагаетъ удобными путями сообщенія, такъ какъ она богато орошена прекрасными, обильными водою рѣками. Неблагопріятныя условія климата Якутской области кладутъ свою суровую печать не только на растительный, животный міръ, но и на самого человѣка. Крайне слабо и весьма неравномѣрно заселенная, область мало способна для осѣдлой колонизаціи и, захваченная русскими еще XVII ст., эта окраина и доселѣ заключаетъ ихъ въ себѣ въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Суровая природа Якутской области дѣлаетъ ее удобной для обитаія лишь кочевыхъ племенъ, сумѣвшихъ освоиться съ своеобразными условіями сѣвера. Имѣя весьма мало значенія для осѣдлой, земледѣльческой колонизаціи, какъ лишенная необходимыхъ для земледѣлія условій, Якутская область можетъ служить мѣстомъ правильной эксплуатаціи ея естественныхъ богатствъ, которыми природа одарила этотъ угрюмый и холодный край“.

Если весь результатъ цитируемой работы сводится только къ этимъ ея заключительнымъ выводамъ, то новаго она даетъ очень мало, такъ какъ все изложенное выше и до выхода ея въ свѣтъ извѣстно было каждому, даже и не выдавшему Сибири, читающему человѣку изъ элементарныхъ учебниковъ географіи, штудированныхъ въ первыхъ классахъ гимназіи. Нельзя не пожалѣть поэтому, что центральный статистическій комитетъ, задавшись цѣлью издать сводъ свѣдѣній объ Якутской и другихъ малообслѣдованныхъ областяхъ Сибири, вмѣсто того, чтобы тратить время на бесполезныя компиляціи трудовъ по уже изслѣдованнымъ ея частямъ, не приступилъ къ организаціи спеціальнаго ихъ изслѣдованія на мѣстахъ или, по крайней мѣрѣ, къ изданію болѣе или менѣе полнаго компилятивнаго свода данныхъ, имѣющихъ о нихъ въ русской и иностранной литературѣ. Даже и въ этомъ послѣднемъ случаѣ такая сводная компилятивная работа, съ указаніемъ на всѣ имѣющіеся источники и, еще лучше, съ дополненіемъ полнѣй

библиографіи каждаго района, могла бы имѣть высокую научную цѣнность какъ въ смыслѣ серьезнаго подспорья для мѣстнаго изученія края, такъ и для составленія болѣе полнаго и яснаго представленія объ условіяхъ его жизни. Такая компиляція несомнѣнно потребовала бы не мало времени и во много разъ превысила бы своимъ размѣромъ маленькую брошюрку объ Якутской области въ 43 страницы, но за то такая работа заняла бы почетное мѣсто въ нынѣшнихъ трудахъ комитета.

Съ своей стороны мы склонны думать, что въ такой неудачной постановкѣ центральнымъ статистическимъ комитетомъ дѣла изданія „списковъ населенныхъ мѣстъ“ сибирскихъ губерній значительно виновата та непонятная спѣшность, съ которой разрабатывались включенныя въ эти брошюры свѣдѣнія: объ работы исполнены однимъ и тѣмъ же лицомъ, а срокъ, протекшій между изданіемъ первой и второй, равенъ всего $3\frac{1}{2}$ мѣсяцамъ, въ теченіе которыхъ составлено описаніе всей Якутской области. Какъ видно изъ введеній къ обѣимъ брошюркамъ, нѣкоторыя необходимыя для нихъ свѣдѣнія требовались даже по телеграфу.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Несчастные случаи съ рабочими на свеклосахарныхъ заводахъ и мѣры предупрежденія ихъ“. Д-ра К. П. Сулимы. — „Карты фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи съ пояснительною запиской“. Н. Нестерова. — „Переменные электрическіе токи“. Т. Г. Блекслея. — „Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства“. Д. Голова.

Несчастные случаи съ рабочими на свеклосахарныхъ заводахъ и мѣры предупрежденія ихъ (матеріалы къ фабричной гигиенѣ). Д-ра К. П. Сулимы. Спб. Авторъ, каменецъ-подольскій врачебный инспекторъ, въ небольшой брошюрѣ собралъ много интереснаго матеріала по вопросу о несчастныхъ случаяхъ съ рабочими на сахарныхъ заводахъ, пользуясь для этого почти исключительно официальными источниками, т.-е. полицейскими донесеніями подлежащему начальству, которыя обыкновенно хранятся въ архивѣ губернскаго правленія. Добытыя авторомъ свѣдѣнія касаются только нѣкоторыхъ заводовъ Кіевской и Подольской губ. и обнимаютъ періодъ времени съ 1879 по 1892 г. Болѣе подробныя данныя о числѣ и характерѣ несчастныхъ случаевъ относятся, конечно, къ послѣднему времени, когда, съ учрежденіемъ фабричной инспекціи и фабричной медицины, явилась возможность болѣе точной регистраціи. Очень интересны также свѣдѣнія, сообщенныя автору инженеръ-технологомъ Толпыгинымъ. Въ концѣ брошюры приведены мѣры предупрежденія несчастныхъ случаевъ. Трудъ д-ра Сулимы представляетъ большой интересъ въ виду давно назрѣвшей, настоятельной, всѣми сознаваемой потребности — оградить жизнь и здоровье рабочаго отъ тѣхъ опасностей, которыя являются слѣдствіемъ безпечности и равнодушія заводчиковъ и фабрикантовъ.

Карты фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи съ пояснительною запиской. Составилъ Н. Нестеровъ подъ руководствомъ инженера И. А. Лихачева. Москва, 1895 г. Цѣна 5 руб. На 4-хъ большихъ картахъ, составляющихъ особый атласъ, нанесено 80 производствъ, по 20 на каждую карту (фабрики и заводы съ производ-

ствомъ менѣе 3 тысячъ не показаны). Изъ пояснительной записки видно, гдѣ именно находятся тѣ или другіе заводы и фабрики (губернія, уѣздъ, городъ) и въ какомъ количествѣ, причемъ для наиболѣе крупныхъ фабрикъ указаны и фирмы. Было бы желательно, конечно, имѣть также свѣдѣнія, наприм., о размѣрахъ производства, о числѣ рабочихъ и т. под.

Подобнаго рода карты давно существуютъ за границей. Составители указываютъ интересный фактъ, что на нѣмецкомъ языкѣ изданы даже карты нѣкоторыхъ промышленныхъ районовъ Россіи, наприм., Привислянскаго края и нѣкоторыхъ сахарныхъ заводовъ, расположенныхъ въ бассейнахъ Днѣпра, Буга, Вислы и Нѣмана. О пользѣ такихъ изданій нечего, конечно, распространяться. Къ сожалѣнію, карты г. Нестерова составлены по устарѣвшимъ свѣдѣніямъ. Нѣкоторыхъ фабрикъ, отмѣченныхъ на картахъ, давно не существуетъ, многія фабрики совсѣмъ не отмѣчены, такъ что пользоваться собраннымъ г. Нестеровымъ матеріаломъ нужно съ большою осмотрительностью.

Переменные электрические токи. Руководство для студентовъ и техникувъ. Т. Г. Блекслея, проф. королевской морской коллегии въ Гринвичѣ. Перев. подъ редакціей В. К. Лебединскаго. Спб. Изд. Риккера. Ц. 1 руб. 60 коп. Переводъ сдѣланъ съ французскаго изданія, но свѣренъ съ 3-мъ изданіемъ англійскаго оригинала и дополненъ нѣкоторыми другими статьями. Небольшая книжка Блекслея представляетъ серьезный, строго-научный трактатъ о переменныхъ электрическихъ токахъ, весьма интересный для электротехниковъ и физиковъ, обладающихъ достаточною научною подготовкой, но по характеру изложенія мало доступный для обыкновеннаго читателя.

Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства (паровые, газовые, керосиновые, водяные и вѣтряные). Практическое руководство для владѣльцевъ двигателей. Состав. инженеръ-механикъ Д. Головъ. Спб., 1894 г. Изд. Риккера. Ц. 2 р. Малосильные двигатели имѣютъ весьма важное значеніе для народнаго хозяйства, такъ какъ въ значительной степени облегчаютъ конкуренцію мелкой промышленности съ крупной. Ручной трудъ не можетъ соперничать съ механическою работой, когда каждая лошадиная сила двигателя замѣняетъ работу 7 человекъ. Слѣдовательно, мелкая промышленность можетъ существовать на ряду съ крупной только при условіи примѣненія малосильныхъ двигателей. Двигатели эти, кромѣ того, находятъ примѣненіе въ нѣкоторыхъ отрасляхъ крупной промышленности, гдѣ спросъ на механическую работу незначителенъ или гдѣ, вслѣдствіе разбросанности отдѣльныхъ операций, передача отъ одного общаго двигателя неудобна.

Авторъ даетъ подробное и весьма обстоятельное описаніе паровыхъ, газовыхъ и керосиновыхъ двигателей, удобныхъ и примѣнимыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ и въ мелкой промышленности. Съ особенною полнотою рассмотрѣны керосиновыя машины, которыя, по всей вѣроятности, въ недалекомъ будущемъ, съ ихъ удешевленіемъ, получатъ весьма широкое распространеніе. О водяныхъ и вѣтряныхъ двигателяхъ, утилизирующихъ даровыя силы природы, сообщаются также достаточныя свѣдѣнія. Прекрасно составленная и изданная книжка инженеръ-механика Голова при своей недорогой цѣнѣ смѣло можетъ быть рекомендована вниманію всѣхъ интересующихся даннымъ вопросомъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Дѣдушкины разсказы о лошади-кормилицѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту“. П. Лодыгина. — „Сахарная свекловица и ея культура“. Ф. Г. Кудельки. — „Труды экспедиціи, снаряженной лѣснымъ департаментомъ подъ руководствомъ проф. Докучаева“.

Дѣдушкины разсказы о лошади-кормилицѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. П. Лодыгина. Изд. Девріена. Спб., 1895 г. Ц. 20 к. Большую часть брошюры составляютъ нѣсколько слащаво написанныя поученія нѣкоего дѣдушки Ермолая, обращенныя къ малолѣтнему внуку Васѣ на тему о томъ, какъ устраиваются случные пункты и какъ вырощиваются жеребята. Намъ представляется, что авторъ свободно могъ обойтись безъ Ермолая, безъ Васи и безъ витіеватаго описанія села Долгаго, въ которомъ встрѣчается даже парь, поднятый съ осени. Проще самихъ „разказовъ“ написаны два приложенія къ нимъ, составленныя по Шмулевичу, Кулешову и Кривенко; въ первомъ даются правилаковки, во второмъ вратцѣ описываются болѣзни, наичаще встрѣчающіяся у рабочихъ лошадей. Едва ли брошюра г. Лодыгина найдетъ себѣ непосредственное распространеніе въ той средѣ, для которой она, повидимому, назначается, т.-е. между грамотными крестьянами, но при крайней бѣдности нашей зоотехнической литературы она можетъ иногда принести нѣкоторую пользу, какъ справочное пособіе для преподавателей низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ и для другихъ лицъ, которымъ приходится бесѣдовать съ крестьянами по коневодству.

Сахарная свекловица и ея культура. Сочиненіе Ф. Г. Кудельки. Изд. Девріена. Спб., 1895 г. Ц. 75 к. Хотя трактатъ г. Кудельки и печатался въ видѣ статьи на страницахъ лучшаго изъ нашихъ сельскохозяйственныхъ журналовъ (*Сельское хозяйство и мѣсоводство* 1894 г.), но по характеру изложенія онъ болѣе всего приближается къ учебнику. Авторъ разсматриваетъ экстерьеръ свекловицы, разновидности, сорта, отношеніе къ климату и почвѣ, мѣсто въ сѣвооборотѣ, удобреніе и обработку подъ свеклу, посѣвъ, уходъ, уборку, храненіе, вырощиваніе сѣмянъ, утилизацію отбросовъ и заболѣваніе свекловицы черною гнилью. Книжку г. Кудельки нельзя назвать полною монографіей свекловичной культуры: здѣсь недостаетъ, на примѣръ, свѣдѣній о пораженіи свекловицы врагами изъ животнаго міра. Въ книгѣ много свѣжихъ фактическихъ данныхъ изъ недавней практики привислянскихъ и приднѣпровскихъ хозяйствъ; многіе отдѣлы изложены довольно обстоятельно, но этимъ не устраняется необходимость и для пользующагося книгою г. Кудельки обращаться къ классическому изложенію воздѣлыванія свекловицы въ *Основахъ полевой культуры* проф. И. А. Стебута.

Труды экспедиціи, снаряженной лѣснымъ департаментомъ подъ руководствомъ профессора Докучаева. Спб., 1894 — 95 гг. Широко задуманныя работы особой экспедиціи при лѣсномъ департаментѣ, возникшей по инициативѣ и подъ руководствомъ неумоимаго почвовѣда, проф. В. В. Докучаева, явились послѣдствіемъ неурожая, постигнаго Россію въ 1891 г., и, главнымъ образомъ, по причинѣ засухи. Для предотвращенія засухъ имѣется въ виду въ степной Россіи регулировать верховья большихъ рѣкъ, мелкія рѣчки, овраги и балки, регулировать пользованіе снѣгами и дождями на водораздѣлахъ и уста-

новить общія основанія степной культуры въ зависимости отъ возможныхъ наличныхъ запасовъ влаги. Эти задачи примыкаютъ къ общей постановкѣ „водяного вопроса“, который признается теперь существеннѣйшимъ вопросомъ агрономіи и за границею (школа мюнхенскаго профессора Вольби) и даже тамъ заслонилъ собою работы агрокультурныхъ химиковъ.

Вышедшія къ концу 1894 года изданія особой экспедиціи посвящены какъ разсмотрѣнію научныхъ, такъ и описанію лѣсокультурныхъ и гидротехническихъ работъ. Къ первой категоріи, кромѣ упоминавшейся уже нами (*Русская Мысль* 1894 г., кн. XI) и вышедшей также отдѣльно магистерской диссертациі Г. И. Танфилова, принадлежатъ работы профессоровъ Н. М. Сибирцева, К. Д. Глинки и П. А. Земятченскаго и гг. Выдрина и Отоцкаго по орогидрографіи, геологіи, почвамъ и грунтовымъ водамъ на устроенныхъ особою экспедиціей участкахъ; кромѣ того, Н. П. Адамовымъ и Г. Н. Высоцкимъ подробно разработаны метеорологическія наблюденія, исполненныя на тѣхъ же участкахъ (въ губерніяхъ Воронежской, Харьковской и Екатеринославской); проф. Баракowymъ дана программа сельско-хозяйственныхъ опытовъ, проф. В. В. Докучаевымъ программа особыхъ изслѣдованій на дѣвственной степи и, наконецъ, уже въ началѣ 1895 г. А. А. Силантьевымъ опубликована программа наблюденій надъ животными. Гидротехническія работы экспедиціи ведутся и описываются профессоромъ Дейчемъ, лѣсокультурныя—О. И. Ковалевымъ и Г. Н. Высоцкимъ.

Крайне желательно, чтобы результаты этой корпоративной работы, затронувшей массу интереснѣйшихъ вопросовъ, не прошли безплодно для удовлетворенія различныхъ нуждъ нашего степного хозяйства; эти *Труды* должны служить основой многочисленныхъ мѣропріятій государства, земства и отдѣльныхъ хозяевъ.

МЕДИЦИНА.

„Сифились мозга и его леченіе“. Проф. П. И. Ковалевскаго.—„Половая гигиена и ея нравственныя послѣдствія“. *Севеда Риббима*.—„Горе отъ любви“. *Штаркенбура*.

Сифились мозга и его леченіе. Проф. П. И. Ковалевскаго. Харьковъ. Ц. 2 руб. Изд. 2-е дополненное. Предлагаемая книга заключаетъ въ себѣ рядъ статей автора, появившихся въ различное время въ издаваемомъ имъ *Архивъ психіатріи* и проч. Въ предисловіи и введеніи авторъ говоритъ, что онъ склоняется болѣе къ химической теоріи сущности сифилиса, что онъ „исповѣдываетъ“ убѣжденіе о важности знанія сифилидологіи для невропатолога и что неуспѣшность нашей борьбы съ сифилисомъ зависитъ отъ недостаточности нашихъ знаній. Первая глава книги посвящена сифилису головного мозга вообще. Тутъ приводится очень интересный, даже сценичный діалогъ между докторомъ и пациентомъ; комическая роль выпадаетъ на долю пациента: послѣдній, несмотря на всѣ увертки, излавливается остроумнымъ докторомъ и уличается во лжи; въ дальнѣйшемъ изложеніи этому пациенту приходится не разъ испытывать на себѣ остроуміе профессора, состоящаго „исповѣдникомъ“ золотой середины въ дѣлѣ леченія, но не остроумія; такъ, наприм., въ Пятигорскѣ всѣ часы дня больного рассчитаны профессоромъ довольно подробно: тогда-то вставать, тогда-то пить чай, принимать ванну и т. д. до 3 час., когда онъ

долженъ „появляться на бульварѣ для созерцанія себѣ подобныхъ и критическаго обсужденія собратьевъ“, въ четвертомъ часу онъ можетъ читать *Новое Время*, но „не писать корреспонденціи въ газеты о докторахъ“, въ 5 часовъ онъ „можетъ предаваться благочестивымъ размышленіямъ на тему объ изгнаніи врачей“. Къ чему это злое гаерство надъ людскимъ горемъ, да еще въ книгѣ, претендующей на серьезность? Иллюстрирующія изложеніе исторіи болѣзней заканчиваются часто такими фразами: „больной обратился ко мнѣ и... вскорѣ оправился...“, „больной явился ко мнѣ и черезъ 3 недѣли былъ вполне свободенъ отъ болей“, „послѣ тщательнаго леченія у проф. Ковалевскаго больной свободно могъ исполнять свои обязанности“ и т. п.; вообще, о „я“ автора мы получаемъ очень подробныя свѣдѣнія: „я прописываю“, „я указалъ“, „я считаю“, „я настаиваю“, „по моему указанію“—встрѣчаются чуть не на каждой страницѣ; нѣсколько рѣже пестрятъ страницы именами Попова, Мухина и др.; о второмъ даже докладывается читателю, что онъ былъ при профессорѣ ассистентомъ, нынѣ онъ приватъ-доцентъ, что онъ (Мухинъ) „присоединяется“ къ ученію Erb'a, а что авторъ „присоединяется“ къ ученію Erb'a и Мухина. Въ научномъ отношеніи трудъ автора страдаетъ большими недостатками: патологическая анатомія различныхъ проявленій сифилиса мозга очерчена очень общими штрихами; такъ, первая глава содержитъ описаніе отдѣльныхъ признаковъ проявленія сифилиса: сифилитической головной боли, дурноты, головокруженія, злокачественнаго коматознаго состоянія, частичныхъ скоропреходящихъ параличей и парезовъ, бессонницы, и почти ни слова не сказано о патолого-анатомической основѣ страданія. Параличи авторъ объясняетъ временною закупоркой мозговыхъ сосудовъ, а не разрывомъ и не спазмомъ ихъ, такъ какъ „сосуды для этого (спазма) являются слишкомъ измѣненными“. Что это за опредѣленіе и степень — „слишкомъ измѣненные“ для спазма и не слишкомъ, значить, измѣненны для разрыва?

Слѣдующая затѣмъ глава содержитъ описаніе сифилитической эпилепсіи: авторъ дѣлитъ ее на наследственную, благопріобрѣтенную и эпилепсію при энергичномъ леченіи разлитаго гуммознаго сифилиса, послѣдняя мимолетная корковая эпилепсія влѣдствіе аутоинтоксикаціи продуктами обратнаго метаморфоза.

Душевные заболѣванія при сифилисѣ могутъ протекать подъ видомъ различныхъ типическихъ формъ: меланхоліи, маніи, сумасшествія, чаще всего слабоумія; особенно подробно разобранъ *paralysis progressiva* и *dementia paralytica*, гдѣ авторъ приводитъ и дифференціальную діагностику между типическимъ прогрессивнымъ параличомъ и такъ называемымъ ложнымъ прогрессивнымъ параличомъ.

Функциональныя нервныя расстройства на почвѣ сифилиса оказываются въ формѣ неврастеніи, истеріи, хореи, *angina pectoris*. Первую авторъ дѣлитъ на четыре вида: прирожденную, пріобрѣтенную, инанціонную и психотравматическую. Послѣдняя возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе: неизвѣстно, чѣмъ долженъ руководиться врачъ при опредѣленіи и леченіи второго и четвертаго вида: обязана ли неврастенія сифилису, или же той травмѣ, которую онъ наноситъ психикѣ? Авторъ не даетъ по этому поводу никакихъ указаній.

Глава: *Сифилисъ спиннаго мозга* содержитъ довольно краткое описаніе болѣзней спиннаго мозга, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ сифилису; на первомъ планѣ, конечно, *tuberc*, затѣмъ сифилитическій

спинной паралич Erb'a; myelitis chronica с. compressione почему-то выдѣлена въ особую главу.

Послѣдняя глава содержитъ разсужденія автора по поводу леченія сифилиса мозга. Вопреки распространенному мнѣнью о *pole me tangere* ртутью мозгового сифилиса, авторъ совѣтуетъ и настаиваетъ на героическомъ антисифилитическомъ леченіи (гдѣ же „золотая середина?“). Если обыкновенное антисифилитическое леченіе не помогаетъ, то только потому, что оно примѣняется недостаточно энергично; нужно пустить въ ходъ все разомъ: ртуть, іодъ, цитмановскій декоктъ, сѣрные ванны, фарадизацію, подвѣшиванія, прижиганія. Конечно, для того, чтобы высказаться опредѣленно въ этомъ отношеніи, нужно имѣть очень большую статистику, которою, однако, едва ли кто обладаетъ въ достаточной степени. Выводы, основанные на единицахъ и десяткахъ наблюденій, рѣшительно ничего доказать не могутъ, или, вѣрнѣе, могутъ доказать чтѣ угодно.

Половая гигиена и ея нравственныя послѣдствія. Сведѣнія Риббинга. Переводъ съ нѣмецкаго д-ра мед. Н. Лейненберга. Изд. Лейненберга. Одесса, 1893 г. Ц. 1 р. — Горе отъ любви. Штаркенбурга. Перев. съ нѣмецкаго. Изд. Н. Лейненберга. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к. На обложкахъ обѣихъ книжекъ перечислены изданія Н. Лейненберга. Изъ 24 книжекъ, изданныхъ имъ, около половины носятъ подходящія къ выше упомянутымъ заглавіямъ. Очевидно, издатель тяготеетъ къ популяризаціи гигиены „брака“ и „цѣломудрія“. Это, конечно, его вкусъ или фантазія. Первая изъ названныхъ книжекъ состоитъ изъ трехъ лекцій Риббинга, посвященныхъ анатоміи и физиологіи половыхъ органовъ, браку и болѣзнямъ, сопровождающимъ половую жизнь. Въ общемъ книжка, не страдая ни педантизмомъ, ни шарлатанствомъ, прочтется не безъ пользы. Вторая брошюрка представляетъ какія-то изступленныя выкрикиванія, порою мало понятныя и завершающіяся, въ концѣ-концовъ, требованіемъ помочь злу, которое причиняетъ любовь, но какъ эту помощь должно устроить, съ какого конца приняться—остается неизвѣстнымъ. Языкъ обѣихъ книжекъ плоховатъ, особенно второй: „Что развѣ такого выдающагося могутъ доставить намъ дѣвчѣны высшихъ классовъ“... „Но только такъ тотъ...“ Интересно и весьма многозначительно слѣдующее мѣсто: говоря о книжкѣ д-ра Ретау (?) (вѣроятно, Реутъ) *Самозрѣніе*, что она разошлась въ количествѣ 300,000 экземпляровъ и что послѣ появленія ея къ автору въ теченіе 6 мѣсяцевъ явилось 778 болѣныхъ, да 5,009 стали пользоваться письменно, Штаркенбургъ восклицаетъ: „Эти цифры, я полагаю, молчатъ довольно краснорѣчиво!“

ИСКУССТВО.

„60 офортовъ проф. Ив. Ив. Шишкина“. Изд. А. Ф. Маркса.

60 офортовъ профессора Ив. Ив. Шишкина. Собственность и изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ. (Soixante eaux-fortes du professeur I. I. Chichkine. Propriété et édition de A. F. Marek. St.-Petersbourg). Въ Россіи гравированіе на мѣди „офортомъ“ (протравой) долгое время было въ пренебреженіи, и лишь съ недавнихъ поръ оно начало входить въ употребленіе, да и то у немногихъ художниковъ. И теперь нельзя не порадоваться появленію въ свѣтъ большого альбома нашего знаменитаго пейзажиста, сдѣлавшаго со своихъ

этюдовъ и картинъ превосходные снимки этимъ сильнымъ способомъ гравированія, всего лучше передающимъ характеръ и тоны подлинниковъ. На первомъ мѣстѣ въ альбомѣ мы находимъ замѣчательно художественно исполненный портретъ самого уважаемаго профессора И. И. Шишкина. Затѣмъ лучшими считаемъ листы, воспроизводящіе нижеслѣдующія картины: *Ручей въ лесу*, *Гурзуфъ*, *Сосны* (№ 27), *Ночь* (№ 29), *Первый снегъ* и *Берега Камы*, а также *Сныи* (№ 38), *Скала надъ моремъ*. Всѣхъ, впрочемъ, мы не беремъ перечислить, такъ какъ намъ пришлось бы переписать половину оглавленія, чтобы назвать наиболѣе выдающіяся изъ коллекціи, которая можетъ почитаться образцовою не только въ нашемъ отечествѣ, но и въ чужихъ краяхъ, гдѣ офортное искусство достигло большого совершенства. Многія изъ произведеній профессора Шишкина необыкновенною силой и тонкостью напоминаютъ старинныя гравюры знаменитѣйшихъ мастеровъ, и мы думаемъ, что изданіе г. Маркса встрѣтитъ со стороны любителей гравюры равно горячій пріемъ въ Россіи и за границей. Къ изданію приложенъ текстъ на русскомъ и французскомъ языкахъ, изъ котораго видно, между прочимъ, съ какими техническими затрудненіями приходится считаться русскимъ художникамъ, желающимъ работать надъ воспроизведеніемъ своихъ картинъ. По справедливому замѣчанію издателя въ предисловіи, и въ этой борьбѣ съ препятствіями И. И. Шишкинъ напомнилъ собою старыхъ мастеровъ, надѣвавшихъ фартукъ рабочаго и собственноручно печатавшихъ свои чудныя произведенія.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ И УЧЕБНИКИ.

„Астрономическіе вечера“. Клейна. — „Русская азбука“. К. Шельцеля и И. Непокійчицкаго. — „Deutsche Fibel oder Erstes Lesebuch“, von K. Schölzel. — „Les aventures de Télémaque fils d’Ulysse“, par Fénelon. — „Хронологія“. Л. М. Платъева. — „Вертикальное письмо“. А. Прохорова.

Астрономическіе вечера. Клейна. Перев. съ нѣмецкаго. Изд. журнала „Міръ Божій“. Ц. 2 р. Съ особеннымъ удовольствіемъ рекомендуемъ эту книгу, написанную директоромъ Кельвской обсерваторіи. Она украшена портретами знаменитѣйшихъ астрономовъ, многочисленными рисунками и картами звѣзднаго неба. По *Астрономическимъ вечерамъ* можно составить себѣ достаточно ясное и полное понятіе о развитіи и современномъ состояніи этой великой науки. Изложеніе живо, доступно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, серьезно. Біографіи великихъ ученыхъ въ связи съ ихъ открытіями полны интереса. Переводъ вполнѣ удовлетворителенъ и цѣна книги не дорога.

Русская азбука. Составили К. Шельцель и И. Непокійчицкій. — *Deutsche Fibel oder Erstes Lesebuch. Herausgegeben von K. Schölzel.* Одесса, 1894 г. Изъ двухъ учебниковъ, заглавія которыхъ только что выписаны и изъ которыхъ первый составленъ г. Шельцелемъ и г. Непокійчицкимъ, а второй г. Шельцелемъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ первый, такъ какъ онъ примѣненъ къ интересному методическому руководству г. Шельцеля для первоначальнаго обученія русскому языку въ инородческихъ школахъ по реальному методу. Объ этомъ руководствѣ намъ приходилось два раза давать отгывы въ *Русской Мысли*: въ первый разъ по поводу перваго его изданія („Библіогр. отд.“ *Русской Мысли* 1893 г., кн. IX) и другой по поводу втораго изданія („Библіогр. отд.“ *Русской Мысли* 1894 г.,

ка. 1). Если въ своемъ руководствѣ съ изложеніемъ реального метода для инородцевъ г. Шельцель высказывается за непосредственное ознакомленіе учащихся съ извѣстнымъ предметомъ, его свойствами и дѣйствіями на томъ языкѣ, который преподается, безъ малѣйшаго содѣйствія родного нарѣчія, то и въ своей *Русской азбуки* для инородческихъ школъ онъ придерживается именно этого способа преподаванія. Вся азбука полна у него картинокъ, и такимъ образомъ учащіеся инородцы, учась говорить, читать и писать на русскомъ языкѣ, могутъ вовсе не обращаться къ содѣйствію родного языка. Картинки эти, въ большинствѣ случаевъ, выполнены прекрасно, подчасъ даже художественно, причемъ онѣ изображаютъ не только предметы, но даже и дѣйствія предметовъ (плавать—стр. 52, рис. 13; ловить—стр. 38, рис. 1 и т. д.). При прохожденіи буквъ, соблюдена необходимая постепенность перехода отъ легкаго къ трудному, печать во всей азбукѣ чрезвычайно четка и разборчива, кое-какія задачи для учащихся вполнѣ цѣлесообразны, книга переплетена въ прочный переплетъ, очевидно, во избѣжаніе возможности со стороны дѣтей скоро истрепать ее, и только предложенія и фразы для чтенія и письма, къ сожалѣнію, далеко не вездѣ отличаются выразительностью и большимъ смысломъ.

Что касается *Erstes Lesebuch*, то этотъ учебникъ не представляетъ изъ себя чего-нибудь настолько оригинальнаго, чтобъ о немъ стоило много распространяться. Правда, съ внѣшней стороны онъ не уступаетъ первому, но онъ и не заключаетъ въ себѣ никакихъ особенностей, которыя бы не встрѣчались въ другихъ учебникахъ того же рода.

Les aventures de Télémaque fils d'Ulysse par Fénelon. Первые пять книгъ снабдилъ біографіей Фенелона, примѣчаніями, словарями, подстрочнымъ и алфавитнымъ, и статьями для обратнаго перевода на французскій языкъ Ф. Крейсбергъ. Третье изданіе, исправленное и дополненное. Тифлисъ, 1894 г. Свое третье изданіе первыхъ пяти книгъ *Приключеній Телемака* для чтенія съ учениками гимназій III и IV классовъ г. Крейсбергъ переработалъ весьма удачно. Какъ грамматическія, такъ и „реальныя“ примѣчанія въ этомъ изданіи измѣнены къ лучшему, и число ихъ значительно увеличено; тексту предшествуетъ краткая біографія Фенелона; кромѣ того, приложенъ русскій пересказъ содержанія первыхъ трехъ книгъ для устнаго и письменнаго перевода на французскій языкъ. Подобный обратный переводъ является какъ нельзя болѣе умѣстнымъ для провѣрки того, насколько ученики усвоили обороты и слова французскаго текста, и можетъ послужить вѣрнымъ средствомъ для хорошаго изученія языка, а такъ какъ *Приключенія Телемака* занимательны для учениковъ III и IV классовъ, то книжка г. Крейсберга въ третьемъ изданіи вполнѣ соединяетъ въ себѣ полезное съ пріятнымъ.

Хронологія. Пособіе для учащихся при прохожденіи и повтореніи курса всеобщей и русской исторіи. Съ введеніемъ, примѣчаніями и приложеніемъ двухъ чертежей на отдѣльныхъ листахъ и краткаго историческаго словаря. Составилъ Л. М. Платѣвъ. Кишиневъ, 1894 г. Цѣна 80 коп., съ перес. 1 руб. Г. Платѣвъ находитъ, что одной изъ главныхъ причинъ, препятствующихъ учащимся вполнѣ усвоить себѣ предметъ исторіи, служатъ хронологія, которая, по его мнѣнію, составляетъ „камень преткновенія“ для учащихся, почему и предлагаетъ предварительное ознакомленіе учениковъ

въ общихъ чертахъ съ хронологіей, „какъ главною вспомогательною наукой исторіи“ (предисл.). Неизвѣстно, что собственно разумѣть г. Платѣвъ подъ словомъ *ознакомленіе*. Въ длинномъ введеніи, заключающемъ въ себѣ 30 слишкомъ страницъ, составитель много толкуетъ о необходимости хронологіи, о задачахъ и цѣли исторіи, о значеніи хронологіи въ исторіи и тому подобныхъ вещахъ. Но неужели же этими разсужденіями и должно, на его взглядъ, обусловливаться предварительное „ознакомленіе съ хронологіей, какъ съ наукой“? Правда, въ томъ же введеніи мы находимъ нѣкоторые небезполезныя свѣдѣнія, какъ, напримѣръ, объ эрѣ, о календарѣ; но не понимаемъ, къ чему понадобилось г. Платѣву перечислять тѣ эры, которыя ученику никогда не встрѣтятся при прохожденіи курса исторіи, равно какъ не понимаемъ и того, зачѣмъ нужно было ему съ такою кропотливостію рыться на страницахъ ученическаго пособия въ исторіи календаря.

Впрочемъ, такіе недостатки можно скорѣе отнести къ добросовѣстности г. Платѣва, — качества, въ которомъ ему дѣйствительно никоимъ образомъ нельзя отказать и которое составляетъ главное, если не единственное, достоинство его книги. Чѣмъ же другимъ, какъ не добросовѣстностью, руководствуется онъ, когда начинаетъ свою хронологическую таблицу съ 5508 года до Р. Х., т.-е. года сотворенія міра? Точно также, чѣмъ еще, какъ не добросовѣстностью, слѣдуетъ объяснить въ синхронистической таблицѣ, которая представляетъ изъ себя, по словамъ составителя, „краткій обзоръ выдающихся явленій и главнѣйшихъ фактовъ всемірной исторіи по вѣкамъ“, нижеслѣдующіе факты и явленія, строго приуроченные къ опредѣленному времени: LXVI вѣкъ—сотвореніе міра и человѣка, LXV вѣкъ—блаженная жизнь перваго человѣка въ раю, XXXIII вѣкъ—истребленіе нечестиваго рода человѣческаго посредствомъ всемірнаго потопа и т. д. (стр. 124 и слѣд.)?

Отдавъ, однако, должную дань г. Платѣву и отмѣтивъ такое почтенное его качество, какъ добросовѣстность, мы принуждены сознаться, что одного этого качества недостаточно, и что его *Хронологія* могла бы и не появляться въ свѣтъ. Всѣ учащіеся среднихъ учебныхъ заведеній обыкновенно составляютъ свои собственные хронологическія и даже чисто-синхронистическія таблицы, года и событія которыхъ запомнятся несравненно скорѣе хотя бы уже потому, что они записаны ими собственноручно.

Вертикальное письмо. Руководство-дневникъ для городскихъ, начальныхъ и сельскихъ учителей, составленное по дневнику преподавателя чистописанія городского начального училища. А. Прохорова. Москва, 1894 г. Цѣна 25 коп. Вопросъ о вертикальномъ письмѣ въ настоящее время представляетъ изъ себя своего рода злобу дня въ миниатюрѣ. О немъ говорятъ, пишутъ, отрицаютъ или, чаще, утверждаютъ его пользу, — словомъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и г. Прохорову, брошюра котораго лежитъ сейчасъ передъ нами, пришло въ голову заявить и свое мнѣніе на этотъ счетъ. Жаль только, что г. Прохоровъ опоздалъ. Его брошюра не заключаетъ въ себѣ ровно ничего такого, о чемъ бы не говорилось уже въ печати и, какъ на образчикъ литературы такого рода, мы можемъ указать хотя бы, напримѣръ, на брошюру г. Гогобашвили, которая появилась недавно и отзывъ о которой былъ данъ въ свое время въ нашемъ журналѣ. Г. Прохоровъ, какъ видно, между прочимъ, и изъ заглавія, кромѣ теоріи, намѣревался указать практическое примѣненіе метода прямого письма, но его руководство-дневникъ приводитъ читателя въ полное

недоумѣніе. Въ дневникѣ этомъ почти нѣтъ намековъ на вертикальное письмо, кромѣ указаній на позу ученика, пишущаго этимъ письмомъ. Всѣ приемы, рекомендуемые г. Прохоровымъ при обученіи письму, обыкновенно и давнымъ-давно практикуются въ школахъ, гдѣ учатъ писать косымъ шрифтомъ; если же въ разбираемой брошюрѣ и встрѣчаются кое-какія уклоненія отъ общихъ правилъ, то они слишкомъ незначительны и, во всякомъ случаѣ, г. Прохоровъ ничѣмъ не доказываетъ обязательность ихъ именно для прямого письма.

Въ заключеніе мы должны прибавить, что въ руководствѣ-дневникѣ г. Прохорова нѣтъ даже ни одного образца прямого шрифта. Правда, самъ г. Прохоровъ указываетъ на то, что, „желая удешевить изданіе своего руководства, онъ не могъ предложить иллюстрированныхъ образцовъ“ (стр. 15), но безъ такихъ образцовъ брошюра его не стоить и тѣхъ 25 копѣекъ, въ которыя онъ ее оцѣнилъ.

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Изданія М. Ледерле и К^о и Г. М. Пеккаторосъ.

Изданія М. Ледерле и К^о: Ричардъ Кобденъ. П. Г. Мижуева. Ц. 20 к. Авраамъ Линкольнъ. А. П. Валуевой-Мунтъ. Ц. 20 коп. Петръ Пахтусовъ. Н. Борисова. Ц. 30 к. Св. Елизавета Тюрингенская. Л. Черскаго. Ц. 10 к. „Моя библіотека“. Фритіофъ, илож. П. Борисова. Ц. 60 коп. Путешествіе. Ч. Дарвина, въ передѣлкѣ М. Лялиной. Ц. 80 к.—Изданія Г. М. Пеккаторосъ: „Общедоступная библіотека“. Серія I. Природа. № 1. Физическая географія. Ц. 25 к. № 2. Міръ животныхъ. Ц. 25 к. № 3. Явленія въ атмосферѣ. Ц. 25 к. Законы вселенной. Ц. 25 к. Мы уже имѣли случай указывать на то въ высшей степени замѣчательное явленіе, что классъ читателей изъ народа, не удовлетворяющихся уже листовками, а ищущихъ болѣе солидной и содержательной пищи, увеличивается въ настоящее время чрезвычайно быстро. Поразительна въ этомъ явленіи быстрота нарастанія читателя, — такого читателя, который въ гимназіяхъ и даже школахъ никогда не бывалъ, никакихъ „програмныхъ предметовъ“ не изучалъ, а только *думалъ*, — думалъ надъ тѣми самыми вопросами, которые такъ или иначе отражаются на его собственной спинѣ. Когда этого рода читатель воочию увидѣлъ и убѣдился, что книга — то не такъ ужь далека отъ жизни, — отъ *его* жизни, тогда онъ сразу понялъ, гдѣ онъ можетъ и долженъ искать отвѣтовъ на эти „проклятые вопросы“, свободно разгуливающіе по его спинѣ. И онъ принялся за поиски.

Изъ предъидущаго слѣдуетъ, что обозрѣватель изданій для народа, по мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ російское просвѣщеніе, необходимо долженъ обращать все больше и больше вниманія на литературу общую, не специально предназначенную для народа, но достойную вниманія этого послѣдняго. Изданія М. М. Ледерле и Г. М. Пеккатороса, о которыхъ мы намѣрены говорить, принадлежатъ именно къ этой категоріи книгъ.

Объ изданіяхъ г. Ледерле мы уже имѣли случай говорить неоднократно и обращали вниманіе нашихъ читателей на изящно изданныя и со вкусомъ выбираемыя книжки, входящія въ составъ обширной серіи *Моя библіотека*. Изъ числа этихъ книгъ укажемъ нижеслѣдующія, которыя, по нашимъ наблюденіямъ, читались съ интересомъ и съ поль-

зой читателями изъ фабричныхъ рабочихъ: *Деревенскіе разказы* Ауэрбаха (2 кн. по 40 коп.), *Гетцъ фонъ-Берлихингенъ* Гёте (40 коп.), *Парижъ въ Америкѣ* Лабуэ (1 р. *), *Айвенго* В. Скотта (80 к.), *Ганъ Исландеръ* В. Гюго (80 к.), *Избранныя новеллы* Д. Боккаччо (20 к.), *Векфильдскій священникъ* Гольдсмита (40 к.), *Спиноза* Ауэрбаха (80 к.), разказы Святополка Чеха (60 к.), *Эмилія Галотти* Лессинга (20 к.), притчи Круммахера (40 к.), разказы Фр. Коппе (60 к.), повѣсти и разказы Бьернсона (2 т., по 60 к.), стихотворенія Лонгфелло (40 к.), *Мои темницы* С. Пеллико (60 коп.). Передавать содержаніе всѣхъ этихъ книжекъ мы не будемъ, такъ какъ онѣ уже разобраны въ другомъ отдѣлѣ нашего журнала. Мы отмѣчаемъ лишь пригодность и желательность ихъ для той группы читателей, которую имѣемъ въ виду мы. Изъ другой серіи изданій г. Ледерле (*Разказы о хорошихъ людяхъ*), прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить біографію Ричарда Кобдена, весьма недурно составленную г. Мижуевымъ. Какъ извѣстно, имя Кобдена тѣснѣйшимъ образомъ связано съ отмѣной тягостныхъ для англійской народной массы „хлѣбныхъ законовъ“. Знаменитый общественный дѣятель стоялъ во главѣ движенія, направленного противъ этихъ законовъ. Г. Мижуевъ описалъ эту борьбу довольно обстоятельно, хотя и недостаточно ярко. Яркости изложенія мѣшаетъ неумѣнье автора излагать свои мысли и его страсть къ длиннымъ фразамъ и отвлеченнымъ выраженіямъ. Тѣмъ не менѣе, мы рекомендуемъ книжку г. Мижуева нашимъ читателямъ, какъ книжку хорошую и содержательную. Етъ еще одна сторона въ ней, заслуживающая полнаго вниманія и очевидная изъ нижеслѣдующихъ словъ Джона Морлей о Кобденѣ: „Невѣжественный и грубый патріотизмъ, — пишетъ Морлей, — радуется всякому доказательству военнаго могущества своей родины. Кобденъ старался развить въ своихъ соотечественникахъ болѣе благородный и болѣе разумный видъ патріотизма, — такого, который гордится добродѣтелью и просвѣщеніемъ своихъ соотечественниковъ, благоустройствомъ общественной жизни, благотворнымъ вліяніемъ ея на менѣе цивилизованные народы, живущіе въ предѣлахъ родного государства, высокою справедливостью всѣхъ дѣйствій родной страны при ея сношеніяхъ съ другими народами“. Такого рода патріотизмъ, очевидно, предполагающей опредѣленное отношеніе и къ темнымъ сторонамъ жизни своей родины, — явленіе весьма желательное въ народной книжкѣ **). Къ сожалѣнію, наши патентованные издатели патріотическихъ книжекъ для народа еще до такого патріотизма не дошли, такъ какъ до сего дня издають, главнымъ образомъ, книжки о патріотическихъ мордобитіяхъ на общезвѣстныхъ квасныхъ темы: „смерть врагамъ“, „мы-ста, да вы-ста“, да „шапками закидаемъ“. Очень недурна книжка г-жи Мунтъ-Валуевой *Авраамъ Линкольнъ*. Въ позапрошломъ году эта книжка была издана г-жей Калмыковой и мы отмѣтили ее, говоря объ изданіяхъ этой послѣдней фирмы. Небезполезна книжка г. Борисова, входящая въ ту же серію и содержащая біографію Петра Пахтусова и описаніе его двукратнаго путешествія на Новую Землю. Но цѣна книжки непомерно высока (30 к.). Что касается книжки г. Черскаго *Св. Елизавета Тюрименская*, то она хотя и не содержитъ въ себѣ той проповѣди терпѣнія, смиренія и непротивленія, чѣмъ отличается

*) Новое изданіе, сильно сокращенное сравнительно со старымъ.

***) Напомнимъ кстати читателю о другой недурной книжкѣ г. Мижуева, изданной тѣмъ же г. Ледерле: *Біографія Гладстона*, ц. 10 к.

изданіе *Посредника*, о которомъ мы недавно говорили, но все же оставляетъ желать многого. Г. Черскій захламосталъ свою книжку такою массою собственныхъ именъ, которыя, въ сущности, ровно ничего не говорятъ читателю, еще не знакомому съ исторіей, что въ этихъ именахъ трудно даже разобраться. Значеніе такой личности, какъ св. Елизавета, совершенно не выяснено и въ книжкѣ г. Черскаго, который оставляетъ совершенно въ сторонѣ вопросъ: „почему же Елизавета такъ много посвящала себя дѣламъ филантропіи и личной благотворительности и такъ мало сдѣлала для облегченія жизни своего народа?“ Если бы книжка давала отвѣтъ и на этотъ вопросъ, мы охотно бы рекомендовали и ее нашимъ читателямъ. Этотъ отвѣтъ даетъ г. Мижуревъ въ своей книжкѣ. На страницѣ 46 онъ говоритъ слѣдующую старую, но весьма важную истину, которая въ народной книжкѣ, быть можетъ, желательна еще больше, чѣмъ въ другой: „недостаточно быть *хорошимъ* человѣкомъ, чтобы дѣлать добро людямъ: прежде всего, надо имѣть много ума, чтобы разобрать, что полезно и что вредно для общества; иначе же при самыхъ *добрыхъ* намѣреніяхъ можно не только не сдѣлать *добра*, но даже причинить людямъ много *зла*“. Эту святую истину и не мѣшало бы г. Черскому разъяснить подробнѣе на примѣрѣ св. Елизаветы. Исторія ландграфини тюрингенской даетъ для этого достаточно матеріала. Изъ другихъ изданій г. Ледерле отмѣтимъ еще какъ болѣе или менѣе подходящее для народной библіотеки *Путешествіе Дарвина вокругъ свѣта* въ переводѣ г-жи Лялиной, иллюстрированное многими рисунками, заимствованными изъ книги Hirt'a: *Geographische Bildertafeln*. Къ сожалѣнію, къ книгѣ не приложено карты, которая весьма бы облегчила чтеніе книги. Но еще больше можно упрекнуть г-жу Лялину въ томъ, что она не познакомила читателя ни съ личностью Дарвина, ни съ тѣмъ значеніемъ, какое имѣло для этого послѣдняго путешествіе вокругъ свѣта. Обо всемъ этомъ г-жа Лялина не должна бы была молчать. Къ той же серіи изданій г. Ледерле, какъ и *Путешествіе Дарвина*, принадлежитъ книга г. Борисова *Фримиофъ*, представляющая изъ себя передѣлку извѣстной поэмы Исаи Тегнера *). Эта книжка можетъ быть тоже введена въ народную библіотеку, такъ какъ въ ней есть кое-что интересное и полезное и для этого круга читателей. Но то, что въ этой книжкѣ есть хорошаго, должно быть отнесено на счетъ И. Тегнера, но отнюдь не на счетъ г. Борисова, который, очевидно, не умѣетъ не только передѣлывать, но и просто писать. Его слогъ представляетъ не то стихи, не то рубленую прозу, напоминающую въ иныхъ мѣстахъ незабвеннаго Нестора Кукольника. Герои г. Борисова говорятъ не иначе, какъ высокими штилемъ, напримѣръ: „Теперь приспѣлъ мой часъ! Мой добрый мечъ, скорѣе выходи на свѣтъ!“ (стр. 36). Г. Борисовъ не прочь и выдумывать новыя слова: „убѣдитель“ (стр. 51), „стально-головый“ (стр. 26), „свѣтло-мудрый“ (стр. 95). Но рядомъ съ высокими штилемъ онъ заставляетъ говорить своихъ героевъ и чисто по-русски, напримѣръ: „ладно!“ (стр. 57). Мѣстами г. Борисовъ философствуетъ, напримѣръ: „нерѣдко, когда человѣкъ остается съ собою одинъ-на-одинъ, приходятъ ему въ голову разныя мысли (sic), и не всегда добрыя и благоразумныя“. Это изреченіе, достойное Кифы Мокиевича, особенно хорошо звучитъ рядомъ съ высокими шти-

*) Поэма эта существуетъ на русскомъ языкѣ въ двухъ переводахъ: Головинъ и Я. Грота.

лемъ. Въ общемъ, неумѣнье г. Борисова сильно испортило прекрасную поэму Тегнера, кстати сказать, уже существующую на русскомъ языкѣ въ удовлетворительной передѣлкѣ В. Авенаріуса (см. его книгу *Васильки и колосья*). Вообще, фирма Ледерле и К^о сдѣлала ошибку, включивъ „передѣлку“ г. Борисова въ число своихъ изданій, въ общемъ производящихъ столь пріятное впечатлѣніе.

Г. Пеккаторосъ (въ Одессѣ) предпринялъ весьма полезное изданіе *Общедоступной библіотеки*, въ которую должны войти небольшія книжечки in 32^о, каждая въ 160—200 страницекъ, съ рисунками, по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знанія. По мысли издателя, книжки эти должны быть доступны читателю съ образованіемъ ниже средняго. *Библіотека* распадается на нѣсколько серій (*Природа, Человѣкъ, Исторія религии, Исторія, Искусство* и пр.). Каждая книжечка представляетъ или переводъ, или компиляцію по 2—3 хорошимъ источникамъ. Правда, кое-гдѣ мы замѣтили въ этихъ компиляціяхъ нѣкоторые промахи, но, въ общемъ, онѣ сдѣланы довольно удачно и въ небольшомъ объемѣ даютъ много свѣдѣній. До сего времени вышло 4 книжки: *Физическая географія, Миръ животныхъ*, — общая зоологія, сост., главнымъ образомъ, по *Zoologie générale* Борегара, *Явленія въ атмосферѣ* (метеорологія, всѣ 3 составлены подъ редакціей г. Пеккатороса) и *Законы вселенной*, соч. Э. Амига. Достоинство этихъ изданій заключается въ томъ, что они стараются развернуть передъ читателемъ *обычную* картину тѣхъ или иныхъ явленій. Они не вдаются въ систематику, не заваливаютъ читателя фактами, они, прежде всего, расширяютъ его кругозоръ, поражаютъ грандіозностью описываемыхъ явленій, даютъ матеріалъ для критическаго мышленія. Изложеніе книжекъ настолько доступно, что читатели изъ фабричныхъ одолѣютъ ихъ безъ большого труда и съ большою пользой. Нельзя не пожелать предпріятію г. Пеккатороса полного успѣха. Объ его изданіяхъ намъ еще придется говорить подробнѣе.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Практическій путеводитель по Черному морю“. Г. Москвича.

Практическій путеводитель по Черному морю, съ приложеніемъ: карты Чернаго и Азовскаго морей и плановъ Одессы, Севастополя, Ялты и Батума. Григорія Москвича. Одесса, 1895 г. Цѣна 40 коп. *Путеводитель* г. Москвича вполне оправдываетъ свое названіе *Практическій*, — пускающійся въ путь по Черному морю найдетъ въ этой небольшой, карманной книжкѣ всѣ нужныя для путешественника указанія, короткія, обстоятельныя и дѣльныя. Жаль, что составитель въ двухъ случаяхъ нѣсколько отступилъ отъ своей хорошо намѣченной программы и увлекся восхваленіями Ново-Аеонскаго монастыря и Сухума. Будучи знакомы съ этими мѣстами, мы во многомъ не можемъ согласиться съ г. Москвичомъ. Относительно Псыртскаго монастыря, переименованнаго въ Новый Аеонъ со времени водворенія въ этой мѣстности аеонскихъ монаховъ, мы ограничимся замѣчаніемъ, что составитель ошибается, указывая на „малую извѣстность“ этой „юной обители“ и на недостаточность будто бы усердія жертвователей на огромныя сооруженія, предпринятая энергическимъ ей настоятелемъ, архимандритомъ о. Іерономъ. Ошибается г. Москвичъ, называя этотъ монастырь „крошечнымъ аеонскимъ гнѣздышкомъ“, —

было бы съ истиною болѣе сообразно назвать его „большимъ гнѣздомъ“, свитымъ пришедшими съ Аэона монахами, получившими обширныя и богатѣйшія угодья отъ нашего правительства и пользующимися огромными пожертвованіями отъ усердія русскаго народа и, кромѣ того, даровымъ трудомъ множества богомольцевъ. Самъ же составитель на стр. 147 говоритъ о „величіи“ Ново-Аэонскаго монастыря и его грандіозномъ хозяйствѣ, возможномъ только при множествѣ даровыхъ рабочихъ. Но такая ошибка въ *Путеводитель* не представляетъ настолько серьезной важности, какъ другой промахъ, состоящій въ утверженіи, будто „Сухумъ — самое подходящее мѣсто для климатической станціи, лучше котораго нѣтъ въ Россіи“, и что „при должномъ благоустройствѣ городокъ этотъ, несомнѣнно, далеко могъ бы оставить за собою Ялту“. Вслѣдъ за симъ г. Москвичъ говоритъ о „сухумскихъ лихорадкахъ“, умалчивая, впрочемъ, о томъ, какъ онѣ ужасны и нерѣдко убійственны. Что будетъ „при должномъ благоустройствѣ“, когда такое благоустройство явится и наступитъ ли когда-нибудь, этого никто не знаетъ, что „выдающіеся медики“ посылаютъ сюда больныхъ, это ничего не доказываетъ, кромѣ того развѣ, что иногда врачи сами не знаютъ, куда посылаютъ своихъ пациентовъ. Теперь же Сухумъ — гнѣздо лихорадокъ, весьма нездоровое, болотистое мѣсто, не имѣющее никакихъ удобствъ не только для больныхъ, но и для здоровыхъ людей. Средняя, сравнительно теплая, годовая температура весьма плохой указатель для опредѣленія пригодности мѣстности, какъ курорта. Составители путеводителей поступили бы лучше, еслибъ ограничивались указаніями, что въ настоящее время ни въ Сухумъ, ни въ Поты, ни въ Батумъ не слѣдуетъ ѣздить безъ особенной нужды и, тѣмъ болѣе, на продолжительное время людямъ, ищущимъ здороваго климата. А чтó наступитъ въ далекомъ будущемъ, „при должномъ благоустройствѣ“, о томъ и оповѣстить публику надлежитъ, когда все окажется благоустроеннымъ. Помимо этихъ замѣчаній, книжка г. Москвича очень полезное, болѣе того — необходимое изданіе для путешественниковъ по черноморскому побережью Россіи.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русское Богатство“, июль. — „Вѣстникъ Европы“, июль — июль. — „Русскій Вѣстникъ“, июль. — „Сѣверный Вѣстникъ“, июль.

Г. Горькій, авторъ очерка: *Челкашъ (Русское Богатство)*, писатель, если не ошибаемся, появившійся впервые въ нашей журналистикѣ, написалъ небольшой очеркъ выдающейся значительности. Для насъ въ особенности пріятно отмѣтить въ его очеркѣ ту черту, свойственную всѣмъ подлиннымъ талантамъ, что онъ для достиженія своихъ цѣлей, — дальше мы увидимъ, что авторъ писатель линейный и потому преслѣдуетъ опредѣленную цѣль, — употребляетъ простѣйшія средства, т.-е. идетъ прямымъ путемъ, путемъ наибольшаго сбереженія силъ и наименьшаго возбужденія читательскихъ нервовъ посредствомъ какихъ-либо искусственно придуманныхъ эффектовъ. Сюжетъ его очерка простъ и несложенъ, но содержательнъ. Это сопоставленіе двухъ типовъ: пропащаго человека, гаванскаго вора Челкаша, и современнаго радоваго мужика съ его крестьянскими стремленіями и идеалами, молодого парня Гаврилы. Сопоставленіе вышло ярко и внушительно. Прежде всего, замѣ-

чается, что идеалы вора Челкаша, пропащаго и шатушаго человѣка, въ сущности, тѣ же, что и у мужика Гаврилы, но... То же, да не то. У вора есть то, чего нѣтъ у мужика; есть высоко развитое чувство чести, личнаго достоинства и стремленіе къ независимости личности. Правдивое изображеніе заставляетъ васъ,—каковы бы ни были ваши воззрѣнія на этотъ предметъ,—признать, что Челкашъ есть прогрессивное явленіе по сравненію съ жалкимъ хозяйственнымъ мужикомъ или, вѣрнѣе сказать, парнемъ Гаврилой. У перваго идеалъ мужицкой независимости есть настоящій идеалъ со всѣми его отличительными признаками, у втораго же это только стремленіе брюха, могущее привести человѣка ко всякой мерзости. „Главное въ крестьянской жизни, братъ, это—свобода!—въ порывѣ поэтическаго и идеалистическаго воодушевленія разсуждаетъ воръ Челкашъ. — Хозяинъ ты есть самъ себѣ. У тебя твой домъ,—грошъ ему цѣна,—да онъ твой. У тебя земля своя,—всего-то ей горсть,— да она твоя. Король ты на своей землѣ. И потомъ порядокъ. Утромъ всталъ—работа, весной одна, лѣтомъ другая, осенью, зимой опять иная... Король, вѣдь? Такъ ли?“ И Гаврила заслушался Челкаша; онъ забылъ, что видитъ предъ собой вора, онъ видѣлъ крестьянина, „прилѣпленнаго на вѣки къ землѣ потомъ многихъ поколѣній, самовольно отлучившагося отъ нея и отъ заботъ о ней и понесшаго за эту отлучку должное наказаніе“. Но не долго продолжается такое моральное торжество землероба Гаврилы. Скоро, увя, слишкомъ скоро выступаетъ обратная сторона медали. И Челкашъ, и Гаврила увлеклись, вспоминая о крестьянскихъ правахъ и преимуществахъ, и запятовали объ обязанностяхъ. А эти обязанности скоро сказались въ самой омерзительной своей формѣ, въ формѣ необходимости добыть во что бы то ни стало денегъ и въ страстной къ этимъ деньгамъ жадности. Гаврила, случайно попавшій въ вору, разсуждаетъ такъ:

„— Самъ посуды, впервой я на такое дѣло! Вѣдь, можно было душу загубить на всю жизнь!

„— Ну, а еще разъ повѣхалъ бы? Ежели бы двѣ радужныхъ?

„— Два ста рублей, значить? Ничего... Это можно.

„— Стой! А какъ душу-то загубишь?

„— Да, вѣдь, можетъ... и не загубишь,—улыбнулся Гаврила.“

Вотъ, вѣдь, какая первобытность и въ мышленіи, и въ моральномъ чувствѣ у настоящаго, невыдуманнаго народника мужика. И слово скоро переходитъ въ дѣло: симпатичный землеробъ, преисполненный идеаловъ своего хозяйства, идеаловъ, въ сущности, брюха, мучается намѣреніемъ совершить преступленіе, а потомъ... Потомъ, какъ ползучій червь, какъ подлая собака, валяется въ ногахъ у Челкаша съ мольбой отдать ему деньги. „Вѣдь, въ одну ночь... только въ ночь,—молить онъ его.—А мнѣ года нужны... Вѣдь, ты ихъ на вѣтеръ, а я бы въ землю... Пропащій, вѣдь, ты!... Нѣтъ тебѣ путя... А я бы... охъ, дай ты ихъ мнѣ!“

„— На, собака, жри!—гаркнулъ Челкашъ, дрожа отъ возбужденія, острой жалости и ненависти къ этому жадному рабу.—Самъ я хотѣлъ тебѣ дать. Вспомнилъ деревню, а ты?... Эхъ, войлокъ! Нищій! Развѣ изъ вѣ денегъ можно такъ... истязать себя? Жадные черти! Себя не помять! За пятакъ себя-то продаете, а?“

Не очевидно ли для васъ, читатель, что Челкашъ—явленіе дѣйствительно прогрессивное по сравненію съ холуемъ денегъ, смиреннымъ лѣборобомъ-Гаврилой? Но не очевидно ли также и то, что для него,

этого гордаго въ сознаниі своего человѣческаго достоинства вора, нѣтъ уже возврата къ его мужицкому идеалу, и именно потому нѣтъ возврата, что тамъ жадные рабы, къ которымъ онъ можетъ чувствовать только острую жалость и ненависть? Челкашамъ придется искать другихъ, своихъ идеаловъ, помимо мужицкихъ. А пока... Ну, что-жъ дѣлать? Пока приходится быть „шатущими и пропащими“.

Повторяемъ, произведение г. Горькаго, несмотря на небольшой объемъ, — а, можетъ быть, именно благодаря небольшому объему, — значительное произведение. Анализъ душевныхъ состояній Челкаша и Гаврилы тонкій и глубокий; языкъ реаленъ и живъ, и, притомъ, красивъ; картины моря, ночного неба, огненного меча, опускающагося въ темныя морскія волны и поднимающагося изъ нихъ (свѣтъ электрическаго фонаря съ сторожевыхъ судовъ), превосходны; основная идея: борьба двухъ мировоззрѣній, образовавшихся на почвѣ общаго крестьянскаго мировоззрѣнія, общаго и вору, „шатущему и пропащему“ человѣку и хлѣборобу, и, однако, существенно различныхъ, изображена ярко и реально. Однимъ словомъ, все заставляетъ думать, что и слѣдующія произведенія автора будутъ столь же или даже болѣе значительными. И, однако, кто знаетъ? Ужъ очень быстро у насъ меркнуть вновь появившіяся звѣздочки. И, пожалуй, нѣкоторый, хотя самъ по себѣ незначительный, признакъ возможности такого исчезновенія яркости имѣется въ очеркѣ г. Горькаго. Мы говоримъ о введеніи къ очерку. Не то, чтобы это введеніе было плохо само по себѣ, — нѣтъ; но оно, во-первыхъ, лишнее, во-вторыхъ, тенденціозно, т.-е. торопится подчеркнуть то, что хочетъ сказать своимъ очеркомъ авторъ, какою идеей онъ руководится, и, наконецъ, въ-третьихъ, оно отзывается нѣкоторымъ общественнымъ пессимизмомъ, а нѣтъ червя болѣе губительнаго, который съ такимъ успѣхомъ подтачивалъ бы цвѣтущее дерево искусства, какъ общественный пессимизмъ... „Рваные, потные, ступившіе отъ усталости, шума и зноя люди и могучія машины, созданныя этими людьми, — машины, которыя, въ концѣ-концовъ, приводились въ движеніе, все-таки, не паромъ, а мускулами и кровью своихъ творцовъ, въ этомъ сопоставленіи была цѣлая поэма жестокой и холодной ироніи, — говоритъ авторъ, описывая гавань. — Все кругомъ казалось напряженнымъ, назрѣвшимъ, готовымъ разразиться какою-то грандіозною катастрофой, взрывомъ, за которымъ въ освѣженномъ имъ воздухѣ будетъ дышаться свободно и легко. Но это только казалось. Это казалось потому, что человѣкъ еще не усталъ надѣяться на лучшее и желаніе чувствовать себя свободнымъ не умерло въ немъ“... Мы, можетъ быть, и ошибаемся, но намъ слышится въ этихъ словахъ какъ будто вопль отчаянія человѣка конца вѣка. Какъ будто самъ-то авторъ усталъ, какъ будто онъ уже не вѣрить, не надѣется. Какъ будто онъ полагаетъ, что „желаніе чувствовать себя свободнымъ“ — пустяки, суета суетъ, ибо, въ концѣ-концовъ, и оно умираетъ въ человѣкѣ. Если это такъ, то это дурной признакъ для будущаго творчества автора. Истинный художникъ всегда религиозенъ, т.-е. онъ всегда вѣритъ, надѣется и любитъ, хотя бы и ненавидя.

Мы упомянули о „прямомъ пути“ искусства, объ употребленіи простѣйшихъ средствъ для достиженія художественныхъ цѣлей, объ экономіи въ эмоціональныхъ силахъ самого художника, такъ и его читателя. Этотъ законъ простоты средствъ и экономіи силъ искусно примененъ въ повѣсти г. Сѣрошевскаго (Сирко): *На краю тѣсогъ*. Читатель, въ

роятно, замѣтили, что въ нашихъ литературныхъ обзорѣняхъ мы всегда избѣгали говорить о произведеніяхъ иностранныхъ писателей. Теперь мы дѣлаемъ исключеніе, хотя это исключеніе только кажущееся. Г. Сѣрошевскій — писатель почти настолько же русскій, насколько и польскій. Онъ одинаково хорошо владѣетъ обоими родственными языками. Повѣсть *На краю льсовъ* переведена самимъ авторомъ, и мы смѣло можемъ причислить ее къ нашей родной беллетристикѣ, несмотря на то, что первоначально она была написана на польскомъ языкѣ. Дѣло въ томъ еще, что г. Сѣрошевскій по манерѣ своего письма одинаково далекъ и отъ старой романтически-сантиментальной школы прежнихъ польскихъ беллетристовъ, націоналистовъ и народниковъ (школы, имѣющей и теперь талантливыхъ представителей въ польской литературѣ), и отъ современнаго психологическаго романа, гораздо болѣе международнаго, чѣмъ національно-польскаго. Г. Сѣрошевскій очень близокъ къ школѣ нашихъ реалистовъ-художниковъ.

Не помнимъ, гдѣ-то мы читали такое объясненіе появленія разныхъ символистовъ, декадентовъ и пр. въ современной французской литературѣ: что, молъ, поле изслѣдованія, подлежащее разработкѣ посредствомъ художественной литературы, эксплуатировано все безъ остатка, что ничего новаго въ немъ не найдешь, ибо при установившемся расчлененіи европейскаго общества художественныя ситуаціи всегда одинаковы и однообразны, и потому, молъ, художники и мечутся въ поискахъ новаго, еще неизвѣданнаго, и находятъ это новое или въ разныхъ чудачествахъ, или въ новыхъ методахъ изображенія. По нашему мнѣнію, трудно придумать что-нибудь болѣе ложное и болѣе роковое для судебъ искусства, какъ такое утвержденіе. Какъ? Поле изслѣдованія художественной литературы, человѣческая душа, эксплуатировано безъ остатка? Да знаете ли вы, что человѣческая душа безпредѣльна и безгранична, какъ міръ, и какъ по отношенію къ міру та эпоха, когда онъ будетъ изслѣдованъ и эксплуатированъ безъ остатка, настанетъ, можетъ быть, черезъ милліоны лѣтъ, такъ и всѣ изгибы человѣческой души будутъ изслѣдованы тоже черезъ милліоны лѣтъ? Повѣрьте, не только на нашъ вѣкъ, но и на вѣкъ отдаленныхъ нашихъ потомковъ хватить. А ситуаціи? Будто онъ ужь такъ однообразны? Вѣчны, конечно, типы и ситуаціи Шекспира или Сервантеса, и даже не ими самими они, какъ вѣчные, и созданы. Но форма ситуацій и типовъ, это—текущая вода Гераклита. Нельзя два раза погрузиться въ одну и ту же рѣку, ибо она каждый разъ разная. Появленіе крупныхъ художественныхъ произведеній каждый разъ доказываетъ вѣрность этихъ взглядовъ. Кажется, все извѣстно, все изслѣдовано. Но появляется настоящій художникъ и открываетъ намъ нѣчто новое въ томъ, что намъ казалось старымъ-престарымъ, извѣстнымъ-переизвѣстнымъ.

Всѣ эти соображенія вызваны произведеніями г. Горькаго и г. Сѣрошевскаго. Это не значитъ, конечно, что мы признаемъ оба эти произведенія крупными художественными произведеніями. Мы просто говоримъ, что оба автора употребляютъ настоящіе художественные методы, что они умѣютъ найти новыя ситуаціи тамъ, гдѣ другіе ищутъ и ничего не находятъ, что они умѣютъ примѣнить законъ экономіи силъ и простѣйшими средствами достигаютъ крупныхъ результатовъ. Прочтите, въ самомъ дѣлѣ, повѣсть г. Сѣрошевскаго. Какъ все просто и истинно-человѣчно въ довольно необычной описываемой имъ средѣ дикарей! Въ томъ и дѣло, что эти дикари (сюжетъ повѣсти взять

изъ жизни якутовъ) такіе же люди, какъ и мы съ вами, только находящіеся въ иномъ положеніи; ситуація иная, своеобразная, повидимому, намъ вполне незнакомая, и, однако, родственная разнымъ ситуаціямъ, въ которыхъ и мы иногда пребываемъ въ теченіе нашей жизни, въ нашемъ обществѣ. Г. Сѣрошевскій далеко вышелъ за предѣлы простого этнографическаго изображенія массъ и среды, — предѣлы, въ которыхъ остается большинство нашихъ беллетристовъ, этнографовъ и народниковъ. Онъ достигаетъ умѣнья индивидуализировать. Въ послѣдніе годы Сибири и въ особенности Якутской области посчастливилось въ нашей литературѣ вообще и въ беллетристикѣ въ особенности. Очерки и рассказы изъ жизни населенія этихъ странъ появляются массами. И, однако, до сихъ поръ авторы всѣхъ почти этихъ рассказовъ, съ одной стороны, не выходятъ изъ предѣловъ этнографіи, а съ другой (не говоря уже о многихъ русскихъ авторахъ, укажемъ на сверстника г. Сѣрошевскаго въ польской литературѣ, на г. Шиманскаго) изъ предѣловъ романтически-сентиментальной школы, занимающейся гораздо больше настроеніями субъективными, т.-е. настроеніями самого описывающаго (у Шиманскаго, наприм., настроеніемъ ссыльныхъ въ Сибирь), чѣмъ настроеніемъ и типами описываемой среды. Г. Сѣрошевскій, наоборотъ, обладаетъ искусствомъ объективированія, перевоплощенія, какъ говорилось въ старыхъ эстетикахъ, т.-е. онъ описываетъ дѣйствительно людей изученной имъ среды. Мѣсто вѣшняго наблюденія у него замѣняетъ художественное проникновеніе. Г. Сѣрошевскій не сразу, конечно, достигъ такой объективности творчества. Первые его рассказы изъ якутской жизни, очень талантливые, страдают, однако, нѣкоторымъ сентиментализмомъ и бессознательною, вѣроятно, погоней за эффектами (наприм., его повѣсть *Хайлакъ*). Той высокой простоты, которою отличается его повѣсть *На краю твоемъ*, у него еще не было, не было и яркой индивидуализаціи типовъ, хотя уже и въ *Хайлакѣ* онъ проявилъ выдающіяся творческія способности (типъ преслѣдуемой поселенцемъ якутки). Въ новой повѣсти эти способности достигаютъ значительнаго развитія; авторъ даетъ общечеловѣческіе и потому какъ бы знакомые намъ типы въ своеобразной, оригинальной и совершенно незнакомой намъ средѣ. Напримѣръ, старый тунгусъ, разорившійся и вспоминающій о пирахъ, которые онъ задавалъ своимъ гостямъ... Вы читаете и вамъ вспоминается что-то знакомое. Ба, да это вышъ знакомый, бывший предводитель дворянства, у котораго отъ прежняго великолѣпія остались только двѣ борзые собаки и который любить вспоминать о былыхъ пирахъ. Веселый, жизнерадостный якутъ Джянга, пѣсенникъ и сказочникъ, любитель и любимецъ дѣвушекъ и страстный игрокъ, — да это вышъ знакомый, симпатичный и безупутный офицеръ. Молодой писарь (суруксутъ) Уйбанчикъ, скромный, застѣчивый, деликатный и къ чему - то лучшему, къ какимъ - то идеаламъ справедливости и братства тяготящій якутъ, — да это семинаристъ Крестовоздвиженскій, впервые озаренный лучомъ просвѣщенія и готовый принести всю свою юную душу на служеніе людямъ. И, однако, какъ онѣ оригинальны, всѣ эти фигуры, какъ онѣ своеобразны, несмотря на свою общечеловѣчность, какъ онѣ чужды вамъ, несмотря на то, что вы ихъ знаете!

Въ тѣхъ случаяхъ, когда у беллетриста не хватаетъ настоящей творческой силы, умѣнья достигать величайшихъ эффектовъ при наименьшей тратѣ силы, онъ обыкновенно прибѣгаетъ къ очень простому, но ложному методу: употребленію лишнихъ, ненужныхъ и часто не явля-

шихъ никакой внутренней связи съ содержаніемъ его произведенія эффектовъ. Дѣлается ли это сознательно, или бессознательно, это все равно, — результатъ получается одинаковый: чувствуется фальшь... Г. Гаринъ, какъ намъ кажется, дѣйствовалъ сознательно, вводя въ свою чрезмѣрно затянувшуюся и чрезмѣрно скучную и безсодержательную семейную хронику *Студенты* совершенно лишній эффектъ трагической смерти нѣкоей дѣвицы Шурки. Никакого внутренняго отношенія къ содержанію *Студентовъ* этотъ эпизодъ не имѣетъ. А эпизодъ эффектный; почему бы его и не вставить, не оживить имъ произведеніе, которое, вѣроятно, и самому автору кажется изрядно скучнымъ и безсодержательнымъ? Такъ, намъ думается, размышляя авторъ, вводя этотъ эпизодъ, и, конечно, не достигъ цѣли, а, напротивъ, возбудилъ въ читателѣ досадливое чувство. Въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ до Шурки, до этой легкомысленной дѣвицы, забавлявшейся съ животнымъ Ларіо, а потомъ за его отсутствіемъ перешедшей въ руки героя трилогіи Карташева, которому она говоритъ: „Ну, кто же, Темка, тебя уважаетъ?“ Можетъ быть, эта Шурка и пужна была для изображенія Ларіо, а теперь-то она мнѣ зачѣмъ? Я хочу читать о *Студентахъ*, а не о Шуркѣ,—такъ скажетъ читатель, и онъ будетъ совершенно правъ. Шурка лишняя, Шурка не нужна. Очень возможно, что въ ея душѣ произошелъ именно такой процессъ нѣкотораго просвѣтленія подѣ влияніемъ настоящей любви; очень можетъ быть, что ее дѣйствительно при слуханіи музыки Холмскаго, который „вкуснѣе“ Карташева, какой-то чернѣйшій ангелъ уноситъ куда-то; можетъ быть даже и то, что въ честь ея паровозъ „подпрыгивалъ какими-то скачками“, когда она, гордая своею любовью и своимъ подчиненіемъ своему „черному ангелу“, стояла на площадкѣ и горѣла отъ попавшей въ складки ея легкаго платья искры,—все это, можетъ быть, такъ и было и все это, навѣрное, очень эффектно, но... зачѣмъ это для *Студентовъ* и ихъ характеристики? Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, валить все въ кучу и предоставлять въ этой кучѣ разбираться самому читателю. Вѣдь, это ужъ не беллетристика будетъ, а просто буреломъ.

Возможно, однако, что у г. Гарина умыселъ иной тутъ былъ, и умыселъ, во всякомъ случаѣ, не художественный. Ему просто по сему неудобному случаю захотѣлось метнуть громами въ наше культурное общество. Дѣло въ томъ, что когда горѣла несчастная Шурка, обществомъ, ѣдущимъ въ вагонѣ, овладѣла паника... Но предоставимъ слово самому автору: „Здѣсь ѣхали всѣ тѣ, которые, можетъ быть, никогда не приучали себя думать ни о комъ другомъ, кромѣ какъ о себѣ или о своихъ кровныхъ. Эгоизмъ, только одинъ ужасный эгоизмъ нашихъ дней, способенъ былъ соединить ихъ въ одно стойкое стадо, и теперь всѣ они усердно нажимали на дверь и только и думали о томъ, а дамы въ вагонѣ громко молили все о томъ же, чтобы Господь послалъ имъ устоять противъ усилій слабой, горѣвшей дѣвушки...“ Эффектно, грозно, внушительно,—и немного непонятно! Причемъ тутъ, при паникѣ-то, эгоизмъ нашихъ дней? Среди неэгоистовъ бываетъ паника или нѣтъ? Паника бываетъ только *въ наши дни* и среди культурныхъ людей, или она бывала и не въ наши дни и среди людей некультурныхъ? Позвольте рассказать случай, свидѣтелемъ котораго мы были. На лугу, во время покоса, загорѣлось отъ костра платье тоже на Шуркѣ. Кто знаетъ, можетъ быть, и эта Шурка тоже уносила на крыльяхъ чернаго ангела? Тутъ были тоже *отцы семейства, друзья дома* и т. д., но не было ни военныхъ, ни штатскихъ, а были только

одни мужики и бабы, — и, притомъ, давно это было, а не въ наши дни, и эти мужики и бабы не были эгоистами *нашихъ дней*, — напротивъ, хорошіе деревенскіе мужики и бабы. Однако, и ихъ охватила паника и никто не подумалъ спасти бѣгавшую въ видѣ горящаго факела по луку дѣвушку, хотя дѣло было легче и проще. Просто надо было столкнуть ее или бросить въ протекавшую рядомъ маленькую рѣчку. Всякій мужикъ, всякая баба догадались бы сдѣлать это, если бы не эта охватившая ихъ паника. А тутъ всякая баба молилась, чтобы Господь послалъ ей силы избѣжать бѣгающаго по луку горящаго факела. Такъ и сгорѣла бѣдная. Паника, какъ массовое чувство, — дѣло страшное и могучее. Но не припомнить ли г. Гаринъ, что существуютъ и другія массовыя чувства, тоже могучія и великія, но не страшныя, и что они, эти массовыя чувства, толкали этихъ же самыхъ „военныхъ и штатскихъ“, этихъ эгоистовъ нашихъ дней, во время голода и холеры, наприм., совершать тысячи подвиговъ самоотверженія?

Вообще наше интеллигентное и культурное общество — это тотъ самый бѣдный Макаръ, на котораго всѣ шишки валятся. Только одинъ дѣшневый его не обижаютъ. У бѣднаго Макара, конечно, много, очень много грѣховъ, и метать въ него громы бываетъ и справедливо, и не бесполезно, но когда на него начинаютъ валиться даже и тѣ шишки, въ произращеніи которыхъ онъ совершенно неповиненъ, то наше естественное чувство справедливости возмущается. Вотъ, наприм., недавно фельетонистъ *Новаго Времени* призналъ виновными въ томъ, что у насъ не устраивается „бродячаго университета“, „профессорскихъ гастролей“, никого иного; какъ нашихъ молодыхъ ученыхъ, которыхъ перестала привлекать общественная дѣятельность и т. д., которые, однимъ словомъ, превратились будто бы въ *эгоистовъ нашихъ дней*... „Обобщеніе, дѣлаемое фельетонистомъ, до крайности несправедливо, — совершенно резонно замѣчаетъ хроникеръ *Вѣстн. Европы* (іюль). — Неужели ему не извѣстны хотя бы такіе факты, какъ публичныя чтенія, устроенныя прошлою зимою въ Нижнемъ - Новгородѣ? Еслибъ онъ о нихъ слышалъ, онъ должея бы знать, что главная причина, мѣшающая осуществленію бродячаго университета, заключается отнюдь не въ индифферентизмъ нашихъ ученыхъ, молодыхъ и старыхъ“. Почтенный хроникеръ дѣлаетъ маленькую наивность, допуская, что фельетонистъ не слышалъ. Навѣрное, онъ слышалъ и о публичныхъ лекціяхъ, и о г-жѣ Штевенъ, наприм. (которая тоже, вѣроятно, окажется виновной въ индифферентизмѣ или въ чемъ-нибудь подобномъ), и о многомъ другомъ, но... бѣдный Макаръ подъ рукой, — это такой удобный объектъ для метанія въ него шишками. Какъ же тутъ воздержаться? И летать эти шишки, въ произращеніи которыхъ общество неповинно, въ его побѣдную головушку. А бѣдный Макаръ знай себя помалкиваетъ, да отдувается и не смѣетъ крикнуть всѣмъ этимъ громовержцамъ: о, лицемеры и фарисеи! Вѣдь, вы же сами все знаете, знаете, что не я ростилъ эти шишки, — зачѣмъ же вы бьете ими мою неповинную, и безъ того черезъ-чуръ забитую голову?

Г. Боборыкина можно упрекать въ чемъ угодно, но его нельзя упрекнуть въ пессимистическомъ отношеніи къ культурному обществу. Онъ твердо вѣритъ въ него и въ его будущее. И, право, за одну эту вѣру почтенному беллетристу простятся многія изъ его беллетристическихъ и эстетическихъ прегрѣшеній. Въ наши дни нѣтъ ничего столь настоятельно-нужнаго, какъ именно поддержаніе этой вѣры въ общество и въ его силы... Какъ бы плохи ни были иногда беллетристиче-

скія произведенія г. Боборыкина (а законченный въ июньской книгѣ *Вѣстника Европы* романъ его: *Ходокъ*—одно изъ самыхъ плохихъ его произведеній), авторъ всегда кончаетъ ихъ громкими, яркими и бодрыми аккордами... Правда, часто выходитъ несоотвѣтствіе, ужъ черезъ-чуръ большое, даже доходящее до комическаго, между самымъ ходомъ романа и его героями, съ одной стороны, и заключительными аккордами автора—съ другой... Но Богъ съ нимъ, съ этимъ несоотвѣтствіемъ! Эстетическое чувство читателя не удовлетворяется, иногда даже возмущено, но моральное его чувство торжествуетъ, а съ общественной точки зрѣнія это бесспорно важнѣе. Никто, конечно, не повѣритъ г. Боборыкину, будто его пошловатые герои, всѣ эти Лыжины, Кострицины и Таманцевы, всѣ эти жалкіе *однолюбы*, у которыхъ, въ сущности говоря, имѣется только одно подлинное, задушевное стремленіе,—стремленіе къ „бездѣлицѣ“,—и которые при этомъ настолько безсильны, что даже и въ этомъ стремленіи оказываются плоховаты, что всѣ его героини, разныя тамъ жрицы любви Иды, полудѣвы Кать и проч. и проч.,—никто не повѣритъ, чтобы всѣ они были настоящими представителями культурнаго общества, чтобы такіе нравственные уроды были даже особенно частымъ явленіемъ, характернымъ для нашего „эгоистическаго“ времени. Но за то почтенному беллетристу нельзя не повѣритъ, когда онъ констатируетъ тотъ крупный фактъ нашей общественной жизни, что при извѣстныхъ условіяхъ, при извѣстной комбинаціи обстоятельствъ, въ нашемъ культурномъ обществѣ всегда готова подниматься громадная волна возвышеннаго общественнаго настроенія и что эта волна захватываетъ и ведетъ въ „станъ погибающихъ за великое дѣло любви“ даже такихъ пошляковъ, какъ Таманцевы. Ему повѣрятъ, когда онъ рассказываетъ, какъ докторъ Домашневъ и другіе разночинцы, только что вырвавшіеся изъ рукъ обезумѣвшей толпы, несчастной и голодной, съ сердцемъ, полнымъ негодованія, злобы и любви къ этой толпѣ, снова спѣшатъ ей на помощь, когда эта помощь нужна. Ему повѣрятъ, когда онъ говоритъ, что культурному человѣку убѣждать отъ этой толпы некуда и нельзя.

А въ этомъ и все дѣло, что убѣждать некуда и нельзя, и это „некуда и нельзя“ владетъ особый отпечатокъ на основную мысль романа г. Боборыкина, выраженную имъ въ словахъ Таманцева: „Народъ мы не поднимаемъ, пока люди высшей культуры не станутъ создавать себѣ *своей* жизни, конечно, на общее благо, но своей, съ своими интересами и цѣлями, а не съ однимъ полумистическимъ культомъ мужика“. Г. Боборыкинъ, или его герой Таманцевъ, можетъ быть, ломится въ открытую дверь, говоря о полумистическомъ культѣ мужика (кто, въ самомъ дѣлѣ, теперь имѣетъ такой культъ?); можетъ быть, онъ не вполне ясно высказываетъ свою мысль, а, можетъ быть, и не вполне додумываетъ ее до конца. Но сама-то мысль по существу вѣрная и плодотворная. Да, надо создать *свою* жизнь, съ своими интересами и цѣлями, хотя и некуда уйти. И въ этомъ наше счастье, что уйти некуда, потому что это гарантируетъ намъ полное, т.-е. болѣе или менѣе полное, совпаденіе нашей жизни и нашихъ интересовъ съ жизнью и интересами массы. Создавая свою жизнь, мы не можемъ создать ничего, не создавая одновременно и для этихъ массъ. Тутъ въ измѣненной формѣ тотъ же историческій процессъ, въ силу котораго французская буржуазія конца прошлаго вѣка могла требовать своей жизни только при условіи требованія жизни и для народной массы. Мы говоримъ: „въ измѣненной формѣ“ потому, что въ силу особаго эконо-

мически-соціального строя нашего общества и народа требованія нашего культурнаго общества не только юридическія, а и экономическія... въ данномъ случаѣ правовые и экономическіе интересы культурнаго общества и народныхъ массъ не находятся въ противорѣчій, какъ бывало въ другихъ странахъ. Да, много эстетическихъ прегрѣшеній простится г. Боборыкину за то, что онъ въ своихъ произведеніяхъ защищаетъ эту плодотворную мысль о „своей жизни“.

Въ *Современной хроникѣ Русскаго Богатства* мы встрѣчаемъ такую, довольно любопытную, оцѣнку государственной и ученой дѣятельности покойнаго Бунге: „Бунге, сходя съ исторической сцены, вмѣстѣ съ собой окончательно (?) сводитъ съ этой сцены все поколѣніе финансистовъ, многія десятилѣтія руководившее экономическою жизнью Россіи въ одинъ изъ критическихъ періодовъ ея исторіи...“ Далѣе хроникеръ называетъ Бунге теоретикомъ и доктринеромъ, признавая, однако, что онъ имѣлъ мужество признать ошибки той доктрины, которую *защищалъ съ кафедръ*. Упомянутое „поколѣніе финансистовъ,—продолжаетъ хроникеръ,—вышло изъ ученыхъ кабинетовъ въ то время, когда переложеніе классической политической экономіи Ж.-Б. Сэемъ на уличные мотивы, на потребу толпы предпринимателей и грюндеровъ считалось серьезною наукой; эта яко бы „наука“, спеціально служившая всяческимъ аппетитамъ називы и эксплуатаціи, *наивно* принималась нашими экономистами-финансистами за подлинное знаніе. Всѣ эти банковые крахи, вся эта концессионная горячка, все это невниманіе къ народной нуждѣ и къ земледѣлю, пренебреженіе интересами большинства, широкое отчужденіе государственнаго достоянія, вся эта поистинѣ печальная экономическая политика была дѣломъ этого нынѣ сошедшаго со сцены (?) поколѣнія финансистовъ. Вся экономическая неурядица нашего времени коренится въ политикѣ того времени, славнаго на многихъ поприщахъ, но не на поприщѣ экономіи и финансовъ“. Далѣе хроникеръ воздастъ покойному государственному челоуѣку должную хвалу за сознаніе сдѣланныхъ ошибокъ.

Нарисованная хроникеромъ общая картина нашей экономической политики, какъ видите, совершенно вѣрна и поучительна; но въ нее вкралась одна очень важная ошибка и, притомъ, именно по отношенію къ Бунге. Дѣло въ томъ, что именно Бунге всего менѣе былъ „доктринеромъ“ и чистымъ теоретикомъ (любопытно, что тотъ же упрекъ въ доктринерствѣ и въ приверженности къ теоріи покойному дѣлаютъ и *Московскія Вѣдомости*). *Русскій Вѣстникъ*, защищая память покойнаго, справедливо замѣчаетъ, что „такая приверженность къ теоріямъ много выше тупого самоубіенія или увѣренности въ собственной непогрѣшимости, обыкновенно прибѣгающей къ помощи quasi-научныхъ парадоксовъ“. Съ другой стороны, хроникеръ *Вѣстника Европы* (іюль), возражая *Московскимъ Вѣдомостямъ*, замѣчаетъ, что „изъ того, что Бунге никогда (къ счастью) не былъ дѣльцомъ, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобъ онъ не былъ практическимъ дѣятелемъ“... Но сущность дѣла не въ этихъ замѣчаніяхъ. По поводу упрека Бунге въ доктринерствѣ извѣстнаго рода, въ сѣзисѣ, что ли, который, будто бы, онъ „защищалъ съ кафедръ“, заимствуемъ изъ некролога *Вѣстн. Европы* справку объ его статьѣ *Монополія желѣзно-дорожнаго царства*, написанной двадцать лѣтъ тому назадъ, по поводу извѣстной книги г. Чупрва (значитъ, тогда, когда Бунге былъ еще на кафедрѣ и не былъ государственнымъ челоуѣкомъ). Уже тогда Бунге былъ убѣжденнымъ защитникомъ мысли о необходимости выкупа государствомъ желѣзныѣ

дорогъ (причемъ же тутъ приверженность къ доктринамъ Сэя?). Но онъ и тогда не скрывалъ отъ себя и отъ публики всѣхъ затрудненій этого выкупа. „Утвердительный отвѣтъ на всѣ эти вопросы (объ удобствахъ выкупа),— писалъ онъ,— можно дать только въ такой странѣ, гдѣ въ бюрократіи существуетъ строгая дисциплина и сознание долга, а еще болѣе, гдѣ существуетъ контроль общественный, не ограничивающійся одною только обличительною литературой, подчиненною административнымъ карамъ“. Резюмируя свои разногласія съ г. Чупровымъ, Бунге писалъ: „Наши разногласія сводятся къ вопросу: составляютъ ли ученія о цѣнности, завершеныя изслѣдованіями Маркса (это ли *каменное* признаніе ученій Сэя за настоящую науку?), аксіомы или же воззрѣнія, въ значительной степени пережитыя наукой? Рецензентъ (Бунге) склоняется въ пользу второго взгляда... Открытіе законовъ хозяйственныхъ явленій составляетъ достойное будущаго; въ настоящемъ самыя главныя и драгоцѣнныя пріобрѣтенія человѣческаго ума, это—знанія, данныя намъ опытомъ“. Развѣ теоретики и доктринеры такъ рассуждаютъ? Можно, конечно, не соглашаться съ Бунге, но ужъ въ доктринерствѣ-то его упрекнуть трудно... И, однако, Бунге былъ „доктринеромъ“, если хотите, потому что признавалъ извѣстныя аксіомы. Какія же именно? Заимствуемъ изъ *Русскаго Вѣстника* одну выписку изъ его *Очерковъ*: „Я далекъ отъ мысли,—писалъ онъ,—что все познаваемое нами условно, имѣя значеніе лишь для извѣстной эпохи и при извѣстныхъ обстоятельствахъ; въ каждой наукѣ есть неизбѣжная истины. Такъ, указавія нравственнаго достоинства человѣка, его личности, понятіе о долгѣ и связанной съ нимъ отвѣтственности принадлежатъ къ числу тѣхъ аксіомъ, которыя облегчаютъ намъ вѣрнее пониманіе явленій общественной жизни“... Вотъ въ чемъ заключалось „доктринерство“ Бунге.

Заниматься ошибкой хроникера *Русскаго Бюлетеня*, можетъ быть, и не стоило бы, но... дѣло-то въ томъ, что о государственныхъ людяхъ мы очень рѣдко, только въ тѣхъ случаяхъ, когда они были вмѣстѣ съ тѣмъ и писателями, можемъ составлять болѣе или менѣе вѣрное сужденіе. И когда можемъ, тогда и должны составлять такое сужденіе. Мы вполнѣ согласны съ хроникеромъ, что та эпоха не была славной на поприщѣ экономическомъ и финансовомъ; мы даже выразили бы эту мысль посильнѣе, но... зачѣмъ же все валить въ одну кучу, предоставляя потомству разбираться въ этихъ наваленныхъ нами кучахъ? Право, ужъ и безъ того въ нашемъ обществѣ такъ много путаницы въ мысляхъ, что увеличивать эту путаницу, пожалуй, и лишнее.

Хроникеръ *Вѣстника Европы* (іюнь), обсуждая проектъ новаго продовольственнаго устава, мелькомъ вспоминаетъ о необходимости созданія постоянно существующей, самоуправляющейся земской единицы (всесловной волости или всесловнаго прихода). Вопросъ этотъ чрезвычайной важности и, къ сожалѣнію, недостаточно разработанъ и публицистикою, и земствомъ (конечно, мы тутъ говоримъ о старомъ земствѣ). Въ качествѣ журнальнаго обозрѣвателя мы должны ограничиться только этимъ напоминаніемъ, показывающимъ, что идея о необходимости созданія такой единицы не умерла въ сознаніи лучшихъ людей общества. И въ самомъ дѣлѣ, если дѣятельность стараго земства, такъ много потрудившагося на пользу народную во всѣхъ почти сферахъ народной жизни, была не всегда удовлетворительна въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сферъ, то самая существенная и основная причина этого состояла въ отсутствіи именно мелкой земской единицы,

какъ естественной *народной* основы земскихъ учреждений. Скажемъ больше: если старыя земскія учреждения оказались не вполне прочными и устойчивыми, если они не сдѣлались такими же чисто-народными институтами, какимъ былъ и остается, наприм., судъ присяжныхъ, то это именно въ силу отсутствия мелкой земской единицы, непосредственно связующей земскія учреждения, уѣздныя и губернскія, съ жизнью всего населенія, цензоваго и нецензоваго.

Созданіе такой мелкой земской единицы необходимо не для одного только упроченія земскихъ учреждений и гарантіи ихъ отъ всякихъ посползновеній къ ихъ полному упраздненію; оно необходимо для всѣхъ отправленій мѣстной жизни, для всѣхъ цѣлей мѣстнаго управления и суда. Только ихъ существованіе дало бы возможность, наприм., создать тотъ „близкій къ населенію“ судъ, о которомъ говорилъ въ своей извѣстной рѣчи г. министръ юстиціи. Такой близкій къ народу судъ можетъ быть приуроченъ только къ мѣстной земской единицѣ. Мы вполне убѣждены, что рѣшеніе этого настоятельнаго вопроса нашей общественной жизни сниметъ съ вышеупомянутаго бѣднаго Макара несправедливыя упреки въ апатіи, индифферентизмѣ, эгоизмѣ и т. п., что оно вскроетъ въ нашемъ обществѣ и въ нашемъ народѣ присутствіе богатыхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, теперь пропадающихъ втунѣ, а тогда имѣющихъ быть направленными на служеніе благу какъ отдѣльныхъ мѣстностей, такъ и всей страны. Къ сожалѣнію, при существующихъ условіяхъ только отъ публицистики и можно ждать разработки этого вопроса (хотя попытки въ этомъ направленіи, если не ошибаемся, дѣлались даже реформированнымъ земствомъ). Тѣмъ болѣе большая обязанность и отвѣтственность лежитъ на публицистикѣ.

Въ печати не только ежедневной, но и ежемѣсячной очень много толковали въ теченіе прошлаго мѣсяца объ извѣстномъ циркулярѣ тамбовскаго губернатора. Мнѣнія о замѣчательномъ документѣ были высказаны довольно единогласныя; мы приведемъ мнѣніе *Русскаго Вѣстника*, какъ журнала, который, кажется, до сихъ поръ еще не возбуждалъ противъ себя обвиненій въ либерализмѣ, въ подрывѣ власти, въ измѣнѣ „астино-русскимъ основамъ“. Именно поэтому мнѣніе этого журнала представляется намъ особенно компетентнымъ. „Никогда въ теченіе нашей многолѣтней дѣятельности обозрѣвателя внутренней жизни,—говоритъ хроникеръ,—не приходилось намъ знакомиться съ примѣненіемъ на практикѣ такихъ экономическихъ, финансовыхъ и административныхъ соображеній. Мы впервые слышимъ, что взисканіе недоимокъ можетъ быть мѣрою, побуждающею къ производительному труду, обогащающему населеніе. До сихъ поръ мы знали, что только свободный трудъ, не изъ-подъ палки, приводитъ къ такому результату; циркуляръ же самъ называетъ предлагаемую имъ мѣру *принудительною*. Циркуляръ, видимо, не желаетъ знать собственнаго крестьянскаго хозяйства и объявляетъ *безмечнымъ* и *лѣнивымъ* всякаго крестьянина, уклоняющагося отъ заработка, словно крестьянинъ иначе и трудиться не можетъ, какъ идти въ батраки или поденщики. Ближайшіе къ народу представители власти, земскіе начальники, на которыхъ лежитъ *обязанность заботиться о развитіи народнаго благосостоянія*, административнымъ распоряженіемъ превращаются въ простыхъ агентовъ *частныхъ инициаторовъ*, затрудняющихся въ присканіи для своихъ *предпріятій* дешевыхъ рабочихъ. Вотъ до какого извращенія обязанностей доводитъ стремленіе править въ области

отношеній совершенно чуждыхъ кругу дѣятельности власти, не соответствующихъ ни ея призванію, ни ея силамъ. Нигдѣ въ законѣ не дозволяется обращать гражданскія обязанности въ орудіе экономической политики по усмотрѣнію мѣстныхъ властей. Какъ бы ни были глубоки экономическія познанія представителей мѣстной администраціи, имъ не предоставлено произвольное распоряженіе фискальными мѣрами и притомъ для достиженія цѣлей совсѣмъ не фискальных“. Къ такому отзыву намъ прибавлять, кажется, нечего.

Г-жа Трачевская рассказываетъ кое-что любопытное о житьѣ-бытьѣ нашихъ студентокъ въ Швейцаріи и объ отношеніи къ нимъ мѣстнаго населенія („Письмо изъ Швейцаріи“, *Сѣверный Вѣстникъ*): „Студенткамъ отдаютъ комнаты неохотно, часто отказываютъ только догадавшись, что вы студентка. Иногда провожаютъ васъ презрительнымъ взглядомъ, задаютъ обидные вопросы и, наконецъ, оскорбляютъ. Нечего и говорить, что студенткѣ нѣтъ доступа въ женевское общество. Если вы войдете въ одинъ изъ буржуазныхъ домовъ въ Женевѣ, вы услышите о студенткахъ вообще и о русскихъ въ особенности такіе отзывы и возгласы, которые въ нашемъ отечествѣ давно отошли въ область преданія. Стремленіе женщинъ къ образованію возбуждаетъ въ милыхъ дамахъ мѣстнаго общества самое искреннее недоумѣніе. А профессора и студенты думаютъ о студенткахъ, можно сказать, еще милѣе. Одинъ талантливый профессоръ до сихъ поръ понять не можетъ, зачѣмъ это понадобилось женщинамъ учиться. Другой пришелъ къ заключенію, что женщина, занимающаяся медициной, не женщина. Большинство же профессоровъ того мнѣнія, что образованіе женщинъ не нужно. Заговорите съ товарищемъ-студентомъ объ университетскомъ и особенно медицинскомъ образованіи для женщины, онъ вамъ съ самою любезною улыбкой и очень просто возразитъ: „Но, вѣдь, если женщины будутъ сидѣть за книгами, то кто же будетъ заниматься нашимъ хозяйствомъ?“

Не удивительно, что, несмотря на недостатокъ средствъ, почти всѣ студентки на лѣто ѣдутъ домой; ѣдутъ онѣ въ третьемъ классѣ со всѣми неудобствами, иногда имѣютъ непріятныя столкновенія, но ѣдутъ съ невыразимой радостью въ душѣ, ѣдутъ, чтобъ, *отдохнувъ* среди своихъ (среди „эгоистовъ нашихъ дней“, такъ сказать, на груди у бѣднаго Макара), къ осени снова возвратиться въ свою „милую каторгу“.

„Странное роковое противорѣчіе!—воскликаетъ г-жа Трачевская.—Двери университета широко раскрыты для женщины вездѣ за границей, къ ней относятся еще до сихъ поръ съ такимъ обиднымъ предубѣжденіемъ. А у насъ... тоже странное противорѣчіе—выходитъ какъ разъ наоборотъ!“ Дѣйствительно, странное противорѣчіе. И оно до значительной степени, по нашему мнѣнію, объясняется безтолковымъ (какъ это бывало у народниковъ), а часто и дипломатичнымъ метаніемъ всѣхъ пишекъ въ сторону бѣднаго Макара. Плохая это дипломатія. Было бы гораздо практичнѣе и умнѣе направить часть этихъ пишекъ по другому адресу... ну, хоть по адресу того же буржуазнаго европейскаго общества; вотъ, молъ, какіе тамъ, съ позволенія сказать, паскудники, а всѣми благами культуры пользуются, а у насъ...

Повѣсть г-жи Дмитріевой: *Не по правдѣ* еще не закончена въ разбираемой книгѣ *Сѣвернаго Вѣстника*; но когда она будетъ закончена, наврядъ ли она внесетъ что-нибудь новое и любопытное въ нашу беллетристику. Вообще говоря, г-жа Дмитріева—писательница умная, опытная и, главное, правдивая, но не глубокая и не

особенно талантливая. Ея рассказы и повѣсти изъ народной жизни всегда правдивы, въ нихъ нѣтъ ничего выдуманнаго, нѣтъ никакой подражательности, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ и ничего оригинальнаго. И это потому, что, несмотря на полную самостоятельность ея наблюдений деревенской жизни, она, такъ сказать, скользитъ по ея поверхности, не захватывая настоящей сущности этой жизни; ея наблюдения почти всегда остаются анекдотическими и исполненіе почти всегда не соответствуетъ задачѣ автора. Наприм., въ новой повѣсти г-жи Дмитріевой задача состоитъ въ указаніи, какъ въ деревенской жизни неправда, совершенная хоть разъ въ жизни человѣкомъ, роковымъ образомъ влечетъ за собою цѣлый рядъ еще худшихъ неправдъ. Крестьянинъ, суровый и нѣсколько эгоистичный хозяинъ, но при этомъ человѣкъ строгій и справедливый, совершаетъ неправду только разъ въ своей жизни, отдавъ вмѣсто сына въ солдаты своего пріемыша. Происходить цѣлый рядъ неправдъ и наказаніе быстро слѣдуетъ за преступленіемъ: дочь старика, невѣста пріемыша, умираетъ съ горя, самъ старикъ мучается совѣстью и, замученный ею, въ тоскѣ умираетъ, а, главное, пріемышъ-солдатъ возвращается испорченнымъ, бездѣльнымъ лодыремъ и вноситъ въ честную и зажиточную крестьянскую семью бездну распутства и развращенія. Ужъ очень все какъ по писанному совершается у г-жи Дмитріевой. Жизнь куда послоннѣе бываетъ. Да и не въ томъ дѣло. Мы говоримъ, что тутъ исполненіе не соответствуетъ задачѣ. Предположите въ самомъ дѣлѣ, что неправда не была бы совершена, что въ солдаты ушелъ бы не пріемышъ, а, какъ и слѣдовало, сынъ. Что же произошло бы, или что могло бы произойти? Развѣ у сына не могло быть невѣсты, которая тоже могла бы умереть съ горя? Развѣ строгій отецъ не могъ затосковать и, главное, развѣ сынъ вернулся бы менѣе испорченнымъ, меньшимъ лодыремъ и распутникомъ, и развѣ онъ внесъ бы въ эту семью меньшую дозу распутства? Очевидно, что во всемъ происшедшемъ въ семьѣ дѣло не въ совершенной неправдѣ, что зло лежитъ гдѣ-то глубже и совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Вотъ это-то мы и называемъ наблюденіемъ поверхностныхъ фактовъ деревенской жизни и неуловленіемъ ея сущности. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, повѣсть г-жи Дмитріевой прочтется съ интересомъ, въ особенности деревенскимъ читателемъ; ее смѣло можно рекомендовать издателямъ народныхъ книжекъ.

Гораздо интереснѣе обѣщаетъ быть романъ г. Соллогуба *Тяжелые сны*. Авторъ принадлежитъ къ школѣ символистовъ. Это именно одинъ изъ тѣхъ писателей, которые, какъ мы говорили выше, руководятся ложною мыслью, что въ современномъ обществѣ для художественнаго изысканія и изображенія не остается почти ничего новаго и неизслѣдованнаго, и потому мечутся въ поискахъ за оригинальными, смутными и неясными душевными движеніями, — причѣмъ, понятно, такіе поиски легко вырождаются въ оригинальничанье, — и за новыми формами изображенія, даже рѣчи. У г. Соллогуба „вкусъ жизни — приторный, а цвѣтъ ея — зеленый и желтый“. „Старые вязы наклоняютъ вѣтви, прг-слушиваясь къ разговору, и съ темныхъ вѣтвей ихъ *падаютъ*, какъ роса, отрясаемая вѣтромъ, *прозрачная грусть*“. Такихъ стилистическихъ чудацествъ очень много въ произведеніи г. Соллогуба. Даже въ самомъ выборѣ героевъ и героинь, въ построеніи романа та же погоня за символами — не тѣми настоящими символами-образами, безъ которыхъ нѣтъ и искусства и которые составляютъ естественное средство художественнаго изображенія, а за символами придуманными и вымученными. Герои,

учитель. Логинъ, изломанный, больной и разочарованный человекъ, живетъ въ мирѣ символовъ, онъ окруженъ ими. Его душевная жизнь-разорванная на куски, колеблющаяся между разнообразными стремленіями: между стремленіемъ къ чисто-животнымъ, чувственнымъ наслажденіямъ, которыя онъ, однако, презираетъ, между стремленіемъ прожить свою жизнь во всю, въ бурѣ и вихрѣ страстей, горя, какъ свѣчка, съ обоихъ концовъ, на что, однако, его малокровная, худосочная натура неспособна, и, наконецъ, между стремленіемъ ко всему благородному, чистому, естественному и идейному,—на что онъ опять-таки совершенно не способенъ въ силу крушенія идеаловъ и, главное, испорченности натуры,—его душевная жизнь, говоримъ мы, воплощается въ личностяхъ трехъ героинь. Первое стремленіе къ животной жизни и къ животнымъ наслажденіямъ—въ образѣ разбитной бабы Ульяны, влѣзающей къ нему въ окошко (причемъ, впрочемъ, для читателя остается неяснымъ, дѣйствительно ли она была у Логина, или это ему почудилось въ пьяномъ бреду—характерная подробность для творчества символистовъ). Второе стремленіе, къ бурямъ жизни,—въ образѣ Клавдіи, родственной ему натуры, которая тоже хочетъ горѣть какъ свѣча съ обоихъ концовъ, которая не знаетъ, любить она или ненавидитъ любовника своей матери, у которой „дѣтство холодное, безъ любви, озлобленное; юность—муки зависти, невозможныхъ желаній. Крушеніе надеждъ... идеаловъ“, у которой надъ всѣмъ этимъ „кипѣніе страсти и освобожденная дерзость“, также какъ и у Логина. И, наконецъ, третье стремленіе Логина воплощается въ чистой, хорошей и идейной дѣвушкѣ Нютѣ. Какъ видите, построеніе страшно искусственное. Что же такое, однако, самъ Логинъ? Съ одной стороны, это человекъ конца вѣка, которому тошна и противна жизнь, какъ нѣчто однообразное и скучное, а съ другой, что-то отзывается старымъ, престарымъ типомъ москвича въ байроновскомъ плащѣ. Ему мерещится по временамъ нѣкоторый свѣточъ, „что-то неожиданное, неизъяснимое очарованіе вѣяло. Что-то не русское, чуждое, но ничего не случилось, и я нашелъ въ себѣ все ту же дерзость, задорную и безсильную“. „Я жажду не любви, не богатства, не славы, не счастья,—говоритъ онъ о себѣ,—живой жизни жажду, безъ клейма и догмата, такой жизни, чтобъ ярко сіяла *цѣль недостижимая* (?). Въ жизни должно быть невозможное (?) и только оно одно имѣетъ цѣну (?). Я ходилъ по всѣмъ путямъ возможнаго въ жизни, и вездѣ жизнь мнѣ ставила ловушки. Красота приводила къ пороку, стремленіе къ добру заставляло дѣлать глупости, стремленіе къ истинѣ заводило въ дебри противорѣчій. Безвѣріе, порокъ, мелкій, трусливый, потаенный; разочарованіе въ чьемъ-то—и безсиліе. Есть запрещенное, къ нему и тянешься. Мы слишкомъ рано узнали тайну—и несчастны. Мы растеряли старые рецепты жизни и не нашли новыхъ“. Выслушавъ это признаніе, вы сразу понимаете, съ кѣмъ имѣете дѣло: это одинъ изъ тѣхъ глупыхъ сыновъ, кому не въ помощь богатство, одинъ изъ тѣхъ англазированныхъ щенковъ, которые воютъ и визжать, когда имъ немного придавятъ лапу, точно весь миръ рушится. И лгутъ эти щенки отчаянно, нахально и безстыдно. По какимъ такимъ путямъ они ходили? Логину не посчастливилось въ гимназіи,—встрѣтилъ равнодушіе къ дѣлу и его за усердіе начальство не похвалило. Ну, какъ же щенку не завять? Онъ и завылъ, и зацылъ, и въ плащѣ непризнаннаго генія облекся. И какую такую тайну они, Логины, узнали, какіе такіе рецепты растеряли? Ничего-то эти современные щенки никогда не знали, ничего они и не

териали, потому что ничего никогда не старались приобрести. Препротивныя, визжащія фигуры, обладающія необычайною наглостью и лъзущія въ первые ряды жизни, всѣ эти сверхъ-человѣки, полные дерзости. А и всего-то въ нихъ только и есть, что самомнѣнія и наглости гибель и ни на грошъ внутренняго, настоящаго человѣческаго содержанія. Вскрытіе основныхъ чертъ этого, теперь, къ сожалѣнію, довольно таки распространеннаго, типа составляло бы серьезную заслугу. Но наврядъ ли такого вскрытія можно ожидать отъ г. Соллогуба. Наврядъ ли—не по отсутствію у него таланта, а просто по отсутствію правильнаго взгляда на явленіе и по ложной манерѣ изображенія.

Если у нашего читателя въ временахъ бываетъ потребность въ искреннемъ, задумешномъ, веселомъ смѣхѣ, то мы совѣтуемъ ему иногда заглядывать въ книги *Русск. Обзор.* Развеселый это журналъ. Куда веселѣе всякихъ *Развлеченій*, *Осколковъ* и какъ они тамъ еще называются. Впрочемъ, писатели *Русскаго Обозрѣнія* по большей части не признаютъ себя комиками и буфонятъ съ самымъ серьезнымъ видомъ. Такъ, напримѣръ, г. Розановъ (*Смѣна мировоззрѣній*) самымъ серьезнымъ образомъ увѣряетъ насъ, что произошла смѣна мировоззрѣній, что дарвинизмъ былъ „временная и великолѣпная нелѣпость, которой отдалась Европа“, что онъ былъ „отдыхъ ея александрійскаго періода“ и что теперь г. Страховъ и Данилевскій его вполне опровергли. Онъ увѣряетъ, что „лучи свѣта напрасно били въ помутнѣвшую ретину Бокля и онъ видѣлъ только тупыя книжныя построенія своего заламаншскаго учителя“ (Конта). Однимъ словомъ, трубы и тимпаны. Откуда весь этотъ шумъ? Да просто оттого г. Розановъ его поднялъ, что книги его знаменитаго учителя и предшественника (вѣдь, у этихъ господъ все свои знаменитости) г. Страхова въ теченіе тридцати лѣтъ выдержали два, а нѣкоторыя и три изданія. Отъ сего и шумъ. А г. Страховъ, видите ли, сталъ славенъ и сердцу русскому приятенъ тѣмъ, что онъ „въ критикѣ вернулся къ приемамъ толкованія Ап. Григорьева (т.-е. къ стрижкамъ), въ зоологіи—къ идеямъ Кювье, въ морфологіи—къ идеямъ Каспара Вольфа, въ философіи къ принципамъ Декарта и къ категоріямъ Гегеля“. „И какое онъ слово ни скажетъ, тому слову не меньше тыщи лѣтъ будетъ“. А самъ г. Розановъ все только „дивуется“, какъ дивуется какой-нибудь буряты, въ первый разъ попавшій въ городъ,—все то у него тайна, все то для него чудо. Онъ, напримѣръ, недоумѣваетъ, почему это „стволъ дерева есть вертикаль“,—великое и необъяснимое чудо природы, обманывающее человѣческія ожиданія. „Исторія въ изьянахъ своихъ и просвѣтлѣніяхъ, въ паденіяхъ и высокомъ торжествѣ, въ рытвинахъ, низинахъ, прогалинахъ, шумящемъ борѣ (это въ исторіи-то шумящіе боры, прогалины и пр.?) есть чудо творенія Божія, предъ которымъ мы можемъ трепетать и дивиться. Быть вѣчно удивленнымъ—это есть удѣлъ человѣка на землѣ“.

Серьезный комикъ, очень серьезный, этотъ „вѣчно удивленный“ г. Розановъ! Не беремся рѣшить, смѣется ли онъ самъ, встрѣчаясь на улицѣ съ другимъ такимъ же удивленнымъ жрецомъ; но читатель, навѣрное, отъ души и добродушно надъ его „удивленными“ рѣчами посмѣется. Но пойдѣмъ, однако, дальше. Есть въ *Русскомъ Обозрѣніи* нѣкій писатель г. Суворовъ. Намъ уже случалось указывать на его комическія воспоминанія. И тогда, право, мы искренно думали, что человѣкъ умеръ и это его посмертное произведеніе печатается, и добродушно посмѣялись надъ маіоромъ. Оказалось, что онъ живъ. И не только живъ, а даже публикѣ жалуется на зарайское земство

(Рязанской губерніи), гдѣ онъ „имѣетъ честь“ состоять гласнымъ. А зарайское земство, „въ которомъ много интеллигентныхъ лицъ среди дворянства“, отвергло предложеніе г. Суворова о пособіи церковнымъ школамъ. „Изъ двадцати восьми гласныхъ,—печалуется г. Суворовъ,— за мое предложеніе высказалось пять“. И по сему удобному случаю г. Суворовъ говоритъ о безбожничѣ Ферри, изгнавшемъ изъ школъ иконы (это во Франціи-то?) и о столь же безбожныхъ русскихъ либералахъ, которые якобы *преслѣдуютъ* церковно-приходскія школы, да еще (о, верхъ злодѣйства!) проповѣдуютъ, что и школы грамотности должны быть изъяты изъ вѣдѣнія духовенства. Экіе, подумаешь, злокозненные люди—эти либералы! Вы такъ и рѣшаете, что злокозненные, и вдругъ г. Суворовъ огорошиваетъ сообщеніемъ, что священники не посѣщаютъ школъ грамотности и потому ихъ (эти школы) лучше бы закрыть (да ужъ всякія школы не закрыть ли? Вѣдь, у священниковъ и на другія школы времени не хватаетъ!) Ну, какъ же не комикъ г. Суворовъ? „Въ безнадзорныхъ школахъ можетъ явиться разсадникъ нигилистическихъ ученій“,—пугаетъ онъ читателя. Но, вѣдь, читатель себя на умъ,—онъ отлично знаетъ, что въ школахъ грамотности попадаютъ пьяные дьячки и солдаты, а нигилистамъ откуда тутъ взяться? „Я сознаю,—скромничаетъ г. Суворовъ,—что мои мысли не найдутъ сочувствія въ либеральныхъ органахъ“. Ну, почему же, г. Суворовъ? Вѣдь, и въ „либеральныхъ органахъ“ пишутъ люди и, какъ люди, не прочь иногда посмѣяться. Какого же еще сочувствія нужно для писателя *Русскаго Обзорнія*?

Столь же интересенъ г. Палимпсестовъ. Это человѣкъ уже убѣленный сѣдинами. До того онъ убѣленъ, что иногда свои годы забываетъ: когда скажетъ семьдесятъ, а когда восемьдесятъ. Почтенный, однимъ словомъ, старецъ и даже ваекъ-то жалко, что онъ свои сѣдины на посмѣшище отдаетъ. Было у него 28 писемъ покойнаго историка Костомарова; отдалъ онъ ихъ какимъ-то издателямъ сборника и написалъ воспоминанія. Сборникъ не состоялся и г. Палимпсестову вернули воспоминанія, а изъ писемъ только четыре. Кстати, и письма-то совсѣмъ не содержательныя—просто записки о здоровьѣ, о томъ, когда говѣлъ и причащался покойный. По поводу невозвращенія писемъ г. Палимпсестовъ жалобится и подозрѣваетъ. Я, говоритъ, политикой никогда не занимался, а, можетъ быть,—продолжаетъ онъ,—подумали, что для памяти историка обидна будетъ дружеская связь съ какимъ-нибудь кротомъ; но, вѣдь, и я трудился не мало. Доживая восьмой десятокъ, услаждаюсь воспоминаніемъ, что 17 лѣтъ служилъ безкорыстно и безсмѣнно въ качествѣ секретаря и редактора *Записокъ общества сельск. хозяйств. южной Россіи*. И всѣ воспоминанія почтеннаго старца сводятся съ тому, что Костомаровъ былъ отнюдь не безбожникъ, а, напротивъ, человѣкъ религіозный. Такъ усердствуетъ г. Палимпсестовъ доказать то, что и безъ него всѣмъ извѣстно, что рассказываетъ такіе курьезы. Разсуждалъ Костомаровъ о догматахъ тринности и заговорилъ что-то такое, чего г. Палимпсестовъ и понять не могъ, и самъ черезъ нѣсколько минутъ забылъ свое объясненіе догмата. И сіе именно, т.-е. забвеніе-то, и было чудомъ, откровеніемъ, наитіе свыше. Чтобы не остаться въ долгу у Костомарова, и г. Палимпсестовъ тоже подвергся наитію и откровенію по вопросу о существованіи зла. И тоже изрекъ нѣчто, оба впали въ восторгъ и оба сейчасъ же объясненіе забыли. Поучительно! Но всего поучительнѣе заключительное обращеніе г. Палимпсестова къ молодому повѣтнію, „желающему просвѣтить себя свѣтомъ наукъ“. „Хотя въ

Писаніи и сказано: почти лицо старче, но я, доживающій восьмой десятокъ, встаю передъ тобой и позволяю себѣ сказать: не увидишь ли ты въ лицѣ незабвеннаго ученаго свидѣтельства неопровержимаго, что вѣра православной церкви не можетъ идти въ разрѣзъ съ наукой?" И къ чему, подумаешь, такое униженіе лица старча, да встаетъ и молодого поколѣнія! Неужели оно, не вѣра (если только оно не вѣрить), руководится только ложнымъ представленіемъ, будто всѣ ученые невѣрующіе? Неужели оно, это поколѣніе, только изъ обезьянъ и состоитъ? Въ томъ-то и дѣло, что для его убѣжденія въ чемъ-нибудь необходимы аргументы посильнѣе вставанья передъ нимъ.

Далѣе... Но, пожалуй, и довольно. Пора и выйти изъ этого смѣхотворнаго, но удушливаго мѣста.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур- нала „Русская Мысль“ съ 1 іюля по 1 августа 1895 г.

- Монигетти, В. И.** Современная биржа. М., 1896 г.
- Проектъ устава международнаго отдѣла общества русскаго земскаго развитія „Да возвысимся!“** по предметамъ искусства, художественныхъ и полезныхъ изданій и педагогическихъ пособій для нагляднаго обученія. Кіевъ, 1895 г.
- О расширеніи круга предметовъ земскаго обложенія и о привлеченіи къ обложенію земствомъ прибылей торговыхъ и промышленныхъ предриятій, кредитныхъ учреждений и желѣзныхъ дорогъ.** Полтава, 1895 г.
- Отчетъ по Козь-Колодезской низшей сельско-хозяйственной школѣ 1 разряда.**
- Статистика болгарскихъ училищъ въ Европейской Турціи.** Учебный годъ 1893 — 1894.
- Каутскій, Карлъ.** Возникновеніе брака и семьи. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Путеводитель по желѣзнымъ дорогамъ и курортамъ.** Изд. контрагентства российскихъ желѣзныхъ дорогъ М. Л. Радоминскаго. Кіевъ, 1895 г. Ц. 35 к.
- Воложанинъ.** Литературно-научный сборникъ. Изд. П. Длакторскаго. Вологда, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Бурды, М. К.** Откуда берется въ челоука рабочая сила, какъ онъ ее расходуетъ и какъ пополняетъ. Одесса, 1895 г. Ц. 6 к.
- Отчетъ Императорской публичной библиотеки за 1892 годъ.** Спб., 1895 г.
- Вагнеръ, Ю. Н.** Мой акваріумъ. Изд. журн. „Игрушечка“. Спб., 1895 г.
- Веригинъ, Н.** Краткій историко-географическій словарь. Тверь, 1895 г. Ц. 50 к.
- Тейхмюллеръ, Г.** Дарвинизмъ и философія. Пер. А. Николаева. Юрьевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Безсмертіе души. Философское изслѣдованіе. Юрьевъ, 1895 г. Цѣн. 1 руб. 50 к.
- Соколовскій, Н. В.** Мысли объ основахъ житейской нравственности. Ирбитъ, 1895 г. Ц. 60 к. съ пер.
- Бесты дѣдушки Андрея** объ уходѣ за домашнимъ скотомъ. Казань, 1895 г. Ц. 5 к.
- Отчетъ о дѣятельности орловской городской публичной библиотеки за 1894 г.** Вятка, 1894 г.
- Евсѣенко, С.** Молочные продукты, пороки ихъ и методъ изслѣдованія. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Виды на урожай въ Полтавской губ. въ 1895 г.** Полтава, 1895 г.
- Исаковъ, М. А.** Какъ и въ чемъ можно быть обманутымъ при покупкѣ лошадей. Казань, 1895 г. Ц. 5 к.
- Гебель, В.** Краткій курсъ алгебры. Ч. I. Теорія. Ц. 30 к. Ч. II. Задачи. Ц. 25 к. Изд. автора. Москва, 1895 г.
- Э. С.** Жизнь и сочиненія главнѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ XVIII в. Изд. Тихомирова. М., 1895 г. Ц. 25 к.
- Мурашкинцевъ, Н. А.** Ветеринарія въ примѣненіи къ сельскому хозяйству. Изд. Тихомирова. Москва, 1895 г. Ц. 6 к.
- Михайловъ, А. А.** Учебникъ ариметики для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. Тихомирова. Москва, 1895 г. Ц. 50 к.
- Вертоградскій, І.** Сборникъ диктантовъ. Пособіе къ практическому курсу элементарной грамматки. Изд. Тихомирова. Москва, 1895 г. Ц. 25 к.
- Практическій курсъ элементарной грамматки. Изд. Тихомирова. М., 1895 г. Ц. 20 к.
- Сборникъ статей и отрывковъ изъ художественныхъ произведеній. Изд. К. И. Тихомирова. М., 1895 г. Ц. 45 к.

- Краткій учебникъ грамматики. Изд. К. И. Тихомирова. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.
- Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. I. Москва, 1895 г.
- Золотаревъ, Д. А.** Что говоритъ наука о половой потребности. Изд. В. Н. Магакуева. Москва, 1895 г. Ц. 30 к.
- Практическое значеніе сельско-хозяйственной литературы. Изд. „Народной библіотека“. Москва, 1895 г. Ц. 20 к.
- Левицкій, Иванъ.** Кайдашева семья. Повиств. Харьковъ, 1894 г. Ц. 15 к.
- Карышевъ, И. А.** Богъ неопровержимъ наукой. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Линдеманъ, К. Э.** Настъкомья плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустовъ. Изд. К. И. Тихомирова. Москва, 1895 г. Ц. 15 к.
- Масловичъ, Н.** Неудачи на дачѣ. Шутка въ одномъ дѣйствіи. Харьковъ, 1895 г. Ц. 25 к.
- Евѣенко, С.** Бездымный порохъ и огнестрѣльные раны будущихъ войнъ. Варшава, 1895 г.
- Зелинскій, В. А.** Справочникъ по русскому правописанію. Вып. I и II. Москва, 1895 г. Ц. каждому вып. 50 к.
- Отчетъ иркутскаго отдѣленія попечительства о слѣпыхъ. Иркутскъ, 1895 г.
- Козловъ, А. Н., архитект.** Проекты плановъ и фасадовъ. Изданіе А. Д. Ступина. Москва, 1895 г. Ц. 50 к.
- Лащенко, Н. А., прот.** Христофоръ, первый епископъ слободско-украинскій и харьковскій. Харьковъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Чистовичъ, И. А.** Руководящія дѣятели духовнаго просвѣщенія въ Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Сборникъ свѣдѣній по культурѣ цѣнныхъ растений на Кавказѣ. Вып. I. Тифлисъ, 1895 г.
- Красновъ, А.** Какъ живутъ китайцы. Изд. харьков. общ. распр. въ нар. грам. Харьковъ, 1895 г. Ц. 3 к.
- Липранди, А. (А. Воынецъ).** Зачатки раскатоличенія западнаго славянства. Спб., 1895 г. Ц. 40 к.
- Велизарій, Е.** Стихотворенія. Изд. 3-е, дополненное. Кіевъ, 1895 г.
- Радакова, Е.** Голландія. Изд. харьк. общ. распр. въ нар. грам. Харьковъ, 1895 г. Ц. 4 к.
- Драгомировъ, М.** Разборъ романа „Война и миръ“. Изданіе Н. Оглоблина. Кіевъ, 1895 г. Ц. 50 к.
- Кенигъ, Францъ, д-ръ.** Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихса. Т. II. Изд. К. Риккера. Спб., 1895 г.
- Таренецкій, А., проф.** Император. военно-медицинск. академіи. Кавказра и музей нормальной анатоміи при Императорской военно-медицинской академіи, за сто лѣтъ. Изд. К. Риккера. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.
- Александровъ, А.** Феодальное земство. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
- Борисовскій, П.** Чего надо желать для нашего общественнаго воспитанія. Могилевъ и Двиньръ, 1895 г. Ц. 60 к.
- Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р.** Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Вып. III. Изд. К. Риккера. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Гебель, В.** Дополненіе къ краткому курсу алгебры. Геом. прогрессія и логарисмы. Москва, 1895 г. Ц. 30 к.
- Статистическія свѣдѣнія по скотоводству Вятской губ. за 1894 г. Изд. вят. губ. земства. 1895 г.
- Обзоръ дѣятельности вятскаго губернскаго земства за трехлѣтіе 1892—94 г. Изд. вят. губ. зем. Вятка, 1895 г.
- Журналъ вятскаго губ. земскаго собранія XXVIII очередной сессіи (1 — 19 дек. 1894 г.).** Вятка, 1895 г.
- Санитарное состояніе земскихъ школъ Ананьевскаго уѣзда. Ананьевъ, 1895 г.
- Касторскій, Ф.** Врачебная помощь въ Ананьевскомъ уѣздѣ, Херсон. губ., въ 1894 году. Ананьевъ, 1895 г.
- Краткій обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и госуд. имущ. за первый годъ его существован. Спб., 1895 г.
- Сусловъ, А.** Первые уроки цѣнны. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 40 к. съ пер.
- Дворжицкій, К.** Сказки Фемиды. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Базилевскій, М.** Дочь Исаакъ Насл. Изд. кн. маг. Шермана. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
- Дочь Исаакъ Абраманель. Изд. Я. Шермана. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Откровенные“. *К. М. Станюковича.* — „Живой портретъ и рассказы“. *А. Антеева.* — „Братья Шуйскіе“. *Л. И. Вознесенскаго.* — „Золотой осель“. *Луція Апулея.* — „Собраніе сочиненій“ *Бретъ-Гарта* 373

Публицистика: „Обзоръ дѣятельности московск. комитета грамотности“ . 379

Психологія: „Общая фізіологія души“. *А. Герцена.* — „Сонъ и сновидѣнія“. *Герри Маудсли* 371

Исторія и мемуары: „Всеобщая исторія въ сорока книгахъ“. *Помбійа.* — „Автобіографія Гервинуса“. — „Историческія чтенія“. — *Ж. Лакуръ-Гайе.* — „Записки“ *А. О. Смирновой.* — „Дѣтство и отрочество“. *В. В. Верещагина.* . . . 382

Географія: „Основы землѣвѣдѣнія“. *Браснова* 389

Статистика: „Статистика Россійской имперіи“ 391

Техническія книги: „Несчастные случаи съ рабочими на свеклосахарныхъ заводахъ и мѣры предупрежденія ихъ“. *Д-ра К. П. Суммы.* — „Карты фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи съ пояснительною запиской“. *Н. Нестерова.* — „Перебѣнные электрическіе токи“. *Т. Г. Блекслея.* — „Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства“. *Д. Голова.* 397

Сельское хозяйство: „Дѣдушкныя рассказы о лошади-кормилицы и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту“. *П. Лодымина.* — „Сахарная свекловица и ея культура“. *Ф. Г. Кудельки.* — „Труды экспедиціи, снаряженной лѣснымъ департаментомъ подъ руководствомъ проф. Докучаева“ 399

Медицина: „Сифилисъ мозга и его леченіе“. *Проф. П. И. Ковалевскаго.* — „Половая гигиена и ея нравственныя послѣдствія“. *Севеда Риббита.* — „Горе отъ любви“. *Штаркенбургъ* 400

Искусство: „60 офортовъ проф. Ив. Ив. Шишкина“. Изд. А. Ф. Маркса . 402

Книги для дѣтей и учебники: „Астрономическіе вечера“. Клейна.—
„Русская азбука“. К. Шельмеля и И. Непокойчицкаго. — „Deutsche Bibel oder
Erstes Lesebuch“, von K. Schölzel.— „Les aventures de Télémaque fils d’Ulysse“,
par Fénelon. — „Хронологія“. Л. М. Платьева. — „Вертикальное письмо“. А.
Прозорова 403

Изданія для народа: Издавія М. Ледерле и К^о и Г. М. Пеккатороузъ. . 406

Справочныя книги: „Практическій путеводитель по Черному морю“. Г.
Москвича 409

II. Периодическія изданія.

„Русское Богатство“, июль. — „Вѣстникъ Европа“, июль—июль. — „Русскій
Вѣстникъ“, июль.—„Сѣверный Вѣстникъ“, июль. 410

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“
съ 1 июля по 1 августа 1895 г.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

книжнаго магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова,

коммисіонера общества любителей російской словесности

(Москва, уголъ Леонтьевского пер. и Большой Никитской, д. № 22—4).

Книжный магазинъ принимаетъ на коммиссію постороннія изданія, подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги. За пересылку книгъ берется по ея дѣйствительной стоимости. Книги могутъ быть высылаемы и наложеннымъ платежомъ.

Главный складъ изданій Московскаго комитета грамотности.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

- Сенкевичъ, Генрикъ.** Повѣсти и рассказы. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.
- **Безъ догмата.** Романъ. Перев. В. М. Лаврова. (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.
- **Путевые очерки.** Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
- **Потопъ.** Переводъ В. М. Лаврова. Цѣна 3 руб. съ пересылк.
- **Семья Полавецкихъ.** Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.
- Ожешкова, Элиза.** Повѣсти и рассказы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Мицкевичъ, Адамъ.** Крымскіе советы. Переводъ съ польскаго Л. Медвѣдева. М. 1896 г. Ц. 30 к.
- Додэ, Альфонсъ.** Портъ-Тарасковъ. (Послѣднія приключенія знаменитаго Тартарова). Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- **Маленькій приходъ.** Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
- Юноша, Клеменсъ.** Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.
- Де-Мопассанъ, Гюи.** Наше сердце. романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р.
- Эртель, А. И.** Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.
- Въ пользу воскресныхъ школъ.** Сборникъ. Цѣна 1 р.
- Послѣ Пушкина.** Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и издаанный редакціею журнала „Русская Мысль“. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ изданія редакціи, кромѣ народныхъ, вользуются уступкой 10%.

- Михайловскій, Н. К.** Щедрихъ. (Критическій опытъ). Цѣна 1 руб.
- Короленко, Владиміръ.** Очерки и рассказы. (Шестое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.
- **Очерки и рассказы.** Книга вторая. (Второе изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.
- **Слѣпой музыкантъ.** Этюдъ. (Третье изданіе). Цѣна 75 коп. съ пересылкою.
- Д-ръ Алексѣевъ, П. С.** О пьянствѣ. Съ предисловіемъ графа Д. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваются?“ Цѣна 1 руб.
- Анютинъ, М.** (М. Н. Ремезовъ). Нашихъ колеи ягоды. Романъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.
- Корелинъ, М. С.,** проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Выпускъ I: Египетскіе боги. Выпускъ II: Средневѣковая церковная готика. Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для ученическихъ старшаго возраста библиотекъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Цѣна 1-го вып. 50 коп., II-го вып. 30 коп.
- Мачтетъ, Григорій.** Счастья. Томъ второй. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
- Богословскій, В. С.,** проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
- Гольцевъ, В. А.** Вопросы дня и жизни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.
- **Объ искусствѣ.** Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- **Литературные очерки.** Цѣна 1 руб. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.
- Чеховъ, Мих.** Закрытъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.
- Чеховъ, Ан.** Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое подати и для чего их собирают? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.

Сенкевичъ, Генрикъ. Янко мубыкантъ. Цѣна 1 коп.

— Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.

Разказъ про смутное время на Руси Цѣна 1½ коп.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Счастье Ивана Непомнящаго. Цѣна 5 к.

Короленко, В. Г. Убивецъ. Цѣна 1½ коп.

Абламыскій, Д. Всенощное бдѣніе, вечерня и утреня, и Божественная литургія св. Іоанна Злотоустаго, св. Василія Великаго и Пржедсвятенныхъ Даровъ св. Григорія Двоеслова. Первый выпускъ круга обычнаго православнаго церковнаго пѣнія, положеннаго на ноты на 3 голоса партитурою для хора, фисгармоніи и фортепіано. Кіевъ, 1888 Ц. 1 руб. 75 коп.

Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.

— Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по ариметикѣ. Ц. 50 к.

— Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвестными. Ц. 60 к.

— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощью теоремы Агапова. Ц. 35 к.

Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Алексій Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Чтеніе для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіе типы, М. ф. д. 50 к.; сред. ф. д. 60 к.; больш. ф. д. 75 к.

Альбомъ. Русскіе народы, съ текстомъ. 3 в. М. Ц. по 60 к.

Альбомъ картинъ съ картинъ русскихъ художниковъ. 2 вып. М. Ц. по 2 р.

Альгрень. Деньги. Романъ. Пер. со шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.

Альмедингентъ. Химія. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.

— Домашній опредѣлитель поддѣлокъ питательныхъ и др. веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 60 к.

— На всякій случай. Научно-популярные совѣты. 2 ч. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Аммонъ, Д-ръ. Обязанности матери. Гигіена беременности. Уходъ за маленькимъ ребенкомъ. Золотая книжка. Переводъ съ 32 нѣмецкаго изданія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Амниторъ, Г., фонъ. За правду и за честь женщины. Противъ Крейдеровой сонаты Л. Н. Толстого. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Амфитеатровъ. Психопатъ. Правда и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Андрѣ, М. Ф. Упраженія въ тригонометріи. Сборникъ задачъ съ подробными рѣшеніями. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.

Андерсенъ, И. Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Спб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.

Анне, Ж. П. Практическое руководство къ устройству электр. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Анурьевъ, Іоаннъ. Столяръ-самоучка, опытъ, наставленія грамотныхъ поселенъ въ столярномъ ремеслѣ. Ц. 15 к.

— Какъ дѣлаютъ простую мебель. Цѣна 45 к.

— Домашній перелетчикъ. Ц. 10 к.

— Вспомогательная книга при возведеніи каменныхъ и деревянныхъ зданій. Вологда, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ардовъ, Е. И. Эскизы. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Арендтсъ и Брандтъ. Атласъ естественной исторіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Аргеймъ. Математическая географія. Изд. 5-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.

Арсеньевъ. Изъ жизни и исторіи. Сборникъ разказовъ для дѣтей. Спб., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ.

Бажина. Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разказовъ, съ 44 картинками. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.

Баранцевичъ, К. С. Родныя картины. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Картина жизни. 39 разказовъ Сармата. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Баратынскій, Е. А. Полное собр. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

— Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, биографіей и его письмами. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Бахтиярова, А. По роднымъ краямъ. Вадаамская обитель, съ 3 отдѣльными рисунками. Спб., 1893 г. Ц. 10 к.

Безобразовъ, П. В. Историческія статьи (вып. I). М. 1893 г. Ц. 1 р. 80 к.

— Женскіе духъ невѣсты. Историческій романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.

— О правахъ женщины. М. 1895 г. Ц. 50 к.

— Публичныя лекціи о современномъ положеніи женщины (3-е изд.). М. 1893 г. Ц. 20 к.

- О назначеніи женщины (2-е изд.). Ц. 20 к.
- Сборникъ государственныхъ знаний, 8 томовъ. Спб., 1880 г. Ц. 24 р.
- Безе, д-ръ.** Построеніе деревянныхъ лѣстницъ. 1890 г. Ц. 1 р.
- Бендциулъ, Альбертъ.** Къ вопросу о школьныхъ скамьяхъ. Оффиц. докладъ, съ 22 рис. Пер. А. Федорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.
- Беръ, Альфредъ.** Гигіена сифилиса. Общедоступное изложеніе, какъ предохранить и лечить себя отъ сифилиса. Киевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
- Бергергофъ, Г.** Руководство для драпировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.
- Бернетъ, Френсисъ.** Исторія маленькаго лорда. Повѣсть для юношества. Спб., 1892 г. Цѣна въ перешлетѣ 1 р. 50 к.
- Бергеръ, Поль.** Спутникъ малокровныхъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Бернксентъ, А.** Краткій учебникъ химіи (органической). Спб., 1892 г. Ц. 3 р.
- Бессонъ, А. Г.** О нефтяномъ отопленіи паровыхъ котловъ. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Библиотека ремесленниковъ и кустарей.** Окрашиваніе металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Золоченіе и серебреніе деревян. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Библиотека экономистовъ.** Адамъ Смитъ. Исслѣдованіе о богатствѣ народовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Библиотека-вроска.** Миниатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Киевъ. Изданіе Ф. А. Югансона. Цѣна 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.
- Вичеръ-Стоу.** Хижина дяди Тома. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Благовѣщенскій.** Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Блекслей, Т. Т.** Перебѣнные электрическіе токи (Руководство для студентовъ и техниковъ). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Блекки.** Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Спб., 1891 г. Ц. 75 к.
- Блекловъ.** За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Блокъ, Морисъ.** Матери великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Дементьевой, съ 33 рис. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.
- Блокъ, Ю.** Велосипедъ, его значеніе для здоровья, практическое примѣненіе, ходъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М., 1893 г. Ц. въ перешлетѣ 2 р.
- Борыкинъ, П. Д.** Трунь. Разказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.
- Богдановъ, профессоръ.** Сельско-хозяйственный словарь. Киевъ, 1895 г. Ц. 8 р.
- Богдановъ, И.** Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Бокль.** Исторія цивилизаціи въ Англии. Переводъ Буйницкаго (въ 2-хъ томахъ). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Вородинъ, И.** Весна, русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Краткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е). Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Воровичъ, Д. А.** Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постояннымъ токомъ (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Фабричныя паровыя котлы, устройствовъ и уходъ за ними. Съ 172 политипажами въ текстѣ. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 коп.
- Боттонъ.** Электрическіе звонки. Практическое руководство для любителей. Спб., 1890 г. Ц. 1 р.
- Какъ сдѣлать простой фонографъ и микрофонъ. Руководство для любителей ремесла, искусства и научныхъ приложеній. М., 1895 г. Ц. 35 к.
- Брайсъ, Джемсъ.** Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.
- Браунъ, М., проф.** Какъ заражается человекъ паразитами. Киевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Брикнеръ.** Потемкинъ. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Бриксъ.** Гидравлика. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Брусиловскій, Е.** Одесскіе лиманы и ихъ лечебныя средства 1895 г. Одесса, Ц. 50 к., на веленовой бум. 60 к.
- Брюкке, Эрнестъ.** Красота и недостатка человѣческихъ формъ. Киевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Брэмъ, А.** Жизнь животныхъ. 130 выпусковъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за вып.
- Жизнь на сѣверѣ и югѣ (Дополненіе къ соч. „Жизнь животн.“). Спб., 1891 года. Ц. 2 р.
- Брэмъ.** Комнатныя пѣвчія птицы. М., 1876 г. Ц. 75 к.
- Буанъ, Эмиль.** Гальванопластика, никелированіе, золоченіе, серебреніе и электрометаллургія. Съ 26 рис. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Буасье, Гастонъ.** Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсака. Ц. 5 р. М., 1878 г.
- Цацеронъ и его друзья. Пер. М. Корсака. Ц. 2 р. М., 1880 г.
- Паденіе аяччества. Пер. подъ ред. и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.

- Бугаевъ, Н.** Задачникъ къ ариметикѣ цѣлыхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 коп.
- Задачникъ къ ариметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.
- Руководство къ ариметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Ариметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.
- Бузольтъ, Георгъ.** Очеркъ государственныя и правовыя греческихъ древностей. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Бутовскій, В. И.** Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Виоле-ле-Дюка и Ф. И. Буслаева. М., 1879 г. Ц. 1 р.
- Бутсъ, Вильямъ.** Въ труппахъ Англіи. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
- Бьернстjerne - Бьерсонъ.** Новые вѣянія. Въ 2-хъ ч. Киевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.
- Леонарда (драма). Новая система (драма). Киевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигурдъ крестовосецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Киевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Повѣсти и разказы. Киевъ, 1893 г. Ц. 35 к.
- По Божьему пути. Романъ. Киевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Валецкій, И.** Почвовѣдніе. Образование почвы, ея составъ и свойства. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Варъ, Адольфъ.** Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876 г., 3 части, цѣна за нихъ 7 руб. 50 к.
- Варъ, Поль.** Первая понятія о зоологіи. (3-е изданіе). Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Бюрстенбиндеръ.** Раздѣлка и улучшение земель. Руководство для практическихъ хозяевъ. Киевъ, 1895 г. Ц. 60 к.
- В. В. Артель** въ кустарномъ промыслѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Очерки теоретической экономіи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Наши направленія. Спб., 1893 года. Ц. 1 р. 50 к.
- Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб., 1892 г. Цѣна 1 р. 35 к.
- Итоги экономического изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I Крестьянская община. М., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Вагнеръ.** Химическая технология. Спб., 1892 г. Ц. 8 р.
- Какъ пріобрѣтаются болѣзни желудка. Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
- Вальтеръ-Скоттъ.** Иллюстр. романы: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о Монтроузѣ; 3) Аббатъ; 4) Антикваріи; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Ламермурская невѣста; 9) Черный карликъ; 10) Певериль Пикъ; 11) Шпатель; 12) Обрученные; 13) Веверлей; 14) Карлъ Смѣлый; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17) Робъ-Рой; 18) Ричардъ Линосе Сердце; 19) Вудстокъ. Спб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к.
- Квентинъ Дорвардъ. Романъ. М. 1885 г. Ц. 2 р.
- Ванковъ.** Полный карманный техникъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Турбины. Практическое руководство для техниковъ, сельскихъ хозяевъ (съ 46 рис.). Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Ванъ-Тигемъ.** Общая ботаника (морфологія, анатомія и физиологія растений). Подъ редакцію, съ примѣчаніями и дополненіями Ростовцева, съ предисловіемъ Тимирязева. 477 полит. М., 1895 г. Ц. 3 р. 75 к.
- Ванклингъ, Альфредъ.** Химія каменноугольно-газового производства. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Варіо, Ж.** Дѣтскій докторъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Вармингъ, д-ръ.** Систематика растений. М., 1893 г. Ц. 5 р.
- Вахтеровъ, В. П.** Всеобщее начальное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.
- Веберъ, Георгъ.** Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 92. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 9. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.
- Веберъ, К. К.** Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевого товара съ атласомъ. Спб., 1893 г. Ц. 5 р.
- Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтренъ и водныя двигателей съ атласомъ. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Канатное и веревочное производство (съ 58 рис. въ текстѣ). Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Вегеле, Францъ.** Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. В. Зюловскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.
- Вегетарианская кухня.** Населеніе къ приготовленію болѣе 800 блѣвъ, хлѣбовъ и напѣтковъ для беззубойго питанія, съ вступительною статьею о значеніи вегетарианства. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 70 к.
- Вейнбергъ, Павелъ.** Новые

- сказы и спены. Второе изданіе. Слб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Вейсъ, Германъ.** Вѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1876 г. Т. III, ч. 1-я часть 2-я. Москва, 1879 г. По 4 р. за каждую часть.
- Верецагинъ, В. В.** Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Дѣтство и отрочество. Т. I. М. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Веселовскій, Ал.** Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.
- Мизантропъ. Этюды о Мольерѣ. М., 1881 г. Ц. 2 р.
- Старинный театр въ Европѣ. Историческіе очерки. М., 1870 г. Ц. 2 р.
- Викторовъ, П.** Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.
- Винкельманъ, І. І.** Исторія искусства древности. Реваль, 1890 г. Ц. 3 р.
- Виноградовъ.** Extemporalia съ рус. яз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.
- Виноградовъ, Н. Федонъ.** Діалогъ объ идеѣ „бессмертіе“ философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.
- Виноградовъ, Павелъ.** Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.
- Виргилій, Маронъ.** Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.
- Книга 3-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 85 к.
- Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1883 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Вирховъ.** О питательныхъ веществахъ. Слб., 1891 Ц. 50 к.
- Владимірова, А. К. (А. Европеусъ).** Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Водовозовъ, В. И.** Книга для первоначальнаго чтенія. Ч. I Ц. 45 к. Ч. II. Ц. 80 к.
- Книга для учителей. Ц. 60 к.
- Русская азбука для дѣтей. Ц. 30 к.
- Руководство къ русск. азбуцѣ. Ц. 20 к.
- Дѣтскіе рассказы и стихотворенія съ картинками. Ц. 75 коп.
- Рассказы изъ русской исторіи Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.
- Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.
- (ловесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.
- Очерки изъ рус. исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
- Русскія сказки въ стихахъ съ картинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- Переводы въ стихахъ и оригинальными стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.
- Водовозова, Е. Н.** Жизнь европейскіхъ народовъ. Ч. I. Жители юга (съ 26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ переплетѣ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣвера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же. Ч. III. Жители средней Европы. Слб.
- На отдыхѣ. Иллюстрирован. рассказы для мал. дѣтей. (40 рис.). Ц. 1 р.; въ папѣ 1 р. 35 к. Слб.
- Изъ русской жизни и природы. Рассказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. Слб.
- Умственное и нравственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до школьнаго возраста (Изд. 4-е совершенно переработаное). Слб. Ц. 2 р.
- Одноголосныя дѣтскія пѣсни. (Музыка Рубца). Изд. 5-е. Слб., Ц. 1 р.
- Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Ц. 40 к.
- Турки. Слб., Ц. 40 к.
- Войнаровскій, П.** Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другія примѣненія электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Войславъ, С.** Развѣдки пластовыхъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ посредствомъ шурфованія. Слб., 1886 г. Ц. 2 р. 40 к.
- Расчетъ и построеніе частей машинъ и передаточныхъ механизмовъ. Текстъ съ атласомъ въ 76 таблицъ. Слб., 1885 г. Ц. 4 р.
- Уходъ за паровыми котлами. Слб., 1893 г. Ц. 1 р.
- Волкенштейнъ, П. Е.** Садовый словарь. Слб., 1889 г. Ц. 4 р.
- Ворисгоферъ, С.** Сказочная страна. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ роскош. переплетѣ.
- Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Слб., 1892 г., съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.
- Черезъ дѣбри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. Слб., 1894 г. (2-ое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
- Приключеніе контрабандиста. Слб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вундтъ, Вильгельмъ.** Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ (Пер. со 2-го нѣмецк. изд.). Слб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Душа и мозгъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
- Гаварре, Ж.** Теорія Гаусса, примененная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гавкинъ, Н. Я.** Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 4-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Гаймъ, Р.** Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. ц. 5 р. и Т. II. ц. 5 р. М., 1888 г.
- Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.
- Гамбургцевъ, В.** Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учрежде-

- нѣ по строительному дѣлу. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.
- Гано, А.** Полный курс физики (въ 2 ч.). Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
- **Магнетизмъ и электричество.** Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гарейсъ, Карлъ.** Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вѣсельнаго и морского права. Съ четвертаго, вновь переработаннаго и значительно измѣненнаго гѣмпецаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондовскій, товар. предсѣд. московскаго коммерческаго суда, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Персеова. Вып. первый. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Гаринъ, Н.** Дѣтство Тѣми. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.
- Гартманъ, Эдуардъ.** Сущность мирового процесса или философія бевсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.
- Гартвицъ.** Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.
- Гаспари, Альфредъ.** Исторія итальянской литературы. Т. I. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Гегаръ-Альфредъ.** Половое влеченіе. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.
- Гейнце, Н. Э.** Коронованный рыцарь. Историческій романъ изъ временъ царствованія императора Павла I. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- **Князь гаврицъ.** Историческій романъ. Въ 3 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- **Аракчеевъ.** Историческій романъ XIX столѣтія. Въ 2 томахъ и 6 частяхъ. Изданіе второе. Спб., 1895 г. Ц. за оба тома 2 р.
- Гервинусъ.** Автобіографія (съ 4 портретами) Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Герценштейнъ, М.** Кредитъ для земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.
- Герценъ, А.** Общая физиологія души (2 изд.). 1894 г. Ц. 75 к.
- Гердеръ.** Нѣмецко-русскій словарь важнѣйшихъ техническихъ терминовъ употребляемыхъ при описаніи и опредѣленіи растений. Спб., 1881 г. Ц. 50 к.
- Германъ, Ф. Л., д-ръ.** Какъ гдѣлись московскіе парки. Медико-историческій очеркъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 45 к.
- Гертвицъ, Оскаръ.** Клѣтка и ткань. Основы общей анатоміи и физиологіи (168 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Геттнеръ, Г.** Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кв. 1. Пер. А. Пыпина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.
- Гефдингъ, Г.** Очерки психологіи. М., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гиббонъ, Эдуардъ.** Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г.; часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.
- Гизо.** Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.
- Гильти, К.** Счастье. Популярныя очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Гинтервальднеръ.** Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.
- Гиршъ Вильямъ, д-ръ.** Гениальность и вырожденіе. Пер. со 2 нѣм. изд. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.
- Глинскій, А. Г.** Руководство къ частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. I. Вып. I. Инфекціонныя болѣзни. Съ двумя таблицами рис. Харьковъ, 1895 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Глинскій, В.** Біографическій очеркъ о Николаѣ Мих. Ядринцевѣ. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Гнейстъ, Рудольфъ.** Исторія государства, учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.
- Говсъева, А. А.** Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гоголь, Н. В.** Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Спб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.
- Головачевъ.** Десять лѣтъ реформъ. Спб., 1872 г. Ц. 3 р.
- **Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла.** Спб., 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.
- **Вопросы государственнаго хозяйства.** Спб., 1873 г. Ц. 1 р.
- Головачева-Панаева.** Русскіе писатели и артисты 1824—1870 гг. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Гольдсмитъ, Оливеръ.** Векфильдскій священникъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.
- Гольцендорфъ, Ф., проф.** Общественное мнѣніе. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Головъ, Д.** Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства (съ 95 рис. въ текстѣ). Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Гонюндзскій, Э. А.** Краткій очеркъ добыванія и обработки каучука и гуттаперчи. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- **Машины и станки для обработки картона.** Съ 40 рис. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 25 к.
- Гораций Сатиры.** Переводъ съ подстрочн. словаремъ. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 0 к.
- **Оды.** Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- **III и IV книги.** Изд. 2-е, сост. Скарловъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 60 к.

Горбуновъ. Программы мужскихъ гимназий и прогимназий. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 55 к.

— Программы городскихъ училищъ. Изд. 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.

— Программы реальныхъ училищъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.

Горкевичъ, Д. Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій Гай Салиустій Криспъ. Югуртинская война. Борисоглебскъ, 1893 г. Ц. 45 к.

Горнь, Винкель. Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Вальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.

Госпиталье, Э. Электричество въ домашнемъ быту (со многими рисунками). Спб., 1886 г. Ц. 2 р.

— Главнѣйшія приложенія электричества (2 изд.). Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Гофштеттеръ, И. Доктринеры капитализма (по поводу книги г. Струве: «Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи»). Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Грабинъ, А. Т. Воздушные замки. Комическій этюдъ. 2-е изд. М., 1895 г. Ц. 40 к.

Гравинкель. Справочная книга для электротехниковъ. Спб., 1898 г. Ц. 4 р. 80 к.

Гранатъ, А., и К^о. Настольный энциклопедическій словарь, 8 т. или 108—116 вып. М., 1894 г. Ц. вып. на обыкновенной бумагѣ ц. 80 к., на лучшей бумагѣ ц. 40 к. Тому въ ящикъ колен. пер., ц. 5 рублей, безъ переплета п. 4 р. 50 к., на лучшей бумагѣ безъ переплета ц. 5 р. 60 к., въ ящикъ колен. пер. 6 р.

Грегаруаръ, Л. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г.

Григоровичъ, И. И. Очерки новѣйшей исторіи (6-е изданіе). Спб., 1892 года. Ц. 2 р.

Гриммъ. Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Книжка I млад. возр., безъ пер. М. 1893 г. Ц. 20 к.

— Книжка II млад. в., б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.

— Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.

Гриммъ, братья. Сказки. 13 вып. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.

Гриммъ, Д. Очерки по ученію объ обогащеніи. Спб., 1893 г.

Гринъ, Джонъ. Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 8 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 1892 г.

книга VIII.

Громека М. С. О Л. Н. Толстом Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Гротъ, Н. Я. Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.

Грэхамъ, Ж. Ж. Русо. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.

Губеръ, Механика. Изд. 2-е. Спб., Гулишамбаровъ. Нефтяное отопленіе пароходовъ, паровозовъ, котловъ и проч. (3-е исправлен. и дополнен. изд. съ 150 рис.). Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 1891 г. Ц. 3 р.

Гурляндъ. Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.

Густафсонъ, Р. Сказки. Переводъ съ нѣмек. изданія. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ роск. перепл.—1 р. 75 к.

Густавсонъ. Двадцать лекцій агрономической химіи. Курсъ читанный въ Петровской земледѣльческой академіи. Второе изд. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гюббаръ, Гюставъ. Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Дюпельмайеръ. М., 1893 г. Ц. 2 р.

Гюго, Викторъ. Сочиненія въ двухъ томахъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.

— Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. II. Центральная книжная торговля въ Тифлисѣ, 1895 г. Ц. 20 к. за каждый выпускъ.

— Отважный предводитель негровъ Бюгъ-Жаргаль. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.

— Собраніе стихотвореній, въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. III. Тифлисъ, 1895 г. Ц. каждаго выпуска 20 к.

— Стихотворенія. Вып. IV. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.

Данилевскій, Г. П. Сочиненія въ 9-ти томахъ. (Изд. 7-е). Спб., 1892 г. Ц. 15 руб.

Данилевскій, Александръ. Основное вещество протоплазмы и его видоизмѣненія жизнью. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.

Данте, Алигьери. Божественная комедія. Адъ. Съ 68 рис. французскихъ художниковъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Божественная комедія. Чистилище. Съ 72 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Божественная комедія. Рай. Съ 74 рис. франц. худож. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Дебо, Эмиль. Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Декандолль, Альфонсъ. Мѣсто-происхожденіе воздѣлываемыхъ растений. Спб., 1885 г. Ц. 3 р. 60 к.

Деминевъ, В. М. Краткій курсъ электрической телеграфіи по программѣ техническихъ желѣзно-дорожныхъ учи-

- лицъ, съ отдѣльнымъ атласомъ чертежей. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Дешъ, Г. Ф.** Бездымное сжиганіе топлива въ топкахъ паровыхъ котловъ. Съ прилож. 254 чертежей въ отдѣльномъ альбомѣ изъ 39 таблицъ. Спб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Дерюжинскій, В. Ф.** *Naveas Cognus* Актъ и его приостановка по английскому праву. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Демосеенъ, Олинскій рѣчи.** Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Кіевъ, 1893 г. Ц. 65 к.
- Рѣчи противъ Филиппа. (2, 3 и 4). Кіевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.
- Дефоэ, Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.**
- Джабадари, И. С.** Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Джеромъ, К.** Правдивыя мысли глѣтла. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
- Диккенсъ, Чарльзъ.** Пол. соб. соч. 6 т. Спб., 1894 г. Ц. каждого тома 1 р. 50 к.
- Длусскій.** Стенографія. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Добкевичъ, В.** Конспектъ по уголовному процессу. Составленъ примѣнительно къ программѣ юридической комиссіи по судебнымъ уставамъ императора Александра II. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Доброе дѣло.** Сборникъ повѣстей и разсказовъ К. Баранцевича, А. Барыковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Маммина-Сибиряка, Н. Минскаго, И. Потапенка, Н. Рубакина, А. Стернъ, С. Филиппова. Москва, 1894 г. Ц. 90 к.
- Доброворскій, П.** Разказы, очерки и наброски. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.
- Додоновъ, А. М.** Руководство къ правильной постановкѣ голоса и изученію искусства глѣнн. М., 1891 г. Ч. I. Ц. 50 к. Ч. II, практическая, М., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к. Одобрено Петербургской и Московской консерваторіями.
- Дройзенъ, И. Г.** Исторія эллинизма. Пер. М. Шелгунова. Т. I, д. 3 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, д. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.
- Драперъ, Дж. В.** Исторія умственнаго развитія Европы, въ 2-хъ томахъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Дѣтское Чтеніе. XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894.** Редакторъ П. В. Голяховскій. Спб., 1894 г.
- Дювернуа, А.** Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1869 г. Ц. 18 р.
- Объ историческомъ наслѣвіи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.
- Станиславъ Зноескій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Блаженный Мессодій, первоучитель славянскій. Рѣчь, произнесенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтія для кончины бл. Мессодія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Дюмуленъ.** Цвѣтная фотографія. Воспроизведеніе красокъ фотографіей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Дюрсенъ, А., д-ръ.** Спутникъ гинеколога. Руководство для студентокъ и врачей. Пер. съ третьяго дополненнаго и исправленнаго изданія, съ 105 рис. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Евневичъ, Гидравлика.** Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.
- Европейская бібліотека.** Генрихъ Ибсенъ. Статистикъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Избранныя мысли Сафира. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
- Коппе, Франсуа: „Генриетта“. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.
- Тевъ, Ипполитъ: „Бальзакъ“. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
- Золя, Эмиль: „Завѣтъ матеря“. Спб., 1894 г. Ц. 40 к.
- Ежегодникъ.** Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Елпатьяевскій, С. Я.** Очерки Сибиря. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Ечинацъ, А.** Методика новыхъ языковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.
- Жакъе, Э.** Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Желанскій, А.** Скамья и кафедра. Разказы изъ гимназической жизни семидесятихъ годовъ. М., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Женэ, Рудольфъ.** Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Сторожена. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Жоржъ-Зандъ.** Замокъ Вильера. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Жуковъ, Николай.** Электрометаллургія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
- Жюль Вернъ.** Гекторъ Сервалакъ, путешествіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.
- Жѣ. Задачи по физикѣ.** М., 1892 г. Ц. 2 руб.
- Заблудовскій и Таненбаумъ.** Другъ кочегара. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Забѣлинъ, И.** Бунцово и древній Мѣтускій ставъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.
- Замысловатый квадратъ.** (Головоломъ). Изд. Ва. А. Попова. Цѣна 25 к., пересылка за 1 ф. по разстоянію.

Записки желудка. Переводъ съ 10-го англійскаго изданія. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.

Засодимскій, П. В. Задуманные рассказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-о). Спб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.

Затруднительное путешествіе. (Игра-задача для дѣтей). Изд. Вл. А. Погова. Спб., 1894 г. Цѣна 15 коп., съ пересылкой 25 коп.

Законы о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства. (Изданіе меоф. фид.). М., 1894 г. Ц. 80 коп.

Зелинскій, В. Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 3-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.

— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Справочникъ по русскому правописанію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.

— Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій. Изд. 3-е. М., Ц. 25 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.

— Справочный словарь буквѣн Ѣ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.

— Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.

— Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.

— Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.

— Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.

— Критическій комментарий къ сочиненію Ѡ. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.

— Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.

— Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти“. М., 1894 г. Ц. 35 к.

— Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы“. М., 1894 г. Ц. 50 к.

— Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I. М., 1894 г. Ц. 1 р.

— Критическіе комментаріи къ соч. А.

Н. Островскаго. Ч. II. Ц. 1 р. М., 1895 г.

Землеръ, Генрихъ. Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.

Земмерфельдъ, Т., д-ръ. Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ скарлатины, дифтерита, чохотки, тифа и друг. заразныхъ болѣзней. Врачъ въ домѣ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Зиберъ, Н. И. Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1888 г.

Златовратскій. Новые рассказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Золя, Эмиль. Серия романовъ Ругоны-Маккаръ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 21 р.

Зонтагъ. Болѣзни желудка и кишечъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Зудерманъ, Г. Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.

— Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.

— Свадьба Юланты и др. рассказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.

Зутнеръ, Верта. Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.

Ибсенъ, Генрихъ. Привѣдвія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Вальмонга. М., 1894 г. Ц. 50 к.

Ивановъ, Ив. Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.

Иванюковъ, И. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.

— Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.

— Основныя положенія теоріи экономической политикѣ съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Игерингъ, Рудольфъ. Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.

Изъ дневника Аміела. Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.

Иллюстрированная сказочная бібліотека. 30 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Порозовской, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп. 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 1894^{1/2} года.

Иллюстрированная пушкинская бібліотека (Изд. Павленкова), состоящая изъ 40 книжекъ со многими иллюстрац., цѣною отъ 2 к. и дороже (изд. 2). Спб., 1891 г.

Иллюстрированная Лермонтовская бібліотека (изд. Павленкова), состоящая изъ 30 книжекъ, цѣною отъ 2 коп. и дороже. Спб., 1891 г.

Ингрэмъ, Джонъ. Исторія политической экономіи. Пер. подъ редакціей Янжула. Ц. 1 р. 50 к. М., 1891 г.

Кадія. Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.

- Казотъ.** Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Камаровскій, Л., проф.** Война или миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
- Канониковъ.** Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
- Канторовичъ, Я.** Литературная собственность. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Кантъ, Иммануиль.** Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Кандезъ, Ѳ.** Приключеніе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскоши. переплетъ 2 р. 50 к.
- Карасевъ, А.** Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.
- Каронинъ (Петропавловскій).** Разсказы. 3 т. М., 1890 г. Ц. каждого тома 1 р. 50 к.
- Каро, Ѳ.** Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р., — Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.
- Карышевъ, Ив. А.** Православно-христіанскій взглядъ на основанія, принятыя гр. Л. Н. Толстымъ для своего лжеученія, изложеннаго въ его сочин. „Въ чемъ моя вѣра“. М., 1891 г. Ц. 60 к. — Духовно-правственннй міръ въ человѣкѣ по ученію св. православной вѣры. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Каррьеръ, Морицъ.** Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ человѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.
- Карѣевъ, Н., проф.** Роль идей, учреждений и личности въ исторіи. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Каццолино, Пр.** Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Квикъ.** Реформаторы воспитанія. Перев. и передѣлка З. Перцовой. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.
- Квитка-Основьяненко.** Панъ Халавскій. Миниатюрное изданіе Ф. А. Югансона. Кіевъ, 1893 г. Ч. I-я и 2-я. Ц. 50 к. — Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к. — Малороссійскія повѣсти, разсказанныя Грыцкомъ Основьяненко. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Кенигсбергъ, М. М., д-ръ меди.** Главныя основы анатоміи, физиологіи и гигиены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.
- Кенигъ, Ф., д-ръ.** Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихся. Въ 2 томахъ, съ 278 рис. Русское изд. третье. Спб., 1894 г. Ц. 10 р.
- Кесслеръ.** Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Киландъ, Александръ.** Ядъ. Фортуна (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Кингсфордъ, Анна, докт. мед.** Научныя основанія вегетарианства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 30 коп.
- Кистяковскій, А. Ѳ.** Элементарный учебникъ общаго уголовного права. Третье изданіе. Кіевъ, 1891 г. Часть общая. Цѣна 4 р.
- Кнейпцъ, Севастьянъ.** Мое вождленіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Кобеко.** Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.
- Кобелль.** Таблицы. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Ковалевская, Софія, и Леопольдъ, А.** Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.
- Ковалевскаго, М.** Очеркъ происхождения семьи и собственности. Лекціи, читанныя въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
- Козловскій, С. А.** Полныя рѣшенія и объясненія всѣхъ ариметическихъ задачъ И. П. Верещагина. Ч. III. Отношенія, пропорціи и правила тройныя (простое и сложное), простыхъ пропорцій, учета векселей, цѣнное, пропорціональнаго дѣленія, смѣшенія и уравненія сродковъ платежей (съ № 2466—3288 включительно). Минскъ, 1895 г. Ц. 75 к.
- Коломбо, маркиза.** Красавица. Разсказы. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.
- Коломбъ, Ж.** Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскоши. переплетъ.
- Кольбе.** Введеніе къ ученію объ электричествѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Колѣ, Л.** Дѣтство и юность великихъ людей (Важнѣйшіе эпизоды и выдающіяся приключенія въ ихъ жизни). Съ 57 рис. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Корелинъ, М. С.** Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія. Вып. 1 и 2. М., 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.
- Коренбитль, А. И.** Нѣмецко-русскій техническій словарь. 25 выпусковъ. Ц. каждого вып. 40 к. М. 1892—1895 гг. (всего будетъ 35—40 выпусковъ).
- Корнетъ, Г.** Какъ уберечь себя отъ чахотки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Коропчевскій, Д. А.** Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой А рки. М., 1886 г. Ц. 65 к.
- Короленко.** Голодный годъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 35 к.
- Корсакъ, Марія.** Первоначалъ уроки русской грамматикѣ. Ц. 60 коп. М., 1878 г.

- Коршъ**. Всеобщая история литературы. Томъ III. Спб., 1888 г. Ц. 5 р.
- Томъ IV. Спб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.
- Коренблитъ, А. И.** Нѣмецко-русскій техническій словарь 5 вып. (1 т.). Ц. каждого вып. 40 к. М., 1892—1895 года (всего будетъ 35—40 выпусковъ).
- Корнигъ**. Первый вѣкъ и первое поколѣнiе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.
- Гигиена цѣломудрiя. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
- Корфъ, Н. А.** Нашъ другъ, книга для чтенiя въ школѣ и дома (16 изд.). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Костычевъ, П.** Общедоступное руководство къ земледѣлю (Изд. 2). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Обработка и удобрение чернозема. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Ученiе объ удобрении почвъ. (Изд. 2). Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Котельниковъ, М. Г.** Справочная книжка по виноуренiю для лицъ акцизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Котельниковъ**. Начальныя свѣдѣнiя по скотоводству (Изд. 3). Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
- Бесѣды по земледѣлю. Вып. I. О почвѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобрении почвъ. 1894 г. Вып. III. Травосѣянiе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1895 г. Вып. V. О воздѣлыванiи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколиствен. мучнистыя растенiя. 1892 г. Вып. VII. О воздѣл. картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Спб. Цѣна кажд. вып. 30 к.
- Коченовскiй**. Краткое руководство къ простому изслѣдованiю сельско-хозяйственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 80 к.
- Краткiй курсъ кожныхъ и venerическихъ болѣзней. Составленный примѣнительно къ программѣ испытательной медицинской комиссiи. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Краффтъ-Эбингъ**. О здоровьѣ и большихъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 к.
- Судебная психопатологія (Перевелъ Ал. Черемшанскiй). Спб., 1895 г. Ц. 5 руб.
- Крестовскiй, В.** (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кривенко, Н.** Бесѣды о рогатомъ скотѣ. М., 1892 г. Ц. 70 к.
- Криста, М.** Конечъ крейперовой соваки Льва Толстого. Спб., Ц. 30 к.
- Киницкiй, Маркъ**. Въ туманѣ. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.
- Кихлеръ, Францъ**. Породы собакъ. Описание всѣхъ породъ собакъ: хотничныхъ, сторожевыхъ, защитныхъ, комнатныхъ. Дрессировка собакъ. вѣбники собакъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Кугловъ, А. В.** Свои-чужіе. Романъ. Кіевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.
- Поля колосомъ живви. Повѣсти и рассказы. Кіевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.
- Незабудки. Рассказы и стихотворенiя для дѣтей. Спб. 1885 г. Ц. 1 р. 50 к., въ роскошн. перелд.—2 р.
- Вечерние досуги. Сборникъ дѣтск. рассказ. и стихотворенiй, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Добримъ дѣтямъ иллюстрированныя рассказы въ прозѣ и стихахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Крыловъ, И. А.** Избранныя басни для школъ и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.
- Ксенофонтъ**. Анабазисъ. Поэстропч. пер. Кримера. Книга I-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Книга II-я, изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Книги III-я, и IV-я, изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.
- Книги V-я, VI и VII. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.
- Куглеръ, Францъ**. Руководство къ исторiи искусства, обработан. Любке. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстѣ, к. 5 р. М. 1869 г.; т. II, ц. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.
- Руководство къ исторiи живописи со временъ Константина Великаго. Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.
- Кузьминскiй, К. Н.** Устройство сценъ для любителейскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Кулагинъ Н.** Насѣкомыя, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россii (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Кулешовъ, П.** Свиноводство. М. 1893 г. Ц. 1 р.
- Коневодство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Научныя и практическія основанiя подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.
- Куно - Фишеръ**. Леснигъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Разсадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.
- Артуръ Шопенгауеръ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Курбскiй, А. С.** Русскiй рабочiй у сѣверо-американскаго плантатора. Спб., 1875 г. Ц. 2 р.
- Курцусъ, Эрнстъ**. Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.
- Лабрюйеръ, Жанъ**. Характеры или нравы этого вѣка (съ предисловіемъ Прево-Парадоля и Сентъ-Бѣва). Спб., 1890 г. Ц. 2 р.
- Лабуль, Эдуардъ**. Голубыя сказки. Въ роскошномъ перелетѣ съ 150 рисунк. Спб., 1894 г. Ц. 8 р.
- Лавелъ, Эмиль**. Балканскiй полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.
- Лависъ, Э.** Общiй очеркъ политической исторiи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.

- Лампрехтъ, Карлъ.** Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (часть I и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.
- Ландцергъ, В. П.** Спутникъ по России. Дѣтнее движеніе. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Леббокъ, Дж.** Красота природы и чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 полит. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.
- Радости жизни. Второе исправленное и дополненное изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Лёбе, В.** Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслодѣліе и сыровареніе. Съ 42 рис. въ текстѣ. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Лёвенфельдъ, Л.** Половая нейрастенія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.
- Левицкій, В. Н.** Временныя правила о волостномъ судѣ, преобразованномъ по закону 12 іюля 1889 года. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Левитовъ.** Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. М., 84.
- Ле-Вонъ, Густавъ.** Эволюція цивилизацій. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
- Ладвезъ.** Фото-сеши и фото-сангвинъ. Руководство для фотографовъ-любителей. М., 1895 г. Ц. 35 к.
- Лейбницъ, Г. В.** Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лейненбергъ, Н.** Берегите дѣтей отъ вина, пива и водки! Мнѣнія 45 выдающихся ученыхъ о влияніи спиртныхъ напитковъ на тѣлесное, духовное и нравственное здоровье дѣтей. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Леонтьевъ, Н. I.** Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Лермонтовъ, М. Ю.** Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Лессингъ, Г.** Мина фонъ-Барнфельмъ. Перев. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Равсадина. Ц. 3 р. М., 1883 г.
- Дратянич. соч.: Мина фонъ Барнфельмъ, Эмилія Галотти, Натанъ Мудрый. Спб. 1886 г. Ц. 2 р.
- Лесгафтъ, Ф.** Хлѣбопечкарное производство (по Бирнбауму) и описаніе производствъ сузарей и проч. на русскихъ заводахъ. Спб., 1880 г. Ч. I. Ц. 3 р.
- Ливій, Титъ.** Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцевъ и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Исторія Рима отъ основанія города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.
- Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.
- Липпертъ, Ю.** Исторія культуры. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Ли, Юнасъ.** Осужденный на вѣкъ. Разсказъ, съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Лихіе наѣздники.** (Шутка-задача для дѣтей). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 10 к.
- Лодыгинъ, П.** Дѣдушкины разсказы о лошади—кормилцѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Спб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Лотце, Германъ.** Микровозмъ (мысли о естественной и бытовой исторіи челоуѣка, омытъ антропологіи). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М., 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.
- Луговой, А.** Добей еро! (Pollice verso). Паралели. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.
- Соч. Т. I. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Сочиненія. Т. II-ой. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Лункевичъ, Г.** Наука о жизни. Общедоступная физиологія челоуѣка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Лучицкій, И., проф.** Проповѣдькъ религиозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
- Льюисъ, Георгъ Генри.** На берегу моря (зоологическіе этюды). М., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лѣтневъ, П.** Незадѣланный Сачъ. Ромъ. Вмѣсто хлѣба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.
- Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- На волоскѣ. Ром. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Поверекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- На смѣну прошлаго. Ром. Безъ волъ. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.
- Вѣшная лощина. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Волчья яма. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Сочиненія. 10 томовъ. Кіевъ, 189 г. Ц. 8 р.
- Любке, Вильгельмъ.** Исторія искусства съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева, съ 231 рис. въ текстѣ. Ц. 6 р. М., 1870 г.
- Магаффи, Дж.** Исторія классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (поэзія). Ц. 1 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.
- Магнусъ Влаубергъ.** Русское виноградное вино и хересъ. М., 1884 г. Ц. 2 р.
- Маевскій, П.** Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растенія. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к. Изд. 2-е исправлен. и дополн.

Майеръ, Викторъ. Задачи химіи нашего времени. Спб., 1890 г. Ц. 50 к.

Мазуринъ, К., и Высоцкій, В. Формулы по арифметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.

Макарова, С. Отголоски старины. Историческіе рассказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ коленкоромъ переплетѣ 1 р. 30 к.

Македонскій. Права и обязанности подсудимаго предъ военнымъ судомъ. М., 1886 г. Ц. 1 р.

Маклеодъ, Д. Г. Основанія политической экономіи. Спб., 1866 г. Ц. 2 р. 50 к.

Максимъ Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Т. I. М., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.

Максимовъ, С. В. Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.

— Куль хлѣба и его похожденія. Четвертое иллюстрированное изданіе. Спб., 1894 г. Ц. р. 50 к.

Мальтусъ, Т. Р. Опытъ закона о народонаселеніи. Вып. III. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Дѣтскія тѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.

— Рассказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.

— Акъ-Бозать. Рассказъ. М., 1895 г. Ц. 30 к.

Мантегацца, П. Физиологія любви. Второе исправленное изд. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.

— Физиологія женщины. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мартыновъ. Anciens monuments des environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10 р.

Мартъ, Констанъ. Философіи и поэти-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсака. Ц. 2 р. М., 1879 г.

Материалы для біографіи Добролюбова, собран. въ 1861—1862 гг. Т. I. Ц. 2 р. М., 1890 г.

Маракуевъ, Н. Н. Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р.

— Галилей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.

Масперо, Ж. Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.

Массе. Исторія кусочка хлѣба. Спб., 1877 г. Ц. 1 р. 50 к.

Васловичъ, Н. Татьянинъ день 12 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.

Вандели, Генри. Сонъ и сновидѣнія. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.

Вуреръ, Людвигъ. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.

Маттегъ, Григорій. Баба и другіе рассказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Блудный сынъ. Повѣсть. (Силуэты. Т. I). Изданіе 2-ое. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.

Между прочимъ. Сбор. рассказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.

Международная бібліотека. № 1. Ферд Брюнетьеръ. Источники пессимизма, 2-е изд. Ц. 15 к. № 2. Кеттлеръ. Что такое женская эмансипація. 2-е изд. Ц. 15 к. № 3. Вундтъ. Связь философіи съ жизнью за послѣдніи 100 л. 2-е издан. Ц. 15 к. № 4. Леметръ. Этюды о русскихъ писателяхъ: Достоевскій, Островскій. 2-е изд. Ц. 15 к. № 5. Шенбахъ. Государственный строй С.-Амер. Соедин. Штатовъ. 2-е изд. Ц. 15 к. № 6. Брюнетьеръ. Отличительный характеръ французской литературы. Ц. 15 к. № 7. Шарль Рише. Гениальность и помѣшательство. Ц. 15 к. № 8. фонъ-Шеля. Самоубійство и современная цивилизація. Ц. 15 к. № 9. И. Тэнъ. Шекспиръ. Ц. 15 к. № 10. Рене Думикъ. Литература и вырожденіе. Ц. 15 к. № 11. Луио Брентано. Причины экономическаго расстройства въ Европѣ. Ц. 15 коп. № 12. Брандесъ. Звѣрь въ человѣкѣ. Ц. 15 к. № 13. Лесли Стефенъ. Этика и борьба за существованіе. Ц. 15 к. № 14. Отто-Генне-амъ-Ринъ. Законы культуры. Ц. 15 к. № 15. Ф. Штрайслеръ. Происхожденіе семьи. Ц. 16 к. № 16—17. А. Фулье. Психологія мужчинъ и женщинъ и ея физиологическія основанія. Ц. 25 к. № 18. А. Шоненгауэръ о возрастахъ человѣка. Ц. 15 к. № 19. По Лабанду. Государственный строй германской имперіи. Ц. 15 к. № 20. Густавъ Шенбергъ. Новая политическая экономія. Ц. 15 к. № 21. Альфредъ Бинъ. Механизмъ мышленія. Ц. 15 к. № 22. Ф. Паульсенъ. Гамлетъ, какъ трагедія пессимизма. Ц. 15 к. Рюенингъ. Что такое социальный законъ № 23. Ц. 15 к. Фердинандъ Лагранжъ. Реформа физическаго воспитанія № 24. Цѣна 20 к. Шарля Ферре. Наслѣдственность болѣзненнаго предрасположенія № 25. Ц. 15 к. Миттермайеръ. Судъ присяжныхъ и его значеніе № 26. Ц. 15 к. № 27. Сила и право. Меркеля. № 28. Основы государственной критики. А. Гаффельта. № 29. Государственный строй Франціи, по Лабону. № 30. Исторія народнаго образованія въ Англіи, Л. Флейшнера. Ц. 15 к. № 31. Нервная система человѣка. Д-ра П. Мебуса. Ц. 15 к. № 32. Эмиль Золя. Георга Брандеса. Ц. 15 к.

Мебіусъ, д-ръ. Гигіена, діета и леченіе нервныхъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.

Мейеръ. Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.

- Мекензи, Уолласъ.** Россія. Т. I и II. Спб., 1880. Ц. 5 р.
- Мензбиръ, М.** Дарвинизмъ въ биологіи и близкія къ ней науки. М., 1886 г. Ц. 75 к.
- Мессеръ.** Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.
- Металлодавильное дѣло** (выдавливаніе полныхъ металлическихъ издѣлій) съ 8 табл. М., 1893 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Микуличъ, В.** Заряды. М., 1895 г. Ц. 65 к.
- Миллеръ, В. П.** Аквариумъ. Краткое руководство къ уходу за аквариумомъ и его населеніемъ. Описаніе водяныхъ растений и рыбокъ. Съ 37 рис. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Милль, Джонъ-Стюартъ.** Основанія политической экономіи. Вып. IV. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Мильтонъ.** Потерянный и возвращенный рай. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Миллюковъ, П. Н.** Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Михайловъ-Викторовъ.** Собраніе анекдотовъ изъ жизни замѣчательныхъ людей. Т. 2. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Михайловскій, Н. К.** Литература и жизнь. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.
- Критическія опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Михеевъ, В. М.** Художники. Очерки и рассказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Мольеръ.** Собр. соч. въ 3-хъ т. Спб., 1884 г. Ц. 7 р. 50 к.
- Молло, М.** Правила адвокатской профессіи во Франціи. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Момсенъ, Ф.** Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, д. 6 р. М., 1887 г. Т. II и III, д. 7 р. М., 1887 г. Т. V, д. 3 р. 50 к. М., 1885 г.
- Мопассанъ, Гюи.** Монть-Ориоль. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.
- Сочиненія, избранныя Л. Н. Толстымъ. 1 т. М. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к. Т. 2-й. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- На водѣ, сборникъ рассказовъ. Пер. съ фр. Никифорова, съ предисловіемъ Л. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Морлей, Джонъ.** Вольтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.
- Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г.
- Дядро и энциклопедиста. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 коп. М., 1882 г.
- МОРЪ.** Краткая этимологія греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Москвичъ.** Путеводитель по Крыму (4 изд.). 1895 г. Ц. въ колѣнк. пер. 1 р.
- Мостовскій М.** Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.
- Мотлей, Д. Л.** Исторія Нидерландской революціи. 3 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.
- Мункъ, Г.** д-ръ мед. Руководство къ кормленію больныхъ, для врачей, студентовъ и завѣдующихъ больницами, приютами и пр. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Мусселюсъ, В.** Русско-латинскій словарь. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Мудреный кругъ.** (Головоломка). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 25 коп., пересылка за 1 ф. по разстоянію.
- Мятлевъ, И. П.** Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Полное собраніе сочиненій. Изданіе иллюстрированное. М., 1894 г. Три тома. Ц. 1 р. 20 к.
- Мясницкій, Ив.** Замокворѣцкія свѣдѣнія. Юмористич. рассказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- „На добрую память“ изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., составл. Никифоровымъ.
- Надсонъ, С. Я.** Литературные очерки (1883—1886 гг.). Спб., 1887 г. Изд. 2-е Ц. 1 р.
- Наединъ.** Сборникъ переводныхъ повѣстей, рассказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Доде, Бьерсонъ - Бьернстерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана, Уйда, Поля Маргеритъ, Франсуа Коппе, Пьера Лоти, Жана Риншена, Поля Бурже. М., 1894 г. Ц. 70 коп.
- Народныя русскія сказки и загадки.** Собранныя сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ накѣ 1 р.
- Неверъ, Эмилиа.** Искусство быть красивой. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Немировичъ-Данченко, В. И.** Гроза. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Овѣда-рудоконъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Контрабандисты. Романъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.
- На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.
- Больное сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.
- Немировичъ-Данченко, Влад. Ив.** Старый домъ (Мертвая тѣнь). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Нетькса, М. А.** Краткое руково-

- ство кузнецкого дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Съ 433 полтипаж. въ текстѣ и 4 литогр. табл. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Способы воздуховасященія комнатныхъ акваріумовъ. Съ 37 полтипаж. въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Нефедовъ, Ф. Д.** Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.
- Томъ II. М., 1805 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Нивелирный планъ города Москвы, съ указаніемъ раздѣленія города на судебноміровые участки и съ описаніемъ ихъ.** М., 1894 г. Ц. 75 к.
- Никитинъ, В. Н.** Обломки разбитаго корабля. Сцены у мичманскійхъ шестидесятихъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
- Николаевъ, П.** Активный прогрессъ и экономическій матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.
- Николаевъ, Н.** Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Нордау, Максъ.** Врожденіе. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Въ поискахъ за истиной (парадоксы, изд. 3-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Нотнагель, Г. д-ръ.** Руководство къ фармакологіи, въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 4 р.
- Новѣйшая исторія Англіи 1866—1895 гг.** Краткій очеркъ событий. Изд. „Международной бібліотеки“. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Новѣйшая исторія Германіи 1866—1895 гг.** Краткій очеркъ событий. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Нурокъ.** Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Ньюкомбъ, С., и Энгельманъ, Р.** Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Спб., 1894—1895 гг. Ц. I и III вып. по 1 р. 40 к., подлинная цѣна за все соч. (4 вып.) 5 р. 60 к.
- Нюренбергъ, А. М.** Гороховое положеніе (изд. 2-е). М., 1893 г. Ц. 80 к.
- Правила о раздробительной торговлѣ крѣпкими напитками (изд. 2). М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ при участіи Э. К. Брандта составленъ Я. Н. Шмулевичемъ** (Изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
- Объ устройствѣ водныхъ клезетовъ** (16 рис. въ текстѣ), изд. „Ремеслен. Газетъ“. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Овидій, Назонъ.** Избранныя басни въ „Метаморфозъ“. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метоморфозъ“.
- Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. біографіи автора. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 к.
- Огородниковъ, П.** Въ странѣ свободы. Библіотека современныхъ писателей. Въ 2-хъ т. Спб., 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Оже, Люсьенъ.** Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Ольденбергъ, Германъ.** Будла, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.
- Оржешко, Элиза.** Дикарка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.
- Орловъ, К. В., д-ръ мед.** Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ солдатъ. Изд. 2 исправленное и дополненное. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб.
- Оровичъ, Я.** Женщина въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.
- О свободѣ воли.** Рефераты и статьи членовъ психологическаго общества. М., 1889 г. Ц. 2 р.
- Освальдъ, Фридрихъ.** Лягавая собака. Руководство въ уходу за лягавою собакой. Ея воспитаніе, содержаніе и дрессировка безъ побоевъ. Лечебникъ собакъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Острогорскій, Викторъ.** Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.
- Выразительное чтеніе. Посobie для учащихся и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Изъ міра великихъ преданій. Разказы для юношества. Изд. 5-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р.
- Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.
- Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Хорошіе люди. Сборникъ разказ. съ 45 рисунк. (изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскошн. перепл.—1 р. 60 к.
- П., Г.** Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.
- Павленковъ, Ф.** „Жизнь замѣчательныхъ людей“ (Биографическая бібліотека). Аввакумъ, Аядерсенъ, Аристотель, Бальзагъ, Бахъ, Байронъ, Бентамъ, и Беккариа, Берне, Беконъ, Бѣлинскій, Карлъ Вэръ, Беранже, Ветховенъ, Богданъ Хмѣльницкій, Боккаччо, Бомарше, Боткинъ, Джордано Бруно, Рихардъ Вагнеръ, Леонардо-да-Винчи, Волковъ, Вольтеръ, Воронцовъ, Галилей, Гарвей, Гарибальди, Гарриксъ, Гегель, Гейне, Гёте, Гладстонъ, Глинка, Говардъ, Гоголь, Грахъ, Грибоѣдовъ, Григорій VII, А. Гумбольдъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго,

- Датерръ и Нипсъ, Длаамбергъ, Дантъ, Дарвинъ, Даргомыжскій, Дашкова, Демидовы, Державинъ, Дефо, Дженнеръ, Диккенсъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жоржъ-Зандъ, Жуковский, Ивановъ (худож.), Иоаннъ Грозный, Кальвинъ, Каярнинъ, Кантъ, Кантемиръ, Каравинъ, Карамзинъ, Карлейль, Кенплеръ, Кетле, Ковалевская, Колумбъ, Кольцовъ, Конфуцій, Кондорсэ, Контъ, Коперникъ, баронъ Корфъ, Крамской, Кромвель, Крыловъ, Кювье, Лавуазье, Лапласъ, Лейбницъ, Лермонтовъ, Лессепсъ, Лессингъ, Линнгейтъ, Ланкольтъ, Лявней, Лобачевскій, Лойола, Локъ, Ломоносовъ, Ляйбелль, Маколей, Мейербергъ, Микель-Анджело, Милль, Мильтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Мольтеръ, Монтезкь, Томасъ Моръ, Моцартъ, Никитинъ, Никонъ, Новиковъ, Ньютонъ, Робертъ Оуэнъ, Паскаль, Песталоцци, Перовъ, Пироговъ, Писемскій, Потемкинъ, Пржевальскій, Прудонъ, Пушкинъ, Рабле, Рафаэль, Рембрандтъ, Рихелье, Ротшильды, Руссо, Сага-Муни, Салтыковъ, Савонарола, Свифтъ, Сенковскій, Сервантесъ, Скобелевъ, Вальтеръ-Скоттъ, Адамъ Смитъ, С. Соловьевъ, Сперанскій, Стефенсонъ и Фультонъ, Струве, Стэнли, Стрѣвъ, Теккерей, Толстой, Торквемада, Тургеневъ, Уаттъ, Ушинскій, Фарадей, Фонвизинъ, Франклинъ, Цвингли, Шевченко, Шиллеръ, Шопенгауэръ, Шопенъ, Шуманъ, Щепкина, Эдисонъ и Морзе, Джоржъ Элиотъ, Юмъ, Фодотовъ
- Пальчикова.** Двѣ сказки для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.
- Парксъ, Генрихъ.** 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.
- Паульсенъ, Фр.** Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. Изд. редакціи журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Паульсонъ.** Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.
- Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.
- Пель.** Фальсификаціи и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
- Пашкевичъ, В.** Кульгура лѣкарствен. растений. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Пекаторосъ, Г. М.** Человѣческія расы. Народы Африки № 1. Серия II. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.
- Пелисье, Ж.** Французская литература XIX вѣка. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Пергаментъ, О.** Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. Кіевъ, 1890 г. Ц. 60 к.
- Персональный.** Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к
- Песоцкій, Н. А.** Древесная шерсть, ея употребленіе и производство (съ чер- тежами на отдѣльныхъ листахъ). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Петровъ, А. Н.** Русская военная сла. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.
- Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ.** Лекціи по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
- Петунниковъ, А.** Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растеній. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Пешель, Оскаръ.** Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.
- Писаревъ, Д. И.** Пол. собр. соч., въ 6 т. Спб., 1894 г. Ц. 6 р.
- Платонъ.** Апологія Сократа. Подстроич. пер. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Критонъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.
- Плутархъ.** Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.
- Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.
- Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1893 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.
- Покровский, К.** Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Покровский, Е. А.** Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.
- Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Русскія дѣтскія подвижныя игры. М. 1892 г. Ц. 75 к.
- Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (Популярное руководство для матерей). М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (нвх. 2-е).
- Покорни, д-ръ.** Общее земледѣніе. Ч. 8-я (послѣдняя). М. 1891 г. Ц. 2 р.
- Политикосъ.** Европейскіе монархи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Полонскій, Я. П.** На закатѣ. Стихотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Поповъ.** Курсъ общаго скотоводства. Казань. 1894 г. Ц. 2 р.
- Порошинъ, Ив.** Разказы. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Потапенко, И. Н.** Повѣсти. 8 т. Спб., 1893 г. Ц. каждого т. 1 р.
- Починъ.** Сборникъ общества любителей россійской словесности на 1895 годъ. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Прейеръ, В.** О сохраненіи здоровья и продленіи жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 50 коп.
- Прессъ.** Руководство въ борьбѣ съ огнемъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Спб., 1891 г. Ц. по 1 р.
- Искусственное высушиваніе деревъ, съ 25 рис. 2 исправл. и дополн. изд. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

- Прельсъ, Р.** Эстетика. Подъ редакціей и съ дополнителною статьею В. В. Чуйко. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Приготовление протравъ для дерева и подѣлка простыхъ породъ дерева.** Изд. „Ремеслен. Газеты“, 2-е дополнен. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Программы домашняго чтенія на 1894—1895 г.** Комиссія по организаціи домашняго чтенія. М., 1894 г. Ц. 25 к.
- Проблески.** Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Пругавинъ, А. С.** Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Слб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Прудонъ, П.** Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Слб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Птицынъ, Владиміръ.** Древніе адвокаты и наши присяжные судейскіе. Слб., 1894 г. Ц. 50 к.
— Адвокатъ за адвокатуру. Слб., 1895 г. Ц. 30 коп.
— Пересмотръ нашихъ судебныхъ законовъ. Слб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Путешествія В. В. Юнкера** по Африкѣ. Иллюстр. Петри, съ 114 рисунками. Слб., 1893 г. 3. р. 50 к.
- Пушкинъ, А. С.** Пол. собр. сочиненій. Слб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.
- Радца-Вай (Е. П. Влыватская).** Изъ пещеръ и дѣбрей Ивлинъ. Загадочныя племена на „Голубыхъ горахъ“. Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Раевскій, М. Н.** Плодовая школа и плодовой садъ. (Изд. 4-е). Слб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Райтъ, Л.** Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимосы и алеуты. М., 1888 г. Ц. 15 к.
- Регель.** Содержаніе и воспитаніе растений въ комнатахъ. Изд. 2-е. Слб., 1890 г. Ц. 5 р. 50 к.
— Однолѣтнія и двулѣтнія цвѣтущія растения. Изд. 3-е. Слб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Рейтцъ, В.** Лекціи по патологіи и терапіи дѣтскаго возраста. Слб., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Рейхъ.** Оптическая гигиена глазъ. Слб., 1893 г. Ц. 1 р.
- Рекламъ, Карлъ.** Ключъ къ здоровью. Популярная гигиена. Киевъ, 1893 г. Ц. 60 к.
- Реклю, Э.** Современныя политическія дѣятели. Слб., 1876 г. Ц. 2 р.
- Рембольдтъ, Д-ръ.** Школьная гигиена. Пер. съ нѣмецкаго д-ра И. М. Рахманникова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Ренанъ, Эрнестъ.** Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к.
— Историческіе и религіозные этюды. Изд. 3. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Рецептура.** Составлена для студентовъ-медиковъ. Киевъ. Ц. 50 к.
- Рибо, Т.** Современная англійская психологія. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.
— Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Слб., 1894 г. Ц. 80 коп.
— Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 доводн. франц. изд. Слб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Рикардо, Давидъ.** Начала политической экономіи. Вып. II. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Риль, А.** Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Борша. Ц. 2 руб. М., 1888 г.
- Ричардсонъ, Чарльзъ.** О выборѣ книгъ. М., 1889 г. Ц. 50 к.
- Рише, Шарль.** Черезъ сто лѣтъ. Слб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Розенбахъ.** Современный мистицизмъ. Слб., 1891 г. Ц. 60 к.
- Розенбергъ-Липинскій.** Практическое земледѣліе (Изд. 5). Слб. 1893 г. Ц. 8 р.
- Романовъ, С. И.** Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Ромашкевичъ, П. А.** Полный русскій орографическій словарь. Настольная книга для всякаго, пишущаго по русски. Составленъ по „русскому правописанію“ академика Як. Грота. Изд. третье исправл., дополн. и вновь обработанное. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Рони, Ж.** До истопа. Слб., 1892 г. Ц. 50 к.
- Ростовская, М. Э.** Звѣзочки. Повѣсти и рассказы для дѣтей. Съ раскрашенными рисун. Изд. третье. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Жучка. Рассказъ для дѣтей. Съ литографированными рисунк. Изд. третье. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Четыре времени года. Рассказы изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Изданіе третье. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Сельцо Лебазье. Повѣсть для дѣтей. Съ хромолитографированными рисунк. Изд. третье, исправлен. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
— Пони. Приключенія эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей съ хромолитографированными рисунками. Изд. третье. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Рошау, А. Л.** Исторія Франціи. Ч. I и II. Слб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Рудзкій, Ал.** Лѣсная таксація. Посobie для лесничихъ и лесопромышленниковъ. (Изд. 2). Слб., 1890 г. Ц. 3 р.
- Руководство для метеорологическихъ наблюденій.** Изд. харьковскаго календаря. Харьковъ, 1894 г. Ц. 30 к.
- Руссо, Жанъ-Жакъ.** Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.

- Русскій сельскій календарь. Годъ II. М., 1895 г. Ц. 20 к.
- Ручныя тѣни. (Любимая дѣтская забава). Изд. Вл. А. Попова. Спб., 1894 г. Ц. 15 к., съ перес. 25 к.
- Рѣшетниковъ, Е. М. Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Спб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.
- Рябининъ. Элеваторы и наше увлеченіе ими. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Саади-Ширази. Гюлистанъ, „Цвѣтныя розы“. Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.
- Сабатье, П. Жизнь Франциска Ассизскаго. Перев. съ франц. М., 1895 г. Ц. 90 к.
- Салтыковъ (Щедринъ). Полное соб. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р. Спб., 1894 г.
- Саловъ, И. Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Съ натурн. Очерки и рассказы. М., Ц. 1 р.
- Саллюстіи Криспъ. Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины“. Состав. Логвиновъ. Киевъ, 1886 г. Ц. 60 коп.
- Сборникъ рисунковъ токарныхъ издѣлій. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборникъ рисунковъ мебели и столярныхъ издѣлій. М. Ц. 2 р.
- Сборникъ общества любителей російской словесности на 1891 г. М., 1891 г. Ц. 4 руб.
- Свифтъ, Джонатанъ. Путешествіа Лемьюэля Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.
- Святловскій, В. В. Фабричная гигиена (163 рис.). Спб., 1891 г. Ц. 4 р.
- Севедъ, Риббингъ. Половая гигиена и ея нравственные послѣдствія. Одесса, 1893 г. Ц. 1 р.
- Бракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.
- Сѣлли, Джемсъ. Геніальность и помѣшательство. Спб., 1895 г. Ц. 15 к.
- Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе рассказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Серао, Матильда. Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Сервантесъ. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Лимацкій. Т. I. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сигеле. Преступная толпа (опытъ коллективной психологій). Спб., 1893 года. Ц. 30 к.
- Сикорскій. Занзаніе. Спб., 1889 г. Ц. 3 р.
- Симсонъ, Э. О невѣдѣчѣ собственныхъ подданныхъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.
- Сиповскій, В. Ц. Сохранять и его время. Историческіе очерки. П. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 85 коп.
- Скабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей русской литературы. 1848—1892 гг. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
- Очерки исторіи русской певзури (1700—1863 г.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Сочиненія: критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики (въ 2-хъ томахъ). Спб. 1895 г. Ц. 3 р. Изданіе 2-ое.
- Скворцовъ. Гигіена. Спб., 1881 г.
- Сковронская, Марія. Изъ жизни фантазія. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Скоровъ, А. Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о крестьянахъ. Т. I (изд. 3-е). Уфа, 1891 г. Ц. 5 р. Т. II. М., 1893 г. (изд. 2-е). Ц. 4 руб.
- Уставъ горный. Т. I (изд. 3-е). М., 1895 г. Ц. 4 р. Т. II. Уставъ о частной золотопромышленности. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Уставъ лечебныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. М., 1894 г. Ц. 70 к.
- Скоровъ. Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Скоровъ, А., и Богдановъ. Руководство для волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и сборщиковъ податей. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Формы приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 60 коп.
- Скоровъ и Полянскій. Сводъ уставовъ о службѣ гражданской. Т. I. Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. М., 1895 г. Ц. 2 р. Т. II. Уставы о пенсіяхъ. М., 1895 г. Ц. 2 руб.
- Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Изд. 3-е. Киевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Сказки русскаго народа. 7 в. М., 1894 г. Ц. каждаго выпуска 25 к.
- Сказка про лису да про волка. М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Складныя картинки, служащія иллюстраціями къ произведеніямъ русскихъ авторовъ, съ приложеніемъ портретовъ писателей, краткихъ ихъ біографій и самихъ произведеній: 1) „Пыгане“ Пушкина; 2) „Мазай и зайцы“ Некрасова; 3) „Дѣдушка“ Некрасова. Изд. В. А. Попова. Цѣна каждой картинкѣ, заключенной въ являющуюся коробку, 45 коп.; пересылка за 1 ф. по разстоянію.
- Слезкинскій, А. Бунтъ военныхъ поселяевъ въ холеру 1831 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.
- Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права. Киевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Смайльсъ, Самуэль. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Изд. шестое. Спб., 1889 г. Ц. 90 к.

- Саморазвитіе, умственное, нравственное и практическое. Съ дополнителною статьей „Русскіе дѣятели“. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Умъ и энергія. Характеристики изъ жизни великихъ людей. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Долгъ (Нравственныя обязанности человека). Изд. второе, исправлен. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Смирновъ, А.** Живыя картинки сборникъ разсказовъ съ 50 рис. Спб., 1885 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.
- Москва-Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Соболевскій, А. И.** Фонетика персидско-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Лекціи по исторіи русскаго языка. Спб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.
- Соболевскій, Н. И.** Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Соважо, Давидъ.** Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. Ц. 2 р. М., 1891 г.
- Совѣтовъ.** Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Соколовъ, В. Д.** Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.
- Соннѣ.** Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.
- Софокль.** Эдипъ въ Колодѣхъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Филоктеть. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
- Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.
- Спенсеръ, Гербертъ.** Начала социологіи (образовнаго учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Сперанскій, Сергѣй.** Нѣкоторыя изъ учрежденій общественнаго благоустройства въ Западной Европѣ. Отчетъ по заграничной командировкѣ оставленнаго при Императорскомъ московскомъ университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каедрѣ полицейскаго права. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Спиноза, Бенедиктъ.** Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.
- Справочная книга для ремесленниковъ.** М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Старовскій, Л.** Жизнь и солнце. Ч., 1892 г. Ц. 1 р.
- Станюковичъ.** Безшабашный. (Изъ современныхъ нравовъ). Разсказъ. Москва, 1894 г. Ц. 20 к.
- Степовичъ, А.** Очерки изъ исторіи славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
- Стенинъ, П. А.** Востокъ. Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе Левантаго мира. Спб., 1893 г. Ц. въ роскошномъ переплетѣ 6 р., съ 200 рисунками.
- Стэнли, Г.** Какъ я отыскалъ Ливингстона. Спб., 1874 г. Ц. 3 р.
- Стернъ, А. В.** Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.
- Очулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 80 коп.
- Стокгемъ, Алиса В., д-ръ медицины.** Токология или наука о дѣтороженіи. Гигіена беременныхъ и новорожденныхъ. Изд. 2-е, съ предисловіемъ гр. Л. Н. Толстого. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Столповская, Анна.** Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.
- Стороженко, Н. И., проф.** Позвія міровой скорби. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
- Страбонъ.** Географія (въ 17 кн. въ 1 томѣ). Пер. съ греч. Ф. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.
- Строковскій, В.** Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Струве, П.** Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Судебныя драмы.** Жанъ Делаколльжъ. Ц. 30 к.
- Грекъ Кетоло. Поэтическое сумашествіе. Ц. 30 к.
- Убіиство Маріи Анны и ея дѣтей. Ц. 20 коп.
- Убіиство Бефани. Ц. 40 к.
- Шайка Лемера. Ц. 30 к.
- Сборникъ процессовъ всѣхъ странъ. Ц. 30 к.
- Дуэль Пушкина. Ц. 40 к.
- Сундиквиствъ, Оскаръ, и Марія Лаазарева.** Учебникъ новой практической и первой научной метода кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 8 р.
- Суриковъ, И. З.** Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
- Сюзевъ, А.** Луженіе, цинкованіе и освинцованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Тайный порошок.** Выпускъ I и II. М., 1895 г. Ц. 20 к. и 15 коп.
- Талдыкинъ, М.** Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарьныхъ работъ, составленному примѣнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.
- Тардъ, Ж.** Законы подражанія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Тардъ, Г.** Сущность искусства. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Таренецкій, А., проф.** Каедра и музей нормальной анатоміи при императорской военно-медицинской (бывшей медико-хирургич. академіи) въ Петер-

- бургъ, за сто лѣтъ. Историческій очеркъ. Съ 11 рис. въ текстѣ и съ 4 планами. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.
- Терешкевичъ, Дядя Чернышъ, М.,** 1891 г. Ц. 60 к.
- Тикноръ, И.** Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. 3 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.
- Тимирязевъ, К.** Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Земледѣліе и физиология растений. Ч. I. Борьба растений съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Происхожденіе азота растений. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Тиндаль, Джонъ.** Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.
- Тихомировъ, Д. И.** Опять плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособіе для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 55 к.
- Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орфографическаго указателя. Семнадцатое изданіе. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. Девятое изданіе. Ц. 40 к. М., 1892 г.
- Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателей начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.
- Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.
- Какъ жить по слову Божію? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завета. М., 1892 г. Ц. 5 к.
- Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и арифметикѣ. Изд. 2-е. Москва, 1893 г. Ц. 30 к.
- Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общеобразовательное руководство для учащихся по букварю. Изд. 12-е. М., 1893 г. Ц. 40 к.
- Изъ исторіи родной земли. Очерки и рассказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.
- Чему и какъ учить на урокахъ родного языка въ начальной школѣ. Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителей подготовительной и народной школы. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двухклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.
- Элементарный курсъ грамматики для городскихъ и двухклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.
- Тихомировъ, Д., и Зенгбушъ, И.** Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.
- Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е.** Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Тодгентеръ, И.** Алгебра (съ обширнымъ собраніемъ примѣровъ). Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Токарскій, А. А.,** приватъ-доцентъ императорскаго московскаго университета. Психическія эпидеміи. Рѣчь, произнесенная на четвертомъ годичномъ засѣданіи общества невропатологовъ и психіатровъ, состоящаго при императорскомъ московскомъ университетѣ. — 24 октября 1893 г. М., 1893 г. Ц. 25 к.
- Происхожденіе и развитіе нравственныхъ чувствъ. Рѣчь произнесенная на пятомъ годичномъ засѣданіи 24 снт. 1894 г. М., 1895 г. Ц. 25 к.
- Токвилъ, Алексисъ.** Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.
- Толстой, Л. Н.** Плоды просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. 15 к.
- „Ходите въ свѣтъ“ и другія произведенія, вошедшія въ XIV томъ полнаго собранія сочиненій. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.
- Торминъ.** Опытный маляръ и живописецъ. Подробное руководство къ исполненію всякаго рода домовыхъ и комнатныхъ малярныхъ работъ по камню, штукатуркѣ, дереву и металламъ. Различные способы разрисовки и раздѣлки. Составленіе различнаго рода лаковъ и всевозможныхъ красокъ. Бронзировка. Писаніе вывѣсокъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Траутшольдъ, Г.** Основы геологіи. Ч. I. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Часть III. Стратиграфія. М., 1875 г.
- Хозяинъ и работникъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Трачевскій.** Древняя исторія. Изд. 2-е. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
- Новая исторія. Спб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.

- Русская исторія, второе, исправленное и расширенное изданіе съ указателями именъ, годовъ и предметовъ, съ 96 рисунками, 6 картами, 6 планами и 3 раскрашенными картинами. Въ 2 частяхъ. Спб., 1895 г. Ц. 8 р.
- Тренделенбургъ, Адольфъ.** Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, п. 2 р.; ч. II, п. 2 р. М., 1868 г.
- Трефолевъ, Л. Н.** Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Трояновскій.** Первая помощь въ себя дома и на погѣ битвы въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Трубецкой, Евгений.** Религиозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-мъ вѣкѣ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Тумскій, К. И.** Алюминій и сплавы съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Противуварзныя средства и дезинфекція. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Тургеневъ.** Стихотворенія. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Турскій, М.** Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 80 к.
- Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.
- Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.
- Турскій, М., и Яшновъ, Л.** Опрежденіе древесныхъ вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.
- Тьюкъ, Хэкъ.** Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Тѣневые портреты русскихъ писателей.** (Для вѣрныяванія и отраженія на стѣнѣ). Пушкинъ.—Дермонтовъ.—Гоголь.—Грибоедовъ.—Кольцовъ.—Крыловъ.—Тургеневъ.—Некрасовъ.—Гр. Л. Толстой. Изд. В. А. Попова. Цѣна 40 к.
- Тѣнъ, Г. Титъ Ливій,** критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щепкина. Ц. 1 р. 50 к. М., 1886 г.
- Тѣнъ, И.** Чтеніе объ искусствѣ. Плѣн курсовъ лекцій. Изд. третье, исправленъ Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Тѣнъ.** Критическіе опыты. Спб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Уерингъ, Рудольфъ.** Обь основанія защиты владѣнія. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній (перев. съ 4-го нѣмецкаго изд.). Г., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ульямсъ, Х.** Этника пици или нравственныя основы безубойнаго пиция. Перев. съ англійск. Со статьей Н. Толстого "Первая ступень". М. 193 г. Ц. 2 руб.
- Усовъ.** Полицейскій урядникъ. М., 194 г. Ц. 60 к.
- Усовъ, С. А.** Сочиненія. Томъ I Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 8 р. 50 к.
- Успѣнскій, П. П.** содержаніе растеній въ комнатахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 3-е).
- Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его примѣненіи.** Изд. 4-е. Спб. 1894 г. Ц. 2 р.
- Файфъ, Ч. А.** Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучицкаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.
- Файнштейнъ, С.** Что такое мнемоника. Искусство укрѣпленія памяти (четвертое изданіе). Одесса, 1894 г. Ц. 25 к.
- Фарраръ, Ф. В.** Жизнь Иисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ф. М. Матвѣева. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Въ 2-хъ частяхъ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.
- Фаусеттъ.** Популярная политическая экономія. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Федоровъ, П. А., техн.** Иллюстрированный, домашній ремесленникъ. Школа работъ: плотничныхъ, изъ сучьевъ. Столярныхъ. Окрашиваніе дерева. Выпивожныхъ и мозаики. Токарныхъ. Рѣзныхъ. Корзинныхъ. Кузнечныхъ. Слесарныхъ. Щеточныхъ. Гипсовыхъ и папъомаше. Картонажно-футлярныхъ и переплетныхъ. Съ 406 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Федоровъ.** Зубы и ихъ сохраненіе. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
- Федоровичъ, Флоріанъ.** Сельскохозяйственная архитектура. Спб., 1893 г. Ц. съ атласомъ 5 р.
- Федосѣевъ, П. А.** Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. Съ приложеніемъ новаго закона 30 іюля 1890 г. объ устройствѣ, установкѣ и содержаніи паровыхъ котловъ и о порядкѣ ихъ освидѣтельствованія. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Фейгинъ, Ф., д-ръ мед.** Привычныя залоры и геморрой, причины ихъ развитія и средства къ исцѣленію. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Фельзбергъ, Матильда.** Химическая чистка платя и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Ферьеръ, Э.** Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теоріи Дарвина), изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Филиповъ, Сергій.** Подъ лѣтнимъ небомъ. М., Ц. 1 р.
- Финлей, Георгъ.** Греція подъ римскимъ владѣнствомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.
- Филиповъ, Ал.** Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Фиске, Джонъ.** Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америкъ.

- ки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.
- Фишеръ, Г.** Практическій мыловаръ. Практическое руководство къ фабрикации всѣхъ сортовъ мыла по новѣйшимъ усовершенствованнымъ приемамъ. Съ 44 рисунк. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Фламарионъ, К.** По волнамъ безконечности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
- Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.
- Рассказы о небѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.
- Общедоступная астрономія. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.
- Флеровъ, А.** Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.
- Грамматика древн. церковнаго язык. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.
- Фойгтъ, Георгъ.** Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Расадиана. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.
- Фонвизинъ, С.** Бюджетъ дневника. Рассказъ. 1894 г. Ц. 30 к.
- Фортуатовъ, А.** Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Урожай ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Французы и русскіе въ Крыму.** Письмо франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Халютина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Фрикенъ.** Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.
- Фрикенъ, А.** Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Фриманъ, Эдуардъ.** Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Лучицкаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.
- Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1893 г.
- Фульде, Альфонсъ.** Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Фулье Альфредъ.** Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.
- Страданіе и удовольствіе и о выраженіи душевныхъ волненій. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Фурнье, Альфредъ.** Лечение сифилиса. Переводъ Говсѣева. (изд. 2-е) Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Фэйе.** Происхожденіе міра. Космогоническая теорія, древнія и современныя, критика гипотезы Лангаса и собственная теорія автора. Съ добавленіемъ: космогоническія гипотезы К. Вольфа. Пер. со 2 дополнен. изд. Изд. второе. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Фюстель-де-Куланжъ.** Древняя граждянская община. Исслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Хвольсонъ, О.** Докторъ физики. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ (2-е изд.). Спб., 1886 г.
- Хиггинсонъ, Т.** Здравый смыслъ и женскій вопросъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Христіановичъ, П.** Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовкы учащихся къ жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Художественная Россія.** Т. I-й Спб. 1885 г. Изд. П. И. Полевого. Ц. вмѣсто 5 р.— 2 руб.
- Цвѣтковъ, А. А.** Новѣйшіе русскіе писатели (для старшихъ классовъ гимназій и домашняго чтенія), съ 27 портретами. Спб., 1888 г. Ц. 3 р.
- Электрическое освѣщеніе въ примѣненіяхъ къ жизни и военному искусству, (151 рис.). Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Курсъ государственной науки, ч. I. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Цвѣтковъ, Н.** Практическій курсъ русскаго правописанія (согласованъ съ „Руководствомъ Я. Грота“). Ч. I и II. Ц. по 50 коп. Тула, 1895 г.
- Цигенъ, Т.** Физіологическая психологія. Спб., 1893 г. Ц. 75 к.
- Цицеронъ.** Рѣчь за кара Дейотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.
- Рѣчь за Архіа. поста 1891 г. Ц. 80 к.
- Рѣчь къ судьямъ за Т. Анніа Милова. 1892 г. Ц. 60 к.
- Первая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 30 к.
- Вторая филиппика противъ Марка Антонія. Ц. 50 к.
- Рѣчь въ защиту Секста Росція Амерійскаго. Ц. 60 к.
- Рѣчи противъ Калитины. Ц. 50 к.
- Рѣчь за Лудія Мурену. Ц. 40 к.
- Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 30 к.
- Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.
- Тускуланскія бесѣды. Книга I. О прервѣніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
- Книга 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ утѣшеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.
- Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.

- Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Чеховъ, Ант. П. Жена. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.
- Именины. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 20 коп.
- Палата № 6. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.
- Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Разсказы. Изд. 8-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Палата № 6. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
- Камтанка. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Дуэль. Изд. 4-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Чешихинъ, Евграфъ Вас. Краткая исторія прибалтійскаго края. Изд. 2-е. Рига, 1894 г. Ц. 35 к.
- Чиждъ, В., проф. Криминальная антропология. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Чиколевъ, Д. Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
- Чичеринъ, В. Н. Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.
- Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Чмыревъ, Н. Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.
- Чудиновъ, А. Н. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Чукмасовъ, К. А. Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.
- Шамуринъ - Макарьевскій, Н. В. Сельское хозяйство. Съ 110 рис. Четвертое дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Шараповъ. По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Шаховъ, А. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекція по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Швейеръ-Лерхенфельдъ, А. Ф. Женщина. Ея жизнь, нравы и обществен. положеніе у всѣхъ народовъ земного шара. Переводъ съ нѣмец. Спб., 1892 г. Ц. въ роскошномъ переплетѣ съ 200 рисунк. 3 р. 75 к.
- Швингаммеръ и Кикъ, Вильгельмъ. Простѣйшая школа кройки для драпировщиковъ и декораторовъ. Съ рисунками на 10-ти отдѣльныхъ листахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Шекспиръ. Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 р.; ч. 9 ч. 2 р. М., 1862 г.
- Шелли. Сочиненія. Вып. I и II. Спб., 1894 г. (изд. 3-е). Цѣна каж. вып. 50 коп.
- Вып. III. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Шелгунова, Л. П. „Звѣздочка“. Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисунк. Спб., Ц. 1 р. 25 к.
- Шенланкъ, Бруно. Промысловые синдикаты. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Шенрокъ, В. И. Материалы для биографіи Гоголя. М., 1895 г. т. I ц. 2 р., т. II ц. 2 р., т. III к. 3.
- Шербюлье, Викторъ. Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шерръ, Іоганнъ. Шиллеръ и его время. М., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Всеобщая исторія литературы. Т. I и II. Спб., 1879 г. Ц. 4 р.
- Шервинскій, М. Образцы архитектурныхъ деталей (15 листовъ образцовъ). Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. и атласъ 6 рублей.
- Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Тель. Пер. Гомберга. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Киевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевскій. Киевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Киевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Разбойники. Киевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Племмянникъ-дядя. Пер. Гомберга. Киевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Шилтовъ, А., проф. Среди безбожниковъ. (Посмертныя записки врача-философа). Харьковъ, 1895 г. Ц. 40 к.
- Шильдбахъ. Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.
- Шимко. Патріаршій казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Шишкинъ, А. Н. Сельско-хозяйственная экономія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Шлоссеръ, Ф. К. Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 томовъ. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.
- Шмейдлеръ. Жельзно-дорожное дѣло. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шмидтъ, Карлъ. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М. 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г., т. IV, двѣ части, цѣна имъ 7 р. М.; 1881 г.
- Шольцъ, Фридрихъ. Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Д. Сченсновича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шредеръ, В., д-ръ. Половыя болѣзни. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Шредеръ, Р. И. Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и заграничей (изд. 4-е). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

- Штаркенбургъ.** Горе отъ любви. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
- Шопенгауэръ, Артуръ.** Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ его соч. Юліусомъ Фраунштедтомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шперкъ, Э.** Система Синновы. Спб., 1893 г.
- Шредеръ, Р. И.** Русскій огородъ, питомникъ и плодовой садъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е).
- Штольцъ, Г. В.** Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.
- Мисы классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.
- Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
- Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Шулинъ, Фридрихъ.** Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Шумковъ, И. В.** Верблюды какъ сельско-хозяйственное животное въ Россіи. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 1 р. съ пересылкою.
- Шутце, Фр.** Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ш., Л.** Невзбѣжное зло. Рассказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Щепкина, А. В.** Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1882 г. Ц. 1 р.
- Эдвинсонъ, Г.** Руководство слѣпки и луженія. Съ 66 политипажами въ текстѣ. М., 1894 г. Ц. 85 к.
- Эдвинсонъ, Д.** Какъ дѣлается маленькій электродвигатель. М., 1895 г. 2 изд. Ц. 40 к.
- Какъ схватить маленькую динамо-электрическую машину. М., 1895 г. Второе исправлен. изд. Ц. 50 к.
- Эйдамъ,** Сохраненіе здоровья. (Общая гигиена въ примѣненіи къ обыденной жизни). Спб., 1891 г. Ц. 40 к.
- Экштейнъ, І., проф.** № 1. Честь въ философіи и въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Экштейнъ, Ф. А.** Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ. Ревель, 1889 г. Ц. 3 р.
- Элерсъ, Отто.** Популярная политическая экономія. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
- Энгельгардтъ, А. Н.** Фосфориты и сидерация. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.
- Энцлеръ, К.** Уходъ за больными въ семьѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Эртель, А. И.** Двѣ пары. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Записки степняка. Очерки и рассказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 3 руб.
- Эсмархъ.** Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.
- Эспинасъ, А.** Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Южаковъ, С. Н.** Афганистанъ и сопредѣльныя страны. Политико-историческій очеркъ. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Юровъ, А.** Систематическій курсъ логики для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
- Юрьевъ, Мих.** Мои письма (4 дек. 1893 г. — 15 мая 1894 г.). М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Юлій Цезарь.** Записки о междоусобной войнѣ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 75 к.
- Якимовъ, Н. М.** Вѣднй Тугатай. Рассказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ. 1894 г. Ц. 15 к.
- Яковлевъ, Е.** Французско-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Янжулъ, И. И., проф.** Изъ психологіи народовъ. Одесса, 1893 г. Ц. 20 к.
- Янъ.** Термохимія. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
- Федоровъ.** Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Вов, Р. Н.** Графическія данныя рациональнаго расчета рѣшетчатыхъ фермъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Cornelii Nepotis. Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici.** Переводъ. Кіевъ, 1889 г. Ц. 75 к.
- C. Julii Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus.** Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я Кіевъ, 1890 г. Ц. 85 к.
- Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.
- Donjean, А.** Офортъ. Руководство травленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ и стали. М., 1893 г. Ц. 75 к.
- Hager'a, Н., д-ръ.** Руководство къ фармацевтической и медико-химической практикѣ, съ 7 по 25 выпускъ, съ алфавитнымъ указателемъ. Спб., 1895 г. Ц. 25 р.
- Häusser.** Исторія реформациі. М., 1882 г. Ц. 5 р.
- Herodoti historiaeum.** Книга первая. Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
- Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.
- Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.
- Heitzmann, С., Д-р.** Анатомическій атласъ съ 625 рѣзанными на деревѣ рисунками. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго изданія. Вып. I. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.
- Jordan, Dr. W.** Руководство высшей геодэзіи. М., 1881 г. Ц. 8 р.
- Joward, Alfred.** Домашніе фильтры для очищенія воды, ихъ приготовленіе и уходъ за ними. М., 1894 г. Ц. 75 к.

- Jul Parreidt.** Зубы и уход за ними. Популярная гигиена зубовъ. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Kersoff A. G.** Cours gradué de langue française. Parties I, II, M., 1880 г. Ц. 1 р. 25 к. III et IV parties. M. 1892 г. Ц. 1 р. 25 коп.
- Lehner, S.** Клей и замазки. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Lenhartz, H., проф.** Микроскопическія и химическія изслѣдованія у постели больного. Киевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Marissiaux, L., et. Nomdrah, C. R.** Простое устройство электрическихъ часовъ и будильниковъ. Руководство для электротехниковъ любителей. Съ 15 рисунками на отдѣльной таблѣ. М., 1895 г. Ц. 35 к.
- Moscou et ses environs, rues et monuments.** Nouveau guide du voyageur. М., 1891 г. Ц. 40 к.
- Morius, Paul, Dr.** Гигиена нервныхъ людей. Киевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Paul Julius Mosbicus.** Общая діагностика нервныхъ болѣзней. Пер. съ нѣмец. подъ ред. Минора. М., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Ribot, Th.** О чувственной памяти. Казань, 1895 г. Ц. 40 к.
- Roux, D-g** и его сотрудниковъ. Мате-

- риалы для изученія дифтерій. Бактеріологическія и клиническія изслѣдованія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 25 к.
- Schrader, W.** Гимназіи и реальныя училища воспитаніе и обученіе. Ревель, 1892 г. Ц. 3 р.
- Sell, д-ръ.** Спиртъ и его добываніе, свойства и примѣн. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
- Schamaus, Hans.** Основы патологической анатоміи. М., 1895 г. Ц. 6 р. (199 рис. въ текстѣ).
- Tedeschi, V.** Пища маленькихъ дѣтей. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Tillaux, P.** Руководство къ топографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Пер. съ 7 франц. изданія, под. ред. и съ примѣчаніями д-ра С. Таубера, проф. варшавскаго университета. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Подписная цѣна за все сочиненіе (6 выпусковъ) 9 р.
- Unwin.** Основы построения частей машинъ или изложеніе законовъ и условій, отъ которыхъ зависятъ размѣры и форма частей машинъ. Руководство для инженеровъ, механиковъ, строителей, фабрикантовъ для техническихъ и реальныхъ училищъ. М., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Weil-Mantou, d-r.** Руководство для врачей по страхованію жизни. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Иностранныя книги, доставленныя книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія дѣтскія книги.

Французскія азбуки:

- L'Abedes tout petits.** Couverture en couleurs. Av. 6 grav. col. Цѣна 8 коп.
- L'Abc du premier âge.** Couvert. en coul. Av. 24 grav. col. Цѣна 30 коп.
- L'Alphabet usuel.** Av. 24 grav par Adrien-Marie. Цѣна 65 коп.
- L'Album Alphabet.** Av. 27 illust. en coul. et de nombreuses grav. en noir. Цѣна 1 р. 25 к.

Французскія книжки съ раскрашенными карт. для маленькихъ дѣтей.

Первая серія.

Цѣна по 5-ти коп.

- 6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
- La Fête de Jeanne,** ill. par Bouisset.
- Le Mariage de Toto,** ill. par Bouisset.
- La Première Poupée,** ill. par Bouisset.
- Le Voyage de Lucie,** ill. Godefray.
- Le Jardin de Juliette,** ill. par Godefray.
- La Semaine de Noël,** ill. par Bouisset.

- Le Bain de Minet,** ill. par Godefray.
- La petite fermière,** ill. par Bouisset.
- La petite Ménagère** ill. par Bouisset.

Вторая серія.

Цѣна по 8-ми коп.

- 6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
- Monsieur Dumolet,** ill. par Vogel.
- Mon père m'a donné un mari,** ill. par Bouisset.
- Saint-Nicolas et Guilleri,** ill. par Vogel.
- Gribouille,** ill. par Steinlen.
- Il était une bergère,** ill. par Bouisset.
- Le Chevalier du Roi,** ill. par Vogel.
- M. de la Palisse,** ill. par Chovin.
- Malb'raugh,** ill. par Clérico.
- Cadet Rousselle,** ill. par Faria.
- La Mère Michel,** ill. par Faria.
- Le Roi Dagobert,** ill. Chovin.
- Abe des tous petits,** ill. par Bouisset.
- Le Renard et le Corbeau,** ill. par Gélilibest.
- Sur le pont du nord,** ill. par Bouisset

Третья серия.

Цена по 13-ти коп.

- 6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
 Cendrillon, ill. par Grivaz.
 Tome Pouce, ill. par Vogel.
 Folle journée, ill. par Steinen.
 Barbe bleue, ill. par Vogel.
 Pierrot, ill. par Jozet.
 L'assaut du moulin, ill. par Tofani.
 Le Chat botté, ill. par Myrbach.
 Le prince Saphir, ill. par Gumery.
 Riquet à la houppe, ill. par Vogel.

Четвертая серия.

Цена по 20 коп.

- 6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
 Jean le Chanceux, ill. par Chovin.
 La Semaine de Julie, ill. par Martin.
 Guignol, ill. par Job.
 Jean L'ours, ill. par Massé.
 Paul dans la lune, ill. par Job.
 oiseau bleu, d'après M-me d'Aulnoy, L'ill. par Clérice.
 Sept d'un coup! D'après Grimm, ill. par Poirson.
 Le Baron de Krack, ill. par Chovin.

Пятая серия.

Цена по 40 коп.

- 16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.
 Frère et soeur, ill. par Vogel.
 Gargantua, ill. par Myrbach.
 Petite Poucette, ill. par Job.
 Don Quichotte, ill. par Myrbach.
 Robinson Crusoe, ill. par Myrbach.

Шестая серия.

Цена по 65 коп.

- 16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures très fort. 7 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.
 Le dormeur éveillé, ill. par Chovin.
 Les animaux domestiques, ill. par Gambard.
 Ali-Baba ou les 40 voleurs, ill. par Myrbach.
 Au Pays des fleurs, ill. par Gambard.

Седьмая серия.

Цена по 1 руб.

- Contenant vers 80 ill. en couleurs, carton-nage en couleurs.
 Le voyage de M-lle Rosalie, ill. par T. Marie.
 Bambins et bambines, ill. par Harding.

Восьмая серия.

Цена по 1 руб. 75 коп.

- Les jardins de Paris. 82 ill. de Grigny. Texte par Bonhomme.

- La journée de Bébé. 32 illustrat. de Bouisset. Texte par Arnaud.
 Album des enfants sages. Illust. par Harding.
 Heureux âge, ill. par Harding.

Книжки для чтения для дѣтей отъ 5—8 лѣтъ.
 Напечатанныя крупнымъ шрифтомъ съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ.
Цена каждой тома безъ перепл. 40 коп. съ перепл. 65 коп.

- Les histoires de tante Rose, par M-me de Bosguérard.
 Mémoires de Cigarette, par Théo-Srirt.
 Contes aux tout petits, par. P. Andrievau.
 Bébés en vacances, par M-me Gameau.
 La chatte de M-lle Ida, par M-me de Paloff.
 Petits amis, par M-me de Bosguérard.
 Les Bonspoints de Bébé, par M-me de de Sobol.
 Mignonnettes, par M-me Noémi Baileyguier.
 Scènes enfantines, par M-me de Bosguérard.
 Le petit monde, par M-me A. de Wailly.
 Moi et mes ponpées, par M-me de Bosguérard.
 L'histoire d'une troupe de marionnettes, par M. A. de Bréville.
 Aimé pour son bon coeur, par M-lle Eva Gatouil.
 Les plage de Wimeraux, par Noéme Baileyguier.
 Les enfants de cigarette, par Theodor Cahu.

Книжки для дѣтей отъ 9—12 лѣтъ.
 Bibliothèque blanche illustrée.

Каждый томъ съ переплетомъ 1 руб.

- Bertin, M. Les deux côtés du mur
 Bignon. Un singulier petit homme.
 Chewille, de. Histoire d'un trop bon chien.
 Dickens Ch. L'Embranchement de Mugby.
 Dumas, A. La Bouillie de la comtesse Berthe.
 Durand, H. Histoire d'une bonne aiguille.
 Feullet (Octave). La vie de Polichinelle.
 Lackroy, S. Les Fées de la famille.
 Mayne-Reid. Les Exploits des jeunes Boërs.
 Muller, Eugène. Récits enfantins.
 Musset, P. de. M. le Vent et M-me la Pluie.
 Ourliac, E. Le Prince Coqueluche.
 Perrault. Les Lunettes de Grand'Maman.
 Sand, George. Gribouille.
 Stahl. P.—J. Les Aventures de Tom Pouce.
 Contes de la tante Judith.
 Verne, Jules. Un Hivernage dans les glaces.
- Книжки для дѣтей отъ 10—13 лѣтъ.**
 Bibliothèque de l'éducation maternelle illustrée.

Каждый томъ безъ перепл. 1 р. 15 к., съ перепл. 1 р. 75 к.

Anfosti. Le secret de sir William.

Jacques l'abandonné.

Balleugièr. Aux garennos.

Les Rogimbot.

M-lle Trimbalmouche.

Bellaigue. La vengeance d'un haut coeur.

Bonhomme. Récis de l'oncle Paul.

Boret. Histoire d'un garçon.

Carnoy. La nuit de Noël.

Hans Mertens.

Dumont. Fables pour les petits.

Le Conte. Ce bon Loff.

Jane. Le 28 jours de Suzanne.

Le Roy. Le fils de l'amiral.

Mesureur. Voyage à la mer.

Histoire d'un enfant de Paris.

Mirzel. Notre ami Polly.

Monceau. Mon petit frère.

L'enfant des Vosges.

Paloff. Echos des vacances.

Quantin. Histoire de Germaine.

Sobol. Bouton d'or.

Verne. Aventures d'enfants.

Witt. L'hiver à la campagne.

Les héros modestes.

Книги для дѣтей отъ 12—14 лѣтъ.

Bibliothèque de la famille. In 8°. illustrée.

Каждый томъ съ переплетъ 3 руб.

Carnoy. Les légendes de France, ill. par Zier.

Graffigny. Contes d'un vieux savant. Ill. par Nac.

Rochemont. Au pays des fées, ill. par. Mès

Cooper. Bas de cuir, arr. par Dubois, ill. en couleurs.

Mille et une nuits de la jeunesse Arr. par Dubois, ill. en couleurs.

Нѣмецкія дѣтскія книги.

Крупная печать, хорошая бумага, изящныя иллюстраціи.

Новая изящная коллекція съ раскрашенными картинками по англійскому способу

отъ 25 коп. до 90 коп.

1. Serie à Band 25 kop.

Glückliche Reise. — Tromm, Tromm, Dremm. — Puck — Mein Miezi. — Nach Helgoland. — Mutter Glaus und ihre Lieb-linge — Frau Mieze — Eichhörnchen. — Müller Klaus — Fürs Herzblättchen — Das Haus das Haus, baute — Der Kinderomni- bus — Im Freien.

2. Serie à Band 30 kop.

Des Liebings Bilderbuch — Kasperltheater. — Kätzchen zu Hause — Die En ten familie. — Tick-Tack für kleine Leute.

3. Serie à Band 45 kop.

Am Strande — Noahs Arche — Durch Flur und Hain — Ringel, Ringel, Rosenkranz — Puppen-Gesellschaft — Die wunderliche Kutsche.

4. Serie à Band 60 kop.

Feierstündchen — Von Nah und Fern. — Kleine und grosse Freunde — Allerlei Gesellschaft.

5. Serie à Band 90 kop.

Gute Bekannte — Laterna Magica — Lustiger Reigen — Liebings Kurzweil — Comitshe clowns — Unsere Liebblingsthier.

Нѣмецкія дѣтскія книги по удешевленнымъ цѣнамъ.

Sturm, J. Neues Fabelbuch. Mit. Ill. nach Originalzeichnungen von F. Flinker cartonnirt statt 1 R. 20 K., nur 75 K.

Hey, Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckert (Original-Ausgabe des weltbekannten, klassischen Kinderbuches) 2 Bände („50 Fabeln“ und „Noch 50 Fabeln“) cartonirt zusammen statt 3 R. 60 K., nur 1 R. 50 K.

Scharz, 101 neue Fabeln. Mit Beiträgen von Bodenstedt. Lohmeyer, Sturm etc. Zahlreiche Illustrationen v. Flinker. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.

Biller, Im Reich der Heinzelmännchen oder Reiseabenteuer einer Puppe und eines Nussknackers. Mit vielen bunten Bildern, statt 3 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.

Deutsche Jugend. Gediegenste, Auswahl, von Bildern, Märchen, Reise Geschichten, Gedichten, Fabeln. statt 3 R. 50 K., nur 2 R.

Die Kinderlaube, Erzählungen, Märchen Schilderungen, Lebensbeschreibungen Gedichte etc. bearb. von Th. Schäfl (Dresden). Mit zahlreichen bunten Vol- bidern und Textillustrationen. Jeder Band in 4° (über 380 Seiten). In elegantem Leinenband. Bd. 27, 28, 29. Jeder Band statt 3 R. 60 K., nur 2 R. 50 K.

Biller, E. Lieschens kluge Einfälle Hän- schens Reise durch die Stube. Mariele und die sieben Puppen. Wie es Fritzchen auf seiner Schwester Hochzeit ging, Mit vielen farbigen Illustrationen v. Klein- michel. 4 kurze Geschichten in einem Ban- de gebunden, statt 2 R., nur 85 K.

Frey, A. Schweizersagen. Mit Holzsnit- ten nach Originalzeichnungen deutscher Künstler, cartonnirt. statt 1 R. 80 K., nur 1 R.

Lottka, Kinderträume. Mit zahlreichen prächtigen Illustrationen von Claudius, eleg. geb. statt 3 R., nur 1 R. 50 K.

Krtger, Märchen aus Heimat und Fremde. Mit 50 Original-Illustrationen, da- runten 4 Buntdruckbilder, 246 Seiten) in elegantem Einband, statt 1 R. 50 K., nur 85 K.

Bern, M., Anthologie für die Kinderstube Eine Auswahl der besten Ammenscherze, Spielverse, Puppengedichte, Räthsel, Fabeln, Neckmärchen Kindergebete alt- berkömmlichen Reime, sowie fier neue- sten Kinderlieder. Mit zahlreichen Illu- strationen von Flinker. Platsch, Rich-

ter, Thumann und A. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.
Kletke, Hermann. Die Kinderwelt. In Märchen und Liedern. Mit zahlreichen Holzschnitten nach Originalzeichnungen deutscher Künstler Eleg. gebunden, statt 1 R. 80 K. nur R.
Strässle, Franz. Kleine illustrierte Naturgeschichte für die Jugend. sechste vermehrte und vielfach verbesserte Auflage Mit 179 Holzschnitten und 15 Tafeln Abbildungen in Farbendruck. Eleg. gebunden, statt 3 R., nur 1 R. 80 K.

НѢмецкія азбуки.

Eisenbahn A. B. mit vielen bunten Aildern. 25 K.

Bilder A. B. C., oder der fleissige Leseschüler (mit bunten Bildern) cartonirt. 25 K.
Das goldene A. B. C., für kleine fleissige A. B. C. Schützen (mit vielen bunten Bildern) cartonirt. 30 K.
Haestors, A. Fibel oder der Schreib-Lese-Unterricht. 35 K.
Gureke, J. Schreib- und Lese Fibel. Mit Holzschnitten von Q. Speckter cartonirt. 45 K.
Dietlen, R. Des Kindes erstes Lesebuch. Illustrierte Fibel mit farbigen Bildern. Auf Grundlage des mit dem Anschauungsunterrichte verbundenen ersten Sprech-, Schreib, u. Lese-Unterrichtes bearb. für Schule und Haus, cartonirt. 60 K.

Списокъ періодическихъ изданій, на которыя принимается подписка въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова.

Русскія.

Афиши театральныя. Ц. съ достав. 5 р., на лучшей бумагѣ 10 р.
Виржевыя Вѣдомости. Газета биржи, финансовъ, торговли, политики и обществ. жизни. Ц. съ доставк. и перес. на 1-е изд. 15 р., на 1/2 г. 9 р., на 2-е изд. 4 р. въ годъ.
Будильникъ. Журналъ сатирической съ карикатурами. Москва. Еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 10 р.; на 1/2 г. 6 р.
Варшавскій Дневникъ. Еженедѣльная газета. Ц. съ пер. и дост. 12 р., на 1/2 г. 6 р.
Вокругъ Свѣта. Еженед. иллюстр. журналъ 4 р. съ пер.
Волгарь. Ежеднев. газ. Н.-Новгородъ. Ц. 8 р.
Волжскій Вѣстникъ. Еженедѣльный журн. съ прилож. сборника научно-беллетристическаго содерж. Казань. Ц. съ пер. 7 р.
Волынъ. Газета; 3 раза въ недѣлю. Кятимръ. Ц. съ дост. и пер. 5 р.
Воскресенье. Иллюстрированный еженедѣльный журналъ для народа. Ц. съ дост. и пер. 3 р.
Восточное Обзорѣніе. Литературно-политическая газета. Иркутскъ. Ц. съ пер. 6 р.
Восходъ. Ежемѣсячный журналъ съ приложеніемъ „Еженедѣльной хроники“ Ц. съ дост. и пер. 10 р.; на 1/2 г. 6 р.
Всероссійская Иллюстрація. Большой иллюстрированный журналъ. Выходитъ еженедѣльно съ ежемѣс. х.—и. прилож. „Трудъ“. Ц. съ дост. 17 р. съ пер. 18 р.
Вѣдомости Спб. Градоначальства. Ц. съ дост. 5 р.; съ пер. 7 р.
Вѣстникъ Европы. Журналъ исто-

ріи, политики и литературы. 12 номер. въ годъ. Ц. 15 р. 50 к., съ дост. 16 р., съ пер. 17 р.
Вѣстникъ иностранной литературы. Ежемѣсячный журналъ. Ц. 4 р.
Вѣстникъ Кавказа. Газета ежедневная. Тифлисъ. Ц. съ пер. 10 р.
Гражданинъ. Ежедневная газета. Ц. 12 р. съ ежемѣс. прилож., съ дост. и пер. 15 р.
Донская Пчела. Газета; два раза въ недѣлю. Ростовъ-на-Дону. Ц. съ пер. и дост. 7 р.
Досугъ и Дѣло. Журналъ для солдатъ и народа. 6 выпуск. въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.
Екатеринбургская Недѣля. Еженедѣльная газета. Екатеринбургъ. Ц. съ перес. 6 р.
Живописное Обзорѣніе. Иллюстрированный беллетристическій журналъ. Еженедѣльно, съ ежемѣс. литер. прилож. Ц. съ дост. и пер. 8 р., на велен. бум. 15 р.
Journal de St.-Petersbourg. Ежедневная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 22 р., 1/2 года: 10 р., съ пер. 12 р. 25 коп.
Journal d'Odessa. Ежедневная газета. Одесса. Ц. съ дост. и пер. 14 р.
Зодчій. Художественно-технический журналъ ежемѣсячный. Ц. съ дост. 12 р., съ пер. 14 р.
Историческій Вѣстникъ. Ежемѣсачн. журн. Ц. съ дост. и пер. 10 р.
Кавказъ. Газета политич. и литерат. Ежедневно. Тифлисъ. Ц. съ дост. и пер. 13 р.
Кіевлянинъ. Газета юго-западнаго края. Ежедневно, выходятъ въ Кіевѣ. Ц. съ достав. и пер. 12 р., 1/2 г. 7 р.

- Книговѣдѣніе.** Цѣна съ дост. и перес. 6 руб.
- Край („Кра“).** Ежемѣсячная политическая и общественная газета на польскомъ языкѣ. Ц. съ дост. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р., съ пер. 12 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Кронштадтскій Вѣстникъ.** Морская газета. Ц. съ доставк. и перес. 8 руб.
- Лучъ.** Газета. Три раза въ недѣлю. Ц. съ дост. и пер. 6 р., съ приложеніемъ ежедневнаго журнала „Иллюстрированный Миръ“. Безъ прилож. 3 р.
- Московскія Вѣдомости.** Газета политическая и литературная. Ц. съ дост. и пер. 17 р., $\frac{1}{2}$ г. 10 р. 50 к.
- Moscauer deutsche Zeitung.** 6 разъ въ недѣлю. Ц. съ дост. и перес. 14 р.
- Московский Листокъ.** Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 10 р.
- Наблюдатель.** Литературно-политич. журналъ. Ц. съ дост. 13 р., съ перес. 14 р.
- Недѣля.** Ежедневная газета съ приложеніемъ ежемѣсячнаго „Журнала романовъ и повѣстей“. Ц. съ пер. и дост. 9 р.
- Нива.** Иллюстрир. журналъ для семейнаго чтенія. 52 №№ въ годъ, съ ежем. литер. прилож. Ц. безъ дост. 5 р., съ дост. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.
- Новое Время.** Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. 16 р., съ перес. 17 р.; $\frac{1}{2}$ г. съ дост. 9 р., съ перес. 10 р.
- Новороссійскій Телеграфъ.** Газета политич., литер. и эконом. Ежедневно. Одесса. Ц. съ перес. и дост. 14 р.; $\frac{1}{2}$ г. 8 р.
- Новости.** Ежедневн. политич. и литературн. газета. 1-е изд.: съ дост. 16 р., $\frac{1}{2}$ г. 9 р.; съ перес. 17 р., $\frac{1}{2}$ г. 10 р.— 2-е изд.: съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Новости Дня.** Ежедневная газета. М. Ц. съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р. 50 к.
- Новъ.** Иллюстрированный двухнедѣльн. вѣстникъ. Годовая подписная цѣна 14 р.
- Нувеллистъ.** Музыкальный журналъ, съ музыкально-литературнымъ прибавл. 12 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и перес. 6 р.
- Осколки.** Ежедневн. иллюстр. журн. Ц. съ дост. и перес. 9 р.
- Петербургская Газета.** Газета обществен. жизни и литерат. Ц. съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Петербургская Жизнь.** Иллюстр. е. е. е. е. е. журналъ. Ц. 6 р. съ дост. и перес.
- Петербургскій Листокъ.** Газета общественной жизни и литерат.; ежедн. Ц. съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р. 50 к.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{4}$ г. 6 р.
- Природа и люди.** Журналъ путешествій. Ежедневн. Ц. 5 р.
- Правительственн. Вѣстникъ.** Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 12 р., $\frac{1}{2}$ г. 8 р.
- Развѣдчикъ.** Журналъ библиографическій и научно-литературный, отъ 20 до 40 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 6 руб.
- Развлеченіе.** Журналъ литературн. и юмористич., съ политич. выходятъ ежемѣсячно. Ц. съ пер. и дост. 6 р.
- Ребусъ.** Ежедневн. Ц. съ дост. и пер. 5 р.
- Родина.** Ежедневный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ романовъ. Ц. съ пер. 5 р. 60 к.
- Русское Богатство.** Ежемѣсячный журналъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р.
- Русскій Вѣстникъ.** Журналъ литературный и политическій. 12 кн. въ годъ. Ц. съ дост. 16 руб., съ пер. 17 р.
- Русскій Инвалидъ.** Газета военная, ежедневная. Ц. съ дост. и пер. 9 р., вмѣстѣ съ „Военнымъ Сборникомъ“ 13 р.
- Русское Обзорѣніе.** Ежемѣсячный литературно-политич. журналъ. М. Ц. съ пер. 15 р. 50 к.
- Русскія Вѣдомости.** Газета политическая. Ц. съ дост. и пер. 11 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Русь.** Газета политич. и литерат. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 3 р., съ ежемѣсячными и ежемѣсячными приложеніями; ц. 8 р.
- С.-Петербургскія Вѣдомости.** Газета политическая и литературная; выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. 17 р., съ пер. 18 р.
- St.-Petersb. Herald.** Ежедневно. Политическая и литературная газета. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.; за 6 м. 7 р. 50 к. съ дост. и пер.
- St.-Petersburg Zeitung.** Газета политическая, ежедневная. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.
- Свѣтъ.** Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 4 р., съ приложеніемъ романовъ и повѣстей 8 р.
- Сельскій Вѣстникъ.** Ежедневная народная газета. Ц. съ дост. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.
- Сенатскія Вѣдомости** съ собраніемъ указовъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р. 55 к.
- Стрекоза.** Художественно-юмористич. журналъ. Ежедневн. Ц. съ дост. 9 р., съ пер. 10 р.; $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Судебная Газета.** Ежедневная газета. Ц. въ годъ 7 р.
- Сѣверный Вѣстникъ.** Литературно-научный и политическій журналъ. 12 №№ въ годъ. Ц. съ дост. 12 р. 50 к., съ пер. 13 р. 50 к.

Сѣверъ. Литературный иллюстрированный журналъ. 52 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 7 р.

Сынъ Отечества. Газета политич., ученая и литерат. Выходить ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 8 р.

— Второе изданіе безъ приложн. 4 р.

Тифлискій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 6 р.

Чтеніе для Солдатъ. 6 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.

Шахматы. Выходить 2 раза въ мѣсяцъ Ц. 5 р.

Школьное Образованіе съ приложеніемъ „Сборника“. Ежедневная общепедagogическая газета. Ц. съ пер. и доставкой 5 р.

Шутъ. Художественно-юмористическій журналъ каррикатуръ. Ежедневно. Ц. съ дост. и перес. 7 р., съ премією 7 р. 65 к.

Польскія.

Atheneum. Pismo naukowe i literackie. Rocznie 12 zeszytów, rs. 12.

Biblioteka najcenniejszych utweroŭ literatury europejskiej. 12 zeszytów, rs. 6. — romansów i powiesci. 52 numera, rs. 6 kop. 80.

— Warszawska. 12 zeszytów, rs. 10.

Biesiada literacka. Pismo literackie illustrowane. 52 num., rs. 6 z dodatkiem powieści, rs. 8.

Bluszez. Pismo tygodniowe illustr. dla kobiet. 52 num., rs. 10. Z dodatkiem mód kolorowanych i krojów. Wydanie II rs. 13; wydanie III rs. 16.

Czasopismo Techniczne, miesięczne Kraków. Rs. 6 kop. 80.

Echo Muzyczne i Teatralne. Tygodnik literacko-artystyczny, zawiera utwory zagranicznych i krajowych kompozytorów. Z bezpłatnym dwutygodniowym dodatkiem not, rs. 10.

Gazeta Handlowa, codziennie, rs. 11.

Gazeta Lekarska. 52 numera. rs. 6.

Gazeta Polska, dziennik polityczny, rs. 12.

Gazeta przemysłowo - rzemieślnicza, pismo tygodniowe, rs. 5 k. 20.

Gazeta Rolnicza, rs. 9. Z Kurjerem rolniczym, rs. 13.

Gazeta Sadowa Warszawska. 52 numera, rs. 8.

Gazeta Świąteczna. 52 numera, rs. 3.

Gazeta Warszawska codziennie, rs. 12.

Israelita. Organ poświęcony sprawom religii i oświaty. 22 numera. rs. 8.

Kolce. Tygodnik humorystyczny, rs. 8.

Kosmos. Czasopismo polskiego Towarzystwa przyrodników imienia „Kopernika“. Lwów, 21 zeszytów, rs. 6.

Kraj, tygodnik polityczno-społeczny w Petersburgu, rs. 12.

Kronika Lekarska. Dwutygodnik naukowy, poświęcony przeglądowi postępów nauk lekarskich, rs. 6.

Kronika Rodzinna. 52 numera, rs. 5.

Kurjer Codzienny, dziennik, rs. 9.

Kurjer Poranny. Wychodzi codziennie, rs. 8.

Kurjer Bolniczy. 52 numera, rs. 5.

Kurjer Świąteczny. Wychodzi co niedziela i święta, rs. 4.

Kurjer Warszawski, dziennik, rs. 12.

Kwartalnik Historyczny. 4 numera, rs. 6.

Medycyna, Tygodnik lekarski, pod redakcją d-ra Benni, rs. 6.

Mucha. Tygodnik humorystyczny illustrowany, rs. 5.

Niwa. Dwutygodnik naukowy, literacki i artystyczny, rs. 9.

Ogrodnik Polski. Dwutygodnik illustrowany, rs. 8.

Prawda. Tygodnik polityczny, społeczny i literacki. Pod redakcją Aleksandra Świętochowskiego. 6. rs. 10.

Przegląd tygodniowy życia społecznego, literatury i sztuk pięknych, rs. 10; z dodatkiem rs. 12.

Przyjaciel dzieci. Pismo tygodniowe, rs. 5.

Przyjaciel zwierząt domowych i przyjeźdźczych. Miesięcznik, rs. 3.

Rola. Tygodnik poświęcony sprawom społecznym, ekonomicznym i literackim, rs. 8.

Rolnik. Czasopismo dla gospodarzy wiejskich (Lwów). Rocznie 24 numerów, rs. 6.

Romans i Powiesc. 52 numera, rs. 4.

Słowo. Gazeta codzienna, rs. 12.

Sylwan piśmo poświęcone leśnictwu, rs. 5.

Tygodnik illustrowany, poświęcony literaturze, nauce i sztuce pięknej, z tygodniowym dodatkiem powieści, rs. 12.

Tygodnik mód i powiesci. Z dodatkiem illustrowanych ubrań i robót kobiecych, rs. 5.

Tygodnik powiesci. Poznań, rs. 4.

Tygodnik Romansów i Powieści, rs. 4.

Wędrowiec. Pismo illustr., obejmujące podróże, rs. 8.

Wiadomości farmaceutyczne (tylko rocznie), rs. 5.

Wieczory rodzinne. Czasopismo tygodniowe illustrowane dla dzieci, rs. 5.

Wiek, dziennik polityczny i społeczny. rs. 12.

Wszechświat. Tygodnik popularny, poświęcony naukom przyrodniczym. Pod redakcją B. Znatowicza, rs. 10.

Zdrowie, miesięcznik poświęcony higienie, rs. 5.

Zorza. Pismo dla miast i wiosek. Rocznie 52 Nr., rs. 4.

МОСКВА, С.-Петербургъ,
Одесса, Кокандъ, Варшава,
Екатеринбургъ.

Прейсъ - куранты высыла-
ются бесплатно. При запро-
сахъ просимъ упомянуть
настоящій журналъ.

Вышла 8-я (августовская) книжка иллюстрированного ежемѣсячнаго журнала для дѣтей школьнаго возраста

„ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) На линіи, разсказъ *Д. Н. Мамина-Сибиряка*. 2) Ручей (по Э. Реклю). *Д. А. Коротчевскаго*. (Продолженіе). 3) Стихотвореніе *И. Белоусова*. 4) Гаврюшкинъ плѣнь, повѣсть *Вас. Ив. Немировича-Данченко*, съ картин. худ. *К. И. Ушакова*. (Окончаніе). 5) Боги и герои древней Греціи.—Геральдъ. *Н. А. Борисова*. 6) Бѣжны дѣти, разсказъ *А. Вучетича*. 7) Дѣтство и юность Іосифа Гайдна. *М. Андреевской*. 8) Добрый бояринъ стараго времени. *А. Сизовой*. 9) О книгахъ и сочинителяхъ. *В. Н. Ладьяженскаго*. (Продолженіе). 10) Джунгли, разсказъ *Р. Биллима*, перев. съ англійск. *Рождественской*. 11) По бѣлу свѣту: Тропическій міръ. *А. М.* 12) Изъ газетъ и журналовъ. 13) Объявленія.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Тверская, д. Гиршмана, кв. 40, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна съ пересылкою: на годъ—6 р., на полгода—3 р.; безъ пересылки: на годъ—5 р., на полгода—2 р. 50 к. Допускается рассрочка по третямъ и полугодіямъ.

Издатели: *Е. Н. Тихомирова, Я. В. Борисовъ*.

Редакторъ *Д. И. Тихомировъ*.

НОВЫЯ КНИГИ:

изданіе Дм. Ив. ТИХОМИРОВА.

Д. И. Тихомировъ. Изъ исторіи родной земли. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. Мин. Нар. Просв. допущена въ бібліотеки начальныхъ училищъ и въ сельскія народныя бібліотеки.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Разсказы и сказки для дѣтей младшаго возраста: Старый воробей, Пріемышь, Пстойко, Сѣрая шейка, Упрямый козель, Медвѣдка, На пути, Елка, Зеленая война, Лѣсная сказка, Искорки.

Изданіе со многими картинками. Въ папкѣ ц. 75 к., въ бумажкѣ—60 к.

Его же: Ахъ-Бовать. Разск., съ картинками худ. *А. Степанова*. Изящн. изд., ц. 30 к.

Его же: 1) Земля не принимаетъ. 2) Ангелочка. Ц. 10 к.

Его же: Послѣдняя треба. Ц. 10 к.

Б. Глисмій. Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографическій очеркъ, съ ил. словіемъ *В. П. Острогорскаго* и приложеніемъ воспоминаній *Потанина*. Ц. 50 к.

Выписывающіе изъ редакціи за пересылку не платятъ.

Въ редакціи «НАУЧНАГО ОБОЗРѢНІЯ» и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ принимается подписка на новое изданіе и сочиненіе М. Филиппова

ФИЛОСОФІЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

(СИСТЕМА КРИТИЧЕСКАГО РЕАЛИЗМА).

Предметъ сочиненія—*критическое* изложеніе наиболѣе общихъ результатовъ современнаго знанія о человѣкѣ, обществѣ и природѣ. Заглавіе оправдывается тѣмъ, что авторъ коснется важнѣйшихъ задачъ, входящихъ въ новѣйшія философскія системы и составляющихъ, по его мнѣнію, научные вопросы теоріи познанія и этики. Отношеніе автора къ *субъективному* принципу опредѣляется тѣмъ, что категорію должнаго и нравственнаго онъ считаетъ необходимымъ выводить не изъ личныхъ идеаловъ (хотя неизбѣжно входящихъ въ каждое изслѣдованіе), но изучая *развитіе личности* въ исторіи человечества. Лишь такое изученіе позволяетъ, по его мнѣнію, слѣдить нѣкоторыя предсказанія относительно вѣроятнаго хода развитія личности и общества въ будущемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ извѣстное руководство для поведенія современной личности.

Полное сочиненіе составитъ два тома. Первый томъ составитъ около 640 страницъ, съ рисунками въ текстѣ, таблицами и картами. *Подписная цѣна* на первый томъ 5 р. (съ перес. 6 р.).

По выходѣ въ свѣтъ перваго тома цѣна его будетъ увеличена до 7 р. (съ пер. 8 р.). *Каждый томъ представитъ собою самостоятельное цѣлое* и будетъ продаваться отдѣльно. Первый томъ выйдетъ выпусками, каждый въ 10 печ. листовъ. Второй томъ будетъ озаглавленъ: „ФИЛОСОФІЯ ИДЕАЛА“.

Выпуски отдѣльно не продаются. Для подписчиковъ „Научнаго Обозрѣнія“, при обращеніи въ редакцію, допускается разсрочка (3 руб. при подпискѣ, затѣмъ 2 руб. и 1 руб. на перес. по полученіи *первыхъ двухъ* выпусковъ).

Книгопродавцамъ, доставляющимъ подписку, уступка 30 коп. съ тома.

1-й выпускъ выйдетъ въ концѣ октября настоящаго года, остальные послѣдуютъ, примерно, черезъ каждые два мѣсяца, такъ что все сочиненіе въ 2 томахъ изъ 8 выпусковъ будетъ окончено печатаніемъ въ полтора года.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Подписная цѣна на годъ 7 руб. (за границу 10 руб.), на полгода 4 руб., на четверть года 2 руб.

ПРИЛОЖЕНІЯ: книги Рибо, проф. Гейера, *Происхожденіе видовъ* Дарвина и др.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Литейный пр., д. 51, кв. 24.

Въ книжномъ магазинѣ „РУССКОЙ МЫСЛИ“

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

Тригорій Москвитинъ.

„ПРАКТИЧЕСКІЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КРЫМУ“.

4-е изданіе.

1895 годъ.

Цѣна въ коленкоровомъ переплетѣ 1 руб.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. ФЕНУ И К^о

(С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій пр., 40)

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ, МЕЖДУ ПРОЧИМЪ, СЛѢДУЮЩІЯ НОВЫЯ КНИГИ:

- Ауэрбахъ, Эрмута. Разсказъ. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Биллусъ, А., д-ръ. Философія ѣды. Популярное изложене. Спб., 1895 года. Ц. 1 р. 50 к.
- Востовъ, С. Р. Какъ сдѣлать простой фонографъ и микрофонъ. Москва, 1895 г. Ц. 35 к.
- Буанъ, Э. Гальванопластика, никелирование, золочене, серебрене и электрометаллургія. Съ 26 рисунк. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Гертцъ, Т. Вексельный курсъ и лажъ. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Гейдичъ, П. П. Китайскія тѣни. Романъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Деларозъ, П. Очеркъ исторіи личности въ древне-римскомъ гражданскомъ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Денисьевскій, М. М. Примѣненія электричества къ домашнему быту. Изд. 4-е исправ. и дополн. Съ 70 рисунками. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Домашнія заготовки. Соленья, маринады, варенье. Руководство для молодыхъ хозяекъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Югай, Мавръ. 20,000 лѣтъ подо льдомъ. Романъ. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Керхнеръ, Ф. Исторія философіи въ древнѣйшаго до настоящаго времени. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Кольцовъ, А. В. Стихотворенія и письма. Полное собраніе. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Леббокъ, Джонъ. Идеалы жизни. Умѣнье жить разумно и съ пользою. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Лучинскій, И., проф. Провѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
- Малайкъ, Эр. Профессиональные рабочіе союзы. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Марлиттъ, Е. Вторая жена. Романъ. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Мариссио и Нахра. Простое устройство электрическихъ часовъ и будильниковъ. М., 1895 г. Ц. 35 к.
- Михневичъ, Н. П. Исторія военного искусства съ древнѣйшихъ временъ до начала XIX ст. Спб., 1895 г. Ц. 4 р.
- Нетисса, М. Способы воздухомасщевія комнатныхъ акваріумовъ. Съ 37 пол. въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Новая хрестоматія для старшаго отдѣленія начальныхъ училищъ и явншихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составлена кружкомъ учительницъ подъ редакціей В. А. Воскресенскаго. Изд. 2-е исправ. и доп. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Оксеновъ, А. Полевые цвѣты. Сборникъ пѣсенъ нашихъ писателей, съ биогр. очерками. М., 1895 г. Ц. 80 к.
- Проблески. Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Цѣло, Жюль. Воспитаніе воли. Перев. съ французскаго. Спб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Рагсвикъ, Е. Е. Желѣзо и уголь на югѣ Россіи. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.
- Рахмановъ, М. Сборникъ образцовыхъ игръ, занятій и забавъ въ комнатѣ и на воздухѣ для дѣтей всѣхъ возрастовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Рихтеръ, В. Учебникъ неорганической химіи. Спб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Сефронъ, А. Шесть лѣтъ въ домѣ графа Льва Николаевича Толстого. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
- Снегиревъ, Д. Ѡ. Жизнь и смерть Сократа, разсказанныя Ксенофонтомъ и Платономъ. Съ 3 рис. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Спутникъ велосипедиста. Иллюстрированное изданіе И. А. Сеглина. Состав. извѣст. спортсменами-велосипедистами Ѡ. Кавскимъ, М. Городицкимъ, В. Бѣлоусовымъ и др. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Третья. Фотоколографія. Практическое руководство для фотографовъ и любителей. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Фену, Н. Начала французскаго языка. Разговорная рѣчь, чтеніе и письмо. Изд. 5-е. 1895 г. Ц. 60 к.
- Чеховъ, А. Островъ Сахалинъ. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Шараповъ, С. Пособіе молодымъ хозяевамъ при устройствѣ ихъ хозяйствъ на новыхъ началахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Шелгуновъ, Н. В. Сочиненія. 2 т. Изд. 2-е. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.
- Шредеръ, Р. И. Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и за границей. Изд. 4-е. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шрекнигъ, Е. Ѡ. Иванъ Ѡехоровъ, міонеръ просв. великой Руси. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.

Пересылка—по вѣсу и разстоянію. Частнымъ лицамъ—съ наложеннымъ платежомъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Н А

НОВОЕ РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ“**Юганна Шерра**

въ двухъ объемистыхъ томахъ, со множествомъ гравюръ и картинъ, печатанныхъ черною и цвѣтными красками, портретовъ, автографовъ, факсимиле и отдѣльныхъ приложеній. Всѣ клише для этого прекраснаго изданія заказаны издателями для художественнаго выполненія въ Штутгартъ (Германія). Переводъ сдѣланъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ примѣчаніями **П. И. Вейнберга.**

Отдѣлы русской и славянской литературы будутъ обработаны болѣе подробно и самостоятельно.

Изданіе будетъ выходить выпусками съ 15 іюля 1895 г. и закончится весною 1896 г. Всѣхъ выпусковъ будетъ **20**, что составитъ два большихъ тома, около **1,000** страницъ.

Подписная цѣна на всѣ 20 выпусковъ:

Съ доставкою и пересылкою . . . . . **8** руб.

Безъ доставки . . . . . **6** »

По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.

Допускается расрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ до 1 августа **два** рубля, а затѣмъ ежемѣсячно по **одному** рублю до уплаты полной стоимости.

Подписка принимается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и въ конторахъ объявленій **Н. М. Печниковой.**

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться исключительно къ издателю, книгопродавцу **Д. В. Байкову, Москва, Никольская.**

Издатели Д. В. Байковъ и К^о

По соглашенію редакціи
„НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ“
 и редакціи журнала **„РУССКАЯ МЫСЛЬ“**,

въ книжномъ магазинѣ журнала «РУССКАЯ МЫСЛЬ» В. М. Лаврова
 принимается подписка на

„Настольный Энциклопедическій Словарь“

изд. Т-ва Гранатъ и К^о.

Настольный Энциклопедическій Словарь сост. всего 8 томовъ, 105—115 выпусковъ
 (10,500 столбцовъ убористой печати).

Въ настоящее время вышло 7 томовъ (до слова Славянскъ). Все изданіе будетъ за-
 кончено въ теченіе 1895 г. Съ 1-го марта 1895 г. цѣна всему изданію повышена:
 экземпляръ на обыкновенной бумагѣ стоитъ безъ перепл. 37 руб., въ изящныхъ ко-
 ленкорovýchъ перепл. 40 руб. Цѣна экземпляру на лучшей бумагѣ остается безъ из-
 мѣненія: 44 руб. 80 коп. безъ перепл. и 48 руб. въ переплетѣ. За пересылку при-
 плачивается 10 коп. на каждый рубль стоимости.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

служащіе въ казенныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ вносятъ одновре-
 менно ПЯТЬ рублей и, представивъ удостовѣреніе о нахожденіи на службѣ, немед-
 ленно получаютъ шесть томовъ, а остальную сумму уплачиваютъ ежемѣсячными взно-
 сами по ДВА рубля.

Въ виду того, что „Снимковъ съ картинъ классическихъ художниковъ“ (4 серіи
 по 9 снимковъ) остается лишь сравнительно небольшое количество, таковыя будутъ
 выдаваться только лицамъ, подписавшимся на изданіе до 1 февраля 1895 г.

МОСКОВСКІЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго

Общества для распространенія Св. Писанія въ Россіи

ПРЕДЛАГАЕТЪ:

Евангелія, Новые Заветы, Псалтыри и Библии

на русскомъ и славянскомъ языкахъ.

Всѣ книги въ хорошихъ переплетахъ и съ указателемъ церковныхъ чтеній
 (за исключеніемъ Евангелія по 2 коп.).

Книги общество продаетъ ниже стоимости.

Евангелія—по 2 к., 5 к., 15 к., 20 к., 30 к., 40 к., 60 к. и 2 р. 50 к.
 Новые Заветы—по 30 к., 45 к., 60 к., 80 к., 90 к., 1 р. и 1 р. 70 к.
 Псалтыри—по 7 к., 10 к. и 30 к. Библии полныя славянскія—по
 1 р. 75 к. и 3 р. 60 к. Библии полныя русскія—по 3 р., 3 р. 50 к.
 и 5 р. съ золот. обрѣзомъ.

Желающихъ приобрести просятъ обратиться въ складъ общества: Москва,
 Красносельскій рынокъ, д. № 8, или кіоскъ у Ильинскихъ воротъ.

Завѣдывающій складомъ И. К. Голубевъ.

XIV. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванюкова . . .	160
XV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	180
XVI. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Положеніе объ учрежденіяхъ мелкаго кредита. — Преобразование административнаго строя въ сибирскихъ губерніяхъ.—Можетъ ли это преобразование обнови сибирскую жизнь? — По вопросамъ школьнаго дѣла. — Дѣло Келлера; его важное общественное значеніе. — Женскій медицинскій институтъ. — <i>Московскія Вѣдомости</i> въ роли покровителя національнаго труда.—Отъ московскаго комитета грамотности.	188
XVII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.— Публицистика.— Психологія.— Исторія и мемуары.— Географія.— Статистика.— Технические книги.— Сельское хозяйство.— Медицина.— Искусство.— Книги для дѣтей и учебники.— Изданія для народа.— Справочныя книги. II. Периодическія изданія: «Русское Богатство», июнь. — «Вѣстникъ Европы», июль — июль. — «Русскій Вѣстникъ», июль. — «Сѣверный Вѣстникъ», июль. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюля по 1 августа 1895 г.	373
XVIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ	431

„Русская Мысль“.

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Условія подписки на 1895 годъ

(шестнадцатый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „	50 к. —

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка; при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 юля и 1 октября по 3 руб.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годового экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну адреса взимается слѣдующая плата: при переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе, а равно иногороднихъ въ городскіе уплачивается по 50 коп. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разица подписной цѣны на журналъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—уголь Леонтьевского пер. и Большой Никитской ул., д. № 2—24.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К^о, Невскій просп., домъ Армянской церкви.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

При книжномъ магазинѣ «Русская Мысль» В. М. Лаврова принимается подписка на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты.

Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

